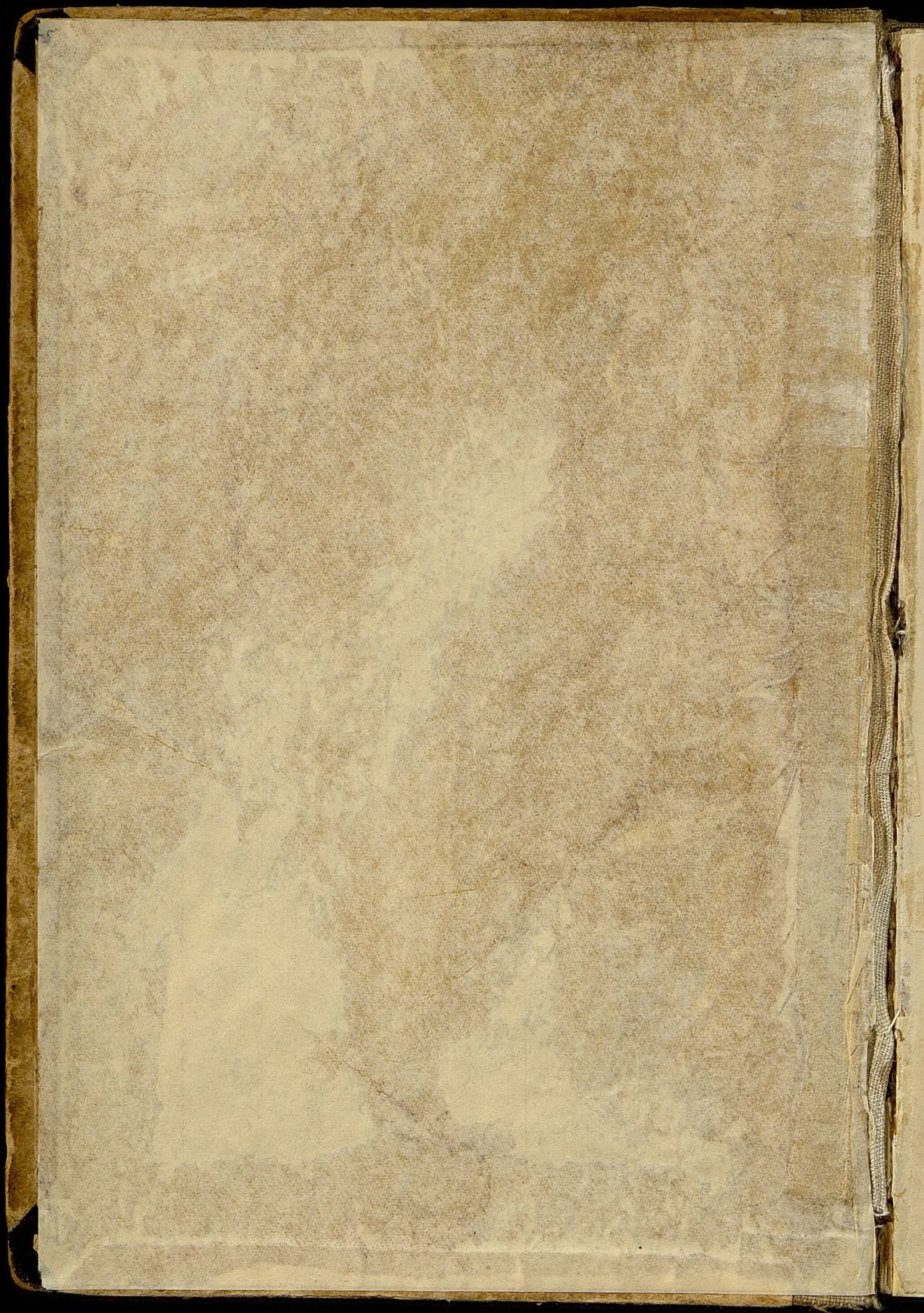

ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ՊԵՐՏԻՆԻԱՆ

137

Н.А.БОРЯКОВСКИЙ

П. 2010

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННАЯ
УЧЕБНО-НАУЧНАЯ

И.А. БОГАТЫР

II 2010

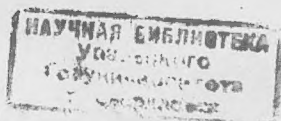

Книжный и музыкальный магазинъ
ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО
въ Кіевѣ, Крещатики № 29.

L15(2-1)
C 232

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 24 Апрѣля 1899 года.

1190280

Типографія и фото-цинкографія С. В. Кульженко. Ново-Елисавет. ул., д. № 4.

По рисунку худ. Лебедева.

Александр Пушкин

По рисунку худ. А. Брюллова.

Александр Пушкин

Предисловіе.

*„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрѣвскою столпа.“*

*Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ заветной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тѣмънѣй ублажитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.“*

*Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ;
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ и другіе степей—калмыкъ.“*

*И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.“*

*Вельнѣю Божію, о Муза, будь послушна;
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету преемлю равнодушно
И не оспаривай клевету.“*

евольно вспоминается „Памятникъ“ генія—поэта, обезсмертившаго свое имя геніальнымъ творчествомъ въ области человѣческой рѣчи,—неволью вспоминается именно теперь, когда вся образованная и вообще книжная Русь чувствуетъ столѣтній день рожденія А. С. Пушкина. Правъ былъ поэтъ, когда, воодушевленный, онъ прозрѣвалъ въ будущемъ свое значеніе среди многихъ великихъ сыновъ великой Руси. Прошло едва сто лѣтъ со дня рожденія поэта—творца современной русской рѣчи, прошло едва 62 года со дня смерти его, когда на вѣкъ замолкла его лира, будившая добрыя чувства,—а имя Пушкина стало уже давно славнымъ, „слухъ“ о немъ прошелъ уже по всей великой Руси, слово его проникаетъ всюду, гдѣ слышалась и начинаетъ еще только слышаться русская рѣчь. Въ

непрестанномъ теченіи временъ, среди бурь и непогодъ, въ постоянной смѣнѣ лицъ и настроеній,—то возвышавшихся, то падавшихъ, то увлекавшихъ, то отвращавшихъ—имя А. С. Пушкина не только не умаляется, но все болѣе и болѣе растетъ и встаетъ предъ его потомками, какъ маякъ, указывавшій и указывающій новый путь на поприщѣ литературы, на поприщѣ развитія русской письменной рѣчи.

Великій художникъ могучаго, гибкаго, гармоничнаго русскаго языка, но поработеннаго до него или невѣжествомъ, или рабскою подражательностію чуждымъ формамъ чужихъ языковъ, или увлеченіемъ чуждыми мыслями и настроеніемъ, А. С. Пушкинъ далъ силы этому языку сбросить съ себя оковы рабства, влилъ въ него такъ много свѣжаго, роднаго, захватывающаго русскую душу не только содержаніемъ своимъ, но и самою формою, облакающею это содержаніе, что наша родная рѣчь быстро воспрянула и нѣтъ, кажется, никакой въ мірѣ силы, которая могла бы теперь преградить широкой путь неизсякаемому источнику нашей живой и литературной рѣчи, все болѣе и болѣе совершенствующейся. За Александромъ Сергѣевичемъ явился на Руси цѣлый сонмъ русскихъ писателей, одинъ другого превосходящихъ на славномъ поприщѣ воспитанія народа, и завѣты генія, рановременно сошедшаго съ земнаго поприща, свято хранить и до сего времени весь литературный русскій міръ, да и будетъ всегда хранить. И будетъ славенъ великій поэтъ, „доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пійтъ“!

Не одни поэты и вообще художники русскаго слова помнятъ и будутъ помнить имя великаго русскаго поэта. Его помнятъ и будутъ помнить всѣ русскіе люди, всѣ находящіеся подъ русскою державою народы, успѣвшіе уже вкусить отъ книжной премудрости или только еще намѣревающіеся приступить къ этому неоцѣнимому благу. Возьмите любую книгу для чтенія, по которой учатся въ низшихъ школахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—и вы увидите, что нѣтъ ни одной такой книги, въ которой бы не было стихотвореній Пушкина, приведенныхъ какъ образцы высокохудожественнаго творчества, какъ примѣры, объясняющіе законы построенія русской рѣчи, какъ примѣры и

образцы высшихъ мыслей и чувствъ, достойные подражанія. И съ дѣтскихъ лѣтъ русскій человѣкъ,—въ школѣ и дома, сознательно и безсознательно *заучиваетъ Пушкина*, проникается его мыслями и думами, вступаетъ въ обладаніе его живою, то игривою, то возвышенною, торжественною рѣчью. И сказка о царѣ Салтанѣ, о рыбацѣ и рыбкѣ, и чудная „Полтава“—все, данное лирой Пушкина, усваивается, изучается учащимися и учащими, и все это изучаемое и усвояемое служить источникомъ „чувствъ добрыхъ“, „милости къ падшимъ“, „славы“, „свободы“ бессмертнаго духа человѣческаго, вѣчно парящаго къ Первообразу своему—Отцу Небесному, источникомъ чувствъ патріотическихъ. Съ развитіемъ школьнаго дѣла на Руси, съ распространеніемъ по всѣмъ уголкамъ Русской земли школъ для народа—воспитательное вліяніе Пушкина все болѣе и болѣе будетъ расти, а „нерукотворный памятникъ“, созданный имъ для себя, станетъ превыше многихъ другихъ памятниковъ.

Современное культурное человѣчество, останавливаясь въ глубокой думѣ о пройденномъ пути своей жизнедѣятельности и о задачахъ наступающаго, видимо начинаетъ отдавать преимущество тѣмъ дѣяніямъ человѣческимъ, которыя вели и ведутъ человѣчество къ мирнымъ успѣхамъ въ области умственнаго и нравственнаго совершенствованія, которыя утверждали и утверждаютъ царство мира и свободы человѣческихъ не на грозныхъ орудіяхъ смерти или разрушенія, а на развитіи словомъ и дѣломъ „добрыхъ чувствъ“, на пѣсняхъ „о свободѣ“ духа человѣческаго, на проповѣди о любви и милости евангельской къ падшимъ. Вотъ почему въ настоящее время образованные люди стали такъ чутки ко всякаго рода торжествамъ; въ которыхъ слышится и видится торжественная пѣснь мирнымъ успѣхамъ лучшихъ человѣческихъ качествъ на поприщѣ науки, религіозно-нравственнаго совершенствованія, промышленности и вообще—всѣхъ видовъ дѣятельности, въ которой видно торжество духа, торжество правды, добра и красоты.

Вотъ и мы, русскіе люди, теперь имѣемъ возможность присутствовать при необыкновенно оживленныхъ приготовленіяхъ къ торже-

ственному празднованію столѣтняго дня рожденія А. С. Пушкина. Отовсюду слышатся призывы такъ или иначе почтить память нашего великаго поэта; отовсюду несутся вѣсти и о способахъ этого почтенія.

Кіевское Педагогическое Общество, преисполненное высокаго чувства уваженія къ памяти величайшаго русскаго поэта, ставшаго *постояннымъ учителемъ и воспитателемъ всей русской земли*, предприняло съ удовольствіемъ, при содѣйствіи С. В. Кульженко, изданіе „Сборника статей объ А. С. Пушкинѣ“. Сборникъ имѣетъ въ виду—дать, насколько возможно, полную и общедоступную характеристику А. С. Пушкина и его произведеній. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ статей, уже имѣвшихъ въ виду при составленіи „Сборника“, не могли войти въ него по краткости времени, находившагося въ распоряженіи авторовъ.

Чистая прибыль отъ изданія предназначается на образованіе особаго фонда для стипендіи имени А. С. Пушкина въ среднеучебныхъ заведеніяхъ г. Кіева для дѣтей членовъ Кіевского Педагогическаго Общества.

Такимъ назначеніемъ послѣднее надѣется наилучше, въ доступной, конечно, для него области, достигнуть главной цѣли чествованія памяти А. С. Пушкина—увѣковѣчить его имя, сдѣлать его „славнымъ“ и „любезнымъ“ юношеству и всему русскому народу. Учителю изящнаго, пѣвцу и насадителю среди многихъ поколѣній русскаго народа гуманности издатели своимъ „сборникомъ“ хотятъ принести хоть одинъ камешекъ для того великолѣпнаго, величественнаго неувещественнаго памятника, который ставитъ ему русская земля, празднующая столѣтіе

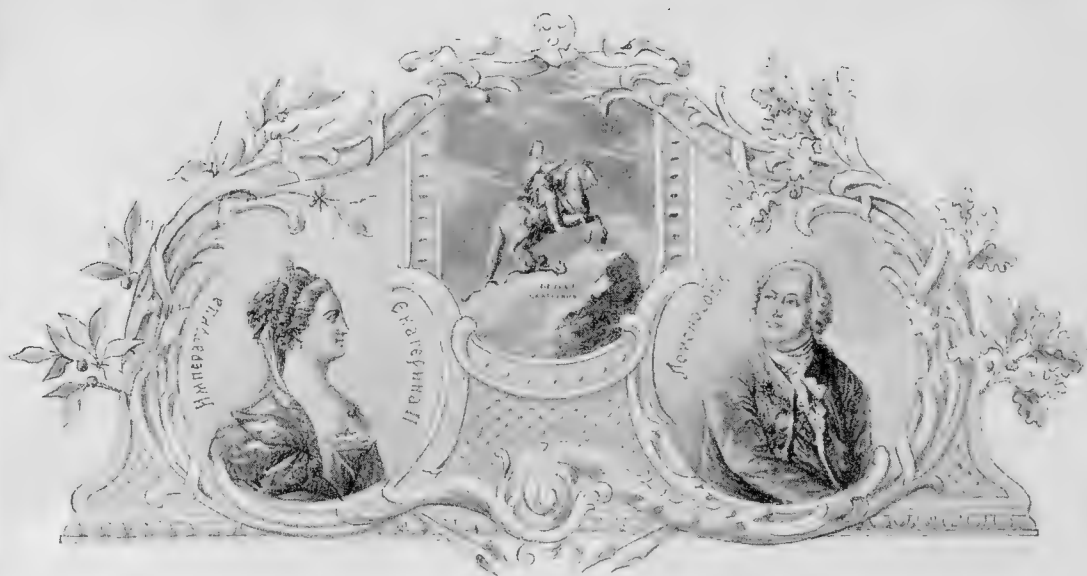
26 Мая 1899 г.

М. Тугвишевъ
Президетель П. П. П. О.

С. Кульженко
Издатель.

У КОЛЫБЕЛИ

ПУШКИНА.

I.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, еще на школьной скамьѣ отличенный Державинымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ, на двадцать первомъ году своей жизни считался „юнымъ гигантомъ въ словесности нашей“; а въ 1824 г. одинъ изъ критиковъ писалъ, что „Пушкина по справедливости можно назвать первымъ русскимъ поэтомъ нашего времени“, и притомъ поэтомъ оригинальнымъ: „достоинство чрезвычайно важное!“ Словомъ, къ тридцатымъ годамъ, по признанію самихъ же современниковъ Пушкина, „лучшіе критики наши давно отдали ему вѣнокъ первенства передъ всѣми русскими новѣйшими поэтами... всѣ называли его гениемъ“.

Пушкинъ, Протей

Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ
пѣснопѣній!

Уши закрой отъ похвалъ и сравненій

Добрыхъ друзей:

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!

Байрона гений, иль Гете, Шекспира,
Гений ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинство русскаго духа
и міра,
Пой намъ по-своему, русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты пѣвецъ *несравненный!*

Такъ отозвался Гнѣдичъ на сказки Пушкина.—Исторія оправдала подобные отзвы и набросила покровъ забвенія на сужденія въ родѣ слѣдующаго, высказаннаго современникомъ Пушкина, но повторявшагося въ иной формѣ и много позднѣе:

„Хотя Пушкинъ оригиналенъ, но оригинальность его не принесетъ такихъ плодовъ, какіе принесла оригинальность Байрона. Есть и будетъ множество подражателей Пушкина (несносное племя!), но не будетъ слѣдствія Пушкина, какъ онъ самъ есть слѣдствіе Байрона. Пушкинъ плѣнилъ, восхищалъ своихъ современниковъ, научилъ ихъ писать гладкіе, чистые стихи, далъ имъ почувствовать сладость нашего языка, но не увлекъ за собою своего вѣка, не установилъ законовъ вкуса, не образовалъ своей школы, какъ Байронъ и Гете“.

Сколько правды и пониманія было въ этомъ приговорѣ, показали слова такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, которые признавали себя учениками Пушкина и для которыхъ „Пушкинъ—отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ—отецъ науки въ Россіи“. Конечно, и до Ломоносова русскіе люди занимались трудами, носившими извѣстный научный характеръ; но въ трудахъ этихъ, за исключеніемъ богословскихъ, не было системы, взаимной и преемственной связи, а также органической связи съ общимъ ходомъ русской жизни ихъ времени. Были и до Пушкина богатая письменность и многочисленныя литературныя произведенія, но старое преданіе реформою Петра I было отвергнуто, а новое слабо прививалось и долго еще не могло ни стереть старое, ни слиться съ нимъ. Такого сліянія двухъ началъ, равно необходимыхъ для правильнаго развитія русской жизни и литературы, удалось достигнуть лишь Пушкину, въ художественныхъ обра-

захъ котораго впервые общечеловѣческое достояніе стало русскимъ не по одному названію только, а національное русское было возведено на степень общечеловѣческаго. Поэтому и поклонники старыхъ, до-Петровскихъ началъ русской жизни, и сторонники новизны съ полнымъ правомъ отыскивали у Пушкина *свое*, хотя уже совсѣмъ не съ такимъ правомъ пытались зачислить поэта въ ряды исключительно одной какой-нибудь партіи, только умаляя этимъ значеніе его.

Въ выработкѣ основъ русской жизни и литературы всего послѣ-Петровскаго времени, XVIII в. имѣлъ громадное значеніе, и самъ Пушкинъ за разъясненіемъ многихъ современныхъ ему явленій въ русской жизни и литературѣ обращался къ этому вѣку. Теперь не рѣдки замѣчанія, что и многое въ послѣ-Пушкинской Россіи, даже такое, что представлялось-было исключительнымъ достояніемъ позднѣйшаго времени, коренится именно въ XVIII в. Поэтому, быть можетъ, не лишнимъ окажется у колыбели величайшаго поэта нашего вѣка припомнить, чѣмъ былъ для обоихъ истекшій вѣкъ.

Свое и чужое, старое и новое издавна встрѣчались на Русь. Заря нашей исторіи занималась при участіи норманновъ; къ норманнамъ присоединились, а затѣмъ и смѣшались другія западныя племена. Съ юга шло вліяніе Византіи и южныхъ славянъ, которое долго оставалось преобладающимъ; не обошлось и безъ вліянія Востока. Претвореніе всего приносимаго на Русь извнѣ не могло обойтись безъ борьбы (вспомнимъ хотя бы введеніе христіанства), но борьба была глухая и не изъ упорныхъ и выдержанныхъ, такъ что Русь сравнительно легко поддавалась чужеземному. Лишь съ XVI в. замѣчается обостреніе борьбы, и Москва начинаетъ истово оберегать свое старое достояніе отъ чужого, отъ новшествъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи борьба еще болѣе усиливается и порождаетъ расколъ. Наконецъ, высшаго напряженія она достигаетъ при Петрѣ Великомъ. Новшества на этотъ разъ одержали рѣшительную и окончательную побѣду; Россія волею и неволею начинаетъ устранивать свою жизнь совершенно по-новому. Россіяне облачаются въ новые костюмы, что какъ бы служитъ символомъ обновленія, и вся Россія получаетъ новую форму, въ видѣ различныхъ учреж-

деній: военно-морскихъ, административныхъ, учебныхъ и др. Водворяется вскорѣ официальная наука съ Академіей Наукъ во главѣ.

Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ внесли въ русскую литературу не только новыя формы, но и новое содержаніе, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи наибольшая заслуга принадлежитъ Ломоносову и Сумарокову.

Еще совсѣмъ недавно было въ буквальныймъ смыслѣ прописною моралью слѣдующее: „Братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: „вѣси ли всю фѣлософію?“ И ты ему рцы: „еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не чтахъ, ни съ мудрыми фѣлософы не бывахъ,—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“. И эту-то „еллинскую борзость“ и „суетную прелесть“ Ломоносовъ стремился положить въ основу всего строя русской жизни. И въ одахъ, и въ рѣчахъ на случай, и въ похвальныхъ словахъ Ломоносовъ ратуетъ именно за науку, проводя въ жизнь научныя положенія, разсѣивая ненаучныя заблужденія. Сравните съ только что приведенной сентенціей древнерусскаго книжника извѣстный Ломоносовскій гимнъ въ честь науки, гимнъ, который можетъ быть эпиграфомъ ко всей его дѣятельности!

Не такъ глубоко, но зато, пожалуй, шире и разнороднѣе было вліяніе другого западника—Сумарокова, Россійскаго Расина и Мольера, Вольтера то жъ. Вольтерьянцемъ, однако, Сумароковъ былъ въ той мѣрѣ, въ какой самъ Вольтеръ сохранялъ традиціи французскаго классицизма и былъ продолжателемъ Корнели и Расина. Вольтеръ, какъ представитель освободительной фѣлософіи XVIII в., Вольтеръ, отецъ энциклопедистовъ, нашелъ себѣ послѣдователей въ Россіи уже въ эпоху Екатерины II. Французская литература просвѣщенія въ Россіи пріобрѣтаетъ въ эту пору громадную популярность, о которой нѣкоторое представление можно составить по одному количеству переводовъ. Переводится разомъ чуть не весь Вольтеръ и Руссо; появляются на русскомъ языкѣ труды Д'Аламбера, Гельвеція, Монтескье, Мармонта, Мерсье, Бомарше и др.

Не менѣе богата была р. литература переводами другихъ зап.-евр. мыслителей и писателей. Интересно, что переводы появлялись не въ однѣхъ только столицахъ: Гельвеція, напр., переводятъ въ Тамбовѣ, Бомарше въ Ярославлѣ и изд. въ Калугѣ, Мармонтеля въ Смоленскѣ, а Попа даже въ Яссахъ. Тамбовскій помѣщикъ Рахманиновъ переводилъ и печаталъ Вольтера въ своей типографіи. Директоръ Казанской гимназіи Вережкинъ собирался перевести и напечатать всю Энциклопедію.

А вотъ данныя другого рода, также свидѣтельствующія объ авторитетѣ разсматриваемой литературы.

„Не могу я не повторить тѣхъ же самыхъ словъ“, писала Вольтеру Екатерина II: „которыя уже стократно говаривала, что никто до Васъ не писалъ такъ, какъ Вы, и что сомнительно, чтобы кто-нибудь и послѣ Васъ могъ сравняться съ Вами“. Ср. другой отзывъ ея о Вольтерѣ: „Быть ходатаемъ за родъ человѣческій и защитникомъ угнетаемой невинности, это такія рѣдкія дѣянія, кои заслуживаютъ безсмертное имя и рождаютъ къ Вамъ неизгласимое почтеніе. Вы противоборствовали всѣмъ совокупившимся врагамъ человѣковъ: суевѣрію, изступленію, невѣжеству, ябедѣ, безсовѣстнымъ судьямъ и той власти, которая раздроблена по разнымъ рукамъ. Для преодоленія сихъ препонъ многія качества и добродѣтели потребны; и Вы показали, что ихъ имѣете, по колѣнку побѣдили“.

И не одна Екатерина такъ увлекалась Вольтеромъ. Сочиненіями его, какъ и вообще энциклопедистовъ, увлекались, иной разъ до какого-то почти обожанія, люди всевозможныхъ слоевъ общества: представители высшей аристократіи, офицеры, помѣщики, писатели, разночинцы.

Княгиня Дашкова въ запискахъ говоритъ, что чтеніе энциклопедистовъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ было ея любимымъ занятіемъ и что соч. Гельвеція „О духѣ“ она прочитала 2 раза, чтобы лучше вникнуть въ его содержаніе. Извѣстный Лопухинъ также признается, что до того, какъ стать масономъ, онъ охотно читалъ „Вольтеровы насмѣшки, Руссовы опроверженія, Систему природы Гольбаха и даже перевелъ приложенное къ ней сочиненіе Морелли „Уставъ природы“.—Вольтеръ былъ излюбленнымъ авторомъ безызы-

вѣстнаго въ свое время типографщика Селивановскаго. Жихаревъ въ Запискахъ рассказываетъ объ одномъ майорѣ, который бредилъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и въ ихъ сочиненій не находилъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія. Чуть кто начнетъ говорить иное—куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта; не даетъ слова выговорить!—Да читали ли Вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?—Не читалъ и читать не хочу, и не буду!...

Радищевъ и его русскіе сотоварищи по Лейпцигскому университету „учились мыслить по книгѣ Гельвеція о разумѣ“, а исторію изучали по сочиненіямъ Мабли. Эти студенты за границей забывали даже родной языкъ.

Д. В. Дашковъ находить, что „самые недостатки Вольтера плѣнительны...“ „Мнѣ досадно, замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ, что ты обижаетъ Вольтера, говоря, что онъ упалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ругаетъ своихъ противниковъ... остерегайся, мой другъ, судить такого человѣка, который, конечно, достоинъ нашего почтенія и благодарности“. Имя Вольтера стало нарицательнымъ для обозначенія учителя вообще: припомните, какъ Скалозубъ у Грибоѣдова собирается дать фельдтфебеля въ Вольтеры.

Д'Аламбера Екатерина звала въ Петербургъ быть воспитателемъ Павла Петровича, а Дидро въ 1762 г. предлагала доканчивать энциклопедію въ Петербургѣ и затѣмъ неоднократно выказывала ему свое вниманіе, расположеніе и поддержку; Дидро гостилъ въ Петербургѣ.

Орловы и Разумовскій приглашали Руссо жить у нихъ въ Россіи. Паломничество къ Вольтеру и энциклопедистамъ считалось обязательнымъ для русскихъ путешественниковъ.

Если такъ популярны были писатели литературы просвѣщенія, то неудивительно, что ихъ идеи широко распространены были въ р. литературѣ и въ обществѣ.

Посылая Наказъ Фридриху II-му, Екатерина Великая признается, что „большая часть Наказа заимствована изъ *Духа Законовъ* президента Монтескье и изъ *Преступленій и Наказаній* Беккарин“. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Императрицы ведется всецѣло въ духѣ началъ освободительной философіи. Опорный пунктъ послѣдней—увѣ-

ренность во всемогущемъ значеніи разума; что не отвѣчало разумнымъ основаніямъ, какъ ихъ понимали въ то время, все это отрицалось, какъ негодное, какъ вредное суевѣріе, какъ предразсудокъ. Все, что казалось неразумнымъ въ р. жизни, будь то наслѣдье грубой старины или бессмысленное увлеченіе Западомъ, подвергается осмѣянію и исправленію въ произведеніяхъ передового русскаго бойца освободительной фп-лософіи—Императрицы Екатерины II, за которой слѣдовали, подчасъ еще гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе, сатирическіе журналы, Фонвизинъ, Радищевъ, и др. дѣятел. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда наши писатели XVIII в. относились критически къ ученію французскихъ философовъ просвѣщенія, они не отрицали значенія этихъ послѣднихъ и зачастую продолжали ихъ дѣло, какъ то и сами отмѣчали. Такъ, *Жизнописецъ* называетъ Вольтера „славнымъ, прорицанищемъ нашего вѣка“, а Руссо — „образцемъ славнѣйшій въ нашемъ вѣкѣ челоувѣческія мудрости“. Другой журналъ Новикова, который вообще былъ далеко не безусловнымъ поклонникомъ Вольтера, *Школющійся Трудолюбецъ*, возставаъ противъ фанатизма и суевѣрія, не забываетъ упомянуть того, кто такъ сильно и неустанно боролся съ ними: „Кто бы ни былъ Вольтеръ, хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не извинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ“.

Наряду съ сатирой, у русскихъ писателей XVIII в. мы находимъ образы возвышенныхъ духомъ героевъ, разумныхъ правителей, идеалы добра, правды, терпимости—въ духѣ вообще западнаго просвѣщенія и освободительной философіи въ частности.

Но идеалы не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности; въ нашей жизни не все подчиняется требованіямъ чистаго разума и не все можетъ быть вдругъ перестроено на этихъ новыхъ, разумныхъ началахъ: въ результатъ—скептицизмъ, который, напимѣръ, такъ неотдѣлимъ отъ міросозерпанія Вольтера и который нашелъ себѣ жпвой отзвукъ и у насъ. А скептицизмъ, въ соединеніи съ матеріализмомъ, приводитъ нерѣдко къ тому, что является своего рода легкомысленнымъ отношеніемъ къ предметамъ, заслуживающимъ иного. Эта

темная сторона западныхъ теченій мысли нашла и у насъ замѣтное отраженіе, къ сожалѣнію,—тѣмъ бѣльшее, что русское общество того времени, по своей малой образованности, не всегда было способно хорошенько выскнуть въ глубь того, что находилось подъ неизбѣжной при сильномъ движеніи пѣной. Въ запискахъ современниковъ, въ литературныхъ произведеніяхъ русскихъ мы нерѣдко наталкиваемся на неособенно пристойныя шутки, фривольныя, а часто и вовсе циническія выходки, взгляды, гдѣ матеріализмъ уже граничитъ съ отрицаніемъ всего.—Къ этому необходимо еще прибавить анакреонтизмъ, привитый р. литературѣ Кантемиромъ, Ломоносовымъ и Державинымъ, а также ту струю эротической легкомысленной или грубочувственной поэзіи, которую можно начинать съ *Душеньки* Богдановича.

Еще хуже было то, что съ поклоненіемъ дѣйствительнымъ гениямъ Запада шло рука объ-руку поклоненіе вообще всему западному, въ частности французскому. И, опять въ силу малоразвитости русскихъ того времени, это поклоненіе сводилось въ большинствѣ случаевъ къ подражанію виѣшнимъ манерамъ иностранцевъ, къ усвоенію парижскихъ модъ въ платьѣ, болтовнѣ и образѣ жизни; обыкновенно, у такихъ русскихъ парижанцевъ желаніе во всемъ напомнить французамъ соединялось съ поразительнымъ, полнѣйшимъ презрѣніемъ ко всему русскому, или въ лучшемъ случаѣ—высокомѣрнымъ игнорированіемъ его. Получился типъ, достаточно извѣстный по сатирическимъ описовкамъ его въ р. литературѣ XVIII в., какъ Иванъ въ *Бригадирѣ* Фонвизина, Фирлюфюшковъ у Екатерины II, щеголи и щеголихи сатирическихъ журналовъ. По этимъ же произведеніямъ можно составить представленіе и о той средѣ, гдѣ развивались такіе типы, и о ближайшихъ насадителяхъ подобнаго западничества—иностранцахъ воспитателяхъ большинство которыхъ, дѣйствительно, было плохо. Въ Россію (говоритъ въ своихъ запискахъ Сегюръ), пріѣзжало множество негодныхъ французовъ, искателей приключеній, камеръ-юнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество.... Русскіе съ непонятной безпечностью принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ

никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи.

Наивно-грубоватые вначалѣ, легко выдававшіе свое невѣжество, русскіе парижанцы со временемъ явились въ болѣе блестящемъ видѣ, образцемъ чего были между прочимъ отецъ и дядя Александра Сергѣевича Пушкина: они „получили полное французское воспитаніе, писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы, и сами могли бойко разсуждать о серьезныхъ вещахъ съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдняго прочитаннаго романа или гдѣ-нибудь перехваченнаго сужденія. Никто больше ихъ не ревновалъ и не хлопоталъ о русской образованности, подъ которой они разумѣли много разнообразныхъ предметов: сближеніе съ аристократическими кругами нашего общества и поддѣлку подъ ихъ образъ жизни, составленіе важныхъ связей, перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, поддержку литературныхъ знакомствъ и добываніе чрезъ ихъ посредство слуховъ и новинокъ для неумолкаемыхъ бесѣдъ, для умноженія шума и говора столицы. Къ числу необходимостей своего положенія причисляли они и ухаживаніе за всякой своей и иностранной знаменитостью, и проч.“

Прекрасной иллюстраціей къ этой характеристикѣ можетъ служить шутливое описаніе путешествія Василя Львовича Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, написанное Дмитриевымъ за три дня до путешествія; по словамъ Александра Сергѣевича, здѣсь „съ удивительной точностью изображены весь В. Л.“

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе,
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Лицеѣ, въ Пантеонѣ.
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью своему:

Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мемелюковъ,
Сіеса, Вестрпса, Мерсье,
Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара,
Фонтаня, Герля, Легуве,
Актрису Жоржъ и Фіеве;
Всѣ тропки знаю булевара,
Всѣ магазины новыхъ модъ....

Въ Лондонѣ:

XX въ короткомъ фракѣ
Въ Вестминстерѣ, свернувшись въ комъ,
Предъ урной Попа бьетъ челомъ.
Въ ладоши хлопаетъ на скачкѣ,
Спокойно смотритъ сквозь очковъ
На стычку Фокса съ Шериданомъ,
На бой зазорныхъ пѣтуховъ,
Иль дога съ яростнымъ кабаномъ....
Сегодня на корабль отдамъ
Всѣ, всѣ мои приобрѣтенія
Въ двухъ знаменитѣйшихъ странахъ!
Я внѣ себя отъ восхищенья:
Въ какихъ явлюсь я сапогахъ!
Какіе фракъ, панталоны!
Всеми новѣйшіе фасоны.
Какой прекрасный выборъ книгъ, и т. д.

У КОЛЫБЕЛИ

ПУШКИНА.

(Продолженіе).

II.

Въ днимъ изъ проявленій русскаго западничества XVIII в., не менѣе характернымъ, чѣмъ вольтерьянство, было масонство; въ послѣднемъ искали противоявѣса заблужденіямъ разсудочной филозофіи—и запутались въ мистикѣ, которая въ концѣ прошлаго столѣтія почти вполне овладѣла масонскимъ обществомъ, и въ заключеніи дошла до невообразимаго тумана, фантазерства и шарлатанства.

Но за этими крайностями масонства виднѣются и стремленія иного рода. Не одной алхиміей занимались масоны; они думали не о томъ лишь, чтобы добыть жпзненный элекспръ и способъ дѣлать золото: завѣты нравственнаго самосовершенствованія, братской любви, взаимной духовной и матеріальной помощи входили въ масонскія правила и осуществлялись на дѣлѣ; стоитъ вспомнить такихъ масоновъ, какъ Шварцъ, И. В. Лопухинъ, Гамалѣя. Эта то сторона масонства привлекла и Новикова.

Мысли о самопознаніи и просвѣщеніи, которое удовлетворяло бы не только умъ, но и сердце человѣка, не угащало бы духа его, волновали Новикова еще въ первый пе-

ріодъ его журнальної дѣятельности на страницахъ *Трута* и *Животисца*, когда онъ то искалъ опоры въ западномъ просвѣщеніи, подавляемый родной обстановкой, то обращался къ родной старинѣ и народности, неудовлетворяемый и западными учителями, и еще болѣе—русскими карикатурами на нихъ. Такъ, въ *Животисцѣ* встрѣчается такой разсказъ: „я увидѣлъ вдали огромные храмы; но лишь только сталъ приближаться къ одному изъ нихъ, то встрѣтили чрезвычайно ласково какъ меня, такъ и другихъ для богомолія идущихъ людей, мудрецы, которые то Французскими, то Русскими выраженіями по физикѣ доказывали, что солнце, луна, звѣзды, земля, и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія. Многіе изъ тѣхъ, которые твердо знали Французскій языкъ, принимали доказательства ихъ за справедливыя, и, не входя во храмъ, возвращались домой съ сердцами гордыми, памятозлыми, и равномѣрно, какъ на друзей, такъ и на недруговъ своихъ неугасимою ненавистью пылающими. Другіе, напротивъ того, не слушали мечтательныхъ и богопротивныхъ ихъ доказательствъ, но проходили, оглядываясь на нихъ съ презрѣніемъ, во внутренность храма. Съ симъ послѣдними вошелъ и я, и, имѣя покорное сердце къ существу непостижимому для разума человѣческаго, безднами заблужденія окруженнаго, со слезами просилъ, дабы обратилъ на путь истинный“...

На почвѣ стремленій, выраженіемъ которыхъ явился приведенный отрывокъ, и развилось масонство Новикова. Какъ и ранѣе, такъ и ставъ масономъ, Новиковъ не отрицаетъ просвѣщенія. „Причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ есть невѣжество, а совершенства—знаніе. Но, можетъ быть, скажутъ покровители и защитники необдѣланной грубости, что мы видимъ весьма многихъ ученыхъ, которые болѣе предаются порокамъ и заблужденію, нежели самые грубые невѣжды, и что вся мерзость, какая только находится на земномъ шарѣ, да и самое невѣріе, или безбожіе, суть плоды учености. Такъ, конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ“, и связаннаго съ этимъ непониманія, гдѣ истинная наука. Къ разъясненію смысла истинной науки и распространенію истиннаго просвѣщенія

и направлены всѣ труды Новикова во вторую половину его дѣятельности. Въ *Утреннемъ Свѣтѣ*,—журналѣ, которымъ Новиковъ началъ эту половину своей дѣятельности, задачи журнала такъ опредѣляются: „Мы оставимъ парикмахерамъ, портнымъ и изобрѣтательницамъ модъ украшать наружность“ нашихъ соотечественниковъ; „оставимъ искуснымъ врачамъ имѣть попеченіе о пользованіи ихъ тѣлесныхъ болѣзней; но души и духъ ихъ да будутъ единственными предметами нашими; имъ-то врачеваніе, украшеніе и т. п. предлагать станемъ“. Человѣкъ, по словамъ *Утренняя Свѣта*, есть истинное средоточіе сей сотворенной земли и всѣхъ вещей.... Ничего (нѣтъ) прензящнѣе, величественнѣе и благороднѣе человѣка и его отъ Источника благъ происходящихъ свойствъ“. Блаженство человѣка въ немъ самомъ, или, выражаясь словами оды Майкова, помѣщенной въ названномъ журналѣ:

Если малымъ кто доволенъ,
Кто не гордъ, спокоенъ, воленъ,
Тотъ есть счастливъ человѣкъ.

Человѣкъ счастливъ и въ оковахъ, если добродѣтеленъ и „искусенъ въ знаніяхъ“.

Изъ внѣшняго міра только одна природа доставляетъ человѣку истинныя, возвышенныя наслажденія; въ описаніи природы журналъ доходитъ почти до пантеизма, а изображенія жизни среди природы въ немъ отличаются весьма замѣтнымъ сентиментально-идиллическимъ характеромъ.

Эти нравственные и литературныя взгляды Новикова заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что не безъ вліянія ихъ складывалось міровоззрѣніе самаго характернаго и замѣчательнаго западника послѣдняго десятилѣтія минувшаго столѣтія—Карамзина.

Какого рода было это вліяніе, можно судить по замѣчанію Дмитріева, встрѣтившагося съ Карамзинымъ послѣ вступленія въ Новиковскій кружокъ: „Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой пылкой черкешенки, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламен-

нымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ человѣка“. Природная чувствительность, склонность къ сентиментализму, художественное чутье Карамзина получили прочное обоснованіе въ нравственно-философскихъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Новиковскаго кружка. Подъ вліяніемъ этого кружка Карамзинъ переводитъ поэму Галлера „О происхожденіи зла“, сопровождая переводъ знаменательными примѣчаніями; въ нихъ обнаруживается то же самоуглубленіе, исканіе счастья внутри себя и на лонѣ чистой природы, какими проникнута была дѣятельность Новикова и его друзей масоновъ (причемъ, однако, въ такомъ исканіи истины Карамзинъ не дошелъ до мистическихъ крайностей, въ какія приходилось подчасъ впадать и Новикову). И позднѣе, эпиграфомъ для своихъ *Писемъ р. путешественника* Карамзинъ выбираетъ двустипіе:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Подобно самому Новикову, Карамзинъ требуетъ, чтобы наука и философія не возвышали одной стороны человѣческой природы и чтобы нравственное воспитаніе было положено въ основу всего. Съ этой точки зрѣнія, не отрицая значенія Вольтера, какъ замѣчательнѣйшаго представителя разума, защитника угнетенныхъ, могучаго борца противъ вѣковыхъ предрасудковъ, Карамзинъ предпочитаетъ ему Ж. Ж. Руссо, который и Новиковскому кружку былъ близокъ, какъ противникъ разсудочной философіи и выразитель тѣхъ новыхъ идей о воспитаніи, какимъ служилъ кружокъ изданіемъ „Дѣтскаго Чтенія“ и другихъ педагогическихъ сочиненій. Но если эта педагогическая дѣятельность, въ которой Карамзинъ принималъ участіе, сближала его съ Руссо, то еще болѣе сблизило обоихъ писателей преклоненіе предъ природой и чистотой жизни, близкой къ природѣ. Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу названной поэмы Галлера Карамзинъ пишетъ: „Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни ихъ (альпійскихъ пастуховъ), въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ счастливыхъ часто побуждало меня восклицать: „О смертные! почто уклонились вы отъ начальной невин-

ности своей, почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ?!“ Въ періодъ *Писемъ р. путешественника*, Руссо для Карамзина—„величайшій изъ писателей осьмого на десять вѣка, старецъ великой души, глубокомыслія, пріятной задумчивости“, авторитетъ, „который сильно дѣйствовалъ на его сердце, которому онъ обязанъ многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей, котораго душа отчасти перешла въ его собственную душу“.

Однако, и за Руссо не до конца пошелъ Карамзинъ. Въ періодъ сильнѣйшаго увлеченія ученіемъ Руссо онъ назвалъ было современное ему просвѣщеніе мнимымъ и отложилъ въ сторону тѣ возраженія противъ извѣстнаго парадокса Руссо о наукахъ, какія набрасывалъ до 1784 г.; но къ 1793 г. старыя сомнѣнія возникаютъ съ новой силой, и Карамзинъ печатаетъ *Ничто о наукахъ*, гдѣ уже сознается, что „счастливая Аркадія есть лишь пріятный сонъ, восхитительная мечта воображенія“, и подобно Новикову, заблужденія наукъ отдѣляетъ отъ самихъ наукъ, предметъ коихъ „есть истина“. Науки и искусства—„плодъ *природныхъ* склонностей и дарованій человѣка“, а потому они необходимы даже съ точки зрѣнія Руссо, требовавшаго вниманія къ голосу природы. Истинное просвѣщеніе не ведетъ насъ ко злу, ибо оно есть „палладіумъ благонравія“, и вѣнцомъ всѣхъ наукъ является „мораль, изъ наукъ важнѣйшая!“.

Слава Вольтера и Руссо не помѣшала Карамзину разглядѣть и оцѣнить по достоинству многія другія явленія западной жизни, особенно нѣмецкой и англійской, что опять не безъ отношенія къ взглядамъ Новиковскаго кружка.

Нападая на одностороннее увлеченіе Западомъ, безпощадно осудивши галломанію русскаго общества, Новиковъ сочувственно отзывался объ англичанахъ и нѣмцахъ, которые де „русскихъ не обманываютъ и обходятся съ ними правдиво и честно“. Въ одной изъ статей Новиковскаго журнала 1774 г. нѣмецъ изображенъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ, честнымъ и трудолюбивымъ, не имѣющимъ сословныхъ предразсудковъ, цѣнящимъ добрыя свойства русскаго характера и негодующимъ на обманы француза. Позднѣе, въ

Утренней Свѣти превозносятся хозяйство, свобода, добродушіе и умъ англичанъ. Замѣчательно, что въ томъ же журнальѣ проводится мысль о пользѣ путешествій и о пользѣ сближенія народовъ; путешествіе есть какъ бы завершеніе образованія, и только образованный и развитый человѣкъ извлечетъ изъ него настоящую пользу, сумѣя всюду отмѣчать хорошее и дурное. Карамзинъ осуществилъ эту мысль—и вернулся типичнымъ западникомъ, доходившимъ до полнаго космополитизма, въ ущербъ національности. Здѣсь Карамзинъ уже разошелся съ Новиковымъ, который, если и бывалъ космополитомъ, то лишь въ мистическомъ экстазѣ, а Карамзинъ къ мистицизму чувствовалъ отвращеніе. Новиковъ не закрывалъ глазъ на темныя стороны современной ему и прошлой р. дѣйствительности, „когда древнія русскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царями, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключались въ свѣтцахъ; когда разные меды и вино пивали ковцами; когда женились, не выдавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкались въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубахъ или, изъ особеннаго благочестія, живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуется нынѣ варварствомъ“. Но подъ этимъ варварствомъ Новиковъ вскрывалъ много прекрасныхъ качествъ, которыя ему дороги, какъ русскому человѣку, и которыя онъ желалъ бы видѣть развитыми и укрѣпленными на почвѣ недостающаго русскимъ правильнаго просвѣщенія. Карамзину же до всего прошлаго нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, и онъ готовъ отказаться отъ своей народности, чтобъ быть *человѣкомъ* вообще. „Всѣ жалкія *Гереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физиогноміи, или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше. Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума

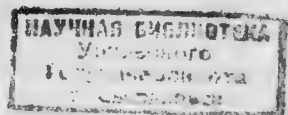
и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ“.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Карамзинъ не могъ стать вождемъ національнаго движенія XVIII в., хотя въ то же время онъ такъ расчистилъ дорогу для этого движенія, какъ, быть можетъ, никто другой. Именно, онъ окончательно подорвалъ въ Россіи значеніе французскаго классицизма, задерживавшаго всякое развитіе національныхъ литературъ, и указалъ образцы иного рода, даже такіа, въ которыхъ могло безпрепятственно сливаться достоинство родной старины и народности съ тѣмъ, что было общечеловѣческаго у чужихъ.

1752286
Ко времени Карамзина повсюду въ З. Европѣ авторитетъ французской классической драмы былъ подорванъ авторитетомъ Шекспира; начало увлеченію на континентѣ Европы Шекспиромъ было положено Вольтеромъ, который вскорѣ самъ испугался тѣхъ размѣровъ, которые приняло это движеніе, и пытался остановить его не всегда даже приличными выходками противъ Шекспира—но тщетно!

Вскорѣ у старыхъ французскихъ классиковъ появился новый врагъ. На мѣсто старой трагедіи съ ея героями, представлявшими олицетвореніе необычайныхъ добродѣтелей или пороковъ, выдвигается, особенно трудами Дидро и Лессинга, получившая начало въ Англіи драма изъ окружающей насъ обыденной жизни—т. н. семейная трогательная драма, мѣщанская трагедія, или слезная комедія.

Эти движенія не минули Россіи. Въ Россіи Шекспиръ былъ извѣстенъ еще Сумарокову; но послѣдній, подобно Вольтеру, признавая Шекспира великимъ, въ меньшей степени считалъ его „непросвѣщеннымъ“, требующимъ весьма основательнаго исправленія во вкусѣ французскихъ классиковъ. Приблизительно такъ же смотрѣла на Шекспира Екатерина II.

Карамзинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности отнесся критически къ нападкамъ Вольтера на Шекспира, и въ предисловіи къ переводу *Юлія Цезаря* отзывается о Шекспирѣ, какъ о глубокомъ знатокѣ человѣческаго сердца и удивительномъ живописцѣ природы. То же повторяетъ онъ въ стихотвореніи *Поэзія*, 1787 г.

Шекспиръ, Натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ ко всѣмъ великимъ тайнамъ рока
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные въ жизни!—
„Всѣ башни, конхъ верхъ скрывается отъ глазъ
Въ туманѣ облаковъ; огромные чертоги
И всякой гордой храмъ исчезнутъ, какъ мечта,—
Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ“—
Но ты, великій Мужъ, пребудешь незабвенъ.

Поклонникъ природы и чувства, Карамзинъ не могъ не отозваться и на глубоко поэтическія, торжественно-печальныя народныя кельтскія поэмы, изданныя Макферсономъ подъ названіемъ поэмъ Оссіана и облетѣвшія всю Европу:

Британія есть мать Поэтовъ величайшихъ.
Древнѣйшій Бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,
Оплакивалъ друзей, героевъ, въ битвѣ падшихъ,
И тѣни ихъ къ себѣ изъ гроба вызывалъ.
Какъ шумъ морскихъ валовъ, носяся по пустынямъ
Далеко отъ береговъ, уныніе въ сердцахъ
Внимающихъ родитъ: такъ пѣсни Оссіана,
Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ.
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!

Такъ восклицаетъ молодой авторъ *Поэзии*. Два года спустя онъ печатаетъ первую русскую балладу, въ подражаніе испанскимъ романсамъ, а въ 1791 г. выходитъ въ свѣтъ баллада *Раиса*, явившаяся первообразомъ *Мальвины Жуковского* и другихъ подобныхъ сентиментально-романтическихъ произведеній:

Во тѣмѣ ночной ярилась буря,
Сверкаль на небѣ грозный лучъ;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

* * *

Нигдѣ не видно было жизни,
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ;
Раиса, бѣдная Раиса
Скиталась въ темнотѣ одна...

* * *

Раиса покинута жестокимъ, невѣрнымъ Кронидомъ, убѣжавшимъ отъ нея съ Людмилою, и въ отчаяніи

Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

* * *

Гимнъ Оссіану и эти баллады явились въ Россіи первыми звуками того колокола, подъ звонъ котораго былъ похороненъ у насъ классицизмъ.

Не такъ рѣшительны заслуги Карамзина въ области мѣщанской драмы, потому что эта послѣдняя привилась въ Россіи еще до Карамзина. Еще Сумароковъ жаловался, что „ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій“ и грозитъ затемнить славу Расина и Мольера; а Лукинъ даже пытался на почвѣ мѣщанской драмы создать національную рус-

скую комедію. Лукинъ возмущался обычными въ ту пору „русскими“ комедіями, гдѣ дѣйствующія лица носили имена Клитандровъ, Дорантовъ, Циталидъ и ничего общаго не имѣли съ нашею дѣйствительностью—да и ни съ какою другою тоже. „Французы, англичане, нѣмцы и прочіе народы, театры имѣющіе, держатся всегда своихъ образцовъ, копихъ они и изображаютъ, а чужихъ изрѣдко, да и то побочно вводятъ; для чего же и намъ своихъ не держаться?“ справедливо замѣчалъ Лукинъ.

Норвежскія ладьи.

У КОЛЫБЕЛИ

ПУШКИНА.

(Окончаніе).

III.

Едѣ недостатокъ дарованія помѣшалъ Лукину представить на сценѣ „свои образцы“, родные типы и нравы, но мысль его не заглохла и получила блестящее осуществленіе у Фонвизина, впрочемъ въ рамкахъ старой, Сумароковской комедіи. Въ *Бригадирѣ* и *Недорослѣ* Фонвизинъ, отчасти на основаніи собственныхъ наблюденій, а еще болѣе по чертамъ, разбросаннымъ въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII в., съ такою яркостью и мѣткостью описывалъ характерныя черты русской жизни того времени, что несмотря на условность построенія пьесъ и нѣкоторую карикатурность въ изображеніи отдѣльныхъ лицъ, современники узнавали въ нихъ себя, а исторія закрѣпила за ними значеніе типовъ и собственные имена сдѣлала нарицательными прозвищами.

Любопытно при этомъ, что типы, въ родѣ бригадирши съ мужемъ, Простаковыхъ съ дворней, производятъ впечатлѣніе чего-то замѣчательно близкаго автору; осмѣивать ихъ онъ осмѣиваетъ, а въ то же время иной разъ въ душѣ, если не сочувствуетъ имъ, то хотя входитъ въ ихъ положеніе;

во всякомъ случаѣ, эти герои и героини Фонвизина оказываются не вовсе отрицательными или смѣшными, а въ одномъ случаѣ бригадирша явилась даже выше добродѣтельной Софьи, себялюбиво отвергнувшейся отъ страданія другихъ.

Здѣсь сказалаь другая сторона русской жизни XVIII в., которая долго смиренно уживалась рядомъ съ показнымъ европеизмомъ русскаго общества, а къ разсматриваемому времени не только проявилась въ литературѣ, но даже вступила въ открытую борьбу съ западниствомъ.

Не говоря о массѣ простого народа, купечества, самое дворянство русское, обрѣтое и наряженное „по нѣмецкому манюру“, въ частномъ быту еще жило въ значительной степени непосредственною народною жизнью, по традиціямъ добраго стараго времени. По воспоминаніямъ Данилова, тетюшка его со своимъ племянникомъ, школьный учитель Данилова—понамарь Филиппъ Брудастый, это такія лица, для которыхъ новыя вѣянія почти не существовали. Школъ было совсѣмъ мало, а хорошихъ—и того меньше; пріѣзжіе воспитатели иностранцы далеко еще не удалили со сцены доморожденныхъ воспитателей—мамушекъ, нянюшекъ, дядекъ, которые сознательно и безсознательно съ пеленокъ вводили своихъ питомцевъ въ кругъ народной жизни съ ея складомъ, обрядами, повѣрьями и т. п. Фонвизинъ рассказываетъ, что даже взрослымъ онъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній, полученныхъ имъ въ дѣтствѣ отъ сказочника-мужика; о подобномъ же фактѣ говоритъ въ своихъ запискахъ Толубѣевъ. Державинъ учился рисовать по лубочнымъ изображеніямъ богатырей. Сверстниками и товарищами барчагъ были дворовые ребяташки, и напримѣръ, двоюродный братецъ Болотова находилъ „невѣдомо сколько удовольствій“ въ народныхъ играхъ и забавахъ.

Народная старина, обряды и пѣсни, сказки жили въ народѣ полною жизнью и были знакомы всему русскому обществу, даже у престола. Елизавета Петровна сама сочиняла романсы въ духѣ народныхъ пѣсень, да и Екатерина II любила народные повѣрья; Порошинъ рассказываетъ, какъ на святкахъ при дворѣ „золото хоронили“, „заплетися плетень“ пѣли, по-русски плясали.

Богатое рукописное наслѣдье старой письменности не только было извѣстно и, видимо, цѣнилось въ XVIII в., но даже увеличивалось.

Судя по записямъ на рукописяхъ, эти послѣдніе читались и списывались людьми всякихъ сословій; рукописи принадлежали людямъ по тогдашнему образованнымъ—гвардейскимъ и армейскимъ офицерамъ, мелкимъ военнымъ чинамъ (какіе проходили тогда и дворяне), чиновникамъ, затѣмъ, купцамъ, посадскимъ людямъ и, наконецъ, крестьянамъ.

Для характеристики тогдашнихъ вкусовъ небезынтересенъ фактъ, что, напримѣръ, сохранились двѣ рукописи, писанныя рукою нѣкоего Янькова, изъ которыхъ одна содержитъ сборникъ русскихъ пословицъ, а другая—нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. „Образованный москвичъ половины прошлаго вѣка сохранялъ, очевидно, живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственной рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго исторію“.

Подъ давленіемъ такихъ явленій и въ связи съ пасторальнымъ западно-европейскимъ народничаніемъ, привитымъ литературѣ отчасти Тредьяковскимъ, а главнымъ образомъ чувствительными Сумароковскими романами и пѣсенками—приторными поддѣлками подъ народныя пѣсни, развилась разнообразная литература, начатая *Россійской универсальной грамматикой* Курганова, 1869 г., получившей въ послѣдствіи громкую извѣстность подъ именемъ Письмовника. Представляя по своему назначенію и плану нѣкоторое подражаніе подобному же изданію Семенова, 1764 г., *Грамматика* Курганова неизмѣримо превосходитъ его богатствомъ и, главное, народностью своего содержанія. Это была цѣлая литературная энциклопедія, авторъ которой старался удовлетворить новымъ литературнымъ теченіямъ, но еще болѣе не забыть и старыхъ: въ ней помѣщены были пропозведенія Кантемира, Ломоносова, Сумарокова—и школьные канты, „кіево-калѣкскіе“ стихи, народныя пѣсни, а также „Краткія замысловатыя повѣсти“, „Древнія апооегмы“ (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 г.), наконецъ, „Сборъ разныхъ

пословицъ и поговорокъ“. По мнѣнію одного авторитетнаго нашего ученаго, Письмовникъ позднѣе занялъ почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской“ литературѣ именно благодаря своимъ апооегмамъ, повѣстямъ, да народнымъ пѣснямъ и поговоркамъ. Но не безынтересными и для современниковъ Курганова были произведенія родной словесности старой, если вслѣдъ за Универсальной Грамматикой появился цѣлый рядъ *Пѣсенниковъ*, въ которыхъ народная пѣсня завоевала даже первое мѣсто. Таковы *Пѣсенники* Чулкова, переизданные Новиковымъ, Прача, Дмитріева и мн. др. Лучшій и наиболѣе типичный сборникъ Чулкова представляетъ, выражаясь словами самого составителя, собраніе „пѣсенъ разнаго содержанія“, какъ искусственныхъ, преимущественно любовныхъ, такъ и чисто народныхъ. Послѣднихъ было много, особенно обрядовыхъ и бытовыхъ, извлеченныхъ Чулковымъ изъ старыхъ рукописей. Въ „Предувѣдомленіи“ Чулковъ говоритъ: „Сколько я трудился въ собраніи этихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ искусство находить я почти во всякой пѣснѣ, такъ что нигдѣ ни стиха, ни рѣмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку“... Впрочемъ, догадки и исправленія Чулкова въ области народныхъ пѣсенъ были скромны. Не такъ были сдержаны многочисленные послѣдователи Чулкова. Напр., М. Поповъ, тоже жаловавшійся на „безграмотность писцовъ“, отъ которыхъ многія пѣсни „пре-терпѣли гнусное себѣ превращеніе“, поступалъ такъ: „по учиненіи онымъ (т. е. народнымъ пѣснямъ) изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, попытался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласіе и мѣру во стихахъ, но и представлялъ оныя въ оныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало“. Замѣчательно, однако, что даже М. Поповъ нѣкоторые народныя пѣсни оставилъ вовсе безъ поправокъ, пбо, говоритъ онъ, „древность нарѣчія и естественная простота выраженій идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ“. Если при такомъ, въ сущности, вѣрномъ

опредѣленіи значенія произведеній народной словесности эти послѣднія не всегда печатались съ вѣрностью оригиналу, то причиною здѣсь, кромѣ неисправностей рукописей, съ которыхъ они печатались,—самая цѣль изданій: доставить читающей публикѣ пріятное и полезное развлеченіе; народныя пѣсни оказались для этой цѣли такъ же пригодными, какъ и модные романы того времени—и они печатались наравнѣ съ послѣдними. Но становясь на одну доску съ литературными произведеніями, народныя пѣсни неминуемо должны были и сами примѣняться къ литературнымъ правиламъ и вкусамъ.

Чулкову же принадлежитъ первое изданіе сказокъ, сдѣланное, по всѣмъ вѣроятіямъ, на основаніи рукописнаго матеріала. На бѣду, издатель взялъ за образецъ Парижскую и Берлинскую Виблюотеки романовъ и повѣстей, что привело почти къ полному уничтоженію бытовой окраски сказокъ и народнаго міросозерцанія. Романы и сказки, говоритъ Чулковъ, „оставили намъ вѣрнѣйшія начертанія древнихъ каждой страны народовъ и обыкновеній.... и я издаю сіи сказки Русскія съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имѣющихъ время собрать все оныхъ множество, чтобъ составить Виблюотеку Русскихъ романовъ“. Но подъ вліяніемъ своихъ западныхъ образцовъ Чулковъ не только произвольно обращался съ содержаніемъ печатаемаго, придавая ему фантастическій характеръ волшебныхъ рыцарскихъ романовъ и превращая русскихъ богатырей въ галантныхъ паладиновъ, но даже „во удовольствіе любителямъ сказокъ включилъ здѣсь таковыя, которыхъ никто еще не слыхивалъ“.

Подобныя же литературныя отзвуки народной сказки и пѣсни представляютъ произведенія, въ родѣ *Добрыни, богатырской пѣсни* Львова, *Пльи Муромца, богатырской сказки* Карамзина, немного позднѣйшихъ *Богатырскихъ повѣстей въ стихахъ* про Алешу Поповича и Чурилу Пленковича, Николая Радищева; наконецъ, у Державина, кромѣ мелкихъ стихотвореній въ народномъ духѣ, находимъ *Добрыню, Царьдѣвицу, Новгородскаго волява Злогора*,—произведенія, содержаніе которыхъ взято изъ народныхъ преданій, пѣсенъ и об-

ставлено сказочными подробностями. Правда, дѣйствительной народности въ этихъ произведеніяхъ найдется очень и очень мало, но и это немного дорого, какъ начатки искусственныхъ поэмъ въ народномъ духѣ. Здѣсь именно мы встрѣчаемся съ первымъ проявленіемъ того, что далъ намъ Пушкинъ, котораго *Русланъ и Людмила* находится въ прямой связи съ поэмами Радищева и сказкою Карамзина.

Народная окраска, въ своемъ подлинномъ или подкрашенномъ видѣ, становится модной въ литературѣ, причемъ понятіе народности углубляется и не ограничивается соблюденіемъ извѣстной виѣшней обстановки дѣйствія, а простирается на выраженіе народнаго духа, міровоззрѣнія; мало по малу хранители и хранительницы народныхъ началъ русской жизни выдвигаются на первый планъ и даже прямо противопоставляются западникамъ. Характернѣйшимъ образомъ этого является комедія *Русскій Парижанецъ*, гдѣ въ противовѣсъ пустому щеголю Франколюбу выдвинутъ герой слѣдующаго склада: Русалей, таково имя его, воспитывался по старинѣ и былъ матушкинымъ сыномъ:

.....Я подъ матушкою росъ.

Какъ птичка по утру прочистишь только ность,

Анъ тутъ и ситникъ ужъ, и молочко готово;

А тамъ пшеничнаго,—такъ и пошелъ здорово,

Хоть сучку погонять, или хотъ въ городки,

Пль въ сванчку; а тамъ готовы ужъ блинны,

Ватрушки, соченьки, а и еще съ припіокой...

Зато, смотри, каковъ я сталъ въ плечахъ широкой!

Кромѣ матери за Русалеемъ ходила въ дѣтствѣ няня, Мартыновна, которая примѣты, сны и все т. п. умѣла толковать, причемъ по словамъ Русалея „не умѣла врать: ужъ какъ скажетъ что, то какъ положить въ руку“.

Весь міръ для Русалея дѣлится на русскихъ и не русскихъ, которыхъ онъ по старому всѣхъ называетъ нѣмцами:

Не русскихъ Русалей всѣхъ нѣмцами зоветъ

И чести надъ Москвой Парижу не даетъ.

Такъ же, по старинному, „нѣмцевъ“ онъ даже не считаетъ за людей:

Что пса, что нѣмца вѣдь не пустятъ въ церковь къ намъ,
Такъ какъ же нѣмцевъ васъ не приравнять ко псамъ!

Общее заключеніе о Русалей такого рода:

Не спору: Русалей имѣетъ предразсудки,
Не ставитъ колдовства за плутни и за шутки,
Бойся чорта онъ; но раны въ груди
Явятъ, что не бывалъ въ сраженьяхъ позади;
Воюя съ Прусакомъ, онъ не боялся смерти,
Хоть здѣсь у насъ въ дому его путаютъ черти.
Онъ честенъ, справедливъ, незлобивъ, милосердъ,
Хорошій братъ, сынъ, другъ, во обѣщаньяхъ твердъ;
Всѣ качества сіи суть Русака прямого.

Отмѣченная комедія представляетъ передѣлку одной иностранной пьесы, и такимъ образомъ противопоставленіе Франколюбу Русалея не оригинально по замыслу, но оно отъ этого не теряетъ значенія, такъ какъ не является случайнымъ, не имѣющимъ внутреннихъ связей съ строемъ русской жизни; оно между прочимъ поразительно сходится съ взглядами кн. Щербатова, Болтина, Крылова, отчасти Фонвизина, взглядами, представлявшими явленіе р. жизни и глубокое и вполнѣ самобытное.

На взглядъ кн. Щербатова, извѣстнаго историка-публициста того времени, западное просвѣщеніе для Россіи—это источникъ всякихъ бѣдъ и полного разложенія общества, особенно кореннаго сословія его, опоры отечества,—стариннаго дворянства. Старина представляется Щербатову хранительницею истинныхъ доблестей, и Москва, какъ хранительница старины, „купно нравственныхъ добродѣтелей и блаженства Россіи“, особенно дорога ему. Поэтому, о реформѣ Петра I кн. Щербатовъ отзывался такъ: „Хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ

и вѣсь въ дѣлахъ; войски ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, которыми силами побѣдила давнихъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныя области и морскія пристанищи; науки и художества и ремеслы въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались Россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали общительнѣе, и позорищи благонравныя извѣстны имъ училились: но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденно, и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста“.

Попутнымъ сравненіемъ исторіи русской и западной Болтинъ не только снимаетъ съ русскихъ упрекъ въ варварствѣ, отсталости отъ З. Европы, но подвергаетъ сомнѣнію и самую пресловутую цивилизацію Запада, отмѣчая тамъ недостатки еще покрупнѣе и поважнѣе русскихъ. И Фонвизинъ въ письмахъ изъ-за границы приходитъ къ выводу, что „славны бубны за горами“, а люди вездѣ люди и у насъ ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Возди движенія—„Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны“, пишетъ Фонвизинъ: „какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и флософомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе“.

Если все это такъ, то нечему намъ учиться у Запада, нечего тамъ перенимать; а слѣдовательно, общественные и литературные взгляды, подобные тѣмъ, какіе проводилъ Карамзинъ въ своихъ изданіяхъ конца XVIII в.—ошибочны, даже бессмысленны и вредны,—вредны потому, что въ погонѣ за Западомъ мы только растеряемъ свои природныя блага. Съ этой точки зрѣнія и отнеслись къ Карамзину Крыловъ и его сотрудники по журналамъ, въ которыхъ писалъ Крыловъ. Талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ на-

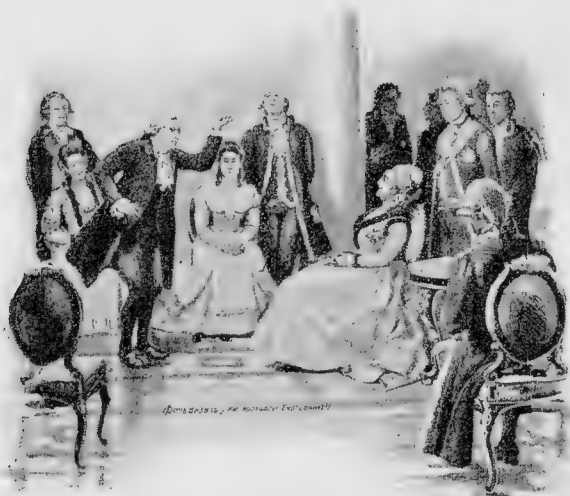
родный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, Крыловъ не могъ сочувствовать Карамзину, воспитавшемуся на почвѣ иностранныхъ литературъ. Предпочтеніе родному образованности, выработанной на Западѣ, сентиментализмъ и слогъ, нарушавшій традиціи, освященныя годами и авторитетомъ Ломоносова, строгая и свободная критика³⁾, предпочтеніе Шекспира и нѣмецкихъ писателей французскимъ классикамъ, подрывавшее значеніе и російскихъ Расиновъ, Мольеровъ, Пиндаровъ и т. п.—все это встрѣтило со стороны Крылова и единомышленниковъ его неодобреніе, принимавшее иногда довольно рѣзкій характеръ, какъ можно судить по сатирѣ Крылова: „Похвальная рѣчь Ермолафиду“; Ермолафидъ не кто другой, какъ Карамзинъ. Въ этихъ нападкахъ на Карамзина уже слышатся намеки на разгорѣвшуюся позднѣе борьбу между т. н. классиками и романтиками. Последняя должна была принять тѣмъ болѣе страстный характеръ, что классики, защитники родныхъ авторитетовъ и старины во всей ея неприкосновенности, взваливали на своихъ противниковъ чуть не всѣ бѣды 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и 1812 г. „Меня упрекали“, говоритъ Шишковъ: „что я хочу испровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество... Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда должны

³⁾ Ср. отзывы Карамзина о Ломоносовѣ и Сумароковѣ: Лирическое стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи нашего вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы соображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которые нужны для представленія картины нравственнаго міра и возвышенныхъ геройскихъ страстей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоценностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недостатки замѣняются разнообразными красотами и поэтическимъ совершенствомъ многихъ строфъ... Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха... Подобно Вольтеру, Сумароковъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ—и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. Потомство не такъ думаетъ: но зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ... Называя Героевъ своихъ именами древнихъ Князей Русскихъ, (Сумароковъ) не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени...

я былъ поневолѣ воздерживаться; но теперь (послѣ 12 г.) я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы и громко имъ сказать: вотъ чего вы хотѣли!“

Но ни Крыловъ, ни Шишковъ и др. не остановили новаго движенія, и романтизмъ, чуждый односторонняго преклоненія предъ „своимъ“ и рабскаго топтанія старыхъ слѣдовъ, свободно сливая общечеловѣческое міровой исторіи съ завѣтами родной старины и народности, сталъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ создались лучшія произведенія нашей литературы, въ томъ числѣ поэзія А. С. Пушкина.

А. М. Лобода.

Ф.-Визинъ у Императрицы.

А. С. Пушкинъ.

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ЕГО ЖИЗНИ
И ЛИТЕРАТУРНАГО РАЗВИТІЯ.

Жизнь Пушкина имѣетъ двойной интересъ: во-первыхъ, какъ *исторія* богато-одаренной души, „довѣрчивой и нѣжной“, но въ тоже время кипучей и страстной; во-вторыхъ—какъ *исторія литературнаго развитія гениальнаго поэта*, основателя самобытной русской литературы,—какъ первая и основная глава въ исторіи нашего литературно-художественнаго реализма.

Еще двадцатилѣтнимъ юношей Пушкинъ съ замѣчательною проницательностью опредѣлилъ внутренній смыслъ той жизненной драмы, которая выпала на его долю. Въ стихотвореніи „Возрожденіе“, написанномъ въ 1819 г., Пушкинъ говоритъ о томъ живописцѣ-ремесленникѣ, который берется исправлять вдохновенную картину гениальнаго художника. Къ счастью,

краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Да, жизнь Пушкина—это непрестанная—то бодрая, то мучительная—борьба доброй и ясной души съ вспышками своей страстной природы, съ наносными влияніями, съ личными и литературными врагами, которыхъ было не мало у этого добраго человѣка и самобытнаго поэта; онъ „всю жизнь свою маялъ битвами“; эта жизнь представляетъ собою сложную драму, которая началась, можно сказать, у его дѣтской колыбели и закончилась у его смертнаго одра.

Съ актами этой драмы, пережитой поэтомъ, переплетаются различные моменты его литературнаго развитія. Пушкинъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ писателей, которые сразу устанавливаются въ одномъ опредѣленномъ направленіи, какъ напр., Гончаровъ. Въ силу широты и самобытности своего поэтическаго генія Пушкинъ не могъ примкнуть всецѣло къ тому литературному направленію, представителями котораго были его старшіе современники и литературные учителя: Жуковский и Батюшковъ, хотя онъ и находилъ въ ихъ поэзіи симпатичные ему мотивы; въ силу тѣхъ же условій не могъ онъ всецѣло подчиниться и непосредственному литературному влиянію Запада, даже такому могучему влиянію, какъ влияние байронической поэзіи, охватившее къ тому времени всю Европу, хотя Байронъ и былъ въ теченіе нѣкотораго времени „властителемъ думъ“ нашего поэта. Пушкинъ многому научился и у русскихъ, и у западно-европейскихъ поэтовъ, но изъ этой литературной школы онъ вышелъ вполне созрѣвшимъ для самостоятельнаго творчества. Однако это произошло не сразу: Пушкинъ *постепенно* выходилъ на торную дорогу художественнаго воспроизведенія дѣйствительной жизни, по которой—вслѣдъ за нимъ—пошли выдающіеся русскіе писатели, хотя первоначальные задатки этого литературнаго направленія можно находить еще въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Такимъ образомъ, въ исторіи литературнаго развитія Пушкина нужно различать нѣсколько преемственныхъ моментовъ, которые, какъ уже замѣчено, переплетаются съ актами его жизненной драмы, вступая при этомъ во взаимодействие съ ними: условія жизни такъ или иначе влияют на ходъ литературнаго развитія, въ свою очередь литературные

интересы вплетаются въ различные акты жизненной драмы, то ускоряя, то задерживая ея движеніе. Прослѣдить и отмѣнить главные моменты въ жизни и литературномъ развитіи Пушкина—въ этомъ состоитъ задача настоящаго очерка.

Такъ какъ—по самой своей задачѣ—предлагаемый очеркъ не представляетъ собою *полной* (хотя бы и краткой) біографіи Пушкина, то мы считаемъ не бесполезнымъ указать главнѣйшіе труды, посвященные этому предмету.

Покойный Стоюнинъ писалъ въ 1881 году: «у насъ нѣтъ полной біографіи Пушкина». Это утвержденіе остается въ силѣ и до настоящаго времени. Важнѣйшими пособиями при изученіи жизни и литературнаго развитія Пушкина являются старыя труды П. В. Анненкова: 1) «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній» (2 изданіе 1873 г.) и 2) «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Спб. 1874.—Очень цѣнный трудъ представляетъ собою біографія Пушкина, составленная Стоюнинымъ и изданная въ 1881 г. (во 2-мъ томѣ его историческихъ сочиненій); задачей своего труда авторъ поставилъ «сдѣлать историческую характеристику времени Пушкина въ связи съ его литературной дѣятельностью, представить эту гениальную личность такъ, какъ она создается въ воображеніи отъ изученія извѣстныхъ фактовъ его жизни».—Первый и второй періоды жизни и дѣятельности Пушкина (1799—1826 гг.) обстоятельно рассмотрѣны въ книгѣ проф. А. И. Невзленова: «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи». Ч. I. Спб. 1882 г.—сочиненіи, основанномъ на тщательномъ изученіи источниковъ. Авторъ относится къ Пушкину, какъ къ поэту и человѣку, съ самымъ горячимъ сочувствіемъ; при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности руководится главнымъ образомъ возрѣніями Ап. Григорьева.

Много цѣннаго матеріала для біографіи поэта заключаютъ воспоминанія и записки его друзей, товарищей и другихъ современниковъ, особенно Гавскаго („Пушкинъ въ лицѣ и липейскія его стихотворенія“—въ „Современникѣ“ за 1863 г.), Пушнина (въ „Атенѣ“ 1859 г.), Литранди (въ „Русск. Архивѣ“ за 1866 г.), Данзаса и Жуковскаго (о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина) и мног. др. Въ послѣднее время (1895—1897 г.) изданы записки А. О. Смирновой (урожденной Россетъ), въ которыхъ главное мѣсто отведено воспоминаніямъ о Пушкинѣ; но тогда же возникъ въ литературѣ вопросъ о степени достовѣрности и даже подлинности этихъ записокъ, остающійся и доселѣ не вполне разъясненнымъ. Поэтому записками Смирновой слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью, проверяя заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія показаніями другихъ источниковъ.

Много автобіографическаго матеріала первостепенной важности заключается въ сочиненіяхъ Пушкина. «Немногіе изъ нашихъ поэтовъ оставили въ своихъ произведеніяхъ столько автобіографическихъ замѣтокъ и намековъ, какъ Пушкинъ: рано соизнавши постигавшее его вдохновеніе, находя величайшее, хотя мучительное наслажденіе въ своемъ поэтическомъ трудѣ, онъ невольно говорилъ о своей музѣ въ своихъ лирическихъ изліяніяхъ и, передавая поэтическія мечты, знакомилъ читателя и съ мотивами дѣйствительности, которые возбуждали его фантазію, и съ тѣмъ кругомъ поэтовъ, у которыхъ онъ находилъ родственное и сочувственное настроеніе». А. Н. Пыпинъ въ статьѣ о Пушкинѣ—«Вѣстн. Евр.» 1895 г., т. V, стр. 728). Особенно много автобіографическаго матеріала заключается въ лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, отрывкахъ изъ его дневниковъ, замѣткахъ и письмахъ.

Все это можно найти въ I, II, V и VII тт. сочиненій Пушкина, изданныхъ Обществомъ для пособія пужающимъ литераторамъ и ученымъ (=т. н. Литературнымъ Фондомъ) въ 1887 г. подъ ред. П. О. Морозова. Это—лучшее по полнотѣ и исправности текста изданіе сочиненій Пушкина; при этомъ изданіи приложены 1) алфавитный указатель стихотвореній Пушкина (при III т.). 2) алфавитный указатель писемъ, 3) тщательно составленный хронологическій и біографическій списокъ произведеній Пушкина, съ указаніями, гдѣ то или другое произведеніе впервые было напечатано, 4) указатель личныхъ именъ и нѣкоторыхъ предметовъ ко всѣмъ томамъ сочиненій Пушкина. Все это дѣлаетъ изданіе Литературнаго Фонда пока незаменимымъ пособиемъ при изученіи литературной дѣятельности нашего поэта ¹⁾.

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы ссылаемся на это изданіе, обозначая томы римскими цифрами, а страницы—арабскими.

Весьма цѣнно изданіе сочиненій Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики (пять томовъ), выполненное недавно скончавшимся ученымъ педагогомъ *Л. И. Поливановымъ*. Такъ какъ изданіе предназначалось прежде всего для семьи и школы (по справедливому замѣчанію Льва Ивановича, «произведенія Пушкина должны стать настольною книгою каждаго русскаго юноши, претендующаго завершить свое среднее образованіе»), то кое-что изъ сочиненій Пушкина въ поливановскомъ изданіи опущено; но, по свидѣтельству издателя, у Пушкина оказалось весьма немного такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы. Въ виду этого поливановское изданіе не можетъ замѣнить изданія Литературнаго Фонда; но за то богатство біографическаго, историко-литературнаго и критическаго аппарата, которымъ обставлено каждое произведеніе Пушкина, дѣластъ названное изданіе настольною книгою при изученіи литературнаго развитія нашего поэта. Въ настоящее время готовится *академическое* изданіе сочиненій Пушкина. Нельзя не пожелать скорѣйшаго выхода изданія. Нельзя не пожелать и того, чтобы хотя во второмъ столѣтіи послѣ рожденія Пушкина была написана полная его біографія.

За болѣе подробными бібліографическими справками читатель можетъ обратиться къ «бібліографическому указателю статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства», составленному В. И. Межовымъ („Puschkiniana“, изд. александр. лицея, Спб. 1886); указатель доведенъ до половины 1886 года.

Поливановъ.

А. С. Пушкинъ

изъ родной семьи (1799—1811).

I.

Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей?

„Сонъ“ Пушкина.

Вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю
тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія.

Изъ письма Пушкина къ брату.

А. С. Пушкинъ родился въ предпоследнемъ году прошлаго вѣка. Это былъ замѣчательный вѣкъ въ исторіи русской жизни. Въ началѣ его высится исполинская фигура Петра Великаго, императора-богатыря, который поставилъ своею задачею, по выраженію Пушкина, „прорубить окно въ Европу“ и—при осуществленіи этой задачи—своею мощною рукою

надъ самой бездною

На высотѣ, уздой желѣзной,

Россію вздернулъ на дыбы;

во второй половинѣ вѣка дѣло Петра Великаго продолжаетъ не такъ геніальная, но пронзительная, умѣвшая подмѣчать потребности времени, императрица Екатерина II, которая съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относилась къ дѣятельности своего великаго предшественника: она ему воздвигла художе-

ственный памятникъ съ краткою, но выразительною надписью: „Петру Первому—Екатерина Вторая“. Задача государственной дѣятельности какъ Петра, такъ и Екатерины состояла въ томъ, чтобы усвоить Россіи западно-европейскую цивилизацію. Потребность сближенія съ Западной Европой стала сказываться на Руси задолго до Петра В., и тогда же начали обнаруживаться симптомы этого сближенія; но нужны были умъ и энергія Петра В., чтобы дать рѣшительное направление этому процессу сближенія съ Европой. Съ того времени объединеніе разнообразныхъ элементовъ западно-европейской цивилизаціи съ основными началами древне-русской жизни составляетъ главную задачу русскаго общества. Не легко ему дается практическое осуществленіе этой задачи: находятся элементы, которые рѣшительно не поддаются чужеземному вліянію, у другихъ усвоеніе этого вліянія сопровождается болѣзненными процессами. Естественно, что вопросъ объ отношеніи Россіи къ западно-европейской образованности, сдѣлавшійся вопросомъ жизни, становится и предметомъ теоретическаго обсужденія въ сочиненіяхъ русскихъ писателей 18 вѣка, отъ котораго переходитъ по наслѣдству и къ нашему вѣку. Посошковъ, Татищевъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Новиковъ, Карамзинъ—все они съ разныхъ сторонъ стараются подойти къ рѣшенію основнаго вопроса русской общественной жизни; къ концу 18 вѣка уже ясно обозначилось различіе въ рѣшеніи этого вопроса между „восточниками“, отстаивавшими мысль о самобытности нашей государственной и общественной жизни, и „западниками“, отстаивавшими необходимость культурнаго сближенія Россіи съ Западной Европой. Не меньше разнообразія замѣчается въ общественномъ и домашнемъ быту высшихъ классовъ русскаго общества на границѣ между 18 и 19 вѣками: въ то время, какъ одни оставались вѣрными выразителями древне-русскихъ бытовыхъ традицій, отрицательно относясь къ новымъ, европейскимъ формамъ быта, другіе стремились во что бы то ни стало сдѣлаться европейцами, если не по воззрѣніямъ, въ которыхъ часто и не давали себѣ отчета, то—по крайней мѣрѣ—по внѣшнимъ особенностямъ жизни. Получалась пестрая картина быта. Она еще болѣе разнообразилась оттого, что въ составѣ того и другого круга русскаго

общества было много переходныхъ оттѣнковъ: какъ грубые, невѣжественные Простаковы, такъ и почтенные старикъ Гриневы стояли въ сторонѣ отъ вліянія западно-европейской цивилизаціи, что, однако—не мѣшало имъ быть различными по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ; равнымъ образомъ и представители противоположнаго круга русскаго общества видѣли въ своей средѣ не только высокообразованныхъ лицъ, но и такихъ „европейцевъ“, какимъ былъ, напр., фонвизинскій Иванушка (въ „Бригадирѣ“).

Тѣ двѣ дворянскія семьи, изъ которыхъ вышли родители А. С. Пушкина, могли бы служить нагляднымъ выраженіемъ того разнообразія русскаго быта, которое было создано ходомъ русскоѣ исторической жизни въ 18 вѣкѣ. Хотя предки нашего поэта со стороны отца принадлежали къ старинному русскому дворянству, а мать вела свое происхождение отъ генерала Ганнибала, извѣстнаго подъ именемъ „арапа Петра Великаго“, однако Пушкины уже успѣли къ концу 18 вѣка усвоить вышнюю сторону западно-европейскаго образованія и быта, тогда какъ бабушка Пушкина съ материнской стороны, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, женщина умная, энергичная, наблюдательная, много пережившая на своемъ вѣку, жила по старинѣ, воплощая, впрочемъ, въ своей личности и жизни лучшія стороны древне-русскаго быта. Но родители Пушкина—Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна—жили уже по-новому: большую часть года они проводили въ Москвѣ, только на лѣто уѣзжая въ подмосковную деревню М. А. Ганнибалъ; говорили обыкновенно по-французски; имѣли французскую библіотеку и читали французскія книги; Сергѣй Львовичъ писалъ даже французскіе стихи. Таковы были *формы* жизни въ той семьѣ, изъ которой вышелъ Пушкинъ; что же составляло *содержаніе* этой жизни? Главнымъ образомъ свѣтскіе пріемы и выѣзды. Другого дѣла родители нашего поэта не искали да, повидимому, и не знали. Правда, въ ихъ салонѣ нерѣдко собирались русскіе литераторы (Карамзинъ, Жуковский, Дмитріевъ, Вяземскій, братъ Сергѣя Львовича Пушкина Василій Львовичъ ¹⁾) и бесѣдовали о русской лите-

¹⁾ В. Л. Пушкинъ (1770—1830), послѣ непродолжительной военной службы, посвятилъ себя литературѣ: писалъ посланія, элегіи, басни, малригалы, эпиграммы. Онъ принадлежалъ къ литературному кружку Карамзина, былъ близокъ къ Дмитріеву, Жуковскому.

ратурѣ; но, не говоря уже о томъ, что эти бесѣды велись, вѣроятно, на французскомъ языкѣ, едва ли онѣ отличались глубиною и серьезностью,—скорѣе онѣ были украшеніемъ гостиней Пушкиныхъ. Тѣмъ не менѣе онѣ не остались безъ вліянія на нашего поэта, съ дѣтскихъ лѣтъ поставивъ его въ непосредственное общеніе съ главными представителями русской литературы. Анненковъ предполагаетъ, что вліяніе этихъ бесѣдъ сказалось отчасти въ дѣтскихъ произведеніяхъ Пушкина.

Вотъ въ этой-то семьѣ и родился А. С. Пушкинъ 26 мая 1799 года, въ день Вознесенія Господня. Родиной его была Москва. Годомъ раньше родилась его сестра Ольга. Родителямъ, занятымъ свѣтскою жизнію, было не до дѣтей, воспитаніе которыхъ было поэтому всецѣло передано въ стороннія руки. Вотъ тутъ-то и встрѣтились впервые въ жизни нашего поэта два элемента русской жизни. Его дѣтство было окружено главнымъ образомъ иностранными воспитателями,—гувернерами и гувернантками, которые находились при мальчикѣ до его поступленія въ школу. Естественно, что при такой постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ семьѣ Пушкиныхъ мальчикъ прежде всего выучился читать по-французски; всѣ предметы начального обученія, за исключеніемъ Закона Божія и русскаго языка, которымъ дѣти обучались у почтеннаго священника Ал. Ив. Бѣликова, преподавались на французскомъ языкѣ. Выучившись читать, Пушкинъ съ жаромъ набросился на французскія книги, бывшія въ домашней библіотекѣ. На ряду съ представителями французской „просвѣтительной литературы 18 вѣка (между ними на первомъ планѣ Вольтеръ) тамъ находились и французскіе классики предшествовавшаго столѣтія. Мольеръ произвелъ такое впечатлѣніе на маленькаго читателя, что онъ въ подражаніи знаменитому комику написалъ маленькую пьеску „L' Escamoteur“ („Ловкій воръ“). А подѣ вліяніемъ чтенія „Генриады“ Вольтера, Пушкинъ задумалъ поэму въ 6 пѣсняхъ. „Но здѣсь—замѣчаетъ Анненковъ (Мат. 13)—останавливаетъ насъ одна характеристическая особенность. Это была не героическая поэма, какъ слѣдовало бы ожидать, а *шуточная*. Содержаніемъ послужила война между карлами и карликами во времена Дагоберта“. Такъ уже въ дѣтскіе годы будущій поэтъ обнару-

жилъ—пока, конечно, безотчетное—нерасположеніе къ ложноклассической напыщенности. Можетъ быть, это было до нѣкоторой степени результатомъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, которыя приходилось слышать Пушкину въ родительскомъ домѣ: тамъ собирались, какъ мы видѣли, представители *нового* литературнаго направленія. Какъ бы то ни было, интересенъ тотъ фактъ, что первыя произведенія нашего національнаго поэта были написаны на французскомъ языкѣ. Ему тогда было 11—12 лѣтъ.

Такова была та умственная атмосфера, въ которой впервые пробудился творческій гений Пушкина. Она дѣйствовала на мальчика возбуждающимъ образомъ: изъ вялаго, неповоротливаго дитяти, какимъ Пушкинъ былъ до 8—9 лѣтъ, теперь, подъ вліяніемъ чтенія, онъ сдѣлался живымъ и впечатлительнымъ мальчикомъ; но за то эта атмосфера едва-ли была благотворна по отношенію къ нравственному воспитанію нашего поэта. Не видно, чтобы иностранные гувернеры и гувернантки заботились о нравственномъ воспитаніи мальчика, а чтеніе французскихъ писателей 18 вѣка преждевременно наполняло дѣтское воображеніе такими картинами, которыя вовсе не были рассчитаны на дѣтскій возрастъ. Не видно, чтобы и родители обращали вниманіе на эту сторону дѣла: дѣти, сданные на руки гувернантокъ и гувернеровъ, являлись къ родителямъ только для того, чтобы пожелать имъ добраго утра или спокойной ночи, да когда собиравлись гости, дѣтямъ разрѣшалось оставаться въ гостиной, лишь бы только они не вмѣшивались въ разговоры, которые, разумѣется, не всегда были поучительны для дѣтей... Не испытывалъ Пушкинъ въ своемъ дѣтствѣ и материнской ласки: мать не долюбляла своего неповоротливаго, флегматическаго ребенка, а когда въ немъ заговорила горячая, африканская кровь, мать не всегда умѣла за вспышками и упорствомъ сына разглядѣть его нѣжное сердце, просившее ласки. Сергѣй Львовичъ не былъ проницательнѣе своей жены въ этомъ отношеніи; а съ представленіемъ о гувернанткахъ у Пушкина связывались воспоминанія о „первыхъ непріятностяхъ“ (V, I). Не мудрено поэтому, что когда двѣнадцатилѣтняго мальчика помѣстили въ Лицей, онъ безъ сожалѣнія покидалъ родительскій домъ; понятнымъ становится и то, что нашъ поэтъ, не

смотря на свою отзывчивость, ни разу не вспомнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ о своихъ родителяхъ... За то часто вспоминалъ онъ о своей нянѣ. Аринѣ Родіоновнѣ.

Арина Родіоновна, вольно-отпущенная крестьянка села Кобринна, до 1799 года принадлежавшаго бабушкѣ поэта М. А. Ганибалъ, вынянчила на своихъ рукахъ все молодое поколѣніе Пушкиныхъ. Женщина добрая, ласковая, любившая своихъ питомцевъ, искренно-религіозная, она знала много сказокъ, пословицъ, поговорокъ, пѣсенъ. Вотъ эта-то простая, но любящая душа и сдѣлалась проводникомъ въ воспріимчивую душу нашего поэта *народнаго и религіознаго* вліянія; она дала Пушкину то, чего ему не дали да и не могли дать ни родители, ни воспитатели; она же окружила своего любимца теплыми ласками, которыхъ искало его нѣжное сердце. И нашъ поэтъ, съ его душой „довѣрчивой и нѣжной“, платилъ доброй старушкѣ, „подругѣ дней своихъ суровыхъ“, своей „дряхлою голубкѣ“, теплою и глубокою привязанностью: чрезъ всю его жизнь проходятъ задушевные воспоминанія о нянѣ ¹⁾; а тѣ чистыя впечатлѣнія, которыми простая женщина сумѣла окружить дѣтскіе годы будущаго поэта, онъ сохранилъ отъ колыбели до могилы. И они его хранили,—хранили „среди дольнихъ бурь и битвъ“, которыхъ не мало выпало на долю поэта...

Въ разное время было много говорено, иногда даже въ преувеличенныхъ чертахъ (ср. Анненк. „Пушкинъ въ александровскую эпоху“, стр. 300), объ участіи няни въ литературномъ развитіи Пушкина; но за то рѣдко отмѣчали то значеніе, которое она имѣла въ дѣлѣ пробужденія въ душѣ своего питомца религіознаго чувства. А это значеніе было велико. Перечитайте юношеское стихотвореніе Пушкина „Сонъ“—и предъ вами развернется свѣтлая картинка изъ дѣтской жизни поэта: наступаетъ вечеръ, мальчика приводятъ въ его дѣтскую спальню, няня зажигаетъ предъ образомъ простую глиняную лампадку и, прежде чѣмъ рассказывать своему любимцу сказки о подвигахъ Бовы или Ильи Муромца, ограждаетъ его отъ духовъ крестомъ и молитвой. И

¹⁾ См. стихотвореніе „Сонъ“ (1816 г.), письмо къ брату 1824 г. (соч. VII, 87—88), „Зимній вечеръ“ (1825), „Евг. Онѣг.“, гл. 4, стр. XXXV (1825), „Подруга дней моихъ суровыхъ“ (1827), письмо къ женѣ изъ Тригорскаго отъ 25 сентября 1835 г. (VII, 382—383), „Вновь я посѣтилъ“ (26 сентября 1835 г.).

глубоко запали эти дѣтскія впечатлѣнія въ душу даровитаго мальчика: не разъ онъ вспомнитъ впоследствии и про молитвы няни, и про ту лампадку, которая теплилась передъ образомъ; не разъ—подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній—испытаетъ то отрадное настроеніе, которое такъ задушевно выразилъ его младшій современникъ въ дивныхъ стихахъ:

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье—далеко...
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко ¹⁾...

Вліяніе няни на душу будущаго поэта встрѣчало поддержку и восполненіе въ добромъ вліяніи бабушки Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Въ дѣтствѣ Пушкинъ не разъ проводилъ лѣто въ подмосковной деревнѣ своей бабушки Захаровѣ. Тамъ онъ впервые познакомился съ *деревенскою жизнью*, которую впоследствии изображалъ такъ художественно и любовно ²⁾; тамъ же впервые сблизился онъ и съ *русской стариной*: бабушка много рассказывала ему о своихъ предкахъ, а по воскресеньямъ ѣздила съ внукомъ къ обѣднѣ въ село Вяземо, когда-то принадлежавшее Борису Годунову, гдѣ объ этомъ царѣ напоминала построенная имъ колокольня. Такимъ образомъ, личность Бориса Годунова еще въ дѣтствѣ могла останавливать на себѣ вниманіе будущаго творца „комедіи о царѣ Борисѣ“.

Таковы были дѣтскія впечатлѣнія А. С. Пушкина. Они были богаты, но слишкомъ разнообразны. Два вліянія встрѣчались въ душѣ мальчика: иноземное, французское и старинное русское, народное. Общаго между ними было мало: гос-

¹⁾ См. объ этомъ въ „Этюдахъ объ А. С. Пушкинѣ“ проф. Сумцова, вып. II, стр. 70—75; ср. вып. I, стр. 62—75.

²⁾ Поэтическое изображеніе деревни, находящееся въ юношескомъ посланіи Пушкина къ Юдину (1815 г.), вызвано воспоминаніями о Захаровѣ:

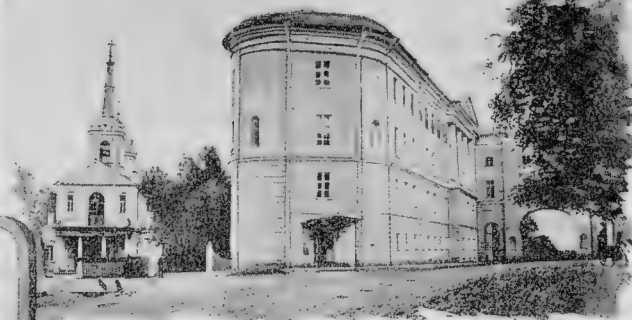
Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ.
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ и т. д.

тиная съ французскими разговорами и дѣтская съ русскими сказками, французская литература 18 вѣка и православныя молитвы, Вольтеръ и няня—таковы были тѣ пункты, въ предѣлахъ которыхъ шло дѣтское развитіе Пушкина. Онъ былъ поставленъ въ такія условія, что съ дѣтскихъ лѣтъ ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ той задачей, надъ разрѣшеніемъ которой уже давно работали и русское общество, и русская литература; это—задача объединенія элементовъ западно-европейскаго вліянія съ древне-русскими традиціями. Не легко было даже такому даровитому мальчику, какъ Пушкинъ, гармонически объединить противоположныя вліянія,—тѣмъ болѣе, что некому было помочь ему въ этой работѣ; отъ гувернеровъ и гувернантокъ мальчикъ сторонился, родители мало обращали вниманія на внутреннюю жизнь своего сына, а няня и бабушка могли только противопоставить свое вліяніе вліянію иностранныхъ воспитателей, которыхъ не долюбляли, руководить же чтеніемъ мальчика они, конечно, не могли по недостатку образованія. Естественно, что мальчику уже тогда приходилось испытывать по временамъ тяжелое чувство одиночества, сознаніе того, что его не понимаютъ и даже не любятъ тѣ лица, на участливую помощь которыхъ онъ могъ бы разсчитывать. Такъ, уже въ дѣтскіе годы намѣчаются основныя черты той борьбы, которую пришлось нашему поэту вынести на своихъ плечахъ,—борьбы между противоположными вліяніями, между влеченіями дѣтскаго сердца и условіями окружающей среды, между внушеніями нравственнаго чувства и вспышками страстнаго темперамента, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Не легко было впечатлительному мальчику переживать эту борьбу: въ своихъ (крайне отрывочныхъ) лицейскихъ запискахъ поэтъ вспоминаетъ о „нестерпимомъ состояніи“, которое приходилось ему переживать въ родной семьѣ; а позднѣе (въ 1824 г.)—въ письмѣ къ брату—жалуется на недостатки „своего проклятаго воспитанія“ (VII, 88).

Домъ, гдѣ родился Пушкинъ.

Царско-сельскій лицей.

А. С. Пушкинъ

въ лицей (1811—1817)¹⁾.

II.

Въ тѣ дни, когда въ садѣхъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ волъ, сѣвшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.

Изъ „Евгенія Онегина“.

Въ 1811 году Пушкинъ былъ помѣщенъ въ только-что основанный тогда царско-сельскій лицей.

При основаніи лицея предполагалось поставить въ немъ учебно-воспитательное дѣло на высотѣ педагогическихъ требованій того времени; но эти предположенія сбылись только отчасти да и то—въ незначительной мѣрѣ. Правда, между преподавателями лицея были люди даровитые и знающіе, напр., профессоръ нравственной философіи и правовѣдѣнія Куницынъ, о которомъ Пушкинъ въ теплыхъ словахъ вспо-

¹⁾ Много интересныхъ свѣдѣній о лицейской жизни Пушкина заключается въ содержательной книгѣ покойнаго академика (бывшаго лицеиста) Я. К. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. Спб. 1887.—О статьяхъ Гавскаго мы уже упоминали.—Превосходно изображены условія литературнаго развитія Пушкина во время пребыванія въ лицей въ статьѣ А. Н. Цыпина: „Пушкинъ“ (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1895, т. V, стр. 725—734). Въ беллетристической формѣ рассказалъ о лицейскихъ годахъ Пушкина В. П. Авенариусъ въ живо и интересно написанной книгѣ: „Юношескіе годы Пушкина“.

минаетъ въ своихъ „лицейскихъ годовщинахъ“; но при отсутствіи правильной организаціи учебно-воспитательнаго дѣла учебныя занятія шли безпорядочно; молодежи была предоставлена свобода, граничившая съ распущенностью. Особенно это нужно сказать о періодѣ „безначалія“, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ „въ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ“ (V, 2): онъ наступилъ со времени кончины перваго директора лицея Малиновскаго (1814 г.) и продолжался до вступленія въ эту должность Энгельгардта (1816 г.). Въ виду этого лицейское преподаваніе не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ умственномъ развитіи Пушкина,—тѣмъ болѣе, что и онъ самъ мало трудился надъ уроками. За то онъ много читалъ. Чтеніе и товарищескія бесѣды, особенно по литературнымъ вопросамъ, восполняли пробѣлы и недостатки школьнаго преподаванія.

Въ характерѣ лицеиста Пушкина замѣчается какая-то двойственность: самолюбіе и отзывчивость, вспыльчивость и добродушіе соединяются въ его личности. На однихъ онъ производитъ впечатлѣніе человѣка крайне самолюбиваго, необузданнаго и въ то же время пустого, въ которомъ не было „ни любви, ни сердца“. Такъ, по крайней мѣрѣ отзывались о немъ директоръ Энгельгардтъ, умный и тактичный педагогъ, и товарищъ Пушкина графъ Модестъ Корфъ (см. Анненкова „Пушкинъ въ александр. эпоху“, стр. 41). Чѣмъ объяснить, что эти лица не сумѣли подмѣтить въ Пушкинѣ-лицеистѣ свѣтлыхъ сторонъ его нравственной личности? Очевидно, вспышки его страстной природы и порывъ „своенравнаго генія“, не всегда поддававшіеся внѣшнимъ ограниченіямъ, могли производить на сторонняго наблюдателя невыгодное для юноши впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что самъ Пушкинъ не только не содѣйствовалъ ослабленію такого впечатлѣнія, но—скорѣе—намѣренно усиливалъ его, какъ бы бравировалъ отрицательными сторонами своей личности и своего поведенія. За то тѣ изъ товарищей, которые имѣли возможность ближе войти во внутренній міръ своего гениальнаго одноклассника, сумѣли подмѣтить въ этомъ „необузданномъ“ юношѣ доброе, отзывчивое сердце и полюбили его глубоко и прочно: здѣсь, въ лицѣ, у Пушкина завязались дружескія связи съ Дельвигомъ, Пущинымъ, Кюхельбекеромъ. Никогда не

порывались эти связи; свѣтлой полосой проходятъ онѣ черезъ всю жизнь Пушкина; мало того: онѣ даже пережили поэта. Много лѣтъ спустя послѣ его смерти Пушкинъ писалъ, что слезы мѣшаютъ ему писать свои воспоминанія о Пушкинѣ (см. соч. Пушкина въ изд. Поливанова, т. I, стр. 203). Только доброе, любящее сердце способно вызвать такую глубокую привязанность: таково было сердце нашего поэта!

Такимъ образомъ, нравственный обликъ юнаго поэта какъ бы двоился въ глазахъ его непосредственныхъ наблюдателей, и хотя эта двойственность впечатлѣнія главнымъ образомъ зависѣла отъ различной степени ихъ проницательности, однако до нѣкоторой степени она отражала дѣйствительную двойственность и въ личности, и въ жизни Пушкина за это время: вспышки страстной природы, по видимому, начинаютъ брать верхъ надъ требованіями нравственного чувства, и мутная струя чувственности начинаетъ заволакивать чистыя впечатлѣнія дѣтства. Последнее особенно нужно сказать о послѣднемъ годѣ пребыванія Пушкина въ лицей, когда онъ, сблизившись съ кружкомъ гусарскихъ офицеровъ, принялъ дѣятельное участіе въ „играхъ Вакха и Киприды“.

Юношескія увлеченія представляютъ только одну сторону въ лицейской жизни Пушкина; другою стороною этой жизни является поразительно быстрое и широкое развитіе его творческаго гения. Царское Село представляло много благоприятныхъ условій для такого развитія; школа и жизнь въ равной мѣрѣ давали возбужденія творческой работѣ начинающаго поэта: съ одной стороны, литературныя бесѣды въ товарищескомъ кругу, унаслѣдованныя лицеемъ отъ московскаго университетскаго пансіона, съ другой стороны—впечатлѣнія Царскаго Села, гдѣ „каждый шагъ въ душѣ рождаетъ воспоминанья прежнихъ лѣтъ“, и—на ряду съ этимъ—живыя впечатлѣнія великихъ событій отечественной войны ¹⁾—

¹⁾ „Вы помните (вспоминаетъ Пушкинъ въ 1836 г. о своей лицейской жизни):
текла за ратью рать;

Со старшими мы братьями прощались,
И въ снѣ наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ“... (II, 208).

все это дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на душу поэта. Къ этому нужно прибавить, что страсть къ чтенію, зародившаяся въ дѣтствѣ, развивалась больше и больше: Пушкинъ много читалъ и на русскомъ, и—особенно—на французскомъ языкѣ. На первомъ планѣ въ ряду его любимыхъ поэтовъ стоялъ Вольтеръ, съ которымъ Пушкинъ познакомился еще въ родительскомъ домѣ; теперь для юноши

Онъ—все; вездѣ великъ
Единственный старикъ!..
Всѣхъ больше перечиталъ,
Всѣхъ менѣе томить (I, 43).

Вольтеръ правился нашему поэту не тѣми сторонами его литературной дѣятельности, какими онъ примыкалъ къ ложноклассицизму, а тѣми, которыя сдѣлали „фернейскаго отшельника“ типическимъ представителемъ французской „просвѣтительной“ литературы прошлаго вѣка: это—остроумная, подчасъ ѣдкая насмѣшка надъ религіозными и общественными предрасудками и борьба за право личности; не оставалась безъ вліянія на молодое воображеніе нашего поэта и та фривольность, съ какою Вольтеръ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ различныя явленія жизни. Конечно, серьезное изученіе такого писателя должно бы сопровождаться напряженной работой критической мысли, но у молодого Пушкина чтеніе Вольтера сопровождалось не столько критикой, сколько юношескимъ увлеченіемъ, мало благопріятствовавшимъ критическому отношенію къ тогдашнему „властителю его думъ“. Съ увлеченіемъ читалъ Пушкинъ Анакреона (во французскомъ переводѣ), Парни (французскій эротическій поэтъ) и Батюшкова: содержаніе ихъ поэзіи, проникнутой элликурейскимъ взглядомъ на жизнь, соотвѣтствовало настроенію юнаго лицеиста, со всѣмъ пыломъ молодости готового отдаться наслажденіямъ жизни. Съ неизмѣннымъ уваженіемъ относился Пушкинъ и къ Жуковскому, котораго узналъ еще въ годы своего дѣтства. Правда, его мечтательная поэзія, проникнутая религіознымъ настроеніемъ, имѣла мало общаго съ порывами страстной натуры къ жизненнымъ наслажденіямъ; но она привлекала къ себѣ начинающаго поэта „плѣнительною сладостью стиховъ“ и возвышеннымъ взглядомъ

на значеніе поэзіи, который Жуковскій раздѣлялъ со всѣми романтиками.

Дельвигъ пробовалъ-было познакомить своего друга съ нѣмецкой литературой, которую самъ зналъ и любилъ; но она не произвела впечатлѣнія на Пушкина:

Разблралъ онъ нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго (I, 62).

Только одно изъ лицейскихъ стихотвореній („Пуншева пѣсня“) заимствовано Пушкинымъ изъ нѣмецкой литературы: оно представляетъ собою довольно близкій переводъ стихотворенія Шпллера „Punschlied“.

Съ англійской литературой Пушкинъ началъ знакомиться уже гораздо позднѣе, по выходѣ изъ лицей.

Замѣчательно, что представители ложноклассицизма—или—какъ выражается самъ Пушкинъ—„маркизы классической словесности“ (VII, 51) не привлекали его вниманія, тогда какъ лицейскій товарищъ Илличевскій, соперничавшій съ Пушкинымъ въ писаніи стиховъ, держался того взгляда, что „не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно“. Пушкинъ охотнѣе обращался къ такимъ произведеніямъ русской литературы 18 вѣка, которыя „шли рѣшительнымъ протестомъ ложно-классическому направленію и безжалостно, цинически его персифлировали“¹⁾; такова, напр., шуточная поэма В. Майкова: „Елисей“ (о ней—у Порфирьева „Ист. русск. словесности“, ч. II, отд. 2, стр. 206) или „Душенька“ Богдановича. Естественно поэтому, что и въ спорѣ между „Арзамасомъ“ (во главѣ съ Жуковскимъ) и „Бесѣдою любителей руссійской словесности“ (во главѣ съ Шишковымъ) Пушкинъ уже въ лицейскіе годы рѣшительно сталъ на сторону Арзамаса и въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ время-отъ-времени ѣдко подсмѣивался надъ приверженцами „Бесѣды“ (см., напр., посланіе къ Жуковскому 1817 года).

¹⁾ „Пушкинъ“ Н. С. Тихонравова (въ Вѣстн. Евр.“ за 1880 г., т. IV, стр. 708, а также въ III томѣ недавно появившагося собранія его сочиненій).

Въ этихъ литературныхъ симпатіяхъ Пушкина уже сказывается то чутье реальной жизни, которымъ проникнута его позднѣйшая поэзія.

Совокупностью указанныхъ условій возбуждалась и направлялась поэтическая дѣятельность Пушкина во время пребыванія его въ лицей. Лицейскія стихотворенія идутъ непрерывнымъ рядомъ съ 1812 года и до выхода изъ лицея; всѣхъ лицейскихъ стихотвореній было написано Пушкинымъ болѣе сотни, и это—за шесть лѣтъ! Припомнимъ, что Пушкинъ окончилъ лицей осмнадцатилѣтнимъ юношей. Очевидно, онъ имѣлъ право говорить о себѣ въ юношескихъ стихотвореніяхъ, что лира—его удѣлъ (I, 163, 167), что

Свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный
Подъ кровомъ вѣшнихъ розъ
Поэтомъ онъ возросъ (I, 77).

По своей *формѣ* лицейскія стихотворенія Пушкина стоятъ въ связи съ поэзіей 18 вѣка: его мысли облекаются въ образы, заимствованные изъ классической мифологіи (Аполлонъ, Эрмій, музы, свирѣль, Геликонъ, Иппокрена и т. п.); поэтъ представляется жрецомъ Аполлона, играющимъ на лирѣ; о себѣ самомъ юный поэтъ выражается (въ посланіи къ Батюшкову) такъ, что „въ пещерахъ Геликона онъ нѣкогда рожденъ, во имя Аполлона Тибулломъ окрещенъ“ (I, 77), но тутъ же рѣшается вмѣсто классической свирѣли употребить простую дудку:

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ.
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я безпрестанно.

А въ другомъ стихотвореніи („Городокъ“) поэтъ выражается, что онъ сливаетъ голосъ свой съ пастушьей *волышкой*... Въ это же время слагается тотъ образъ музы, который нашелъ свое завершеніе въ превосходномъ стихотвореніи „Муза“ (1821 г.): „Въ младенчествѣ моемъ она меня любила“... Пер-

вый очеркъ этого граціознаго образа относится къ 1815 году: въ стихотвореніи „Мечтатель“ поэтъ рассказываетъ о томъ, какъ муза

Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

Такъ уже въ юные годы Пушкинъ, свободно распорядясь классическими образами, создавалъ оригинальныя по замыслу поэтическія картины...

Обращаясь къ *содержанію* лицейскихъ стихотвореній Пушкина, находимъ, что въ нихъ отразились разнообразныя впечатлѣнія лицейской жизни. Цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ въ подражаніи Анакреону, Парни и отчасти Батюшкову, является отображеніемъ того эпикурейскаго настроенія, о которомъ мы уже говорили: въ нихъ бьетъ ключемъ жажда наслажденій, любовь и вино представляются главными условіями счастливой жизни. Въ другихъ стихотвореніяхъ, внушенныхъ „воспоминаніями прежнихъ лѣтъ“ (т. е. екатерининскихъ временъ) и событіями отечественной войны, слышится отголосокъ державинской поэзіи; но замѣчательно, что и въ этихъ стихотвореніяхъ какъ бы невольно пробивается наружу нерасположеніе юнаго поэта къ ложно-классической риторикѣ и стремленіе къ правдивому воспроизведенію дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно „стихотвореніе на возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“. Въ заключительной строфѣ этого стихотворенія поэтъ выражаетъ увѣренность, что придутъ „времена спокойствія златыя“ и „соберутся нѣкогда молодыя поколѣнія вокругъ старца-солдата“,

Преклонять жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами *истины, свободными, простыми,*
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ—въ рѣчи Н. С. Тихонравова.

А въ посланіи къ Батюшкову, отвѣчая, по видимому, на предложеніе послѣдняго проститься съ Анокреономъ и воспѣть кровавый пиръ войны, Пушкинъ отказывается послѣдовать этому предложенію и хочетъ остаться на своемъ пути: „Будь всякій при своемъ“, вспоминаетъ онъ при этомъ слова Жуковского. Своеобразіе юнаго поэта проявляется именно *въ его склонности къ правдивому воспроизведенію дѣйствительной жизни*, которая сказывается и въ его картинкахъ простаго, деревенскаго быта (въ стихотв. „Городокъ“, въ посланіи къ Юдину), и въ любви къ рассказамъ какой-то „добренькой старушки“ про Оому или Антошку (I, 49—50), и въ его элегіяхъ, въ которыхъ слышатся уже мотивы его позднѣйшихъ элегій ¹⁾, и въ его сатирическихъ стихотвореніяхъ, содержаніе которыхъ выхвачено прямо изъ жизни; такова, напр., характеристика Ветулія (въ стихотвореніи „Лицанію“), въ которомъ видятъ сатирическое изображеніе гр. Аракчеева, или насмѣшки надъ бездарными стихотворцами. Во всѣхъ этихъ чертахъ видѣнъ „юноша съ природными задатками реализма“ (Тихонравовъ). Въ связи съ такими задатками находится стремленіе юнаго поэта выражать свои мысли „въ простотѣ, безъ украшенія“ (I, 108). „Пускай,—говоритъ онъ,—

пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ (I, 133).

Онъ „не хочетъ превращать въ лиру своего гусинаго пера“ (I, 83) и предпочитаетъ классической свирѣли простую дудку. Не даромъ нашъ поэтъ и въ эту пору своей жизни обращается къ тѣмъ воспоминаніямъ дѣтства, которыя связаны съ образами простыхъ русскихъ людей—няни и бабушки (см. стихотвореніе „Сонъ“); не даромъ нѣсколько позже образъ

¹⁾ Сравните, напр., послѣднія строки посланія къ Горчакову (1816 г.) съ позднѣйшей элегіей Пушкина: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“. Юношескія элегіи Пушкина, хотя разнѣмъ и нѣкоторыми выраженіями напоминаютъ иногда элегіи Жуковского, но по своему характеру рѣзко отличаются отъ нихъ: въ элегіяхъ Пушкина нѣтъ той мечтательности, отрѣшенности отъ условій земного существованія, характеризующей элегіи Жуковского; элегіи Пушкина ближе къ жизни, ближе къ землѣ; скорбь юнаго поэта никогда не переходитъ въ отчаяніе и не заставляетъ его отворачиваться отъ жизни.

музы облекается въ его сознаніи не въ классическую тогу, а въ тѣ черты, которыя напоминаютъ опять-таки няню и бабушку; разумѣю слѣд. стихотвореніе 1821 года:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и словъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шубунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремяшкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила.
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Пробуетъ Пушкинъ обращаться и къ народнымъ сюжетамъ въ своихъ лицейскихъ произведеніяхъ, хотя ему пока и не удастся обработать ихъ въ народномъ *духѣ*. Такъ, въ 1815 г. онъ началъ-было писать сказку „Бова“. Сюжетъ этого произведенія заимствованъ изъ народной сказки (позднѣе происхожденія) о Бовѣ Королевичѣ (Пушкинъ слышалъ ее въ дѣтствѣ отъ няни); но по своему игривому *тону*, напоминающему легкія произведенія французской литературы 18 в., и по стихотворному *размѣру*, уже знакомому русскимъ читателямъ изъ сказки Карамзина объ Ильѣ Муромцѣ, Пушкинскій „Бова“ имѣетъ слишкомъ мало общаго съ подлиннымъ народнымъ эпосомъ. Но въ исторіи литературнаго развитія Пушкина эта сказка имѣетъ свое значеніе: въ связи съ ней находится происхожденіе его первой поэмы „Русланъ и Людмила“, начатой въ лицѣѣ (въ 1817 г.) и законченной уже въ Петербургѣ (въ 1820 году).

Вмѣстѣ съ ростомъ поэтическаго таланта Пушкина шло *развитіе его поэтическаго самосознанія*.

Съ юныхъ лѣтъ, какъ мы видѣли, онъ смотритъ на поэзію, какъ на свое призваніе („лира—мой удѣлъ“); говоритъ, что онъ „возросъ поэтомъ“ (I, 77); пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ выражаетъ надежду, что его поэзія переживетъ его самого (I, 47: „не весь я преданъ тлѣнью“—

мысль, которую поэтъ повторилъ много лѣтъ спустя въ своемъ стихотвореніи „Памятникъ“); безсмертіе своихъ твореній готовъ предпочесть безсмертію души своей (I, 177). Видно, что поэзія завладѣла всѣмъ существомъ даровитаго юноши. Онъ еще не уяснилъ себѣ вопроса о значеніи поэзіи во всей его сложности, но онъ твердо вѣритъ въ это значеніе; онъ еще не успѣлъ выработать законченнаго поэтическаго міросозерцанія, но въ одномъ онъ убѣжденъ непоколебимо: поэтъ долженъ быть *искреннимъ* въ выраженіи своихъ мыслей и мужественнымъ въ сообщеніи *правды*; онъ долженъ идти въ своей литературной дѣятельности „дорогою прямою“, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ въ угоду окружающему обществу, хотя бы это и повлекло за собою „рядъ горестей“ (см. стихотвореніе 1814 г. „Другу-стихотворцу“). Преданный идеалу правды, „другъ истины“ (I, 166), далекій отъ слѣпого подчиненія окружающему обществу, истинный поэтъ не можетъ рассчитывать на матеріальныя выгоды (тамъ же); скорѣе его ожидаютъ тяжелыя нравственныя страданія:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на суетота!

Но какъ ни больно слушать подобныя рѣчи, онѣ не заставляютъ истиннаго поэта измѣнить идеалу правды...

Въ независимомъ отношеніи истиннаго поэта къ окружающему обществу сказывается та *свобода*, которая служитъ необходимымъ условіемъ истиннаго поэтическаго творчества. Пушкинъ не разъ возвращается къ этой мысли въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ; поэтъ представляется ему поклонникомъ не только правды, но и свободы. Онъ свободенъ въ выборѣ сюжета для своихъ произведеній, будетъ ли это кровавая брань или общественные пороки: „Поэтъ! въ твоей предметы волѣ“, „все, все позволено поэту“ говоритъ Пушкинъ въ посланіи къ Батюшкову (I, 35, 36), а въ посланіи къ дядѣ Василю Львовичу, написанномъ въ годъ

окончания лица, онъ выражается, что Богъ создалъ для поэтовъ „*уединеніе и свободу*“.

На ряду и въ связи съ свободой внутреннимъ условіемъ поэтического творчества Пушкинъ признаетъ *вдохновеніе*, хотя и не даетъ опредѣленія его психической природы, охотно прибѣгая при изображеніи этого состоянія къ классическимъ образамъ. Очевидно, онъ еще не уяснилъ себѣ внутренней природы вдохновенія; за то онъ опредѣленно указалъ благопріятствующія ему внѣшнія условія: это—*уединеніе* и праздность, поэтическая *лѣнь*. Юному поэту кажется, что вдохновеніе не вяжется съ усидчивымъ трудомъ. Вотъ почему истиннымъ поэтамъ, какъ „сынамъ лѣнливой безпечности“, онъ усволяетъ „не блестящіе дары поэзіи трудолюбивой“ (трудъ необходимъ только для бездарныхъ поэтовъ), а вѣнцы, раздаваемые музою счастливой *праздности* (I, 109); вотъ почему не разъ онъ обращается въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ къ восхваленію лѣни (напр., въ стихотвореніи „Сонъ“): лѣнь представлялась ему признакомъ истиннаго поэтического дарованія. Молодой, даровитый поэтъ, которому легко давались его произведенія, не сумѣлъ оцѣнить значеніе труда въ области поэтического творчества. Такая оцѣнка — дѣло недалекаго будущаго...

Таковы юношескія воззрѣнія Пушкина на значеніе и условія поэтического творчества. Они сразу ставили его въ рядъ съ представителями новаго литературнаго направленія, во главѣ котораго стояли Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ. Правда, тѣ образы, которыми Пушкинъ пользовался при изображеніи поэта и его дѣятельности, въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ классицизму; но въ старые образы молодой поэтъ вкладывалъ новое содержаніе, отражавшее на себѣ вліяніе того литературнаго направленія, которое извѣстно подъ названіемъ романтизма: взгляды на *свободу*, какъ на необходимое условіе поэтического творчества, съ особенною настойчивостью выдвигался романтиками съ противовѣсъ классикамъ, которые подчиняли поэтическое творчество правиламъ твердо установленной теоріи и даже требованіямъ придворнаго этикета... Не мало измѣненій и дополненій внесетъ Пушкинъ впослѣдствіи въ свои воззрѣ-

нія на значеніе и условія поэтическаго творчества: онъ задумается надъ вопросомъ о сущности вдохновенія, оцѣнитъ значеніе труда въ дѣятельности поэта, но онъ навсегда сохранитъ то убѣжденіе, что поэзія должна быть искреннимъ, свободнымъ и независимымъ выраженіемъ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя составляютъ содержаніе внутренней жизни поэта. Въ теченіи всей своей жизни Пушкинъ горячо отстаивалъ свободу поэтическаго творчества.

Подшло лѣто 1817 года. Въ іюнѣ этого года Пушкину предстояло покинуть лицей, въ которомъ онъ провелъ шесть безмятежныхъ лѣтъ своей жизни. Приходилось подумать о будущемъ. Познакомившись въ послѣдній годъ своей жизни въ Царскомъ Селѣ съ офицерами, Пушкинъ и самъ сталъ мечтать о военной службѣ, но эти мечты, которымъ не пришлось осуществиться, не были выраженіемъ его внутреннихъ, глубокихъ стремленій: эти стремленія влекли его къ литературной дѣятельности. Поэтъ не пошелъ наперекоръ природному влеченію: въ посланіи къ Жуковскому, написанномъ предъ выходомъ изъ лицея, онъ выражаетъ твердое рѣшеніе отдать свои силы поэзіи. Онъ сознаетъ свою неопытность, опасается за успѣхъ своей дѣятельности, но онъ—не въ силахъ смирить пылкаго влеченія. Ободренный вниманіемъ къ нему старика Державина, Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго, онъ говоритъ:

Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.

Онъ знаетъ, что истинному поэту предстоитъ борьба съ литературными и общественными врагами, которая нерѣдко служить источникомъ огорченій; но его не страшатъ эти огорченія:

Что нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты—примѣръ! что крикъ безумныхъ сихъ
дружинъ?!

„Итакъ, осмнадцатилѣтній юноша рѣшилъ свое призваніе и сдѣлалъ выборъ“, съ которымъ вышелъ изъ лицея и „которому не измѣнилъ до конца жизни; онъ не предчувствовалъ борьбы, какую ему придется вести не съ литературными партіями, а съ теченіемъ русской общественной жизни, обратившимся для него въ судьбу. Лицейская слава досталась ему легко, безъ терній, но много ихъ попало въ вѣнецъ той славы, за которую внуки поставили ему памятникъ“ (Стоюнинъ).

Угюлокъ лицейскаго сада.

А. С. Пушкинъ

въ ПЕТЕРБУРГѢ (1817—1820).

III.

Пушкинъ и Олѣгинъ
съ гравюры Гейтмана.

Олѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы...
Тамъ нѣкогда гулялъ и я...

Изъ „Евг. Онегина“.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!

Оттуда же.

о выходѣ изъ лица Пушкинъ опредѣлился на службу въ „государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ“. Служба была номинальная: она не требовала отъ поэта ни времени, ни силъ. Свободный отъ обязательныхъ занятій, онъ бросился въ самый круговоротъ столичной жизни. Былъ ли осемнадцатилѣтній юноша подготовленъ къ самостоятельной общественной жизни? Мы видѣли, что въ лицѣ завязались у него прочныя дружескія связи и получило широкое развитіе его литературное дарованіе; онъ вышелъ оттуда съ вѣрой въ свои творческія силы и съ твердымъ рѣшеніемъ отдать ихъ поэтической дѣятельности; но онъ не вынесъ изъ школы ни опредѣленныхъ нравственныхъ или общественныхъ идеаловъ, ни серьезнаго взгляда на жизнь. А между тѣмъ юное сердце жаждало свободы и наслажденій... При такихъ условіяхъ трудно было даровитому, но увлекающемуся юношѣ сохранить устойчивое равновѣсіе въ круговоротѣ столичной жизни.

Въ послѣдніе годы александровскаго царствованія серьезная жизнь сосредоточивалась въ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ того времени. „Арзамасъ“ и „Бесѣда любителей русскаго слова“ продолжали свое существованіе, хотя періодъ острой борьбы между ними уже миновалъ къ этому времени. Пушкинъ, еще въ лицѣ приняты въ члены „Арзамаса“, теперь фактически сблизился съ членами этого кружка. Къ сожалѣнію, онъ не могъ имѣть для юнаго поэта большого значенія ни въ общественномъ, ни въ литературномъ смыслѣ: „Арзамасъ“ мало интересовался общественными вопросами и движеніями своего времени, а его литературное вліяніе на Пушкина не могло быть значительнымъ потому, что молодой поэтъ скоро переросъ своихъ руководителей: ему нечему было у нихъ учиться. Это сознавали и сами арзамасцы: когда Пушкинъ окончилъ свою поэму „Русланъ и Людмила“, Жуковский подарилъ ему свой портретъ съ знаменательною надписью: „Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя“. Если пребываніе въ „Арзамасѣ“ и имѣло какое-либо значеніе для Пушкина, то только въ томъ отношеніи, что оно навсегда скрѣпило его личныя связи съ арзамасцами, особенно съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Много лѣтъ спустя возвратившись въ столицу, онъ нашелъ въ нихъ крѣпкихъ, испытанныхъ друзей, которые отчасти повліяли и на формировку его общественныхъ идеаловъ.

Въ общественныхъ кружкахъ (т. н. „тайныхъ обществахъ“) александровскаго времени, возникшихъ послѣ наполеоновскихъ войнъ подъ вліяніемъ ознакомленія съ европейскимъ общественнымъ строемъ, обсуждались серьезные вопросы касательно общественно-политическаго строя въ Россіи, на первомъ планѣ—вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права; здѣсь подготовлялось то политическое движеніе, которое разрѣшилось декабрьскими волненіями 1825 года. Исторія показала, что декабристы строили свои политическіе и общественные планы на почвѣ теоретическихъ соображеній, заимствованныхъ съ Запада, не справляясь съ историческими и бытовыми условіями русской жизни, чѣмъ и объясняется крушеніе ихъ теорій; однако, несомнѣнно, что между будущими декабристами было много лицъ истинно-об-

разованныхъ, гуманныхъ, съ развитымъ общественнымъ чувствомъ. Молодой поэтъ страстно желалъ вступить въ члены „тайнаго общества“, куда уже успѣли вступить нѣкоторые изъ его лицейскихъ друзей, напр., Пущинъ и Кюхельбекеръ; но будущіе декабристы, не полагаясь на сдержанность необузданнаго юноши, а можетъ быть, пщадя его для русской литературы, отклонили осуществленіе его желанія. Такъ онъ и не сдѣлался, къ счастію для русской литературы, членомъ тайнаго общества, хотя навсегда сохранилъ расположеніе къ декабристамъ. Тѣмъ не менѣе съ основными стремленіями и воззрѣніями декабристовъ Пушкинъ успѣлъ познакомиться еще въ Петербургѣ, и, можетъ быть, не безъ ихъ вліянія сложился у него въ это время отрицательный взглядъ на крѣпостное право, такъ гармонировавшій съ гуманными наклонностями его доброй души. Къ этому именно времени (1819 г.) относится замѣчательное стихотвореніе Пушкина „Деревня“, гдѣ онъ въ сильныхъ выраженіяхъ изображаетъ и нравственный, и экономическій гнетъ крѣпостного права, заканчивая свое стихотвореніе слѣдующими вдохновенными словами:

О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ вѣгійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ—свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Идеаль „просвѣщенной свободы“ Пушкинъ свято сохранилъ до конца жизни: уничтоженіе крѣпостного права и народное просвѣщеніе онъ всегда считалъ насущными потребностями русской общественной жизни ¹⁾).

Итакъ, ни литературные, ни общественные кружки не завладѣли вполне Пушкинымъ, а между тѣмъ молодая натура жаждала кипучей дѣятельности. И вотъ онъ, не зная удержа, бросается въ водоворотъ самой разбѣянной жизни: молодыя силы расходуются на „играхъ Вакха и Киприды“,

¹⁾ См. «Записки» Смирновой, ч. 1, стр. 225—226. Этому по существу не противорѣчатъ «Мысли на дорогѣ»—произведеніе, до сихъ поръ еще не вполне объясненное.

съ которыми поэтъ познакомился еще въ Царскомъ Селѣ; въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, онъ два раза былъ при смерти—результатъ безпутной жизни; нѣсколько разъ дрался на дуэляхъ. Эта темная полоса въ петербургской жизни Пушкина, по обыкновенію, нашла свое выраженіе и въ его поэзіи...

Однако и въ эту пору не весь онъ уходилъ въ смутныя увлеченія молодости: въ глубинѣ души еще жили чистыя воспоминанія дѣтства, которыя поддерживались благотворными впечатлѣніями деревенской жизни (на лѣто Пушкинъ уѣзжалъ въ имѣніе матери—сельцо Михайловское Псковск. губ.). Въ эту именно пору создалъ поэтъ то вдохновенное стихотвореніе, въ которомъ говоритъ о себѣ, что время-отъ-времени въ его душѣ „возникаютъ видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней“, а въ Михайловскомъ складывается его прекрасное стихотвореніе „Домовому“, которое Бѣлинскій относитъ къ немногимъ „чисто—пушкинскимъ“ произведеніямъ этой эпохи. Въ этомъ стихотвореніи, въ формѣ молитвеннаго обращенія къ „доброму домовому“, „незримому покровителю мирнаго помѣстія“, поэтъ рисуетъ картинку своей деревенской усадьбы, согрѣтую теплотою задушевнаго чувства. Онъ проситъ домового охранять его „смирный домикъ“ отъ недружескаго взора:

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ,
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, пзмятые моею бродящей лѣнью,
Прохлады липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью!

Эти два стихотворенія—„Возрожденіе“ и „Домовому“—чрезвычайно важны для пониманія внутренней жизни Пушкина въ ту пору. Первое характеризуетъ *душевное настроеніе* поэта: оно показываетъ, что въ его душѣ еще не заглохли чистыя впечатлѣнія дѣтства; а второе даетъ намъ возможность опредѣлить *поэтическій кругозоръ* Пушкина: поэтъ, четыре года тому назадъ—въ стихотвореніи „Сонъ“—вспо-

мнившій о своемъ Захаровѣ, теперь воплощаетъ въ поэтической картинкѣ новыя впечатлѣнія деревенской жизни. Въ обобщеніи стихотворенійхъ—то же теплое отношеніе къ деревенскому уединенію, та же поэтизація жизни, но стихотвореніе 1819 года выгодно отличается отъ стихотворенія 1815 г. законченностью и простотою рисунка, обнаруживающими въ авторѣ уже созрѣвшаго художника. Если мы припомнимъ, что въ то же самое время написано и стихотвореніе „Деревня“, въ которомъ поэтъ съ такой тоской изображаетъ гнетъ крѣпостного права, то мы легко узнаемъ въ авторѣ этихъ произведеній будущаго художника русской природы и жизни. Задатки художественнаго реализма, отмѣченные нами въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, зрѣли въ душѣ поэта...

Въ это же время (1820 г.) Пушкинъ закончилъ и выпустилъ въ свѣтъ свою первую поэму „Русланъ и Людмила“, начатую еще въ лицей.

Происхожденіе поэмы стоитъ въ связи съ давнимъ стремленіемъ русскихъ писателей внести въ русскую литературу народное содержаніе. „Первые псевдо-классики думали уже удовлетворить этой потребности трагедіями изъ древне-русской исторіи; писатели комедій и шуточныхъ поэмъ вводили сцены и лица изъ народнаго быта—последнее потому, что въ старой теоріи народное было вульгарно и могло быть трактовано только въ низшемъ комическомъ родѣ. Затѣмъ, еще съ конца прошлаго вѣка явилось представленіе, что богатый источникъ поэзіи можетъ найтись въ безъискусственномъ народномъ преданіи—примѣромъ былъ прославившійся по всей Европѣ Оссианъ¹⁾. Непосредственный интересъ къ своему народному вызвалъ тогда же усердное собираніе пѣсенъ. У насъ мало знали о Гердерѣ, но узнали о нѣмецкомъ романтизмѣ, который создавалъ пѣлый культъ средне-вѣковаго преданія, полу-рыцарскаго, полу-народнаго, исполненнаго мистической таинственности и первобытной глубины и нѣжности чувства... Если еще Державинъ, потомъ Карамзинъ, Радищевъ пытались возсоздать русскую

¹⁾ Подъ именемъ пѣсенъ Оссиана, древняго кельтскаго барда, шотландскій ученый Макферсонъ (1738—1796) издалъ собранные и значительно переработанные имъ отрывки пѣсенъ ирскихъ (древне-ирландскихъ) и гэльскихъ (древне-шотландскихъ) бардовъ.

сказочную старшну, то въ новѣйшее время ее снова стали разыскивать Жуковский и Батюшковъ“ (Шыпшиъ). Самъ Пушкинъ, какъ мы видѣли, еще въ лицѣ принялся-было за поэтическую обработку сказочнаго сюжета о Бовѣ-королевнѣ, но сказка „Бова“ осталась неоконченной и при жизни поэта не появлялось въ свѣтъ. Счастливейше оказалась поэма „Русланъ и Людмила“.

Эта сказка-поэма создана Пушкинымъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ литературныхъ и — отчасти — народныхъ источниковъ. Недавно (въ 1895 г.) проф. Н. В. Владиміровъ доказалъ, что главнымъ литературнымъ источникомъ поэмы Пушкина послужили „Богатырскія повѣсти въ стихахъ“ Николая Александровича Радищева (старшаго сына извѣстнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“), къ которымъ, кромѣ русскаго народнаго эпоса, сказалось вліяніе „Душеньки“ Богдановича, „Причудницы“ Дмитріева, „Ильи Муромца“ Карамзина, отчасти Аріоста и Виланда. Литературныя вліянія оказались настолько значительными, что отъ русскихъ народныхъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ у Радищева остались одни имена. Со стороны построения и стиха его „богатырскія повѣсти“ очень слабы, но сюжетъ ихъ не лишенъ занимательности. Заимствовавъ у Радищева канву для своей поэмы, Пушкинъ внесъ въ нее кое-что изъ Аріоста и Лафонтена, а также изъ запаса собственныхъ свѣдѣній въ области народнаго эпоса ¹⁾. Въ результатѣ поэтической переработки всѣхъ этихъ вліяній и появилась наша поэма, которая не только навсегда затмила „богатырскія повѣсти“ Радищева, но произвела своимъ появленіемъ небывалое волненіе въ русской литературѣ и обществѣ.

Рѣдко на долю литературнаго произведенія выпадалъ такой шумный успѣхъ, какимъ сопровождалось появленіе „Руслана и Людмилы“. Представители русскаго романтизма увидѣли въ произведеніи молодого поэта ту романтическую поэмѣ въ народномъ духѣ, о которой мечтали сами. Батюшковъ, познакомившись съ отрывками „Руслана и Людмилы“,

¹⁾ Кромѣ статьи проф. Владимірова (въ Кіевск. „Университ. Извѣстіяхъ“ за 1895 г.), объ источникахъ поэмы „Русланъ и Людмила“ см. во II томѣ поливановскаго изданія сочиненій Пушкина.

писалъ кн. Вяземскому, что „Пушкинъ пишетъ прелестную поэму и зрѣетъ“, а Жуковский, уже давно прозрѣвавшій въ Пушкинѣ будущую славу нашей литературы, съ появленіемъ первой поэмы молодого поэта призналъ себя его *побѣжденнымъ* учителемъ. Читающее общество, особенно молодежь, примкнуло къ восторженнымъ отзывамъ о новой поэмѣ знаменитыхъ представителей русской литературы. Не замѣчая недостатковъ поэмы и не давая себѣ отчета въ ея достоинствахъ, оно чувствовало въ ней присутствіе чего-то бодрого, свѣжаго и увлекалось легкимъ, блестящимъ стихомъ молодого поэта. За то литературные старовѣры, эпигоны классицизма, всполошились и ринулись на поэму, ея автора и почитателей съ старымъ оружіемъ ложно-классическихъ предразсудковъ, возмущаясь и сюжетомъ поэмы и способомъ его обработки. „Возможно-ли,—воскликаетъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ,—возможно-ли просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу?“ Критикъ недоволенъ и языкомъ поэмы: онъ никакъ не можетъ помириться съ такими „пошлыми“ выраженіями, какъ „удавить бороною“, стать „передъ носомъ“, „щекотать ноздри копьемъ“, „ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу“ и т. п. (см. объ этомъ у Поливанова)... Между романтиками и классиками на много лѣтъ завязался горячій споръ по теоретическимъ вопросамъ искусства, который продолжался еще тогда, когда самъ Пушкинъ, уже освободившись отъ вліянія романтизма, создавалъ свои великія произведенія („Евгеній Онѣгинъ“, „Борисъ Годуновъ“), изображавшія подлинную русскую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ...

Какъ ни ликовали русскіе романтики по поводу появленія „Руслана и Людмилы“, видя въ этой поэмѣ осуществленіе своихъ завѣтныхъ стремленій о *романтической* поэмѣ въ народномъ духѣ,—на самомъ дѣлѣ новая поэма не выражала духа истиннаго романтизма: ей чужды и чувство неудовлетворенности настоящимъ, и идеальные порывы, которыми характеризуется истинно-романтическая поэзія. Сквозь романтическія формы пробивается въ поэмѣ молодое чувство, живой юморъ, жажда жизни,—тѣ черты, которыя выдають уже знакомаго намъ „юношу съ природными задатками реа-

лизма“, хотя—конечно—эти задатки и не получили въ поэмѣ широкаго развитія: это—дѣло будущаго... Ошибались и тѣ современники Пушкина, которые видѣли въ „Русланѣ и Людмилѣ“ *народную* поэму. Николай Полевой и—нѣсколько позже—Бѣлинскій еще при жизни Пушкина указали на эту ошибку. Правда, въ юношеской поэмѣ Пушкина несравненно больше народнаго элемента, нежели у его предшественниковъ: ширѣ у князя „Владимира-солнца“, Баянъ, шапка-невидимка, живая и мертвая вода, борьба свѣта съ мракомъ, добра со зломъ—все это мотивы, встрѣчающіеся въ русскомъ народномъ эпосѣ; но характеры героевъ „Руслана и Людмилы“ имѣютъ мало общаго съ нашими былинными богатырями, да и самый складъ поэмы, съ ея легкимъ, живымъ и увлекательнымъ стихомъ, еще далекъ отъ склада народной рѣчи. „О прологъ къ „Руслану и Людмилѣ“,—по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго,—дѣйствительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“; но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, т. е. черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго ея изданія,—стало быть, тогда, какъ Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи“. Позднѣйшія произведенія Пушкина, написанныя въ народномъ духѣ, дали мѣрку для правильнаго отношенія къ его первой поэмѣ; современники же ея появленія въ свѣтъ, не обладая такой мѣркой, не могли дать правильной оцѣнки „Руслана и Людмилы“; за то на ихъ долю выпало счастье пережить тѣ восторги, которые были вызваны первыми увѣренными движеніями молодого богатыря, смѣло разрывавшаго традиціонныя оковы, наложенныя классицизмомъ на русскую поэзію. Они радовались такъ, какъ мы радуемся каждый разъ веснѣ, которая гонитъ со двора суровую зиму:

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуще лишь шумить...

Поэма „Русланъ и Людмила“ была здоровымъ, задорнымъ хохотомъ молодого поэта, увлекшимъ однихъ, смутившимъ другихъ; и тѣ и другіе почувствовали въ ней что-то новое,

дотоле неслыханное; какъ ни ворчали „старики“, имъ не удалось задержать свободное развитіе молодого таланта; весна уже вступила въ свои права...

Въ теченіе трехлѣтней разсѣянной жизни въ Петербургѣ Пушкинъ, повидимому, мало задумывался надъ задачами и условіями поэтическаго творчества; все-таки въ его произведеніяхъ замѣтны нѣкоторые слѣды работы надъ этими вопросами. Мало цѣнившій въ юные годы значеніе труда для истиннаго поэта, Пушкинъ и теперь готовъ ставить поэтическое вдохновеніе въ нѣкоторую связь съ лѣнью (напр., въ стихотвореніи „Домовому“); но кое-гдѣ проглядываютъ у него черты новаго взгляда на этотъ предметъ. Такъ, въ стихотвореніи „Деревня“ есть такіе строки:

Оракулы вѣковъ! Здѣсь вопрошаю васъ!
Въ *уединеньи* величаю въ
Слышишь вашъ отраднѣйшій гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ *трудамъ* рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

И въ этомъ стихотвореніи онъ отдаетъ предпочтеніе вольной *праздности* предъ суетой столичной жизни, но праздность ему дорога, какъ „*подруга размышленья*“. Значитъ, поэтическая лѣнь не есть отсутствіе труда; это—свобода отъ хлопотъ, связанныхъ съ разсѣянною жизнью, обезпечивающая успѣшное развитіе творческой дѣятельности.

Замѣчательна и еще одна черта въ этомъ богатомъ мыслями стихотвореніи. Поэтъ—между прочимъ—потому такъ высоко цѣнитъ деревенское уединеніе, что оно даетъ ему возможность „*роптанию не внимать толпы непросвѣщенной*“. Очевидно, подъ толпой онъ разумѣетъ тѣхъ представителей „образованнаго“ столичнаго общества, которые, мало понимая толку въ литературѣ и не интересуясь вопросами общественной жизни, порицали и литературныя, и общественныя воззрѣнія и симпатіи нашего поэта; это—то самое сдержанно-пустое общество, которое немного позже поэтъ обрисовалъ въ сво-

емъ посланіи къ Горчакову (I, 211—212). Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду и тѣхъ лицъ, которыя не вѣдаютъ,

что дружно можно жить

Съ Кнѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;

Что умъ высокій можно скрыть

Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Имѣя въ виду такихъ людей, Пушкинъ еще въ 1817 году давалъ совѣтъ одному изъ „минутныхъ друзей молодости“ (VII, 82), Каверину, презирать ревнивое роптаніе *черни*; хотя—замѣтимъ кстати—въ ряду лицъ, отрицательно относившихся къ разсѣянной жизни Пушкина, были не только самодовольные педанты или литературные Сальери, но и такіе сердечные люди и искренніе доброжелатели поэта, какъ Жуковский, Карамзинъ, Батюшковъ. Послѣдній, напр., опасаясь, какъ бы Пушкинъ не растратилъ своего дарованія среди разсѣянной жизни, писалъ: „да спасутъ его музы да молитвы наши“.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ указанныя черты въ стихотвореніяхъ Пушкина этого періода важны, какъ данныя для уясненія его поэтического самосознанія: поэтъ по-прежнему отстаиваетъ свободу и независимость поэтического творчества, отстраняя вмѣшательство „непросвѣщенной толпы“ въ дѣятельность поэта; но это не мѣшаетъ ему внимательно прислушиваться къ мнѣніямъ истинныхъ представителей литературы и пользоваться своимъ словомъ для проведенія въ общественное сознаніе возвышенныхъ мыслей. Девятнадцатилѣтній поэтъ обращается къ своему другу Чаадаеву, человѣку съ серьезными умственными и общественными интересами, — съ такими юношески-восторженными словами:

Пока свободою горимъ,

Пока сердца для чести живы,

Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ

Души высокіе порывы.

А когда поэта вызывали на то, чтобы онъ написалъ стихи въ честь императрицы Елисаветы Алексѣвны, онъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ превосходнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ, признавая необходимыми условіями истиннаго поэти-

ческаго вдохновенія *свободу и искренность*, ставитъ себѣ въ заслугу то, что его неподкупный голосъ былъ „*эхомъ русскаго народа*“ (I, 208). Значитъ, отрицательное отношеніе къ „непросвѣщенной толпѣ“ не было отчужденіемъ отъ народа.

Окидывая теперь однимъ общимъ взоромъ жизнь и дѣятельность Пушкина за три года его пребыванія въ Петербургѣ, мы замѣчаемъ и въ настроеніи, и въ поэзіи его два противоположныхъ теченія: одно—мутное, чувственное, другое—здоровое, возвышенное, при чемъ первое теченіе было настолько сильно, что Батюшковъ имѣлъ полное основаніе опасаться за молодое, но богатое дарованіе начинавшаго поэта. Даровитый юноша стоялъ на распутіи, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ выбрать для себя опредѣленное направленіе, произошли внѣшнія перемѣны въ его жизни: въ 1820 году за политическіе памфлеты и эпиграммы онъ былъ сосланъ (=переведенъ на службу) въ южную Россію, куда и мы послѣдуемъ за нимъ.

Пушкинъ
съ карт. худ. Крамского.

А. С. Пушкинъ

Байронъ.

на югъ России (1820—1824).

IV.

Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волиъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...

Изъ „Евгенія Онегина“.

Въ май 1820 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своего новаго назначенія — въ Екатеринославъ. Тамъ больной и усталый, онъ случайно встрѣтился съ семействомъ генерала Раевского, съ сыновьями котораго познакомился еще въ Петербургѣ. Раевскіе обласкали молодого поэта и пригласили его съ собою на Кавказъ. Непосредственный начальникъ Пушкина, генералъ Инзовъ, человѣкъ мягкій и добрый, охотно отпустилъ своего новаго подчиненнаго, и Пушкинъ отправился вмѣстѣ съ Раевскими сначала на Кавказъ, а потомъ на южный берегъ Крыма. Онъ пропутешествовалъ вмѣстѣ съ Раевскими больше трехъ мѣсяцевъ. Это было хорошее время въ его жизни: „Мой другъ, — писалъ онъ къ брату въ сентябрѣ 1820 г., только-что разставшись съ Раевскими, — счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя,

славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его“ (Александръ Николаевичъ) „будетъ болѣе, нежели извѣстепъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая“ (Екатерина Николаевна, вышедшая вскорѣ за М. Ѳ. Орлова)—„женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море“... (VII, 10—11).

Жизнь въ такихъ условіяхъ оказала самое благотворное вліяніе на молодого поэта, переживавшаго періодъ бурныхъ волненій: прежде всего она развлекла, успокоила Александра Сергѣевича, взволнованнаго высылкой изъ Петербурга; затѣмъ она обогатила его новыми впечатлѣніями: поэтъ познакомился и съ грандіозной природой Кавказа, и съ нѣжною, чарующею роскошью южнаго берега Крыма; наконецъ, она ввела его въ кругъ серьезныхъ—литературныхъ и общественныхъ—интересовъ. Раевскіе были люди образованные; они много читали, много думали; живое отношеніе молодыхъ Раевскихъ въ вопросамъ общественной жизни сближало ихъ съ будущими декабристами (одинъ изъ нихъ, кн. С. Г. Волконскій, вскорѣ женился на Марьѣ Николаевнѣ Раевской). Находясь въ кругу такихъ лицъ, Пушкинъ впервые созналъ недостаточность своего образованія и необходимость серьезной работы надъ его восполненіемъ; здѣсь-же—подъ вліяніемъ и руководствомъ Раевскихъ—онъ принялся за серьезное изученіе англійскаго языка, которое послужило для него средствомъ къ непосредственному ознакомленію съ англійскою литературой, прежде всего онъ принялся за серьезное изученіе Байрона, которымъ—замѣтно—увлекались Раевскіе. Байронъ, произвелъ на нашего поэта сильное впечатлѣніе: „я съ ума сходилъ отъ Байрона“, вспоминалъ онъ впоследствии (V, 121).

Во время своего путешествія Пушкинъ писалъ сравнительно мало, особенно на Кавказѣ: онъ больше читалъ и разсуждалъ, чѣмъ творилъ. Ему даже казалось одно время, что поэтическое творчество навсегда покинуло его:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Поэтъ на этотъ разъ ошибся: муза только на короткое время покинула своего любимца...

Въ сентябрѣ 1820 года Пушкинъ разстался съ Раевскими, чтобы отправиться къ мѣсту своей службы въ Кишиневъ, куда къ тому времени былъ переведенъ попечительный комитетъ о южно-русскихъ колонистахъ. Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ почти три года (до іюля 1823 г.), по временамъ отлучаясь изъ него то въ село Каменку Чигиринскаго уѣзда—имѣніе Раевскихъ, то—въ Одессу. Въ это же время онъ около недѣли пробродилъ по Бессарабіи вмѣстѣ съ цыганскимъ таборомъ. Въ Кишиневѣ Пушкинъ не нашелъ такихъ лицъ, которыя могли бы замѣнить ему Раевскихъ; и умственный, и нравственный уровень высшаго кишиневского общества былъ не высокъ: его мало занимали литературные и общественные интересы; нравственные требованія не отличались строгостію; карты и кутежи составляли существенный элементъ въ содержаніи общественной жизни. Пушкинъ, остепенившійся въ семействѣ Раевскихъ, теперь снова очутился въ такихъ условіяхъ, которыя напоминали обстановку его безпутной жизни въ Петербургѣ,—съ тою разницею, что здѣсь уже не было около него преданныхъ друзей, въ родѣ Жуковскаго, которые могли бы сдерживать хоть отчасти его бурныя увлеченія. Снова начались „игры Вакха и Киприды“ и неразлучныя съ ними ссоры и дуэли; карты и кутежи отнимали и время, и силы у молодого поэта; въ сношеніяхъ съ

окружавшими его лицами Пушкинъ сдѣлался дерзокъ, задоренъ, заносчивъ; онъ какъ бы намѣренно шелъ наперекоръ общественнымъ приличіямъ и нравственнымъ требованіямъ. Помутилось и религіозное чувство: поэтъ вышучивалъ говѣнье, пародировалъ молитву Ефрема Сирина, дошелъ до кощунства и глумленія надъ Библіей. Эта темная сторона въ жизни поэта, по обыкновенію, отразилась и въ его поэзіи: въ его творчествѣ кишиневскаго періода замѣтна мутная струя кощунства и чувственности. Къ этому именно времени (1823 г.) относится происхожденіе той злополучной поэмы, которая представляетъ собою кощунственную переработку библейскаго сюжета. Къ чести нашего поэта нужно замѣтить, что эта поэма впослѣдствіи сдѣлалась для него „предметомъ немолчаемыхъ угрызений совѣсти и вѣчнаго раскаянія—до конца жизни“ (Анненковъ); а пока мутная накипь заволакивала свѣтлыя черты его личности. Это была самая темная полоса въ жизни Пушкина: борьба добра со зломъ, свѣта съ мракомъ, которая происходитъ въ душѣ каждаго человѣка, въ жизни нашего поэта достигла теперь высшаго напряженія. Страшно становилось за человѣка: казалось, онъ погибаетъ...

Но онъ не погибъ: въ глубинѣ его души не переставали жить *высшія, идеальныя потребности*, которыя не находили себѣ удовлетворенія въ разсѣянной жизни; и теперь, какъ и прежде, можно было найти Пушкина „за чашей личкованья“—„обятымъ тоской, задумчивымъ, съ поникшей головой“ (I, 212). *Чистыя впечатлѣнія дѣтства* также не умирали въ душѣ поэта: время отъ времени они пробивались сквозь накипь безпутной жизни и озаряли его своимъ ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ ¹⁾). Наконецъ, самый *процессъ поэтическаго творчества* заключалъ въ себѣ могучую очиститель-

¹⁾ Впечатлѣнія дѣтства отразились въ стихотвореніи „Наперсница волшебной старины“ и, можетъ быть, въ тѣхъ стихахъ „Бахчисарайскаго фонтана“, гдѣ изображается комната Маріи:

Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный..

Не набросаны ли эти строки подъ вліяніемъ дѣтскихъ воспоминаній? Ср. Сумцова „Этюды объ А. С. Пушкинѣ“. II. 71.

ную силу: чтобы переработать въ поэтическіе образы разнообразныя впечатлѣнія жизни, поэту нужно снова пережить ихъ въ своемъ сознаніи, поставить ихъ предъ судомъ своего разума и своей совѣсти, дать отчетъ въ ихъ достоинствахъ и т. п. Творческій процессъ становится чрезъ это процессомъ самоиспытанія. Къ Пушкину, который, по собственному его сознанію, вносилъ въ свои поэтическія произведенія „стихи своего сердца“ (VII, 30 ¹), въ полномъ объемѣ прилагается то, что самъ онъ сказалъ о временномъ властителѣ своихъ думъ—Байронѣ: „Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи“. Поэтъ, высоко цѣнившій въ писателѣ *искренность*, признавалъ значеніе такой уединенной исповѣди: „презирать судъ людей не трудно (писалъ онъ), презирать судъ собственный невозможно“ ²). Въ этомъ значеніи для поэта самоиспытанія, соединеннаго съ процессомъ поэтическаго творчества, и заключается очистительная сила послѣдняго. Совокупностью всѣхъ перечисленныхъ условій и объясняется то, что „душная, но сладострастная атмосфера“ кишиневской жизни не захватила нашего поэта цѣликомъ: за картами и кутежами скрывался серьезный трудъ надъ самообразованиемъ и поэтической переработкой жизненныхъ впечатлѣній. Поэтому было бы ошибкой судить о Пушкинѣ исключительно по его наружнымъ дѣйствіямъ. „Какъ судить,—спросимъ вмѣстѣ съ нимъ,—о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя произвольную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто *по какому-либо своему правому убѣжденію ума своего онъ можетъ представлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія*; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одиѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивиадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живою еще памяти у всѣхъ русскихъ“. Пушкинъ писалъ эти слова о

¹) Ср. слѣд. строки изъ письма къ Дельвигу (1821 г.): „У меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но—теперь ничего не пишу—я *перевариваю воспоминанія* и надѣюсь набрать скорѣ новыя“ (VII, 15).

²) Тихонравовъ, соч. т. III, ч. I, стр. 515; ср. Анненковъ, Матеріалы, стр. 88; Стоюнинъ, Пушкинъ, стр. 35; Пытинъ, Пушкинъ („Вѣстн. Евр.“ 1895 г., т. V, стр. 760).

Байронъ, но ихъ вполне можно приложить и къ самому Пушкину: и онъ, по своему равному убѣжденію своего ума, выставялъ на показъ толпѣ далеко не лучшую сторону своего существованія. Прочитайте его посланіе къ Чаадаеву—и вы увидите, что Пушкинъ теперь сознательно ставитъ своею задачей „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“, и это признаніе не было пустымъ словомъ: Пушкинъ во время своего пребыванія въ Кишиневѣ занимается серьезнымъ изученіемъ западной литературы, русской исторіи, народной поэзіи. „Похлопочи о книгахъ“—пишетъ онъ брату въ 1823 г., и съ того времени настойчивая просьба о высылкѣ книгъ не разъ повторяется въ письмахъ Пушкина къ брату и друзьямъ. Самъ серьезно работая надъ своимъ самообразованіемъ, онъ совѣтуетъ своему брату посредствомъ чтенія восполнять недостатки школьнаго образованія: „чтеніе—вотъ лучшее ученіе“, пишетъ онъ (VII, 36).

Путемъ чтенія и размышленій вырабатываются историческіе ¹⁾ и литературные взгляды Пушкина. Онъ любитъ и цѣнитъ русскій языкъ: „пиши по-русски“, не разъ онъ твердитъ своему брату (VII, 22, 28) и готовъ сердиться на послѣдняго за французскій языкъ его писемъ. По его взгляду, русскій литературный языкъ долженъ отличаться *простотою*. „Я желалъ бы,—пишетъ онъ кн. Вяземскому,—оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали“ (VII, 57), а въ своихъ замѣткахъ о слогѣ, писанныхъ въ 1822 году, онъ осуждаетъ тѣхъ писателей, которые загромождаютъ свою рѣчь искусственными выраженіями. „Что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять *просто* вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*,

¹⁾ См. его „Историческія замѣчанія“, писанныя въ 1822 г. Проф. В. О. Ключевскій по поводу взглядовъ Пушкина, высказанныхъ въ этихъ замѣчаніяхъ, высказалъ такое сужденіе: „Наша исторіографія ничего не выиграла ни въ правдивости, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII вѣкъ, противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1822 г. (см. рѣчь проф. Ключевскаго въ сборникѣ „Вѣнокъ на памятникъ Пушкина“).

но прибавятъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: *рано по-утру*, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба.—*Точность, опрятность*—вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи—дѣло другое (впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно)¹⁾.

Литературная дѣятельность Пушкина развивается за это время съ поразительною свободой и быстротою: муза его ожила. Не даромъ онъ написалъ въ это время граціозное стихотвореніе о своей музѣ: „Въ младенчествѣ моемъ она меня любила“... Въ періодъ времени съ конца 1821 г. и до половины 1823 г., кромѣ мелкихъ произведеній, окончены „Кавказскій плѣнникъ“, написаны „Братья-разбойники“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“; въ Кишиневѣ же (въ маѣ 1822 г.) начата 1 глава „Евгенія Онѣгина“ и, можетъ быть, задумана поэма „Цыганы“,—по крайней мѣрѣ, впечатлѣнія Бессарабіи отразились въ этой поэмѣ; написана она уже въ Одессѣ, куда Пушкинъ перешелъ на службу—подъ начальство знаменитаго въ исторіи Новороссіи гр. М. С. Воронцова—въ іюлѣ 1823 года.

Не смотря на то, что въ Кишиневѣ Пушкинъ широко развилъ свою поэтическую дѣятельность, переселеніе его въ Одессу слѣдуетъ считать благопріятнымъ событіемъ въ его жизни, потому что оно дало ему возможность вырваться изъ той нравственно-одуряющей атмосферы, которою онъ былъ окруженъ въ Кишиневѣ въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Правда, въ лицѣ гр. Воронцова онъ не нашелъ такого добраго, снисходительнаго начальника, какимъ былъ генералъ Инзовъ: поэтическаго дарованія Пушкина Воронцовъ не цѣнилъ, а отношеніе самолюбиваго молодого поэта къ служебнымъ обязанностямъ были таковы, что дѣловитый Воронцовъ не имѣлъ поводовъ дорожить имъ, какъ чиновникомъ. На этой почвѣ

¹⁾ V, 15—16. Ср. съ этимъ слова Тургенева: „Пишите съ простотою; пишите просто, искренно то, что васъ занимаетъ“, а также мысли Л. Н. Толстого о простотѣ и искренности въ искусствѣ, высказанныя имъ въ сочиненіи: „Что такое искусство?“ особенно въ главѣ XV).

и возникли неудовольствія между знаменитымъ администраторомъ и еще болѣе знаменитымъ поэтомъ, окончившіяся ссылкой послѣдняго въ Михайловское. Но за то Одесса, доставившая поэту много служебныхъ непріятностей, не давала поводовъ къ такой разсѣянной жизни, какую онъ велъ въ Кишиневѣ. Пушкинъ становится серьезнѣе, сдержаннѣе. До душевнаго равновѣсія было еще далеко; но его нарушеніе уже не выражается въ такихъ бурныхъ выходкахъ, какими ознаменована кишиневская жизнь. Въ Кишиневѣ Пушкинъ казался задорнымъ, безшабашнымъ эпикурейцемъ; теперь въ его жизни наступаетъ пора *скептицизма*. Этотъ скептицизмъ нашелъ свое поэтическое выраженіе въ превосходномъ стихотвореніи „Демонъ“, въ которомъ поэтъ рассказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ духомъ сомнѣнія и отрицанія.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чуждый взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неустойчивой клеветой
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Скептицизмъ проникаетъ собою и религіозные и литературно—общественные взгляды молодого поэта. Онъ охотно слушаетъ бесѣды одного англичанина-атеиста по религіознымъ вопросамъ; атеизмъ представляется ему системой хотя и не столь утѣшительной, какъ обыкновенно думаютъ, за то, къ несчастію, наиболѣе правдоподобной (VII, 74). То же скептическое настроеніе сказывается въ сужденіяхъ Пушкина объ отношеніи между поэтомъ и обществомъ и въ его отношеніяхъ къ ходу греческаго возстанія,—два вопроса, волновавшіе Пушкина за все время пребыванія его на югѣ Россіи.

Поэтъ по прежнему представляется Пушкину „поклонникомъ правды и свободы“ (VII, 14); онъ дорожитъ своею

независимостью и не подчиняется сужденіямъ окружающаго его общества; онъ „музу битвой площадной не унижаетъ предъ народомъ“ (VII, 17); онъ пишетъ не для славы, а для себя. Эту мысль Пушкинъ настойчиво повторяетъ въ своихъ одесскихъ письмахъ (VII, 68, 72, 73). Остановимся на ней. Писать не для славы, а для себя—это значитъ выражать въ своихъ произведеніяхъ собственные задушевные убѣжденія, это значитъ „не гнуть предъ другими ни помысловъ, ни шеи“, не измѣнять ради славы своимъ убѣжденіямъ: истинный „поклонникъ правды и свободы“ не захочетъ купить славу такою дорогою цѣной. Такова мысль Пушкина. Она пробивалась уже въ юношескихъ его произведеніяхъ, но въ одесскихъ письмахъ она выражается прямо и рѣзче, соединилась съ рѣзкими отзывами о читающей публикѣ. Публика,—по словамъ Пушкина,—не стоитъ того, чтобы предъ нею извиняться за корректурныя ошибки (VII, 70); онъ „почитаетъ ее наравнѣ съ книгопродавцами: пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ“ (76). Стоитъ ли дорожить славой, если она создается среди такой публики?!¹⁾ Однако

¹⁾ Замѣтимъ однако, что въ задушевныхъ строфахъ 2-й главы „Евгенія Онегина“, написанной въ Одессѣ, слышатся другіе мотивы:

Живу, пишу не для похвалы;
Но я бы кажется желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.
И чье—нибудь онъ сердце тронетъ;
И, сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Лето не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ—лестная надежда—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!

Впрочемъ, въ черновой рукописи вслѣдъ за этими строками слѣдовали стихи, проникнутыя уже скептическимъ настроеніемъ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ то, какъ ему кажется, болѣе правдоподобное предположеніе, что его стихи кончатъ свой вѣкъ гдѣ-нибудь въ передней:

Ну что жъ? Въ гостиной или передней
Равно читатели умны,
Надъ книгой ихъ права равны;
Не я второй, не я послѣдній
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивый, строгій—и тупой.

поэту можно возразить: зачѣмъ же онъ печатаетъ свои произведенія, если пишетъ ихъ для себя, а не для славы? „Я пишу для себя, а печатаю для денегъ“—такъ отвѣчаетъ Пушкинъ на это недоумѣніе въ письмѣ къ Вяземскому (VII, 73). „Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то-сю въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому-либо В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantaistu? (но зачѣмъ же ты поешь?) На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги,—таковъ я въ наготѣ моего цинизма“ (VII, 68—69),—такъ Пушкинъ писалъ къ брату въ 1824 г.

Всѣ эти мысли, разбросанныя въ одесскихъ письмахъ Пушкина, имѣютъ большое значеніе для уясненія хода его литературнаго развитія: въ этихъ письмахъ уже даны тѣ элементы, изъ которыхъ впоследствии сложились такіа произведенія, какъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ или „Чернь“. Вчитываясь въ одесскія письма Пушкина, сразу замѣчаемъ, что они написаны въ раздраженномъ состояніи: раздраженіе вызывалось—съ одной стороны—ненормальными отношеніями поэта къ одесскому обществу, не цѣнившему его поэтическаго дарованія, съ другой стороны—болѣзненно-напряженнымъ стремленіемъ создать для себя матеріально-обезпеченное положеніе въ обществѣ, единственнымъ средствомъ для чего представлялся литературный трудъ. Вслѣдствіе нарушеннаго душевнаго равновѣсія Пушкинъ доходитъ въ выраженіи своихъ мыслей до рѣзкостей, преувеличеній, даже, какъ онъ самъ выражается, до цинизма: можно подумать, что деньги для него дороже всего на свѣтѣ. Однако онъ не хочетъ поступиться своими убѣжденіями ни ради славы, ни ради денегъ: онъ пишетъ *для себя* и только печатаетъ для денегъ,—печатаетъ—однако—только то, что служитъ выраженіемъ его искреннихъ, задушевныхъ убѣжденій, что обязано своимъ происхожденіемъ вдохновенію. Откуда же такая разборчивость въ меркантильномъ писателѣ? точно ли ему деньги нужнѣе всего? точно ли ему нѣтъ никакого дѣла до читающаго общества? Въ усиленномъ подчеркиваніи

коммерческой стороны литературного труда не проявляется ли „чисто русская характерная черта—антипатія къ хвастовству и красивымъ словамъ и страсть къ самобичеванію“¹⁾, а въ раздражительныхъ отзывахъ о русской публикѣ не сказывается ли глубокая скорбь о томъ, что она еще не выросла до пониманія истинно-поэтическихъ произведеній? Думаемъ, что такъ: сквозь рѣзкія выраженія одесскихъ писемъ невольно прорываются и мысль о свободѣ и независимости поэтического творчества, и настоящая, хотя и горькая любовь къ читающему обществу.

Подобнымъ настроеніемъ проникнуты и тѣ письма и произведенія Пушкина одесскаго періода, которыя вызваны греческимъ возстаніемъ. Пушкинъ поначалу отнесся къ этому возстанію съ самымъ живымъ сочувствіемъ, онъ даже велъ дневникъ греческаго возстанія; но когда стало обнаруживаться, что многіе изъ участниковъ освободительнаго движенія не имѣли не только понятій о военномъ искусствѣ, но даже понятій о чести, Пушкинъ сталъ волноваться и раздражаться. Въ основѣ этого раздраженія лежала не ненависть, а любовь къ угнетенному народу. „Дѣло Греціи меня живо трогаетъ,—пишетъ Пушкинъ въ 1823 г.,—вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (*misérables*) выпала священная обязанность быть защитниками свободы“ (VII, 66—67). Высшаго напряженія раздраженіе Пушкина достигаетъ въ его стихотвореніи „Сѣятель“ (написано 1 декабря 1823 г.):

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!

¹⁾ См. „Очерки по исторіи новой русской литературы“ проф. Кирпичникова, Спб. 1896, стр. 141 (очеркъ: „Одесса и Пушкин“).

Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками, да бичь.

Нѣтъ спору, стихотвореніе—рѣзкое, даже жесткое по способу выраженія, и мы не думаемъ оправдывать самой рѣзкости выраженій; но пусть вспомнитъ читатель, что и Байронъ рѣзко выражался о грекахъ, что не помѣшало ему отдать свою жизнь въ борьбѣ за ихъ независимость: „рѣзкія выраженія доказываютъ не холодность Пушкина къ дѣлу грековъ, а, напротивъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ горячо принималъ онъ къ сердцу неудачи несчастнаго народа“, измѣльчавшаго въ теченіе многолѣтняго рабства (см. „Очерки“ Кирпичникова, стр. 164). Поэтъ никогда не переставалъ сочувствовать поработенному народу, боровшемуся за свою независимость. „Съ удивленіемъ услышалъ я,—писалъ онъ въ іюнѣ 1824 г.,—что ты (имѣется въ виду, вѣроятно, А. Н. Раевскій) считаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что бъ тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа“ (VII, 83).—Обращаемъ вниманіе читателей на психологію стихотворенія „Сѣятель“: она поможетъ имъ уяснить истинный смыслъ позднѣйшаго стихотворенія Пушкина „Чернь“, по проникающему его настроенію сходнаго съ „Сѣятелемъ“. ¹⁾

Итакъ, во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ его душевное настроеніе было проникнуто скептицизмомъ; но это не тотъ холодный скептицизмъ, который граничитъ съ полнымъ равнодушіемъ къ истинѣ и нерѣдко соединяется съ

¹⁾ Напомнимъ читателю по этому поводу слѣд. слова Бѣлинскаго: «Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междоуметіяхъ, или на квасу да кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1000 разъ лучше, ибо *ненависть иногда бываетъ только особенной формой любви*; но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпаспортные бродяги въ челоуѣчествѣ». (См. въ рефератѣ проф. Жданова «Памяти Бѣлинскаго» стр. 31). Пушкинъ ни теперь, ни послѣ не былъ «спокойнымъ скептикомъ», «абстрактнымъ челоуѣкомъ»; здѣсь источникъ многихъ его волненій, отразившихся и въ его лиричѣ, не говоря уже о письмахъ.

самодовольно-пренебрежительнымъ отношеніемъ къ людямъ: спокойно-холодное отрицаніе было чуждо чуткой и нѣжной, полной жизни природѣ нашего поэта. Онъ не отдалъ всего себя во власть „духу сомнѣнія и отрицанія“: умъ прислушивался къ внушеніямъ „злостнаго генія“, а сердце искало вѣры и просило любви; духъ отрицанья презиралъ вдохновеніе, а оно не переставало внушать поэту дивныя созданія: демонъ не вѣрилъ ни любви, ни свободѣ, а душа невольно рвалась на свободу ¹⁾, а сердце поддавалось очарованію той чистой, возвышенной любви, нѣжные отзвуки которой долго еще звучали въ душѣ нашего поэта и отзывались въ его поэзіи... Такимъ образомъ, сердце не ладило съ умомъ. Этотъ мучительный разладъ вносилъ тревогу во внутреннюю жизнь Пушкина. Вотъ этотъ-то *тревожный* характеръ его скептицизма былъ явнымъ ручательствомъ за то, что такое состояніе не могло продолжаться долго: это было *переходное* состояніе или—какъ выразился самъ Пушкинъ—„временное своеправіе ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“. Освобожденіе отъ этого мучительнаго состоянія было только вопросомъ времени: стоило Пушкину переселиться въ Михайловское, какъ начали улегаться сомнѣнія, волновавшія его душу въ Одессѣ. ²⁾

Если теперь мы остановимся съ тѣмъ, чтобы еще разъ окинуть своимъ взоромъ жизнь Пушкина на югѣ Россіи, то придемъ къ тому выводу, что его жизненная драма достигла здѣсь своего высшаго напряженія: бывали такіе моменты, когда чувственныя увлеченія или скептическое настроеніе—казалось—всецѣло овладѣвали молодымъ поэтомъ; однако въ его душѣ никогда не умирала возвышенныя стремленія и „видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней“. Тьма безуспѣшно боролась со свѣтомъ; свѣтъ свѣтился и во тьмѣ. Въ нѣжной, чуткой душѣ поэта „не было неизлѣчи-

¹⁾ Придетъ ли часъ моей свободы?..

Подъ ризой бурь съ волнами споря.

По вольному распутью моря

Когда жъ начну я вольный бѣгъ?

„Евг. Онѣг.“, I, 50.

²⁾ Подробнѣе о жизни и дѣятельности Пушкина на югѣ Россіи см. въ статьѣ Г. О. Булашева.

мыхъ язвъ, не было дурныхъ чувствъ, облекающихся въ поэтическій и грандіозный видъ“. Правда, Пушкинъ много увлекался, но „вѣдь никто изъ насъ не родится зрѣлымъ человѣкомъ, и если можно указать на людей, подлежащихъ упреку гораздо меньше Пушкина, то можетъ быть ихъ спасла вовсе не твердость души, а только слабость ея стремленій. Пушкинъ же такъ былъ полонъ жизни, что долженъ былъ подпасть соблазнамъ; и гораздо большее достоинство нужно полагать не въ томъ, что онъ отъ нихъ уклонился, а въ томъ, что онъ поборолъ и отъ нихъ очистился“ (Страховъ). Исторія этого очищенія—впередѣ, а пока остановимся на *главныхъ моментахъ литературной дѣятельности Пушкина* во время пребыванія его на югѣ Россіи: это было то время, когда нашъ поэтъ увлекался Байрономъ, и намъ слѣдуетъ теперь прослѣдить за отраженіями байронической поэзіи въ произведеніяхъ Пушкина, чтобы опредѣлить дѣйствительную степень вліянія первой на послѣднія. Слѣдуя своему плану, будемъ останавливаться только на такихъ моментахъ въ литературной дѣятельности Пушкина, которые обозначаютъ послѣдовательныя ступени въ развитіи его творчества.

О томъ, что во время пребыванія на югѣ Россіи Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Байрона, мы узнаемъ изъ признаній самого Александра Сергѣевича, который не даромъ, конечно, называлъ Байрона „властителемъ нашихъ думъ“: „Бахчисарайскій фонтанъ слабѣ Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ“, писалъ Пушкинъ въ 1830—31 г. Новѣйшія изслѣдованія показали, что произведенія Пушкина, написанныя на югѣ Россіи, носятъ на себѣ слѣды вліянія другого представителя поэзіи міровой скорби—французскаго поэта *Шатобриана*.¹⁾ Не даромъ въ послѣдствіи Пушкинъ назвалъ его „первымъ изъ современныхъ французскихъ писателей, *учителемъ всего пишущаго поколѣнія*“ (V, 365—366) и сдѣлалъ его любимымъ писателемъ одной изъ своихъ героинь (IV, III).

¹⁾ Имѣемъ въ виду интересный очеркъ В. В. Сиповскаго: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“ (Спб. 1899), въ которомъ впервые подробно разсмотрѣнъ вопросъ о вліяніи Шатобриана на Пушкина. Раньше на это дѣлались только отрывочныя указанія (напр., въ рѣчи проф. Стороженко „объ отношеніи П. къ иностранной словесности“).

Шатобрианъ (въ своихъ первыхъ произведеніяхъ) и Байронъ являются выдающимися представителями того направления или—лучше—настроения въ западно-европейской литературѣ и жизни конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, которое извѣстно подъ названіемъ поэзіи міровой скорби. Корни этой поэзіи нужно искать не только въ душевномъ складѣ ея представителей, но и въ тѣхъ политическихъ движеніяхъ, которыя охватили Западную Европу и нашли во французской революціи свое яркое и даже потрясающее выраженіе. Передовые вожди революціоннаго движенія руководились тѣми идеями, которыя были выдвинуты „освободительной“ философіей и литературой въ вѣкъ просвѣщенія: это—идеи свободы, равенства и братства; они стремились къ тому, чтобы ниспровергнуть „старый порядокъ“ и на его развалинахъ создать такой политическій строй, который бы обезпечивалъ для каждаго гражданина свободу мысли и чувства. Но эта смѣлая попытка потерпѣла крушеніе: „герой, идеалистъ и проповѣдникъ новыхъ началъ жизни оказался палачомъ; народъ, та масса, на доброе и справедливое сердце которой всѣ такъ рассчитывали, оказался звѣремъ“ (Котляревскій). Такой исходъ революціоннаго движенія поразилъ не только его противниковъ, но и поборниковъ: онъ подорвалъ вѣру въ человѣка, вѣру въ тѣ идеи, которыя воодушевляли лучшихъ представителей революціоннаго движенія. Мрачное настроеніе овладѣло передовыми людьми европейской мысли и жизни. Подъ вліяніемъ такого настроенія они повернули назадъ: началась реакція, направленная къ поддержанію или возстановленію „старого порядка“, при чемъ вожди этого попятнаго движенія не рѣдко заходили слишкомъ далеко, мало обращая вниманія на тѣ права личности и потребности общества, игнорированіе которыхъ вызвало самую революцію. Въ этомъ попятномъ движеніи уже не было той бодрости, которая воодушевляла многихъ въ самомъ началѣ революціонныхъ движеній. Назадъ двигались уныло и боязливо. На почвѣ такого общественнаго настроенія и возникла та поэзія, основнымъ мотивомъ которой являются разочарованіе и скорбь. Шатобрианъ и Байронъ—главные представители этой поэзіи. Одинъ изъ нихъ въ годы своей молодости былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ ужасовъ революціи; онъ такъ пора-

зили впечатлительнаго юношу, который былъ искреннимъ поборникомъ свободы, что онъ покинулъ свою родину и бѣжалъ въ Америку, чтобы тамъ отдохнуть послѣ пережитыхъ потрясеній. Этотъ-то самый юноша и былъ родоначальникомъ поэзии міровой скорби: потрясенный и разочарованный, онъ воплотилъ свое собственное настроеніе въ образъ Рене, героя двухъ его произведеній. Другой изъ упомянутыхъ поэтовъ—Байронъ—молодой Шатобриана: онъ родился наканунѣ революціи (1788 г.) въ той странѣ, которой не пришлось испытать революціонныхъ ужасовъ, но реакціонное движеніе аристократизма противъ „освободительныхъ“ идей 18 вѣка нашло свое мѣсто и здѣсь. Въ эту-то эпоху англійской исторіи и началъ свою литературную и общественную дѣятельность лордъ Байронъ. Блестяще одаренный отъ природы, съ высоко развитымъ сознаніемъ собственного достоинства, гордый и воспріимчивый, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ поставленъ въ такія условія жизни, которыя воспитывали въ немъ презрѣніе къ людямъ и скептическое отношеніе къ вопросамъ вѣры. Онъ былъ еще совсемъ молодымъ человекомъ, когда у него вырвалось такое восклицаніе: „Какъ это можно было произвести такой свѣтъ, какъ нашъ! Съ какими намѣреніями, для какой цѣли нужно было создать глупыхъ щеголей, вельможъ, магистровъ, женщинъ извѣстнаго возраста и множество мужчинъ всякаго возраста, особенно же меня? Для чего все это?“ Подобные вопросы томилъ душу Байрона, а отвѣта на нихъ онъ не находилъ, и имъ овладѣвало мрачное настроеніе. Участіе въ общественной жизни и парламентской дѣятельности не только не излечило душевныхъ ранъ Байрона, но еще болѣе обострило его отношенія къ окружавшему его обществу, и вотъ молодой, полный силъ и энергіи человекъ, предъ которымъ открывалась широкая общественная дѣятельность, покидаетъ родину, чтобы вдали отъ нея „страдать, любить и проклинать“... Тамъ, вдали отъ родины, онъ написалъ большую часть своихъ произведеній, въ которыхъ выражалъ свое собственное душевное настроеніе: это какъ бы поэтическая исповѣдь великаго, могучаго, но омраченнаго духа. По мѣткому выраженію Пушкина, „Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвернулся отъ нихъ и погрузился въ

описание самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно—свой); все—отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному“. ¹⁾ Дѣйствительно, характеры, созданные Байрономъ, являются отображеніемъ его собственной личности.

Въ настроеніи Шатобріана и Байрона много общаго: это—поэты разочарованія; но въ характерѣ Байрона больше силы и рѣшительности, больше гордости и непреклонности, а потому скептицизмъ его глубже и настроеніе мрачнѣе, нежели у Шатобріана. Самые мотивы скорби у Байрона гораздо глубже, нежели у Шатобріана: у послѣдняго разочарованіе имѣетъ своимъ источникомъ личныя несчастія и общественныя нестроенія, крушеніе его нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Эти мотивы имѣютъ значеніе и для Байрона, но отъ наблюденія противорѣчій въ человеческой душѣ и общественной жизни онъ доходитъ до отрицанія самыхъ основъ мірового бытія. Въ жизни Пушкина былъ такой моментъ, когда онъ съ тоскою воскликнулъ:

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

Но проходило время—и Пушкинъ успокоивался. Не то было съ Байрономъ: „проклятые“ вопросы томилъ его во всю жизнь... Потому-то и его скорбь мрачнѣе и глубже, нежели скорбь Шатобріана: это по истинѣ „міровая скорбь“. Есть и еще разница въ ихъ характерахъ и настроеніи. Шатобріанъ, потрясенный крушеніемъ своихъ идеаловъ, не находитъ въ своей душѣ столько силы, чтобы вступить въ борьбу съ обманувшимъ его надежды обществомъ: онъ удаляется въ Америку, чтобы тамъ отдохнуть душою, а въ послѣдствіи онъ находитъ успокоеніе въ христіанскомъ взглядѣ на жизнь. Настроеніе его Рене безпросвѣтлѣе: тотъ нигдѣ не находитъ успокоенія, но и въ его скорби нѣтъ ничего могучаго: онъ скорбитъ, а не негодуетъ, бѣжитъ отъ общества, а не борется съ нимъ: для такой борьбы у него не достало-бы силъ. Не такова скорбь Байрона: вся его поэтическая дѣятельность является выраженіемъ протеста не только противъ всего

¹⁾ Изъ статьи Пушкина о Байронѣ, писанной въ 1827 году (V, 49—50).

условнаго въ человѣческомъ общежитіи, но и противъ міроваго строя, въ которомъ мало простора для дѣятельности гордой и независимой личности. Герои Байрона, мрачные и гордые, готовы вступить въ борьбу не только съ тѣми людьми, которые не признаютъ правъ личности, но и съ самимъ Богомъ; таковъ, напр., Манфредъ, таковъ же и Каинъ. Это—натуры демоническія. Въ протестѣ, характеризующемъ поэзію Байрона,—и сила, и слабость Байрона: сила, потому что протестъ разоблачаетъ неправду жизни,—слабость, потому что онъ не имѣетъ въ своей основѣ опредѣленныхъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ: „протестъ этотъ есть протестъ слѣпой, протестъ безъ идеала, протестъ самъ по себѣ и самъ отъ себя“ (Ап. Григорьевъ). Но вѣдь однимъ отрицаніемъ жить нельзя: человѣку нужны положительные идеалы, положительное міровоззрѣніе. У Байрона его не было:

Онъ погнался за небеснымъ.

Но его онъ не нашелъ.

Въ этомъ—глубочайшая причина его скорби. Пушкинъ понималъ глубину этой скорби, когда назвалъ Байрона „суровымъ мученикомъ“ (II, 24). Да, это былъ мученикъ: стремиться къ идеалу и не находить его, хотѣть любить и не мочь любить—это состояніе мучительное... ¹⁾

Несомнѣнно, въ поэзіи Шатобріана и особенно Байрона есть такіе мотивы, которые всегда будутъ находить откликъ въ человѣческой душѣ, способной къ вдумчивому отношенію къ вопросамъ мысли и жизни: кому не приходилось—въ той или другой степени—переживать крушеніе своихъ юношескихъ идеаловъ, тяготиться условностью общественнаго строя, разочароваться въ себѣ самомъ и въ окружающихъ людяхъ? кого не волновали вопросы объ отношеніи личности къ обществу, о свободѣ мысли и чувства, о смыслѣ нашего существованія? До тѣхъ поръ, пока эти вопросы будутъ волновать человѣческое сердце, надъ нимъ не утратитъ своего вліянія

¹⁾ О Шатобріанѣ и Байронѣ см. въ интересной книгѣ Н. Котляревскаго: «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка» (Спб. 1898). Много глубокихъ замѣчаній о Байронѣ (а отчасти и о Шатобріанѣ) разбросано въ сочиненіяхъ Ап. Григорьева.

поэзія міровой скорби. Особенно это нужно сказать о Байронѣ, въ самой скорби котораго столько „тайнственно плѣнительнаго“, по выраженію Пушкина... Но въ двадцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія были свои особыя причины, предрасположавшія нашихъ предковъ къ увлеченію поэзіей міровой скорби. Эти годы мало напоминали собою „дни Александровыхъ прекрасное начало“, когда русское общество—вслѣдъ за своимъ молодымъ императоромъ—бодро взялось за преобразование своей жизни. Много энергіи отняла у насъ борьба съ Наполеономъ. Вскорѣ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ въ нашей внутренней жизни начинается реакція, направленная къ ограниченію тѣхъ мѣропріятій, которыя были приняты въ началѣ царствованія (припомнимъ, что между этими мѣропріятіями были такія, которыя были направлены къ ограниченію и даже постепенному уничтоженію крѣпостного права). Сперанскій уже давно былъ не у дѣлъ; Карамзинъ еще въ 1811 году (въ своей „запискѣ о древней и новой Россіи“) высказался въ защиту крѣпостнаго права; въ рядъ передовыхъ дѣятелей вступили такія лица, какъ Аракчеевъ или Рунинъ. На этой почвѣ стало развиваться въ передовыхъ кругахъ русскаго общества недовольство теченіемъ общественной жизни; стали образовываться тайныя политическія общества, мечтавшія о политическихъ преобразованіяхъ; въ это время появляются памфлеты и эпиграммы Пушкина представлявшіе собою „порывы сказать правду при безсиліи общественнаго мнѣнія“ (Пыпинъ); чаще и чаще начинаютъ попадаться въ русскомъ обществѣ лица недовольныя или утомленныя жизнью; бодрое настроеніе, съ какимъ было встрѣчено вступленіе Александра I на престолъ, мало-по-малу ослабѣваетъ и смѣняется мрачнымъ. Все это такіе симптомы общественнаго настроенія, которые роднятъ его съ настроеніемъ нашихъ западныхъ сосѣдей, переживавшихъ послѣдствія революціи. Естественно, что и западная поэзія, выросшая на почвѣ такого настроенія, начинаетъ встрѣчать сочувственный пріемъ у насъ, на Руси. Шатобріанъ и особенно Байронъ, проникаютъ въ русское общество. Замѣчательно, что наиболѣе радушный пріемъ и правильное пониманіе британскій геній встрѣчаетъ въ кругу тѣхъ лицъ, которыя не сочувствовали реакціи; таковы, напр., были Раевскіе, близко стоявшіе къ

декабристамъ и увлекавшіеся Байрономъ. Однако не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко въ сближеніи Россіи съ Зап. Европой въ отношеніи къ тому общественному настроенію, которое онѣ переживали въ началѣ нашего вѣка: въ историческомъ развитіи русской жизни наблюдается столько особенностей сравнительно съ З. Европой, которыя требуютъ особой осторожности при подобныхъ сближеніяхъ. Извѣстно, что „освободительныя“ идеи французской философіи проникли въ прошломъ вѣкѣ и къ намъ въ Россію; но тамъ, на Западѣ, онѣ были продуктомъ многовѣкового развитія, а у насъ результатомъ заимствованія; тамъ онѣ привели въ концѣ концовъ къ революціи, взволновавшей всю Зап. Европу, а у насъ—къ счастью—почти не слышно было и отголоска этого событія. Какъ ни печальны по этому впечатлѣнію реакціи, наступившей у насъ во второй половинѣ Александровскаго царствованія, они однако не могутъ идти въ сравненіи съ тою скорбію, которая охватила зап.-европейское общество въ концѣ прошлаго вѣка: оно переживало—какъ тогда казалось—полное крушеніе нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, выработанныхъ усиліями многовѣковой мысли; а намъ еще рано было говорить о крушеніи нашихъ идеаловъ, потому что мы еще не успѣли ихъ тогда уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ. Вотъ почему наше разочарованіе не могло быть такимъ глубокимъ и мрачнымъ, какимъ оно было на западѣ: у насъ были Опѣгины и Печорины, но не было Манфредовъ или Чайльдъ-Гарольдовъ. Даже у такихъ лицъ, какъ Лермонтовъ или Полежаевъ, родственныхъ по своей натурѣ и условіямъ жизни Байрону, разочарованіе не доходило до такихъ размѣровъ, какъ у этого послѣдняго: что байроническаго въ такихъ стихотвореніяхъ Лермонтова, какъ „Молитва“ или „Отчизна“? А вѣдь подобныхъ стихотвореній не мало у нашего поэта разочарованія и скорби. Не даромъ онъ сказалъ о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Еще меньше было байроническаго въ личности Пушкина. Не такова была натура нашего поэта, чтобы онъ могъ без-

раздѣльно отдаться во власть „духа сомнѣнія и отрицанья“: самый складъ его ума—не столько отрицательный, сколько положительный: онъ не могъ долго оставаться въ раздвоенномъ состояніи сомнѣнья и еще менѣе могъ остановиться на отрицаніи. Конечно, и такія лица доступны внушеніямъ „духа сомнѣнія и отрицанія“, но скептицизмъ и разочарованіе могутъ быть не постоянными спутниками, а лишь спорадическими явленіями ихъ внутренней жизни. Такъ было и съ Пушкинымъ: подобно тому, какъ темныя тучи лишь на время заволакиваютъ собою ясное лѣтнее небо, такъ и разочарованіе только временно овладѣвало ясною душою нашего поэта. Много испытаній—и вѣшнихъ, и внутреннихъ—выпало на его долю; при такихъ условіяхъ нельзя было не скорбѣть, и дѣйствительно скорбь сопровождала поэта отъ дѣтскихъ лѣтъ до могилы, отзываясь въ его перепискѣ и поэзіи, но никогда она не переходила въ отчаяніе: въ чуткой душѣ поэта всегда находились примирительные аккорды. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ въ теченіе всей жизни Пушкина въ его душѣ борются и сменяются два противоположныя настроенія—свѣтлое и мрачное; въ настоящій разъ мы ограничимся только двумя—тремя примѣрами изъ жизни поэта на югѣ Россіи: къ этому времени приурочивается обыкновенно байронизмъ Пушкина.

Уже въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина звучали по временамъ то элегическія, то сатирическія нотки; Раевскіе находятъ его въ Екатеринославѣ—больного, взволнованнаго; путешествіе успокоиваетъ поэта, но за то въ немъ пробуждается работа мысли, освѣщающая предъ его сознаніемъ недостатки и его самого, и русскаго общества („душа полна томительною думой“). Въ это-то время онъ и знакомится впервые съ мрачной, но богатырской поэзіей Байрона, которая соотвѣтствовала его тогдашнему настроенію. Онъ увлекается Байрономъ („я съ ума сходилъ отъ Байрона“); но не подчиняется его настроенію. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна элегія Пушкина: „Погасло дневное свѣтило“, написанная имъ въ 1820 г. на кораблѣ при переездѣ изъ Керчи въ Гурзуфъ: она наглядно показываетъ, какъ отражалось байроническое настроеніе въ душѣ нашего поэта. Элегія навѣяна прощальной пѣснью Чайльдъ-Гарольда, по-

кидающаго свою родину, посмотрите, какая разни́ца въ настроеніи англійскаго лорда и нашего поэта! Съ горькой усмѣшкой покидаетъ Чальдъ-Гарольдъ свою родину: ни въ комъ не встрѣтилъ онъ искренняго, сердечнаго сочувствія;

Собака развѣ.... да и та
Повоеетъ день,—другой—
А тамъ... была бы лишь сыта—
И я ужъ ей чужой....

Не ждетъ онъ ничего хорошаго и впереди: куда бы ни везъ его корабль, ему все равно, лишь бы только не на родину, которая ему опостылѣла.

Въ грядущемъ что мнѣ ожидать?
Въ прошедшемъ—все мертво.
Больнѣй всего—что покидать
Не жаль мнѣ ничего.

Состояніе, дѣйствительно безотрадное... Пушкинъ—не то: не съ холоднымъ смѣхомъ, а съ теплыми слезами вспоминаетъ онъ о прошедшемъ. Правда, въ этомъ прошедшемъ не мало было такого, что вызываетъ теперь въ поэтѣ чувство горечи (первые порывы страстей, имолетныя, обманчивыя радости, порочныя наслажденія и т. п.); но было кое-что и такое, что и теперь еще мило сердцу, о чемъ поэтъ вспоминаетъ съ упоеньемъ: это—хотя безумная, но плѣнительная любовь, это—свѣтлыя минуты поэтическаго творчества. Не даромъ онъ съ волненіемъ и тоской уносится въ горькое, но въ то же время милое прошлое... Вовсе не безнадеженъ и взоръ поэта въ будущее; хоть онъ и покинулъ свою родину, но покинулъ въ поискахъ за новыми впечатлѣніями. Далеко этому юношѣ до полного разочарованія, до мрачнаго очаянія! Чары жизни еще не утратили власти надъ его молодой душой.

Таково было первое „подражаніе Байрону“ нашего поэта. Впослѣдствіи онъ самъ превосходно объяснилъ характеръ этого подражанія. „Въ наше время,—писалъ онъ въ 1836 г.,—молодому человѣку мудрено, сядя на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ сочувствіемъ не сблизить

судьбы своей съ судьбою Чайльдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человекъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за это его укорять? Талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія; или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное,—желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь“ (V, 334). Пиша эти строки по поводу „ѳракійскихъ элегій“ Теплякова, Пушкинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду и собственные произведенія, написанныя подъ вліяніемъ Байрона,—прежде всего элегію „Погасло дневное свѣтило:“ въ ней Пушкинъ не воспроизвелъ настроенія Чайльдъ-Гарольда, но невольнымъ соучастіемъ сблизилъ свою судьбу съ его судьбою; пѣснь Ч.-Гарольда внушила ему мысль выразить въ поэтической формѣ свое собственное—грустное, но не безнадежное—настроеніе. Однако грусть не была господствующимъ настроеніемъ нашего поэта во время путешествія съ Раевскими: не самъ ли онъ писалъ своему брату, что въ семействѣ Раевскихъ провелъ *счастливейшія* минуты своей жизни? А вѣдь въ это именно время онъ съ ума сходилъ отъ Байрона. Очевидно, онъ не подчинился байроническому настроенію...

Въ 1821 году, 22 сентября, въ Каменѣ Пушкинъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, основнымъ мотивомъ котораго является разочарованіе:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ.

А чрезъ мѣсяцъ послѣ этого Пушкинъ пишетъ свое знаменитое посланіе къ Чаадаеву, въ которомъ онъ также вспоминаетъ объ юношескихъ увлеченіяхъ, и огорченіяхъ,

но эти воспоминаія вовсе не располагають его къ ожиданію конца: онъ стоически относится къ жизненнымъ испытаніямъ, много работаетъ надъ своимъ самообразованиемъ, надѣется на свиданіе съ однимъ изъ лучшихъ друзей своей молодости:

Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я....

Развѣ это языкъ разочарованнаго человѣка?... Не буду умножать примѣровъ въ подтвержденіе своей мысли; но не могу удержаться отъ того, чтобы не напомнить читателямъ о томъ чудномъ стихотвореніи Пушкина, въ которомъ онъ восклицаетъ:

Я сталъ доступенъ утѣшенію;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенію
Я могъ свободу даровать?

Отправляя это милое стихотвореніе, проникнутое мирнымъ, отраднымъ чувствомъ, къ Гнѣдичу для напечатанія, Пушкинъ сопровождалъ его такимъ замѣчаніемъ: „Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку?“ (VII, 32). Письмо помѣчено 13 мая 1821 года. Вотъ какимъ впечатлѣніемъ былъ доступенъ Пушкинъ на югѣ Россіи!..

Думаю, что теперь мы можемъ сдѣлать такой выводъ: въ бодрой и ясной душѣ Пушкина не было мѣста ни для мрачнаго отчаянія Байрона, ни для ноющей скорби Шатобриана; разочарованіе никогда не было основнымъ настроеніемъ нашего поэта: оно только по временамъ вторгалось въ его душу, внося въ нее разладъ и тревогу, которые не могли продолжаться долго. Это, конечно, не мѣшало Пушкину читать Шатобриана и увлекаться „мрачной, богатырской, сильной“ поэзіей Байрона, находить въ нихъ сочувственные мотивы, даже

подражать имъ; но это подражаніе не могло быть ни глубокимъ, ни продолжительнымъ: для этого не было почвы ни въ нашей общественной жизни, ни въ личномъ настроеніи Пушкина. Сдѣланный выводъ поможетъ намъ правильнѣе взглянуть на отраженіе поэзіи Шатобріана и Байрона въ поэмахъ Пушкина разсматриваемаго періода, въ ряду которыхъ первое по времени мѣсто занимаетъ „Кавказскій Плѣнникъ.“

Если мы сравнимъ эту поэму съ непосредственно предшествовавшей ей поэмой „Русланъ и Людмила,“ то увидимъ, что она обозначаетъ собою *новую ступень* въ развитіи поэтического творчества Пушкина: въ то время, какъ „Русланъ и Людмила,“ эта *сказочная* поэма, не имѣетъ отношенія къ дѣйствительной жизни ни по обстановкѣ дѣйствія, ни по характеру дѣйствующихъ лицъ,—„К. Плѣнникъ“ представляетъ собою первую попытку нашего поэта изобразить характеръ, взятый изъ окружавшей его дѣйствительности. Въ связи съ этимъ находится и другая особенность „Кавк. Плѣнника:“ въ то время, какъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“ авторъ является веселымъ, остроумнымъ, занимательнымъ, но почти безучастнымъ рассказчикомъ (по собственному признанію Пушкина, его первая поэма холодна V, 120), въ „К. Плѣнникѣ,“ опять-таки по его же собственному признанію, есть стихи его сердца. Вотъ почему онъ не переставалъ любить эту поэму даже и послѣ того, какъ для него выяснились ея недостатки (VII, 30). Чѣмъ же объяснить, что вслѣдъ за окончаніемъ сказочной поэмы у Пушкина создается замыселъ нарисовать характеръ современнаго ему молодого человѣка, усталого и разочарованнаго? Конечно, это объясняется тѣмъ, что въ собственномъ положеніи и настроеніи Пушкина произошли за это время нѣкоторые перемѣны, давшія ему элементъ для созданія главнаго героя поэмы: въ ней есть стихи его сердца. Послѣ того, что мы знаемъ о настроеніи Пушкина во время созданія „Кавказск. Плѣнника,“ намъ не нужно много говорить о тѣхъ субъективныхъ элементахъ которые вошли въ поэму: это—преждевременное утомленіе жизнью, разочарованіе въ друзьяхъ молодости, горечь нераздѣленной любви,—тѣ черты, которыя нашли свое выраженіе въ элегіяхъ: „Погасло дневное свѣтило“ и „Я пережилъ свои желанья.“ Вскорѣ послѣ окончанія поэмы

Пушкинъ писалъ, что въ лицѣ своего героя онъ „хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка“ (VII, 25). При всемъ томъ мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что первый толчекъ къ созданію поэмы „К. Пльнникъ“ данъ былъ Пушкину ознакомленіемъ съ произведеніями Шатобріана и Байрона, изображающими типъ разочарованнаго юноши. Это видно изъ того, что внѣшнія рамки, въ которыя заключенъ рассказъ, да и самый ходъ дѣйствія въ нашей поэмѣ напоминаютъ собою поэмы Байрона и произведенія Шатобріана: подобно Рене или Чайльдъ-Гарольду, герой поэмы, извѣрившись въ людяхъ, покидаетъ свою родину и—съ призракомъ свободы—летитъ туда, куда еще не проникло вліяніе культуры¹⁾. Въ самый характеръ плѣнника внесены такія черты, которыя не гармонируютъ съ основами этого характера и—очевидно—внесены подъ вліяніемъ Байрона: гордое, одинокое страданье, радость при завываньѣ бурь, безпечная смѣлость, да и самая любовь къ свободѣ мало вяжутся съ основнымъ настроеніемъ героя, который напоминаетъ скорѣе Рене, нежели Ч.-Гарольда: надъ нимъ еще не утратили власти плѣнительныя воспоминанья прошлыхъ дней,—не даромъ „сонъ любви забытой боялся онъ вспоминать“; онъ не потерялъ способности плакать: однажды, послѣ разговора съ черкешенкой, слезы градомъ покатились изъ его очей; онъ доступенъ порывамъ любви: въ минуту послѣдняго прощанья съ черкешинкой освобожденный плѣнникъ возопилъ: „я твой на вѣкъ, я твой до гроба“; да и наслажденія жизни не совсѣмъ утратили надъ нимъ свою власть: не даромъ же онъ мечталъ о побѣгѣ и съ радостью воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вырваться на свободу. Не мрачное отчаяніе и не гордое страданье, а душевная усталость и тихая грусть—вотъ чѣмъ характеризуется настроеніе русскаго юноши, мягкаго и впечатлительнаго, но не способнаго къ жизненной борьбѣ. Развѣ это байроническій характеръ? развѣ пристали ему такія черты, какъ гордое страданье или дикая отвага? Конечно, нѣтъ.

¹⁾ См. объ этомъ въ брошюрѣ г. Сиповскаго.

Пушкинъ приписалъ ихъ своему герою подъ вліяніемъ Байрона и чрезъ это внесъ противорѣчіе въ созданный имъ характеръ.

Итакъ, характеръ плѣнника не удался Пушкину: онъ не сумѣлъ гармонически объединить въ этомъ характерѣ своихъ жизненныхъ впечатлѣній съ литературными вліяніями, которыя далеко не всегда совпадали съ первыми. Вотъ почему такъ трудно было ему создавать характеръ кавказскаго плѣнника: „я насилу сладилъ съ нимъ“, вспоминалъ онъ впоследствии (V, 121). Высоко развитое художественное чувство тотчасъ послѣ окончанія „Кавказскаго плѣнника“ подсказало Пушкину недостатки его новаго произведенія. „Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно,—писалъ онъ въ 1822 г.,—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было-бы оживить рассказъ происшествіями, которыя сами собой истекали-бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли-бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ лѣни; во-вторыхъ, что разумныя эти размысленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа“ (VII, 30). Хотя эти размысленія пришли въ голову Пушкину послѣ окончанія „Кавказ. плѣнника“, однако они не прошли даромъ: они были ручательствомъ за то, что, сознавши недостатки своей кавказской поэмы, онъ скоро отрѣшится отъ чуждыхъ вліяній и выйдетъ на дорогу самостоятельнаго изображенія характеровъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Такъ это и было на дѣлѣ. Въ томъ самомъ письмѣ,

въ которомъ Пушкинъ сообщаетъ Дельвингу объ окончаніи „Кавк. плѣнника“, находимъ такія строки: „теперь я ничего не пишу: я *перевариваю воспоминанія* и надѣюсь набрать новыя“ (VII, 15). Признаніе—важное: оно показываетъ, что Пушкинъ уже обратился за матеріаломъ для своихъ произведеній не къ литературѣ Запада, а къ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ русской жизни, которая съ отроческихъ лѣтъ останавливала на себѣ его вниманіе. Прошло два года со времени появленія „Кавказскаго плѣнника“—и нашъ поэтъ началъ въ Кишиневѣ свой знаменитый романъ „Евгеній Онегинъ“ (28 мая 1822 г., почью). Канва романа напоминаетъ канву „Кавк. плѣнника“: и тамъ, и здѣсь герои покидаютъ столицу, въ глуши встрѣчаются съ полюбившими ихъ дѣвушками, сначала отклоняютъ ихъ любовь, а потомъ молятъ о любви; и тамъ, и здѣсь героини недовѣрчиво относятся къ страстнымъ порывамъ своихъ героевъ. Но при внѣшнемъ сходствѣ—какая разница въ изображеніи характеровъ! Въ „Плѣнникѣ“ нѣтъ изображенія той среды, въ которой герой провелъ свои молодые годы, такъ что читателю остается неизвѣстнымъ, въ какихъ несчастіяхъ утратилъ онъ чувствительность своего сердца: неполнота изображенія бросается въ глаза. Не то въ „Евгеніи Онегинѣ“: здѣсь Пушкинъ сразу помѣщаетъ своихъ героевъ въ ту бытовую обстановку, которая такъ или иначе должна была отозваться на формированіи ихъ характеровъ; въ первой главѣ нарисована яркая картина пустой, столичной жизни, а во второй главѣ, написанной еще на югѣ Россіи, уже даны картины русской деревни и стариннаго помѣщичьяго быта; характеристику своихъ героевъ поэтъ начинаетъ съ изображенія ихъ дѣтства; матеріалъ для заполнения канвы романа полною рукою берется прямо изъ русской жизни. Пушкинъ началъ свой романъ, можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ байроническаго „Донъ-Жуана“ („я теперь пишу романъ въ стихахъ—въ родѣ „Донъ-Жуана“, писалъ онъ Вяземскому 4 ноября 1823 г.); но по мѣрѣ того, какъ романъ подвигался впередъ, Пушкинъ съ такою любовью углублялся въ созерцаніе родной жизни, что отъ байроническаго вліянія въ романѣ не осталось и слѣда, если не брать во вниманіе 1 главы, которая по манерѣ письма нѣсколько напоминаетъ

„Донъ-Жуана“. и еще болѣе „Беппа“—шуточную поэму Байрона ¹⁾. Поэтому Пушкинъ впоследствии имѣлъ полное основаніе волноваться, когда его романъ сближали съ байроновскимъ „Донъ-Жуаномъ“, хотя онъ и самъ подалъ поводъ къ такому сближенію.—Итакъ, первыя главы „Евгенія Онѣгина“, написанныя на югѣ Россіи, съ очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что Пушкинъ еще тамъ вступилъ на путь самобытнаго творчества, отрѣшившись отъ вліянія какъ Шатобріана, такъ и Байрона и взявшись за работу надъ широкой картиной русскаго быта.

Впрочемъ, Пушкинъ пока еще не разстался окончательно съ романтическими сюжетами: одновременно съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ онъ писалъ поэму „Цыганы“, представляющую собою—по выраженію Анненкова—„высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма“. Поэма носитъ на себѣ замѣтные слѣды литературныхъ вліяній Запада; такъ, въ разработкѣ интриги она имѣетъ не мало общаго съ произведеніями Шатобріана. „Алеко, какъ Рене, бросаетъ шумный свѣтъ и идетъ къ дикарямъ-цыганамъ. Его такъ же, какъ и Рене, принимаютъ дружелюбно. Онъ, какъ Рене, болѣе или менѣе сживается съ тѣмъ народомъ, къ которому пришелъ, хотя всецѣло слиться съ дѣтьми природы онъ не можетъ.—Какъ за Рене, за нимъ тоска слѣдуетъ по пятамъ... Кромѣ главнаго лица обращаетъ на себя наше вниманіе еще одно дѣйствующее лицо, тожественное у обоихъ авторовъ: патриархъ пидѣйскаго племени Claktas и старей цыганъ. Эти два старика, знающіе жизнь съ ея бѣдами и печальми, много видѣвшіе на своемъ вѣку, являются предъ читателемъ судьями эгоизма и сердечной пустоты юношъ Рене и Алеко“ (Сиповскій, цит. соч., стр. 31). Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ,—что содержаніе поэмы не взято цѣликомъ изъ жизни, а отчасти навѣяно со-внѣ,—объясняется то, что эта поэма значительно отличается отъ своего близнеца—первыхъ главъ „Евгенія Онѣгина“—по степени близости къ дѣйствительной жизни: въ ней еще много фантастическаго, какъ замѣтилъ Достоевскій въ своей знаменитой пушкинской

¹⁾ Объ отношеніи „Евг. Онѣгина“ къ „Беппа“ и „Д.-Жуану“ Байрона—у Поливанъ, IV, 7—14.

рѣчи. Особенно это нужно сказать о „дѣтяхъ природы“—цыганахъ, изображеніе которыхъ сильно идеализировано въ ущербъ жизненной правдѣ. Къ цыганамъ Пушкина можно примѣнить его-же собственныя слова, высказанныя въ 1836 году о характерѣ изображенія сѣверо-американскихъ дикарей въ романахъ Шатобріана и Купера: „оба представили намъ индійцевъ съ ихъ поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображенія“ (V, 313). При всемъ томъ въ главныхъ характерахъ поэмы больше выдержанности и цѣльности, нежели въ поэмахъ „Кавказскій плѣнникъ“ или „Бахчисарайскій фонтанъ“: едва-ли можно указать какія-либо противорѣчія въ обрисовкѣ Земфиры или Алеко. Образъ Алеко, одареннаго выдающимся умомъ и сильной-энергіей, гордаго и тоскующаго, извѣрившагося въ людяхъ—ближе къ байроническимъ типамъ, нежели образъ русскаго плѣнника или татарскаго хана; однако онъ не представляетъ простого воспроизведенія какого-либо изъ байроническихъ типовъ. По замѣчанію Достоевскаго, Пушкинъ отыскалъ его не у Байрона только: „типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей-русской-землѣ поселившійся“. Та обстановка, въ которую онъ поставленъ, несомнѣнно фантастична, „но гордый-то человѣкъ реаленъ и мѣтко схваченъ“. Но самое замѣчательное въ poemѣ, что сообщаетъ ей глубокій нравственно-философскій смыслъ и обозначаетъ собою важную ступень въ литературномъ развитіи Пушкина, это—его отношеніе къ своему герою: Пушкинъ не просто изображаетъ Алеко, но и произноситъ надъ нимъ безпристрастный нравственный приговоръ. „Ты для себя лишь хочешь волн“—вотъ въ чемъ истинный корень страданій Алеко, вотъ гдѣ скрывается его „горе-злочастіе“, преслѣдующее его по пятамъ; и это приговоръ не надъ Алеко только, но и вообще надъ байроническими типами, показывающій, что Пушкинъ въ своемъ міровоззрѣніи въ это время стоялъ уже внѣ вліянія Байрона, который никогда не „развѣнчивалъ своихъ героев“. Въ приговорѣ Пушкина надъ Алеко со всею определенностью сказывается его убѣжденіе въ томъ, что только нравственныя основы могутъ служить надежной опорой человѣческаго общежитія: люди живы любовью. Эта мысль съ

этихъ поръ красною нитью проходитъ чрезъ главнѣйшія произведенія Пушкина („Евгеній Онѣгинъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Галубъ“ и др.), сообщая имъ глубокій нравственный смыслъ: Пушкинъ является въ нихъ выразителемъ христіанскаго міровоззрѣнія... Какъ ни строгъ однако приговоръ Пушкина надъ Алеко, онъ не мѣшаетъ поэту отнестись къ осужденному съ самымъ гуманнымъ чувствомъ. Въ концѣ поэмы нарисована такая поразительно-трогательная картина, которая невольно вызываетъ у читателя чувство состраданія къ Алеко, а въ этомъ чувствѣ, какъ извѣстно, заключается уже и залогъ примиренія. „Алеко не убиваетъ себя; онъ остается жить,—и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся въ полѣ въ то время, когда станица весело поднимается въ воздухъ, чтобы летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, блѣдный лицомъ, Алеко молчитъ, но его молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары и, можетъ быть, съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ“ (Бѣлинскій). Этотъ послѣдній аккордъ въ поэмѣ „Цыганы“ всецѣло принадлежитъ нашему поэту. Да, онъ имѣлъ право сказать о себѣ: я милость къ падшимъ призывалъ...

Въ то время, когда создавалась поэма „Цыганы“, Пушкинъ получилъ извѣстіе о смерти Байрона († 19 апр. 1824 г.). Онъ сдержанно отнесся къ этому извѣстію. „Тебѣ грустно по Байронѣ,—писалъ онъ изъ Одессы кн. Вяземскому въ іюнѣ 1824 г.,—а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Глугра и Чайльдъ-Гарольда. Первые двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его ему не возвратились. Послѣ 4 пѣсни Child-Harold Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то

другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ“ (VII, 80). Если теперь сопоставить этотъ отзывъ о Байронѣ съ отношеніемъ Пушкина къ байроническому типу, выразившемся въ „Цыганахъ“, то станетъ ясно, что еще на югѣ Россіи для Пушкина прошло время увлеченія Байрономъ и наступила пора объективно-критическаго отношенія къ нему. Значитъ, періодъ увлеченія Байрономъ былъ непродолжителенъ, — безъ сомнѣнія, потому, что самое увлеченіе не имѣло характера безусловнаго подчиненія нашего поэта мрачному и гордому представителю поэзіи міровой скорби. Равнымъ образомъ еще во время пребыванія въ южной Россіи Пушкинъ сталъ твердою ногою на пути художественнаго воспроизведенія русской жизни. Невольное переселеніе въ Михайловское еще тѣснѣе сблизило его съ русской природой и жизнью.

Уголокъ Крыма.

ПУШКИНЪ

въ Михайловскомъ (1824—1826).

V.

Другіе дни—другіе сны.
Изъ „Евг. Онегина“.

Въ уединеніи мой своеобразный гений
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Изъ посланія къ Чаадаеву.

Пріѣхавъ въ Михайловское въ августѣ 1824 г., Пушкинъ засталъ тамъ въ полномъ сборѣ всю свою родную семью; но скоро, вслѣдствіе недоразумѣній между опальнымъ поэтомъ и его отцемъ, на котораго администраціей было возложено безтактное порученіе слѣдить за своимъ собственнымъ сыномъ¹⁾, Пушкины выѣхали изъ Михайловскаго, оставивъ тамъ одного Александра Сергѣевича. Два года прожилъ онъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи, которое раздѣляла съ нимъ няня Арина Родіоновна. По прежнему она окружила своего любимаго, но „неумчиваго“ (VII, 180) питомца своими нѣжными ласками, по прежнему она рассказывала ему сказки и пѣла пѣсни, которыми тотъ уже сознательно интересовался: „Знаешь ли мои занятія?—писалъ онъ брату въ

¹⁾ См. объ этихъ недоразумѣніяхъ у Анненкова („Пушкинъ въ алекс. эпоху“) или Стоюнина.

октябрѣ 1824 г.,—до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма;“ (VII, 87—88: стр. VII, 96). Какъ Пушкинъ цѣнилъ общество своей няни, это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „она—единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно“ (VII, 96). Онъ повѣрялъ ей даже плоды своего поэтическаго генія:

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей (изъ „Евг. Онѣгина“).

Вотъ почему впоследствии Пушкинъ не могъ вспоминать о Михайловскомъ, не вспоминая въ то же время и о своей старушкѣ—нянѣ... Время отъ времени Пушкина навѣщали въ его михайловскомъ уединеніи лицейскіе товарищи; особенно онъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ своихъ близкихъ друзей Пущина (привозившаго съ собою рукопись комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“) и Дельвига. Самъ Пушкинъ часто бывалъ въ сосѣднемъ селѣ Тригорскомъ—въ многолюдномъ и оживленномъ домѣ помѣщицы П. А. Осиповой (по первому мужу Вульфъ). Это была семья по тому времени образованная (сынъ Прасковьи Александровны Ал. Ник. Вульфъ учился въ дерптскомъ университетѣ) и вмѣстѣ съ тѣмъ простая и добрая; всѣ ея члены, начиная съ матери и оканчивая младшими дочерьми, относились къ Пушкину самымъ задушевнымъ образомъ, и онъ не рѣдко цѣлые дни проводилъ въ Тригорскомъ среди веселой и привѣтливой молодежи. Тамъ онъ познакомился и подружился съ университетскимъ товарищемъ Алексѣя Ник. Вульфъ—молодымъ поэтомъ Ник. Мих. Языковымъ.

Такова была та обстановка, въ которой Пушкину пришлось прожить цѣлыхъ два года. Она ставила его лицомъ къ лицу съ тою природою и бытомъ, какіе онъ началъ изображать въ своемъ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“, и чрезъ это давала ему свѣжія краски для заполнения начатой картины. Пушкинъ хорошо сознавалъ значеніе для него новой обста-

новки; сообщая въ письмѣ къ одному лицу о своихъ тригорскихъ сосѣдяхъ, Пушкинъ прибавляетъ: „лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ-ли можно и желать“ (VII, 94). За то здѣсь не было „ни моря, ни голубаго неба полудня, ни итальянской оперы“, ни того пестраго и многочисленнаго общества, которое окружало поэта въ Кишиневѣ и Одессѣ (VII, 96). Не мудрено, что поэтъ, съ раннихъ лѣтъ „любившій свѣтъ и его шумъ, ненавидѣвшій одиночество“ (I, 39), тяготился деревенскимъ уединеніемъ и на берегахъ михайловскихъ озеръ—особенно на первыхъ порахъ—съ грустью вспоминалъ „иные берега, иныя волны“. „Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море,—писалъ Пушкинъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Михайловское,—производитъ во мнѣ тоску, шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, я сталъ-бы плакать отъ бѣшенства при видѣ яснаго неба, но—слава Богу!—небо у насъ спое, а луна—точно рѣпа“ (VII, 93). Пушкинъ всё еще живетъ плѣнительными воспоминаніями юга и подсмѣивается надъ сѣренькою природою сѣвера; а между тѣмъ въ его душѣ уже начинается невольный процессъ любовнаго сближенія съ этою самою природою и съ простою русскою жизнію,—тотъ процессъ, который онъ впослѣдствіи изобразилъ въ отрывкахъ изъ пропущенной главы „Евгенія Онегина“. Бывало,—говоритъ онъ,—

Мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безименныя страданья...
Другіе дни—другіе сны;
Смирлись вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшалъ...
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,

На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи—
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка,
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеаль теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой.
 Да шей горшокъ, да самъ большой.
 Порой дождливою намедни
 Я завернулъ на скотный дворъ...
 Тьфу; прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ-ли былъ я, разцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
 Такія-ль мысли мнѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ?..

„Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній
 самыхъ разнородныхъ, негодованія и желанія набросить на
 картину колорить самый сѣрый съ невольной любовію къ
 картинѣ, съ чувствомъ ея особенной, самобытной красоты!“
 (Ап. Григорьевъ). Поэтъ какъ-бы самъ дивится той пере-
 мѣнѣ, которая съ нимъ происходитъ: что за диво? бывало,
 его увлекала грандіозная природа Кавказа или чарующая
 роскошь Крыма, а теперь онъ съ удовольствіемъ останавли-
 вается на берегу пруда и смотритъ на плавающихъ утокъ!
 Онъ думалъ и въ Михайловскомъ жить воспоминаніями о
 югѣ, о морѣ, а Михайловское мало-по-малу охватываетъ
 своими собственными впечатлѣніями, и онъ не можетъ отдѣ-
 латься отъ нихъ ¹⁾... Поэтъ дивится этой перемѣнѣ и даже

¹⁾ Замѣчательно, что подобный процессъ происходилъ и въ душѣ Лермонтова.
 Вотъ, напр., его стихотвореніе 1840 года:

Любилъ и я въ былые годы,
 Въ невинности души моей,
 И бури шумныя природы,
 И бури тайныя страстей.
 Но красоты ихъ безобразной

подсмѣивается надъ ней, а между тѣмъ здѣсь мало удивительнаго: вѣдь Пушкинъ съ дѣтскихъ лѣтъ полюбилъ русскую природу и русскую жизнь; припомнимъ, съ какою любовію рисовалъ онъ картинку своего михайловскаго уединенія въ годы юности,—припомнимъ, съ какою любовію онъ относился къ своей нянѣ и съ какою жаждой слушалъ ея сказки и пѣсни въ дѣтскіе годы. Впечатлѣнія родины на время были заслонены роскошными впечатлѣніями юга, къ этому присоединилось увлеченіе байронической поэзіей, „мрачной, богатырской, сильной“; но и тамъ, на югѣ, какъ мы уже видѣли, не умирнула любовь къ родной природѣ и родному быту: можетъ быть, и не всегда замѣтно для самого поэта, она продолжала жить въ его сердцѣ. Не даромъ онъ еще въ Кипшиневѣ принимается за чтеніе русскихъ лѣтописей и начинаетъ романъ изъ русской жизни; не даромъ въ этомъ романѣ онъ съ любовію говоритъ о деревенской тишинѣ (въ концѣ первой главы). Подобно тому, какъ въ Татьянѣ увлеченіе иностранной литературой уживалось съ любовію къ родной природѣ родному быту („Татьяна—русская душою, сама не зная почему—съ ея холодною красою любила русскую зиму“ и т. д.), такъ и въ Пушкинѣ впечатлѣнія юга и байронической поэзіи не убили любви къ русской жизни, и вотъ, когда онъ снова сталъ лицомъ къ лицу съ этою жизнію, давняя любовь къ ней снова заговорила въ немъ: перечитайте 3—6 главы „Евгенія Онѣгина“—и вы увидите, съ какою любовію нашъ поэтъ рисовалъ намъ картины русской природы и русской жизни. До нѣкоторой степени онъ самъ переживалъ тѣ чувства, которыя приписалъ Татьянѣ, но какъ Татьяна, воспитавшаяся на чтеніи романовъ, предъ-

---

Я скоро таинство постигъ —
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году.
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ.
Поутру ясную погоду
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

Характерно въ этомъ отношеніи и его стихотвореніе «Отчизна», написанное въ слѣдующемъ году («Люблю отчизну я, но странною любовью...»). Прошу читателя сравнить это задумчивое стихотвореніе съ приведенной въ текстѣ выдержкой изъ «Евгенія Онѣгина».

являла къ жизни болѣе возвышенныя требованія, нежели окружавшія ее лица,—такъ и идеалы Пушкина на дѣлѣ простирались, конечно, неизмѣримо дальше балалайки или гумна, хотя время отъ времени онъ съ удовольствіемъ слушалъ балалайку и заходилъ на гумно: онъ настолько глубоко сознавалъ значеніе *просвѣщенія*, котораго не доставало русскому обществу, что не могъ закрывать глаза предъ его недостатками. Съ непоколебимой силой твердаго убѣжденія онъ высказываетъ въ первомъ посланіи къ цензору такое положеніе: „*На поприщѣ ума нельзя намъ отступать*“, а свою „Вакхическую пѣсню“ заканчиваетъ такими вдохновенно-прекрасными словами:

Поднимемъ стаканы, содвинимъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Такъ въ душѣ нашего поэта совершался процессъ органическаго сліянія просвѣтительныхъ идей съ историческими и бытовыми началами русской жизни. Существенныя черты этого процесса опредѣлились уже въ Михайловскомъ, когда онъ создавалъ свѣтлый образъ Татьяны, объединявшей въ своей душѣ элементы зап.-европейскаго вліянія съ любовью къ родной жизни. Такимъ образомъ, уже въ эту пору сказала та черта въ творчествѣ Пушкина, которую отмѣтилъ Н. С. Аксаковъ въ своей рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 г.: „Пушкинъ,—говорилъ онъ тогда,—это—*народность* и *просвѣщеніе*; это—залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ; это—звѣно, органически связующее, хотя-бы только еще въ области поэзіи, два періода нашей исторіи“... ¹⁾

Но мѣрѣ того, какъ Пушкинъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ родною жизнью, въ его душу сходилъ та „*ми-*

¹⁾ Ту же мысль раскрываетъ и Н. С. Тихонравовъ въ своей пушкинской рѣчи (соч., III, 1, стр. 527). Знаменательно, что западникъ и славянофилъ сошлись въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ.

шина сердца“, которая такъ необходима для спокойнаго поэтическаго творчества. По собственному признанію Пушкина, уединеніе всегда дѣйствовало на него успокоительно; такъ было и теперь: переселеніе въ Михайловское не только вырвало поэта изъ той среды, которая то увлекала его въ самый вихрь разсѣянной жизни, то вызывала его на столкновенія съ окружающимъ обществомъ, но и дало ему много мирныхъ впечатлѣній, успокоительно дѣйствовавшихъ на его встревоженную душу. Конечно, Михайловское не застраховывало его отъ душевныхъ волненій и страстныхъ увлеченій, но за то способствовало его успокоенію и отрезвленію. Поводы къ волненіямъ были и здѣсь. Начать съ того, что Пушкинъ явился въ Михайловское крайне взволнованнымъ и даже ожесточеннымъ (II, 183): его возмущало убѣжденіе въ томъ, что онъ сосланъ несправедливо „за строчку глупаго письма“ (III, 92); къ этому присоединилось столкновеніе съ отцемъ, чрезвычайно взволновавшее нашего поэта. Но стоило Сергѣю Львовичу уѣхать изъ Михайловскаго—и волненія скоро улеглись да и ожесточеніе мало-по-малу стало проходить. Правда, и послѣ—въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Михайловскомъ сознаніе подневольности тяготило поэта: онъ рвался на свободу и даже строилъ планы бѣгства за границу; въ нѣкоторыя минуты онъ готовъ былъ даже проклинать свое Михайловское (VII, 176). Но вѣдь причину этихъ невзгодъ нашего поэта нужно искать не столько въ обстановкѣ его деревенскаго уединенія, сколько въ условіяхъ общественной жизни того времени, которыя оставляли мало свободы для дѣятельности отдѣльной личности. Пушкинъ прекрасно сознавалъ это: не разъ въ его письмахъ высказывается недовольство условіями русской жизни. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его михайловскихъ писемъ. „Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное; какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!“ (VI, 93); „въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои; — — но, конечно благоразуміе бы отправиться за море: что мнѣ въ Россіи дѣлать?“ (VII, 168); „ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣгѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги“ и

пр., „то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“ (VII, 182). Конечно, Михайловское тутъ не при чемъ: оно не только не растравляло душевныхъ ранъ поэта, но скорѣе его успокаивало. Тяжело было Пушкину переживать извѣстія о декабрьскихъ дняхъ въ 1825 году, когда многіе изъ близкихъ ему лицъ должны были подвергнуться горестнымъ послѣдствіямъ бунта: „неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучить“ (VII 172), писалъ онъ въ январѣ 1826 г., но и тутъ Михайловское только смягчало душевную боль Пушкина. Въ перепискѣ Пушкина остались слѣды и той страсти, которая—было овладѣла нашимъ поэтомъ при встрѣчѣ съ А. П. Кернъ; но эта же самая переписка, показываетъ, что страсть была не глубока и непродолжительна: Михайловское опять успокоило поэта, а когда впечатлѣнія встрѣчи прошли чрезъ очистительное горнило поэтического творчества, получилось то граціозное стихотвореніе, которое и до сихъ поръ не утратило своей свѣжести: это—„Я помню чудное мгновеніе“... Итакъ, сами по себѣ впечатлѣнія михайловской жизни были таковы, что они дѣйствовали на душу поэта умиротворяющимъ образомъ, успокаивая его душевныя волненія и облегчая сердечныя раны. Но этого мало: значеніе пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ состояло еще въ томъ, что здѣсь его *нравственное и религіозное чувство очищалось отъ тѣхъ заблужденій и наслоеній*, которыя замутили было его на югѣ Россіи. „Въ невольномъ уединеніи изгнанія Пушкинъ,—по энергичному выраженію проф. Тихонравова, —проявлялъ несокрушенную силу нравственнаго чувства“, которая дѣйствовала теперь въ неразрывномъ союзѣ съ могучей силой поэтического творчества. Вотъ почему произведенія Пушкина, написанныя въ Михайловскомъ, проникнуты возвышеннымъ нравственнымъ настроеніемъ. Не вдаваясь въ подробное разъясненіе этой мысли, укажу на то, какъ измѣнилось здѣсь отношеніе поэта къ герою его романа—Евгенію Онегину, въ образѣ котораго Пушкинъ воплотилъ нѣкоторыя стороны своей собственной личности. Изображая въ первой главѣ пустую и разбѣянную жизнь Онегина въ Петербургѣ, Пушкинъ относится къ ней не только снисходительно, но даже съ нѣкоторымъ—невольнымъ, можетъ

быть—сочувствіемъ: видно, что тѣ удовольствія, которыми отдавался Онѣгинъ, не потеряли своей привлекательности и для нашего поэта. Мы видѣли, что такъ и было на дѣлѣ: первая глава „Евг. Онѣгина“ начата въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ велъ разбѣянную жизнь. Въ Михайловскомъ онъ написалъ 3—6 главы своего романа, въ которыхъ поставилъ Онѣгина въ близкія отношенія къ Ленскому и Татьянѣ. Это дало возможность Пушкину вскрыть предъ читателями самую глубину душевной жизни героя: оказалось, что онъ утратилъ не только способность къ серьезному труду, но и отзывчивость своего сердца: безнадежнымъ эгоистомъ является онъ въ своихъ отношеніяхъ къ Татьянѣ и Ленскому, и смотрите—до какой высоты нравственнаго чувства поднимается нашъ поэтъ въ изображеніи этихъ отношеній! Съ чувствомъ душевной горечи раскрываетъ онъ предъ читателемъ тотъ „тайный судъ“, на который призвалъ себя Онѣгинъ послѣ столкновения съ Ленскимъ и который закончился жалкимъ рѣшеніемъ принять вызовъ на дуэль изъ-за страха предъ мнѣніемъ того общества, къ которому самъ Онѣгинъ относился съ презрѣніемъ; а рассказывая о самой дуэли Онѣгина съ Ленскимъ, Пушкинъ заставляетъ читателя пережить цѣлую гамму чувствованій, начиная отъ чувства тихой грусти, вызываемой безвременною кончиною Ленскаго, и оканчивая тѣмъ чувствомъ нравственнаго негодованія, которое съ такою поразительною силой вылилось въ слѣдующихъ словахъ:

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи...

Что это такое? не чувство ли злорадства по отношенію къ побѣжденному врагу? „Внезапнымъ поворотомъ рѣчи Пушкинъ выводитъ читателя изъ недоумѣнія“:

Но отослать его къ отцамъ
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!

И дальше слѣдуетъ строфа, замѣчательная по степени проникновенія въ противорѣчіи общественной совѣсти, требующей кровавой расплаты за оскорбленіе чести:

Что-жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, или отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ на землѣ,
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашу отчаянный призывъ?

Въ изображеніи отношеній Онѣгина къ Ленскому Пушкинъ обнаруживаетъ не только поразительную силу психологическаго анализа, но и „несокрушенную силу нравственнаго чувства“, которое,—по его словамъ,—какъ и талантъ, дается не всякому (V, 301).

Высокимъ нравственнымъ и религіознымъ чувствомъ проникнуты „Подражанія Корану“, написанныя въ 1824 г. Покойный Страховъ замѣтилъ, что въ этихъ произведеніяхъ Пушкинъ сумѣлъ „уловить весь складъ корана, весь безпорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ какою-то восточною бессмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство“. ¹⁾ Дѣй-

---

¹⁾ Страховъ.—„Замѣтки о Пушкинѣ.“ Изд. 2 (Кіевъ 1897), стр. 48.

ствительно, нѣкоторые изъ „подражаній корану“ представляють собою художественное выраженіе существенныхъ чертъ магометанства (таковы первыя четыре „подражанія“); но есть между ними и такія, которыя проникнуты истинно-христіанскимъ настроеніемъ. Таково, напр., осьмое „подражаніе“, въ которомъ заповѣдуются щедрая, безкорыстная милостыня:

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.¹⁾

Но въ особенноти это нужно сказать о десятомъ „подражаніи“, въ которомъ легенда корана такъ переработана нашимъ поэтомъ, что его стихотвореніе является прекраснымъ поэтическимъ выраженіемъ христіанскаго взгляда на жизнь. Въ коранѣ Пушкинъ встрѣтилъ такую легенду: одинъ путешественникъ, проходя мимо развалинъ какого-то города, сказалъ: какъ можетъ Богъ оживить жителей этого города? Богъ повелѣлъ ему умереть, а черезъ 100 лѣтъ снова воскресилъ его къ жизни. Воскресшій путешественникъ увидѣлъ, что питье и пища его—въ цѣлости, а отъ осла остались однѣ только кости. Богъ собралъ эти кости и снова покрылъ ихъ тѣломъ: осель ожилъ. При видѣ чуда путешественникъ воскликнулъ: теперь я знаю—*моущество Бога безконечно*. Очевидно, въ этой легендѣ выражена мысль о *всемогуществѣ* Божіемъ, которое въ магометанствѣ какъ бы поглощаетъ всѣ другія свойства Божества. Не то въ стихотвореніи Пушкина: у него на первый планъ выдвинута не идея о всемогуществѣ Бога, а чисто христіанская *идея о Его милосердіи и любви*. Путникъ своимъ ропотомъ на Бога навлекъ на себя гнѣвъ Божій, но этотъ гнѣвъ разрѣшается актомъ божественнаго милосердія: на глазахъ потрясеннаго путника Господь снова призываетъ къ жизни всю природу.

И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладою и мглой.

¹⁾ Въ перепискѣ Пушкина читатель найдетъ не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ объ отзывчивости его сердца (см., напр. VII, 99, 105).

И вѣтхія кости ослицы встають,
 И тѣломъ одѣлись, и ревъ издають;
 И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
 Въ крови заграла воскресшая младость;
 Святые восторги наполнили грудь,
 И съ Богомъ онъ далѣе пускается въ путь ¹⁾.

Въ виду сказаннаго нельзя не согласиться съ Анненковымъ, что „коранъ служилъ Пушкину только знаменемъ, подъ которымъ онъ проводилъ собственное религіозное чувство.“ ²⁾ Припомнимъ, что въ Михайловскомъ Пушкинъ занимался не только чтеніемъ корана (во франц. переводѣ), но и чтеніемъ Библии, о которой писалъ къ брату: „Библия для христіанина то же, что исторія для народа“ (VII, 98). Такъ, въ тиши деревенскаго уединенія отлетали религіозныя сомнѣнія, волновавшія прежде Пушкина, уступая мѣсто той „вѣрѣ душевной“, которая никогда въ немъ не умираетъ.

Наконецъ, чрезвычайно важную сторону михайловской жизни составляло то обстоятельство, что оно способствовало сосредоточенному труду нашего поэта. Уединеніе всегда располагало его къ дѣятельности:

Въ *уединеніи* мой *своенравный* геній
 Позналъ и тихій *трудъ*, и жажду *размышленій*;
 Владѣю днемъ моимъ; съ *порядкомъ* *друженъ* умъ;
 Учусь удерживать *вниманье* *долгихъ* *думъ*;
 Ищу вознаградить въ *объятіяхъ* свободы
 Мятежной младостью утраченные годы,
 И въ *просвѣщеніи* *стать* съ *вѣкомъ* *наравнѣ*.

Такъ писалъ Пушкинъ еще на югѣ въ посланіи къ Чаадаеву; но эти слова въ полной мѣрѣ приложимы къ его михайловскому уединенію: здѣсь онъ поразительно много читалъ, размышлялъ и писалъ. Еще съ большей настойчи-

¹⁾ См. въ I вып. „Этюдовъ“ проф. Сумцова этюдъ, посвященный этому стихотворенію. Давно бы ему пора,—по справедливому замѣчанію автора этюдовъ,—занять свое мѣсто въ школьных хрестоматіяхъ на ряду и даже предпочтительно предъ стихотвореніемъ Лермонтова „Три пальмы.“

²⁾ „Пушкинъ въ алекс. эпоху“, стр. 304.

востью, чѣмъ прежде, проситъ онъ брата о присылкѣ ему книгъ, журналовъ и альманаховъ: „книгъ ради Бога, книгъ!“ — пишетъ онъ Льву Сергѣевичу осенью 1824 г.

Книжныя занятія Пушкина въ Михайловскомъ были продолженіемъ и восполненіемъ тѣхъ литературныхъ и историческихъ изученій, которыя онъ началъ на югѣ Россіи; но только теперь Пушкинъ не только расширяетъ эти изученія, но обнаруживаетъ въ нихъ уже полную зрѣлость критической мысли. Онъ не перестаетъ и теперь интересоваться *Байрономъ*, съ восторгомъ отзываясь о его „Донъ-Жуанъ“ („что за чудо Донъ-Жуанъ!“ — VII, 159); но это не мѣшаетъ его критическому отношенію къ британскому поэту, которое началось еще на югѣ Россіи. Увлеченіе мрачной и тревожной поэзіей Байрона теперь смѣняется серьезнымъ изученіемъ спокойнаго творчества другого англійскаго генія — *Шекспира*, который производитъ на нашего поэта сильное впечатлѣніе широтою и правдивостію въ художественномъ изображеніи жизни. „Что за человекъ Шекспиръ! Я не могу прійти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ предъ нимъ Байронъ—трагикъ, этотъ Байронъ, во всю свою жизнь, постигшій только одинъ характеръ—именно свой собственный, — и вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому—ненависть, третьему—меланхолическую настроенность; так. обр., изъ одного мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?!“ (VII, 158). Въ это же время Пушкинъ знакомится съ историческими романами *Вальтеръ-Скотта*, которые цѣнятъ за реальное воспроизведеніе прошлыхъ временъ¹⁾. Изъ пѣмеккихъ писателей останавливаютъ его вниманіе—въ связи съ работами надъ трагедіей—драматическія произведенія *Шиллера* и „чтенія о драматическомъ искусствѣ“ Авг. В. *Шлегеля*, а также „Фаустъ“ Гете.

Вмѣстѣ съ изученіемъ западно-европейской литературы П. продолжалъ знакомиться съ русской народной поэзіей и съ представителями русской литературы 18 и 19 вв.

¹⁾ „Главная прелесть романовъ В. Скотта состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ напыщенностью франц. трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ важностью исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ“ (V, 32). Такъ во всѣхъ приговорахъ Пушкина виденъ основатель художественнаго реализма въ нашей литературѣ.

Еще на югѣ онъ задумывалъ статью „о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго“ (VII, 75). Теперь онъ съ большимъ усердіемъ занимается пересмотромъ старыхъ литературныхъ авторитетовъ, особенно Ломоносова и Державина, и внимательно слѣдитъ за литературною дѣятельностью своихъ старшихъ современниковъ и сверстниковъ (Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Баратынскаго, Вяземскаго, Рылѣева и др.). Очевидно, онъ ставитъ своею задачею опредѣлить историческое положеніе своей собственной литературной дѣятельности. Многочисленные замѣтки о русскихъ писателяхъ—старыхъ и новыхъ—разбросанныя въ письмахъ и замѣткахъ Пушкина, представляютъ собою первые зачатки историко-художественной критики ¹⁾. —Изученіе русской литературы приводило Пушкина къ убѣжденію въ необходимости серьезной литературной критики, которая бы оцѣнивала литературныя явленія не по личнымъ сочувствіямъ, а по опредѣленнымъ принципамъ; она должна дать правильную оцѣнку старымъ авторитетамъ и проложить дорогу новому литературному направленію, — „истинно-романтическому“ по терминологіи Пушкина, —художественно—реалистическому, сказали бы мы. Къ сожалѣнію, въ современной журналистикѣ П. не находилъ дѣльной критики. „Критики у насъ не достаетъ“, пишетъ онъ Бестужеву и этимъ объясняетъ то явленіе, что старые авторитеты (Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и др.) до сихъ поръ не утратили своей литературной репутаціи въ глазахъ русскаго общества, тогда какъ—по мнѣнію Пушкина—имъ можно усвоить только историческое знаніе. Въ связи съ убѣжденіемъ въ отсутствіи у насъ дѣльной критики у Пушкина возникаетъ желаніе издавать собственный журналъ, который бы могъ быть надежнымъ руководителемъ общественнаго мнѣнія въ вопросахъ литературныхъ (VI, 146, 181). Только подъ конецъ жизни удалось Пушкину осуществить свое желаніе относительно изданія журнала; но за то въ пору полного разцвѣта его литературной дѣятельности, почти въ одно время съ Гоголемъ, „явился такой критикъ, какого пламенно звалъ Пушкинъ.

¹⁾ Сводъ литературно-критическихъ взглядовъ Пушкина сдѣлалъ А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ (В. Евр. 1895. V. стр. 737—750); см. также ниже статью В. Ст. Рыбинскаго.

То былъ человѣкъ, воспитанный сколько московскимъ кружкомъ, столько—если не болѣе—произведеніями Пушкина и тѣмъ литературнымъ движеніемъ, которому поэтъ придалъ „могучій бытъ.“ И тотъ критикъ, забравшій въ свои твердыя руки общее мнѣніе и воспитавшій своимъ вліяніемъ послѣдующія поколѣнія, въ лучшемъ изъ своихъ сочиненій оставилъ превосходный комментарий къ твореніямъ Пушкина, который образовалъ въ немъ чистый эстетическій вкусъ и поселилъ непреклонное убѣжденіе, что литература есть великая общественная сила. Бѣлинскій положилъ начало исторической критикѣ русскихъ писателей, о которой мечталъ Пушкинъ, и, подъ впли старой школы, исполнилъ программу великаго поэта—развѣнчалъ старые литературные авторитеты (Тихонравовъ). Забѣгая впередъ, отмѣтимъ теперь же, что Пушкинъ оцѣнилъ критическое дарованіе Бѣлинскаго: въ 1836 г. онъ поручаетъ своему пріятелю Нащокину переслать Бѣлинскому экземпляръ „Современника“ и сообщить ему, что онъ, Пушкинъ, очень жалѣетъ, что не успѣлъ съ нимъ увидѣться (VII, 405).

На ряду съ литературными у Пушкина шли изученія историческія. Еще юношей, въ 1818 году, онъ „съ жадностію и со вниманіемъ“ прочиталъ первые восемь томовъ Русской исторіи Карамзина (V, 40), а въ Кишиневѣ принялся за чтеніе русскихъ лѣтописей, результатомъ котораго была его превосходная „пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.“ Въ Михайловскомъ Пушкинъ продолжалъ изученіе „Исторіи“ Карамзина. Поэтъ и теперь высоко „цѣнитъ Исторію Государства Россійскаго, какъ громадный ученый трудъ, онъ дорожитъ этимъ трудомъ, какъ вѣрнымъ, основаннымъ на источникахъ историческихъ разсказовъ... Но это уваженіе къ труду Карамзина не мѣшало Пушкину говорить о „парадоксахъ Карамзина,“ не мѣшало утверждать, что въ Исторіи Госуд. Росс. есть нѣсколько отдѣльныхъ размышленій, — — краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій“¹⁾. Вотъ поче-

¹⁾ О драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ проф. Жданова, Спб. 1892, стр. 13; ср. поливановск. изд. соч. Пушк., т. 3, стр. 17. Взгляды Пушкина на исторію Карамзина выражены имъ въ отрывкахъ изъ автобіографіи (писанной въ 1825—26 г.), въ одномъ изъ отрывковъ 1827 г., въ статьѣ объ Исторіи Русскаго народа Полевого (V, 75).

му Пушкинъ считалъ нужнымъ восполнить Исторію Карамзина самостоятельнымъ изученіемъ *лѣтописей* и другихъ историческихъ источниковъ, да и въ примѣчаніяхъ къ исторіи Карамзина онъ находилъ данныя для такихъ выводовъ, которые исправляли или дополняли блестящее изложеніе знаменитаго исторіографа ¹⁾. Съ особеннымъ вниманіемъ Пушкинъ изучалъ эпоху смутнаго времени, пот. что уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское рѣшилъ взять изъ этой драматической эпохи сюжетъ для своей трагедіи (III, 79). Вмѣстѣ съ изученіемъ русской исторіи Пушкинъ читалъ римскихъ историковъ *Тацита* и *Аврелія Виктора*. Последній далъ нашему поэту матеріалъ для созданія блестящаго образа Клеопатры, которымъ онъ воспользовался впоследствии въ своихъ „Египетскихъ ночахъ“.

Таковы были обширныя литературно-историческія изученія, которыми занимался Пушкинъ въ глуши своего деревенскаго уединенія. Они требовали отъ него громаднаго труда, но не они были главнымъ предметомъ его дѣятельности: Пушкинъ былъ не историкъ и не критикъ, а настоящій, природный *поэтъ*, у котораго литературныя изученія и впечатлѣнія жизни претворялись въ художественные образы. Поэзія „обнимала и поглощала все наблюденія, все усилія, все впечатлѣнія его жизни“ (V, 28): пріѣдетъ ли его лицейскій товарищъ или старушка—няня пропоетъ ему свою пѣсеньку, изучаетъ ли онъ Карамзина или Аврелія Виктора,—все впечатлѣнія литературы и жизни находятъ отраженіе въ его поэзіи. Творческая работа, бывшая главнымъ дѣломъ его жизни, требовала отъ поэта громаднаго труда. Стоитъ просмотрѣть сообщенія Анненкова о черновыхъ тетрадахъ нашего поэта, относящихся къ этому времени, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ много и серьезно работалъ онъ надъ своими произведеніями: въ этихъ тетрадахъ, какъ въ альбомѣ Онѣгина,

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

¹⁾ Объ этомъ—въ превосходномъ очеркѣ проф. Жданова.

Теперь Пушкинъ уже пришелъ къ тому убѣжденію, что поэтическое вдохновеніе не только не исключаетъ усиленаго труда, но необходимо его предполагаетъ. Очевидно, у него уже измѣнилось теперь самое понятіе о вдохновеніи или—вѣри́те—оно впервые получило у него точную формулировку. Прежде онъ разумѣлъ подъ вдохновеніемъ какое-то озареніе свыше, внушеніе со-ви́тъ, не предполагающее труда со стороны поэта; оттого понятіе о вдохновеніи связывалось у него съ понятіемъ о поэтической лѣни. Теперь онъ уже успѣлъ уяснить себѣ, что „вдохновеніе есть *расположеніе души* къ живѣйшему понятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно — и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.“ Оно существеннымъ образомъ отличается отъ восторга, который считался у ложно-классиковъ зиждительной силой поэзіи: „восторгъ исключаетъ *спокойствіе*—необходимое условіе *прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы *ума*, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ *постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ ничего истинно великаго*“ (V, 21) Отвергая ложно-классическій взглядъ на восторгъ, какъ зиждительную силу поэзіи, Пушкинъ однако не соглашается и съ тѣми романтиками, которые свое ученіе о свободѣ поэтическаго творчества простирали до того, что совершенно отрицали значеніе труда при поэтическомъ вдохновеніи, считая послѣднее какъ бы непосредственнымъ созерцаемъ прекраснаго или даже озареніемъ свыше. Пушкинъ не отрицаетъ значенія вдохновенія въ процессѣ поэтическаго творчества; болѣе того: онъ держится того взгляда, что „поэзія бываетъ исключительною страстію немногихъ“, пот. что мало такихъ лицъ, которыя бы имѣли расположеніе къ тому, чтобы поэтически перерабатывать „всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“ (V, 28). вмѣстѣ съ романтиками онъ признаетъ *свободу* и *искренность* необходимыми условіями творчества; но онъ не думаетъ, чтобы вдохновеніе и свобода поэтическаго творчества исключали необходимость труда: чтобы создать поэтическое произведеніе,

для этого мало еще имѣть только расположеніе къ воспріятію какихъ-либо впечатлѣній, но нужно ихъ воспринять и затѣмъ переработать не только при помощи фантазіи, но и ума, „располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому“. Все это требуетъ сосредоточеннаго и нерѣдко напряженнаго труда. Впослѣдствіи Пушкинъ указалъ послѣдовательные моменты поэтическаго творчества въ немногихъ вопросительныхъ фразахъ, съ какими Чарскій обращается къ импровизатору (въ „Египетскихъ ночахъ“, задуманныхъ еще въ Михайловскомъ): „Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею *носились, лелеяли, развивали ее безпрестанно?* И такъ, для васъ не существуетъ ни *труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства*, которое предшествуетъ *вдохновенію?*“ Созданіе „Евгенія Онегина“ и „Бориса Годунова“, надъ которыми Пушкинъ работалъ въ Михайловскомъ, прошло чрезъ всѣ эти фазисы. „Когда поэтъ не „чувствовалъ приближенія Бога“, когда онъ не находилъ въ душѣ своей „расположенія къ принятію впечатлѣній, къ соображенію и изъясненію понятій“, онъ оставлялъ перо. „Я пишу („Бориса Годунова“),—высказывается Пушкинъ,—и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или переживалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее“. „Борисъ Годуновъ“ былъ первымъ большимъ произведеніемъ, надъ которымъ Пушкинъ испробовалъ этотъ „новый для него способъ работы“. Процессъ созданія этой трагедіи не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій... „Писанная мною *въ строгомъ уединеніи* (признается Пушкинъ) *вдали охлаждающаго свѣта*, плодъ добросовѣстныхъ *изученій*, постоянного *труда*, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: *живое занятіе вдохновенію*, внутреннее убѣжденіе, что мною были употреблены всѣ усилія“...¹⁾

Обратимся теперь къ главнѣйшимъ произведеніямъ Пушкина, написаннымъ въ Михайловскомъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ихъ значеніе въ исторіи литературнаго развитія нашего поэта.

¹⁾ Соч. Н. С. Тихонравова, III, 1, стр. 513—514.

Пушкинъ привезъ изъ Одессы обширную тетрадь, въ которой находились уже въ оконченномъ видѣ 1 и 2 главы „Евгенія Онѣгина“ и начата 3-ья глава, а между 2 и 3 главой романа находился текстъ поэмы „Цыганы“. 10 октября 1824 г. поэма получила тотъ видъ, въ какомъ была напечатана впервые въ 1827 г. и въ какомъ печатается доселѣ; но Пушкинъ считалъ ее неоконченной. Сообщая Вяземскому о томъ, что онъ читалъ отрывки изъ своей „комедіи о Царѣ Борисѣ“ лицейскому товарищу Горчакову, навѣстившему его въ Михайловскомъ, поэтъ обращается къ Вяземскому съ такими словами: „Попроси его (Горчакова) не говорить объ нихъ (о прочитанныхъ ему сценахъ); не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, *которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ*“ (письмо отъ 24 сент. 1825 г.,—VII, 156). Думаемъ однако, что причина этого была глубже: вѣроятно, сознаніе Пушкина настолько было заполнено теперь впечатлѣніями окружающей среды и историческихъ изученій, вводившими его въ самую глубь русской жизни, что онъ невольно отрѣшился отъ нѣскольکو фантастическихъ картинъ цыганскаго быта: теперь онъ уже окончательно вступалъ на путь художественнаго воспроизведенія дѣйствительной жизни въ ея прошломъ и настоящемъ. Живыя наблюденія и историческія изученія давали для этого достаточно матеріала, и вотъ—въ результатъ его переработки являются центральныя главы „Евгенія Онѣгина“ и „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“ (такъ Пушкинъ предполагалъ назвать свою трагедію, примѣняясь къ терминологіи русскаго театра 17 вѣка, въ репертуарѣ котораго значились такія пьесы, какъ „Комедія о крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь Македонскій“ или „Комедія о Франталасѣ, царѣ Эпирскомъ, и о Мирандолѣ, сынѣ его, и о прочихъ“). Какъ ни различны оба произведенія по эпохамъ, въ которыя происходятъ изображаемыя событія, по характеру и положенію дѣйствующихъ лицъ, по формѣ и тону изложенія; однако въ содержаніи ихъ замѣтна одна общая черта: въ нихъ ставится вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между обществомъ и отдѣльными его представителями.

Въ первыхъ двухъ главахъ романа „Евгеній Онѣгинъ“, написанныхъ на югѣ, вниманіе Пушкина было сосредоточено на изображеніи главнаго героя романа—Онѣгина, который послѣ „Кавк. плѣнника“—представлялъ собою вѣрную, уже вполне удачную попытку нарисовать характеръ, взятый изъ современной поэту русской жизни. Русская молодежь второй половины александровскаго царствованія заключала въ своей средѣ представителей двухъ типовъ: одни, сознавая пустоту и неправду окружавшей жизни, со всею энергіею молодыхъ силъ вступали въ неравную борьбу съ обществомъ; другіе невольно подчинялись вліянію окружающей среды и въ пустотѣ свѣтской жизни растрачивали свои душевныя и физическія силы, мало-по-малу становясь бесполезными членами общества. Первый типъ нашелъ свое выраженіе въ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ въ лицѣ Чацкаго, второй—въ романѣ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“. Человѣкъ, незаурядный по своимъ природнымъ дарованіямъ Евгеній Онѣгинъ получилъ поверхностное свѣтское образованіе, которое не дало ему ни нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, ни привычки къ упорному труду. Общественная жизнь того времени представляла мало условій, благопріятныхъ для приложенія умственныхъ и нравственныхъ силъ къ общественной дѣятельности; мы знаемъ, что тогда уже началась у насъ эпоха реакціи: молодыя силы часто уходили не на серьезную общественную работу, а на пустыя развлеченія столичной жизни. Такъ и случилось съ Онѣгинымъ: не задумываясь надъ задачами своей жизни, онъ отдаетъ и время и силы на посѣщенія Невского проспекта, баловъ, театровъ, ресторановъ и т. п. О серьезномъ дѣлѣ сначала не было и помину, а когда, утомленный пустотою свѣтской жизни, Онѣгинъ вздумалъ взяться за серьезный трудъ,—оказалось, что для этого у него не было ни надлежащей подготовки, ни нравственной выдержки. Онъ пробовалъ писать, читать, хозяйничать, но ни въ одномъ изъ этихъ занятій ни пошелъ дальше перваго шага. Уже со второй главы романа становится яснымъ, что Онѣгину грозитъ опасность сдѣлаться „лишнимъ человѣкомъ“ въ русскомъ обществѣ, а дальнѣйшія главы, написанныя въ Михайловскомъ, показываютъ, что онъ былъ не только лишнимъ, но и вреднымъ членомъ обще-

ства: изъ-за страха предъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго не уважалъ, изъ-за боязни потерять жизнь, которой—по его собственнымъ словамъ—не дорожилъ, онъ разбилъ жизнь юноши Ленскаго въ самомъ разцвѣтѣ ея радостныхъ надеждъ... Пушкинъ первый подмѣтилъ и ярко обрисовалъ типъ „лишняго человѣка“, съ видоизмѣненіями котораго мы потомъ встрѣчаемся на всемъ пространствѣ русской жизни вплоть до нашихъ дней ¹⁾... Мѣтко схвачены Пушкинымъ и основныя черты юноши-романтика, далекаго отъ дѣйствительной жизни, мечтательнаго и восторженнаго. Замѣчательны тѣ строфы въ VI главѣ романа, гдѣ Пушкинъ высказываетъ свои предположенія о томъ, какъ бы могла сложиться дальнейшая жизнь Ленскаго: быть можетъ, изъ него выработался бы знаменитый поэтъ,—его лира на цѣлые вѣка подняла бы непрерывный звонъ,

А можетъ быть, и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юности лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ;
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогать,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подаргу бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Въ этихъ строкахъ намѣчена та программа, которую впоследствии выполнилъ Гончаровъ въ своемъ романѣ „Обыкновенная исторія“,—выполнилъ, разумѣется, сообразно съ кругомъ собственныхъ наблюдений и общественныхъ взглядовъ: его наблюденія захватывали жизнь крупныхъ петербургскихъ чиновниковъ, а размышленія надъ потребностями русской

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что зародышъ типа человѣка изъ высшаго общества, пресыщеннаго жизнью и скучающаго данъ Державинымъ въ сатирической одѣ «Вельможа».

общественной жизни приводили къ убѣжденію въ томъ, что намъ нужны дѣловые люди въ родѣ Петра Ивановича Адуева...

Возвращаемся къ роману Пушкина. Съ особенною любовью онъ относится къ изображенію Татьяны. Она выступает впервые во II главѣ романа и мало-по-малу такъ овладѣваетъ вниманіемъ нашего поэта, что становится какъ бы центральнымъ лицомъ всего романа, который съ не меньшимъ правомъ можно бы назвать по имени главной его героини. Если бы нужно было искать въ русской литературѣ зародыша этого типа, то пришлось бы обратиться къ пушкинскому же произведенію „Кавказскій плѣнникъ“ и остановиться на чрезвычайно симпатичномъ образѣ черкешенки. Но то былъ образъ, навѣянный изученіемъ западно-европейской литературы; теперь нашъ поэтъ за матеріаломъ для новаго женскаго образа обращается къ русской жизни. Татьяна выросла въ помѣщичьей семьѣ, простой и доброй, но живущей не столько духовными, сколько матеріальными интересами: старикъ Ларины представляютъ разновидность того типа, который впоследствии изображенъ Гоголемъ въ его „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“. Воспріимчивая и вдумчивая Татьяна съ дѣтскихъ лѣтъ живетъ въ мірѣ не столько дѣйствительномъ, сколько фантастическомъ: сначала нянины сказки, потомъ иностранные романы (Руссо, Ричардсона) овладѣваютъ и ея воображеніемъ, и ея мыслию.

Въ ея чуткой душѣ рано пробуждаются высшія духовныя потребности и—подъ вліяніемъ чтенія—начинаютъ обрисовываться жизненные идеалы, пока еще смутные и фантастическіе, но во всякомъ случаѣ настолько возвышенные, что ее не могли удовлетворять разговоры „о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ“: ее уже глубоко захватывали интересы высшаго порядка—религіозные, нравственные. Она ясно сознавала и живо чувствовала, что жить такъ, какъ живутъ окружающія ее лица, нельзя, но вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ выдвигался вопросъ: какъ стать выше той среды, которая хотя и дорога была ея отзывчивому сердцу, но которая ее не могла удовлетворять? какъ устроить свою жизнь такъ, чтобы жизнь была служеніемъ не матеріальнымъ только, но и духовнымъ интересамъ? Вотъ вопросы, которые волновали Татьяну, и она думала надъ ними много и долго,—до

изнеможенія („разсудокъ мой изнемогаетъ“), но сама не могла найти рѣшенія этихъ вопросовъ, а окружающія лица даже и не понимали ихъ: „я здѣсь одна“, „меня никто не понимаетъ“. Жаловалась она Онѣгину въ своемъ письмѣ—наивномъ, но искреннемъ, вылившимся прямо изъ наболѣвшаго сердца. Она надѣется найти у него сочувствіе и нравственную поддержку, пот. что вѣдь и онъ чувствуетъ себя одинокимъ въ окружающей его средѣ; она думаетъ что образованный сосѣдъ поможетъ ей разрѣшить томительные вопросы, она мечтаетъ даже навсегда связать свою жизнь съ Евгеніемъ, чтобы вмѣстѣ жить полною духовною жизнію,—вмѣстѣ молиться, вмѣстѣ помогать бѣднымъ и т. д. Она любитъ Евгенія, но эта „любовь не отдѣляется въ ея душѣ, какъ особое чувство: она есть какъ бы высшее выраженіе всей ея душевной жизни“. Вотъ почему она такъ потрясена отказомъ со стороны Евгенія Онѣгина: ей кажется, что она теряетъ почву подъ ногами, что разрушается не только ея счастье, но и ея завѣтныя мечты о такомъ строѣ жизни, который соотвѣтствовалъ бы ея высокому идеалу... И вотъ—

Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ и—молчитъ!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелить.

А у доброжелательныхъ сосѣдей уже готово и средство для того, чтобы снова оживить Татьяну: „Пора, пора бы замужъ ей!“...

Такъ пробуждалась русская женщина въ началѣ нашего вѣка, такъ она искала выхода изъ того положенія, въ какое ее ставили сложившіяся вѣками условія нашего общественнаго быта. Пушкинъ первый подмѣтилъ симптомы этого пробужденія и воплотилъ ихъ въ чарующемъ образѣ Татьяны, куда-то стремящейся, чего-то ищущей, но совершенно одинокой въ своихъ стремленіяхъ и поискахъ. Въ Михайловскомъ Пушкинъ успѣлъ рассказать только первую половину ея жизненной драмы; послѣ, ставши лицомъ къ лицу съ столичною жизнію, поэтъ введетъ туда и свою героиню,—тогда и мы послѣдуемъ за нею, а пока обращаемся къ любимому произведенію Пушкина—трагедіи „Борисъ Годуновъ“.

Поэма „Цыганы“ имѣла—между прочимъ—то значеніе въ литературномъ развитіи Пушкина, что, создавая ее, онъ впервые почувствовалъ въ себѣ драматическое дарованіе. Онъ говорилъ друзьямъ своимъ, что послѣ „Цыганъ“ ему самому открылась новая дорога, о которой онъ и не помышлялъ. Дѣйствительно, въ „Цыганахъ“ поэту приходилось изображать истинно-драматическія положенія, и вотъ, почувствовавъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству, тотчасъ по окончаніи „Цыганъ“ онъ берется за уясненіе теоретическихъ законовъ драматическаго искусства (при пособіи Шлегеля) и за изученіе драмъ Шекспира. Выяснивъ ту мысль, что законами драмы слѣдуетъ признать правдоподобіе характеровъ и положеній и истину разговора, Пушкинъ рѣшается примѣнить эти законы въ своей собственной творческой дѣятельности и въ качествѣ образца беретъ для себя историческія хроники Шекспира, въ которыхъ—въ противоположность ложно-классическимъ трагедіямъ—изображеніе характеровъ и положеній отличается *широтой и непринужденностью жизни* ¹⁾: каждая изъ его хроникъ представляетъ собою широкую и вѣрную картину извѣстной исторической эпохи. По примѣру Шекспира, Пушкинъ рѣшилъ ограничиться „изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическимъ пафосомъ и проч.“; а изучая исторію Карамзина, онъ остановилъ свое вниманіе на „одной изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи“—эпохѣ смутнаго времени, когда пришли въ броженіе всѣ элементы нашей государственной жизни. Эта эпоха представляетъ собою послѣдовательный рядъ возвышеній и паденій различныхъ историческихъ личностей, начиная съ Бориса Годунова и оканчивая Василюмъ Шуйскимъ. Такъ, Борисъ, умный человѣкъ, мудрый правитель, сходитъ съ исторической сцены, чтобы уступить свое мѣсто невѣдомому „скитальцу земли русской“, призраку царевича Димитрія, но и тотъ въ свою очередь всходитъ на престолъ только затѣмъ, чтобы найти на немъ свое „лобное мѣсто“, и такъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока на русскомъ пре-

¹⁾ Мысли и замѣтки Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“ сведены у Поливанова. III, стр. 12. 15—162. Туда и благоволилъ читатель обращаться за справками.

столѣ не сѣлъ народный избранникъ, юный Михаилъ Оедоровичъ Романовъ. Эти факты невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе историка, но не малый интересъ имѣютъ они и для художника. Карамзинъ и Пушкинъ одинаково интересовались эпохой смутнаго времени, пытались дать воспроизведеніе и объясненіе событій эпохи, и хотя Пушкинъ при составленіи своей трагедіи „въ свѣтломъ развитіи проишествій“ слѣдовалъ, по его собственнымъ словамъ, Карамзину, однако онъ сумѣлъ самостоятельно воспользоваться тѣми данными, которыя нашелъ у Карамзина, восполняя ихъ—гдѣ нужно, собственными историческими изученіями: онъ пользовался старыми русскими лѣтописями, стараясь въ нихъ „угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“, и такими историческими источниками, какъ жизнеописаніе царя Оедора, составленное патріархомъ Іовомъ. Въ результатѣ переработки указаннаго матеріала получилась „комедія о царѣ Борисѣ“, представляющая такую картину Борисова царствованія, которая по распредѣленію красокъ и своему смыслу существенно отличается отъ блестящаго разсказа Карамзина. Въ изображеніи послѣдняго царствованіе Бориса рѣзко распадается на двѣ половины: въ первой—свѣтлой—Борисъ является любимцемъ Россіянъ, во вторую половину его царствованія Россіане уже не любятъ Бориса, и этимъ объясняется успѣхъ Самозванца. Причину рѣзкой перемены въ отношеніи народа къ Борису историкъ ищетъ не въ ходѣ историческихъ событій того времени, а исключительно въ настроеніи самого Бориса, который, терзаясь подозрѣніями, измѣнилъ свои первоначально добрыя отношенія къ народу. Измѣнился царь—измѣнились и отношенія народа къ царю. Не то у Пушкина. Онъ понималъ, что причину событій смутнаго времени, прежде всего—превратностей въ судьбѣ Бориса Годунова, нужно искать не только въ характерахъ историческихъ дѣятелей того времени, но и въ настроеніи тѣхъ общественныхъ элементовъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Вотъ почему въ своей трагедіи онъ отводитъ видное мѣсто характеристикѣ этого настроенія. Такъ уже въ первыхъ сценахъ Пушкинъ раскрываетъ истинное настроеніе бояръ и народа при избраніи Бориса на царство. Оказывается, бо-

яре въ глубинѣ души не желали этого избранія и мечтали о царѣ изъ рюрикова рода, т. е. изъ своей собственной среды, а народъ относился къ избранію Бориса по меньшей мѣрѣ безучастно. Можно ли поэтому сказать, что Борисъ возведенъ на престолъ народною любовію? Нѣтъ, вступая на престолъ, онъ не имѣлъ внутренней опоры ни въ боярахъ, ни въ народѣ: это—не земскій царь, и если онъ самъ изображаетъ себя въ своей рѣчи народнымъ избранникомъ, то это или разсчитанный обманъ или самообольщеніе. „Великій обманъ—таково общее впечатлѣніе, оставляемое въ насъ и сценой, гдѣ выступаютъ бояре, и сценой, гдѣ дѣйствуетъ народъ, и рѣчью царя. Но вѣдь обманъ раскроется же когда нибудь, онъ не можетъ не раскрыться; сѣмя лики, послѣднее самымъ избраніемъ Бориса, рано или поздно взойдетъ“ (Ждановъ). И оно всходитъ. Не полагаясь на бояръ и даже народъ, не находя опоры и въ своей совѣсти, Борисъ полагается лишь на силу своего ума и энергію воли, направляя ихъ къ упроченію своего положенія на престолѣ; но изъ этихъ источниковъ протекаютъ такіа мѣропріятія, которыя раздражаютъ бояръ и возстановляютъ народъ противъ царя (сцена 9): сѣмя лики и взаимнаго недовѣрія растетъ. Вѣсть о Самозванцѣ падаетъ уже на готовую почву: связь между царемъ и народомъ давно порвалась. Сила Самозванца не въ немъ самомъ, а въ общемъ движеніи противъ Бориса. Ему приходится бороться не столько съ Самозванцемъ, сколько со всею землею. Онъ не выдерживаетъ этой борьбы,—тѣмъ болѣе, что не находитъ опоры въ своей собственной совѣсти,—и умираетъ. Его сынъ погибаетъ отъ руки бояръ. Трагическій конецъ Борисова царствованія является неизбежнымъ психологическимъ изъ того ложнаго положенія, въ какое онъ поставилъ себя въ отношеніи къ боярамъ и народу при своемъ вступленіи на престолъ. По ходу драмы видно, что онъ погибъ бы и тогда, если бы не былъ убійцею Димитрія. Поэтому слѣдуетъ признать ошибочнымъ то обычное утвержденіе, что Пушкинъ положилъ въ основу своей трагедіи ту мысль, заимствованную у Карамзина, что Самозванецъ былъ орудіемъ небеснаго правосудія, покаравшаго царубійцу Бориса: во первыхъ, эта мысль принадлежитъ не Карамзину, а лѣтописцамъ, т. е. лю-

дямъ XVIII в., а во вторыхъ, она вовсе и не положена въ основу трагедіи. ¹⁾ Не пускаясь въ отгадываніе намѣреній небеснаго правосудія, Пушкинъ ищетъ причины гибели Бориса въ самыхъ условіяхъ его царствованія: Борисъ погибъ потому, что между нимъ и народомъ не было нравственнаго единенія. Нельзя признать справедливымъ и сужденіе тѣхъ критиковъ, которые, сопоставляя трагедію Пушкина съ *психологическими* драмами Шекспира, дѣлаютъ нашему поэту тотъ упрекъ, что онъ сдѣлалъ предметомъ художественнаго изображенія не процессъ совершенія преступленія (какъ, напр., Шекспиръ въ „Макбетъ“), а только его послѣдствія, вслѣдствіе чего въ трагедіи мало драматическаго движенія. Представители этого взгляда признаютъ Бориса героемъ трагедіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Макбетъ является героемъ въ соотвѣтствующей Шекспировской трагедіи; но вѣдь это не такъ: Пушкинъ ставилъ своею задачею не только изобразить характеръ Бориса и его душевную драму, но и „воскресить одинъ изъ минувшихъ вѣковъ во всей его истинѣ,“ а потому у него въ драматическомъ положеніи оказывается не Борисъ только, но и весь русскій народъ; Борисъ не герой трагедіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, а только „центральный факторъ общаго дѣйствія.“ Вотъ почему Пушкинъ далъ въ рукописи такое заглавіе своему произведенію: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ,“ а закончилъ рукопись такими словами: „конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ“; и если сопоставлять эту „комедію“ съ произведеніями Шекспира, то—не съ психологическими трагедіями, а съ его историческими хрониками, какъ на это указываетъ и самъ Пушкинъ. ²⁾

„Борисъ Годуновъ“ былъ любимымъ произведеніемъ Пушкина. Процессъ его созиданія доставлялъ поэту высокое внутреннее наслажденіе, а когда трудъ былъ оконченъ, Пушкинъ съ восторженною радостью сообщалъ объ этомъ Вяземскому: „Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Го-

¹⁾ Поливан. изд. соч. Пушк., III, 18.

²⁾ Надежными пособіями при изученіи «Бориса Годунова» могутъ служить комментаріи Поливанова и упомянутый очеркъ проф. Жданова.

дуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ!“ Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что его трагедія должна была повліять „на преобразование драматической системы нашей:“ онъ противопоставлялъ свою трагедію—въ качествѣ романтической—классическимъ трагедіямъ, которыя въ то время еще твердо держались и въ литературѣ, и на сценѣ, и видѣлъ въ своей трагедіи торжество истиннаго романтизма. Однако такъ ли это? была ли его трагедія торжествомъ романтизма? Не думаемъ. Самъ же Пушкинъ говоритъ, что онъ въ своей трагедіи не гнался за романтическимъ пафосомъ, а старался дать правдивое изображеніе характеровъ и положеній, слѣдуя въ этомъ отношеніи Шекспиру; слѣд., художественная правда—вотъ характеристическая черта его трагедіи, какъ и шекспировскихъ произведеній; но это—такая черта, которая характеризуетъ собою не столько романтизмъ, сколько то литературное направленіе, которое извѣстно теперь подъ названіемъ художественнаго реализма. Трагедія „Борисъ Годуновъ“ по своему характеру должна быть отнесена къ этому направленію, и если Пушкинъ причислялъ ее къ трагедіямъ романтическимъ, то это потому, что, не находя готоваго термина для обозначенія своего литературнаго направленія, онъ видопзмѣнилъ понятіе о романтизмѣ и въ этомъ измѣненномъ видѣ прилагалъ его къ своей трагедіи: онъ разумѣлъ подъ истиннымъ романтизмомъ то, что мы теперь обозначили бы именемъ художественнаго реализма. Вотъ почему романтической пафосъ не вошелъ у него въ опредѣленіе романтизма въ качествѣ существеннаго признака этого направленія. Вліяніе дѣйствительнаго романтизма сказалось, можетъ быть, только въ изображеніи характера Самозванца; по этотъ характеръ занимаетъ второстепенное мѣсто въ трагедіи... Не романтикомъ, а правдивымъ художникомъ-реалистомъ является Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ Михайловскомъ, какъ въ „Борисѣ Годуновѣ“, такъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ.“¹⁾

¹⁾ Впослѣдствіи (въ 1834 г.) критеріемъ для различенія между классицизмомъ и романтизмомъ Пушкинъ призналъ не содержаніе, а литературную форму произведеній: такіа произведенія, формы которыхъ были извѣстны грекамъ и римлянамъ, нужно относить къ направленію классическому, а тѣ роды произведеній, которые не были

Созданіе „Бориса Годунова“ свидѣтельствовало о томъ, что Пушкинъ уже вполне созрѣлъ для самостоятельнаго творчества. „Чувствую,—писалъ онъ Раевскому по окончаніи трагедіи,—что силы мои развились совершенно, и я могу творить.“ Поэтъ прошелъ въ Михайловскомъ послѣднюю школу—Шекспира—и теперь самъ становился учителемъ послѣдующихъ поколѣній. Русская литература была поставлена на свою настоящую дорогу....

Замѣчательно, что во время пребыванія въ Михайловскомъ Пушкина почти не волнуетъ вопросъ объ отношеніи между поэтомъ и обществомъ. Безъ сомнѣнія, это объясняется отчасти тѣмъ сознаніемъ своей творческой силы, къ какому привело Пушкина созданіе „Бориса Годунова,“ а отчасти и тѣмъ, что Пушкинъ не вступалъ въ это время въ непосредственныя сношенія съ обществомъ, которыя его всегда волновали: онъ жилъ теперь „вдали охлаждающаго свѣта.“ Правда, въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ поэтъ бросаетъ нѣсколько суровыхъ словъ по адресу той „лицемѣрной черни,“ которою обычно создается слава писателя, и съ особенною силою настаиваетъ на той мысли, что поэтъ долженъ писать для себя, а не для публики; но это стихотвореніе вышло изъ того—уже знакомаго намъ—настроенія, какое овладѣло душою поэта въ Одессѣ. Однако въ этомъ стихотвореніи рѣзко и, можетъ быть, односторонне выражена вѣрная мысль: поэтъ не долженъ писать для славы, для денегъ, для угожденія обществу, потому что, поставивъ для своей поэтической дѣятельности такія внѣшнія цѣли, поэтъ—въ угоду предполагаемымъ читателямъ или читательницамъ—легко можетъ измѣнить своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Лучше молчать, нежели говорить то, чего послѣ можно стыдиться (VII, 312). Вотъ почему

извѣстны древнимъ, слѣдуетъ относить къ направленію романтическому (V, 243—244), —критерій простой, но чисто внѣшній и потому несостоятельный. Съ этой точки зрѣнія придется отнести къ романтической поэзіи не только „Бориса Годунова“ Пушкина, но и „Мертвыя Души“ Гоголя. Вотъ почему нельзя придавать важнаго значенія терминологіи Пушкина, какою онъ пользовался при характеристикѣ литературныхъ направленій. Ему, очевидно, не хватало термина для обозначенія того направленія, которое онъ самъ вводилъ въ русскую литературу, и онъ говорилъ объ „истинномъ романтизмѣ“ тамъ, гдѣ, можетъ быть, уместнѣе было бы говорить о художественномъ реализмѣ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ
Не ждалъ за чувство воздаянья. (VII, 311, стр. 359).

Но если поэтъ, одушевленный любовію къ правдѣ и добру, смѣло вступаетъ въ борьбу съ общественными недостатками, тогда его поэтическая дѣятельность становится всѣмъ общественнымъ подвигомъ, достойнымъ благоговѣйнаго уваженія. Съ восторгомъ говоритъ Пушкинъ о французскомъ поэтѣ Андре Шенье, который въ эпоху революціи будилъ своимъ вдохновеннымъ словомъ общественную совѣсть:

Въ концѣ своего пребыванія въ Михайловскомъ Пушкинъ, сближая поэта съ пророкомъ, обращается къ нему отъ лица Божія съ такими словами:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Значитъ, поэтъ, подобно пророку, долженъ идти въ міръ, чтобы своимъ пламеннымъ словомъ содѣйствовать его нравственному воспитанію. Не противорѣчитъ ли это общественное призваніе поэта тому убѣжденію Пушкина, что поэтъ долженъ „пѣть для музъ и для души? Если пѣть не для рукоплесканій, а для музъ, значитъ выражать въ своихъ произведеніяхъ только то, „что душу волнуетъ, что сердце манитъ“; то, конечно, нѣтъ: вѣдь слово поэта тогда только можетъ „жечь сердца людей,“ когда оно вытекаетъ изъ его внутренняго убѣжденія.¹⁾ Несомнѣнно однако, что въ стихо-

¹⁾ Очевидно, основнымъ убѣжденіемъ Пушкина была та мысль, что поэтъ долженъ выражать въ своихъ произведеніяхъ только то, что онъ пережилъ и пере-чувствовалъ въ глубинѣ своей души: *искренность* — необходимое условіе истинной поэзіи. Ту же мысль встрѣчаемъ и у другихъ писателей. „Пишите съ простотой,—говоритъ Тургеневъ,—пишите просто, *искренно* то, что васъ занимаетъ,—я бы даже сказалъ, что васъ забавляетъ, и если у васъ есть живой талантъ, природный даръ, то будетъ хорошо“. А Л. Н. Толстой такъ рассуждаетъ объ этомъ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ объ искусствѣ (гл. XV): „Признакъ, выдѣляющій настоящее искусство отъ поддѣльнаго, есть одинъ несомнѣнный—заразительность искусства. — — Больше всего увеличивается степень заразительности искусства степенью *искренности* художника.

твореніяхъ Пушкина о сущности и значеніи поэзіи выдвигается то одинъ, то другой моментъ: то онъ отгѣняетъ съ особою силой свободу и независимость поэтическаго творчества, а то выдвигаетъ общественно-воспитательное значеніе поэзіи. Пушкинъ не даетъ логическаго снѣтза этихъ моментовъ, да это и понятно: лирика Пушкина—не систематизація его теоретическихъ воззрѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ, а живая *исторія души* съ ея волненіями и колебаніями....

Мы уже знаемъ, что Пушкинъ тяготился своею ссылкой и дѣлалъ попытки къ освобожденію; но при Александрѣ I онъ не имѣлъ успѣха. Съ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ выражаетъ желаніе „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ,“ ссылаясь на то, что онъ „никогда не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи“ (VII, 174, ср. 183). Въ мартѣ 1826 года онъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о разрѣшеніи выѣхать изъ Михайловскаго, а въ началѣ сентября онъ уже выѣхалъ оттуда—въ сопровожденіи фельдъегеря—въ Москву для представленія молодому государю, бывшему тамъ по случаю коронаванія.

Какъ только зритель, слушатель, читатель чувствуетъ, что художникъ самъ заражается своимъ произведеніемъ и пишетъ, поетъ, играетъ для себя, а не только для того, чтобы воздѣйствовать на другихъ, такое душевное состояніе художника заражаетъ воспринимающаго; и, наоборотъ, какъ только зритель, читатель, слушатель чувствуетъ, что авторъ не для своего удовольствія, а для него, для воспринимающаго пишетъ, поетъ, играетъ и не чувствуетъ самъ того, что хочетъ выразить—, такъ является отпоръ, и самое особенное, новое чувство, и самая искусная техника не производятъ никакаго впечатлѣнія, но отталкиваютъ“.

Дорога въ с. Михайловское.

Съ картины худ. Кирриисаго.

Отъ Москвы до Болдина.

(1826—1830).

VI.

Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь...

Изъ „Евг. Онегина“.

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Пушкинъ.

а первыхъ порахъ Москва привѣтливо встрѣтила своего поэта: императоръ принялъ его ласково и обѣщалъ самъ быть цензоромъ его произведеній; Пушкинъ былъ желаннымъ гостемъ въ литературныхъ кружкахъ и свѣтскихъ салонахъ. Въ это время онъ два раза читалъ своего „Бориса Годунова“ въ литературныхъ собраніяхъ, одинъ разъ — у Соболевскаго, другой разъ — у даровитаго и образованнаго молодого поэта Веневитинова; при чтеніи присутствовали Хомяковъ, Кирѣевскій, Мицкевичъ, Баратынскій, Погодинъ, Шевыревъ и др. „Первыя явленія — воспоминаетъ Погодинъ — выслушаны тихо и спокойно или — лучше — въ какомъ то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, — мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. — Кончилось чтеніе.

Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія“...¹⁾ Въ это же время Пушкинъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ профессоровъ (Погодинъ, Шевыревъ), которые, вдохновляемые Веневитиновымъ, задумывали литературно-критическій журналъ „Московскій Вѣстникъ“. Предпріятіе вполне соответствовало замысламъ Пушкина, и онъ обѣщалъ зарождавшемуся журналу свое содѣйствіе. Таковы были первые впечатлѣнія Пушкина по пріѣздѣ въ Москву. Если къ нимъ прибавить еще сознаніе свободы, то мы поймемъ то бодрое и свѣтлое настроеніе, какое переживалъ тогда нашъ поэтъ. Оно выразилось въ превосходныхъ стансахъ: „Въ надеждѣ славы и добра гляжу впередъ я безъ боязни“... Однако свѣтлое настроеніе скоро начало заволакиваться впечатлѣніями иного рода, которыя вызывались отношеніями къ нашему поэту правительства, литературной критики и столичнаго общества.

Посредникомъ въ сношеніяхъ между государемъ и поэтомъ былъ графъ Бенкендорфъ, который не любилъ Пушкина и своеобразно смотрѣлъ на общественное значеніе литературы: онъ ожидалъ отъ нея не столько пользы, сколько вреда. Скоро выяснилось, что Бенкендорфъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ нашего поэта, такъ что послѣдній не имѣлъ возможности не только печатать, но и читать свои произведенія въ частныхъ домахъ безъ высочайшаго разрѣшенія. Такое положеніе дѣла не могло не тяготить Пушкина: оно создавало между поэтомъ и читающимъ обществомъ такую преграду, которую не всегда легко было перешагнуть. 9 ноября, въ письмѣ къ Языкову, Пушкинъ выражаетъ свою радость по поводу освобожденія его отъ обыкновенной цензуры: „Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная“ (VII, 188), а въ концѣ того же мѣсяца, послѣ переписки съ гр. Бенкендорфомъ, онъ говоритъ уже въ иномъ тонѣ: „Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однако-жъ, прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову“ (189—190). От-

¹⁾ У Поливан., III, 34.

сюда начинается длинный рядъ столкновений между Пушкинымъ и Бенкендорфомъ, продолжающійся до самой кончины поэта...

Если гр. Бенкендорфъ стоялъ между поэтомъ и государемъ, то журнальная критика была посредницей между поэтомъ и публикой. Къ сожалѣнію, „журнальная критика Пушкинскаго періода, за немногими исключеніями (Полевой, Кирѣевскій, Шевыревъ), поражаетъ отсутствіемъ твердыхъ философскихъ и эстетическихъ принциповъ, неспособностью понять и освѣтить общественные вопросы, узкимъ пуризмомъ, смѣшивавшимъ нравственность съ нравоученіемъ“. (Тихо-нравовъ). Стоя на этой точкѣ зрѣнія и не находя въ произведеніяхъ Пушкина „образцовъ добродѣтели“, критика обвиняла ихъ въ безнравственности, такъ что молодому критику „Московского Вѣстника“ пришлось напоминать „суровымъ аристархамъ“ (въ 1828 г.), что не дѣло поэта преподавать уроки нравственности, что поэзія есть живая картина человѣческой жизни, вслѣдствіе чего она должна представлять не ангеловъ совершенныхъ, а „человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ“.¹) Впрочемъ, тогдашняя критика была еще далека отъ того, чтобы видѣть въ поэзіи Пушкина правдивую, художественную картину русской жизни. „Вся поэзія Пушкина, — отзывался одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ (Надеждинъ), — была рѣзвая шалуныя, для которой весь міръ ни въ копѣйку, ея стихія — пересмѣхать все — худое и хорошее — просто изъ охоты позубоскалить... Поэзія Пушкина есть просто пародія“. Такой приговоръ произносился въ то время, когда уже были изданы „Цыганы“, шесть главъ „Евгенія Онѣгина“, нѣкоторыя сцены изъ „Бориса Годунова“. Когда трагедія появилась въ свѣтъ въ полномъ видѣ (1 января 1831 года), то въ Москвѣ, — по словамъ Пушкина, — „жалѣли о томъ, что онъ упалъ“, находили, „что его трагедія есть подраженіе Кромвелю Виктора Гюго, что стихи безъ приемъ не стихи, что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ, что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно — и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія“ (VІІ, 255), иронизируетъ

¹) См. Майкова Л. Н. «Историко-литерат. очерки», стр. 182.

Пушкинъ. Этого мало: въ „Борисѣ Годуновѣ“ критика находила неприличною сцену свиданія Самозванца съ Мариною, а все произведеніе—неудобнымъ для дамъ высшаго круга. Нашелся и такой критикъ, который готовъ былъ промѣнять сцену изъ „Бориса Годунова“ на картинку „Дамскаго журнала“ (III, 85). Рѣчь шла о сценѣ Пимена съ Отрепьевымъ, напечатанной въ „Моск. Вѣстникѣ“ за 1827 годъ. Не даромъ Пушкинъ еще въ Михайловскомъ выражалъ опасеніе, что критика не пойметъ и не оцѣнитъ его трагедіи, а въ послѣдствіи „съ отвращеніемъ“ выдавалъ ее въ свѣтъ. Достаточно и этихъ отрывочныхъ данныхъ, чтобы видѣть, какъ тогдашняя критика относилась къ произведеніямъ Пушкина: симпатіи ея принадлежали „чопорной школѣ XVIII в.“; естественно, что она не могла оцѣнить широкаго и свободнаго творчества Пушкина: ее возмущали въ пушкинской поэзіи и выборъ сюжетовъ, и способъ ихъ художественной обработки. Пушкинъ не могъ относиться съ уваженіемъ къ такой критикѣ: „все, что называется у насъ критикой, — писалъ онъ въ 1831 году,—одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился: возражать серьезно не могу, а плясать передъ публикою не намѣренъ“ (VII 282). Этотъ суровый приговоръ былъ какъ бы итогомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя критика доставляла Пушкину въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ появленія въ свѣтъ „Руслана и Людмилы“: припомнимъ отзывъ „Бутырскаго критика“ объ этой поэмѣ.

Итакъ, критика не баловала Пушкина своими отзывами о его произведеніяхъ. Мало удовлетворяло его и столичное общество. На первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ съ увлеченіемъ отдавался удовольствіямъ свѣтской жизни; но, присматриваясь ближе къ столичному обществу, онъ сталъ подмѣчать въ немъ такія черты, которыя только что осмѣялъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи „Горе отъ ума“: это—отсутствіе серьезныхъ интересовъ и истинной образованности, мелочность, самомнѣніе... „Нѣтъ, не доволенъ я Москвой!“—говоритъ Чацкій у Грибоѣдова. Почти то же самое писалъ Пушкинъ Вяземскому въ ноябрѣ 1826 г. тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы: „Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе“ (VII, 187). Весну 1827 г. и зиму 1827—1828 г. П. провелъ въ Петербургѣ, но и петербургское общество

не дало ему полного удовлетворенія. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ того времени къ Пр. Ал. Осиповой: „Пошлость и глупость обѣхъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ“ (VII, 193); „шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды; я съ трудомъ ихъ переношу“ (VII, 199). Поэту душно становилось среди столичнаго общества, и его тянуло въ деревню, на знакомыя берега Сороти (VII, 199).

По обыкновенію, впечатлѣнія жизни отражались въ поэзіи. Вотъ какъ Пушкинъ характеризуетъ блестящій, но душный свѣтъ въ одномъ изъ стихотвореній 1829 г.:

Жестокихъ осужденій

Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ отъ нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрные гоненья—
Къ забвенью сердце приготовь... (II, 64).

Или припомните суровую характеристику столичнаго общества въ VII главѣ „Евг. Онѣгина“:

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветаютъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтить, свѣтъ пустой!...

Не даромъ Татьяна, которой Пушкинъ придаетъ свои задушевные симпатіи и антипатіи, тяготилась жизнью въ

высшемъ свѣтѣ и рвалась туда, „гдѣ крестъ да тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моею“. Пушкину въ такомъ обществѣ было тѣмъ тяжелѣе, что онъ не обманывалъ себя насчетъ его отношенія къ поэтамъ: „публика,—говоритъ онъ,—смотреть на поэта, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія, и дышетъ для того только, чтобъ подбирать рѣшмы“. (VI, 399). Публика готова была слушать поэта, но какъ она судила о немъ,—это мы уже видѣли. Вотъ почему Пушкинъ, дѣлившійся литературными планами съ своими друзьями, не любилъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили прочесть что-либо въ высшемъ свѣтѣ. У княгини Зинаиды Волконской по понедѣльникамъ бывали литературныя собранія; на одномъ изъ нихъ пристали къ Пушкину, чтобы онъ прочелъ что нибудь; въ досадѣ онъ прочелъ „Чернь“ и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: „въ другой разъ не стануть просить“...¹⁾

Таковы были отношенія правительства, критики и общества къ нашему поэту. Они въ достаточной мѣрѣ объясняютъ намъ то обстоятельство, что свѣтлое настроеніе, какое Пушкинъ переживалъ на первыхъ порахъ по возвращеніи изъ Михайловскаго, мало по малу превращается въ грустное и тревожное. Вотъ чѣмъ объясняется, что поэтъ подолгу не живетъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ; у него является склонность къ перемѣнѣ мѣста: мы видимъ его то въ Москвѣ, то въ Михайловскомъ, то въ Петербургѣ, то въ Маленникахъ (тверское имѣніе Вульфа); онъ порывается уѣхать за границу, хотя бы даже и въ Китай, и когда его туда не отпускаетъ правительство, онъ ѣдетъ на Кавказъ (въ 1829 г.), гдѣ въ то время происходила война съ горцами, является въ дѣйствующую армію и сопровождаетъ ее въ походахъ. Во время сраженій онъ обыкновенно находился подъ самыми выстрѣлами до тѣхъ поръ, пока главнокомандующій (генералъ Паскевичъ) не запретилъ ему сопровождать армію...Мы не будемъ слѣдить за всѣми передвиже-

¹⁾ „Очерки“ Л. Н. Майкова, стр. 166. Впослѣдствіи Пушкинъ изобразилъ свои отношенія къ свѣтскому обществу въ „Египетскихъ ночахъ“, гдѣ много автобіографическаго элемента (кроме окончательной редакціи этой повѣсти,) имѣетъ значеніе первый черновой набросокъ.

ніями нашего поэта,—отмѣтимъ только, какъ тревожное настроеніе отражалось въ его лирикѣ этого времени.

Къ разсматриваемому періоду въ жизни Пушкина относится цѣлый рядъ стихотвореній *объ отношеніи поэта къ обществу*, проникнутыхъ то негодованіемъ, а то глубокою грустью. Рядъ ихъ начинается сравнительно спокойнымъ стихотвореніемъ „Поэтъ“ (1827 г.). Пересылая его Погодину изъ Михайловскаго, Пушкинъ писалъ: „я убѣждалъ въ деревню, почувъ рѣмы“ (VII, 195). Значитъ, Пушкинъ хотѣлъ въ этомъ стихотвореніи выразить ту мысль, что въ деревенскомъ уединеніи, „вдали охлаждающаго свѣта“, духъ поэта возвышается, и успѣшнѣе развивается творческая дѣятельность. Попутно здѣсь выражена мысль о свободѣ и независимости поэтич. творчества. Въ иномъ тонѣ написано стихотвореніе „Чернь“ (1828 г.): оно дышетъ суровымъ негодованіемъ. Здѣсь сопоставляются поэтъ, разсѣянно бряцающій на лирѣ, и „хладная и надменная“ толпа, которая, не видя непосредственной пользы отъ пѣсни поэта, требуетъ, чтобы онъ пользовался своимъ даромъ для нравственнаго исправленія общества:

если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя...

Повидимому, требованіе—законное, но поэтъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя толпу:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ...

Онъ заканчиваетъ свое рѣчь такими словами:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Если бы мы не знали тѣхъ отношеній, которыя существовали между Пушкинымъ и окружавшей его средой, намъ былъ бы непонятенъ тонъ этого стихотворенія; но теперь мы въ словахъ толпы узнаемъ голосъ тѣхъ цѣнителей пушкинской поэзіи, которые видѣли въ ней рѣзкую шалунью и, обвиняя ее въ безправственности, требовали отъ поэта правдивыхъ уроковъ... Легко ли было нашему поэту сохранить душевное равновѣсіе, когда и въ критикѣ, и въ обществѣ слышались подобныя сужденія о его поэзіи? Они приводили поэта въ негодованіе, которое и нашло свой исходъ въ суровыхъ словахъ поэта, обращенныхъ къ черни. Онъ отталкиваетъ отъ себя не народъ вообще, а надменную толпу, которая не въ состояніи проникнуть въ смыслъ его поэзіи; онъ хочетъ сказать, что въ самой поэтической дѣятельности будетъ руководиться не требованіями толпы, а своимъ собственнымъ вдохновеніемъ. Что именно внушало поэту вдохновеніе—объ этомъ онъ не говоритъ, но мы знаемъ, что оно внушало ему произведенія, проникнутыя духомъ истиннаго гуманизма. Несомнѣнно, что поэтъ сурово, рѣзко и односторонне выражаетъ свою мысль, но вѣдь его произведеніе не представляетъ собою спокойнаго изложенія какой либо эстетической теоріи или даже его собственного художническаго „profession de foi“: скорѣе это—крикъ негодованія, невольно вырвавшійся изъ наболѣвшаго сердца...¹⁾ Сродную

¹⁾ Анненковъ „вслѣдъ за Шевыревымъ, полагаетъ, что стихотвореніе „Чернь“, какъ и сонетъ „Посту“ (см. далѣе), написаны подъ вліяніемъ эстетической теоріи Шеллинга, проповѣдывавшей освобожденіе искусства и проводившейся на страницахъ „Моск. Вѣстника“ (Анненк. „Матер.“ стр. 170—171; ср. Поливан. I, стр. 232—233); но тѣ мотивы и даже образы, изъ которыхъ сложилось стихотв. „Чернь“, встрѣчаются въ поэзіи Пушкина гораздо раньше его знакомства съ Веневитиновскимъ кружкомъ и появленія „Моск. Вѣстника“), да и статьи этого журнала, излагавшія теорію Шеллинга, носятъ, по замѣчанію Л. Н. Майкова, „характеръ такого наивнаго ученическаго упражненія, что представляется совершенно невозможнымъ допустить догадку о вліяніи подобныхъ слабыхъ опытовъ на Пушкина“ („Очерки“ Майкова стр. 179).

тому затрогиваетъ Пушкинъ въ сонетѣ 1830 года „Поэту“. Это стихотвореніе также вызвано ограниченными сужденіями толпы о поэзіи Пушкина (мы уже знакомы съ ними), но оно проникнуто не столько негодованіемъ, сколько глубокою грустью, которая скрывается за видимою суровостью поэта. Въ этомъ стихотвореніи „своихъ судей онъ называетъ глупцами, своихъ читателей вообще—холодною толпою. Но эти жестокія слова у него вырвались какъ будто невольно; онъ никакъ не могъ смотрѣть хладнокровно, равнодушно на „тупую чернь“. Чувствуя въ душѣ гнѣвъ, или скорѣе горечь, онъ самъ старается успокоиться, онъ говоритъ себѣ:

Но ты останься твердъ, спокоенъ...

Вы думаете это величавое спокойствіе, высокомерное вознесеніе себя надъ другими? О, нѣтъ!

Но ты останься твердъ, спокоенъ *и угрюмъ!*

Угрюмъ! При всѣхъ утѣшеніяхъ самому себѣ онъ чувствуетъ однакоже, что не можетъ не быть угрюмымъ...

Ты царь: живи одинъ!

говоритъ онъ самъ себѣ: а между тѣмъ, несмотря на то, что въ немъ такъ живо чувство своего царственного величія, онъ остается печальнымъ, угрюмымъ; ему тяжело жить одному, тяжело безъ сочувствія¹⁾. И смотрите—какъ радуется

¹⁾ „Замѣтки о Пушкинѣ“ Страхова, стр. 9.—Подобное настроеніе приходилось переживать и другимъ поэтамъ; вотъ, напр., у Шевченка старый Перебендя, „заховавсь

Въ степу на могыли, щобъ ниhto не бачывъ,
Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
Щобъ люде не чулы: бо то Боже слово“...

На землѣ

„куточка не ма

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:

Що море говоритъ, де сонце ночує.

Его на симъ свити ниhto не прыйма!

Одинъ винъ мижъ нмы, якъ сонце високе.

Его знаютъ люде, бо посьте земля;

А якъ бы почулы, що винъ, одынокый,

Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—

На Божее слово вони бъ пасміялысь,

Дурнымъ бъ назвали, одъ себе бъ прогнали.

Нехай по—надъ моремъ,—сказалы бъ,—гуля!“..

Тургеневъ особенно любилъ пушкинскій сонетъ „Поэту“. Чит. въ монографіи Ив. Иванова о Тургеневѣ (Спб. 1896) стр. 255 - 259.

Пушкинъ, когда до него долетаетъ слово искренняго сочувствія! Когда вѣсть о предстоящей женитьбѣ Пушкина разошлась по Москвѣ, то нѣкто И. А. Гуляновъ, въ іюлѣ 1830 г., написалъ сочувственное стихотвореніе и отправилъ его анонимно Пушкину. Тотъ отвѣтилъ задушевиѣйшимъ стихотвореніемъ, въ которомъ, благодаря своего невѣдомаго доброжелателя, съ грустью замѣчаетъ о себѣ:

Къ доброжелательству досель я не привыкъ,
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ...¹⁾

Вотъ гдѣ источникъ тѣхъ огорченій, которыя приходилось переживать нѣжному сердцу нашего поэта!

Параллельно съ стихотвореніями, вызванными отношеніями нашего поэта къ обществу, идетъ другой рядъ стихотвореній, въ которыхъ отражаются сокровенныя *движенія* его *нравственнаго чувства*.

Чѣмъ серьезнѣе становится внутреннее настроеніе поэта, тѣмъ тяжелѣе ему вспоминать объ увлеченіяхъ своей молодости. Съ поразительною силой выражено это настроеніе въ стихотвореніи „Воспоминаніе“, написанномъ 19 мая 1828 года. Поэтъ говоритъ въ немъ о тѣхъ угрызеніяхъ совѣсти, которыя ему приходится переживать въ „часы томительнаго бдѣнія“:

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоскою,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

¹⁾ Ср. слѣд. діалогъ въ отрывкѣ 1831 г. («Гости съѣзжались на дачу“...):—
Всякій разъ, когда вхожу въ залу княгини В., — какой-то холодъ меня пронизываетъ... Предъ чѣмъ же я робѣю?—Предъ *недоброжелательствомъ*... это—черта нашихъ нравовъ (IV, 366).

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ стѣнахъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносить хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ...

Душевные страданія Пушкина въ это время дошли до того, что 26 мая 1828 г., въ день рожденія, у него невольно вырвался крикъ душевнаго отчаянія:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Къ счастью, такое мрачное настроеніе только на короткое время овладѣвало душою нашего поэта. И послѣ въ его лирикѣ слышится глубоко-грустные ноты, но онъ никогда не доходитъ до безнадёжности. Вотъ, напр., какія строки вылились изъ-подъ пера Пушкина послѣ посѣщенія Царскаго Села въ 1829 г.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный,
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!..
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!..

И еще не разъ прозвучитъ въ поэзіи Пушкина этотъ грустный, по возвышенный мотивъ; еще не разъ вспомнитъ онъ „о юности своей, утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ“... Такъ поэтъ „исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи“ (VII, 159), а такъ какъ,—по его собственнымъ словамъ,—„презирать судъ собственный невозможно“ (VII, 160), то эта исповѣдь очищала его отъ заблужденій и поднимала на новую, высшую ступень нравственнаго самосознанія...

Познакомившись съ душевнымъ настроеніемъ Пушкина за 1826—1830 гг., обратимся теперь къ обзорѣню его литературной дѣятельности за указанный періодъ.

Съ юныхъ лѣтъ Пушкинъ интересовался личностью и историческою ролью Петра Великаго (V, 10), съ эпохою котораго связывались преданія о его предкахъ; въ Михайловскомъ читалъ „Дѣянія Петра В.“ Голикова; вскорѣ по приѣздѣ въ Москву въ своихъ „Стансахъ“ далъ сжатую, но мѣткую характеристику царя—работника на тронѣ; въ 1827 году Пушкинъ началъ историческій романъ изъ эпохи Петра В., пользуясь въ качествѣ матеріала семейными преданіями и историческими изученіями. Романъ „Арапъ Петра В.“ былъ исполненіемъ того литературнаго замысла, который явился у Пушкина еще въ 1824 г.: въ III гл. „Евг. Онѣгина“ онъ высказываетъ намѣреніе „унизиться до смиренной *прозы*“ и въ *романъ* пересказать

*Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины.*

Романъ „Арапъ Петра В.“ и есть первое прозаическое произведеніе Пушкина, въ которомъ пересказаны семейныя преданія Пушкина и яркими красками изображены нравы русской старины, упорно отстаивавшіе себя въ борьбѣ съ новыми теченіями; но особенно живо обрисована здѣсь привлекательная личность Петра, какою она была въ простотѣ обыденной домашней обстановки. Произведеніе Пушкина слѣдуетъ считать первымъ русскимъ историческимъ романомъ

который оставляет далеко за собою не только историческія повѣсти Карамзина, но и позднѣйшіе историческіе романы Загоскина и Лажечникова, въ которыхъ еще много фальшиваго сентиментализма и искренности въ изображеніи историческихъ личностей и стариннаго русскаго быта. Къ сожалѣнію, Пушкинъ почему-то не окончилъ своего романа: можетъ быть, его въ это время привлекла другая сторона въ дѣятельности Петра В., и въ его воображеніи уже рисовался могучій и свѣтлый обликъ „героя полтавскаго“ (IV, 9). По крайней мѣрѣ осенью слѣд. (1828) года, въ теченіе двухъ недѣль, Пушкинъ написалъ свою „Полтаву“, главнымъ героемъ который является въ концѣ концовъ Петръ В., могучій и непреклонный, но въ то же время довѣрчивый и великодушный. Замѣчательно очерченъ въ этой поэмѣ характеръ Маріи—гордый, твердый и рѣшительный ¹⁾).

Образъ Петра В., нарисованный Пушкинымъ въ „Арапѣ Петра В.“ и „Полтавѣ“, имѣетъ большое значеніе въ галлерей разнообразныхъ типовъ и характеровъ, созданныхъ Пушкинымъ, давая возможность опредѣлить его отношеніе—съ одной стороны—къ гордымъ и страстнымъ типамъ байронической поэзіи, съ другой—къ тѣмъ простымъ людямъ и незамѣтнымъ героямъ, которые со времени возвращенія Пушкина съ юга Россіи начинаютъ привлекать его вниманіе и въ послѣдствіи находятъ свое выраженіе въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Повѣсти Бѣлкина“ и „Капитанская дочка.“ Личность Петра В. имѣла для Пушкина такое же значеніе, какое для Байрона имѣлъ Наполеонъ: два великихъ историческихъ дѣятеля служили какъ бы мѣркою симпатій и антипатій двухъ великихъ поэтовъ—англійскаго и русскаго. Наполеонъ былъ любимымъ героемъ Байрона; поэтъ преклонялся предъ духовною мощью императора и, если не оправдывалъ, то извинялъ его непомѣрную гордость, доходившую до презрѣнія къ людямъ: „великій человѣкъ,—говоритъ онъ—имѣетъ право на гордыню“; заточенный Наполеонъ напоминалъ Байрону скованнаго Прометея ²⁾). Было время, когда личность Наполеона привлекала къ себѣ вниманіе Пушкина:

¹⁾ Превосходная характеристика Маріи—у Бѣлинскаго.

²⁾ См. объ этомъ въ соч. Н. Котляревскаго „Міровая скорбь“, стр. 196—201.

еще въ 1815 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что закончившейся борьбы съ Наполеономъ, нашъ юный поэтъ написалъ стихотвореніе „Наполеонъ на Эльбѣ“, въ которомъ изобразилъ властолюбивыя мечты сверженнаго властелина: „Европа; мщенье, мщенье!—свирѣпо шепчетъ императоръ,—рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ, все гибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеніи, царемъ возсяду на гробахъ.“ Въ 1821 году, получивъ вѣсть о смерти Наполеона, Пушкинъ написалъ оду, въ которой провелъ ту мысль, что своими страданьями Наполеонъ искупилъ грѣхъ властолюбія, связаннаго съ презрѣніемъ къ человѣчеству. Замѣчательно, что въ ту пору Пушкинъ склоненъ былъ къ сближенію Петра В. съ Наполеономъ: „Петръ I,—писалъ онъ въ 1822 г.,—презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ“ (V, 10—11). Съ теченіемъ времени, когда Пушкинъ пережилъ увлеченіе байронической поэзіей и сталъ своими глазами смотрѣть на различныхъ историческихъ дѣятелей, образъ Петра рисуется ему уже въ иныхъ очертаніяхъ: по прежнему онъ видитъ и цѣнитъ въ царѣ—исполнителя его свѣтлый умъ и непреклонную волю? (не даромъ же онъ увлекался „богатырской“ поэзіей Байрона, но теперь онъ видитъ въ Петрѣ и кое-какія другія качества—простоту, довѣрчивость, а главное—самоотверженную любовь къ роднѣ. Теперь онъ уже прямо говоритъ, что Петръ „не презиралъ страны родной“, но всѣ свои силы отдавалъ на служеніе ей. Въ скромномъ ли петербургскомъ дворцѣ или на полѣ битвы—Петръ думаетъ не о себѣ, а о благѣ Россіи. Такимъ является Петръ въ произведеніяхъ Пушкина 1826—1828 гг. Независимо отъ того, насколько созданный Пушкинымъ образъ великаго императора соответствуетъ исторіи, онъ—въ качествѣ литературнаго типа—имѣетъ особое значеніе въ развитіи поэтическаго міросозерцанія Пушкина. Если въ лицѣ Алеко нашъ поэтъ осудилъ непомерную гордость и безпощадный эгоизмъ байроническихъ типовъ, то въ лицѣ царя—богатыря, могучаго и непреклоннаго, но въ то же время простаго и добраго, онъ воплотилъ тѣ положительныя черты, которыя должны совмѣщаться въ образѣ настоящаго героя, отвѣчающаго его задушевному симпатіямъ. Созданіе свѣтлаго образа Петра окончательно выяснило отношеніе на-

шего поэта къ гордымъ и страстнымъ байроническимъ типамъ, но оно же показало и то, что онъ не преклонится и предъ такими лицами, какъ Ив. П. Бѣлкинъ или Ив. Кузьмичъ Мироновъ. Пушкинъ сумѣлъ подмѣтить симпатичнѣйшія черты въ скромной личности капитана Миронова, но нарисовавъ въ „Полтавѣ“ и „Арапѣ Петра Вел.“ образъ могучаго царя, онъ далъ намъ мѣрку для сужденія и объ отрицательныхъ сторонахъ въ личности и дѣятельности наивнаго капитана. Какъ ни симпатичны старики Мироновы, но не они наши герои: „мы были бы,—скажемъ вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ,—народъ, весьма не щедро надѣленный природою, если бы героями нашими были Ив. П. Бѣлкинъ или Максимъ Максимычъ“.

Слѣдующій годъ далъ Пушкину матеріалъ для новой поэмы „Галубъ“. Въ этомъ году, путешествуя по Кавказу, Пушкинъ познакомился съ бытомъ и міровоззрѣніемъ кавказскихъ горцевъ. Въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ Пушкинымъ во время путешествія и впослѣдствіи изданныхъ подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Арзрумъ“, поэтъ указываетъ на проповѣданіе Евангелія, какъ на самое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное, сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка средство сближенія горцевъ-магометанъ съ Россіей. „Но объ этомъ средствѣ,—замѣчаетъ поэтъ,—Россія донинѣ и не подумала. Никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донинѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Аѳрики, Азии и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть“... Мы уже знаемъ, что впечатлѣнія и размышленія обыкновенно облекались у Пушкина въ художественные образы. Такъ было и теперь: по возвращеніи съ Кавказа онъ принимается за поэму, въ которой ставитъ рядомъ старика—отца, магометанина, и юношу—сына, христіанина,—положеніе трагическое: старый черкесъ, будучи не въ состояніи понять воззрѣній и настроенія своего сына, всецѣло проникшагося духомъ любви и кротости, прокли-

наетъ и прогоняетъ его отъ себя: „Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ... Будь проклятъ мной!.. Бѣги, бѣги скорѣй: не оскверняй моихъ очей“... Поэма осталась неоконченной: судя по наброскамъ плана, жизнь Тазита среди соплеменныхъ ему горцевъ должна была окончиться мученическою смертию... Пушкинъ глубоко понялъ разницу между магометанскимъ и христіанскимъ міровоззрѣніемъ, которая и доселѣ раздѣляетъ черкесовъ и русскихъ...

Среди скитаній и душевныхъ тревогъ у Пушкина стала зарождаться мысль о тихой семейной жизни. Еще въ 1828 г. онъ встрѣтился въ Москвѣ съ шестнадцати-лѣтней красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, которая произвела на него сильное впечатлѣніе; въ 1828 г. онъ посватался за нее, но получилъ отъ матери неопредѣленный отвѣтъ (это было однимъ изъ поводовъ къ поѣздкѣ на Кавказъ); теперь (въ 1830 г.), по возвращеніи съ Кавказа въ Москву, Пушкинъ возобновилъ свое сватовство. Предложеніе было принято, и осенью Пушкинъ поѣхалъ для устройства хозяйственныхъ дѣлъ въ село Болдино, Нижегородск. губ., гдѣ находилось имѣніе, уступленное ему отцемъ передъ свадьбой. Карантины, устроенные по случаю холеры, продержали его тамъ съ начала сентября до начала декабря. Осень всегда располагала Пушкина къ работѣ (VII, 234: „Осень подходитъ; это—любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ“; ср. стихотвореніе „Осень“); но осень 1830 года была особенно „дѣтородна“ (VII, 242): никогда Пушкинъ не писалъ такъ много, какъ въ эту осень. Она внесла въ его творчество не мало новыхъ элементовъ, а потому должна быть отмѣчена въ исторіи его литературнаго развитія.

Душевное настроеніе Пушкина въ это время серьезное, а въ иные моменты и тревожное. Собираясь начать новую жизнь, онъ невольно оглядывался на свое прошлое и прощался съ „милыми образами“, когда-то волновавшими его душу („Разставаніе“, „Заклинаніе“, „Для береговъ отчизны дальней“), а то—особенно по ночамъ—невольно задумывался о будущемъ: что то принесетъ ему женатая жизнь?

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:

Всюду мракъ и сонъ докучный;

Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.

Парки, бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризна или ропотъ
Мной утраченного дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

Вотъ какіе вопросы тревожили теперь душу поэта. Въ прошедшемъ—много заблужденій и увлеченій; что-то ждетъ его въ будущемъ? Онъ хорошо знаетъ, что жизнь, особенно для вдумчиваго, мыслящаго человѣка, заключаетъ въ себѣ много страданій; но онъ не хочетъ умирать: онъ надѣется, что среди жизненныхъ страданій встрѣтитъ и наслажденія— не въ тѣхъ увлеченіяхъ, которыя надолго оставляютъ послѣ себя горькій осадокъ, а въ поэтическомъ творествѣ и въ чистой, возвышенной любви...

Замѣчательно, что подѣ влияніемъ смутнаго душевнаго настроенія Пушкинъ и изъ окружавшей его дѣйствительности апперцепировалъ такія черты, изъ которыхъ создалась сѣренькая жанровая картинка, напоминающая собою нѣкоторыя стихотворенія Некрасова или картины Перова:

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса? и т. д.

По своему колориту приближаются къ этой картинкѣ тѣ пять повѣстей, о которыхъ Пушкинъ подѣ глубокимъ секретомъ сообщалъ Плетневу (VII, 251); но въ нихъ разсказъ ведется уже не отъ лица самого Пушкина, а отъ лица русскаго помѣщика, человѣка простаго, наивнаго, но уже нѣсколько прикосновеннаго къ образованности (онъ читалъ напр., Жана—Поля—Рихтера), Пв. Петр. Бѣлкина. Создавая „Повѣсти Бѣлкина“, Пушкинъ расширилъ сферу своего твор-

чества: онъ ввелъ въ нее изображеніе жизни такихъ заурядныхъ людей, какъ гробовщикъ или станціонный смотритель, рассказавъ о нихъ просто, правдиво, безъ прикрасъ. Типы простыхъ людей, правдиво изображенныхъ Пушкинымъ, были положительнымъ открытіемъ для своего времени: въ то время еще читались повѣсти Карамзина, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительной жизнью, но особенно популярностью пользовались повѣсти молодого писателя-романтика Бестужева (Марлинскаго), увлекавшія читателей занимательностью разсказа и романтическими эффектами, но такъ же далекія отъ дѣйствительной жизни, какъ и повѣсти Карамзина. Пушкинъ первый представилъ въ своихъ повѣстяхъ простой и правдивый разсказъ о событіяхъ нашей будничной жизни, первый заговорилъ о забытыхъ людяхъ, первый—можно сказать—отнесся къ нимъ съ истинно-человѣческимъ чувствомъ. Ап. Григорьевъ справедливо видѣлъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ зерно натуральной школы; ¹⁾ такъ, напр., станціонный смотритель является первымъ наброскомъ того типа, съ которымъ мы потомъ встрѣчаемся у Гоголя (Акакій Акакіевичъ въ „Шинели“) или у Достоевскаго (напр., Мармеладовъ въ „Преступл. и наказаніи“).

Въ Болдинѣ же Пушкинъ окончилъ свой „многолѣтній трудъ“—„Евгенія Онѣгина“. Въ VII главѣ онъ разсказалъ о томъ, какъ Татьяна разгадала наконецъ, что за человѣкъ Евгений Онѣгинъ. Оказалось, что въ его разочарованіи было много напускнаго, что онъ самъ не далеко ушелъ отъ окружавшаго его общества, къ которому относился такъ пренебрежительно: развѣ не въ угоду его мнѣнію онъ не рѣшился отказаться отъ дуэли съ Ленскимъ? Татьяна поняла, что „москвичъ въ чайльдъ—гарольдовомъ плащѣ“ не можетъ быть спутникомъ ея жизни, пот. что онъ не въ состояніи дать ей того, чего она потребовала бы отъ своего мужа, т. е. нравственной поддержки въ осуществленіи ея жизненнаго идеала, и тѣмъ не менѣе она не переставала любить его—за что? Вѣроятно, она и сама не сразу-бы отвѣтила бы на этотъ вопросъ.

Зачѣмъ арапа своего

Младая любитъ Дездемона,

Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?

¹⁾ По замѣчанію проф. Тихонравова, изъ школы автора „Повѣстей Бѣлкина“ и „Лѣтописи села Горюхина“ вышелъ Гоголь (соч. III, I, 520).

Затѣмъ, что „сердцу дѣвы нѣтъ закона“. Есть такія лица, которыя любятъ одинъ разъ въ жизни. Такова была Татьяна. Разглядѣвъ въ Онѣгинѣ отрицательныя черты, она не переставала думать, что по основамъ своей души онъ все-таки человѣкъ даровитый и добрый, что онъ могъ бы быть полезнымъ членомъ общества, что онъ во всякомъ случаѣ глубоко несчастливъ,—она теперь жалѣла его и продолжала любить... Какъ бы то ни было, тотъ планъ разрѣшенія жизненной задачи, который построила было Татьяна въ своемъ воображеніи, разбился въ дребезги; другого исхода она не находила въ условіяхъ окружавшей ее жизни... А у матери уже готовъ исходъ: надо везти Татьяну въ Москву „на ярмарку невѣстъ“ и выдать тамъ ее замужъ. Вотъ Татьяна уже въ Москвѣ, вотъ за нее уже сватается важный генералъ. Мать со слезами молитъ Татьяну выйти за генерала, у Татьяны не хватаетъ силы отказать матери, и она дѣлаетъ рѣшительный шагъ. Конечно, это былъ невѣрный, вынужденный шагъ; но припомнимъ, что Татьяна, эта первая русская женщина, искавшая и страдавшая, была *одинока и въ своей семьѣ, и въ высшемъ свѣтѣ*: никто не могъ указать ей такого исхода, который бы соотвѣтствовалъ ея задушевному стремленію и богатымъ духовнымъ силамъ, а она сама изнемогла въ этихъ поискахъ. Ей не оставалось ничего больше, какъ замкнуться въ свой внутренній міръ, чтобы тамъ находить силы для облегченія своихъ и чужихъ страданій. Она такъ и сдѣлала. „Безъ сомнѣнія“, жизнь такой личности не пройдетъ безслѣдно даже въ той средѣ, куда она занесена ея потокомъ, въ томъ „свѣтѣ“, гдѣ она не искала для себя личнаго счастья, но гдѣ найдетъ она и его, п. ч. создастъ вокругъ себя ту свѣтлую нравственную атмосферу, которая привлечетъ къ ней лучшіе элементы общества, оживитъ, облагородитъ и подниметъ ихъ. Такими личностями сохраняется нравственное здоровье общества, въ его жизнь вносятся идеальныя стремленія и разумность. Безъ нихъ обществу грозитъ вѣрная опасность—нравственно измельчать, ополчиться и развратиться. Не малъ и не легокъ этотъ подвигъ“ (Поливановъ)... Вслѣдъ за Пушкинымъ и другіе писатели будутъ намъ рисовать различные типы русскихъ женщинъ; встрѣтимся съ Лизой Калити-

ной, которая въ монастырскомъ уединеніи находитъ дѣло своей жизни, или съ Еленой, которая покидаетъ свою родину, чтобы за ея предѣлами найти приложеніе для своихъ духовныхъ силъ... Гдѣ же та русская женщина, которая бы у себя дома нашла приложеніе для своихъ силъ? Наташа (въ „Войнѣ и Мирѣ“) или Кити (въ „Аннѣ Карениной“)? но вѣдь имъ не приходилось такъ много и мучительно думать надъ разрѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ, какъ Татьяна: жизнь, хотя и не сразу, сама привела ихъ къ этому рѣшенію... А если жизнь не дастъ его—тогда что? Тогда на помощь женщинѣ должно прійти общество: на немъ лежитъ нравственная обязанность создать такія условія жизни, чтобы такимъ лицамъ, какъ Татьяна, жилось легче и полнѣе. Пушкинъ первый поставилъ нашему обществу такую задачу въ своемъ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“...

На ряду съ произведеніями, изображавшими различныя явленія русской жизни, Пушкинъ создалъ въ Болдинѣ цѣлый рядъ произведеній изъ западно-европейской жизни („Скупой рыцарь“, „Каменный гость“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“ и нѣкоторыя мелкія стихотворенія), поражающія сплюю проникновенія въ духъ этой жизни: постигнувъ русскую жизнь во всей широтѣ ея характерныхъ проявленій, Пушкинъ легко подмѣчалъ въ западной жизни ея своеобразныя черты, а богатая творческая способность помогала ему и по немногимъ даннымъ создавать законченныя картины западно-европейскаго быта.

Въ началѣ декабря 1830 года Пушкинъ наконецъ выѣхалъ изъ Болдина въ Москву, а 18 февр. слѣдующаго года было совершено его бракосочетаніе съ Н. Н. Гончаровой.

Пушкинъ встрѣчаетъ прахъ
Грибоедова.

СНОВА Ъ ПЕТЕРБУРГЪ.

(1831—1837).

VII.

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?

Лермонтовъ.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломенкой.

Кольцовъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы Пушкинъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Волей-неволей приходилось ему теперь подумать о приобрѣтеніи болѣе опредѣленнаго общественнаго положенія. На дружескомъ совѣтѣ, во главѣ съ Жуковскимъ, было рѣшено, чтобы Пушкинъ ходатайствовалъ передъ правительствомъ о разрѣшеніи ему—во-первыхъ—издавать политическій и литературный журналъ и—во-вторыхъ—заниматься историческими изысканіями въ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ (VII, 278). Ходатайствуя о журналѣ, Пушкинъ имѣлъ въ виду сгруппировать около себя „писателей съ дарованіями“, чтобы вмѣстѣ съ ними быть посредникомъ между правительствомъ и обществомъ;¹⁾ а въ архивахъ онъ

¹⁾ Впослѣдствіи (въ 1857 г.) Тургеневъ тоже строилъ планъ о подобномъ журналѣ, но и его планамъ не суждено было осуществиться (см. „Тургеневъ“ И. И. Иванова, стр. 149—151).

предполагалъ собирать матеріалы для задуманной имъ исторіи Петра Великаго. Планы Пушкина объ изданіи журнала не осуществились: скоро выяснилось, что Пушкинъ не могъ напечатать безъ особаго разрѣшенія такого стихотворенія, какъ „Древо яда (Анчартъ)“,—можно ли было думать послѣ этого о свободномъ выраженіи своихъ мыслей въ политическомъ журналѣ?—За то Пушкинъ съ большимъ рвеніемъ принялся за архивныя изысканія. Собирая матеріалы для исторіи Петра В., Пушкинъ случайно попалъ на документы, относящіеся къ исторіи пугачевского бунта, и, увлекшись этимъ событіемъ (припомнимъ, что Пушкинъ еще въ Михайловскомъ интересовался Пугачевымъ), сталъ заниматься его изученіемъ. Къ осени 1833 года у него уже были готовы матеріалы для исторіи пугачевского бунта; но что особенно важно для исторіи нашей литературы, такъ это то, что къ тому же времени была уже написана вчернѣ повѣсть изъ эпохи пугачевщины „Капитанская дочка“,—новое подтвержденіе того что у Пушкина всѣ впечатлѣнія жизни и результаты научныхъ изслѣдованій перерабатывались въ художественные образы. Въ августѣ 1833 года Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ тѣ мѣста, гдѣ происходили интересовавшія его событія,—въ Казанскій и Оренбургскій край, чтобы живыми преданіями и личными впечатлѣніями восполнить пробѣлы, неизбежныя при изученіи архивнаго матеріала. 1 октября, на обратномъ пути изъ Оренбургскаго края, Пушкинъ былъ уже въ своемъ Болдинѣ, гдѣ принялся за окончательную обработку „Исторіи пугачевского бунта“. Тамъ же были написаны знаменитая „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“ и поэма „Мѣдный всадникъ“. Въ ноябрѣ съ этимъ литературнымъ багажемъ Пушкинъ возвратился въ Петербургъ.

Повѣсть „Капитанская дочка“ представляетъ собою выполненіе давней мечты нашего поэта о романѣ, гдѣ были бы изображены „преданья русскаго семейства, любви плѣнительные сны и нравы нашей старины“. Первая попытка къ осуществленію этого намѣренія, какъ мы видѣли, осталась неоконченной: „Арапъ Петра Вел.“ не пошелъ далѣе VII главы; за то теперь Пушкинъ далъ живую картину русской жизни во

вторую половину XVIII в. въ связи съ разсказомъ о семейныхъ преданіяхъ Гриневыхъ и Мироновыхъ. Картина отличается полнотою и разнообразіемъ: война и миръ, идиллическія картины и—на ряду съ ними—сцены полныя глубокаго драматизма; энергичный и властолюбивый самозванецъ; простой и скромный, но мужественный въ исполненіи своего долга капитанъ, императрица, обаятельная въ своей простотѣ, и капитанская дочка, возвышающаяся до истиннаго героизма,—все это захвачено Пушкинскою картиною и изображено съ замѣчательною простотою и правдивостію. Пушкинъ показалъ въ этой повѣсти, какъ простые русскіе люди могутъ возвышаться въ исполненіи своего долга до истиннаго героизма; задолго до повѣстей Толстого онъ рѣшилъ, въ чемъ состоитъ истинная храбрость: капитанъ Мироновъ—предшественникъ капитана Хлопова (въ разсказѣ Л. Н. Толстого „Набѣгъ“) и даже Кутузова (какъ онъ изображенъ въ „Войнѣ и Мирѣ“). Къ старику Миронову въ полной мѣрѣ приложимо то, что у Л. Н. Толстого сказано о Хлоповѣ: „въ фигурѣ капитана было очень мало воинственнаго, но за то въ ней было столько *истины* и *простоты*, что она необыкновенно поразила меня. Вотъ кто истинно храбръ,—сказалось мнѣ невольно“. Ни въ томъ, ни въ другомъ—ни малѣйшей доли рисовки... Прошло 35 лѣтъ послѣ созданія „Капитанской дочки“—и предъ русскими читателями стала развертываться широкая картина русской жизни въ первую четверть истекающаго вѣка, нарисованная широко, правдиво и просто,—разумѣемъ романъ Л. Н. Толстого „Война и Миръ“. Тогда же одинъ изъ лучшихъ критиковъ этого произведенія (Страховъ) показалъ, что новый романъ не только по внѣшней манерѣ, тону и предмету разсказа, но и по своему духу имѣетъ сходство съ повѣстью Пушкина „Капитанская дочка“. ¹⁾ Если чрезъ весь романъ Толстого проходить красною нитью та мысль, что „нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“, то вѣдь та же мысль проникаетъ собою и произведеніе Пушкина. Не даромъ Достоевскій назвалъ нашего поэта явленіемъ не только чрезвычайнымъ, но и *пророческимъ*...

¹⁾ Страховъ.—Критич. статьи о Тург. и Толстомъ. Изд. 2. Спб. 1887 г. Стр. 278 и слѣд.

Происхожденіе „Мѣднаго Всадника“ стоитъ въ связи съ работами Пушкина надъ исторіей Петра Великаго. Мы уже знаемъ, что Пушкинъ съ юныхъ лѣтъ преклонялся предъ царемъ-преобразователемъ. Въ своихъ предыдущихъ произведеніяхъ онъ уже воплотилъ различныя черты его удивительной личности. Теперь, при изученіи подлинныхъ матеріаловъ для исторіи Петра В., Пушкина поразила та суровая непреклонность, съ какою Петръ устранялъ все препятствія, встрѣчавшіяся ему при осуществленіи имъ государственныхъ цѣлей, и невольно остановился въ раздумьи предъ образомъ царя, начинавшимъ теперь двоиться въ его сознаніи: Пушкинъ преклонялся предъ его мудростію, энергіей, самоотверженностью, но трудно было ему мириться съ его суровостью, доходившей до жестокости. Поэма „Мѣдный Всадникъ“ является результатомъ такого раздумья: царь-богатырь и по смерти преслѣдуетъ тѣхъ лицъ, которыя готовы идти наперекоръ его государственной дѣятельности. Тк. обр., въ „Мѣдномъ всадникѣ“ затронута чрезвычайно важная нравственно-общественная проблема: можно ли приносить благо отдѣльныхъ личностей въ жертву благосостоянію государственнаго организма? Пушкинъ только поставилъ эту проблему, но не разрѣшилъ ее въ своей поэмѣ; вѣроятно, онъ и не выработалъ ея опредѣленнаго рѣшенія. Не потому ли „Мѣдный всадникъ“ остался неоконченнымъ?

Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ съ особенною любовію останавливался на религіозныхъ сюжетахъ, читалъ Св. Писаніе и житія святыхъ, переложилъ въ стихи молитву Господню и молитву Ефрема Сирина, задумывалъ большую поэмѣ, въ которой хотѣлъ представить столкновеніе древняго языческаго міра съ христіанствомъ (впослѣдствіи надъ этой темой много поработалъ Ап. Н. Майковъ). Много и другихъ литературныхъ замысловъ зарождалось въ головѣ нашего поэта; такъ, въ его бумагахъ остались планы и наброски задуманнаго имъ большого романа („Русскій Пеламъ“), въ которомъ поэтъ предполагалъ нарисовать широкую картину русской общественной жизни въ первую четверть нашего вѣка. Но этимъ замысламъ не суждено было осуществиться: силы поэта уходили на непосильную борьбу съ

тяжкими условіями его личной и семейной жизни. Несмотря на то, что Пушкинъ въ разсматриваемые годы былъ, повидимому, на верху своей славы, его жизнь представляла сплошной рядъ глубокихъ страданій, которыя обусловливались его положеніемъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Наталя Николаевна была вѣрной и любящей женой, но мало интересовалась литературной дѣятельностью своего мужа; ее влекла къ себѣ свѣтская жизнь—приемы, выѣзды и т. п. Пушкинъ горячо любилъ свою жену и дѣлалъ то, что могъ, для того, чтобы она была довольна своимъ положеніемъ: сопровождалъ ее на балы, рауты, собранія и т. п., заранее обрекая себя на скуку среди представителей высшаго петербургскаго свѣта. Все это покупалось дорогою цѣною нравственныхъ страданій и громадныхъ матеріальныхъ жертвъ. Пушкинъ выбивался изъ силъ, чтобы доставать деньги для поддержанія свѣтской жизни; а между тѣмъ съ увеличеніемъ семьи увеличивались и расходы. Какъ тяжело приходилось Пушкину страдать изъ за недостатка матеріальныхъ средствъ, покажутъ слѣд. немногія выдержки изъ его писемъ: „я совершенно разстроился: женюсь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро“ (VII, 291); „у меня голова кругомъ идетъ, не радъ жизни, что взялъ имѣніе, но что же дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей“ (347); „сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду провожать. Ужъ какъ меня теребили. А дѣлать нечего. Если не возьмусь за имѣніе, то оно пропадетъ даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется ихъ взять мнѣ же на руки; тогда-то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!“ (354).

Еще тяжелѣе были нравственныя страданія, связанные съ положеніемъ поэта въ высшемъ свѣтѣ. Тамъ люди оцѣнивались не по душевнымъ дарованіямъ, а по табели о рангахъ и по числу душъ, составлявшихъ имѣніе. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи Пушкинъ замѣтной величины не представлялъ, а поэтическаго таланта не цѣнили въ свѣтѣ. Ему не могли простить то, что, не имѣя ни высокаго чина, ни большого состоянія, онъ вступилъ въ „свѣтъ“, а онъ, конечно, держалъ себя съ достоинствомъ среди его представи-

телей, будь это гр. Бенкендорфъ или министръ Уваровъ. Особенно Пушкинъ сталъ таготиться своимъ положеніемъ при дворѣ, когда его произвели въ камеръ-юнкеры (1834 г.),— званіе, которое онъ считалъ не соотвѣтствовавшимъ его лѣтамъ. Тяжело было Пушкину чувствовать себя связаннымъ искусственными условіями свѣтской жизни. „Не сердись,—писалъ онъ женѣ въ 1834 г.,—и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ моей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, пот. что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступить въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человека болѣе нравственнымъ; зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступить, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ, ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни“ (VII, 353). Въ послѣдній годъ жизни, когда душевныя страданія Пушкина достигли высшаго напряженія, изъ его наболѣвшей души вылилось такое стихотвореніе, насквозь проникнутое горькимъ сознаніемъ своей зависимости:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги.
Пли мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочить олуховъ, плъ чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова!

Въ этихъ строкахъ слышится горькій приговоръ надъ собственными своими замыслами, безжалостно разбитыми жизнію. Теперь поэтъ, наученный горькимъ опытомъ, не

мечтаетъ уже ни о политическомъ: журналѣ, ни о свободѣ слова:

Иныя, лучшія мнѣ, дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода:
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними! Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; *для власти для лирици*
Ни шутъ ни совѣсти, ни помысловъ, ни шен;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенія
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленія—
Вотъ счастье, вотъ права!...

Это стихотвореніе относится къ началу іюля 1836 года. Въ августѣ того же года Пушкинъ написалъ свой знаменитый „Памятникъ“, въ которомъ сходятся разнообразныя мотивы его прежнихъ стихотвореній о сущности и назначеніи поэзіи и отношеніи поэта къ обществу.

Не легко поэту переносить обиды и выслуживать клевету отъ того самаго общества, для котораго онъ работаетъ; но онъ надѣется, что рано или поздно сдѣлается онъ любезнымъ народу. Значитъ, онъ хочетъ и ждетъ народной любви, но не той любви, которая покупается измѣною собственнымъ убѣжденіямъ и угожденіямъ толпы. Нѣтъ, поэзія должна быть не угожденіемъ измѣнчивымъ и часто ограниченнымъ требованіемъ толпы, а исполненіемъ нравственнаго долга, служеніемъ самому Богу: „вѣлѣнью Божію, о муза, будь послушна“. Поэтъ ждетъ такой любви, которая пріобрѣтается искреннимъ и нелицемѣрнымъ служеніемъ добру и правдѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость падшимъ призывалъ...

Въ сознаніи исполненнаго долга и въ надеждѣ на то, что народъ современемъ оцѣнитъ значеніе его дѣятельности, Пушкинъ ищетъ утѣшенія среди окружающихъ его клеветы и пустоты...

Тяготясь своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, Пушкинъ мечталъ о томъ, чтобы покинуть Петербургъ и поселиться въ деревнѣ (VII, 285, 349 и др.); онъ даже собирался подать въ отставку, но ему отвѣчали, что это было бы выраженіемъ неблагодарности по отношенію къ государю, или же грозили отнять у него право на посѣщеніе архивовъ, которымъ онъ дорожилъ. Приходилось оставаться въ Петербургѣ...

Такова жизнь нашего поэта за послѣдніе годы. Было время, когда онъ въ своей собственной личности носилъ начало раздвоенія и борьбы: порывы страстной природы не всегда уживались съ требованіями долга. Пора эта давно миновала: улеглись сомнѣнія, уюмонились страсти, поэтъ овладѣлъ самимъ собою и поднялся на высокую ступень нравственнаго самосознанія.

Казалось, жизненная драма приближалась къ развязкѣ и наступалъ свѣтлый періодъ мирной жизни и спокойной творческой дѣятельности. На дѣлѣ вышло не такъ: чѣмъ дальше шло нравственное и литературное развитіе Пушкина, тѣмъ тяжелѣе становились внѣшнія условія его жизни, требовавшія громаднаго напряженія его силъ. Драма, приближавшаяся къ развязкѣ, неожиданно осложнилась; поэту предстояло выдержать послѣдній напоръ враждебныхъ ему силъ... Силы эти не дремали... Въ свѣтѣ противъ Пушкина образовалась цѣлая коалиція, которая и повела противъ него адскую интригу: стали распространяться гнусныя сплетни, связывавшія имя жены Пушкина съ именемъ французскаго подданнаго, офицера русской службы Геккерн-Дантеса. Пушкинъ началъ получать одно за другимъ анонимныя письма, исполненные оскорбительныхъ намековъ и насмѣшекъ... Пушкинъ не выдержалъ: онъ повелъ дѣло такъ, что Дантесъ долженъ былъ прислать ему вызовъ на дуэль...

Дуэль состоялась 27 января 1837 года въ пятомъ часу пополудни. Пушкинъ, смертельно раненый, собралъ свои

послѣднія силы, чтобы послать выстрѣлъ въ грудь своего противника, а когда Дантесъ упалъ на снѣгъ, выраженіе радости вырвалось у оскорбленнаго поэта. Этотъ выстрѣлъ эта нехорошая радость были послѣдней вспышкой той страстной натуры, которую поэтъ когда-то воплотилъ въ своемъ Алеко; но не они были послѣднимъ актомъ его тяжелой жизненной драмы: Провидѣнію угодно было еще на двое сутокъ продлить жизнь Александра Сергѣевича, и эти дни сдѣлались временемъ его нравственнаго просвѣтленія и искупленія. Погасла послѣдняя вспышка страсти и снова заговорило нѣжное сердце; прекрасная, отзывчивая душа поэта въ послѣдній разъ раскрылась предъ дорогими ему лицами, собравшимися вокругъ умиравшаго. Съ свѣтлой, почти дѣтской радостью встрѣчалъ онъ своихъ друзей и слушалъ сообщенія о томъ, что передняя полна посѣтителями, пришедшими узнать о здоровьѣ своего поэта. Несмотря на ужасныя боли, онъ напрягалъ неимоверныя усилія для того, чтобы не обезпокоить жены невольнымъ стономъ... Бывало, у его колыбели няня читала молитвы и крестила его, когда онъ засыпалъ въ своей дѣтской постелькѣ; теперь онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и когда въ его кабинетъ вошла Екатерина Андреевна Карамзина, жена покойнаго историка, женщина глубоко-вѣрующая,—страдалецъ—поэтъ попросилъ еѣ перекрестить его, и она перекрестила умиравшаго поэта, подобно тому, какъ мать креститъ своего сына, отправляющагося въ дальнюю сторону... Съ глубокимъ чувствомъ Александръ Сергѣевичъ исповѣдался и причастился Святыхъ Тайнъ, трогательно простился съ женой и малютками—дѣтьми, каждаго изъ нихъ крестилъ слабѣвшею рукой; а когда Данзасъ, товарищъ Пушкина по лицей и его секунданта, спросилъ у поэта, не поручить ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти, Пушкинъ отвѣтилъ: „требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть, прощаю его (Дантеса) и хочу умереть христіаниномъ“... 29 января, въ 2 ч. 45 м. пополудни поэтъ заснулъ навѣки...

Такъ закончилась тяжкая жизненная драма, выпавшая на долю нашего поэта. Добро взяло верхъ надъ зломъ: онъ

умеръ не „съ глубокой жаждой мщенья“, какъ предполагалъ въ порывѣ молодого негодованія Лермонтовъ, а съ словами любви и всепрощенія,—онъ ушелъ отъ насъ очищеннымъ и просвѣтленнымъ, и когда теперь, черезъ шестьдесятъ съ лишкомъ лѣтъ послѣ его кончины, мы всматриваемся въ его нравственный обликъ, то еще яснѣе, чѣмъ при жизни, выступаютъ свѣтлыя черты его любящей, отзывчивой души...

Пушкинъ умеръ въ пору полного разцвѣта своего поэтического генія и много творческихъ замысловъ унесъ онъ съ собою въ могилу; но и за то сравнительно короткое время, которое онъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ, онъ успѣлъ освободить русскую литературу отъ подражанія западнымъ образцамъ и вывести на широкую дорогу *самостоятельнаго художественнаго воспроизведенія дѣйствительности*: онъ положилъ прочное начало художественному реализму въ русской литературѣ. Съ неменьшимъ правомъ нежели величайшій изъ современныхъ русскихъ писателей, онъ могъ сказать о себѣ, что героемъ его произведеній, „котораго онъ любилъ всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ, была правда“. До Пушкина у насъ не было такого правдиваго воспроизведенія жизни, какое мы находимъ въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ. Съ замѣчательною проникательностью умѣлъ онъ схватывать *характерныя черты* тѣхъ лицъ, эпохъ и событій, которыя подпадали его наблюденію, и облекать ихъ въ *художественные* образы. Художественность образовъ всегда соединялась у него съ *простотою* и—въ то же время—*изяществомъ* рѣчи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ правдивостью изображенія и простотою рѣчи находится та *искренность*, которая составляетъ какъ бы органическую особенность Пушкинской поэзіи. Обращаясь къ содержанию поэзіи Пушкина, невольно поражаешься *широтою* его *поэтического кругозора*: жизнь русская и западно-европейская, старинная и современная поэту, городская и деревенская, характеры могучіе и слабые, тревожные и спокойные, гордые и кроткіе, ландшафты роскошные и сѣрые,—все это нашло отображеніе въ его творествѣ.

Поразительно и то *разнообразіе тоновъ и красокъ*, которыми Пушкинъ пользуется при художественномъ изображеніи жизни, начиная отъ эпического спокойствія, съ какимъ говоритъ патріархъ въ „Борисѣ Годуновѣ“, и оканчивая тономъ суроваго негодованія, который звучитъ въ нѣкоторыхъ строфахъ „Евг. Онегина“ или лирич. стихотворенійхъ,—начиная отъ сѣренькихъ красокъ, которыми нарисованы картины русской природы и русскаго быта въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ и оканчивая яркими красками, которыми поэтъ пользовался и въ „Бахчис. фонтанѣ“, и въ „Мѣдномъ всадникѣ“ (припомните картину наводненія). Но какъ ни разнообразны картины, нарисованныя художническою кистью Пушкина, всѣ онѣ проникнуты *гуманнымъ* отношеніемъ къ людямъ. Во всякомъ человѣкѣ, будетъ ли это Петръ В. или капиталь Мироновъ, императрица Екатерина или капитанская дочка, Пушкинъ умѣетъ подмѣтить черты человѣческаго достоинства: Петръ Великій въ его изображеніи является не только блестящимъ героемъ, но и человѣкомъ, отдающимъ всѣ свои силы на служеніе родинѣ, а капиталь Мироновъ—не только простымъ и добрымъ человѣкомъ, но и настоящимъ героемъ. Даже и въ „падшихъ“ лицахъ, будетъ ли это гордый Алеко или забитый станціонный смотритель, нашъ поэтъ сумѣлъ открыть черты образа Божія и пробудить сочувствіе къ ихъ человѣческимъ страданіямъ. Высокій *гуманизмъ* насквозь проникаетъ собою произведенія Пушкина. Въ связи съ уваженіемъ къ человѣческой личности находится у Пушкина убѣжденіе, что какъ личное, такъ и общественное благополучіе могутъ созидаться только на *нравственныхъ* началахъ. Эта черта сообщаетъ поэзіи Пушкина высокое *нравственно-воспитательное значеніе*. Этого мало. Пушкинъ изображалъ своихъ героевъ въ связи съ тѣми общественными условіями, которые такъ или иначе вліяли на формированіе ихъ характеровъ и направленіе ихъ дѣятельности; отсюда — *общественное* значеніе его поэзіи. Онъ сумѣлъ правильно распредѣлить свѣтъ и тѣни на своихъ картинахъ, взятыхъ изъ русской и зап.-европ. жизни, и чрезъ это намѣтилъ путь къ гармоническому объединенію своего и чужого, стараго и новаго. Яркими красками нарисовалъ онъ блестящій образъ Петра В., но этотъ блескъ не

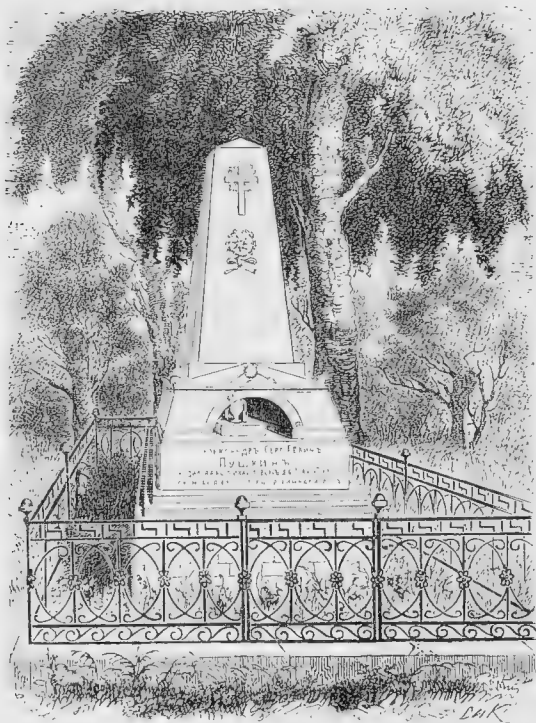
ослѣпилъ его и не помѣшалъ ему всмотрѣться въ симпатичныя черты древняго лѣтописца. Онъ, Пушкинъ, цѣнилъ такія черты др.-русскаго человѣка, какъ „умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности“, но зналъ онъ и то, что много невѣжества было въ древней Руси, и потому настойчиво говорилъ: „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“... Вѣра въ плодотворность просвѣщенія и сознаніе его насущной необходимости для русскаго общества сообщаетъ его поэзіи *просвѣтительное* значеніе...

Гоголь сказалъ, что Пушкинъ есть чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа. Достоевскій прибавилъ къ этому: и пророческое. Да, Пушкинъ былъ явленіемъ пророческимъ: онъ поставилъ русскую литературу на ту дорогу, по которой она идетъ и доселѣ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Не то это значитъ, чтобы дальнѣйшіе писатели разрабатывали только тѣ темы, какія намѣтилъ Пушкинъ, и ничего не внесли отъ себя въ сокровищницу русской литературы; нѣтъ, каждый изъ нихъ, сообразно съ своей индивидуальностью и эпохой, отмѣчалъ новыя явленія русской жизни и ставилъ новыя проблемы въ своихъ произведеніяхъ. Однако всѣ они шли уже по пути, проложенному Пушкинымъ, и до нѣкоторой степени заполняли свѣжими красками „рафаэлевски-правдивые и изящные очерки“, оставленные Пушкинымъ. Всѣ они—наконецъ—впитали въ себя тотъ духъ истиннаго гуманизма, которымъ проникнута поэзія Пушкина. Если бы мы вздумали выяснить генезисъ новѣйшей русской литературы, то не только ея основныя черты—реализмъ и гуманизмъ—мы нашли бы у Пушкина, но отъ него бы пришлось вести и исторію многихъ литературныхъ типовъ. „Въ Пушкинѣ,—по словамъ Гончарова,—кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и намеки почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки“. Значитъ, Пушкинъ, этотъ „свѣтатель пустынный“, не потерялъ попусту ни времени, ни трудовъ: брошенное сѣмя не

погибло, а взошло и разрослось въ громадное и тѣнистое дерево, и сколько бы оно ни дало отъ себя свѣжихъ и могучихъ отпрысковъ,—за Пушкинымъ останется слава основателя русскаго художественнаго реализма, въ свое время, у его памятника, признанная за нимъ его славными продолжателями.

П. Кудрявцевъ.

Могилы Пушкина.

1799 ²⁶/_V 1899.

ПАМЯТИ БЕЗСМЕРТНАГО ПОЭТА.

(Къ столѣтію со дня рожденія А. С. Пушкина).

*Ильте! весь я не умру. Душа въ завѣтной миръ
Мой прахъ переживетъ и тѣнья ублажитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ тотъ одинъ пѣвецъ.*

Пушкинъ.

Избранникъ неба вдохновенный,
Искусства храма жрецъ священный,
Мы всѣ, отечества сыны,
Предъ раннею твоей могилой
Теперь стоимъ толпой унылой,
Благоговѣнія полны.

Полны мучительной печали
Давно мы горестно сознали
Какую жизнь мы потеряли,
Когда погасъ твой свѣтъ очей,
Когда рука для насъ чужая,
Россіи славу омрачая,
Тебя сразила въ цвѣтъъ дней.

„Властитель нашихъ думъ“ державный
Ты пѣснью мощной, пѣснью славной
Сознанье наше разбудилъ,
И жизнь, окутанную тьмою,
Ты, словно ярко звѣздой,
Лучемъ таланта озарилъ.

Борцовъ безстрашныхъ за свободу,
Пророковъ, преданныхъ народу,
Тебя не миноваль удѣлъ.
Но въ тьмѣ изгнанья, средь невзгоды,
Искалъ ты свѣта и свободы,
И ярче геній твой горѣлъ.

И пѣсни дивныя слагая,
И нѣжной музой слухъ лаская,
Ты нашу душу возвышалъ.
На все прекрасное, живое,
На все великое, святое,
Какъ на желанный идеаль
Ты смѣло всѣхъ насъ призывалъ.

И мы хранимъ, безсмертный геній,
Всѣ образы твоихъ твореній,
Какъ даръ небесный, сотню лѣтъ.
Мы имъ усердно подражаемъ,
И нашимъ дѣтямъ завѣщаемъ,
Какъ нашъ священнѣйшій завѣтъ.

Пройдутъ вѣка и поколѣнья,
Но не умрутъ твои творенья,
Переходя изъ рода въ родъ.
И славою Пушкинскихъ созданій
И блескомъ ихъ очарованій
Гордиться будетъ нашъ народъ!

А. Б. Гуревичъ.

А. С. Пушкинъ

на югъ Россіи.

I.

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша смиренный.
Пока живетъ намъ — живи

И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Князевой, съ Портикомъ, и съ книгой
и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

(Къ П. П. Каверину).

первые шаги А. С. Пушкина на поприщѣ самостоятельной жизни, какъ извѣстно, были далеко не изъ удачныхъ. Окончивши курсъ во второмъ разрядѣ, онъ былъ прикомандированъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 700 руб. асс. въ годъ, и этимъ — крайне скуднымъ даже для того времени — жалованьемъ вынужденъ былъ довольствоваться вплоть до самой ссылки своей въ с. Михайловское, въ 1824 г. Сергѣй Львовичъ былъ настолько не практиченъ въ веденіи своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, что никакъ не могъ сводить концы съ концами и однажды, на просьбу сына купить ему модные тогда бальные башмаки съ пряжками, наивно предложилъ свои старые, еще Павловскіе. Между тѣмъ, и происхожденіе изъ древней дворянской семьи, и воспитаніе въ привилегированномъ лицѣѣ, среди роскошной, можно сказать, обстановки, развили въ Александрѣ Сергѣевичѣ при-

вычки къ жизни на широкую ногу, къ удовлетворенію всѣхъ желаній, какъ бы они прихотливы ни были. И вотъ Пушкинъ сразу же попадаетъ на скользкую дорогу и чуть не на каждомъ шагу ставитъ себя въ довольно ложное положеніе. Онъ всюду лѣзетъ къ *золотой молодежи*, съ которой такъ мало имѣетъ общаго, и которая и сама въ недоумѣніи сторонится отъ невѣдомаго пришельца. Близкіе лицейскіе пріятели часто журили его по этому поводу; Александръ Сергѣевичъ начиналъ обнимать и щекотать ихъ, что обыкновенно дѣлалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чувствовалъ себя почему-либо неловко и хотѣлъ замѣть не совсѣмъ пріятный для него разговоръ.

Желаніе вести жизнь на широкую ногу встрѣчало непреодолимое препятствіе въ крайней ограниченности жалованья, которого онъ не могъ пополнить литературнымъ заработкомъ, такъ какъ въ то время не платили еще за печатаніе произведеній въ журналахъ и альманахахъ; попытки войти въ кругъ „золотой молодежи“ сталкивались съ вѣковыми предрасудками аристократизма. Эти неудачи заронили первую искру недовольства окружающимъ и окружающими въ душу пылкаго юноши, имя котораго дѣлалось въ обществѣ довольно уже популярнымъ, какъ имя подающаго большія надежды поэта. Внутренняя неудовлетворенность, уязвленное самолюбіе поэта, считавшаго себя въ правѣ вездѣ и во всемъ первенствовать и вообще играть одну изъ главныхъ ролей, въ связи съ „вѣтренностью“ и „рѣзвостью“ по свидѣтельству лицейскихъ аттестацій,¹⁾ не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ чисто школьническихъ шалостей и выходокъ. Увлечшись свѣтскою жизнью, онъ болѣзненно торопился насладиться ею вполне, не отдавая себѣ почти ни въ чемъ отчета, какъ одинъ изъ самыхъ задорныхъ членовъ общества *зеленой лампы*, какъ ревностный поклонникъ *Вакха* и *Киприды*. Александръ Сергѣевичъ при этомъ заставилъ служить имъ и музу, взявъ за образецъ для себя *Тибулла*, *Миру*, преимущественно же *Парни*.

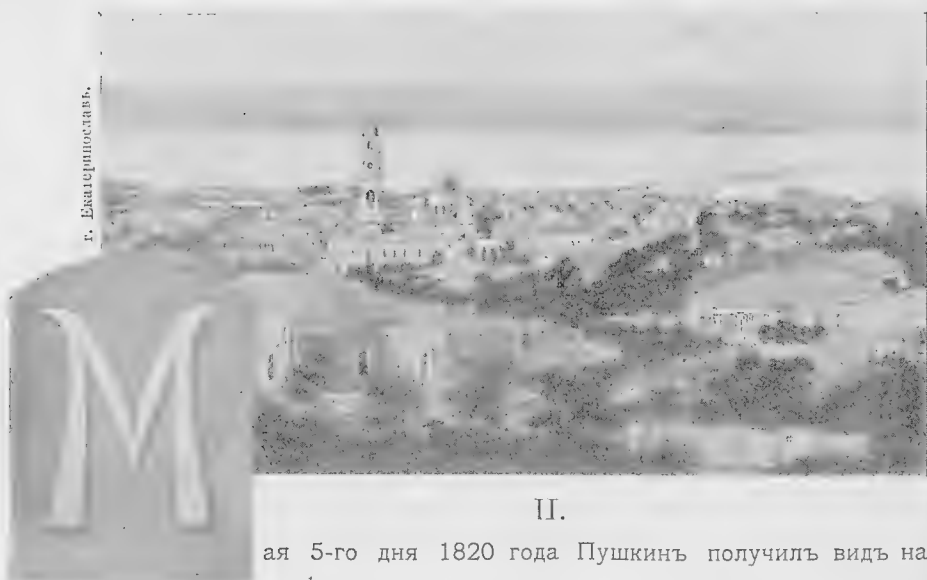
Сначала все сходило ему съ рукъ: ожидали, что пылъ страстей у юнаго поэта уляжется, и самъ онъ мало-по-малу уgomонится и остепенится. Но шалости и выходки Пушкина, въ особенности же его нецензурные памфлеты, сатиры на высокопоставленныхъ лицъ, чѣмъ *дальше*, тѣмъ становились все болѣе и болѣе вызывающими и, наконецъ, переполнили чашу долготерпѣнія смотрѣвшаго раньше сквозь пальцы начальства его. Когда доведено было обо всемъ до свѣдѣнія Императора Александра I, то, говорятъ, не смотря на всю благосклонность къ Пушкину Государя, живо интересовавшагося произведеніями такъ блистательно начинавшаго поэта, его предположено было сослать, *для охлажденія и вразумленія*, въ отдаленныя и суровыя Соловки. Друзья Пушкина заволновались: *П. Я. Чаадаевъ* тотчасъ же отправился къ знаменитому

¹⁾ Шляпкинъ. „Малоизвѣстныя и неизвѣстныя свѣдѣнія къ біографіи А. С. Пушкина“. Спб. 1899.

историку *Н. М. Карамзину* съ просьбою походатайствовать за Пушкина предъ имп. *Маріей Ѳеодоровной* и непосредственнымъ начальникомъ его по службѣ графомъ *И. А. Каподистрію*. Самъ же Пушкинъ отнесся къ стряшейся надъ нимъ бѣдѣ, повидимому, съ полною беззаботностію и чисто дѣтскимъ добродушіемъ. Когда С.-Петербургскій генераль-губернаторъ гр. *Милорадовичъ*, для производства дознанія, пригласилъ Пушкина къ себѣ и въ его присутствіи отдалъ приказаніе полиціимейстеру опечатать его квартиру и всѣ бумаги, Александръ Сергѣевичъ, по словамъ *П. Бартенева*, сказалъ: „Графъ! вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.“ Графъ, тронутый такою непринужденною откровенностію, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevaleresque!“ и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ *контрабандные* стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Затѣмъ Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшихъ приказаній. По другимъ же рассказамъ, въ то время какъ Пушкинъ, сидя за столомъ, писалъ стихи, графъ ходилъ по комнатѣ, исподоволь прочитывалъ ихъ и помиралъ отъ смѣху. Императоръ, встрѣтившись послѣ этого какъ-то въ царско-сельскомъ саду съ директоромъ лицея *Е. А. Энгельгардтомъ*, пригласилъ его пройтись съ собою.—„Энгельгардтъ!—сказалъ Государь: Пушкина надо сослать... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный поступокъ его съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.“—„Воля Вашего Величества,“—отвѣчалъ на это Энгельгардтъ,—но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, Государь, лучше вразумить его.“¹⁾ Ходатайство указанныхъ выше лицъ и въ особенности ручательство *Н. М. Карамзина*, что *Пушкинъ* не станетъ больше писать памфлетовъ, сатиръ и эпиграммъ подобнаго рода, сдѣлали свое дѣло. Въмѣсто ссылки въ Соловки, Пушкинъ былъ только удаленъ изъ С.-Петербурга и переведенъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края генераль-лейтенанта *И. Н. Инзова*, состоявшую въ вѣдѣніи того же министерства иностранныхъ дѣлъ.

Такъ неожиданно закончились для *А. С. Пушкина* первые шаги самостоятельной жизни его. Изъ круговорота шумной столицы судьба бросала теперь поэта на глухую окраину Новороссіи, гдѣ едва только еще зарождалась настоящая гражданская жизнь.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1096, 1898.

II.

ая 5-го дня 1820 года Пушкинъ получилъ видъ на проѣздъ и прогонныя деньги изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и оставилъ столицу. На перекладныхъ, въ красной рубахѣ и опояскѣ, въ поярковой шляпѣ, пустился онъ въ далекій и долгій путь по такъ называемому *Бѣлорусскому тракту*, на Могилевъ и Кіевъ. Изъ друзей только баронъ *А. А. Дельвишъ* и *М. Л. Яковлевъ* проводили его до Царскаго Села; съ нѣкоторыми же Александръ Сергѣевичъ, слишкомъ мало придававшій значенія происшедшей въ жизни его крутой перемѣнѣ, не простился даже. „Милый мой!—писалъ онъ П. Я. Чаадаеву на дружескій упрекъ послѣдняго въ этомъ: я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы?“ Начиная отъ Царскаго Села, Пушкину оставалось дѣлиться дорожными впечатлѣніями только развѣ съ вѣрнымъ, преданнымъ старикомъ *Никитой*, котораго дали ему въ *дядьки* родители при разставаньи.

Около половины мая Пушкинъ былъ уже въ Екатеринославѣ и представлялся новому своему начальнику, вручивши ему при первомъ же свиданіи письмо отъ гр. Каподистріи. Шумъ и кутежи столичной жизни смѣнились однообразнымъ коротаньемъ времени въ грязной, „гадкой жидовской избенкѣ“.

Вскорѣ же по приѣздѣ въ Екатеринославъ Пушкинъ сильно за-тосковалъ, „соскучился и поѣхалъ кататься по Днѣпру и схватилъ горячку“ (лихорадку) ¹⁾. Но судьба сжалилась надъ своимъ избранникомъ и послѣ,—хотя и короткаго, но довольно суроваго все же—урока подарила ему не мало счастливейшихъ минутъ, о которыхъ онъ такъ любилъ потомъ вспоминать.

¹⁾ Письмо къ Л. С. Пушкину отъ 24 сент. 1820 г.

19 мая того же 1820 г. выѣхалъ изъ Кіева на кавказскія минеральныя воды славный герой 12 года генералъ *Н. Н. Раевскій*, командовавшій въ описываемое время 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Ген. Раевского сопровождали въ этой поѣздкѣ: бывшій въ отпускѣ младшій сынъ его ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка *Николай Николаевичъ*, двѣ младшія дочери—15 лѣтняя *Марія* и совсѣмъ еще маленькая *Софья*, состоявшія при нихъ—англичанка миссъ *Мятенъ* и компаньонка татарка-выкрестка *Анна Ивановна* и военный врачъ *Рудыковскій*. Молодой Н. Н. Раевскій близко сошелся въ свое время съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Петербургѣ и даже оказалъ ему какія-то „важныя, вѣчно незабвенныя услуги.“¹⁾ Едва онъ вышелъ изъ коляски въ Екатеринославѣ, какъ почти тотчасъ же пустился въ поиски за пріятелемъ, и не успѣлъ еще Рудыковскій расположиться, послѣ дурной дороги, на отдыхъ, Раевскій уже вбѣжалъ, запыхавшись, въ комнату доктора со словами:

— Докторъ! я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна скорая помощь,—поспѣшите со мною!

„Нечего дѣлать,—разсказываетъ Рудыковскій,—пошли.

Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на дощатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ—небритый, блѣдный и худой.

— Вы нездоровы? спросилъ я незнакомца.

— Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался: кажется, простудился.

Осмотрѣвши тщательно больного, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ предъ нимъ лежала бумага.

— Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?

— Пишу стихи.

— Нашелъ,—думаю я,—и время и мѣсто.—Посоветовавши ему на ночь напитокъ чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другого дня.“²⁾

Молодой Раевскій этимъ не ограничился. Онъ уговорилъ отца взять Пушкина съ собою, для поправленія здоровья, на кавказскія минеральныя воды, и на другой день поутру Александръ Сергѣевичъ былъ уже въ домѣ Екатеринославскаго губернатора К., гдѣ остановился генералъ Раевскій. Инзовъ съ полною готовностью далъ отпускъ. Это вообще былъ человѣкъ весьма образованный, мягкій, уважавшій личность каждаго и понимавшій требованія и запросы молодой натуры. Онъ сразу же вникнулъ въ тяжелое положеніе молодого поэта, присланнаго къ нему подъ надзоръ за вредное направленіе, и безъ труда угадалъ, чѣмъ именно можно лучше всего помочь увлекавшемуся юношѣ, вся вина котораго зависѣла главнымъ образомъ отъ черезчуръ уже горячей крови.

¹⁾ Письмо къ Л. С. Пушкину отъ 24 сент. 1820 г.

²⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1841 г., № 1.

„Разстроенное здоровье (Пушкина) въ столь молодыя лѣта,—писалъ Инзовъ *Булакову*,—и непріятное положеніе, въ какомъ онъ, по молодости, находится, требовали, съ одной стороны, помощи, а съ другой —безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ..... я надѣюсь, что за сіе меня не побранятъ и не назовутъ баловствомъ; онъ малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется всегда скорлупою.“ ¹⁾

За обѣдомъ у губернатора Александръ Сергѣевичъ былъ веселъ и безъ умолку говорилъ съ сыномъ Раевского по-французски. Послѣ обѣда у него вновь начался ознобъ, жаръ и другіе признаки пароксизма. Рудыковскій сѣлъ за прописку рецепта.

— Докторъ, дайте что-нибудь получше,—дряни въ ротъ не возьму.

„Что будешь дѣлать?—продолжаетъ въ своей любопытной замѣткѣ Рудыковскій: прописалъ слабую микстуру. На рецептъ нужно написать кому. Спрашиваю.

— „Пушкинъ.“—Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лѣчу, какъ самаго простаго смертнаго, и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится“. ²⁾

Непредвидѣнные обстоятельства эти, благодаря которымъ Пушкинъ введенъ былъ въ семью Раевскихъ, были для него по истинѣ величайшимъ счастьемъ и кто знаетъ?—быть можетъ, создали намъ Пушкина именно такимъ, какимъ мы его имѣемъ. Семья Раевского суждено было сыграть въ жизни Пушкина и ходъ развитія его поэтическаго творчества выдающуюся роль.

И прежде всего, въ высшей степени важно уже было то, что Пушкинъ сразу попалъ въ совершенно иную сферу жизни, которая показала ему непроходимую бездну между безшабашными кутежами высшей петербургской молодежи и чистыми наслажденіями созерцанія чудной природы. Спустя всего лишь какихъ-нибудь два съ небольшимъ мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Петербурга, изъ глубины души поэта, умиротворившейся на нѣкоторое время подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ семьи Раевскихъ, вылились слѣдующіе сердечные искренніе стихи, имѣющіе громадную біографическую важность:

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,

¹⁾ В. А. Яковлевъ. „Знач. нашего (южнаго) края въ жизни и дѣятельности А. С. Пушкина,“ стр. 11.

²⁾ „Русск. Вѣстн.," 1841 г., № 1.

Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края,
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной . . . . .

Сближеніе Пушкина съ семействомъ Раевскихъ отводить и Екатеринославу не послѣднее мѣсто въ біографіи нашего великаго поэта, не говоря уже о томъ, что побѣгъ арестантовъ, скованныхъ вмѣстѣ, переплывшихъ чрезъ Днѣпръ и такимъ образомъ спасшихся, „ихъ отдыхъ на островъ и потопленіе одного изъ стражей“ дали богатый и благодарный сюжетъ для поэмы—„Братья разбойники,“ ¹⁾ о которой Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 14 окт. 1823 года: „Замѣчанія твои на счетъ моихъ *Разбойниковъ* не справедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ.“

г. Михеть.

¹⁾ Письмо къ кн. П. А. Вяземскому отъ 11 ноября 1823 г.

III.

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ прожилъ всего только двѣ недѣли. Генералъ Раевскій не сталъ откладывать поѣздки, и на слѣдующій день послѣ описаннаго выше обѣда у екатеринославскаго губернатора Раевскіе, въ двухъ каретахъ и коляскѣ, отправились далѣе, черезъ Землю Войска Донского. Лихорадка у Пушкина прошла, и онъ съ восторгомъ мчался въ открытой коляскѣ, коротая съ Раевскимъ—сыномъ скучные часы пути въ дружеской бесѣдѣ и воспоминаніяхъ о веселой петербургской жизни. Всѣ остальные ѣхали въ каретахъ.

Имя генерала Раевского, какъ славнаго героя 12-го года, который вывелъ въ дѣло при Салтановкѣ, 11 іюля, даже двухъ подростковъ—сыновей, слишкомъ хорошо было извѣстно всѣмъ, вслѣдствіе чего поѣздка его на кавказскія минеральныя воды отчасти напоминала собою триумфальное шествіе побѣдителя. Его вездѣ встрѣчали съ хлѣбомъ и солью и старались доставить всѣ возможныя удобства при остановкахъ. Благодаря этому, никто изъ путешественниковъ не чувствовалъ особеннаго утомленія, не смотря на южную жару. Въ Ростовѣ на Дону нашихъ путешественниковъ встрѣтилъ и принялъ атаманъ *Денисовъ*. За обѣдомъ Пушкинъ не послушался Рудыковского: поѣлъ бламанже—и снова заболѣлъ.

— Докторъ, помогите!—взмолился онъ къ Рудыковскому, изнемогая во время сильнѣйшаго приступа пароксизма.

— Пушкинъ, слушайте!

— Буду, буду!

Опять микстура. Во время дальнѣйшаго пути Пушкинъ уже ѣдетъ въ каретѣ съ старикомъ Раевскимъ; но пароксизмъ повторяется.

— Не ходите, не ѣздите безъ шинели,—убѣждаетъ Рудыковский.

— Жарко, мочи нѣтъ.

— Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.

— Нѣтъ, лучше ужъ лихорадка,—капризно замѣчаетъ Пушкинъ.

Пароксизмъ съ каждымъ новымъ приступомъ становится сильнѣе, мучительнѣе. Пушкинъ опять къ Рудыковскому.

— Докторъ, я боленъ.

— Потому что упрямы. Слушайте!

— Буду, Буду!

Благоразуміе, наконецъ, беретъ верхъ, и лихорадка прекращается.

Въ Пятигорскъ путешественники наши пріѣхали въ первыхъ числахъ іюня. Здѣсь ихъ встрѣтилъ пріѣхавшій раньше въ Пятигорскъ старшій сынъ генерала Раевского—отставной полковникъ Александръ Николаевичъ. Для Пушкина началась жизнь совершенно необычная, полуазиатская, о которой раньше зналъ онъ только развѣ по наслышкѣ. Ночи подъ открытымъ чарующимъ южнымъ небомъ, жизнь въ кибиткахъ и шалашахъ, лѣпящіяся у обрывовъ скалъ сакли, восхожденія на горы, своеобразные нравы черкесовъ, величественная природа и т. п. — все это подавляло Пушкина массою новыхъ впечатлѣній настолько, что онъ никакъ не могъ взяться за перо. Вотъ какъ описываетъ жизнь свою и свое душевное состояніе въ этотъ пріѣздъ на Кавказъ самъ онъ:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми

И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній,
Она погасла, пора стиховъ.....

И дѣйствительно, лира Пушкина замолкла почти совсѣмъ на два мѣсяца пребыванія его на Кавказѣ. Онъ какъ бы набирался новыхъ впечатлѣній, не могъ сразу справиться съ непрестаннымъ наплывомъ ихъ, не могъ, такъ сказать, тотчасъ же переварить ихъ. Съ Кавказа онъ послалъ въ печать только два дополненія къ „Руслану и Людмилѣ“ и эпилогъ къ этой поэмѣ, изъ котораго мы только-что привели не-

большую выдержку, и гдѣ, между прочимъ, о сближеніи своемъ съ Раевскими и поѣздкѣ съ ними на кавказскія минеральныя воды онъ говоритъ въ слѣдующихъ сердечныхъ стихахъ:

Я погибъ.... Святой хранитель	Ты умолила непогоду;
Первоначальныхъ бурныхъ дней,	Ты сердцу возвратила миръ;
О дружба, нѣжный утѣшитель	Ты сохранила мнѣ свободу,
Болѣзненной души моей!	Кипящей младости кумиръ!

„Два мѣсяца,—писалъ онъ потомъ брату отъ 24 сент. 1820 г.,—жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрные горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мной на острый верхъ пятихолмнаго Бештау, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся чась отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишни. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ,—и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи.“

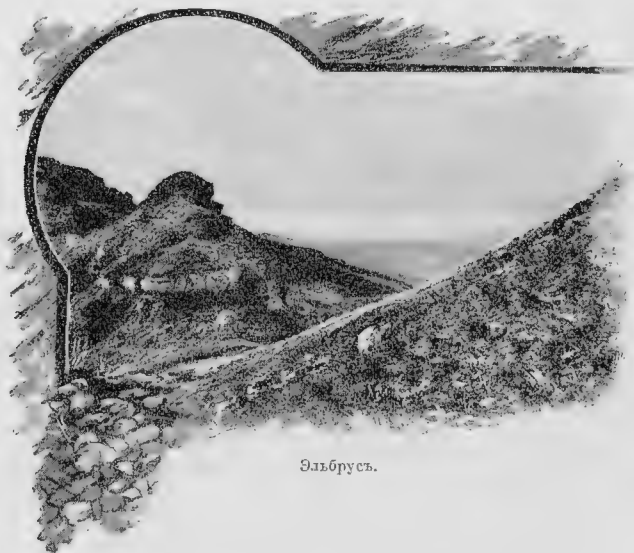
Благодушное настроеніе, въ какомъ теперь находился Пушкинъ, заставило его совершенно забыть недавнія невзгоды, и онъ не замедлилъ выкинуть чисто школьническую—невинную, впрочемъ—продѣлку. Дѣло было въ Горячеводскѣ, куда путешественники наши прибыли всѣ здоровыми и веселыми. Узнавши о пріѣздѣ генерала Раевского, комендантъ поспѣшилъ лично засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, а вскорѣ послѣ того прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. „Всѣ читали, любопытствовали,—разсказываетъ докторъ Рудыковский: послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ, но ничего и не подозрѣвалъ. Книгу и списокъ отослали къ коменданту. На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ.“

— Вы лейбъ-медики? пріѣхали съ генераломъ Раевскимъ?
— Послѣднее справедливо, но я не лейбъ-медики.
— Какъ не лейбъ-медики? Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта;
— бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выйти дурныя послѣдствія.

Бѣгу къ коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: тамъ въ свитѣ генерала вписаны—двѣ его дочери, два сына, *лейбъ-медики* Рудыковскій и *недоросль* Пушкинъ. Насилу убѣдилъ я коменданта все это исправить, доказывая, что я не *лейбъ-медики*, и что Пушкинъ не *недоросль*, а *питулярный совѣтникъ*, выпущенный съ этимъ чиномъ изъ Царско-сельскаго Лицея. Генераль порядочно пожурилъ Пушкина за эту шутку.

Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались¹⁾

Въ первыхъ числахъ августа Раевскіе закончили курсъ лѣченія на минеральныхъ водахъ и рѣшили отправиться для морского купанья на южный берегъ Крыма, кромѣ А. Н. Раевскаго, оставшагося въ Пятигорскѣ. Поѣхалъ, разумѣется, съ ними и Пушкинъ, при чемъ въ это свое посѣщеніе Кавказа онъ не видалъ ни Казбека, ни Терека и вообще ничего дальше лѣчебныхъ курортовъ. Отъ болѣзни его осталась только бритая голова, вслѣдствіе чего онъ носилъ красную феску, которая на первыхъ порахъ такъ смущала потомъ кишиневское „высшее общество“.

Эльбрусъ.

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1841 г., № 1.

у Чернаго
моря.

А. С. Пушкинъ

— НА ЮГЪ РОССІИ.

IV.

Переѣздъ въ Крымъ путешественники наши совершили черезъ Землю Черноморскихъ Казаковъ, по Кубани, о-бокъ съ воинственными и очень опасными въ то время *немирными* черкесами. Вотъ какъ описываетъ этотъ переѣздъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 24 сент. 1820 г.: „видѣлъ я берега Кубани; любовался нашими казаками; вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ёхалъ въ виду непріязненныхъ полей *свободныхъ* горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ёхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фителемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ воспревосходительный генералъ легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи,—думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣла рукъ человѣческихъ. Городъ ли это, древнія ли основанія башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*. Ряды кам-

ней, ровъ, почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнїя, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то французъ прїѣхалъ для разысканїй, но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣнїй. Изъ Керчи прїѣхали мы въ Кефу (Ееодосїю), остановились у *Броневскаго*, ¹⁾ человека почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города: виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человекъ, имѣетъ большія свѣдѣнїя о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда отправились мы моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ“ (Гурзуфъ).

Раевскому предоставленъ былъ въ полное распоряженіе военный бригъ для переѣзда отъ Керчи до Гурзуфа. Сначала Пушкина какъ будто мало занимало море, тѣмъ болѣе, что бригъ шелъ отъ Керчи до Ееодосїи вдаль отъ береговъ, которые, къ тому же, въ этой части Таврическаго полуострова не представляютъ рѣшительно ничего особеннаго. Всю ночь отъ Ееодосїи до Гурзуфа Пушкинъ не спалъ, бродилъ по палубѣ и, по свидѣтельству одной изъ спутницъ, что-то бормоталъ про себя: такъ появилась прекрасная элегія—„Погасло дневное свѣтило“, которую Пушкинъ въ сентябрѣ переслалъ брату съ просьбой передать ее *Гречу* для напечатанїя, но безъ подписи. Вскорѣ бригъ поплылъ ближе около береговъ, въ виду горъ, покрытыхъ тополями, виноградомъ, кипарисами и лаврами. Тамъ и сямъ мелькали татарскія деревушки.—„Вотъ Чатыръ-дагъ“, сказалъ Пушкину капитанъ брига, указывая на одну изъ самыхъ высокихъ крымскихъ горъ, стоящую какъ будто особнякомъ отъ другихъ и гордо поднимающуюся къ облакамъ въ видѣ продолговатаго шатра. Но Александръ Сергѣевичъ и при этомъ не обнаружилъ особаго любопытства. Передъ разсвѣтомъ Пушкинъ уснулъ. „Между тѣмъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу отъ 1824 г.,—корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ (Медвѣдь-гора; вдается въ самое море, на серединѣ пути между Алуштой и Гурзуфомъ, вблизи этого послѣдняго)... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный“.

Въ Гурзуфѣ нашихъ путешественниковъ ожидала жена генерала Раевского *Софія Алексѣевна*, урожденная *Константинова*, внучка М. В.

¹⁾ Броневскій, литераторъ и мартинистъ своего времени, находившійся съ Сперанскимъ въ религіозно-мистической перепискѣ, занималъ передъ тѣмъ должность Ееодосійскаго градоначальника.

Помоносова, и двѣ прекрасно образованныя дочери—старшая *Екатерина Николаевна*, вышедшая впослѣдствіи замужъ за кн. *М. О. Орлова*, и 16—17—лѣтняя *Елена Николаевна*. Для Пушкина началась здѣсь жизнь, о которой онъ всегда потомъ вспоминалъ не иначе, какъ съ величайшимъ восторгомъ.

Раевскіе поселились на прекрасной дачѣ, принадлежавшей въ то время Одесскому генералъ—губернатору дюку *Ришлье*, любезно предложенной имъ Раевскимъ (впослѣдствіи Гурзуфъ составлялъ владѣніе *И. И. Фундуклея*, а въ настоящее время—*П. И. Губонина*). Большой двухъ-этажный домъ утопалъ въ зелени роскошнаго сада. Съ одного балкона открывался видъ на безграничное море, съ другого—на утопающія въ синевѣ неба горы. И по сію пору еще уцѣлѣли въ Гурзуфѣ *Пушкинскій* высокій и стройный *кипарисъ* и *Пушкинскій* громаднѣйшій *платанъ*, подъ которыми Александръ Сергѣевичъ любилъ предаваться по цѣлымъ часамъ блаженному *far niente*. Раскидистыя, широколиственныя нижнія вѣтви платана касаются до земли, образуя непроницаемую для солнечныхъ лучей и дождя чудную бесѣдку; кипарисъ же хотя и гордо возвышается среди прочихъ своихъ собратьевъ, но въ нижней части ствола онъ совершенно уже лишенъ вѣтвей, усердно отламываемыхъ на память о посѣщеніи Гурзуфа почитателями поэта. Въ нижнемъ этажѣ дома владѣльца можно также видѣть комнату, въ которой жилъ и написалъ лучшія свои стихотворенія о Крымѣ Пушкинъ; въ ней, впрочемъ, ничего не сохранилось отъ пребыванія поэта въ Гурзуфѣ. Среди мѣстныхъ татаръ, по словамъ Евгеніи *Туръ*, жила еще въ 50-хъ годахъ легенда, будто, когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ (осенью!) съ нимъ вмѣстѣ; посѣщенія соловья возобновлялись и потомъ каждое лѣто; но съ тѣхъ поръ, какъ поэтъ умеръ, соловей болѣе не прилетаетъ ¹⁾.

Между Пушкинымъ и Раевскими установились самыя теплыя отношенія. Онъ чувствовалъ себя, какъ въ родной семьѣ. Съ Екатериной Николаевной онъ велъ самыя оживленныя бесѣды, переходившія нерѣдко въ горячіе споры, о литературѣ. Подъ руководствомъ Николая Николаевича (сына) продолжалъ ревностно изучать англійскій языкъ и Байрона, въ особенности когда узналъ, по секрету отъ пріятеля, что Елена Николаевна занимается переводомъ Байрона и Вальтеръ—Скотта.

Три недѣли жизни Пушкина въ Гурзуфѣ, среди такой обстановки и въ кругу такихъ людей, имѣли громадное значеніе и для развитія его творческаго генія и для его самообразованія, такъ какъ къ услугамъ

¹⁾ „Крымскія письма“, „Спб. Вѣдомости“, 1854 г., письмо 5-ое.—Съ указанною легендою мы еще встрѣтимся въ этой же главѣ.

любопытнаго поэта была довольно богатая старинная библіотека Ришилье въ Гурзуфскомъ его домѣ. „Счастливейшія минуты жизни провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского,—писалъ онъ все въ томъ же письмѣ къ брату отъ 24 сент. 1820 г.: я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелестъ; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ; свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства,—жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣтъ опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

О самой жизни своей въ Гурзуфѣ Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго: (въ дек. 1824 г.) „въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ: я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дому росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество“.

Въ творествѣ Пушкина замѣчается въ это время довольно важный переломъ. „Холодные, хотя и блестящіе, образы обычныхъ спутницъ всякой молодости, которыми занималась муза Пушкина до 1819 года, теперь,—по словамъ П. В. Анненкова,—совсѣмъ пропадаютъ, и мѣсто ихъ заступаютъ образы антологическихъ его стихотвореній, полныя жизни и чувства. Нельзя не согласиться, что большая часть ихъ навѣяна чтеніемъ Андрея Шенье, но есть между обоими поэтами и существенная разница. Пушкинъ сокращаетъ представленія Шенье, когда беретъ его за образецъ, и даетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемая подлинникомъ. Качества эти еще сильнѣе выступаютъ въ собственныхъ его созданіяхъ, и тогда къ аттической граціи очертаній присоединяется у него тонкій психологическій анализъ. Таковы стихотворенія: *Неренда*, *Дорида*, *Доридъ* и проч., написанныя въ это время. Мы имѣемъ полное право сказать, что красота формы, гармонія внѣшнихъ линій были первымъ навѣяніемъ классической Тавриды, первымъ ея подаркомъ поэту—странствователю“.¹⁾

¹⁾ П. В. Анненковъ. „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“, изд. 2, стр. 62.

Съ этого же времени начинается и вліяніе на Пушкина британскаго „гордости поэта“ Байрона, котораго онъ усердно изучалъ въ Гурзуфѣ. Теплота же лиризма и его задушевность объясняются тѣмъ, что Пушкинъ влюбился въ одну изъ Раевскихъ—и притомъ влюбился безъ взаимности. Нѣкоторые изъ біографовъ думаютъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Екатерину Николаевну, другіе—что въ Елену Николаевну; по нашему же мнѣнію—вѣрнѣе всего въ Марію Николаевну, вышедшую замужъ за кн. *С. Г. Волконскаго*. Отправляясь въ Сибирь къ сосланному мужу, она встрѣтилась въ послѣдствіи съ Пушкинымъ въ Москвѣ, въ домѣ родственницы своей кн. *З. А. Волконской*, у которой собирались многіе проводить уѣзжавшую въ далекіе края. *Некрасовъ* такъ передаетъ воспоминанія ея при этомъ:

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ.
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы и Черное море.
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ 16-й годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ.
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала;
Когда же приливъ возвращался опять,
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!...
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, но я

Ботинки мои промочила:
— „Молчите! идетъ гувернантка моя!“
Сказала я строго... (я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ „Онѣгинѣ“ чудныя строки.
Я вспыхнула вся—я довольна была...
Теперь я стара, такъ далеки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но по правдѣ сказать —
Въ кого онъ тогда ни влюблялся!
Но думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли
Не болѣ любви занимали его
Волненья ея и печали.
Юрзуфъ живописенъ...
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился,
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки;
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ,
По-англійски бралъ онъ уроки...
Окончивъ занятъя, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ;
У самой террасы стоялъ кипарисъ,
Поэтъ называлъ его другомъ;
Подъ нимъ заставлялъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
„Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Пѣтъ соловей—повѣствуетъ народъ—
Летаетъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта.
Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,

Кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря“...
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срывають.

Въ Гурзуфѣ же Александромъ Сергѣевичемъ сдѣланы и первые наброски „Кавказскаго плѣнника“.

Въ концѣ августа Пушкинъ вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ и Раевскимъ—сыномъ оставилъ Гурзуфъ. Переваливать черезъ горный хребетъ имъ нужно было по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ,—разказываетъ Пушкинъ объ этомъ пути своемъ въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго, (въ дек. 1824 г.)—взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ то-сковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, міеологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риемы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...

(см. „Посланіе къ Чаадаеву“.)

Такъ, видъ развалинъ храма Діаны (греческой Артемиды) вызвалъ въ воображеніи Пушкина древне-греческую легенду, извѣстную ему, вѣроятно, по трагедіи Эврипида—„Ифигенія въ Тавридѣ“, сюжетъ кото-

рой состоитъ въ томъ, что, преслѣдуемый Эвменидами, Орестъ пріѣзжаетъ въ Тавриду съ цѣлью похитить статую Артемиды; но самъ едва не приносится въ жертву Діанѣ Скиѣской родною сестрою своею, жрицею этой богини.

Но не одна эта легенда пришла на память поэту въ Крыму. Въ дополненіи къ „Евгенію Онѣгину“, въ его путешествіи, онъ такъ воспоминаетъ о Крымѣ:

Воображенію край священный!
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ *Аицкевичъ* вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Въ Бахчисарай, гдѣ присоединились къ нашимъ путешественникамъ и остальные члены семьи генерала Раевского, оставшіеся было на нѣсколько дней еще въ Гурзуфѣ, Пушкинъ пріѣхалъ вновь больной лихорадкой и едва взглянулъ на ржавую трубку знаменитаго фонтана, изъ которой по каплямъ падала вода. Ханскій дворецъ поэтъ „обогшелъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ“ его „по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище,—

Но не тѣмъ

Во то время сердце полно было!

лихорадка... мучила“ поэта ¹⁾

Впрочемъ, равнодушіе это кажется намъ нѣсколько напускнымъ или, по крайней мѣрѣ, преувеличеннымъ. Иначе—чѣмъ объяснить обаятельную увлекательность стихотворенія—„Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, написаннаго вскорѣ послѣ этого посѣщенія Бахчисарая, гдѣ всѣ указанные въ письмѣ предметы представляются совершенно въ другомъ свѣтѣ? Чѣмъ объяснить также совершенно не гармонирующее съ общимъ тономъ всего письма къ бар. А. А. Дельвигу, въ которомъ Пушкинъ описываетъ другу посѣщеніе Бахчисарая, его заключеніе: „Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленные съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?...“ и проч.

¹⁾ Письмо къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго, отъ 1824 г. (дек.).

Искренняя сердечная привязанность Пушкина къ семейству Раевскихъ—и въ особенности, надо полагать, нераздѣленная любовь къ одной изъ дочерей знаменитаго генерала—дѣлали для поэта разлуку съ ними очень тяжелою, и онъ всячески старался оттянуть день прощанья. Пушкинъ ѣдетъ съ Раевскими въ Кіевъ, а затѣмъ и въ с. Каменку, Кіевской губ., гдѣ жила мать генерала Раевского, урожденная графиня *Самойлова*, по второму мужу *Давыдова*. Въ Каменкѣ онъ познакомился съ двумя сыновьями Давыдовой отъ втораго брака—*Александромъ* и *Василіемъ Львовичами* и очень скоро довольно близко сошелся съ женою перваго, веселой и любезной француженкой гр. *Грамонъ*.

Однако, пора уже было подумать и о возвращеніи на мѣсто службы. И вотъ, во второй половинѣ сентября, Пушкинъ распростился съ Раевскими и отправился—но уже не въ Екатеринославъ, а въ Кишиневъ, такъ какъ намѣстникъ Бессарабской области *А. Н. Бахметевъ* взялъ продолжительный отпускъ для излѣченія отъ ранъ, при чемъ должность его поручена была временно *И. Н. Инзову*. Инзовъ, переѣхавши, въ качествѣ намѣстника Бессарабіи, въ Кишиневъ, перевелъ туда и Попечительный Комитетъ о колонистахъ Южнаго края, вслѣдствіе чего Кишиневъ уже является мѣстомъ дальнѣйшей службы Пушкина, а не Екатеринославъ.

У Чернаго моря.

г. Кишиневъ при Пушкинѣ.

V.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ прожилъ безъ малаго три года, съ 21-го сентября 1820 г. и до весны 1823 г. Этотъ періодъ жизни Пушкина приводитъ лучшихъ біографовъ его въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ онъ слишкомъ уже богатъ „остроумными“ и вообще различными „проказами“ неугомонившагося поэта. Дѣйствительно, жизнь Пушкина въ Кишиневѣ—и отчасти потомъ въ Одессѣ—носитъ характеръ безпорядочности и подчасъ вызывающаго ухарства.

П. В. Анненковъ, въ своей монографіи: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, кишиневскій періодъ жизни Александра Сергѣевича называетъ „самою бурною эпохою“, „періодомъ пыла и порывовъ, Sturm und Drang, какой немногіе изживали на вѣку своемъ“ (стр. 212). Это была „ночь, облежавшая сознаніе поэта“, „исторія заблужденій самаго свѣтлаго ума эпохи“ (стр. 179). Главное руководительное начало, которое заправляло жизнью Пушкина въ эту эпоху и было источникомъ всѣхъ его вольныхъ и невольныхъ *заблужденій*, Анненковъ указываетъ въ своеобразномъ *русскомъ байронизмѣ*. Исторія развитія байроническаго направленія у насъ на Руси, говоритъ онъ, и есть собственно исторія Пушкина за все время пребыванія его на югѣ Россіи. Тамъ Пушкинъ приобрѣлъ его, и тамъ же его пережилъ и побѣдилъ. Но *байронизмъ* русскій вообще—и байронизмъ Пушкина въ особенности—имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На русской почвѣ байроническое настроеніе приобрѣло совершенно особыя черты, совершенно особую, чисто мѣстную, національную окраску и въ крайнихъ своихъ порывахъ обнаруживалось въ совершенно анти-гуманныхъ проявленіяхъ (стр. 149). Русскій байронизмъ, напр., проповѣдывалъ безцеремонно-развязное

обращеніе съ людьми, къ какому бы полу, званію, состоянію и общественному положенію ни принадлежали они; „никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе за границей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ и ко всякому моральному и матеріальному страданію, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы, *русскій байронизмъ* уже строился на странномъ, ничѣмъ не оправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо-бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ подражаніемъ аристократическимъ приемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно“ (стр. 170—171).

Съ байронизмомъ Пушкинъ впервые познакомился на Кавказѣ, изъ бесѣдъ съ Раевскими вообще и главнымъ образомъ съ Александромъ Николаевичемъ. А. Н. Раевскій уже въ то время пользовался прочно установившеюся репутаціею *скептическаго ума*. Долгія бесѣды его съ Пушкинымъ на берегахъ Подкумка, въ виду величаваго Бештау, о которыхъ Александръ Сергѣевичъ не безъ удовольствія вспоминаетъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“, какъ нельзя лучше подготовили почву въ вольнолюбивомъ поэтѣ къ усвоенію байронизма именно въ *русскомъ духѣ* и окружили А. Н. Раевского въ представленіи Пушкина какимъ-то демоническимъ величіемъ. Не даромъ нѣкоторые стихотвореніе: „Демонъ“ всецѣло относятся къ А. Н. Раевскому, а самъ Пушкинъ, какъ мы уже знаемъ, писалъ брату, что „старшій сынъ (Раевского) будетъ болѣе, нежели извѣстенъ“, и, при тогдашнемъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ переменъ во всѣхъ углахъ Европы, отзывался о немъ, какъ о чловѣкѣ, „которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій“ (стр. 152). Уроки брата продолжала потомъ въ Гурзуфѣ Екатерина Николаевна Раевская, отличавшаяся такою твердостью и подчасъ рѣзкой даже прямою своего слова, что въ Кишиневѣ, послѣ выхода замужъ за дивизіоннаго командира М. Ѳ. Орлова, друзья дома въ кругу своемъ обыкновенно называли ее *Марою Посадницей*. Помощницами Екатерины Николаевны въ дѣлѣ воспитанія Пушкина въ духѣ байронизма были сестры ея—Елена и Марія. Вообще, жизнь Пушкина, съ Раевскими на Кавказѣ, въ Крыму и затѣмъ нѣкоторое время въ Каменкѣ совершенно пересоздала его.

Завершеніємъ перерожденія Пушкина подъ указаннымъ вліяніємъ Раевскихъ была поѣздка его въ январѣ—февралѣ мѣсяцѣ 1821 г. въ Кіевъ (въ оригиналѣ подъ стихотвореніемъ—„Морской берегъ“—выставлено: „8-го февраля 1821. Кіевъ“), а оттуда, въ февралѣ же, въ Каменку, съ разрѣшенія И. Н. Инзова, по случаю выхода замужъ Ек. Н. Раевской за генерала М. Ѳ. Орлова. Здѣсь, между прочимъ, Пушкинъ окончилъ своего „Кавказскаго плѣнника“, и здѣсь же встрѣтилъ онъ въ этотъ свой пріѣздъ декабриста *И. Д. Якушкина*, объѣзжавшаго южный край съ цѣлю узнать мнѣнія членовъ бывшаго „Союза благоденствія“ и вообще мнѣнія мѣстныхъ либераловъ объ упраздненіи „Союза“, рѣшенномъ московскимъ кружкомъ, а равно и относительно всякихъ тайныхъ обществъ. Наканунѣ отъѣзда Якушкина изъ Каменки составлено было нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія по этимъ вопросамъ. Пушкинъ горячо отстаивалъ необходимость тайныхъ обществъ въ Россіи и ожидалъ немедленнаго посвященія своего въ члены тайнаго общества, хотя въ заговорщики онъ менѣе всего пригоденъ былъ какъ по характеру своему, такъ и по своимъ душевнымъ убѣжденіямъ, а не по временнымъ, наноснымъ мнѣніямъ и взглядамъ. Самая Каменка влекла Пушкина къ себѣ и держала подъ своимъ вліяніемъ и обаяніемъ не революціонной пропагандой, которой тамъ, собственно говоря, и не было, а, какъ говоритъ П. В. Анненковъ, „тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ею усвоеннымъ“, а также—добавимъ мы отъ себя—и нераздѣленною любовью къ М. Н. Раевской. „Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой *отъ предразсудковъ*, смѣлостію выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась предъ глазами его и служила какъ бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія“ (стр. 181).

Довольно яркимъ отраженіемъ взглядовъ, вынесенныхъ Пушкинымъ изъ Каменки, является *Наставленіе* его брату на французскомъ языкѣ, при выходѣ Льва Сергѣевича въ свѣтъ, преподанное въ самый разгаръ увлеченія Александра Сергѣевича Знаменкою. „Въ твои лѣта, — пишетъ онъ, — слѣдуетъ подумать тебѣ объ избираемомъ пути... Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самаго начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ, и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостію, и тебя не будутъ раздражать мелкіе предраз-

судки и мелкія страсти, на которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ. Будь со всѣми холоденъ,—черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были они предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая. Не будь угодливъ и гони прочь отъ себя чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, наклоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ за низость, потому что всегда рады судить о другихъ по себѣ. Никогда не принимай благодаренія: оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно поработшаетъ и унижаетъ. Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя бесполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старой обезьяны 18-го вѣка... Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ. Коль скоро твое состояніе или обстоятельства не позволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе. Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность. Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною изъ горькаго опыта. Желая, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня, и чтобы тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытываешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но я не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни" ¹⁾).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта наносная мизантропическая проповѣдь въполнѣ уживалась въ Александрѣ Сергѣевичѣ съ жаждою шумныхъ восторговъ и рукоплесканій толпы, возвращенія въ кругъ столичныхъ друзей и веселой свѣтской жизни среди нихъ,—словомъ, онъ, какъ и другіе наши доморощенные байронисты, попрежнему оставался, въ полномъ смыслѣ слова, рабомъ того самаго свѣта, презирать который учитъ брата.

Изъ письма Н. М. Карамзина къ *Дмитріеву* оказывается, что, благодаря вліянію благороднаго гр. И. А. Каподистрії, правительство ничего

¹⁾ Русск. Арх., 1866., кн. 8—9, стр. 1146—1147.

не имѣло противъ отпуска Пушкина на кавказскія минеральныя воды, ассигновало ему 1000 руб. единовременнаго пособія и въ самомъ непродолжительномъ времени предполагало совсѣмъ простить его и вернуть въ столицу ¹⁾). Съ тѣхъ поръ Пушкинъ не переставалъ мечтать о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ, какъ это видно изъ его переписки съ друзьями, и на возвращеніе въ Кишиневъ смотрѣлъ, какъ на ненужную совсѣмъ и потому въ высшей степени досадную проволочку. Между тѣмъ обстоятельства сложились совершенно иначе. Послѣ Лайбахскаго конгресса 1821 г., на который И. А. Каподистрія сопровождалъ государя, графъ отказался отъ должности статсъ-секретаря, а въ слѣдующемъ 1822 году и совсѣмъ покинулъ Россію; Пушкинъ былъ отчасти забытъ, отчасти же—и это главное—самъ себя повредилъ своимъ байронизмомъ и вообще кишиневскими *дебашами*, слухи о которыхъ,—часто, можетъ быть, даже въ преувеличенномъ видѣ,—разумѣется, доходили до Петербурга. Несбывшіяся ожиданія, само собою понятно, еще болѣе раздражали Пушкина, и это раздраженіе проявлялось все въ той же беспорядочности поведенія. Съ этихъ поръ доморощенный русскій байронизмъ окончательно завладѣваетъ имъ и подчиняетъ его себя безраздѣльно. Съ рокового 1821 года начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и крайняго отрицанія; завершившаяся въ 1822 г., послѣ цѣлаго ряда мелкихъ, недостойныхъ нашего поэта, произведеній, „сатанинской“, „чувственной и страстной поэмой“, которой онъ сообщилъ „изумительную отдѣлку“. „Поэма эта,—по словамъ П. В. Анненкова,—нажила Пушкину много хлопотъ впослѣдствіи, а что всего важнѣе—составила для него предметъ неумолкаемыхъ угрызений совѣсти и вѣчнаго раскаянія—до конца жизни“, (стр. 176—179). Бартеневъ же говоритъ по поводу этой поэмы: „къ 1822 г. слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая впослѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ и сердился, когда ему напоминали о ней“ ²⁾).

Не мало пищи байронизму Пушкина давали и политическія событія того времени и въ особенности та среда, въ которой очутился онъ въ Кишиневѣ. Пушкинъ вернулся въ Кишиневъ, можно сказать, накануне бѣгства изъ города князей *Кантакузена* и мелкаго, неспособнаго и кровожаднаго *А. Инсиланти* въ Молдавію и начала греческой революціи. Возстаніе этеристовъ, во имя свободы и возстановленія попранныхъ человѣческихъ правъ, увлекло весьма многихъ въ то время и окружило этеристовъ ореоломъ героевъ; всѣ заранѣе готовили имъ

¹⁾ „Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ“, стр. 290.

²⁾ „Русск. Архив.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1179.

славное безсмертіе въ исторіи и неувядаемые вѣнцы поборниковъ и мучениковъ за свободу. Не избѣгъ этого общаго увлеченія и Пушкинъ, тѣмъ болѣе, что возстаніе этеристовъ было вполне въ духъ байронизма. Онъ съ увлеченіемъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ возстанія, ведетъ ему довольно обстоятельный журналъ, ѣдетъ, съ разрѣшенія Инзова, тотчасъ же по возвращеніи изъ Каменки, въ Одессу, шлетъ каменскимъ обитателямъ подробныя донесенія о ходѣ революціи и т. п. Но скоро Пушкинъ ближе узнаетъ главнѣйшихъ этеристовъ, разочаровывается въ нихъ и восторженный тонъ о нихъ мѣняется на сатирическій.

Кишиневское общество, среди котораго очутился Пушкинъ послѣ своего возвращенія изъ лѣтняго отпуска, было совершенно особенное. Прошло всего *восемь* лѣтъ, какъ Бессарабія находилась подъ властью Россіи, и И. Н. Инзовъ былъ только еще *вторымъ* намѣстникомъ ея. Населеніе Кишинева состояло главнымъ образомъ изъ молдаванъ, болгаръ и жидовъ; не мало можно было встрѣтить также и грековъ, турокъ, нашихъ малороссовъ, нѣмцевъ, караимовъ, арнаутовъ, французовъ, даже итальянцевъ. Сколько пестрыхъ народностей, столько же различныхъ говоровъ, внѣшнихъ нарядовъ, разнообразныхъ обычаевъ. Русскихъ еще было слишкомъ мало, если не считать солдатъ и немногочисленныхъ сравнительно чиновниковъ. „Кишиневское общество;—по словамъ П. В. Анненкова,—какъ и всякое другое, искало удовольствій и развлеченій, но, благодаря своему составу изъ помѣси греко-молдавскихъ національностей, оно имѣло забавы и наклонности, ему одному принадлежащія. Многія изъ его фамилій сохраняли еще черты и преданія турецкаго обычая, что, въ соединеніи съ національными ихъ пороками и съ европейской испорченностью, представляло такую смѣсь нравовъ, которая раздражала воображеніе и туманила разсудокъ, особенно у молодыхъ людей, попадавшихъ въ эту атмосферу любовныхъ интригъ всякаго рода.... Съ перваго раза бросалось въ глаза повсемѣстное отсутствіе въ туземномъ обществѣ не только моральныхъ правилъ, но и простого органа для ихъ пониманія. То, что повсюду принималось бы, какъ извращеніе вкусовъ или какъ тайный порокъ, составляло здѣсь простую этнографическую черту до того общую, что объ ней никто и не говорилъ, подразумѣвая ее безъ дальнѣйшихъ околичностей.“¹⁾ Пушкинъ, разумѣется, не замедлилъ окунуться въ этотъ омутъ своеобразной кишиневской жизни и ни въ чемъ не отставалъ отъ другихъ. Съ одинаковымъ увлеченіемъ онъ посѣщалъ и карточные вечера у вице-губернатора *М. Е. Крюпянскаго*, и танцевальныя вечера у члена верховнаго совѣта *Е. К. Варволомея*; заводилъ любовныя

¹⁾ „А. С. Пушкинъ, Матеріалы“, стр. 188—189.

интриги въ Кишиневѣ, поддерживалъ ихъ и въ Одессѣ; куда такъ часто отпрашивался у добродушнаго И. Н. Инзова. Въ отношеніяхъ съ женщинами въ это время своей жизни онъ былъ слишкомъ развязенъ, чтобы не сказать болѣе; съ представителями же мужской части кишиневского общества—нахально-дерзокъ, въ особенности когда общество это, послѣ окончательнаго пораженія А. Ипсиланти турками въ Валахіи, наводнилось инсургентами, разбѣжавшимися въ разныя стороны, кто куда могъ. Новые пришельцы, за исключеніемъ очень немногихъ образованныхъ греческихъ фамилій, состояли изъ фанаріотовъ, молдаванъ и бродягъ, которые принесли съ собой, вмѣстѣ съ навыкомъ къ интригамъ, коварному раболопству и лицемѣрію, еще свѣжія преданія своихъ полуразбойническихъ лагерей. Съ такими людьми другого обращенія и не могло быть, чтобы удержать ихъ въ должныхъ границахъ. Но презрительное отношеніе къ личностямъ подобнаго рода укоренилось съ теченіемъ времени въ Пушкинѣ настолько, что онъ,—быть можетъ, даже самъ того не замѣчая,—позволялъ себѣ иногда такое же отношеніе и ко всѣмъ вообще, что доставляло и ему и сталкивавшимся съ нимъ въ обществѣ людямъ, нерѣдко вполнѣ почтеннымъ и достойнымъ, не мало огорченій и непріятностей.

Всѣ указанные отрицательные „элементы, участвовавшіе въ образованіи одного изъ самыхъ мятежныхъ періодовъ въ жизни Пушкина“, по словамъ П. В. Анненкова, были причиною того, что Александръ Сергѣевичъ съ самаго же начала этого періода своей жизни „становится подверженъ частымъ вспышкамъ неудержимаго гнѣва, которыя находили на него по поводу ничтожнѣйшихъ случаевъ жизни, но особенно при малѣйшемъ подозрѣніи, что на пути къ осуществленію какой-либо, болѣе или менѣе рискованной, затѣи встрѣчается посторонній, мѣшающій чловѣкъ. Самолюбіе его дѣлается болѣзненно чуткимъ и раздражительнымъ. Онъ достигаетъ такого неумѣреннаго представленія о правахъ своей личности, о свободѣ, которая ей принадлежитъ, о чести, которую она обязана сохранять, что окружающіе, даже при самомъ добромъ желаніи, не всегда могутъ принаровиться къ этому кодексу. Столкновенія съ людьми умножаются. Чѣмъ труднѣе оказывается провести черезъ всѣ случаи жизни своевольную программу поведенія, имъ же самимъ и придуманную для себя, тѣмъ требовательнѣе еще становится ея авторъ. Подозрительность его растетъ: онъ видитъ преступленія противъ себя, противъ своихъ неотъемлемыхъ правъ въ каждомъ сопротивленіи, даже въ оборонѣ отъ его нападковъ и оскорбительныхъ притязаній. Въ такія минуты онъ уже не выбираетъ словъ, не взвѣшиваетъ поступковъ, не думаетъ о послѣдствіяхъ. Дуэли его въ Кишиневѣ приобрѣли всеобщую извѣстность... но сколько еще ссоръ, грубыхъ расправъ, рискованныхъ предпріятій, оставшихся безъ послѣдствій и не

сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ! Пушкинъ въ это время безпрестанно ставилъ на карту не только жизнь, но и гражданское свое положеніе: по счастью, карты—до поры до времени—падали на его сторону... Самъ Пушкинъ дивился подчасъ этому упорному благо-расположенію судьбы и давалъ зарокъ друзьямъ обходиться съ нею осторожнѣе и не посылать ей безпрестанные вызовы; но это уже было внѣ его власти. Ко всѣмъ другимъ побужденіямъ нарушать обѣтъ *присоединилась* у него еще одна нравственная особенность. Онъ не могъ удерживаться именно отъ соблазна идти на встрѣчу опасности, какъ только она представлялась, хотя бы въ ней не были замѣшаны его честь и личное достоинство, хотя бы она даже не обѣщала ни славы, ни удовлетворенія какому-либо нравственному чувству. Ему нужно было только дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военного человѣка, не отгадывающаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза, и не *выступила* краска на лицѣ, а передъ всякимъ дѣломъ, гдѣ нуженъ былъ рискъ, онъ становился тотчасъ же спокоенъ, веселъ, простъ. ¹⁾ Къ сожалѣнію, можно предполагать, что въ описываемый..... періодъ Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, готовый платить за каждый свой поступокъ такой цѣнной наличной монетой, какова жизнь, имѣетъ право распоряжаться и жизнью другихъ по своему усмотрѣнію.—Такимъ представляется намъ въ окончательномъ своемъ видѣ *русскій байонизмъ*,—эта замѣчательная черта эпохи,—развитый въ Пушкинѣ стеченіемъ возбуждающихъ и потворствующихъ обстоятельствъ и усиленный еще молодостью и той горячей полу-африканской кровью, которая текла въ его жилахъ.“ ²⁾).

Спасеніемъ изъ этого „нравственнаго урагана“, постигшаго Пушкина въ Кишиневѣ, онъ, по мнѣнію Анненкова, обязанъ единственно силѣ своего *поэтическаго творчества*, но творчества не *тенденціознаго*, приведшаго Пушкина только къ созданію „того цикла художественныхъ шалостей, которому французы даютъ названіе *diableries*—чертовщины“ и „сатанинской чувственной и страстной поэмы“, ³⁾ а творчества *чистаго*. Это послѣднее обнаруживало во всемъ обаяніи и величіи тайну его генія и указывало ему самому настоящія качества его ума и сердца.“ Пушкинъ перерождался нравственно, когда приступалъ къ созданію произведеній, предназначавшихся имъ для всего читающаго русскаго міра. Духъ его какъ-то внезапно свѣтлѣлъ и устраивался по-празднич-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866, кн. 10, стр. 1453—1454.

²⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 208—210.

³⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 174—178.

ному, возвышаясь надъ всѣмъ, что его сдерживало, томило и угнетало. Самыя подробности жизни, тяготѣвшія надъ его умомъ, разрѣшались въ тонкіе поэтическіе намеки и черты, сообщавшіе произведенію, такъ сказать, запахъ и окраску дѣйствительности. Онъ долженъ былъ самъ любоваться тѣмъ нравственнымъ типомъ, который вырѣзывался изъ его собственныхъ произведеній, и мы знаемъ, что задачей его жизни было походить на *идеальную Пушкина*, создаваемого его гениемъ. Но эти два *Пушкина* не всегда составляли одно и то же лицо, особенно въ кишиневскій періодъ.... Если бы судить о Пушкинѣ по изящнымъ, чистымъ произведеніямъ лирическаго характера, выданнымъ имъ съ 1821 по 1823 г., то никому бы не пришло въ голову, что они написаны въ самую бурную эпоху въ жизни, въ періодъ пыла и порывовъ, Sturm und Drang, какой немногіе изживали на вѣку своемъ. Но и тогда уже *чистое творчество*, которымъ они были навѣяны, служило звѣздой, освѣщавшей ему выходъ изъ жизненной смуты, и живительнымъ источникомъ, возобновлявшимъ его душевныя силы; въ немъ онъ давалъ спасительные уроки самому себѣ; въ немъ онъ обрѣталъ и создавалъ для себя созерцаніе жизни, далеко превосходившее то, которымъ отличался въ свѣтѣ. *Чистое творчество* хранило и берегло лучшую часть его нравственной природы, не позволяло ей загроубѣть, составляло прикрытіе его души, мѣшавшее ржавчинѣ порока и страстей проникнуть до нея и разложить ее. Ему—*чистому творчеству*—обязанъ онъ былъ благороднѣйшими ощущеніями и изящнѣйшими помыслами, которые однимъ своимъ появленіемъ упраздняютъ, если не на всегда, то, по крайней мѣрѣ, на все время бесѣды человѣка съ самимъ собой, чудовищные софизмы, животныя наклонности и дикія побужденія непосредственнаго чувства. Когда задачи *чистаго творчества* стали разрастаться и умножаться предъ глазами Пушкина, когда онъ все чаще и чаще началъ относиться къ жизни, какъ художникъ,—*демоническій* періодъ его существованія кончился. Это произошло именно съ половины 1823 г., ¹⁾ со времени оставленія имъ Кишинева и перевода или перехода на службу въ Одессу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Анненкова, выходитъ, что кишиневская жизнь не внесла ничего *положительнаго* въ развитіе поэтическаго генія Пушкина, напротивъ—она только губительно, болѣзненно подѣйствовала на его физическій и нравственный организмъ, и если Пушкинъ вышелъ изъ нея цѣль и невредимъ, то только потому, что носилъ въ себѣ отъ природы даръ *чистой поэзіи* и проявлялъ этотъ даръ независимо и помимо впечатлѣній кишиневской жизни. Самый этотъ даръ поэзіи ничего для себя положительнаго не получилъ;

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху,“ стр. 211, 212—213.

онъ сослужилъ только отрицательную службу. У г. Анненкова *Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-человѣкъ*,—не одно и то же лицо. Пушкинъ-поэтъ спасъ Пушкина-человѣка. Даръ поэзіи, даръ поэтического творчества сохранилъ Пушкина среди его жизненной смуты въ Кишиневѣ и вывелъ, наконецъ, *изъ мрака къ свѣту*. Г. Анненковъ хочетъ пожертвовать Пушкинымъ-человѣкомъ Пушкину-поэту. Пушкина-поэта онъ ставитъ *внѣ Пушкина-человѣка*, какъ что-то *качественно различное* отъ него.

Но не нужно забывать, по совершенно справедливому замѣчанію Л. Мацѣвича, ¹⁾ что поэзія Пушкина слишкомъ тѣсно связана съ его *человѣческой* жизнью, является вѣрнымъ отголоскомъ послѣдней. Его дѣйствительная, обыденная жизнь была источникомъ, содержаніемъ, *матеріаломъ* его поэзіи, насколько эта послѣдняя выражалась внѣ, въ стихотвореніяхъ. А потому, нельзя ставить его поэтическое творчество, какъ даръ, какъ способность, *внѣ* его жизни, *внѣ* жизненныхъ вліяній; *поэтическаго генія его нельзя качественно различать* отъ *человѣческой* натуры его и жизни, хотя бы и въ одну лишь кишиневскую эпоху. Г. Анненковъ, очевидно смѣшиваетъ даръ, чувство поэзіи съ нравственнымъ чувствомъ. Пушкинымъ-поэтомъ могъ быть только Пушкинъ-человѣкъ. *Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-человѣкъ*—одно и то же лицо. Его поэзія всегда дѣлила судьбу *человѣческой* стороны его личности. Въ его одной и той же *человѣческой* натурѣ были задатки и увлеченій крайнихъ и поэтического творчества дивнаго. Изъ одного и того же родника билъ потокъ страстей и заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ изливалось цѣлое море поэтическихъ, „сладкихъ звуковъ.“

Пушкина—и въ его жизни, и въ его поэзіи—нужно разсматривать и судить, какъ *цѣльную натуру*, но еще не устоявшуюся нравственно, а потому и поэтически. Въ Кишиневѣ Пушкинъ былъ въ періодѣ *нравственнаго и поэтическаго воспитательнаго опыта*. Съ такой именно точки зрѣнія и оцѣнилъ кишиневскую жизнь Пушкина Я. К. Гротъ въ статьѣ своей: „Первенцы лица и его преданія“, помѣщенной въ сборникъ—„Складчина“—1874 г. Видимо направляя свои разсужденія противъ слишкомъ отрицательнаго взгляда г. Анненкова на *человѣческую* жизнь Пушкина въ Кишиневѣ, почтенный академикъ говоритъ въ концѣ концовъ: „на Кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть, какъ на серьезную *подготовительную школу* для дальнѣйшей, разроставшейся въ ширину и глубину, дѣятельности его могучаго таланта“ (стр. 376).

Дѣйствительно, Кишиневъ былъ именно *жизненною школою* Пушкина, школою для *человѣка*, а потому и для поэта. Кишиневъ въ это время былъ полу-азіатскимъ уголкомъ Россіи, гдѣ первобытная,

¹⁾ „Изъ Кишинева—о Пушкинѣ“ („Правда“) 1880 г., 23, 24, 27 мая; В. А. Яковлевъ. „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 14—56.

степная простота нравовъ переходила часто въ грубость и даже дикость, а свобода отношеній къ женщинамъ граничила съ распущенностью. Все здѣсь способствовало свободному, непринужденному, нестѣсненному обычными формами цивилизаціи обнаруженію жизненныхъ задатковъ, таившихся въ натурѣ Пушкина. Раздолье для нея открылось полное. Во всякой чертѣ тогдашней обыденной его жизни и отражавшей эту жизнь поэзіи такъ и чудится присутствіе свободы и молодой удали. Пушкинъ предался этой свободѣ со всею необузданностью горячей молодости. Конечно, на первомъ планѣ тогдашней бурной жизни этого намѣченного природою чловѣка бросаются въ глаза избытки чувственной стороны его натуры. Чувственность кипитъ въ немъ,—страсти горятъ и рождать увлеченія, беспорядочность жизни, задоръ отношеній къ людямъ.

Вся эта чувственность, во время своего процесса, отражается, конечно, и въ поэзіи, потому что „слова поэта суть его дѣла“, какъ говорилъ послѣ, по свидѣтельству Гоголя, самъ Пушкинъ по поводу извѣстныхъ двухъ стиховъ оды Державина къ Храповицкому: ¹⁾

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтить.

Въ порывѣ вдохновенія, поэтъ выворачиваетъ, такъ сказать, наружу самого себя. Поэтъ не можетъ не высказать въ словѣ того, что онъ дѣлаетъ, какъ онъ живетъ, что думаетъ и чего желаетъ. Кишиневскій періодъ представляетъ у Пушкина цѣлый циклъ такой поэзіи—поэзіи чувственной, поэзіи низшей стороны душевной жизни. Но за увлеченіемъ чувственностью слѣдовала у него непременно *нравственная реакція*, работа трезваго самознанія, постепенно и воспитательно устанавливавшая его чловѣческую личность. За горестными увлеченіями сердца слѣдовали „холодные наблюденія ума“. Такъ всегда бываетъ въ нравственномъ саморазвитіи „существа, одареннаго душею“.

Глубокая поэма: „Цыгане“ имѣетъ особенно драгоцѣнное значеніе въ исторіи этого нравственнаго саморазвитія Пушкина, въ этомъ процессѣ *опытной* выработки имъ здороваго нравственнаго міросозерцанія. Она знаменуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный *нравственный поворотъ* въ поэтѣ—поворотъ отъ легко увлекающейся слѣпыми эгоистическими инстинктами и пѣзывами молодой натуры къ свѣтлому, правдивому, самоограничительному взгляду на жизнь и людей, на желательныя къ нимъ отношенія нравственно-укрѣпившагося мужа ¹⁾.

¹⁾ Стихи:

Оставь насъ, гордый чловѣкъ!...

Ты для себя лишь хочешь воли...

ясно показываютъ, *съ* какую глубину нравственнаго и соціальнаго міросозерцанія уже тогда проникалъ гений Пушкина... Въ то же время—это былъ поэтический *воплъ само-*

Итакъ, въ кишиневской поэзіи Пушкина выражалась какъ чувственность—эта, такъ сказать, слѣпая инстинктивная сторона его чело-вѣческой личности, опредѣлявшаяся бурною, стихійною силою его горячаго темперамента, такъ и сторона нравственная—эта *зрячая сила души*, сторона тѣхъ стремленій духа, которыя ищутъ осуществленія въ жизни и поэзіи высшихъ задачъ,—при чемъ эта послѣдняя сторона воспитывалась въ немъ, раскрывалась и укрѣплялась больше всего *отрицательнымъ путемъ*—путемъ періодической реакціи. Но въ тогдашней кишиневской обстановкѣ Пушкина нельзя отрицать и положительныхъ факторовъ, способствовавшихъ его нравственному самоукрѣпленію. Вліяніе, напр., на него такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ И. Н. Инзовъ, М. Ѳ. Орловъ и другіе, не могло быть инымъ, какъ только положительнымъ. И въ другихъ условіяхъ тогдашней кишиневской жизни было много такого рѣдкаго, невиданнаго, оригинальнаго, чтò, по выраженію *Надеждина*, гениальное „дитя суроваго сѣвера“ могло видѣть, слышать, вообще-ощущать не иначе, какъ съ положительною пользою для своего саморазвитія и самообразованія. Но все-таки нельзя не признать, что отрицательный путь самовоспитанія, путь *выдѣнія зла* выступаетъ въ кишиневской жизни Пушкина на первомъ планѣ, составляетъ основную ея фонъ.

Если Пушкинъ и терялъ что-либо въ Кишиневѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и приобрѣталъ,—и въ концѣ концовъ больше приобрѣлъ, чѣмъ потерялъ. А потому, разставшись съ Кишинымъ, Пушкинъ всегда вспоминалъ о немъ съ любовью, даже съ умиленіемъ. Вотъ, напр., что писалъ онъ къ своему кишиневскому другу *Н. С. Алексѣеву* изъ Пскова въ концѣ января 1826 г.: „не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ“.

Особенно дорогую службу сослужила Пушкину въ дѣлѣ его саморазвитія и нравственнаго перерожденія та любознательность, которую возбудили въ немъ и развили въ настоящую душевную потребность Раевскіе, какъ на Кавказѣ еще, такъ, главнымъ образомъ, въ Гурзуфѣ и, наконецъ, въ Каменкѣ. Эта любознательность, можно сказать,—страсть къ самообразованію, давшему Пушкину столько, сколько, пожалуй, никому другому, начала обнаруживаться въ Александрѣ Сергѣевичѣ съ первыхъ же дней его переѣзда въ Кишиневъ и не оставляла потомъ до конца жизни.

осужденія, это было со стороны Пушкина покаянное, проникнутое глубокою скорбію, сознаніе своей *немощи* предъ высокими задачами жизни, а слѣдовательно—и поэзіи.

Въ Кишиневѣ весьма счастливымъ для Пушкина обстоятельствомъ было пребываніе въ городѣ офицеровъ генеральнаго штаба, какъ постоянно тамъ служившихъ, такъ и временно прибывавшихъ на съемку вновь присоединенной области, подъ начальствомъ полковника *Корниловича*. Офицеры нашего генеральнаго штаба, воспитанники сначала Муравьевской школы колонновожатыхъ, а впоследствии академіи генеральнаго штаба, имѣли и имѣютъ важное значеніе въ нашей цивилизации и, разумѣется, займутъ видное мѣсто въ будущей исторіи русской культуры. Мы не будемъ перечислять здѣсь цѣлаго ряда офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми Пушкинъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ: они указаны въ статьѣ И. П. Липранди ¹⁾. Но обратимъ вниманіе на характеръ отношеній къ нимъ нашего поэта.

Его времяпрепровожденіе съ названными лицами состояло въ постоянныхъ „диспутахъ“. Пушкинъ завязывалъ обыкновенно споръ, иногда очень горячій, „съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любознательности,—говоритъ очевидецъ этихъ споровъ: и тутъ строптивость его характера совершенно ступсывалась. Онъ не удовлетворялся отрывочнымъ краткимъ отвѣтомъ, а за вопросомъ ставилъ вопросъ“. Иногда Пушкинъ прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостававшихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, среди людей, болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ самъ онъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія или прочтенія нужныхъ ему сочиненій. Благодаря пребыванію такого образованнаго военнаго общества, благодаря бібліотекѣ И. Н. Инзова, которая впоследствии поступила въ Одесскую городскую и состояла изъ книгъ по географіи, исторіи, богословію и сельскому хозяйству на нѣмецкомъ, французскомъ и отчасти на русскомъ языкѣ, а также бібліотекѣ И. П. Липранди, по Высочайшему повелѣнію въ 1856 году купленной для генеральнаго штаба и заключавшей богатѣйшій отдѣлъ сочиненій по исторіи и географіи и др. сочиненій главнымъ образомъ о Турціи, Пушкинъ имѣлъ право сказать о тогдашней своей кишиневской жизни:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размысленій:
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ ²⁾.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9 и 10.

²⁾ Кишиневское „Посланіе къ Чнадаеву“ 6—20 апр. 1821 г.

Бессарабія привлекала вниманіе Пушкина своимъ прошедшимъ еще болѣе, нежели Кавказъ и Крымъ. Онъ пишетъ по этому поводу Баратынскому:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта;
Она Державинимъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донинѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее „Примѣчаніе“:
„Бессарабія, извѣстная съ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинимъ воспѣта
И славой русскою полна.

Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ. Но донинѣ область сія извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ ли когда-нибудь историческое и статистическое описаніе оной, составленное г. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военного человѣка“.

Это прошедшее Бессарабіи, а не только личность одного Овидія, сильно занимали Пушкина. „Въ первую половину его пребыванія въ Кишиневѣ,—говоритъ жившій въ то время здѣсь только-что упомянутый поэтъ И. П. Липранди,—Пушкинъ, будучи менѣе развлеченъ обществомъ, нежели во вторую, когда нахлынули молдаване и греки съ ихъ семействами, дѣйствительно интересовался многими сочиненіями о Бессарабіи, и первое сочиненіе, имъ у меня взятое, былъ—Овидій; потомъ Валерій Флаккъ (Аргонавты), Страбонъ, котораго, впрочемъ, онъ возвратилъ на другой же день, Мальтебрюнъ и нѣкоторые другія, особенно относящіяся до исторіи и географіи страны“. ¹⁾ Но, кромѣ изученія прошлаго Бессарабіи по книгамъ, Пушкинъ старался и самъ собирать о ней изустныя преданія и отыскивалъ въ ней остатки историческихъ памятниковъ. Тотъ же г. Липранди довольно подробно рассказываетъ о путешествіи, совершенномъ имъ въ обществѣ Пушкина

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1261.

по южной Бессарабіи. „Первая отъ Бендеръ станція—Каушаны,—говоритъ И. П. Липранди,—взбудоражила Пушкина: это бывшая до 1806 г. столица Буджакскихъ хановъ. Спутникъ мой никакъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, что тутъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ,—все разнесено, не то что въ Бахчисараѣ; черезъ полъ-года онъ и самъ могъ убѣдиться въ правильности того, о чемъ ему всѣ говорили, до того же времени онъ все оставался не покойнымъ“. Въ Аккерманѣ онъ со своимъ петербургскимъ знакомымъ подполковникомъ *Кюрто* ходилъ осматривать замокъ, сложенный изъ башенъ различныхъ эпохъ. Въ Измаилѣ съ негоціантомъ *Славичемъ* „обошелъ всю береговую часть крѣпости“ и, „какъ теперь помню,—продолжаетъ Липранди,—удивлялся, какимъ образомъ Де-Рибасъ во время Суворовскаго штурма могъ со стороны Дуная взобраться на эту каменную стѣну“. Кромѣ крѣпости, Пушкинъ осматривалъ церковь, въ которой были еще надписи надъ могилами нѣкоторыхъ убитыхъ при штурмѣ. Уже состоя при графѣ Воронцовѣ, Пушкинъ въ его свитѣ и съ тѣмъ же Липранди посѣтилъ Бендеры. Липранди захватилъ съ собою изъ Кишинева всѣ сочиненія, специально говорящія о пребываніи Карла XII около Бендеръ въ Варницѣ. Но Бендеры занимали Пушкина по многимъ отношеніямъ, и, конечно, Варница была не на первомъ планѣ, хотя онъ и воображалъ въ окрестностяхъ Бендеръ найти слѣды могилы Мазепы. „Пріѣхавъ въ Тирасполь,—говоритъ Липранди,—мы на второй же день поѣхали въ Бендеры и въ 8 часовъ были уже у *Бароци* (Бендерскаго полиціймейстера). *Искра* (старожилъ, имѣвшій отъ роду свыше 130 лѣтъ и передававшій многія подробности пребыванія Карла XII въ Бендерахъ) былъ на лицо. Разсказъ Искры о костюмѣ этого короля поразительно былъ вѣренъ съ изображеніемъ его въ книгахъ. Не менѣе былъ изумителенъ разсказъ Искры о начертаніи окоповъ, воротъ, ведущихъ въ оныя, и нѣкоторыхъ неровностей на полѣ, которыя соотвѣтствовали мѣстамъ, гдѣ были окопы и т. п.; но не это занимало Пушкина. Онъ добивался отъ Искры своими разспросами узнать что-либо о Мазепѣ, а тотъ не только не могъ указать ему желаемую могилу его или ея мѣсто, но объявилъ, что такого и имени не слыхалъ. Пушкинъ не отставалъ, толкуя Искрѣ, что Мазепа былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманинъ какъ шведы,—все напрасно. Спрашивалъ Пушкинъ: нѣтъ ли еще такихъ стариковъ, какъ онъ—Искра, нѣтъ ли старинныхъ церквей по близости? и получилъ въ отвѣтъ, что старѣе его нѣтъ никого; что церкви еще прежде были спалены татарами“ и т. п. ¹⁾.

Извѣстно, кромѣ того, какъ Пушкина интересовали различныя народности, встрѣченныя имъ въ Бессарабіи, и съ какимъ усердіемъ онъ

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1460—1465.

взялся за собираніе, въ бытность свою въ Кишиневѣ, народныхъ пѣсенъ (между прочимъ и сербскихъ), легендъ, этнографическихъ документовъ; за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и т. п.

Такъ и подъ такими разнообразными вліяніями проходилъ Пушкинъ единственную въ своемъ родѣ *кишиневскую школу*—и вышелъ изъ нея Пушкинымъ с. Михайловскаго, гордостью Россіи, красою общеевропейской поэзіи, незамѣнимымъ воспитателемъ молодого поколѣнія какъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ и въ будущемъ, которому нельзя указать даже болѣе или менѣе приблизительныхъ предѣловъ. Безпорядочность и ухарство спали съ чистой души поэта, какъ разломившаяся у совершенно развившагося уже въ яйцѣ птенца, и отъ нихъ остались лишь особенная подвижность и заразительная веселость нрава, такъ оживлявшая всегда интимный кружокъ пріятелей, когда среди нихъ появлялся Пушкинъ. И въ то время какъ Кавказъ и Крымъ, по словамъ П. Бартенева, воспитали въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра, кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей; тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью и приобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Водопроводъ въ г. Кишиневѣ.

д. Инзова.

VI.

отчасъ по приѣздѣ своемъ въ Кишиневъ Пушкинъ остановился въ заѣзжемъ домѣ мѣщанина русскаго переселенца Ивана Николаева *Наумова*, состоявшаго при квартирной комиссiи. Но отечески расположенный къ поэту И. Н. Инзовъ отвелъ ему даровое помѣщенiе въ одномъ домѣ съ собою.—Домъ этотъ принадлежалъ молдаванскому боярину *Доничу* и стоялъ на холмѣ. Онъ нанимался городомъ для намѣстниковъ и скоро сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ „дома Инзова“ такъ какъ *Доничъ*, уѣхавши за границу, оставилъ его на произволъ судьбы; самый холмъ также сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ „Инзовой горы.“ „Инзова гора“ находится въ концѣ *старого Кишинева*. „Домъ Инзова“ стоялъ на ней почти одиноко. Сзади къ дому примыкалъ громадный роскошный фруктовый садъ съ апельсиновыми и лимонными деревьями и съ виноградникомъ, разбитымъ по скату холма. Въ самомъ саду, при домѣ же, находился птичiй дворъ съ множествомъ канареекъ и различныхъ другихъ птицъ, до которыхъ И. Н. Инзовъ былъ большой охотникъ. Домъ былъ огромный, двухъ-этажный. Верхнiй этажъ занималъ самъ Инзовъ, въ нижнемъ же онъ помѣстилъ двухъ или трехъ своихъ чиновниковъ. „Пушкину отведены были двѣ небольшiя комнаты внизу, сзади, направо отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшетками, выходившiя въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшiй въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка *Быкъ*, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе—каменоломни молдаванъ, а еще лѣвѣе—*новый городъ*. Вдали—горы съ бѣлѣющими домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненiй въ стрѣльбѣ изъ

пистолета,—вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая, или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его Никитѣ, который остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ... шуточного стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:

Въ митрополіи звонять.

Это значило: пора идти къ обѣднѣ, въ *новый верхній городъ*¹⁾ въ *крестовую церковь*, которую, вмѣстѣ съ архіерейскимъ домомъ, построилъ (въ 1813 г.) учредитель и первый архипастырь Кишиневской епархіи Гавріилъ *Бодони-Банулеско*, бывший предъ тѣмъ митрополитомъ Киевскимъ и удержавшій за собою титулъ митрополита и послѣ назначенія въ Кишиневъ. Послѣ землетрясенія 1821 г., „домъ Инзова“ далъ нѣсколько трещинъ въ верхнемъ этажѣ, вслѣдствіе чего намѣстникъ переехалъ на другую квартиру, Пушкинъ же продолжалъ жить въ своихъ двухъ комнатахъ до 1822 г., когда онъ переехалъ къ Н. С. Алексѣеву, кишиневскому душевному другу своему, переведенному изъ Москвы на службу къ И. Н. Инзову.²⁾

Канцелярія И. Н. Инзова въ первое время службы Пушкина въ Кишиневѣ, по свидѣтельству *Елис. Францовой*, урожденной *Кириенко-Волошиновой*, помѣстившей въ высшей степени любопытныя воспоминанія свои о пребываніи Пушкина въ Бессарабіи (*изъ семейныхъ преданій*) въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ „Русскаго Обо-

¹⁾ Бартеневъ. „Пушкинъ въ Южной Россіи“ (Русск. Арх., 1866 г., кн. 8—9, страница 1129).

²⁾ „Домъ Инзова“, заброшенный своимъ хозяиномъ бояриномъ Доничемъ, нѣсколько разъ подвергался разрушенію отъ землетрясеній. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ еще цѣлъ, какъ свидѣтельствуемъ Надеждинъ, приложившій и самый видъ этого дома къ изданному имъ на 1840 г. „Одесскому альманаху“, при чемъ въ *Указателѣ* къ рисункамъ альманаха замѣчаетъ: онъ назначенъ къ перестройкѣ по причинѣ сильнаго поврежденія при послѣднемъ землетрясеніи. Затѣмъ преданіе о немъ дѣлается лишь преданіемъ о *развалинахъ*. Въ 50-хъ годахъ, по словамъ бывшаго въ то время учителя рисованія въ Кишиневской гимназіи Н. А. *Голынского*, уроженца Бессарабіи, снявшаго съ натуры видъ *остатковъ* „дома Инзова“, существовали еще стѣны, испещренныя разными надписями, большею частью нелѣпыми и даже пошлыми; на западной стѣнѣ показывали окно, изъ котораго Пушкинъ часто стрѣлялъ. Въ половинѣ 60-хъ годовъ губернаторъ *Гангардтъ* велѣлъ срыть развалины дома, такъ какъ въ нихъ по ночамъ скрывались воры. Въ началѣ 70-хъ годовъ Инзова гора представляла изъ себя пустынное, уединенное, глухое, забытое мѣсто; посреди нея возвышалась *куча мусора*—единственный остатокъ „дома Инзова.“ Въ 70-хъ годахъ все мѣсто это куплено городомъ у наслѣдниковъ Донича; на горѣ, гдѣ былъ домъ, утверждены топографическій снарядъ, такъ какъ этотъ пунктъ представляетъ высшую точку, съ которой открывается видъ во всѣ стороны; немного ниже стоитъ сторожевая башня-каланча; на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда великолѣпный садъ, вдохновлявшій Пушкина, построены городомъ *конюшни* для Лубенскаго гусарскаго полка, занятыя въ 1877 г., предъ началомъ послѣдней турецкой кампаніи, саперами (В. А. *Яковлевъ*. „Отъѣзды о Пушкинѣ съ юга-Россіи“, стр. 14—26; 93—95).

зрѣнія" за 1897 годъ, была наполнена исключительно одними лишь молодыми аристократами изъ враждебной русскимъ національности—чистокровныхъ молдаванъ. Такіе чиновники въ службу не вникали да и нисколько не интересовались ею, отказываясь даже отъ жалованья. Служили же они потому, что канцелярія начальника края считалась чванливыми молдаванскими аристократами единственнымъ учрежденіемъ русскаго правительства, гдѣ еще могли служить сыновья ихъ, не роня своего воображаемаго достоинства. Самое управленіе Бессарабіей въ то время, какъ говоритъ П. В. Анненковъ, было „какимъ-то фальшивымъ подобіемъ конституціонной палаты, не оказывавшей никакого вліянія на нравы, обычаи и политическое его (Кишинева) развитіе. Послѣ присоединенія Бессарабіи тамъ учрежденъ былъ *верховный советъ* изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ края, который, опираясь на особый статсъ-секретаріатъ по дѣламъ области, существовавшій въ Петербургѣ, постоянно воевалъ съ генераль-губернаторами, отстаивалъ боярскія привилегіи и мѣшалъ устройству какихъ-либо правомѣрныхъ отношеній между сословіями. Благодаря этому *совету*, управленіе краемъ было вообще слабо, а при добромъ Инзовѣ его, можно сказать, и совсѣмъ не существовало. Обстоятельство это, вмѣсто того, чтобы открыть просторъ для частной дѣятельности,—хотя бы и въ духѣ мѣстнаго, провинціальнаго патріотизма,—открыло здѣсь только дорогу дружной оппозиціи, когда надо было обличить или искоренить злоупотребленія, или помочь странѣ освободиться отъ того или другого вопіющаго обычая.“ Въ такомъ положеніи находилось дѣло управленія краемъ и послѣ того, какъ въ рукахъ И. Н. Инзова, кромѣ намѣстничества въ Бессарабской области, сосредоточено было, съ іюля мѣсяца 1822 г., за выѣздомъ гр. *Ланжерона* въ продолжительный отпускъ, управленіе всѣмъ Новороссійскимъ краемъ. Въ 1823 г., когда управленіе краемъ ввѣрено было графу *М. С. Воронцову*, послѣдній прежде всего приступилъ къ упраздненію Бессарабскаго *верховнаго совета*—и сдѣлалъ это безъ какихъ-либо особенныхъ затрудненій, потому что „учрежденіе это не имѣло корней въ населеніи и ничему не служило, кромѣ собственныхъ эгоистическихъ и узкихъ интересовъ.“¹⁾ Среди всѣхъ чиновниковъ въ канцеляріи И. Н. Инзова, ко времени приѣзда Пушкина въ Кишиневъ, былъ одинъ только *истинно-русскій* чиновникъ, молодой дворянинъ, по фамиліи *Кириенко-Волошиновъ*, будущій отецъ Е. Францовой. Прибавленіе новаго русскаго чиновника въ канцелярію намѣстника уже само по себѣ доставило много неудовольствія молдаванамъ; а тутъ еще приѣзжій систематически началъ преслѣдовать и язвительно вышучивать всѣ издавна заведенные молдаванами въ ней порядки и правила, заставлявшіе его иногда хохотать до упаду. Кромѣ того, онъ, со свойственною ему въ то время несдержанностью, громко издѣвался надъ тѣмъ свое-

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху,“ стр. 193—194.

образнымъ русско-молдаванскимъ говоромъ, который постоянно слышался въ канцеляріи. Пользуясь своимъ особеннымъ положеніемъ при Инзовѣ, Пушкинъ на первыхъ порахъ горячо принялся за введеніе иныхъ, чисто русскихъ порядковъ въ его канцеляріи, гдѣ все до тѣхъ поръ обстояло иначе. Этому уже совсѣмъ не могли ему простить молодые его сослуживцы, и не стѣсняясь всѣмъ отъ него отвернулись съ явною враждебностью и полнымъ презрѣніемъ. Одинъ только Кириенко-Волошиновъ, какъ тоже русскій, хотя нѣсколько и *обмолдаванившійся*, не примикнулъ къ нимъ. Пушкинъ, оказавшійся въ изолированномъ положеніи какъ бы прокаженного, долженъ былъ по неволѣ сойтись съ единственнымъ не избѣгавшимъ его сверстникомъ-сослуживцемъ. Мало-по-малу, однако, это вынужденное въ началѣ сближеніе незамѣтно перешло въ горячую, но не долгую дружбу.

Первое по пріѣздѣ время Пушкинъ, со свойственною ему горячностью, довольно усердно отдался служебному дѣлу, а въ свободные отъ занятій часы уходилъ или въ лѣсъ со своею сѣрою тетрадью въ карманѣ и книгой въ рукѣ, или же забирался въ глубь роскошнаго фруктоваго сада, откуда его вызывали къ Инзову посредствомъ большого мѣднаго колокола, висѣвшаго на перекладинѣ двора. Большею частью онъ и пріятеля своего уводилъ съ собой прямо изъ канцеляріи, или же бралъ съ него слово придти туда позже.

Такъ держалъ себя чиновникъ-поэтъ въ продолженіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ по пріѣздѣ на новое мѣсто. Затѣмъ, какъ увидимъ, все мало-по-малу измѣнилось послѣ знаменательнаго пребыванія его въ Каменкѣ.

Стола Пушкинъ въ Кишиневѣ совсѣмъ не держалъ, а обѣдалъ чаще всего, конечно, у И. Н. Инзова, затѣмъ у дивизіоннаго командира ген. М. О. Орлова, ген. Я. Я. Черемисинова, бригаднаго генерала Д. Н. Бологовскаго, князей А. М. и Г. М. *Кантакузиныхъ* или же въ одномъ изъ трактировъ, гдѣ прислуживала молодая молдаванка *Маріола*, или *Маріолица*. Одну изъ пѣсенъ этой Маріолы Пушкинъ переложилъ въ прекрасные русскіе стихи, скоро облетѣвшіе всю Русь: такъ появилась на свѣтъ извѣстная молдаванская пѣсня—„Черная шаль,“ въ концѣ 1820 года. Въ концѣ этого же года Пушкинъ написалъ еще два прекрасныхъ стихотворенія: „Виноградъ“ и „Дочери Карагеоргія.“

Площадь въ г. Кишиневѣ.

Окрестности Кисловодска.

VII.

Начало 1821 года, какъ мы знаемъ уже, застало Пушкина въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Каменкѣ. Въ послѣдней написаны имъ въ это время: „Муза“, „Желаніе“, „Я пережилъ свои желанья“, и окончена поэма: „Кавказскій плѣнникъ.“

Ни у кого, кажется, изъ поэтовъ произведенія не связаны такъ тѣсно съ жизнію, какъ это видимъ мы у Пушкина. Не говоря уже о лирическихъ его произведеніяхъ, являвшихся сердечной исповѣдью Пушкина, живымъ откликомъ на тѣ или другія обстоятельства окружавшей жизни, самыя эпическія произведенія подсказаны ему тою же жизнію и служатъ только отраженіемъ, творческимъ воспроизведеніемъ ея.

„Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому плѣннику*,—по словамъ Бартенева,—¹⁾ послужилъ рассказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника *Нѣмцова*, человѣка, страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды рассказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому. ²⁾ Можетъ быть также, образъ Петербургской актрисы

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1131.

²⁾ Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго московскаго стихотворца и остряка Алексѣя Михайловича *Пушкина*. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (урожд. *Восейкова*) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это уже по смерти Александра Сергѣевича.

Истоминной, родомъ черкешенки, за которой Пушкинъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ Онѣгинѣ, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Пльнника*.”

Въ то же время нѣкоторыя черты плѣннаго офицера несомнѣнно отражаютъ въ себѣ черты самаго Пушкина. Разочарованность офицера, помимо вліянія Байрона, имѣетъ источникомъ своимъ разочарованность, вслѣдствіе нераздѣленного чувства къ Раевской, самого Пушкина. Въ письмѣ къ П. В. *Горчакову* отъ 1821 года Пушкинъ говоритъ: „Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой *плѣнникъ* вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ плѣнника не удаченъ. Это доказываетъ, что *я не могу въ герои романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было назвать *Черкешенкой*; я объ этомъ не подумалъ. Черкессы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень не доволенъ и почитаю ее гораздо ниже *Руслана*, хотя стихи въ ней зрѣлѣе.“ Въ черновомъ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу читаемъ: „Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе *роману*, нежели *поэмѣ*, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, не извѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны,—но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесь, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ,—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ плѣни; во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа....Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ *Кавказскаго плѣнника*, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что! въ немъ есть стихи моего сердца“.....

Съ возвращеніемъ въ Кишиневъ, подъ вліяніемъ всего пережитаго въ Каменкѣ, Пушкинъ, внимательный въ началѣ исполнитель служебныхъ обязанностей и всякихъ порученій И. Н. Инзова, вскорѣ дошелъ до того, что уже не обращалъ никакого вниманія на понужденія и выговоры съ его стороны, или отвѣчалъ на нихъ какими-нибудь дурачливыми оправданіями, въ которыхъ явно сквозила насмѣшка надъ Инзовымъ. Разсказываютъ даже, будто бы Пушкинъ, изъ шалости и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника, выучилъ попугая, помѣщавшагося въ стоявшей на балконѣ клѣткѣ, одному нехорошему, бранному молдаванскому слову. Въ день Пасхи 1821 года преосвящ. *Димитрій (Сулма)* былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, уставленный приличными этому дню блюдами. Благословивъ закуску, преосв. Димитрій вошелъ въ открытую дверь, на балконъ; за нимъ послѣдовалъ Инзовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій подошелъ къ клѣткѣ и что-то сказалъ попугаю, а тотъ отвѣчалъ помянутымъ браннымъ словомъ, повторяя его и хохоча. Когда Инзовъ проводилъ преосвященнаго, то, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: „Какой ты шалунъ! преосвященный догадался, что это твой урокъ.“ ¹⁾ Все это, разумѣется, не могло нравиться Инзову и заставило его измѣнить отеческое обращеніе съ Пушкинымъ перваго времени на строго-начальническое, которому, впрочемъ, подчиненный поэтъ мало придавалъ значенія и продолжалъ все дѣлать по-своему. По нѣсколько дней сряду онъ не только не показывался въ канцеляріи, но даже и вовсе не заходилъ къ себѣ въ квартиру, заведши въ Кишиневъ много знакомствъ и знакомыхъ, между которыми не мало было сомнительнаго достоинства личностей обоого пола. Съ этими, не принятыми нигдѣ, искателями, больше же—искательницами приключеній Пушкинъ иногда среди дня показывался на бульварѣ, переодѣтый грекомъ, туркомъ и т. п. *Н. В. Дыдицкая*, жена преподавателя Кишиневской духовной семинаріи, лично знавшая Пушкина, разсказываетъ такъ объ этой порѣ его жизни: „Пушкинъ былъ еще молодъ. Былъ онъ не то что черный, а такъ—смуглый, загорѣвшій. Былъ добрый, хорошихъ правилъ, а только шалунъ. Я, бывало, говорю ему: „Вы настоящее дитя!“ А онъ меня называлъ *розою въ шиповникѣ*. Бывало, говорю ему: „Вы будете ревнивы.“ А онъ: „нѣтъ, никогда, никогда!“ Говоритъ намъ, бывало, стихи экспромптомъ. Тутъ въ городскомъ саду бывало гулянье, но только до 4-хъ часовъ, а вечеромъ гулять было не принято, не такъ какъ теперь—гуляютъ и ночью. Бывало, и Пушкинъ тутъ часто гуляетъ. Но всякій разъ онъ переодѣвался въ разные костюмы. Вотъ уже смотришь—Пушкинъ сербъ или молдаванъ, а одежду ему давали зна-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866, 1264—1265.

комья дамы. Издали нельзя и узнать; встрѣтишь—спрашиваешь; „Что это съ вами, Александръ Сергѣевичъ?“—„А вотъ я уже молдаванъ.“ А они—молдаваны тогда рясы носили. Въ другой разъ смотришь—уже Пушкинъ турокъ, уже Пушкинъ жидъ,—такъ и разговариваетъ, какъ жидъ. А когда же гуляетъ въ обыкновенномъ видѣ, въ шинели, то уже непременно одна пола на плечѣ, а другая тянется на землѣ,—это онъ называлъ: *по-генеральски*. Въ митрополию также пріѣзжалъ съ Инзовымъ на богослуженіе. Инзовъ станетъ впереди—возлѣ клироса, а Пушкинъ сзади, чтобы Инзовъ не видѣлъ его. А онъ станетъ, бывало, на колѣна, бьетъ поклоны,—а между тѣмъ дѣлаетъ гримасы знакомымъ дамамъ, улыбается или машетъ пальцемъ возлѣ носа, какъ будто за что-нибудь журить или предостерегаетъ. Бывало, въ большіе праздники, послѣ богослуженія, всѣ идутъ къ Димитрію на закуску—и Инзовъ, и Пушкинъ; и всякіе тамъ совѣтники, и другіе свѣтскіе, кто повыше.“¹⁾

Въ періодъ полного охлажденія своего къ служебнымъ занятіямъ Пушкинъ уже не звалъ больше Кириенко-Волошинова къ себѣ на гору, напротивъ—самъ нерѣдко проводилъ у него въ городѣ цѣлые дни, а то и цѣлыя ночи. Днемъ, впрочемъ, Пушкинъ появлялся въ квартирѣ Кириенко-Волошинова только послѣ большихъ, гдѣ-либо съ другими знакомыми, кутежей и тогда въ продолженіе долгаго времени, какъ убитый, спалъ у него на кровати. Случалось иногда, что вслѣдъ за такимъ, не достойнымъ его, препровожденіемъ времени, на него послѣ сна находили бурные припадки раскаянія, самобичеванія и недолгой, но искренней грусти. Тогда онъ всю ночь на пролетъ проводилъ въ изліяніяхъ всякаго рода и задушевныхъ бесѣдахъ съ пріятелемъ, сопровождаемыхъ однимъ только чаемъ, безъ всякаго къ нему прибавленія. Разговаривая и споря съ пріятелемъ, Пушкинъ всегда держалъ въ рукахъ перо или карандашъ, которыми въ то же время набрасывалъ на бумагу каррикатуры всякаго рода съ соотвѣтственными надписями внизу, или хорошенькія головки женщинъ и дѣтей, большею частью другъ на друга похожія. Часто случалось такъ, что онъ вдругъ въ серединѣ бесѣды внезапно смолкалъ, оборвавъ на полусловѣ свою горячую рѣчь, и, какъ-то странно повернувъ къ плечу голову, какъ бы внимательно прислушиваясь къ чему-то внутри себя, долго-долго сидѣлъ въ такомъ состояніи неподвижно. Затѣмъ, съ такимъ же выраженіемъ напряженного къ чему-то вниманія, снова принималъ прежнюю позу у письменнаго стола и начиналъ быстро и непрерывно водить по бумагѣ перомъ, уже, конечно, не слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокругъ. Въ такихъ случаяхъ Кириенко-Волошиновъ съ спокойной совѣстью уходилъ въ сосѣдную комнату спать, такъ какъ навѣрное зналъ, что гость

¹⁾ Л. Мацѣвичъ, „Кишиневскія преданія о Пушкинѣ“ („Истор. Вѣстн.“, 1883 г., май; см. В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи,“ стр. 72—75).

уже ни одного слова не скажетъ до свѣта и будетъ безъ перерыва писать до тѣхъ поръ, пока перо само не вывалится изъ рукъ у него, и голова не упадетъ въ глубокомъ снѣ тутъ же на столъ. Иногда на другой день, проснувшись въ обыкновенное время, Кириенко-Волошиновъ находилъ Пушкина спавшимъ; иногда же послѣдній исчезалъ раньше, унося съ собой все, за ночь написанное. Нерѣдко, впрочемъ, случалось и такъ, что—уходилъ ли Пушкинъ, или нѣтъ, но работы свои оставлялъ на столѣ, у хозяина, никогда о нихъ не упоминая впослѣдствіи. Такая небрежность къ своимъ работамъ со стороны Пушкина происходила, по всей вѣроятности, оттого, что онъ рѣдко бывалъ доволенъ сегодня тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его наканунѣ. Подобныхъ оставленныхъ Пушкинымъ произведеній всякаго рода съ теченіемъ времени накопилось не мало на столѣ у Кириенко-Волошинова, при чемъ стихотворенія были часто самаго неприличнаго свойства. Пушкинъ, прежде чѣмъ уходить, нарочно громко прочитывалъ ихъ хозяину, крѣпко держа его за руку, чтобы тотъ не могъ убѣжать отъ него. Зато, едва онъ оканчивалъ чтеніе, какъ Кириенко-Волошиновъ съ досадой вырывалъ бумагу изъ рукъ Пушкина и, разорвавъ ее на мелкіе куски, раскладывалъ ихъ по всей комнатѣ. Пушкинъ нисколько этимъ не огорчился, и чѣмъ мельче становились куски разрываемаго бумаги, тѣмъ громче и неудержимѣе хохоталъ онъ надъ безсильнымъ гнѣвомъ пріятеля, жестоко упрекавшего его въ затратѣ своихъ высокихъ дарованій на такіе низкіе произведенія карандаша и пера. Непостижимо страннымъ является то обстоятельство, что подобныя произведенія иногда выливались у Пушкина въ ту самую ночь, начало которой онъ употреблялъ на самое искреннее раскаяніе въ напрасно и гнусно потраченномъ времени и всякихъ упрекахъ себѣ самому. ¹⁾

¹⁾ Послѣ смерти Кириенко-Волошинова всѣ бумаги его, между которыми находились и оставленные Пушкинымъ въ разное время стихотворенія, перешли къ брату Е. Францовой, внезапно умершему вслѣдъ за отцомъ. Е. Францовой въ это время уже не было въ Кишиневѣ, а потому она и не знаетъ, что сдѣлалось съ оставшимися послѣ брата вещами. „Всѣ, впрочемъ, стихотворенія эти,—говоритъ она,—я въ тѣ времена знала на-память. Но не могу не сознаться вмѣстѣ съ тѣмъ, что заучивала ихъ тогда не по собственному, такъ сказать, влеченію къ произведеніямъ Пушкина, которыхъ какъ и многія мои сверстницы полу-молдаванки, цѣнить не умѣла, а съ единственною только цѣлью сдѣлать пріятное своему отцу. Настоячиво преслѣдуя эту цѣль, я не разъ въ свое время пользовалась для заучиванія стихотвореній того же автора еще и другими источниками слѣдующаго происхожденія: по довольно странной случайности, Пушкинъ вскорѣ послѣ того, какъ разорвалъ всякую связь съ своимъ отцомъ, познакомился и также близко сошелся съ родными моей матери, тогда еще дѣвочки—подростка, понятія не имѣвшей о томъ человѣкѣ, который сдѣлался впослѣдствіи ея мужемъ. Родные эти, хотя и чистокровные молдаване-помѣщики, въ противоположность большинству туземной аристократіи того далекаго времени, не питали враждебнаго чувства къ русскимъ вообще и охотно ихъ у себя принимали. Къ Пушкину же все это большое семейство, между членами

Внѣшняя безпорядочность жизни однако нисколько не мѣшала Пушкину въ его занятіяхъ поэзіею и самообразованиемъ, которымъ онъ удѣлялъ всѣ свои досуги; напротивъ, весна 1821 года должна быть отмѣчена, какъ особенно плодотворная въ этомъ отношеніи. Много Пушкинъ эту весною прочиталъ, много сдѣлалъ выписокъ, много написалъ прекрасныхъ произведеній. Кромѣ указанныхъ нами уже раньше, сюда относятся: „Дѣва,“ „Желаніе,“ „Кинжалъ,“ „Чаадаеву,“ „Къ моей чернильницѣ,“ „Наперсница волшебной старины,“ „Сѣтованіе,“ „Гробъ юноши“ и нѣк. друг., не говоря о черновыхъ наброскахъ въ стихахъ и прозѣ. Кругъ этихъ произведеній заканчивается прекраснѣйшею одою: „Наполеонъ,“ написанною Пушкинымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда въ Кишиневѣ пришло извѣстіе о смерти этого „могучаго балов-
котораго было много молодежи обоего пола, относилось особенно тепло и внимательно. Но опять-таки и тамъ симпатизировали ему, не какъ писателю, произведеніямъ котораго придавали значеніе, а только какъ умному, веселому и милому чело-
вѣку, умѣвшему, при желаніи, всякаго обворожить въ той именно степени, какъ самъ онъ того хотѣлъ.... И вотъ, сдѣлавшись въ послѣдствіи однимъ изъ позднѣйшихъ членовъ этой семьи, я имѣла такимъ образомъ случай и тамъ получать изустныя и письменныя свѣдѣнія о покойномъ писателѣ и доставлять отцу удовольствіе декла-
мированіемъ тѣхъ произведеній, которыя находила въ пожелтѣвшихъ заброшенныхъ альбомахъ, между всякими иными посвященіями, экспромптами, акростихами и т. п. мелкими стихотвореніями неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ. Альбомы эти валялись вмѣстѣ съ массой старыхъ разрозненныхъ книгъ въ одной изъ кладовыхъ, гдѣ, безъ всякой надобности къ тому, находились цѣлыя груды никому ненужныхъ вещей всякаго рода и вида. Это было, впрочемъ, не въ Кишиневѣ, а въ довольно большомъ, такъ назы-
ваемомъ, мѣстечкѣ Каларашахъ, куда нерѣдко пріѣзжалъ Пушкинъ на праздники. Этому любимому имъ мѣстечку онъ въ одномъ изъ альбомовъ посвятилъ боль-
шое стихотвореніе, въ которомъ не мало говорилось, для сравненія, также о Кишиневѣ и его обществѣ, враждебно будто бы относившемся не только къ нему самому, но и ко всему, что только было интеллигентнаго въ городѣ. Но главнымъ, впрочемъ, образомъ въ стихотвореніи этомъ воспѣвались красоты самыхъ Каларашъ, какъ одной изъ роскошнѣйшихъ мѣстностей всей Бессарабской области, и выходя-
щія изъ ряда вонъ достоинства ихъ обладателей. Въ памяти моей въ настоящее время осталось отъ этого стихотворенія всего нѣсколько строкъ.... Вотъ онъ:

Тамъ (въ Кишиневѣ) всѣ поэта презираютъ
И „дракулъ руссулъ“ (русскій чортъ) называютъ,
О немъ съ презрѣньемъ говорятъ,
Его позорятъ и бранятъ
И весь свой злобный, гнусный ядъ
Предъ нимъ съ восторгомъ изливаютъ....

Да, только здѣсь (въ Каларашахъ) „изгнанникъ ссылный“
Въ семьѣ чужой, любвеобильной,
Порывы гнѣва умирить,
Души строптивость побѣдилъ,
Отчизну—мачеху простилъ
И васъ всѣхъ страстно полюбилъ....

ня судьбы," „изгнанника вселенной“ (†23 апр.). Что касается внутреннего содержания оды, то, по признанию некоторых, „можно смело утверждать, что нигде в Европу—ни тогда ни после—не было сказано о Наполеоне ничего лучшего и благоразумного“. Пушкин не увлекается ложным патриотизмом и не только примиряется с бывшим нашим врагом, в котором даже такие передовые русские люди, как Г. Р. Державин, видели апокалипсического зверя, но считает позорным укоры „властителю осужденному,“ даже воздает ему хвалу;

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развѣнчанную тѣнь!

Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Зачѣмъ, скажите, Калараши,
Несутъ такъ быстро кони ваши
По гладкой скатерти луговъ
Меня, кропателя стиховъ,
Который глупъ и безтолковъ,
Въ проклятый городъ Кишиневъ?...

„Сколько мнѣ извѣстно, стихотвореніе это было единственнымъ, съ котораго Пушкинъ снялъ себѣ копию въ Каларашахъ, послѣ того какъ однимъ, что называется, духомъ написалъ его въ случайно подвернувшемся подъ руку альбомѣ хозяйки. Тѣмъ не менѣе оно нигдѣ не было напечатано. Меня, впрочемъ, всегда удивляло впоследствии то странное вообще обстоятельство, что я не встрѣчала въ печати ничего изъ той массы стихотвореній всякаго рода, которыя имъ были написаны въ Бессарабіи не только въ чужихъ домахъ, но главнымъ образомъ у себя на квартирѣ. И только теперь я случайно встрѣтила нѣкоторое объясненіе такой аномаліи. Вотъ что говоритъ г. Смирнова по этому поводу въ февральской книжкѣ *Свердловскаго Вѣстника* за 1893 годъ, на стр. 281-й своихъ *Записокъ*: „На дняхъ онъ (Пушкинъ) сжегъ одну изъ своихъ Кишиневскихъ тетрадей; у него есть предчувствіе, что онъ умретъ молодымъ и внезапно, и онъ говоритъ, что все то, чего онъ не рѣшается сжечь самъ, запечатано и будетъ уничтожено послѣ его смерти, если онъ не успѣетъ самъ этого сдѣлать“.... Жаль однако, что авторъ *Записокъ*, имѣя въ свое время полную возможность къ тому, не поинтересовался узнать истинную причину такого непостижимаго отношенія поэта къ Кишиневскимъ своимъ произведеніямъ, большинство которыхъ стояло не ниже многихъ другихъ его работъ позднѣйшаго времени“.

Окрестности Кишинева.

VIII.

въ томительномъ ожиданіи скоро-
раго возвращенія въ Петербургъ,
Пушкинъ мало-по-малу втяги-
вался въ интересы Кишинев-
скаго общества и, повидимому,
даже какъ будто мирился съ своею участію. По крайней мѣрѣ,
гдѣ только собиралось большое общество, тамъ былъ уже непре-
мѣнно и онъ и отдавался весь времяпрепровожденію данной ми-
нуты. Танцевали ли,—онъ танцевалъ до упаду; играли ли въ карты,—
онъ болѣе всѣхъ входилъ въ азартъ, разжигаясь напрасно надеждою
на неожиданный большой выигрышъ, тѣмъ болѣе, что денежные дѣла
его въ то время были очень плохи (кромѣ жалованья въ количествѣ
700 руб. въ годъ, онъ изрѣдка только получалъ изъ дому небольшія
суммы); сидѣли ли за стаканами,—онъ старался не отстать даже отъ
прославившихся уже кутиль; шелъ ли легкій свѣтскій разговоръ,—онъ
былъ неистощимъ въ островахъ и во всѣ стороны сыпалъ игривыми эпи-
граммами, велся ли ученый споръ,—Пушкинъ и въ немъ принималъ
самое горячее участіе, весьма искусно направляя его такъ, чтобы воз-
можно болѣе извлечь для себя изъ этого спора научныхъ свѣдѣній. въ
необходимости которыхъ успѣлъ глубоко убѣдиться. Самолюбіе его не
знало границъ; онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ
напротивъ—всюду и во всемъ старался быть *первымъ*. Въ этомъ, безъ
сомнѣнія, сказывалась его горячая африканская кровь, которая вѣчно въ
немъ бурлила и никогда не давала ему покоя.

Не обходилось при этомъ, конечно, дѣло безъ временныхъ увлеченій, равно какъ не обходилось и безъ столкновений, въ особенности послѣ того, какъ изъ Петербурга все приходили неутѣшительныя вѣсти, надежда на скорое возвращеніе въ столицу попрежнему оставалась только одной надеждой; положеніе при И. Н. Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какимъ-то двусмысленнымъ. „Большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ, не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же, имъ досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высокопоставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается,—и все ему проходить. Степенное Кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему, напр., небрежнаго наряда. Досадно имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубиною. Вдобавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ Кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрялся умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. *Языкъ мой—арагъ мой*,—пословица, ему хорошо знакомая. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него въ Россіи.“¹⁾ Одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ, пользуясь игрою слова *бессарабскій*, намекая на смуглую физіономію поэта, выразился о немъ, что онъ *теперь—бѣсъ арабскій*.

Едва ли не первымъ столкновеніемъ Пушкина было столкновеніе его съ *Θ. Θ. Орловымъ*, полковникомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, въ концѣ октября 1820 года пріѣхавшимъ въ Кишиневъ къ брату ген. М. Θ. Орлову. Удаливость *Θ. Θ. Орлова* было всѣмъ извѣстно. Послѣ одного изъ крупныхъ проигрышей, въ молодости, онъ рѣшилъ было покончить съ собой передъ трюмо, въ особомъ нарядѣ; но, вслѣдствіе слишкомъ большого заряда, пистолетъ разорвало, и пуля прошла черезъ подбородокъ въ шею. Въ отечественную войну онъ выдѣлился изъ среды другихъ своимъ безстрашіемъ и въ 1813 году подъ Бауценомъ или Герлицемъ потерялъ ногу. Разъ за обѣдомъ у брата подходитъ онъ къ *И. П. Липранди* и къ полковнику *А. П. Алексѣеву* и заявляетъ, что будетъ гораздо пріятнѣе куда-нибудь отправиться, нежели слушать

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1185—1886.

разговоръ „братца съ *Охотниковымъ* о политической экономіи“. Липранди и Алексѣевъ охотно приняли его предложеніе, при чемъ Теодоръ Теодоровичъ замѣтилъ, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушелъ—и тотчасъ же вышелъ подъ руку съ Пушкинымъ. Компанія отправилась безъ опредѣленной цѣли, куда идти. Предложеніе Алексѣева идти къ нему было единогласно отвергнуто, и рѣшили идти въ бильярдную *Гольды*. Здѣсь не было ни души. Спросили портеру. Орловъ и Алексѣевъ начали играть на бильярдѣ на интересъ и въ придачу на третью партію вазу жжонки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порѣшили пить *круговой*. Первая ваза кое-какъ сошла съ рукъ, но вторая сильно подѣйствовала на Пушкина. Пушкинъ развеселился, началъ подходить къ бортамъ бильярда и мѣшать игръ. Орловъ назвалъ его школьникомъ, а Алексѣевъ присовокупилъ, что школьниковъ проучиваютъ. Пушкинъ, перепутавъ шары, не остался въ долгу и на слова; кончилось тѣмъ, что онъ вызвалъ обоихъ на дуэль, а Липранди пригласилъ въ секунданты. Въ десять часовъ утра всѣ должны были собраться у Липранди. Было около полуночи. Липранди пригласилъ Пушкина ночевать къ себѣ. Дорогой Пушкинъ уже опомнился и началъ бранить себя за свою арабскую кровь. Липранди, между прочимъ, представилъ ему, что причина вызова не совсѣмъ хорошая, и что надо какъ-нибудь замять. —„Ни за что!—произнесъ Пушкинъ, остановившись: я докажу имъ, что я не школьникъ!“—„Оно все такъ,—отвѣчалъ Липранди,—но все-таки будутъ знать, что всему виной жжонка, а притомъ я нахожу, что и бой не ровный“.—„Какъ не ровный?“ опять остановившись, спросилъ Пушкинъ. Чтобы скорѣй разрѣшить его недоумѣніе и затронуть его самолюбіе, Липранди сказалъ: „Не ровный—потому, что, можетъ быть, изъ тысячи полковниковъ двумя меньше, да еще и какихъ—ничего не значить, а вы двадцати двухъ лѣтъ уже извѣстны“ и т. п. Пушкинъ молчалъ. Подходя уже къ дому, онъ произнесъ: „Скверно, гадко; да какъ же кончить?“—„Очень легко,—отвѣчалъ Липранди: вы первые начали смѣшивать ихъ игру; они вамъ что-то сказали, а вы имъ вдвое, и, наконецъ, не они, а вы ихъ вызвали. Слѣдовательно, если они пріѣдутъ не съ тѣмъ, чтобы становиться на барьеръ, а съ предложеніемъ помириться, то вѣдь честь ваша не пострадаетъ“. Пушкинъ долго молчалъ и, наконецъ, сказалъ по-французски: „Это басни: они никогда не согласятся; Алексѣевъ—можетъ быть,—онъ семейный; но Теодоръ—никогда: онъ обрекъ себя на натуральную смерть,—все-таки лучше умереть отъ пули Пушкина, или убить его, нежели играть жизнью съ кѣмъ-нибудь другимъ“. Липранди не отчаявался въ успѣхъ. Закусивъ, онъ уложилъ Пушкина, а самъ, не спавши, дождался утра и въ восьмомъ часу поѣхалъ къ Орлову. Здѣсь сказали, что онъ только-что выѣхалъ. Это нѣсколько озадачило Липранди, который опасался, чтобы

Орловъ не попалъ къ нему на квартиру раньше его самого, и поспѣшилъ къ Алексѣеву. Проѣзжая мимо своей квартиры, Липранди увидѣлъ, что у его квартиры нѣтъ экипажа, у подъѣзда же Алексѣева стоялъ. Едва Липранди показался въ дверяхъ, какъ Орловъ и Алексѣевъ оба въ одинъ голосъ объявили, что сейчасъ собирались къ нему посовѣтоваться, какъ бы покончить глупую вчерашнюю исторію. — „Очень легко, — отвѣчалъ имъ Липранди: пріѣзжайте въ 10-ть часовъ. какъ условились, ко мнѣ; Пушкинъ будетъ, и вы прямо скажете, чтобы онъ, такъ какъ вы, позабылъ вчерашнюю жжонку“. Они охотно согласились. Но Орловъ не довѣрялъ, что Пушкинъ помирится на этомъ. Возвратившись къ себѣ, Липранди нашелъ Пушкина уже вставшимъ и съ свѣжей головой, обдумывавшимъ вчерашнее столкновение. На сообщенный ему результатъ свиданія, онъ взялъ Липранди за руку и просилъ, чтобы тотъ сказалъ ему откровенно: не пострадаетъ ли его честь, если онъ согласится оставить дѣло? Липранди повторилъ ему сказанное наканунѣ, что не они, а онъ ихъ вызвалъ на дуэль, и они просятъ мира: „такъ чего же больше хотѣть?“ Пушкинъ согласился и, казалось, успокоился. Видимо, онъ страдалъ только потому, что столкновение случилось за бильярдомъ, при жжонкѣ: „а не то славно бы подрался, — ей-Богу, славно!“ Черезъ полчаса пріѣхали Орловъ и Алексѣевъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, — и всѣ трое были довольны. За обѣдомъ въ этотъ день у Алексѣева Пушкинъ былъ очень веселъ и, возвращаясь, благодарилъ Липранди и просилъ, что если когда представится еще такой случай, то чтобы не отказалъ въ своихъ совѣтахъ и проч. ¹⁾).

Слѣдующее столкновение произошло у Пушкина за карточнымъ столомъ, судя по обстановкѣ дуэли, въ маѣ или въ началѣ іюня 1821 г. Металь банкъ одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба — *Зубовъ*. Игра шла сперва спокойно; когда же нѣсколько картъ Пушкина были убиты сряду, тогда онъ потребовалъ карты у банкмета, перетасовалъ ихъ, поставилъ удвоенный кушъ, примазалъ къ этому свой проигрышъ, — но карта была снова убита. Пушкинъ остановился и, обращаясь къ участвовавшимъ въ игрѣ, сказалъ: „Дѣло-то, какъ видно по всему, дрянъ, и не слѣдовало бы платить за подобнаго рода проигрыши....“ и бросилъ проигранные деньги на столъ. Эти слова, сказанныя Пушкинымъ при другихъ офицерахъ-понтерахъ, прямо въ глаза Зубову, разнеслись тотчасъ же по городу и были причиною насмѣшекъ надъ нимъ. Слова: „дѣло-дрянь“ вошли потомъ въ поговорку. На другой день утромъ Пушкинъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и, по обыкновенію, упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль, какъ зашелъ къ нему Зубовъ. — „Такъ дѣло-то дрянъ?“ — проговорилъ Зубовъ, уставивъ сверкающіе

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1413-1416.

глаза на Пушкина.—„Проѣхала!“ кивнувъ головою, отвѣчалъ Пушкинъ.—„Для васъ это, можетъ быть, и такъ,—сказалъ Зубовъ, понижая голосъ,—но поймите, Александръ Сергѣевичъ, мое положеніе.... моя запятнанная честь!....“—„Запятнанная честь?—прервалъ, улыбаясь, Пушкинъ: да это давно извѣстно, что нѣтъ микроскопа, который бы такъ увеличивалъ, какъ глаза человѣка, когда онъ разсматриваетъ самого себя.... Ну, запятнанная честь—и что дальше?“—„Пятно необходимо омыть!“—„Не шампанскимъ ли? Да у меня вотъ тутъ-то пустота,—проговорилъ Пушкинъ, ударяя по своему карману,—пустота степей африканскихъ“....—„Это не шампанскимъ оmyвается“, отвѣчалъ Зубовъ, приподнявъ голосъ.—„Ужъ, конечно, если не шампанскимъ, то кровью,—сказалъ улыбаясь Пушкинъ: но во всякомъ случаѣ предварительно полюбуемся, какъ моя пуля мнѣ послушна.“—Вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ, и пуля попала въ цѣль.—„Каково?“ спросилъ Пушкинъ.—„Оно-то такъ, А. С.,—отвѣчалъ Зубовъ,—но это собственно дѣлаетъ только честь вамъ.“—„О! когда идетъ дѣло собственно о вашей чести, то за чѣмъ же дѣло стало? будемъ стрѣляться.“—„Но я не въ такой степени золъ на васъ, А. С., чтобы дѣло могло дойти до серьезнаго.“—„Что вамъ пуля страшна, то это давно мнѣ извѣстно“, сказалъ Пушкинъ.—Зубовъ опустилъ голову и молчалъ.—„Такъ какимъ же образомъ вы хотите безъ выстрѣла омыть кровью противника запятнанную честь свою?“....—Зубовъ не отвѣчалъ. Тутъ Пушкинъ плюнувъ проговорилъ: „Я ровно ничего не понимаю, чего вы отъ меня хотите“. Зубовъ поднималъ смущенные глаза на Пушкина, потомъ замѣтно что-то хотѣлъ сказать—и снова опустилъ ихъ....—„Понятно,—сказалъ Пушкинъ, подходя къ Зубову,—мы стрѣляемся. Я вызовъ вашъ принимаю. Попадете ли вы въ меня, или не попадете, это для меня ровно ничего не значитъ; но для того, чтобы въ васъ больше было смѣлости, предупреждаю: стрѣлять въ васъ я совершенно не намѣренъ.... Согласны?“.

Мѣстомъ для дуэли назначили „Малину“, одну изъ мѣстностей за городомъ. Пушкинъ былъ отъ природы не трусливъ, и это чувство онъ старался въ себѣ воспитывать. У него въ записной книгѣ было внесено одно изъ „наставленій“ кн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусь ли ты; если нѣтъ, то старайся укрѣплять врожденную смѣлость частымъ обращеніемъ съ непріателемъ“. Въ квартирѣ своей, въ домѣ Инзова, Пушкинъ обыкновенно стрѣлялъ въ цѣль, начерченную углемъ на стѣнѣ.

На другой день Зубовъ съ тремя секундантами уже ждалъ на условленномъ мѣстѣ; вдали показался Пушкинъ съ однимъ только секундантомъ. Онъ шелъ тихими шагами, съ фуражкой въ рукѣ. Въ фуражкѣ были у него черешни, которыя онъ самъ ѣлъ и предлагалъ,

по временамъ, своему спутнику. Наконецъ, противники приблизились другъ къ другу. Пушкинъ измѣрилъ глазами Зубова, и когда было отсчитано двѣнадцать шаговъ, сталъ на указанное мѣсто. Безпечно взглянувъ на противника и выплюнувъ косточку черешни, онъ подаль знакъ къ началу. Зубовъ сталъ наводить пистолетъ. Пушкинъ стоялъ, какъ вкопанный. Зубовъ снова сталъ прицѣливаться. Хладнокровіе Пушкина и въ эту минуту было изумительное. Выстрѣлъ раздался.... пуля пролетѣла мимо. Противникъ уставилъ глаза на Пушкина, который не перемѣнялъ своего положенія.—„Что,—спросилъ Пушкинъ,—довольны ли вы?“—Зубовъ, вмѣсто отвѣта и не требуя выстрѣла, бросился къ Пушкину съ намѣреніемъ обнять его; но Пушкинъ, уклоняясь отъ объятій, сказалъ: „Къ чему?... это лишнее“,—и послѣ этихъ словъ сталъ удаляться. Положеніе Зубова въ эту минуту было очень странное. Онъ пошелъ вслѣдъ за Пушкинымъ и что-то говорилъ ему; но замѣтивъ, что Пушкинъ не обращаетъ вниманія на его слова, мало-по-малу отставалъ и поворотилъ въ другую сторону.

Этотъ поединокъ тогда же сдѣлался сказкою города, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общественномъ мнѣніи. Генералъ Инзовъ, когда доложили ему объ этомъ происшествіи, потребовалъ къ себѣ Пушкина и Зубова. На аудіенціи у Инзова Пушкинъ и Зубовъ изложили сущность дуэли и потомъ, когда Пушкинъ посѣтилъ семейство боярина *Варфоломея*, то не стѣсняясь, въ присутствіи гостей, говорилъ: „Кишиневскій воздухъ замѣтно вредно на меня дѣйствуетъ: по совѣту моего *старшаго доктора* (такъ Пушкинъ называлъ генерала Инзова), мнѣ необходимо прожить нѣкоторое время гораздо южнѣе.“—И дѣйствительно, Инзовъ, не желая оставлять дѣло о поединкѣ безъ послѣдствій, удалилъ Пушкина на югъ Бессарабіи, въ г. Аккерманъ, вмѣнивъ ему эту ссылку въ наказаніе.

Къ новому 1822 году Пушкинъ уже опять былъ въ Кишиневѣ, а черезъ нѣсколько дней ему пришлось драться на дуэли съ полковникомъ и командиромъ егерскаго полка *С. Н. Старовымъ*, человекомъ достойнымъ и всѣми уважаемымъ, прославившимся выдающеюся личною храбростію какъ въ отечественную войну, такъ и въ битвахъ заграничныхъ. На святочномъ танцевальномъ вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, служившемъ обычнымъ мѣстомъ общественныхъ собраній, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ играть вальсъ; но Пушкинъ еще раньше условился съ *А. П. Полторацкимъ* начинать мазурку, захопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, и мазурка началась. Полковникъ Старовъ все это замѣтилъ и, подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ, по крайней мѣрѣ, извинился передъ нимъ.

Застѣнчивый молодой человѣкъ началъ мяться и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ.—„Ну, такъ я за васъ поговорю“, возразилъ полковникъ, и послѣ танцевъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣдствіе которыхъ на другой день долженъ былъ состояться поединокъ.

„Въ семь часовъ утра я,—разсказываетъ И. П. Липранди,—былъ разбуженъ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ съ Н. С. Алексѣевымъ. Они разсказали случившееся. Мнѣ досадно было на Старова, что онъ въ свои лѣта поступилъ, какъ прапорщикъ, но дѣла отклонить было уже нельзя, и мнѣ оставалось только сказать Пушкину, что онъ будетъ имѣть дѣло съ храбрымъ и хладнокровнымъ человѣкомъ, не похожимъ на того, какимъ онъ, по ихъ разсказамъ, былъ вчера. Я замѣтилъ, что отзывъ мой о Старовѣ польстилъ Пушкину. Напившись чаю, Алексѣевъ просилъ меня ѣхать съ ними; я долго не соглашался, на томъ основаніи, что, если я поѣду, то Пушкинъ будетъ имѣть двухъ свидѣтелей, а Старовъ—одного: въ такомъ случаѣ должно было бы предупредить его вчера; но потомъ я разсудилъ, что бой будетъ не равный, на томъ простомъ основаніи, что Пушкинъ былъ такъ молодъ, не опытенъ, и хотя въ минуты опасности, я думалъ, онъ будетъ хладнокровнымъ, но съ его чрезвычайной пылкостью, отъ самой ничтожной причины, онъ очень легко могъ выйти изъ подобнаго положенія. Секундантъ его, правда, обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, но въ такихъ случаяхъ былъ также не опытенъ, между тѣмъ какъ Старовъ былъ въ полномъ смыслѣ обстрѣленный, и что меня болѣе всего пугало, такъ это—необразованность его, какъ свѣтскаго человѣка и не знающаго значенія нѣкоторыхъ словъ, а одно такое, будучи произнесено безъ всякаго умысла, было бы достаточно, чтобы произвести взрывъ въ Пушкинѣ. За всѣмъ тѣмъ однакоже я общалъ быть, но съ условіемъ, что заѣду предупредить Старова, чтобы и онъ взялъ еще одного свидѣтеля; но если онъ не успѣетъ, то, конечно, повѣритъ мнѣ и самъ, въ чемъ я не сомнѣвался. Формальность при такихъ случаяхъ неотмѣнно должна быть выполнена, а такъ какъ остается еще полтора часа времени, то я заѣду съ отвѣтомъ къ Алексѣеву, мимо котораго должно будетъ ѣхать въ Рышкановку (село въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, гдѣ должна была состояться дуэль). Мы выѣхали вмѣстѣ; Старовъ, съ полчаса передо мной, уѣхалъ къ подполковнику *Дережинскому*, но и у него я никого не засталъ и поспѣшилъ къ Алексѣеву. Они, обдумавъ, признали, что безъ согласія Старова мнѣ быть на мѣстѣ не ловко, а потому согласились на предложеніе мое находиться на всякій случай вблизи, и мы отправились, ибо время уже подходило. На вопросъ Алексѣева объ условіяхъ, я просилъ его только одного (объ одномъ), чтобы барьеръ былъ не менѣе двѣнадцати шаговъ, и отнюдь

не соглашаться подходить ближе... тогда послѣдствія будутъ ужасны. Пушкинъ горѣлъ нетерпѣніемъ; я ему что-то замѣтилъ, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что неотмѣнно хочетъ быть на мѣстѣ первый. Я остановился въ одной изъ ближайшихъ къ мѣсту мазанокъ. Погода была ужасная: мятель до того была сильна, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было видѣть предмета, и къ этому довольно морозно. Войдя въ мазанку, я приказалъ извозчику посматривать на дорогу или, скорѣй, прислушиваться колесъ, не поѣдетъ ли кто изъ города, и дать мнѣ знать; я все еще думалъ встрѣтить Старова,—но напрасно. Черезъ часъ я увидѣлъ Алексѣева и Пушкина возвращающимися и подумалъ, что успѣхъ остался за ними. Но вотъ что тутъ же я узналъ отъ нихъ. Первый барьеръ былъ на шестнадцать шаговъ; Пушкинъ стрѣлялъ первый и далъ промахъ, Старовъ тоже и просилъ поспѣшить зарядить и сдвинуть барьеръ; Пушкинъ сказалъ: „И гораздо лучше, а то холодно“. Предложеніе секундантовъ прекратить было обоими отвергнуто. Морозъ съ вѣтромъ, какъ мнѣ говорилъ Алексѣевъ, затруднялъ движеніе пальцевъ при заряджаніи. Барьеръ былъ опредѣленъ на двѣнадцать шаговъ,—и опять два промаха. Оба противника хотѣли продолжать, сблизивъ барьеръ; но секунданты рѣшительно воспротивились, и такъ какъ нельзя было помирить ихъ, то поединокъ отложенъ до прекращенія метели. Дрожки наши, въ продолженіе разговора до гребли въ городъ, ѣхали рядомъ и шагомъ, ибо иначе было нельзя. Я отправился прямо къ Старову. Заставъ его за завтракомъ, рассказалъ ему, гдѣ я былъ. Онъ упрекнулъ меня за недовѣріе къ нему и пригласилъ быть свидѣтелемъ, какъ только погода стихнетъ. Когда полковой адъютантъ вышелъ, и мы остались вдвоемъ, я спросилъ его, какъ это пришло ему въ голову сдѣлать такое дурачество въ его лѣта и въ его положеніи? Онъ отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, какъ все это сошлось; что онъ не имѣлъ никакого намѣренія, когда подошелъ къ Пушкину: „да онъ, братецъ, такой задорный“, присовокупилъ онъ.—„Но, согласись, съ какой стати было тебѣ, самому не танцующему, вмѣшиваться въ споръ двухъ юношей, изъ коихъ одному хотѣлось мазурки, а другому вальса?“ На это онъ мнѣ сказалъ, что всему виноватъ его офицерикъ, отказавшійся объясниться съ Пушкинымъ. На замѣчаніе мое, что если офицерикъ его былъ виноватъ, то онъ имѣлъ всю власть взыскать съ него и даже выгнать изъ полка, а прилично ли ему взять на себя роль прапорщика и привязаться къ молодому человѣку, здѣсь по волѣ Государя находящемуся и уже всѣмъ извѣстному своими дарованіями?—„Ну, ты бы убилъ его,—вѣдь всѣ были бы твоими врагами, въ особенности, когда бы узнали поводъ къ дуэли“ и пр. Это нѣсколько подѣйствовало на него, и онъ началъ было соглашаться, что ему не слѣдовало вмѣшиваться, и заключилъ тѣмъ, что теперь уже дѣлать нечего, надо

кончить, и просилъ меня, если я увижу Алексѣева, сказать ему, что не худо поспѣшить; покончить „можно въ клубной залѣ“, прибавилъ онъ.—Я ничего не говорилъ Пушкину, опасаясь, что онъ схватится за мысль стрѣляться въ клубномъ домѣ, но буквально передалъ Алексѣеву весь разговоръ, и онъ общалъ повидаться въ тотъ же день съ Старовымъ. Вечеромъ Пушкинъ былъ у меня, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ же весель, такой же спорщикъ со всѣми, какъ и прежде. Въ слѣдующій день, рано, я долженъ былъ уѣхать въ Тирасполь и на другой день вечеромъ, возвратясь, узналъ миролюбивое окончаніе дѣла, и мнѣ казалось тогда видѣть (sic!) будто бы какое-то тайное сожалѣніе Пушкина, что ему не удалось подраться съ полковникомъ, извѣстнымъ своею храбростію. Однажды какъ-то Алексѣевъ сказалъ ему, что онъ вѣдь дрался съ нимъ, то чего же онъ хочетъ больше, и хотѣлъ было продолжать; но Пушкинъ, съ обычной ему рѣзвостію, сѣлъ ему на колѣни и сказалъ: „Ну, не сердись, не сердись, душа моя, и, вскочивъ, посмотрѣлъ на часы, схватилъ шапку и ушелъ“. ¹⁾

Возвращаясь изъ Рышкановки, съ дуэли, Пушкинъ, по дорогѣ, заѣхалъ къ А. П. Полторацкому и, не заставши его дома, написалъ повторявшійся впослѣдствіи на всѣ лады экспромптъ:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не конченъ.

Между прочимъ, Пушкину весьма польстило, когда, во время примиренія, на слова его Старову: „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ“, послѣдній сказалъ: „И хорошо сдѣлали, Аександръ Сергѣевичъ; я долженъ сказать по правдѣ, что *вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете*“. Пушкинъ кинулся обнимать Старова и съ этихъ поръ считалъ своимъ долгомъ отзываться о немъ не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ поясненіе нужно сказать, что Пушкинъ былъ *очень чувствителенъ*, какъ говорили въ старину, къ своей поэтической дѣятельности и вообще къ литературѣ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о литературѣ, и въ сношеніяхъ его съ литераторами не было челоуѣка строже и взыскательнѣе Пушкина. Онъ съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ все, что писали о немъ свои и иностранные журналы, и дѣлалъ замѣчательно вѣрную оцѣнку какъ своимъ произведеніямъ, такъ и произведеніямъ другихъ писателей.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10. стр. 1417—1421.

Въ первой половинѣ февраля у Пушкина произошло уже новое столкновѣніе съ молдаванскимъ помѣщикомъ и членомъ верховнаго мѣстнаго совѣта *Теодоромъ*, или *Теодораки Балшемъ*.¹⁾ Жена Балша, дочь казненнаго князя *Морузи*, великаго ворника Богдана *Мариола*, лѣтъ подъ 30, была довольно миловидна собою, чрезвычайно остра и очень любила вести легкіе салонные разговоры. Она прекрасно владѣла французскимъ языкомъ, была съ большими претензіями и устраивала у себя изысканные танцевальныя вечера. Пушкинъ любилъ на первыхъ порахъ посѣщать вечера Балшъ. Разговоръ его, въ спокойномъ состояніи духа, ничѣмъ не отличался отъ разговора всякаго образованнаго человѣка, но становился блестящимъ и неукротимымъ потокомъ, какъ только прикасался, такъ сказать, къ какой нибудь струнѣ его сердца или къ мысли, глубоко его занимавшей. Бесѣда Пушкина въ подобныхъ случаяхъ, по свидѣтельству его брата, была замѣчательна почти не менѣе его поэзіи. Особенно передъ слушательницами любилъ онъ расточать всю гибкость своего ума, все богатство своей природы. Онъ называлъ это, на обыкновенномъ насмѣшливомъ языкѣ своемъ, *кокетничаньемъ съ женщинами*. Вотъ почему, не смотря на извѣстную небрежность его костюма, на неправильныя, хотя и энергическія, черты лица, Пушкинъ вселялъ такъ много привязанности въ сердцахъ, оставлялъ такъ много неизгладимыхъ воспоминаній въ душахъ всѣхъ, кто только ближе узнавалъ его.—На блестяще-остроумные, подчасъ довольно *смѣлые*, обороты его бесѣды Балшъ отвѣчала съ рѣдкою изворотливостью и находчивостью свѣтской женщины, въ одно и то же время поощряющей такой характеръ и тонъ разговора—и умѣющей удержать его въ должныхъ предѣлахъ приличія. Между Пушкинымъ и Балшъ началось видимое сближеніе. Но вотъ,—читаемъ въ дневникъ И. П. Липранди,—„появилась въ салонахъ нѣкто *Албрехтша*; она была годами двумя старше Балшъ, но красивѣй, съ свободными европейскими манерами; много читала романовъ, многіе провѣряла опытомъ и любезностью своею поставила Балшъ на второй планъ; она умѣла поддерживать салонный разговоръ съ Пушкинымъ и временно увлекала его. У Балшъ породилась ревность; она начала дѣлать Пушкину намеки и, получивъ однажды отъ него отзывъ, что женщина эта (*Албрехтша*)—историческая и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Онъ сталъ съ ней сдержаннѣе и вздумалъ любезничать съ ея дочерью *Аникой*, столь же острой на словахъ, какъ и мать ея,—но любезничалъ такъ, какъ можно было только любезничать съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Оскорбленное самолюбіе матери и ревность къ *Албрехтшѣ* (она приняла любезничанье съ ея

¹⁾ Балшъ впоследствии былъ назначенъ *истманомъ*, т. е. главнокомандующимъ войсками Молдавіи.

дочерью—ребенкомъ въ смыслѣ, что будто бы Пушкинъ желалъ этимъ показать, что она имѣетъ уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности" ¹⁾ и стала при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ придирается къ нему. Въ то время въ кишиневскомъ обществѣ много говорили о пощечинѣ, данной въ театрѣ, въ креслахъ, однимъ молдаванскимъ аристократомъ прапорщику изъ молдаванъ же, выгнанному изъ вѣдомства путей сообщенія. Объ *удовлетвореніи* оскорбленный не обмолвился ни словомъ, и И. П. Липранди замѣтилъ Пушкину по этому поводу: „чего отъ нихъ требовать? У нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человѣкъ, да ихъ руками *отдубасить* противника“. Это сказано было въ присутствіи нѣсколькихъ „значительныхъ“ молдаванъ, но изъ нихъ никто не выразилъ ни малѣйшаго протеста,—и съ тѣхъ поръ Пушкинъ началъ смотрѣть на молдаванъ „съ болѣе вѣрной точки зрѣнія и такъ сообразовать свой образъ обращенія съ ними“; съ этихъ же поръ онъ пересталъ носить при себѣ пистолетъ, когда выходилъ изъ дому, а „вооружался желѣзной палкой въ осмнадцать фунтовъ вѣсу.“ ²⁾ На одномъ изъ вечеровъ у вице-губернатора (молдавано-грека по происхожденію) *М. Е. Крупянскаго* Пушкинъ, въ разговорѣ съ г—жею Балшъ, сказалъ, между прочимъ, задѣвая молдаванъ: „Экая тоска! хоть бы кто нанялъ подраться за себя!“ Балшъ вспыхнула.—„Деритесь лучше за себя“, возразила она.—„Да съ кѣмъ же?“—„Да вотъ хоть съ Старовымъ: вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили“.—Нужно замѣтить, что въ городѣ далеко не всѣ знали о состоявшемся между Пушкинымъ и Старовымъ примиреніи, и о каждомъ изъ противниковъ ходили двусмысленные слухи. Нечего и говорить, какъ сильно уязвилъ Пушкина брошенный прямо въ лицо г—жею Балшъ намекъ.—„Если бы на вашемъ мѣстѣ былъ вашъ мужъ, я сумѣлъ бы поговорить съ нимъ!—съ запальчивостью отвѣчалъ Пушкинъ: а потому, ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ?“ Прямо отъ нея Пушкинъ направился къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызвалъ его и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ разспросить жену; но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей.—„Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену?“ сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомеріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша. Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха произошла страшная, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію М. Я. Крупян-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1422—1423.

²⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1423—1424.

скаго и П. С. Пушина, командовавшего тогда дивизіей, за отъѣздомъ Орлова, Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый молдаванинъ и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?“ Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину и вслѣдъ затѣмъ вынулъ пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пушину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ блѣднаго, какъ полотно, и улыбающагося. Инзовъ посадилъ Пушкина подъ арестъ на двѣ недѣли. ¹⁾

Около этого же времени было у Пушкина и еще одно столкновение съ старшимъ членомъ управленія колоніями с. с. *И. Н. Лановымъ*, бывшимъ адъютантомъ кн. Потемкина. Человѣкъ не безъ образованія, Лановъ преклонялся предъ табелью о рангахъ и почитаніемъ старшихъ, будучи и самъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ (65 лѣтъ отъ роду). Естественно, что Лановъ не выносилъ Пушкина, который ничего этого не признавалъ, состоялъ на какомъ-то особомъ положеніи при Инзовѣ и вѣчно школьничалъ, не разбирая ни чиновъ, ни возраста людей, съ которыми позволялъ себѣ тѣ или другія продѣлки. На высокомѣрное и даже презрительное отношеніе къ себѣ Ланова Пушкинъ отвѣчалъ острыми эпиграммами и невинными шутками и былъ очень доволенъ, когда возбуждалъ ими смѣхъ среди присутствующихъ. Не мало матеріала для этихъ эпиграммъ и шутокъ давала самая наружность Ланова, который былъ „средняго роста, плотнаго сложенія, съ большимъ брюхомъ, самодовольнымъ, широкимъ, краснымъ, лоснящимся отъ усерднаго поклоненія Бахусу лицомъ“. Лановъ почти каждый день обѣдалъ у Инзова, и потому долженъ былъ часто встрѣчаться за тѣмъ же столомъ съ Пушкинымъ. Одинъ разъ онъ обозвалъ расходившагося за обѣдомъ Пушкина *молокососомъ*; Пушкинъ, въ отвѣтъ, назвалъ его *винососомъ*. Это случилось передъ самымъ окончаніемъ стола. Инзовъ добродушно улыбался и, вставъ изъ-за стола, пошелъ къ себѣ; между тѣмъ Лановъ требовалъ отъ Пушкина поединка. Пушкинъ только хоталъ, особенно когда Лановъ продолжалъ настаивать, рассказывая при этомъ о своихъ поединкахъ при князѣ Таврическомъ. Лановъ нѣсколько успокоился тогда только, когда Пушкинъ принялъ, наконецъ, его вызовъ. Инзовъ, услышавъ неудержимый смѣхъ Пушкина, возвратился въ столовую и скоро помирилъ ихъ. Лановъ, изъ чинопочитанія къ Инзову, согласился оставить все безъ послѣдствій, а Пушкинъ былъ очень радъ, что ему не придется очутиться въ смѣшномъ положеніи.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1168—1169.

Наконецъ, во второй половинѣ 1822 года, по словамъ Бартенева ¹⁾ и Зеленецаго ²⁾ Пушкинъ, опять за картами, повздоровши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвой ударилъ его въ лицо. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаиль, а противника его въ Новоселицу. Поѣздка въ Измаиль, по Буджацкой пустынь, надолго осталась памятна Пушкину. Ему надоѣла кишиневская жизнь, надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевой жизнью. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ таборомъ. Весьма вѣроятно, что у цыганъ Пушкинъ и назывался *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось и безъ любви, о чемъ даетъ право предполагать необыкновенная искренность и жизненность поэмы— „Цыгане“: въ жилахъ поэта текла та же восточная кровь.

Но было бы большою ошибкою думать, будто Пушкинъ являлся какимъ-то задорнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ. Всякій разъ, какъ онъ становился лицомъ къ лицу къ небольшому кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ своихъ, байронизмъ его исчезалъ весь безъ остатка, какъ облако, разнесенное вѣтромъ по небу. „Они. имѣли,—говоритъ П. В. Анненковъ,—постоянное счастье видѣть простаго Пушкина, безъ всякихъ примѣсей, съ чарующей лаской слова и обращенія, съ неудержимой веселостію, съ честнымъ и добродушнымъ оттѣнкомъ въ каждой мысли. Чѣмъ онъ былъ тогда—хорошо обнаруживается и изъ множества глубокихъ, неизгладимыхъ привязанностей, какія онъ оставилъ послѣ себя. Замѣчательно при этомъ, что онъ всего свободнѣе раскрывалъ свою душу и сердце передъ добрыми, простыми, честными людьми, которые не мудрствовали съ нимъ о важныхъ вопросахъ, не занимались устройствомъ его образа мыслей и ничего отъ него не требовали, ничего не предлагали въ обмѣнъ или прибавку къ дружескому своему знакомству. Сверхъ того, въ Пушкинѣ безпрестанно сказывалась еще другая замѣчательная черта характера: онъ никакъ не могъ пропустить мимо себя безъ вниманія человѣка со скромнымъ, но дѣльнымъ трудомъ, забывая при этомъ всѣ требованія своего псевдобайроническаго кодекса, учившаго презирать людей, безъ послабленій и исключеній. Всякое сближеніе съ человѣкомъ серьезнаго характера, выбравшимъ себѣ родъ дѣятельности и честно проходящимъ его, имѣло силу уничтожать въ Пушкинѣ до корня всѣ байроническія замашки и превращать его опять въ настоящаго, неподдѣльнаго Пушкина. Онъ становился тогда способнымъ понимать стремленія и завѣтныя наде-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8-9, стр. 179-181.

²⁾ „Москвитянинъ“. 1854 г., № 9, стр. 6.

жды лица, какъ еще онѣ ни были далеки отъ его собственныхъ идеаловъ, и при случаѣ давать совѣты, о которыхъ люди, ихъ получившіе, вспоминали потомъ долго и не безъ признательности. Такимъ образомъ, душевная прямота, внутренняя честность и дѣльное занятіе, встрѣчаемая имъ на своемъ пути, имѣли силу отрезвлять его отъ наводненій страсти ¹⁾).

Вообще, Пушкинъ, по единогласному завѣренію почти всѣхъ его біографовъ, былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ.

г. Измаиль теперь.

---

¹⁾ П. В. Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", стр. 210-211.

Типъ цыганки.

А. С. Пушкинъ

— НА ЮГЪ РОССИИ.

IX.

Цѣлый рядъ столкновений въ самое короткое время первоначальнаго пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ заставилъ мѣстное общество говорить о немъ. Имя Пушкина всѣми произносилось *особымъ* тономъ и съ *особымъ* выраженіемъ лица. Одни видѣли въ немъ просто распущеннаго

„повѣсу“, въ то время какъ другіе окружали его ореоломъ таинственности и видѣли въ немъ какого-то демоническаго героя. Дѣйствительные, обыкновенные случаи и происшествія, въ которыхъ принималъ такое или иное участіе Пушкинъ, при передачѣ изъ устъ въ уста, разростались до чисто-сказочныхъ размѣровъ, слагались цѣлыя легенды о его походахъ. Достаточно сказать, что, напр., одинъ разъ Пушкинъ игралъ въ карты всю ночь и проигрался до копейки. Возвратившись съ разсвѣтомъ на свою квартиру, онъ зашелъ въ бакалейную лавку купца *Петрова* и потребовалъ вина. Нужно было заплатить, а денегъ не было; тогда Пушкинъ предложилъ хозяину послать съ нимъ на квартиру приказчика за полученіемъ денегъ.— „Ничего, будетъ за вами, — сказалъ хозяинъ: вы не захотите нашего“. — „Да вѣдь вы меня не знаете“. — „Какъ не знаемъ — вы господинъ Пушкинъ“. — „Что я Пушкинъ — вы это знаете, но дѣло въ томъ: отдамъ ли я вамъ деньги, этого навѣрно вы никакъ не можете знать“, отвѣчалъ Пушкинъ и съ этими словами снялъ съ себя фуражку и положилъ ее передъ купцомъ. Потомъ добавилъ: „Замѣтно, вы, г. Петровъ,

хотите дѣйствовать противъ собственныхъ убѣжденій. Вѣдь вы очень хорошо знаете принятое всѣми народами правило: почитай всѣхъ честными и живи со всѣми, какъ съ плутами, а потому,—прибавилъ Пушкинъ, указывая на фуражку,—я вамъ оставляю ее въ обезпеченіе“.—„Куконицы“ (барышни) рассказывали потомъ въ своихъ семейныхъ кругахъ, какъ „коконашъ“ (молодой баринъ) *Пушика* (ружье) прогуливался по городу безъ „кушмы“ (шапки).

Составленію такого взгляда на себя среди представителей и особенно представительницъ кишиневскаго общества Пушкинъ еще болѣе способствовалъ тѣмъ, что чуть не на каждомъ шагу выкидывалъ „шалости“ одна другой забавнѣе, одна другой смѣлѣе,—и въ этомъ отношеніи былъ неистощимъ и поразительно изобрѣтателенъ. Е. Францова рассказываетъ, что однажды, находясь въ костелѣ во время какой-то весьма торжественной службы, Пушкинъ вдругъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ неподходящій къ случаю веселый мотивъ на органѣ за приглашеніе къ танцамъ. Недолго думая, онъ стремительно подбѣжалъ къ молоденькой хорошенькой полькѣ и, вѣжливо передъ нею расшаркиваясь, предложилъ ей сдѣлать съ нимъ туръ мазурки въ длинномъ проходѣ, между двумя рядами поставленныхъ другъ противъ друга скамеекъ. Робкая барышня, будучи въ костелѣ одна, страшно испугалась такой неожиданности и, предполагая, что имѣетъ дѣло съ ускользнувшимъ изъ-подъ присмотра, сумасшедшимъ, сорвалась съ мѣста и бросилась вонъ изъ костела. Тогда Пушкинъ, догадавшись о ея заблужденіи, вздумалъ продолжать свою шутку и дальше. Онъ также выбѣжалъ вслѣдъ за мчавшеюся по улицамъ полькой и, не обращая вниманія на удивленіе и испугъ встрѣчавшихся по дорогѣ прохожихъ, съ дикимъ ревомъ и злобными возгласами настоящаго сумасшедшаго, долго гнался за барышней, подобно вѣтру летѣвшей изъ улицы въ улицу. Наконецъ, она вбѣжала въ открытыя ворота какого-то дома, куда Пушкинъ за нею не послѣдовалъ, а остановился на улицѣ противъ дома, гдѣ скрылась молодая полька, тотчасъ же съ любопытствомъ подбѣжавшая съ нѣсколькими дамами къ раскрытому окну на улицу. Пушкинъ, видимо, этого ожидалъ, и едва барышня стала у окна, какъ онъ, граціозно съ нею раскланявшись, послалъ ей воздушный поцѣлуй, сопровождая его такимъ экспромптомъ:

Попросилъ я варшавянку
Туръ со мной протанцовать....
Убѣжала.... Но бѣглянку
Я успѣлъ таки догнать,
Поцѣлуй потомъ послать
И въ окошко ей сказать,
Что хочу ее обнять!....

Последнее обстоятельство, само собою разумеется, доказало молоденькой полькѣ, что сыгравшій съ нею такую непозволительную шутку незнакомецъ далеко не былъ тѣмъ сумасшедшимъ, за какого она его приняла.... Черезъ нѣсколько времени Пушкину опять пришлось случайно встрѣтиться съ тою же барышней, при чемъ онъ совѣмъ ея не узналъ, она же узнала его сразу. Дѣло происходило въ концертѣ, гдѣ полька была уже съ матерью и, какъ на грѣхъ, сидѣла неподалеку отъ своего недавняго мистификатора. Но нужно предварительно замѣтить, что Пушкинъ, всегда и всѣхъ, не стѣсняясь, фиксировавшій взглядомъ своимъ, самъ не могъ выносить ничьего пристальнаго на себѣ взгляда и приходилъ въ страшное раздраженіе, если замѣчалъ или чувствовалъ, что на него кто-либо смотритъ. Когда полька узнала своего недавняго преслѣдователя, то сейчасъ же указала на него матери и затѣмъ стала пристально смотрѣть на Пушкина вмѣстѣ съ послѣдней. Замѣтивъ это, Пушкинъ, продолжая не узнавать барышню, началъ мало-по-малу приходить все въ больший и больший гнѣвъ и, наконецъ, не выдержавъ, быстро сдѣлавъ шага два впередъ, остановившись вплотную предъ барышней, которую съ своей стороны сталъ нагло разсматривать, сверкая на нее загорѣвшимися гнѣвомъ глазами. Но барышня, сидя рядомъ съ матерью и зная теперь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, нисколько не испугалась и продолжала съ насмѣшливой улыбкой глядѣть на стоявшаго передъ ней поэта, вполне, впрочемъ, увѣренная, что онъ ее тотчасъ же узналъ и, по всей вѣроятности, сильно влюбленъ въ нее. Все это происходило въ антрактѣ, когда половина публики вышла изъ залы, и продѣлки двухъ молодыхъ людей были очень замѣтны тѣмъ, кто остался неподалеку отъ нихъ. Наконецъ, Пушкинъ, потерявъ всякое терпѣніе, громко воскликнулъ, не узнавая продолжавшей раздражать его молоденькой и слишкомъ уже самонадѣянной барышни:

Ваши глазки и вашъ носъ
Задаютъ такой вопросъ:
„Не женихъ ли ты свободный,
Vis à vis мой благородный?“
Отвѣчаю вамъ сейчасъ,
Не бояся вашихъ глазъ,
Повторить готовъ сто разъ:
„Да, женихъ,—но не для васъ!“....

Можно себѣ представить, какъ сконфузилась бѣдная полька, услышавъ такой ироническій экспромптъ, обратившій на нее всеобщее насмѣшливое вниманіе оставшейся въ залѣ публики. Къ счастью, на эстрадѣ тотчасъ же кто-то запѣлъ, и сразу нахлынувшая

толпа слушателей помѣшала сосѣдямъ молодой дѣвушки смущать ее своимъ дальнѣйшимъ пытливымъ оглядываніемъ и довольно громкимъ шушуканьемъ. Пушкинъ же, проговоривъ экспромптъ, тотчасъ же успокоился и, какъ ни въ чемъ не бывало, равнодушно усѣлся на свое мѣсто, спиной къ барышнѣ и ея матери. Послѣдняя дотога была озадачена и разсержена неприличною выходкой сосѣда, что въ первую минуту не только не нашлась, что отвѣтить ему, но даже оставалась стоять на ногахъ съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ до тѣхъ поръ, пока опомнившаяся дочь не потянула ее съ силой за платье. Тутъ она, не владѣя, какъ слѣдуетъ, русскимъ языкомъ, начала буквально осыпать Пушкина всякими бранными словами, тогда какъ онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Сосѣди хотали вокругъ отъ души и этимъ еще больше подзадоривали расходившуюся старую польку, вообразившую, что Пушкинъ изъ страха не отвѣчаетъ ей больше ни словомъ, ни жестомъ. Наконецъ, она, выложивъ весь свой запасъ комично выговариваемыхъ по-русски оскорбительныхъ словъ, торжествуя оглядѣла сосѣдей и прибавила, почти дотрогиваясь рукой до спины неподвижно сидѣвшаго передъ нею поэта: „Алежъ добже рѣбить этотъ нахальный гѣманъ, что не показуеъ намъ своего чернаго цыганскаго образа. Не дай Богъ въ нѣчи такое бы выснілось, то я бы страшно спугалась и спать не змѣгла бы... *Сзадю* онъ, дали Бугъ, лучшій, чѣмъ *съ тшуду* (спереди).“ Не успѣла старуха окончить эту фразу, какъ Пушкинъ медленно поднялся во весь ростъ и, не поворачиваясь къ ней лицомъ, выразительно и громко проговорилъ, при всеобщемъ гомерическомъ хохотѣ ближайшихъ сосѣдей обоого пола: „Моя любезная и милая сосѣдка! *вы будете сейчасъ же вполне удовлетворены*“.. Затѣмъ Пушкинъ самымъ хладнокровнымъ образомъ позволилъ себѣ такую школьническую выходку, сопровождая ее соответствующими словами по адресу польки, отъ которой долго потомъ вся зала буквально помирала со смѣху. Обѣ польки стремительно выскочили изъ залы, а слишкомъ уже напроказившій поэтъ, хотя и опустилсѣ было очень спокойно на стулъ, но до окончанія концерта все же не оставался. ¹⁾

Та же Е. Францова рассказываетъ еще и о слѣдующей забавной продѣлкѣ Пушкина. Проживала въ то время въ Кишиневѣ княгиня Ка.....же (*Караджи? Катаржи?*), которая страшно не любила всѣхъ русскихъ вообще, а Пушкина особенно ненавидѣла за его остроумныя и тонкія надъ нею насмѣшки. Княгиня эта, уже очень старая, но сильно молодившаяся и требовавшая поклоненія своей *искусственной* красотѣ, была страшно богата, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне одинока, не имѣя

¹⁾ „Русск. Обзоръ,“ 1897 г., мартъ, стр. 25—27.

никого близкихъ.. Единственною привязанностію ея былъ нообыкновенно способный ученый попугай, который удивительно быстро заучивалъ всякія фразы на какихъ бы то ни было языкахъ. Любила его княгиня, что называется, до безумія и ухаживала за нимъ съ нѣжностью самой преданной матери. Не смотря на множество крѣпостныхъ обоего пола, она сама кормила его изъ своихъ рукъ и довѣряла уходъ за нимъ двумъ специально къ нему приставленнымъ дѣвушкамъ только на время своего отсутствія изъ дома. Огромный домъ княгини находился какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, которое непременно долженъ былъ проходить Пушкинъ, спускаясь отъ Инзова или поднимаясь къ нему обратно, возвращаясь изъ города. И вотъ этимъ-то обстоятельствомъ вздумала воспользоваться княгиня, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отомстить поэту за его вѣчныя надъ собою издѣвательства; она научила попугая нѣсколькимъ браннымъ фразамъ, которыя онъ, находясь на балконѣ, громко произносилъ, едва Пушкинъ появлялся на улицѣ: конечно, попугай не могъ узнавать его въ лицо и начиналъ свою брань, вѣроятно, повинувшись какимъ-нибудь особеннымъ указаніямъ своей госпожи. Но, самолюбивый, вообще, поэтъ на этотъ разъ, не извѣстно почему, нисколько не сердился на мстительную княгиню, и даже самъ со смѣхомъ рассказывалъ всѣмъ и каждому о ея недостойныхъ знатной дамы продолжкахъ. Не разъ онъ нарочно водилъ подъ балконъ княгини знакомыхъ своихъ, вмѣстѣ съ нимъ отвѣчавшихъ на каждую фразу попугая самымъ веселымъ и безобиднымъ смѣхомъ. Такой образъ дѣйствія былъ совсѣмъ не по вкусу княгинѣ, вслѣдствіе чего она скоро прекратила свои демонстраціи. Какъ вдругъ,—о ужасъ!—днемъ и ночью оберегаемая птица внезапно исчезаетъ изъ дому, не извѣстно какъ и куда. Трудно себѣ представить, какой переполохъ произвела эта пропажа въ домѣ княгини. Не смотря на самые тщательные розыски всѣхъ дворовыхъ и городской полиціи, попугая нигдѣ не могли найти. Убитая искреннимъ горемъ, княгиня слегла въ постель и заболѣла такъ серьезно, что доктора долго не могли поручиться за ея выздоровленіе. Но время сдѣлало свое, и мало-по-малу княгиня, хотя и не забыла своего любимца, но окрѣпла снова настолько, что могла попрежнему находить удовольствіе въ воображаемомъ поклоненіи мужчинъ своей красотѣ. Полгода, впрочемъ, прошло, прежде чѣмъ она въ первый разъ послѣ удара рѣшилась показаться на одномъ многочисленномъ балу, гдѣ ее тотчасъ же окружила толпа заискивавшей у богатой старухи молодежи. Но вотъ въ залу медленно входитъ Пушкинъ и, почтительно поклонившись княгинѣ, безмолвно вынимаетъ изъ-подъ фрака пропавшаго попугая. Затѣмъ, прежде чѣмъ, пораженная точно громомъ, княгиня могла раскрыть ротъ отъ удивленія, Пушкинъ внушительно говоритъ нахохлившемуся попугаю:

— Попка! вотъ она, милая княгиня твоя...

— Неправда, не милая она, а злая, противная, раскрашенная старая вѣдьма!, злобно выкрикиваетъ на всю залу хорошо выученный поэтѣмъ попугай и въ страхѣ прячется снова подѣ фракѣ своего новаго учителя и хозяина. Княгиню безѣ чувствѣ вынесли изѣ залы и отвезли въ каретѣ домой ¹⁾...

Одна молдаванская барыня любила снимать въ обществѣ, незамѣтно для присутствующихъ, башмаки, садясь на широкій молдаванскій диванѣ (тогдашніе башмаки походили на нынѣшнія туфли и легко снимались съ ноги). Пушкинѣ на одномѣ изѣ собраній ухитрился стащить снятые башмаки,—и барыня, когда ей пришлось встать съ дивана, чтобы не поставить себя въ неловкое положеніе, вынуждена была пройти въ однихъ чулкахъ до дверей, гдѣ Пушкинѣ подставилъ ей башмаки, добродушно извинившись за свою проказу.

Подобнаго рода *невинныя проказы* очень часто оживляли семейныя собранія, всѣмѣ нравились и дѣлали Пушкина желаннымѣ гостемѣ. Всѣ, напримѣръ, отѣ души хохотали, когда онѣ подойдетъ, бывало, къ ломберному столу и въ одну минуту нарисуетъ мѣломѣ на зеленомѣ сукнѣ (часто дѣлалъ онѣ это въ гостиныхъ, на листѣ бумаги, карандашомѣ) съ поразительно-уморительнымѣ сходствомѣ сестру кишиневскаго губернатора Катакази—*Тарсису* (престарѣлую дѣву) Мадонной и на рукахъ у нея младенцемѣ генерала *Шульмана*, съ оригинальной большой головой, въ огромныхъ очкахъ, съ поднятыми руками и т. д. Или нарисуетъ жену вице-губернатора М. Е. Крупянскаго, у которой былъ восточный типѣ,—похожа; расчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выйдетъ самѣ онѣ; на ту же голову накинеть карандашомѣ чепчикѣ,—получается опять Крупянская.

Имѣя успѣхѣ среди женщинѣ Кишиневского общества, Пушкинѣ и самѣ—на очень, впрочемѣ, короткое время,—увлекался нѣкоторыми изѣ нихъ. Больше другихъ увлекался онѣ женою оберъ-берггауптмана *Марьи Егоровной Эйхфельдтъ* ²⁾, урожденною *Асило*; дочерью члена верховнаго совѣта, у котораго весьма часто устраивались танцевальныя вечера, *Пульхерицей* Варсоломей; дочерью боярина, первой кишиневской красавицей *Маріолой Рали*, или *Земфираки*; дочерью предсѣдателя врачебной управы *Марьей Петровной Шрейберѣ*; женою подполковника *Викторіей Ивановной Вакарѣ*; миловидной и живой пѣвицей *Аникой Сандулаки*; женою полкового командира Охотскаго полка *Еленой Θεодоровной Солов-*

¹⁾ „Русск. Обозрѣн.“, 1897 г., мартѣ, стр. 28—29.

²⁾ М. Е. Эйхфельдтъ, за воображаемое сходство съ *Роской* Вальтеръ-Скоттскаго романа; „Айвенго“, получила прозваніе еврейки; но ее не должно смѣшивать съ „еврейкой“ циническихъ эпиграммѣ Пушкина.

киной и нѣк. др. Предметомъ временнаго каприза поэта была, между прочимъ, и пресловутая *Калипсо Полихрони*. Она бѣжала изъ Константинополя послѣ этеріи сначала въ Одессу, около же половины 1821 года, вмѣстѣ съ своею матерью, вдовой логовета, поселилась въ двухъ маленькихъ комнатахъ въ Кишиневѣ. Въ обществѣ она очень рѣдко показывалась; но Пушкинъ любилъ посѣщать убогую квартиру Полихрони и слушать оригинальныя, по сопровождавшимъ ихъ жестамъ и игрѣ глазъ, а также по напѣвамъ, турецкія пѣсни, которыя хорошо пѣла Калипсо. Изъ себя же Калипсо была скорѣе даже не красива. Она была чрезвычайно маленькаго роста, какая-то недоразвившаяся физически; длинное, сухое лицо ея, сверху до низу какъ бы раздѣленное на двѣ половины огромнымъ носомъ, всегда было нарумянено, по турецкому обычаю, господствующему и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ блистательной Порты; большіе огненные глаза, подведенные „сурьме,“ горѣли, какъ огонь; густые длинные волосы волнистыми прядями разсыпались по плечамъ и спинѣ. Калипсо умѣла говорить только по-гречески и по-румынски, и не извѣстно, какимъ образомъ могъ объясняться съ ней Пушкинъ, незнавшій ни греческаго, ни румынскаго языковъ.

Болѣе серьезнымъ увлеченіемъ Пушкина въ Кишиневѣ было увлеченіе его *Людмилой И-зи*. За нѣсколько лѣтъ до „ссылки“ Пушкина на югъ Россіи Людмила И-зи была простой кочующей по Бессарабіи цыганкой *Шекарой*. Необыкновенная красота Шекары совершенно свела съ ума молодого богатаго румына Бо-ско, и онъ въ концѣ концовъ женился на Шекарѣ, такъ какъ родители ея не согласились ни за какія деньги продать дочь въ сераль Бо-ско. Года черезъ полтора послѣ женитьбы Бо-ско на охотѣ неловко перепрыгнулъ черезъ оврагъ, сломалъ ногу и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого завѣщанія. Всѣ думали, что единственной наслѣдницей состоянія Бо-ско будетъ Людмила; но вскорѣ послѣ его смерти въ Кишиневѣ пріѣхали родственники Бо-ско, съ неоспоримыми доказательствами на право полученія имѣнія. Такимъ образомъ, Людмила, этотъ избалованный роскошью ребенокъ, осталась нищей. Положеніе ея было безвыходное: Кишиневскій богачъ *И-зи*, уже давно ухаживавшій за Людмилой, воспользовался этимъ ея положеніемъ и предложилъ ей руку и сердце. Хотя Людмила и не любила И-зи, но выбирать было не изъ чего, и она приняла предложеніе. Прошло два мѣсяца послѣ свадьбы, какъ въ Кишиневѣ пріѣхалъ Пушкинъ, вскорѣ сдѣлавшійся душою общества. Пушкина съ радостью принимали во всѣхъ „бонтонныхъ“ домахъ Кишинева, въ томъ числѣ и у И-зи. Пылкій потомокъ африканца, онъ съ перваго же взгляда влюбился въ Людмилу и съ чрезвычайной ревностью скрывалъ отъ всѣхъ свое чувство. „Былъ воскресный день,—разсказываетъ кишиневскій ста-

рожилъ художникъ-любитель *Градовъ*, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ: съ утра у меня сильно болѣла голова, и потому я послѣ обѣда легъ заснуть. Не успѣлъ я раздѣться и лечь, какъ въ мою дверь раздался сильный стукъ. Раздосадованный на непрошеннаго гостя, я надѣлъ туфли и, набросивъ на плечи халатъ, отворилъ дверь. Предо мной стоялъ Пушкинъ.—„Голубчикъ мой!—бросился онъ ко мнѣ: уступи для меня квартиру свою до вечера. Не разспрашивай ничего, разкажу послѣ, а теперь некогда; здѣсь ждетъ одна дама,—да вотъ я введу ее сейчасъ сюда“ вскричалъ онъ и бросился къ дверямъ.—„Пушкинъ, подожди, ради Бога,“ произнесъ я, стараясь его удержать; но уже было поздно. Онъ отворилъ дверь, и въ комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черной вуалью, въ которой я однако съ перваго взгляда узналъ Людмилу. Положеніе мое было болѣе нежели щекотливое: я былъ, какъ уже выше замѣтилъ, въ домашнемъ дезабилье. Схвативъ сапоги и лежавшее на стулѣ верхнее платье, я стремглавъ бросился изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.“¹⁾—Впослѣдствіи все объяснилось. Пушкинъ и Людмила И-зи гуляли вдвоемъ въ одномъ изъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Кишинева садовъ. Мальчикъ, бывшій постоянно при этихъ tête à tête на-сторожѣ, далъ имъ знать, что ѣдетъ И-зи, который уже давно подозрѣвалъ связь Людмилы съ Пушкинымъ и старался поймать ихъ вмѣстѣ. Пушкинъ, испугавшійся не за себя, а за Людмилу, ускакалъ съ ней съ другой стороны и, чтобы запутать преслѣдователей, привезъ ее къ Градову. Однако это не помогло. На другой день И-зи заперъ Людмилу на замокъ и вызвалъ Пушкина на дуэль, которую Пушкинъ принялъ. Пушкинъ просилъ Градова быть секундантомъ. Дуэль назначена была на слѣдующій день утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь садъ *Романдина*; но о предстоявшей дуэли кто-то донесъ генераль-губернатору Инзову, который приказалъ явиться Пушкину и И-зи. Пушкину Инзовъ приказалъ вести себя болѣе прилично, не принимать вызововъ на дуэли и арестовалъ его на десять дней на гауптвахтѣ; а И-зи вручилъ билетъ, въ которомъ значилось, что ему разрѣшается выѣздъ за границу вмѣстѣ съ женой на одинъ годъ. И-зи понялъ намекъ и на другой день выѣхалъ съ Людмилой изъ *Кишинева*. Такимъ образомъ, дуэль не состоялась.

Пушкинъ долго тосковалъ по Людмилѣ и утѣшился только съ переѣздомъ въ Одессу, въ 1823 году, когда его назначили чиновникомъ канцеляріи новаго намѣстника Бессарабіи и Новороссійскаго генераль-губернатора графа *М. С. Воронцова*. Не такова была судьба несчастной Людмилы. Послѣ исторіи съ Пушкинымъ мужъ началъ сильно ее притѣс-

¹⁾ „Одесск. Вѣстн.“ 25 мая 1880 г., № 116; В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи,“ стр. 89—90.

нять; она получила чахотку и умерла въ Кишиневѣ, куда возвратилась съ мужемъ послѣ отъѣзда Пушкина въ Одессу. Кромѣ того, на нее сильно подѣйствовалъ слухъ о новомъ увлеченіи Пушкина въ Одессѣ.

Людмила И-зи имѣла большое вліяніе на творческій духъ Пушкина. Подъ вліяніемъ этой прелестной цыганки Пушкинъ изучалъ бытъ цыганъ, массами бродившихъ тогда по Бессарабіи. Его „Цыгане“ были, между прочимъ, отчасти плодомъ любви къ Людмилѣ, которую онъ увѣковѣчилъ въ образѣ *Земфиры*. Предъ смертью Людмила не скрывала своей искренней и горячей любви къ Пушкину, что дало ему поводъ вложить въ уста Земфиры слѣдующія слова:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня,—
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня!
Ненавижу тебя,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя.

Красавица молдаванка.

X.

въ ноябрѣ 1822 года Пушкинъ во второй—и уже въ послѣдній—разъ побывалъ въ Каменкѣ у Раевскихъ и Давыдовыхъ. Встрѣтившійся здѣсь съ нимъ одинъ изъ его петербургскихъ знакомыхъ рассказываетъ слѣдующее о пребываніи и по поводу

пребыванія въ это время въ Каменкѣ Пушкина: „Пріѣхавъ въ Каменку, я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ, какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я—мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю. Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки-матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, въ послѣдствіи вышедшая въ Парижъ за генерала *Себастьяни*, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ воображалъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она, бѣдная, не знала, что дѣлать, и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя.“—„Я хочу наказать кокетку, — отвѣчалъ онъ: прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось

мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ обществѣ Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая *Каверина* и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ. При этомъ онъ рассказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. Зато, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился, какъ я его знаю..... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ.“¹⁾

Поездка въ Каменку, какъ и слѣдовало ожидать, не только не умиротворила „мятежнаго“ духа поэта, но еще болѣе разстроила его. Если вдали отъ Каменскихъ друзей—и особенно отъ А. Н. Раевского—въ Пушкинѣ началъ было уже отчасти перегорать *русскій байронизмъ*, на что указываютъ нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній этого времени; то теперь, съ оживленіемъ пережитыхъ, полузабытыхъ впечатлѣній новымъ свиданіемъ и новыми бесѣдами, онъ опять овладѣваетъ Пушкинымъ съ первоначальною силою.

Посѣтивши Кіевъ, Пушкинъ всецѣло проникается здѣсь національнымъ чувствомъ и народностью и подъ этимъ впечатлѣніемъ создаетъ всѣмъ хорошо извѣстную „Пѣснь о Вѣсемъ Олегѣ“, которой одной было бы совершенно достаточно для того, чтобы признать его художникомъ первой величины.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ возвратился гнетущимъ и тяжелымъ чувствомъ; здѣсь уже не было М. Ѳ. Орлова, причисленнаго, по служебнымъ непріятностямъ съ корпуснымъ командиромъ *Сабаньевымъ*, къ арміи, а вскорѣ не стало и П. С. Пущина, уволеннаго отъ службы по той же причинѣ. Съ удаленіемъ ихъ изъ Кишинева, кружокъ людей, съ которыми Александръ Сергѣевичъ отводилъ душу, какъ-то сразу опустѣлъ. Рвался раньше Пушкинъ въ столицу и со дня на день съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ петербургскихъ друзей благопріятныхъ вѣстей, теперь жизнь въ Кишиневѣ становится для него совсѣмъ не въ моготу тѣмъ болѣе, что еще раньше посланное имъ са-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1182—1184.

мимъ къ завѣдывавшему въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. *Несселроде* прошеніе такъ и осталось безъ отвѣта. Кишиневскія похождения его и непечатныя произведенія были хорошо извѣстны въ столицѣ, въ особенности благодаря легкомысленной, неосторожной болтливости брата, и надежда на Всемилостивѣйшее прошеніе являлась до поры до времени сладкой, но несбыточной мечтой.

Опять начались „исторіи,“ сопровождавшіяся подчасъ и служебными непріятностями. Одну изъ такихъ „исторій“ сообщаетъ, между прочимъ, Е. Францова. Въ виду того, что сообщаемый ею эпизодъ, и собственно сопровождавшія его послѣдствія—нѣсколько не согласуются съ свѣдѣніями біографовъ Пушкина, и даже относительно показанія времени Е. Францова отчасти сама себѣ противорѣчитъ, оставляемъ крайне любопытный въ біографическомъ отношеніи рассказъ этотъ на ея полной отвѣтственности.

Приглашенъ былъ Пушкинъ вмѣстѣ съ Кириенко-Волошиновымъ въ деревню Паулешты, принадлежавшую помѣщику *Дино-Руссо*. Молодые люди не могли пріѣхать въ назначенный день и явились въ деревню двумя днями позже, такъ что ихъ тамъ уже не ждали. Подъѣзжая роскошнымъ лѣсомъ къ усадьбѣ, они рѣшили пройти оставшіяся двѣ—три версты пѣшкомъ, привязавъ къ дереву своихъ лошадей, за которыми думали потомъ послать кого-либо. Подходя продолжавшимся вплоть до самаго двора лѣсомъ, они вдругъ слышали какіе-то раздражающіе душу женскіе крики, вслѣдъ за которыми прогремѣлъ имъ въ отвѣтъ сильный голосъ мужчины, оказавшагося самимъ хозяиномъ деревни. Молодые люди, еще ничего не видя, въ ужасѣ остановились на мѣстѣ и стали прислушиваться къ дальнѣйшему. Стихнулъ грозный голосъ мужчины, и снова начались рыданія женщины, сопровождаемые такими словами (приводимъ ихъ въ переводѣ съ цыганскаго):

— О, прости меня, господинъ мой, прости!... Дѣлай все, что хочешь, съ тѣломъ моимъ, но не портъ мнѣ лица моего грѣшнаго, которое далъ мнѣ святой мой Богъ!...

На это жалобное воззваніе женскаго голоса помѣщикъ хрипло, но громко заоралъ во все горло слѣдующее приказаніе:

— Молчи проклятая чертова дѣвка!... Не открывай своего поганнаго и злого рта!...

Все это слышали молодые люди уже подъ самымъ балкономъ, а вслѣдъ затѣмъ увидѣли такую картину: посреди балкона стояла привязанная къ столбу высокая и совсѣмъ нагая молодая женщина съ длинными, распущенными, волнистыми волосами, которые, какъ мантией, покрывали все тѣло ея немного ниже колѣнъ. Самъ помѣщикъ стоялъ тутъ же около нея и, обмакивая громадную кисть въ ведро съ дегтемъ, мазалъ ею, куда попало, несчастную женщину (видимо—крѣ-

постную цыганку), отчаянно вертѣвшую головой въ разныя стороны въ надеждѣ спасти отъ этой мазни хоть лицо... Кириѣнко-Волошиновъ не успѣлъ еще ничего рассмотреть, какъ Пушкинъ уже во весь духъ мчался по лѣстницѣ вверхъ. Скоро съ балкона раздался страшный, нечеловѣческій ревъ хозяина усадьбы, на который издали бѣжали со всѣхъ сторонъ обоего пола дворовые. Когда Кириѣнко-Волошиновъ съ своей стороны очутился на томъ же балконѣ, то первое, что ему бросилось въ глаза, было блѣдное, какъ смерть, лицо Пушкина, спѣшно освобождавшего молодую женщину отъ веревокъ. Затѣмъ тутъ же неподалеку онъ увидѣлъ распростертаго на полу помѣщика съ окровавленной головой и лицомъ и толстую желѣзную палку поэта, серебряный набалдашникъ которой изображалъ *мертвую голову*. ¹⁾

Вслѣдствіе жалобы Дино-Руссо, Инзовъ надолго послалъ Пушкина въ дальнія степи *слыditъ* за истребленіемъ саранчи, ежегодно наводнявшей почти всю Бессарабію. Пушкинъ безропотно подчинился строгому требованію Инзова, но и здѣсь не обошелся безъ шутки. Вотъ какого рода донесеніе прислалъ онъ своему начальнику, который требовалъ письменнаго отчета отъ Пушкина изъ командировки:

„Имѣю честь донести вашему превосходительству, что, согласно строгому предписанію вашему, я имѣлъ величайшее неудовольствіе прибыть вчера въ тѣ степи безводныя, окруженныя лѣсами безплодными, гдѣ искренно желалъ бы видѣть собственную особу вашего превосходительства, вмѣсто себя самого. До самой ночи нетерпѣливо ждалъ я

¹⁾ На этого Дино-Руссо Пушкинъ написалъ потомъ довольно злую эпиграмму, начинавшуюся такъ:

Вы знаете-ль Кукѣно (господина) Діно?
Каковъ древнѣйшій славный родъ?
Ниняка луй о фѣстѣ (мать его была) скотина,
Бабака ярь о фѣстѣ унѣ (отецъ былъ также) скоть.
Всѣ въ Кишиневѣ увѣряютъ,
Что и прапрадѣдъ былъ съ хвостомъ,
Но только въ точности не знаютъ,
Свиньей родился, иль осломъ.
Изъ поколѣнья въ поколѣнье
Такимъ манеромъ дѣло шло,
И двухъ скотовъ соединенье
Себя на Дино превзошло:
Онъ былъ съ большою головою,
Съ огромнымъ вздутымъ животомъ,
Съ жестокой, звѣрскою душою,
Но съ человѣческимъ лицомъ.
Да, впрочемъ, незачѣмъ портрета
Еще точнѣ рисовать:
Знакома всѣмъ фигура эта,
Ее нельзя вѣдь не узнать....

страшнаго появленія одной изъ казней египетскихъ, которая должна была бы внести какое-нибудь развлеченіе въ мою здѣсь однообразно печальную жизнь на лонѣ румынской природы. Однако, не смотря на горячія мои молитвы ко Господу о скорѣйшемъ посланіи бича Своего на жирныя нивы народныя, саранча все же не появилась не только вчера, но даже и нынче ея до самаго вечера не было видно. Уже въ сумеркахъ началъ я съ радостью замѣчать на горизонтѣ огромныя тучи этихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ, съ быстротой вѣтра мчавшихся въ сторону привлекательно желтѣвшихъ посѣвовъ народа румынскаго... Итакъ, имѣю честь официально извѣстить особу вашего превосходительства, что столь усердно желаемое вашимъ покорнѣйшимъ слугою событіе, наконецъ, совершилось нынче, въ половинѣ восьмого часа по-полудни. Я собственными очами имѣлъ великое удовольствіе зрѣть, какъ сія, не имѣющая понятія о правахъ собственности, тварь все летѣла, летѣла, летѣла...

Цѣлая вслѣдъ затѣмъ страница была покрыта однимъ этимъ словомъ „летѣла“, и ничего больше на ней написано не было. Слѣдующая страница этого quasi—официальнаго донесенія начиналась такъ: „И вотъ гнусная саранча, наконецъ, къ самому моему носу тучами подлетѣла и на зрѣлыя почти нивы румынскія торжествующе сѣла. Тогда я, въ страхѣ быть ею съѣденнымъ по ошибкѣ, стремительно удалился отъ нея на почтительное разстояніе и уже оттуда сталъ ее *наблюдать издали, дабы имѣть возможность исполнить предписаніе вашего превосходительства въ точности.* Однако, какъ ни старательно напрягалъ я свое зрѣніе, а все же не могъ ясно рассмотреть дѣйствія этой безсозвѣстной твари. Поэтому, не могу съ достовѣрностью доложить вашему превосходительству, жрала ли она на самомъ дѣлѣ пшеницу, или такъ только присѣла на нее отдохнуть и лишь отъ скуки, въ родѣ меня, погрызвала по временамъ изъ нея зернышки. Въ одномъ могу съ полнымъ убѣжденіемъ завѣрить особу вашего превосходительства, а именно: вся эта несмѣтная туча саранчи обоюго пола и разнаго, повидимому, возраста на хлѣбныхъ поляхъ сидѣла, сидѣла, сидѣла...”

Снова цѣлая страница была исписана словомъ „сидѣла“. Наконецъ, послѣдняя страница заключала въ себѣ слѣдующее: „Неразумные и жестокіе по природѣ своей пейзажи румынскіе (происходятъ отъ древнихъ римлянъ) вздумали было нещадно истреблять невооруженнаго ничѣмъ врага своего всякимъ, неблагогоднаго вида, орудіемъ, въ родѣ дубинъ, лопатъ и т. п. некрасивыхъ вещей. Но здѣсь я активно вступилъ, наконецъ, въ *данныя мною вашимъ превосходительствомъ права* и бить саранчу не позволилъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что, согласно всѣмъ извѣстному правилу, „лежачаго не бьютъ“, а потомъ еще потому, что подобнаго рода поголовное избіеніе несопротивляющихся со-

зданій Господнихъ можетъ быть не угодно Самому наславшему ихъ на румынскій народъ Господу Богу. Не даромъ, вѣдь, какъ, вѣроятно, не безызвѣстно и самой особѣ вашего превосходительства, на прозрачныхъ крылышкахъ саранчи ясно написано мелкими римскими письменами: „я ёстемъ саранѣ, отъ Бога насланѣ“... Не угодно-ли послѣ этого противиться волѣ Господней и звѣрскимъ образомъ уничтожать безоружную, спокойную тварь, Самимъ Господомъ такъ или иначе отмѣченную?... я, по крайней мѣрѣ, убоялся грѣха и, повторяю, не допустилъ до подобнаго безобразія...

P. S.

Что дѣлать дальше я не знаю,
Прошу инструкции прислать,
Но только васъ предупреждаю:
Ее не дамъ я убивать!
Вернуться мнѣ, или остаться
Еще *слѣдить* за саранчей?...
Затѣмъ позвольте подписаться
Покорнымъ вѣчно вамъ слугой.
Александръ Пушкинъ“...

Дарьяльское ущелье.

А. С. Пушкинъ

на югъ Россіи.

Бахчисарайскій фонтанъ.

XI.

влеченія страсти, остроумныя выходки живого ума, кажущаяся безпорядочность и беззаботная безпечность жизни, близко граничившія съ полнымъ легкомысліемъ, нисколько не мѣшали однако занятіямъ Пушкина поэзіей. Творческій геній его въ бурный періодъ кишиневской жизни росъ и мужалъ съ поразительной быстротою, хотя Александръ Сергѣевичъ не особенно спѣшилъ съ печатаніемъ новыхъ своихъ произведеній, такъ какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе рѣдкой своей художественной добросовѣстности, по возможности, не давалъ въ печать ни одного произведенія, котораго не считалъ вполне отдѣланнымъ; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду издать ихъ отдѣльно книгою, а не печатать исподоволь, въ журналахъ и альманахахъ. Въ Кишиневѣ имъ написано около 70 лирическихъ произведеній, двѣ пропавшія въ рукописи повѣсти въ прозѣ: 1) „Дука, молдавское преданіе XVII вѣка“ 2) „Дафна и Дабижа, молдавское преданіе 1663 г.“, и въ общемъ набросана поэма: „Бахчисарайскій фонтанъ“, окончательно отдѣланная потомъ уже въ Одессѣ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разборѣ богатаго и весьма цѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отдѣла кишиневскихъ произведеній Пушкина, такъ какъ это значительно увеличило бы объемъ и безъ того уже слишкомъ растянувшагося нашего очерка; но не можемъ не сказать о происхожденіи поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ“ въ виду

того, что въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1890-й годъ (стр. 320—331) обнародованы *Ив. Ѳедоровымъ* нѣкоторыя данныя, проливающія *совершенно новый* свѣтъ на происхожденіе поэмы.

При появленіи въ свѣтъ поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ“, по словамъ П. В. Анненкова, всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка, и только дальнѣйшее развитіе автора показало, что русскій стихъ еще болѣе можетъ быть усовершенствованъ“¹⁾. Въ поэмѣ, правда, сказалось въ значительной степени вліяніе Байрона на нашего поэта, въ особенности въ созданіи образа влюбленнаго крымскаго хана Гирея. Но это вліяніе было не настолько уже сильно, какъ его обыкновенно представляютъ, и сводится только лишь къ духовному родству Гирея съ нѣкоторыми героями Байрона, объясняемому постояннымъ чтеніемъ Пушкинымъ произведеній британскаго поэта.

О происхожденіи поэмы сохранились слѣдующія извѣстія въ письмахъ самого Пушкина: „.... Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Ек. Н. Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des l'armes*;“²⁾ радуюсь, что *Фонтанъ* мой шумитъ. Недостатокъ плана—не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны“³⁾.

До сихъ поръ обыкновенно, думали, что невольницею, въ которую такъ страстно влюбился Гирей, была гр. *Марія Потоцкая*, взятая въ плѣнъ крымскимъ ханомъ, поэтическую легенду о которой и сообщила Пушкину Ек. Н. Раевская. Но г. Ѳедоровъ вотъ что разсказываетъ о своемъ случайномъ знакомствѣ въ концѣ 1888 года съ ветераномъ войны 1821—1828, 1854 и 1877 гг. отставнымъ полковникомъ 85-лѣтнимъ *Х—ри*, грекомъ по происхожденію (умеръ въ январѣ 1890 г.).

Въ Одессу *Х—ри* впервые прибылъ въ 1813 г., тотчасъ по прекращеніи чумы и снятіи карантина. На вопросъ г. Ѳедорова: „А Пушкина вы помните?“ *Х—ри* отвѣчалъ: „Нѣтъ, меня въ то время не было въ Одессѣ, я былъ въ Афинахъ, но стихи его читалъ; стихи хороши, но не правдивы“.—„Да вѣдь стихи—фантазія поэта,—замѣтилъ на

¹⁾ „А. С. Пушкимъ. Матер. для его біогр. и оц. произв.“, стр. 97.

²⁾ Письмо къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго (дек. 1824 г.).

³⁾ Письмо къ А. А. Бестужеву отъ 8 февр. 1824 г.

это Оедоровъ: это вѣдь не исторія“. — „Да, но все же странно читать, что въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* онъ назвалъ невольницу Гирея княжною *Маріей Потоцкой*, тогда какъ это была настоящая гречанка *Динора Хіонисъ*, первая красавица не только въ Салоникахъ, но и во всемъ Царьградѣ“. — „Откуда же вы это знаете?“ спросилъ Оедоровъ. — „Какъ откуда! Динора, названная ханомъ *Диларою*, была даже мнѣ сродни. Она была падчерицей брата моего родного дѣда. На досугѣ я набросалъ на бумагѣ вкратцѣ эту исторію; только я писалъ по-гречески и для себя, не какъ писатель. Хотите, я подарю вамъ эту рукопись?“ — „Сдѣлайте одолженіе. Въ Одессѣ есть много грековъ, которые сдѣлаютъ мнѣ переводъ вашихъ замѣтокъ“. — Старикъ вынулъ изъ ящика нѣсколько исписанныхъ листовъ и подалъ ихъ Оедорову, прибавивъ: — „Умру—по крайней мѣрѣ, память обо мнѣ останется“.

Рукопись, послѣ перевода ея, была сличена Оедоровымъ съ нѣкоторыми историческими документами и историческими извѣстіями о послѣднихъ крымскихъ ханахъ и съ мѣстными преданіями и затѣмъ обнародована имъ.

Это было въ 1764 году. Братъ родного дяди Х—ри *Діомисъ* женился въ Салоникахъ на красивой гречанкѣ, вдовѣ Хіонисъ. Первый мужъ ея—Хіонисъ былъ откупщикомъ скота въ Крыму, въ Кафскомъ (Оеодосійскомъ) каймаканствѣ. Послѣ смерти мужа Марія Хіонисъ прибыла къ роднымъ въ Салоники, гдѣ и поселилась. У нея была дочь лѣтъ четырнадцати. Динора была въ полномъ смыслѣ красавица, знала русскій и татарскій языки, прекрасно пѣла, играла на арфѣ и вышивала золотомъ. Высокаго роста, превосходно сложенная, съ черными, длинными волосами, маленькимъ ротикомъ и полными губками, съ огненными выразительными глазами, она обращала на себя вниманіе всѣхъ мужчинъ, которые только видѣли ее. Засматривался на нее и ея отчимъ. Тогда мать Диноры, чуть не молившаяся на дочь, вдругъ страшно возненавидѣла ее. Могла бы въ концѣ концовъ разыгратъ потрясающая семейная драма, но, къ счастью, родной дядя Диноры, жившій въ Кафѣ (Оеодосіи), узнавъ о печальномъ положеніи племянницы, вызвалъ ее къ себѣ въ Крымъ.

Въ гавани грузилось судно для отправки въ Запорожье маслинъ, изюму, оливы, вина и другихъ предметовъ потребленія. Товаръ сопровождали купецъ Еремей *Пирсояниковъ*, изъ крѣпости св. Дмитрія, съ полтавскимъ купцомъ Михаиломъ *Кованько*. Судно должно было идти въ Азовское море, но съ остановкою въ Кафѣ. Этимъ случаемъ воспользовалась мать Диноры, чтобы отправить дочь на родину. Въ нѣсколько дней Динору снарядили въ дорогу. Мать ни за что не позволила отчиму сопровождать ее.

До Чернаго моря, т. е. до выхода изъ проливовъ, погода стояла благопріятная; но какъ только судно вошло въ Черное море, поднялась страшная буря. Судно потеряло мачты и паруса и, не слушая руля, гонимое восточнымъ вѣтромъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, прибыло въ Очаковъ. Пирисяниковъ и Кованько находились въ весьма затруднительномъ положеніи: выйти въ море въ бурную погоду, съ полуразбитымъ судномъ—было не мыслимо; на исправленіе аваріи требовалось не менѣе мѣсяца,—а между тѣмъ, товары на суднѣ могли испортиться. Кромѣ того, какимъ путемъ переслать въ Кафу дѣвочку Динору?—Рано утромъ прибылъ на судно очаковскій паша *Сеидъ-Магметъ*. Пирисяниковъ и Кованько, предъявивъ пашѣ свои документы, начали просить его о пропускѣ товаровъ ихъ въ Запорожье. Паша не далъ согласія, но заявилъ, что конфискуетъ всѣ товары, если судно въ теченіе семи дней не отправится въ Козловскую таможенную (нынѣ Евпаторію). Зашедши въ каюту и увидѣвши Динору, паша былъ пораженъ ея красотою. На вопросъ: кто эта дѣвушка?—Кованько объяснилъ пашѣ всѣ подробности, при чемъ высказалъ тѣ затрудненія, которыя представляются, при настоящемъ положеніи дѣла, относительно исполненія просьбы матери Диноры. Паша тотчасъ же смекнулъ, что можетъ получить не мало золота и почестей, если доставить Динору крымскому хану Крымъ-Гирею.

— Я отправляю свою ханымъ къ брату ея, тамаскому каймакану *Хаджъ-Казы-Атъ*,—сказалъ паша, обращаясь къ Кованько: если хочешь, то дѣвочку доставятъ въ Кафу благополучно. Завтра идетъ туда большое судно.

Переговоривъ между собою, Пирисяниковъ и Кованько изъявили согласіе. Динора не протестовала; ей хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до мѣста.

Очаковскій паша Сеидъ-Магметъ немедленно отправился самъ въ Бахчисарай съ Динорой, взявъ съ собою для услугъ послѣдней старую свою служанку. Ханъ *Гирей* страшно тосковалъ въ этомъ году: „шайтанъ“ едва „не слопалъ луны“ (затменіе), недавно умерла его любимая жена. Все ему наскучило, все надоѣло. По прибытіи въ Бахчисарай Сеидъ-Магметъ поспѣшилъ представить хану Динору, которая совершенно не знала, гдѣ она и куда попала. Крымъ-Гирей, взглянувъ на Динору, тотчасъ же понялъ, что предъ нимъ стоитъ „драгоценная жемчужина“. Мрачное лицо его просіяло, и онъ, обратившись съ улыбкой къ очаковскому пашѣ, спросилъ, гдѣ тотъ досталъ такую „райскую гурію“. Сеидъ-Магметъ объяснилъ, что она—уроженка Кафы, дочь умершаго Хіониса, бывшаго откупщика скота, и теперь ѣдетъ къ дядѣ въ Кафу.

— И заѣхала къ намъ погостить? Спасибо. Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Динора,—отвѣчала смутившись послѣдняя.

Дилара,—повторилъ ханъ, или не разслыхавъ хорошо имени *Динора*, или же нашедши, что Дилара благозвучнѣе Диноры. Еще разъ бросивъ пытливый взглядъ на Динору, ханъ сказалъ: „отдохни, тебя доставятъ въ Кафу, когда пожелаешь“.—При этомъ онъ ударилъ въ ладони и знакомъ приказалъ Сеидъ-Магмету выйти въ другую комнату. На зовъ хана явился главный евнухъ.

— Поди, пригласи сюда маленькую *Джанетъ* ¹⁾,—сказалъ ханъ евнуху.

Евнухъ вышелъ. Ханъ, обратившись къ Динорѣ, спросилъ, знаетъ ли она, гдѣ находится.

— У великаго каймакана,—тихо проговорила Динора.

Ханъ улыбнулся.

— У великаго и могущественнаго повелителя Крыма, у хана и царя Крымъ-Гирея,—сказалъ онъ, поглаживая бороду.

Динора поблѣднѣла.

— Не бойся, дѣвочка, я страшенъ для враговъ, а не для такихъ, какъ ты. Будь у меня здѣсь, какъ дома, ты мнѣ понравилась, и я сдѣлаю тебя самой счастливой женщиной.

Вошла молоденькая Джанетъ, вся въ ожерельяхъ. Ей было не болѣе десяти лѣтъ отъ роду.

— Вотъ устрой ее въ *Цвѣтной комнатѣ*,—сказалъ ханъ, указывая на Динору: ухаживай за ней, какъ бы за мною, и прикажи, чтобы всѣ ея желанія исполнялись безпрекословно.—Сказавши это, онъ круто повернулся и ушелъ.

„Цвѣтная комната“ называлась такъ потому, что вся была изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Верхняя часть оконъ застеклена была разноцвѣтными же стеклами. Рядомъ съ этой комнатой помѣщалась „ванная“, а рядомъ съ „ванной“—„диванная“ и затѣмъ комната хана, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ пріема разныхъ лицъ въ кабинетѣ. „Цвѣтная комната“ предназначалась для первоначальнаго осмотра красивыхъ невольницъ, такъ какъ ханъ имѣлъ возможность изъ „диванной“ осматривать купающихся въ „ванной“, а изъ „ванной“—въ „цвѣтной“. Зная обычаи двора и ханскую прихоть, Динору прежде всего попросили купаться въ ваннѣ, и затѣмъ уже принесли ей роскошный обѣдъ. Три дня ханъ не посѣщалъ Диноры. Онъ только восторгался, подсматривая за нею или изъ „диванной“, когда она купалась, или изъ „ванной“ въ спальню ея. Крымъ-Гирей страстно влюбился въ Динору. Чувственныя побужденія его замерли подъ давленіемъ другого, болѣе высокаго, болѣе человѣческаго чувства. Хотя Пушкинъ въ „Бахчисарай-

¹⁾ Джанетъ была впоследствии женою послѣдняго хана *Шагинъ-Гирея*.

скомъ фонтанѣ“ и говорить, что „воля хана—его единственный законъ“, и далѣе—что „его душа любви не просить“; но на этотъ разъ поэтъ ошибся: душа и сердце хана запросили любви. Ему захотѣлось пережить эту высокую поэзію. Всѣ помыслы его сосредоточивались на Динорѣ. Каплю, только одну каплю любви чистой и искренней, не въ силу того, что онъ ханъ, не изъ боязни,—нѣтъ, а по влеченію—вотъ чего желалъ Крымъ-Гирей.

Динора, въ свою очередь, мучилась въ невѣдѣніи, когда ее отправятъ къ дядѣ. На всѣ ея вопросы окружавшіе двусмысленно улыбались отвѣчая: „Когда повелитель укажетъ“.

Динора очень тосковала. И Кафа и Салоники расположены у береговъ моря. Дѣвочка привыкла къ необозримо, величественному водному пространству, къ его ласкающему шуму, переливамъ, вѣчному движенію. Здѣсь же, изъ оконъ дворца, виденъ былъ только садъ и узкіе, угрюмые дворики съ фонтанами. Все давило своей мрачностью и тишиной. Самый городъ и дворецъ находятся въ глубокой и узкой долинѣ, окаймленной высокими и крутыми голыми скалами желтоватаго цвѣта. Ночью, при освѣщеніи луны, при однообразномъ журчаньи фонтановъ, мрачные кипарисы и тополи, похожіе на мертвецовъ, закутанныхъ въ саваны, наводили на впечатлительную душу невыносимую тоску. Динора въ три дня осмотрѣла весь садъ, всѣ фонтаны и всѣ устроенныя тамъ затѣи хана. Въ особенности часто просиживала она возлѣ глубокаго резервуара, питавшаго всѣ ханскіе фонтаны. По вечерамъ, когда ей не спалось, она отворяла окно въ садъ и не отходила отъ него иногда до свѣта; иногда же горячо молилась предъ небольшимъ образомъ, который ей позволили держать у себя возлѣ кровати, съ зажженной лампадой.

На четвертый день, когда Динора вечеромъ сидѣла возлѣ окна, въ комнату ея вошелъ ханъ. Неслышно ступая по мягкому ковра, онъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на голову. Динора вздрогнула и вскочила съ своего мѣста.

— Не пугайся, дѣвочка, неужели я такой страшный?—сказалъ онъ нѣжно.

— Когда меня отправятъ въ Кафу?

— А тебѣ здѣсь худо?—спросилъ ханъ.

— Дома лучше,—отвѣчала она.

— Что же тебя ждетъ у дяди? Я собралъ о немъ свѣдѣнія. Онъ человѣкъ небогатый, у него куча дѣтей, притомъ онъ больной. Оставайся здѣсь, я для тебя ничего не пожалѣю...

— Отпустите меня, что я буду здѣсь дѣлать,—взмолилась Динора.

— Полюби меня хотя немного, я осыплю тебя золотомъ и драгоценностями, ты будешь царицей души моей и царицей Крыма; я по-

ложу къ ногамъ твоимъ всѣ сокровища міра. Какъ солнце озаряетъ и оживляетъ міръ, такъ и ты оживишь меня. Я люблю тебя страстно. Пожалѣй меня; ты видишь, какъ за эти нѣсколько дней я измѣнился...

Динора стояла блѣдная, трепещущая, не зная, что сказать. Она когда-то слыхала о ханскомъ гаремѣ, о томъ, что ханы берутъ себѣ въ невольницы, кого захотятъ, и что этой чести добиваются многія. Но, вспомнивъ, что она христіанка, взглянувъ на страшное, изборозженное страстями лицо хана, она невольно отшатнулась отъ него съ крикомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, я христіанка!“

— Ты и будешь христіанкой, никто тебѣ не станетъ въ этомъ мѣшать. О милая! будь моею!—говорилъ ханъ и при этомъ обнялъ Динору и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Возьмите мое тѣло, убейте меня, но я души своей не оскверню!—вскричала она, и безъ чувствъ опустилась на коверъ.

Ханъ позвалъ прислужницъ и въ отчаяніи ушелъ. Прислужницы подняли Динору, уложили ее въ постель и привели въ чувство.

Отпустивъ слуганокъ, Динора, вся потрясенная, присѣла къ растворенному окну. Прохладный воздухъ, налитанный запахомъ розъ и жасминовъ, врвался въ комнату, озаренную слабымъ свѣтомъ лампы. Блестящія мраморы и причудливая мозаика едва виднѣлись въ тускломъ свѣтѣ. А тамъ, за окномъ, стройные кипарисы и тополи и величественныя чинары, осѣненные блѣдными лучами луны, какъ бы притаились, слушая унылое журчаніе фонтановъ. Взмолвленная ханскими словами, Динора не могла даже дать себѣ отчета въ томъ, что она чувствовала. То ей представлялось величіе повелительницы; то вдругъ въ ней пробуждалось религіозное чувство; то, наконецъ, передъ ея глазами появлялось страшное, искаженное лицо хана, вызывавшее въ ней отвращеніе и какой-то невольный ужасъ.

Много передумала и перечувствовала Динора, сидя въ своей комнатѣ. Она сознавала, что у нея нѣтъ никакихъ средствъ и силъ для борьбы съ ханомъ. Умереть—вотъ единственный исходъ. Кстати, ханъ распорядился, чтобы въ ея комнату не ступала ни одна мужеская нога, чтобы въ саду она могла гулять безъ чадры, и чтобы всѣ, завидѣвши ее, уходили и ни подъ какимъ видомъ не встрѣчались бы съ ней.—„Да, умереть—самое лучшее. Броситься въ бассейнъ—и конецъ!“ Но вдругъ, взглянувъ на образъ, она вспомнила, что самоубійство—страшное преступленіе; что душа самоубійцы будетъ блуждать всю вѣчность, не находя себѣ тамъ, въ томъ мірѣ, пріюта, и что, по уставу христіанской Церкви, она лишается погребенія.—„Нѣтъ, это не возможно!... Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать?!. Бѣжать!?. Но куда убѣжишь отъ хана и его стражи?“

Долго еще сидѣла у окна измученная своими горькими думами, Динора; наконецъ, сонъ началъ одолѣвать ее, и она, помолившись Богу, крѣпко заснула. Въ часъ или два ночи Динора инстинктивно открыла глаза, и въ слабomъ отблескѣ свѣта отъ мерцающей лампы ей показалась вдали какая-то тѣнь. Сначала она подумала, что разстроенное воображеніе рисуетъ ей еще неизгладившійся образъ хана. Притаивъ дыханіе, она вперила взоръ свой на стоявшій вдали предметъ. Каковъ же былъ ужасъ ея, когда она увидѣла медленно подвигавшагося къ ней хана! Страшенъ былъ онъ ей днемъ, а теперь, ночью, безъ чалмы, съ бритой головой, съ конвульсивно подергивавшимися губами, онъ казался Динорѣ свирѣпымъ, голоднымъ волкомъ, бросающимся на добычу. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, ханъ неровною подступью подошелъ къ алькову. Динора вскочила. Блѣдная, испуганная, она вся трепетала.

— Прости меня, царица души моей! прости меня, радость моего сердца! Я не въ силахъ былъ превозмочь себя; я у ногъ твоихъ: вотъ кинжалъ, убей меня,—убей—мнѣ будетъ легче.

Динора молчала.

— Возьми все, что пожелаешь, возьми всѣ мои богатства, возьми мою душу, проси, чего хочешь,—и нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы я не могъ дать тебѣ!

— Лучше убей меня, повелитель, этимъ кинжаломъ, и я буду счастлива.

— Не хочешь быть моею, не хочешь полюбить меня?!...

— Я въ твоей власти—тѣло твое, а душа принадлежитъ Господу моему.

— Мнѣ не нужно твоей души, мнѣ нужна твоя ласка; ну, хотъ притворись, что любишь меня, поцѣлуй меня.—И ханъ прильнулъ пылающими устами къ плечу Диноры. Динора слабо вскрикнула и опустила, какъ подкошенная трава.

Черезъ полчаса ханъ возвращался въ свои комнаты медленной походкой. На мертвенно-желтомъ лицѣ его нельзя было прочесть ни радости, ни отчаянія. Точно призракъ злого духа, исчезъ онъ въ полумракѣ.

О возрастѣ Крымъ-Гирея въ это время нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но изъ историческихъ данныхъ видно, что въ 1734 году онъ былъ уже ханомъ; слѣдовательно, въ описываемый періодъ времени ему было, во всякомъ случаѣ, не менѣе *пятидесяти* лѣтъ. Въ такую пору жизни необузданная страсть низводитъ человѣка до степени дикаго звѣря, рвущаго и мечущаго все, что попадаетъ ему на глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ казнилъ двухъ придворныхъ слугъ, убилъ одного

евнуха и отрубилъ ухо первому своему капуджи-баши. Наконецъ, собравъ своихъ лучшихъ наѣздниковъ, онъ помчался черезъ Тамань къ берегамъ Кавказа, чтобы въ крови заглушить бушевавшія въ немъ страсти. А Динора?—Она была окружена клеветами Гирея, старавшимся представить ей хана высшимъ существомъ, героемъ, полубогомъ. Ей постоянно рассказывали о геройской удали, храбрости, богатствѣ и величїи Гирея. Вызванъ былъ изъ Кафы и больной ея дядя, который со слезами умолялъ Динору полюбить хана. Отуманенная словами окружающихъ, бѣдная дѣвочка не находила себѣ нигдѣ покоя. Куда бы она ни взглянула, о чемъ бы ни заговорила, вездѣ на первомъ планѣ выдвигался ханъ.

Черезъ днѣ недѣли ханъ возвратился изъ похода. Существуетъ преданіе, что у Крымъ-Гирея, какъ это пишетъ и Пушкинъ, въ числѣ другихъ женъ, была черкешенка *Зарема*. Не смотря на свою молодость и красоту, она любила Гирея и до появленія Диноры вполне властвовала и надъ ханомъ и надъ всѣмъ его дворомъ. Хитрая и ревнивая, Зарема употребляла всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь поговорить наединѣ съ Динорой. Она видѣла, что съ прибытіемъ послѣдней утратила всякое вліяніе, и что Гирей забылъ о ея существованіи.

Гирей, по возвращеніи своемъ изъ похода, былъ встрѣченъ Динорой ласково и привѣтливо. На радости, онъ созвалъ весь гаремъ, приказалъ пригласить также танцовщицъ и музыкантовъ-цыганъ, которые играли на ближайшемъ балконѣ. Танцы не прекращались до глубокой ночи. Въ заключеніе ханомъ роздано было множество подарковъ; Динорѣ же онъ поднесъ великолѣпное ожерелье изъ крупныхъ изумрудовъ и брильянтовъ. Зарема, конечно, находилась въ числѣ присутствующихъ. Она плясала передъ ханомъ и старалась очаровать его; но онъ ни на минуту не отходилъ отъ Диноры, самъ угощалъ ее лакомствами и не спускалъ съ нея глазъ. Зарема пылала злобой. Въ головѣ ея созрѣла мысль—умертвить Динору во что бы то ни стало.

На другой день, вечеромъ, когда ханъ, послѣ сытнаго обѣда, заснулъ въ своей спальнѣ, Динора гуляла въ саду. Солнце скрылось уже за вершиною окрестныхъ обрывовъ; муэззины гнусливо выкрикивали съ сорока воздушныхъ минаретовъ извѣстное изреченіе: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его“; городской шумъ началъ стихать. Динора сѣла на мраморную стѣнку главнаго бассейна съ водою и погрузилась въ глубокія, невеселыя думы.

Въ это время крадучись, какъ кошка, завидѣвшая мышь, неслышно подошла Зарема. Динора вздрогнула, какъ бы инстинктивно почуявъ врага. Зарема, сохраняя присутствіе духа, мило улыбнулась и усѣлась рядомъ съ Динорой. Не успѣла послѣдняя опомниться, сообразить, какъ должна

себя держать съ первой женой хана, съ своимъ непримиримымъ врагомъ, какъ Зарема, играя дорогими четками; будто нечаянно уронила ихъ. Четки упали къ ногамъ Диноры и рассыпались. Динора наклонилась, чтобы поднять упавшія четки. Въ это мгновеніе Зарема изо всей силы толкнула ее назадъ, такъ что Динора опрокинулась въ глубокій бассейнъ, наполненный водою.

Послышался глухой крикъ, всплескъ воды,—и затѣмъ все стихло. Отъ бассейна, по темной и узкой аллеѣ, быстро проскользнула какая-то тѣнь.

Черезъ полчаса ханъ, гуляя въ саду, случайно подошелъ къ бассейну. Возлѣ мраморнаго края бассейна лежала шитая золотомъ женская туфля. Ханъ съ удивленіемъ поднялъ ее и заглянулъ въ бассейнъ: на поверхности воды плавалъ бѣлый платокъ. Ханъ бросился въ комнату Диноры,—комната оказалась пустою. Тогда ханъ поднялъ на ноги всю дворцовую прислугу; принесли огни, багры,—и изъ глубины бассейна вытащили мертвую Динору.

Крымъ-Гирей упалъ безъ чувствъ на землю.

Долго лежалъ онъ въ глубокомъ обморокѣ, но, наконецъ, пришелъ въ себя. Горю его не было предѣловъ. Этотъ бездушный человѣкъ, истребитель десятковъ тысячъ народа, рыдалъ, какъ ребенокъ, надъ трупомъ Диноры.

Динора была погребена внѣ ограды ханскаго кладбища. Еще и понынѣ можно видѣть полуразрушенный памятникъ, представляющій изъ себя восьми-угольную турбину, съ надписью: „Да будетъ милость Господа Бога надъ Динорою. 1178 г.“ (1764 г.); на другой сторонѣ надпись: „Молитву за упокой души Диноры-бикечъ“ (боярыни, госпожи).

Послѣ похоронъ Диноры, или Дилары, какъ назвалъ ее ханъ, маленькая Джанетъ принесла ему нѣсколько крупныхъ бирюзовыхъ камней съ дырочками, найденныхъ ею возлѣ бассейна. По тщательномъ осмотрѣ одежды покойной Диноры, одно зернышко было найдено въ сборкахъ ея платья. Ханъ вспомнилъ, что камни эти составляютъ часть четокъ, подаренныхъ имъ Заремѣ. Тотчасъ же посланъ былъ главный евнухъ къ Заремѣ съ приказаніемъ отобрать и принести хану ея четки для сличенія. Виновная объяснила, что она давно потеряла четки. Сдѣланъ былъ тщательный обыскъ,—и у Заремы нашли разорванные четки. Участь ея была рѣшена.

Въ ночь на слѣдующій день Зарема умерла: ей дали выпить чашку отравленнаго кофе,—и черезъ часъ ея не стало. Тѣло ея похоронено было тайкомъ и въ отдаленномъ мѣстѣ, такъ, чтобы ханъ не зналъ даже ея могилы.

Въ теченіе всего времени, пока воздвигался памятникъ надъ могилою Диноры, ханъ безотлучно находился при работахъ. Сидя подъ

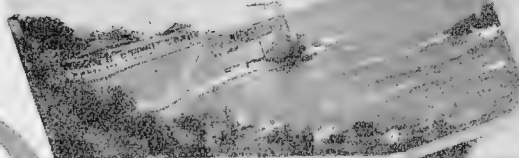
тѣнью чинарь, онъ по цѣлымъ часамъ оставался недвижимымъ. Осунувшійся, пожелтѣвшій, какъ пергаментъ, съ включенной бородой, съ притупленнымъ, блуждающимъ взглядомъ, онъ напоминалъ заживо погребеннаго. Казалось, онъ давно умеръ, но смерть случайно или по ошибкѣ прошла мимо, не замѣчая его. Когда памятникъ былъ оконченъ, ханъ, помолившись возлѣ него, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ,—и на другой день его нашли въ постели мертвымъ.

Магометане признаютъ естественно умершими только тѣхъ, которые умираютъ хотя послѣ непродолжительной болѣзни. Всякую скоропостижную смерть—отъ разрыва сердца, отъ апоплексического удара и т. п.—они считаютъ или порчей, или отравой. Въ хроникѣ записано, что ханъ Крымъ-Гирей умеръ отъ яда.

Малый фонтанъ.

Виды г. Одессы.

Памятникъ Пушкину.

Домъ Пушкина.

ХІІ.

въ концѣ апрѣля 1823 года Пушкинъ взялъ отпускъ у Инзова и отправился на мѣсяцъ въ Одессу. Около этого времени состоялось назначеніе на постъ Новороссійскаго генераль-губернатора гр. *М. С. Воронцова*. Пушкина уже болѣе ничто не привлекало въ Кишиневъ, и онъ подалъ прошеніе о перечисленіи въ канцелярію М. С. Воронцова, въ Одессу, а въ іюлѣ мѣсяцѣ состоялось и самое перечисленіе. По словамъ *Ф. Ф. Вишеля*, когда полученъ былъ указъ о перечисленіи Пушкина въ канцелярію гр. Воронцова, И. Н. Инзовъ съ грустью сказалъ: „Вѣдь я могъ бы удержать его; онъ былъ присланъ ко мнѣ, *попечителю*, а не бессарабскому намѣстнику“. Опасаясь иногда слишкомъ эксцентрическихъ выходокъ Пушкина, Инзовъ, какъ говоритъ *А. Скалковскій*, далъ будто бы ему, въ качествѣ *немаснаго дядьки*, скромнаго чиновника своей канцеляріи *В. С. Писаренко* ¹⁾, при чемъ Пушкинъ поселился сначала въ *Hôtel du Nord*, на Итальянской улицѣ, гдѣ нынѣ домъ *Сикарда*, а потомъ въ домѣ бар. *Рено*, на углу Дерибасовской и Ришильевской улицъ, гдѣ занималъ угольный фасъ съ балкономъ, откуда открывался чудный видъ на море. „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни,—читаемъ въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 25 августа 1823 года: вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторациі и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между

¹⁾ „Одесск. Вѣстн.“, 1880 г., № 168; см. В. А. Яковлевъ, „Отз. о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 149—153.

тѣмъ прїѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь: мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Прїѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и, выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ, и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ... Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ не возможно при нынѣшней цензурѣ, ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю законъ Божій и 4 первыя правила, но служу я не по волѣ своей—и въ отставку идти не возможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу, и полно; крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. (которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли-бы для слуги). Прощай, душа моя,—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня“.

„Хандра“, о которой Пушкинъ говоритъ въ послѣдней строкѣ приведеннаго письма, чѣмъ дальше, тѣмъ стала сказываться все больше и больше. Одесса была не Кишиневъ, и Воронцовъ—не Инзовъ. Въ Одессѣ и при Воронцовѣ нельзя было вести себя такъ, какъ въ Кишиневѣ при Инзовѣ. Всегда спокойный и всегда отлично обнимавшій всякое дѣло съ перваго взгляда гр. Воронцовъ въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными никогда, не допускалъ ни фамиллярной короткости, ни излишней суровости; вслѣдствіе этого, подчиненные графа относились къ нему хотя и безъ страха, но съ должнымъ и вполне заслуженнымъ почтеніемъ. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ, онъ любилъ видѣть вокругъ себя приличное образованное общество, какимъ, дѣйствительно, всегда и былъ окруженъ. Разумѣется, происхожденіе и образованіе Пушкина давали ему и право и возможность съ достоинствомъ занимать почетное мѣсто въ этомъ обществѣ; но избалованный снисходительностью Инзова и своихъ кишиневскихъ прїятелей и знакомыхъ онъ почувствовалъ себя сразу же не на мѣстѣ. Пришлось съ первыхъ же дней жизни въ Одессѣ снять свой излюбленный архалукъ и фесъ и облачиться въ европейскій костюмъ; одна только историческая желѣзная палка осталась неразлучной его спутницей, какъ предметъ воспоминанія о „вольности“ кишиневской.

Сначала Пушкинъ велъ себя очень смирно въ Одессѣ, и весь погрузился въ серьезныя занятія. Онъ переводитъ Аріосто, занимается изученіемъ итальянскаго и, кажется, испанскаго языковъ, воспроизводитъ Данта, отдѣливаетъ „Бахчисарайскій фонтанъ“, пишетъ „Цыганы“ и первыя *три* главы „Евгенія Онѣгина“, изучаетъ Гёте и Шекспира, съ жадностію покупаетъ и читаетъ книги, углубляется въ различные литературныя вопросы въ перепискѣ съ своими друзьями и задумываетъ цѣлый рядъ статей о вліяніи на русскую литературу *Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго*, которыя *должны были начать собою русскую критику* и т. п. Въ Одессѣ же Пушкинъ посвящаетъ цѣлые дни, а потомъ и цѣлые трактаты выясненію вопроса о романтизмѣ въ литературѣ и стряхиваетъ съ себя мало-по-малу байронизмъ (частію въ „Цыганахъ“, въ особенности же въ „Евгеніи Онѣгинѣ“) и т. д. Однимъ словомъ, съ переѣздомъ въ Одессу въ Пушкинѣ совершается коренной нравственный переломъ, а равно постепенно совершается въ высшей степени важный переломъ и въ самомъ его творчествѣ.

Не обошлось, конечно, и безъ сердечныхъ увлеченій: кипучая африканская натура поэта не могла сказаться и въ эту пору его жизни.

Мы не говоримъ уже о такихъ мимолетныхъ увлеченіяхъ, какъ увлеченіе знаменитой красавицей гречанкой Мавроени, уѣхавшей потомъ изъ Одессы и вышедшей замужъ за греческаго консула *Мано*,— Пушкинъ пережилъ здѣсь настоящій глубокій романъ, которому онъ удѣлилъ въ послѣдствіи нѣсколько грустныхъ поэтическихъ минутъ даже наканунѣ своей женитьбы.

Въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева Пушкинъ какъ-то познакомился и сблизился съ довольно образованнымъ негоціантомъ *Ризничемъ*, родомъ изъ адриатическихъ славянъ—далматинцемъ или кроатомъ. Въ 1822 году Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну и весной 1823 года воротился оттуда съ молодой женой, дочерью одного вѣнскаго банкира, по фамиліи *Риттъ*, полу-нѣмкой, полу-итальянкой, а, можетъ быть, и полу-еврейкой. Г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея жгучія очи, удивительной формы и бѣлизны шея и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки, чтобы скрыть нѣсколько большія ступни ногъ. Все это придавало ей оригинальность и увлекало очень и очень многихъ. Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества г-жа Ризничъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принята не была; зато всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домъ ея мужа. Главную роль въ домѣ играла молодая хозяйка:

она вела самую живую, одушевленную бесѣду и цѣлые вечера просиживала иногда за вистомъ, до котораго была страстной охотницей.

Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Ризнича были: А. С. Пушкинъ, В. Туманскій и Исидоръ Собанскій, не молодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній. Пушкинъ и Собанскій всѣхъ болѣе ухаживали за г-жею Ризничъ, всѣхъ болѣе были близки къ ней и всѣхъ болѣе пользовались ея вниманіемъ и довѣріемъ. На сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника—золото. Первое стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, это „Элегія“ 1823 года. Въ ней, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, выражается сильно возбужденное состояніе души поэта, которое могло имѣть свой источникъ только въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, *Элегія* носитъ на себѣ самые рѣзкіе и очевидные слѣды своего возникновенія изъ дѣйствительной жизни. Это—исповѣдь души пылкой, молодой, терзаемой ревностію, или, пожалуй, вызовъ на объясненіе. Есть полное основаніе предполагать, что рассказъ Льва Сергѣевича въ „Биографическихъ извѣстіяхъ“ о братѣ („Москвитянинъ“, 1853 г.), какъ, „въ бѣшенствѣ ревности, онъ пробѣжалъ пять верстъ, съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ, по 35-градусному жару“, указываетъ именно на ревнивыя преслѣдованія г-жи Ризничъ со стороны А. С. Пушкина.

Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу, безъ мужа, со своимъ ребенкомъ. Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по-русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе 1824 г.: „Иностранкѣ“ („На языкѣ, тебѣ невнятномъ...“) писано къ ней. При этомъ Левъ Сергѣевичъ въ своихъ „Извѣстіяхъ“ говоритъ, что „иностранка, которая, отъѣзжая за границу, просила поэта, написать ей что-нибудь въ память ихъ самыхъ близкихъ двухъ-лѣтнихъ (однолѣтнихъ) отношеній, и которой написано стихотвореніе „Иностранкѣ“,—очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія“.

Въ одно время съ г-жею Ризничъ уѣхалъ за границу и соперникъ Пушкина—Собанскій. Онъ настигъ ее на пути, недалеко за русскою границею, провожалъ до Вѣны и вскорѣ потомъ оставилъ навсегда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по всей вѣроятности—въ началѣ 1825 г., г-жа Ризничъ умерла,—кажется, въ бѣдности и, кажется, въ Генуѣ, въ домѣ матери своего мужа. Не извѣстно, когда извѣстіе о смерти любимой женщины могло дойти до Пушкина въ с. Михайловское; но весьма вѣроятно, что элегія 1825 г.: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ написана къ умершей Ризничъ. Въ виду же того, что стихотворенія: „Заклинаніе“ (1828 г.) и „Для береговъ отчизны даль-

ной" (1830 г.), по мнѣнію П. В. Анненкова, будучи взяты вмѣстѣ съ элегіей—„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, составляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу или, можетъ быть, къ двумъ лицамъ, умершимъ за границей, приходится допустить, что на долю легкомысленной красавицы-иностранки, плѣнившей Пушкина въ Одессѣ, выпалъ жребій возрастить въ русской поэзіи *пять* прекрасныхъ поэтическихъ цвѣтковъ Пушкинской музы ¹⁾.

Разъ Пушкинъ окунулся въ омутъ одесской будничной жизни, со всѣми ея мелочами и дразгами, онъ не могъ не раздражаться. Особенно раздражало Пушкина и возбуждало его безсильный гнѣвъ сколько учтивое, столько же и высокомѣрно-презрительное отношеніе къ его званію поэта и вообще писателя, которое видѣлъ онъ въ окружавшихъ представителяхъ дѣлового и чиновнаго міра, выдвинутаго на первый планъ новымъ устройствомъ власти и управленія въ краѣ. Жизнь Пушкина для этого міра казалась бессодержательною, пустою и безцѣльною; его занятія поэзіей и вообще литературой—предосудительнымъ бездѣльемъ. Къ служебнымъ своимъ обязанностямъ Пушкинъ относился крайне небрежно, тогда какъ гр. Воронцовъ требовалъ безусловной служебной исполнительности и въ Пушкинѣ видѣлъ прежде всего и главнымъ образомъ *чиновника*, а не поэта. Началась глубокая, но тѣмъ болѣе упорная и ожесточенная борьба. Въ публикѣ, кромѣ вообще предосудительнаго характера произведеній Пушкина, стали все чаще и чаще появляться язвительныя эпиграммы, слишкомъ уже задѣвавшія не только высокопоставленныхъ въ городѣ лицъ, но и самого гр. Воронцова.

Ко всему этому прибавлялся еще и крайній недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Что переживалъ въ это время Пушкинъ, лучше всего можно видѣть изъ одного изъ *отчаяннѣйшихъ* писемъ къ брату—въ январѣ 1824 года: „.....Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича (Дмитріева?) о своемъ отпускѣ черезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилоствѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣжъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трънь-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ лѣстить какому-нибудь *В. Козлову* (извѣстному слѣпцу-поэту), которому лѣстятъ

¹⁾ „Новоросс. Телегр.“, 1879 г., № 1333; „Одесск. Вѣстн.“, 1856 г.; см. В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 127—128, 137—148 и „Русск. Вѣстн.“, т. 6, вып. 1, стр. 203.

и петербургскія знакомства, а человекъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais tu? На сей вопросъ *Ламартина* отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма“. 8 Февраля Пушкинъ пишетъ А. А. Бестужеву (Марлинскому) съ большою искренностью, хотя все же не безъ нѣкотораго циническаго преувеличенія, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ онъ писалъ *для себя*, а напечаталъ потому, что были нужны деньги. Но вотъ Пушкину удастся, наконецъ, блистательно выпутаться изъ тяжелаго денежнаго вопроса. Въ то время какъ за „Кавказскаго плѣнника“ *Гнѣдичъ* прислалъ ему всего 500 руб. асс., за „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкинъ получилъ отъ кн. *П. А. Вяземскаго* 3000 р. асс. „Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ,—писалъ ему по этому поводу Пушкинъ отъ 8 марта 1824 года,—за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола“. Въ то же время Пушкинъ получилъ весьма лестное предложеніе нѣкоего *Сленина*, предложившаго заплатить за „Евгенія Онѣгина“ столько, сколько пожелаетъ самъ поэтъ. Это предложеніе переполняетъ Пушкина самыми радужными надеждами и благородною гордостью, и онъ серьезно увѣряетъ кн. Вяземскаго въ слѣдующемъ письмѣ (мартъ—апрѣль), что вопросъ о гонорарѣ за стихи для него—вопросъ о всей будущей судьбѣ и о независимости.

Это послѣднее обстоятельство, это неожиданное открытіе, что судьба его находится уже теперь въ его же собственныхъ рукахъ, вполне зависитъ отъ его занятій поэзіей, имѣло громадное, рѣшающее значеніе въ послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ того событіяхъ жизни Пушкина.

Гр. Воронцовъ, имѣя въ виду дать возможность Пушкину выдвинуться по службѣ, обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства въ Петербургѣ, зачислилъ его въ экспедицію объ изслѣдованіи саранчи на мѣстахъ ея появленія въ Новороссіи. Пушкинъ, подозрительно и даже враждебно относившійся къ графу вслѣдствіе предшествовавшихъ служебныхъ недоразумѣній съ нимъ, счелъ эту командировку за явное

издѣвательство надъ собой, за желаніе унизить въ глазахъ общества, и рѣшительно отказался, а затѣмъ и совсѣмъ подалъ въ отставку.

„Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ!—писалъ онъ по поводу пресловутой командировки правителю канцеляріи *А. И. Казначееву* (впоследствии сенатору), самому горячему покровителю своему, 25 мая 1824 года: будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и приѣмлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія. Семь лѣтъ я службой не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради бога, не думайте, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто—мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого. Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я минутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицы. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности потому, что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова такъ же, какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другого начальника, кромѣ его сіятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной. Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь. Еще одно слово: вы, можете быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая, вѣрно, не продлится?“

А. И. Казначеевъ всячески успокоивалъ Пушкина и дружески предостерегалъ его отъ необдуманнаго шага. Но Александръ Сергѣевичъ, отчасти вслѣдствіе врожденной горячности, отчасти же подстрекаемый недоброжелателями, прикинувшимися на этотъ разъ самыми искренними друзьями его, приходилъ все въ большій и большій азартъ, позволяя себѣ рѣзкую запальчивость по отношенію къ графу не только въ разговорахъ, тотчасъ же, конечно, услужливо передававшихся ему, но и въ письмахъ. „Весьма сожалью,—читаемъ въ черновомъ письмѣ его къ А. И. Казначееву на французскомъ языкѣ,—что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронуть вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія, я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи?—Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволить мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово, ради самого понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее, съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ уже я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи, ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, уже кажутся мнѣ товаромъ, по-столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ перваго пришлага пошляка изъ англичанъ (*le premier galopin anglais*), который приѣзжаетъ къ намъ безопасно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье (*sa nonchalante platitude et son baragoin*). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, сумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставляю его въ покоѣ наслаждаться триумфомъ, потому что такъ же мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ..“

Еще больше невыдержанности выражается въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 14 іюля: „Вы ужъ узнали, думаю,—читаемъ здѣсь,—о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что

я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдаванскаго боярина; правда,—но зато добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ испанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ, вѣрно, не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ. Удаюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риемой.“

Насколько необдуманно-запальчивъ и рѣзокъ былъ Пушкинъ, настолько благородно-выдержаннымъ и покровительственно-снисходительнымъ показалъ себя гр. Воронцовъ во всемъ этомъ инцидентѣ, основанномъ на печальномъ недоразумѣніи со стороны Пушкина. Такъ какъ Пушкинъ числился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда получалъ и жалованье, притомъ же былъ присланъ на югъ по Высочайшему повелѣнію, то дѣло объ отставкѣ его должно было идти не иначе, какъ черезъ министерство же иностранныхъ дѣлъ. 23 марта 1824 года гр. Воронцовъ просилъ особымъ представленіемъ управлявшаго въ то время названнымъ министерствомъ гр. *Нессельроде* доложить государю о необходимости отозвать Пушкина изъ Одессы; при чемъ свидѣтельствовавъ, въ самомъ началѣ представленія, что, заставъ уже Пушкина въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ Пушкинѣ стараніе показать „скромность и воздержанность“, какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствій главнаго его порока—самолюбія. „Здѣсь есть много людей,—приводимъ собственныя слова гр. Воронцова въ переводѣ,—а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца лорда Байрона (*qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très peu recommandable—lord Byron*)—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему не возможно отказать.“ Вотъ

почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ, къ генералу Инзову, не пособилъ бы ничему: Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но ужъ безъ наблюденія; да и въ Кишиневѣ онъ нашель бы еще *между молодыми фреками и боларами довольно много дурныхъ примѣровъ*. „Только въ какой-либо другой губерніи могъ бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ *заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей*.“ Въ концѣ графъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Такимъ образомъ, и послѣ всего изложеннаго выше дѣло Пушкина обстояло еще очень хорошо; но и на этотъ разъ не знавшій удержу языкъ Александра Сергѣевича оказался его врагомъ, сослужилъ ему очень плохую службу. Пушкинъ въ мартѣ же этого года написалъ какому-то *неизвѣстному лицу въ Москвѣ* пріятельское письмо, въ которомъ легкомысленно и полущутливо говорить: „читаю Библію; Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы *и беру уроки чистаго адеизма*. Здѣсь есть англичанинъ, глухой философъ, единственный умный *адеи*, котораго я еще встрѣтилъ. ¹⁾ Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная.“ Письмо это тотчасъ же стало ходить по рукамъ въ Москвѣ; въ особенности, говорятъ, носился съ нимъ А. И. Тургеневъ, такъ что оно скоро сдѣлалось извѣстнымъ властямъ и совершенно неожиданно рѣшило участь Пушкина. ¹⁾ Гр. Нессельроде, въ отвѣтъ на представленіе гр. Воронцова, писалъ ему на французскомъ языкѣ отъ 11 іюля, что „правительство вполне согласно съ его *заключеніями* относительно Пушкина, но, къ сожалѣнію, пришло еще къ убѣжденію, что послѣдній нисколько не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ первое время его публичной дѣятельности. Доказательствомъ тому можетъ служить препровожаемое у сего письмо Пушкина, которое обратило вниманіе московской полиціи по толкамъ, имъ возбужденнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, правительство приняло рѣшеніе исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (*pas son inconduite*); а чтобъ не

¹⁾ *Гунчинсонъ*, въ послѣдствіи ревностный пасторъ англиканской церкви въ Лондонѣ; съ нимъ Пушкинъ познакомился у гр. Воронцова.

²⁾ Въ послѣдствіи самъ Пушкинъ писалъ В. А. Жуковскому изъ с. Михайловскаго отъ 24 ноября 1824 года: „мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку *глупаго письма*.“

оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средствъ свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него строжайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова.“¹⁾

Это представленіе гр. Нессельроде было передано гр. Воронцовымъ, находившимся въ Крыму, гдѣ его задержала на нѣкоторое время лихорадка, правителю дѣлъ походной канцеляріи *А. И. Левшину*, а этимъ послѣднимъ отослано тогдашнему Одесскому градоначальнику гр. *А. Д. Гурьеву* для надлежащаго исполненія. Такъ какъ правительству уже было извѣстно о существованіи заговора на югѣ и о его широкихъ развѣтвленіяхъ, то гр. Гурьевымъ была отобрана отъ Пушкина подписка слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ—маршрутъ, составленный съ очевидною цѣлью лишить возможности Пушкина побывать въ Кіевѣ и его уѣздахъ и повидаться съ скомпрометированными уже знакомыми—какъ русскими, такъ и поляками.

30-го іюля 1824 года почтовая тройка увезла Пушкина изъ Одессы на далекій сѣверъ, въ глушь Псковской губерніи, въ с. Михайловское. При отъѣздѣ онъ получилъ 389 руб. прогонныхъ денегъ и 150 рублей недоданнаго раньше жалованья. Пушкинъ оставилъ Одессу, очень недовольный своею здѣсь жизнью; въ ноябрѣ—декабрѣ мѣсяцѣ онъ съ желчью писалъ, между прочимъ, *Д. М. Княжевичу* изъ с. Михайловскаго: „здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни италіанской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни *саранчи*, ни *милордовъ Уоронцовыхъ*.“

¹⁾ П. В. Анненковъ, „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 258—259.

г. Одесса.

У цыганскаго шатра.

XIII.

ъ ряду произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, первенствующее мѣсто, конечно, должно быть отведено, безспорно, поэмѣ: „Цыгане.“ Александръ Сергѣевичъ писалъ эту поэму одновременно съ *первыми тремя* главами романа—„Евгеній Онѣгинъ,“ а именно: съ іюля 1823 года по 8-ое декабря написаны первыя *два* главы „Евгенія Онѣгина,“ а 8-го февраля ночью начата *третья* глава; въ промежуткѣ же времени между созданиемъ 2-й и 3-й главы романа написана была поэма, при чемъ совершенно закончена и отдѣлана она была уже въ с. Михайловскомъ, 10-го октября 1824 года.

Поэма: „Цыгане“ имѣетъ цѣлую длинную исторію, о которой мы здѣсь, скажемъ, такъ какъ она мало кому извѣстна.

О происхожденіи поэмы А. О. Смирнова въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ: „Пушкинъ рассказывалъ свои Wanderungen у цыганъ въ Молдавіи; тамъ въ одномъ таборѣ онъ слышалъ рассказъ объ убійствѣ женщины, которымъ воспользовался для поэмы; онъ нашелъ своего Алеко и Земфиру подъ шатромъ.“¹⁾ Дѣйствительно, Пушкинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ собственными глазами слѣдовъ преступленія, въ свое время взволновавшаго всю Бессарабію, еще въ 1821 г. написалъ въ Кишиневѣ поэму, послужившую первообразомъ „Цыганъ.“

Однажды Пушкинъ, по словамъ Е. Францовой,²⁾ въ 1821 году, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ разговорахъ съ Кириенко-Волошиновымъ, предложилъ послѣднему прогуляться на разсвѣтѣ по окрестностямъ Кишинева, тогда еще окруженнаго роскошными лѣсами.

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ,“ 1893 г., кн. 2, стр. 168.

²⁾ „Русск. Обозрѣн.“, 1897 г.; янв., стр. 28—40; февр. стр. 535—559; мартъ, стр. 5—22.

Горячо о чемъ-то бесѣдуя, пріятели машинально двинулись по тому направленію, гдѣ протекала небольшая рѣчонка, подъ названіемъ Быкъ, и куда они еще ни разу раньше въ прогулкахъ своихъ не за-
хаживали. По другой сторонѣ этой рѣки каждое лѣто стоялъ какой-
нибудь цыганскій таборъ, обыкновенно на зиму отправлявшійся въ
другія, болѣе удобныя для зимней стоянки, мѣста. Въ это же лѣто
тамъ расположился какой-то, какъ говорили въ Кишиневѣ, *особенный*,
по своему богатству, таборъ, издалека сюда зачѣмъ-то пріѣхавшій очень
недавно. Говорили еще, что въ этомъ огромномъ, по числу великолѣп-
ныхъ козовыхъ шатровъ, таборѣ было очень много такихъ красивыхъ
цыганокъ, какихъ еще не видывали въ Бессарабіи раньше. Кромѣ того,
между молодыми городскими аристократами часто слышались въ кан-
целяріи Инзова оживленные разговоры про какую-то необыкновенную
красавицу *Аршфу*, жену цыгана-музыканта *Урлана*, который сла-
вился своею чудною игрою на скрипкѣ. И вотъ теперь Пушкинъ и
Кириенко-Волошиновъ случайно направили прогулку свою въ то имен-
но мѣсто, о которомъ много слышали раньше, не придавая никакого
значенія этимъ слухамъ. Погрузившись въ интересную бесѣду дорогой,
они долго не обращали вниманія на странные, дикіе звуки, по време-
намъ приносимые вѣтромъ съ той стороны, гдѣ стоялъ таборъ. Лишь
подошедши на небольшое разстояніе къ табору, скрытому отъ глазъ
въ этомъ мѣстѣ густою грушевою рощей, они внезапно остановились,
пораженные громкими криками изъ-за рощи, и затѣмъ спѣшно про-
шли черезъ нее по проѣзжей дорогѣ навстрѣчу доносившимся звукамъ.
Скоро они отчетливо уже могли различать раздиравшіе душу стоны и
вопли цыганокъ, густые и громкіе возгласы цыганъ, отчаянный визгъ
цыганятъ, протяжный, жалобный ревъ медвѣдей на цѣпи, непрерыв-
ное завыванье собакъ и всякаго рода иныхъ прирученныхъ и дикихъ
животныхъ, безъ которыхъ въ тѣ времена немыслимъ былъ никакой
цыганскій таборъ. Пріятели, покружившись нѣкоторое время по не-
знакомой имъ рощѣ, прорѣзанной по всѣмъ направленіямъ массой до-
рогъ и дорожекъ, отыскали, наконецъ, главный входъ въ таборъ и,
съ трудомъ протиснувшись сквозь густую толпу людей и животныхъ,
очутились въ самомъ его центрѣ. Цыгане страшно галдѣли, всѣ
давили другъ друга, желая пробраться куда-то впередъ, откуда неслись
еще болѣе ужасные вопли и стоны. Подхваченные толпой, Пушкинъ
и Кириенко-Волошинъ внезапно были ею же и задержаны передъ
невысокимъ, но довольно обширнымъ холмомъ, сплошь покрытымъ гу-
стою, ярко-зеленою растительностью. На одномъ концѣ этого холма на-
ходился огромный темно-сѣраго цвѣта камень, похожій на обломокъ
скалы, какъ бы упавшій неизвѣстно откуда и давно уже наполовину
вросшій въ рыхлую землю. На камнѣ сидѣлъ, вдвое согнувшись, ста-

рый цыганъ, съ длинными, по обычаю, волосами, сѣдыми, какъ лунь, и такую же сѣдою, густою бородою. По временамъ старикъ подымалъ свою огромную голову вверхъ и страшно что-то выкрикивалъ по-цыгански, сжимая правую руку въ кулакъ и кому-то грозя ею въ сторону лѣса. Затѣмъ онъ снова внезапно опускалъ на грудь голову и впадалъ въ прежнюю неподвижность и апатію. Вокругъ старика находилось нѣсколько молодыхъ и старыхъ цыганокъ, тоскливо слѣдившихъ за происходившими въ немъ перемѣнами и рабски ему во всемъ подражавшихъ: какъ только начиналъ онъ кому-то грозить, онѣ тоже сейчасъ же вскакивали на ноги и начинали стонать и кричать, размахивая руками въ ту самую сторону, куда посылалъ свои угрозы старикъ; и тотчасъ же опускались вокругъ него на землю, какъ только онъ снова принималъ прежнее положеніе на обломкѣ скалы. Пушкинъ случайно какъ-то глянулъ въ сторону—и судорожно схватился за руку Кириенко-Волошинова: неподалеку отъ старика лежало тѣло убитой цыганки поразительной красоты, наполовину скрытое въ густой травѣ; одна рука трупa была плотно прижата къ груди, тогда какъ другая лежала, вытянувшись во всю длину, на травѣ, сжимая окостенѣвшими пальцами большой охотничій ножъ, который обыкновенно бываетъ щегольски заткнутъ за широкий кожаный поясъ у молодыхъ цыганъ (этотъ обычный у каждого ножъ служить имъ не столько для охоты, сколько для ловкаго разрѣзанія цѣлаго жаренаго на вертелѣ барана, во время частыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, когда цыгане ѣдутъ не отдѣльными семьями, а цѣлыми группами вмѣстѣ). По всей вѣроятности, жертва убійцы уже въ самую послѣднюю минуту ожесточенной съ нимъ борьбы вырвала изъ рукъ его этотъ ножъ, заковенѣвшій теперь въ ея рукѣ. Расширенными отъ ужаса глазами Пушкинъ, не шевелясь, глядѣлъ на убитую, тогда какъ товарищъ его въ то же самое время уже видѣлъ и другую, не менѣе страшную, картину: нѣсколько дальше, внизу, подъ самымъ холмомъ, скорѣе валялось, чѣмъ лежало, тѣло высокаго роста мужчины, какъ бы нарочно кѣмъ-то сброшенное съ холма лицомъ внизъ. Бѣлокурые, волнистые волосы, бархатный щегольской костюмъ и, наконецъ, бѣлыя, выхоленныя руки аристократически-правильной формы ясно говорили о нецыганскомъ происхожденіи его... Какъ окаменѣлые, стояли теперь оба пріятели, съ непередаваемой тоской переводя взглядъ съ одного трупa на другой и затѣмъ снова и снова подолгу останавливая глаза на старикѣ, съ цѣлью угадать его роль въ этой потрясающей драмѣ.

Старикъ этотъ былъ начальникъ табора *Манолій*; а убитая красавица—цыганка—его дочь Аргира, жена Урлана. Горе Манолія было настолько сильно, что бѣдный разсудокъ его не выдержалъ страшнаго потрясенія, и цыганъ не переставалъ выкрикивать дикія угрозы по

адресу виновныхъ въ убійствѣ его дочери. На убѣжденія Кириенко-Волошинова уйти, пока будетъ производиться дознаніе приближавшейся уже къ мѣсту убійства полиціей, и на обѣщаніе цыганъ привести ему потомъ для расправы Урлана и его мать *Арджинту* Манолій, въ безумномъ изступленіи, съ пѣной у рта закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: „Урлана приведете вы, Урлана дадите мнѣ разорвать, Урлана?! Врете вы, врете всѣ, я не вѣрю вамъ, вы боитесь его и не посмѣете даже розыскивать... О, знаю я васъ, трусовъ безсовѣстныхъ, знаю, какъ дрожите всѣ передъ нимъ и не смѣете подумать о томъ, чтобы его отыскать и привести ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ!.. Знаю, знаю, ужъ вы доказали мнѣ раньше храбрость свою, когда дали проклятому убѣжать на глазахъ своихъ... Ну, да ничего, этого самъ я найду, куда бы ни скрылся онъ... Да, не тревожьтесь, я самъ найду эту язву смердящую, этотъ гнойный нарывъ, эту ползущую мерзкую гадину, предъ которой даже Арджинта ничто... О, я найду это подлое отродье, этого выроodka племени нашего, хуже котораго еще не производила земля съ той поры, какъ она существуетъ!.. О, какъ сладко мнѣ будетъ вырвать изъ груди это гнусное сердце, которое, какъ негодный, изгнившій отбросокъ, зашвырну я въ глубокую яму для нечистотъ, чтобы никакая собака не могла себя этой мерзостью опоганить!“...

При послѣднихъ словахъ безумный случайно подбѣжалъ къ тому краю холма, подъ которымъ валялось въ кустахъ тѣло бѣлокураго господина, очевидно, раньше имъ не замѣченное.

Старикъ взвизгнувъ, отскочилъ, какъ ужаленный, весь дрожа, и затѣмъ съ непередаваемою яростью набросился на толпу, упрекая ее въ томъ, что никто не догадался раньше оттащить убитаго подальше отъ его дочери.

— И вы, безсовѣстные,—кричалъ онъ,—допустили, чтобы эта польская тварь такъ близко и долго лежала у того же холма, гдѣ покоилось тѣло моей безгрѣшной Аргирь?!.. О разбойники! теперь вѣрю я, что вы также участвовали въ томъ противъ нея заговорѣ, которымъ руководила Арджинта, надѣлявшая, конечно, и васъ графскими золотыми за ваши имъ обоимъ услуги!... О Боже мой! что они сдѣлали съ тобой, дитя мое, радость жизни моей!...

Послѣднія слова безумнаго уже едва доносились до слуха обоихъ пріятелей, спѣшно уходившихъ изъ табора, не имѣя силы больше переносить тяжелаго, раздиравшаго душу вида страданій несчастнаго старика, котораго теперь врядъ ли могли увести въ лѣсъ цыгане.

На другой день Кириенко-Волошиновъ и Пушкинъ пришли въ таборъ, и здѣсь имъ указали на не очень еще старую цыганку *тетку Сманду*, которая можетъ все рассказать про *Манолакія*, или Манолія и Аргирю. Кириенко-Волошиновъ, по просьбѣ Пушкина, взялся

записать рассказ тетки Смаранды и затѣмъ перевести его, такъ какъ Пушкинъ не зналъ цыганскаго языка. На полянку былъ принесенъ коверъ и низенькій столикъ. Скоро явилась Смаранда. Безъ всякаго стѣсненія передъ „господами“, Смаранда, вѣжливо поздоровавшись съ ними, усѣлась на коврѣ, поджавъ ноги, и начала безцеремонно набивать свою трубку, которую тотчасъ же закурила. Пристально взглянувъ раза три на пріятелей своимъ острымъ, пронизательнымъ взглядомъ, цыганка, замѣтивъ обычный у молдаванъ и цыганъ низенькій круглый столикъ, какихъ въ каждомъ домѣ по нѣсколько, отрывисто спросила: „Зачѣмъ?“—и, получивъ объясненіе, съ любопытствомъ произнесла:

— А на что же ему нужно все это?

Выслушавъ и на это отвѣтъ, она долго внимательно вглядывалась въ Пушкина, видимо сильно ее заинтересовавшаго, и, наконецъ, вымолвила рѣшительно:

— Нѣтъ, какъ хочешь, а не можетъ быть, чтобы въ немъ совсѣмъ-таки не было цыганской крови.

— Неужели же ты потому только, что лицо у него темное, думаешь, что онъ изъ цыганъ?—насмѣшливо спросилъ Киріенко-Волошиновъ, тутъ же передавая Пушкину замѣчаніе цыганки.

— Ну, что-жъ,—смѣясь выговорилъ послѣдній: пусть себѣ утѣшается этимъ... А кстати,—прибавилъ онъ,—не погадать ли намъ отъ нечего дѣлать, прежде чѣмъ начнется рассказъ? Все-таки развлеченіе, и посмѣяться будетъ надъ чѣмъ...

Говоря это, онъ положилъ себѣ на ладонь два червонца и протянулъ руку къ цыганкѣ, которой Киріенко-Волошиновъ передалъ желаніе пріятеля. Но Смаранда съ негодованіемъ оттолкнула руку поэта и вымолвила насмѣшливымъ тономъ:

— Положи свои червонцы въ карманъ; мнѣ не нужны они, и я не такая гадальщица, какихъ ты, вѣроятно, не разъ встрѣчалъ между нашими женщинами. Я могу кое-что узнавать изъ будущаго нѣкоторыхъ людей,—но далеко, впрочемъ, не всѣхъ,—и не по рукѣ, которая ничего мнѣ не можетъ сказать о нихъ... Нѣтъ, не по рукѣ, а по лицу твоему вижу я, что тебя ожидаетъ въ жизни твоей, которая... которая... Цыганка, нѣсколько разъ обрываясь, повторяла послѣднее слово, продолжая пристально вглядываться въ лицо скептически улыбавшагося Пушкина, и все не могла рѣшиться закончить начатую фразу, забывая, что послѣдній ни слова не понялъ изъ всего, ею сказаннаго.

— Да говори же, наконецъ, все, что ты видишь; не бойся его огорчить. Во-первыхъ, онъ не вѣритъ никакимъ предсказаніямъ и только забавляется ими; и, во-вторыхъ, я, вѣдь, знаю ужъ, чего ему не слѣдуетъ говорить, а потому мнѣ ты спокойно можешь все передать... Говори же скорѣй, не заставляй его выйти, наконецъ, изъ терпѣнія:

сама видишь, какъ начинается онъ волноваться, — проговорилъ Киріенко-Волошиновъ, самъ чрезвычайно заинтересованный ожидаемымъ предсказаніемъ.

— Вижу, вижу, какъ загорается въ немъ его цыганская кровь, и потому съ еще большею сердечною болью разбираю въ лицѣ его тѣ ужасное будущее, которое грозитъ ему именно изъ-за этой горячей въ немъ крови, — приговорила цыганка вздыхая, и, продолжая фиксировать Пушкина, начала говорить, словно на самомъ дѣлѣ съ трудомъ разбирая какія-то ей одной видимыя на лицѣ его письмена:

— Вотъ онъ все выше и выше подымается надъ всѣми его окружающими, — говорила она, не сводя съ Пушкина глазъ и какъ бы для самой лишь себя, а не для жадно слушаващаго ее Киріенко-Волошинова: вотъ онъ стоитъ уже такъ высоко, какъ никогда и никто ожидать не могъ этого... Самые важные люди, зная близость его *къ твоему лицу, которое я назвать не хочу*, въ немъ заискиваютъ... Вотъ встрѣчаетъ онъ ту, которой лучше бы ему не видѣть совсѣмъ... И какъ такой умный, какъ онъ, человѣкъ, который притомъ раньше всегда сознавалъ свои наружные недостатки, можетъ рѣшиться взять въ подруги себѣ такую красавицу... писанную! Вотъ они уже мужъ и жена... Нѣтъ границъ его счастью и удачамъ во всемъ остальномъ... Какъ не замѣчалъ онъ раньше, что не пара она ему по наружности, такъ не замѣчаетъ теперь, что внутренно она на сто верстъ далека отъ него... Не стоить она подошвы отъ его стараго сапога, а онъ передъ ней себя за ничто считаетъ и молится на нее, и благодарить ее за всякую ласку, какъ высшее существо, до него незаслуженно снизошедшее... Вотъ онъ въ полѣ стоитъ, а передъ нимъ воинъ какой-то съ оружіемъ на-готовѣ... Вокругъ нихъ деревья безъ листьевъ, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, и снѣгъ подъ ногами скрипитъ, и снѣгу повсюду огромныя глыбы навалены... Холодно... Вотъ онъ сбрасываетъ что-то съ себя, — видно, жарко ему, несмотря ни на что, потому что кровь въ немъ цыганская кипитъ и бурлитъ, по жиламъ по всѣмъ переливается свинцомъ растопленнымъ и жжетъ его, какъ огонь, внутри и снаружи... Тотъ, другой, спокойно стоитъ и прицѣливается... Конечно... Едва донесли его домой полумертваго, а онъ и въ послѣднюю минуту о ней только думаетъ...

— И что она только наврала тебѣ такимъ трагическимъ тономъ — хотѣлось бы знать, да и за настоящее пора бы приняться, — нетерпѣливо перебилъ гадалщицу Пушкинъ, выжидательно глядя на смущенно перелистывавшаго тетрадь Киріенко-Волошинова.

Послѣдній въ точности перевелъ все, за исключеніемъ сцены въ лѣсу, которая самого его сильно разстроила и заставила такъ поблѣднѣть, что этого не могъ не замѣтить Пушкинъ.

— Ну, а дальше что она еще говорила?—со смѣхомъ спросилъ онъ, послѣ того какъ Кириенко-Волошиновъ, окончивъ свой переводъ до извѣстнаго мѣста, охотно съ нимъ согласился, что пора заставить цыганку рассказывать про Аргиру.

— Да чего-жъ тебѣ еще дальше? Ну, женился ты на красавицѣ писанной и счастливо жизнь съ нею прожилъ, да и все тутъ,—растерянно отвѣтилъ Кириенко-Волошиновъ не зная, куда глаза дѣть.

— Эхъ, полно, Димитрій! ты врать не умѣешь, да и къ чему, когда тебѣ хорошо извѣстно, что, что бы она ни сказала, меня это не можетъ смутить ни на единую минуту... Ну, да Богъ съ тобой, можешь не говорить дальнѣйшаго, я его самъ тебѣ когда-нибудь лучше этой цыганской сивиллы въ подробностяхъ расскажу,—закончилъ Пушкинъ вставая и направился къ городу черезъ таборъ, ни слова больше не говоря въ объясненіе такой неожиданной выходки своей.

— Поймай, а какъ же съ рассказомъ теперь?—удивленно спросилъ Кириенко-Волошиновъ, едва догнавъ его при выходѣ изъ табора.

— Да что же мнѣ сидѣть здѣсь, ни слова не понимая? Ты и одинъ можешь все перевести на русскій языкъ и дать мнѣ потомъ тетрадку,—спокойно отвѣтилъ Пушкинъ и ушелъ.

Передаемъ здѣсь въ самыхъ существенныхъ чертахъ очень длинный рассказъ Смранды объ Аргирѣ и отцѣ ея Маноліи, который прихотился Смрандѣ двоюроднымъ братомъ.

Манолій въ юности женился на случайно приставшей изъ Румынии къ табору красавицѣ *Земфирѣ*. Черезъ годъ, подаривши мужу дочь Аргиру, она бѣжала съ возлюбленнымъ, по всей вѣроятности, на родину. Цѣлый годъ пропадалъ Манолій въ напрасныхъ поискахъ за женой, которую любилъ до безумія. Аргира осталась на попеченіи Смранды, пока не вернулся, наконецъ, изъ напрасныхъ поисковъ отецъ. Она была дотога безобразна, что никто не могъ смотрѣть на нее безъ отвращенія. Къ уродству присоединилась еще и страшная болѣзненность, сопровождавшаяся какими-то особенно мучительными припадками.

Первые дни по возвращеніи Манолій не хотѣлъ даже видѣть дочери; но скоро такъ привязался къ несчастному уродцу, что души въ немъ не чаялъ. Манолій былъ весьма богатъ и не жалѣлъ денегъ на лѣченіе дочери; но ничто не помогало, и когда Аргирѣ исполнилось 16 лѣтъ, она сама пугалась своей наружности и пряталась отъ людей. Но вотъ доктора, бесплодно испробовавши всевозможныя средства, посоветовали Манолію „отвезти ее куда-то къ морю купаться и еще тамъ чѣмъ-то лѣчить ее.“ Два года никто въ таборѣ ничего не зналъ и не слыхалъ ни о Маноліи, ни объ Аргирѣ. Къ концу третьяго лѣта, когда таборъ стоялъ у Измаила, гдѣ у Маноліи для зимы былъ свой домъ, онъ вернулся въ сопровожденіи необыкновенной краса-

вицы, въ которой никто не могъ признать прежняго уродца—Аргирѣ, въ 16 лѣтъ выглядывавшую хилымъ, жалкимъ 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

Въ Аргирѣ, такъ долго жившей въ полномъ отчужденіи отъ всѣхъ, проснулось теперь какое-то болѣзненное желаніе жить и веселиться. Въ таборѣ часто устраивались танцы и игры на воздухѣ, въ которыхъ принимали участіе пріѣзжавшіе изъ города молдаване-аристократы,—и никто не отдавался этимъ увеселеніямъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ Аргира, прозванная всѣми „жемчужиною табора.“ Молодежь сходила съ ума отъ нея; но красавица была неуживима, и поклонники мало-помалу должны были отстать отъ нея. Не отставалъ только одинъ богатый и самый блестящій изъ всей золотой молодежи аристократъ-молдаванинъ *Петракій Янко*, надъ которымъ втихомолку подсмѣивались отвергнутые поклонники Аргирѣ. Почтительно и безмолвно любилъ онъ „жемчужину табора“ больше двухъ лѣтъ сряду, ни разу не оскорбивъ ее ни однимъ такимъ словомъ, котораго не могъ бы сказать дѣвушкѣ своего круга.

Разъ Петракій, возвращаясь съ охоты, зашелъ въ таборъ и, уединившись съ Аргирой и ея подругой *Негрицей* въ любимое мѣсто Аргирѣ въ лѣсу, сообщилъ, что умеръ его отецъ, и теперь онъ можетъ свободно располагать собою. На увѣренія и клятвы Петракія и на мольбы выйти замужъ Аргира отвѣчала, что любить его, только лишь какъ брата. На красавицу не подѣйствовала даже угроза Петракія, что онъ убьетъ себя изъ бывшаго у него въ рукахъ ружья. Выстрѣлъ грянулъ,—и стоявшій на колѣняхъ предъ Аргирой Петракій упалъ къ ней на руки.... Въ ту же минуту по близости раздался страшный, нечеловѣческій вопль, и появилась Негрица, которая отъ всѣхъ таила свою страстную любовь къ Петракію. Какъ безумная, схватила она валявшееся шестиствольное ружье, прицѣлилась имъ въ Аргирѣ, выстрѣлила въ нее—и въ тотъ же моментъ убила себя на повалъ въ сердце... Къ счастью, первый выстрѣлъ Негрицы не попалъ въ цѣль, и Аргира осталась невредимою. Больше года, однако, она проболѣла, и первое время доктора долго не могли ручаться за жизнь ея... Съ той поры кончились всѣ развлеченія „жемчужины табора.“ Она рѣдко показывалась, выходя изъ шатра лишь къ могиламъ погибшихъ, хотя и безъ ея воли, но все же изъ-за нея, двухъ несчастныхъ самоубійцъ. Остальное время Аргира безвыходно проводила въ шатрѣ съ Маноліемъ лѣтомъ и въ купленномъ имъ въ городѣ домикѣ зимой, изрѣдка развлекаясь игрою отца на скрипкѣ,—а игру на скрипкѣ она любила болѣе всего на свѣтѣ.

Прошло три года со времени несчастія въ таборѣ, и Аргира считалась уже *старой дѣвой* между цыганками, которыя выходятъ обыкновенно замужъ въ 14 лѣтъ, а то даже и раньше. Аргирѣ было уже 28 лѣтъ.

Въ таборѣ всѣ думали, что Аргира ни замужъ не выйдетъ, ни безъ замужества любви ни къ кому не почувствуетъ во всю свою жизнь.

Однажды, среди лѣта, въ таборѣ случайно зашелъ странствующій невзрачный цыганъ-музыкантъ, какихъ много ходитъ по Бессарабіи по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и въ одиночку. Его звали Урланомъ; съ нимъ ходила повсюду и мать его—старуха Арджинта, которая занималась знахарствомъ, ворожбой, колдовствомъ и всякими иными, не любившими свѣта, дѣлами. Урланъ такъ хорошо игралъ на скрипкѣ, что его часами слушали самые важные господа и платили ему большія деньги за это. Зашелъ онъ въ таборѣ мимоходомъ, да и остался въ немъ навсегда, плѣненный Аргирой. Въ свою очередь, и Аргира, которая почти не выходила изъ шатра, теперь, чуть, бывало, услышитъ первые звуки скрипки, какъ уже и бѣжитъ къ Урлану, отъ котораго ни на мигъ не отходитъ, пока онъ играетъ. Дальше—больше,—наконецъ, дошло до того, что она и безъ скрипки начала бѣгать за музыкантомъ повсюду. Между тѣмъ, въ таборѣ начали доходить нехорошіе слухи не только про мать Урлана, которую скоро всѣ и сами узнали, но и про Урлана, будто бы не разъ уже побывавшаго въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ матерью. Но Аргира и слушать не хотѣла ничего дурного про своего возлюбленнаго, и отецъ по неволѣ долженъ былъ согласиться на бракъ, который вскорѣ и состоялся. Мало этого,—къ величайшему горю Манолія, молодой зять его тотчасъ же послѣ свадьбы увелъ жену свою въ другой таборѣ, стоявшій, впрочемъ, неподалеку отъ табора Манолія. Арджинта поставила свой шатеръ отдѣльно отъ всѣхъ, посреди лѣса, и тамъ, говорили, безъ всякой уже помѣхи, продолжала заниматься всякими темными дѣлами, приносившими ей много золота отъ окрестныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, въ домахъ которыхъ она сумѣла сдѣлаться своимъ человѣкомъ. Въ это самое время въ одномъ селеніи, неподалеку отъ Аккермана, появился богатый и знатный полякъ, называвшій себя графомъ *Чарницкимъ*. Арджинта, по обыкновенію, проникла въ домъ и къ этому поляку и скоро тамъ свила гнѣздо свое. Между тѣмъ, спустя годъ, у Аргирѣ родилась дѣвочка, на которую она не могла налюбоваться и не спускала ея съ рукъ. Это не особенно нравилось Урлану, и онъ все чаще и чаще сталъ уходить изъ дому говоря, что маленькая *Зоцца* мѣшаетъ будто бы ему играть своими вѣчными криками. Скоро молодой мужъ сталъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ пропадать изъ дому, нисколько не заботясь о женѣ, и въ какихъ-нибудь два съ чѣмъ-то года успѣлъ промотать всѣ деньги, которыя Аргира получила отъ отца, отдавшаго ей больше половины изъ того, что самъ онъ имѣлъ. Затѣмъ начались всякія вымогательства со стороны Урлана, который дошелъ дотого, что если жена не рѣшалась выпрашивать послѣднее у отца, то онъ билъ ее, напившись пьянымъ. Однако Аргира продол-

жала попрежнему любить Урлана, беззавѣтно и до послѣдней возможности покрывала его предъ отцомъ и предъ всѣми, стараясь всячески, чтобы никто не увидѣлъ жестокаго съ ней обращенія мужа. Наконецъ, уже и этого нельзя было болѣе дѣлать, и бѣдный Манолій съ ума сходилъ отъ горя и отчаянія, заставившихъ его въ одинъ годъ сдѣлаться сѣдымъ старикомъ. Въ это-то печальное время, къ довершенію всѣхъ бѣдъ несчастной красавицы, къ ней мало-по-малу начала исподоволь „подъѣзжать съ графомъ“ Арджинта, которая вздумала воспользоваться семейными смутами въ шатрѣ собственнаго сына. Аргира, разумѣется, и слушать не хотѣла лъстивыхъ рѣчей свекрови, которая, будто бы изъ сожалѣнія къ ней, предлагала утѣшить ее любовью польскаго графа, на самомъ дѣлѣ безумно ее полюбившаго съ первой съ ней встрѣчи. Получивъ серьезный отпоръ отъ невѣстки, пригрозившей жалобой мужу, Арджинта оставила ее въ покоѣ, притихнувъ въ ожиданіи благопріятнаго случая, чтобы инымъ какимъ-нибудь способомъ добиться своего. Какъ вдругъ таборъ вздумалъ весною перекечевать въ окрестности самаго Кишинева. Манолій захотѣлъ сопровождать дочь и, какъ вліятельный въ своемъ таборѣ человѣкъ, успѣлъ уговорить всѣхъ братьевъ двинуться вслѣдъ за таборомъ Урлана. Арджинта сначала осталась было на прежнемъ мѣстѣ одна; но не прошло и недѣли, какъ она также разставила свой шатеръ верстахъ въ двухъ-трехъ отъ табора Манолія. Скоро тайно переѣхалъ въ Кишиневъ и польскій богачъ и поселился на окраинѣ города, въ роскошнѣйшемъ домѣ, стоявшемъ почему-то пустымъ. На дняхъ ночью заболѣла Зоица тѣми же самыми припадками, которыми такъ мучилась и мать ея въ дѣтствѣ. Страшно испуганная этимъ, молодая женщина стремительно бросилась въ шатеръ *Харміоны*, сосѣдки, разбудила ее и умоляла посидѣть съ ребенкомъ, пока сама она сбѣгаетъ за знахаркой-сверковью; уже не разъ помогавшею Зоицѣ и раньше. Но, выскочивъ, какъ угорѣлая, изъ шатра, она вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась съ полупьянымъ мужемъ.

Узнавъ, въ чемъ дѣла, Урланъ сначала попробовалъ было, по обыкновенію, успокоить жену безжалостной встряской, стараясь втолкнуть ее обратно въ шатеръ; но видя, однако, что на этотъ разъ ему не совладать съ безотвѣтною женой, продолжавшею отъ него съ крикомъ вырываться, Урланъ придумалъ другое:

— Ну, хорошо, я самъ пойду за нею,—вымолвилъ онъ, втолкнувъ, наконецъ, обезумѣвшую отъ страха Аргирю въ шатеръ: только помни,—угрожающе прибавилъ онъ,—что если ты сдѣлаешь хоть шагъ изъ шатра, то я не позволю матери помочь твоему проклятому выродку.—Съ этими словами полупьяный мужъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ по дороге къ лѣсу, тогда какъ Аргира съ рыданіями возвратилась къ ребенку.

Прошло болѣе часу, а Урлана все не было. Аргира не могла больше выдержать и, забывая страшную угрозу Урлана, стремглавъ выбѣжала изъ шатра и помчалась по дорогѣ къ жилищу свекрови. Оказалось, что Урланъ и не думалъ заходить къ матери.—Узнавъ, чего отъ нея требуется, хитрая старуха увѣрила молодую мать, что для спасенія Зоицы ей необходимо поступить слѣдующимъ образомъ:

— Ты должна,—говорила она,—смирно сидѣть въ лѣсу на томъ мѣстѣ куда я тебя посажу, все время, пока я буду разыскивать съ фонаремъ нужный мнѣ корень. Можетъ быть, мнѣ придется долго искать его и далеко отойти отъ тебя; но тебѣ бояться здѣсь нечего, и ты ни въ какомъ случаѣ не должна ни оглядываться, ни призывать меня къ себѣ, такъ какъ иначе нечистая сила возьметъ верхъ надо мной, и я ни за что не смогу найти нужный корень. Мало этого: если ты, испугавшись какихъ-нибудь ея штукъ, вздумаешь бѣжать, то знай, что застанешь Зоицу не иначе, какъ мертвою въ постелькѣ.

Такъ онѣ и сдѣлали.—Не смотря на свойственную цыганкамъ храбрость, Аргира все больше и больше трусила по мѣрѣ того, какъ свекровь съ фонаремъ удалялась въ глубь лѣса, гдѣ вскорѣ и скрылась безслѣдно. Но, твердо вѣря въ могущество колдовства, которымъ Арджинта могла спасти дѣвочку, несчастная мать изо всѣхъ силъ старалась превозмочь овладѣвавшій ею страхъ, чтобы какъ-нибудь не повредить этимъ Зоицѣ. Такъ сидѣла она, вся дрожа, въ ночной темнотѣ, и съ ужасомъ прислушивалась ко всякимъ лѣснымъ шорохамъ, не смѣя пошевелинуться на камнѣ, гдѣ усадила ее знахарка. Арджинта же, между тѣмъ, во весь духъ летѣла къ жилищу Чарницкаго, ключъ отъ спальни котораго былъ у нея въ карманѣ.

— Бѣги скорѣе,—молвила она, едва переводя духъ,—и хватай ее безъ единого слова. Она подумаетъ, что это—нечистая сила, и сопротивляться не станетъ..

Затѣмъ старуха наскоро сообщила графу свой планъ и прибавила, когда онъ уже уходилъ:

— Другого болѣе удобнаго случая никогда не представится. Я же тутъ сейчасъ все устрою съ твоей прислугой, чтобы ты могъ этою же ночью увезти ее, куда хочешь....

Урланъ, между тѣмъ, пьянствовалъ въ компаніи и подрался съ однимъ пріятелемъ, намекнувшимъ на гр. Чарницкаго. Хотя Урланъ и не любилъ жены, однако имъ тотчасъ же овладѣла безумная ревность, и онъ бросился домой,—жены нѣтъ; онъ къ матери,—и тамъ нѣтъ. Онъ въ лѣсъ. Встрѣтившись съ Чарническимъ, Урланъ покончилъ съ нимъ, а затѣмъ и съ женою, какъ послѣдняя ни старалась увѣрить мужа въ своей невинности....

Окончивши свой рассказъ, Смаранда весело вымолвила, любопытно заглядывая въ тетрадку, куда Кириенко-Волошиновъ еще продолжалъ что-то вписывать:

— Значить, все, что я тебѣ рассказала, твой странный пріятель потомъ въ книжкѣ помѣститъ,—вѣдь такъ?—спросила она.

— Можетъ быть, помѣститъ, а можетъ и нѣтъ,—отвѣтилъ Кириенко-Волошиновъ, вставая и прощаясь съ цыганкой, лицо которой вдругъ какъ-то еще больше потемнѣло, принявъ серьезное выраженіе.

— Охъ, бѣдный онъ, бѣдный!—задумчиво выговаривала она: не на счастье, а только на горе родился онъ!...

Отдавъ Пушкину на-чисто переписанный переводъ, а оригиналъ оставивши у себя, Кириенко-Волошиновъ послѣ того не видалъ Александра Сергѣевича болѣе двухъ недѣль. Но вотъ какъ-то вечеромъ разстроенный чѣмъ-то Пушкинъ стремительно вбѣжалъ къ нему въ комнату и, бросивъ на столъ какой-то довольно объемистый свертокъ, сердито промолвилъ:

— Чепуха какая-то вышла!.. Впрочемъ, можешь все же переписать, если хочешь и если что-либо тамъ разберешь. Я дотога спѣшилъ освободиться отъ до смерти надоѣвшей мнѣ пачкотни, что, по окончаніи, многого и самъ не могъ разобрать.... Нѣтъ ли чаю, дружище? изнемогаю отъ жажды....

Однако раздраженный чѣмъ-то поэтъ такъ волновался, бѣгая изъ угла въ уголъ, что чаю дожидаться не могъ и скоро выбѣжалъ изъ комнаты, не простившись съ хозяиномъ. Тогда послѣдній медленно развернулъ свертокъ и прочелъ на первомъ листѣ слѣдующія, написанныя крупными буквами, слова:

„Бессарабскіе кочующіе цыгане“.

(Дѣйствительное происшествіе).

Дальше слѣдовало подробное изложеніе рассказа Смаранды и того, что Пушкинъ видѣлъ своими глазами. Все это было передано въ формѣ *поэмы*, съ сохраненіемъ даже всѣхъ подлинныхъ собственныхъ именъ. Кириенко-Волошиновъ съ большимъ трудомъ разобралъ и четко переписалъ поэму, а затѣмъ, самъ не отдавая себѣ отчета въ послѣднемъ своемъ поступкѣ, не извѣстно зачѣмъ, подписалъ подъ нею не фамилію Пушкина, а свое собственное полное имя, отчество и фамилію. Въ такомъ видѣ переписанная поэма лежала нѣсколько дней на столѣ, тогда какъ черновую Кириенко-Волошиновъ положилъ въ тотъ же ящикъ, гдѣ уже было не мало оставленныхъ Пушкинымъ стихотвореній и рисунковъ всякаго рода.

Какъ-то Пушкинъ снова зашелъ къ пріятелю и, увидѣвъ перепи-
санную поэму, разсѣянно принялся ее перелистывать. Вдругъ онъ громко
захохоталъ и, указывая на подпись, сквозь смѣхъ произнесъ:

— Эге-ге, милый мой! это зачѣмъ же ты присвоилъ себѣ мое не-
удачное дѣтище? Вѣдь, это, любезный ты мой, у насъ плагіатомъ зо-
вется, и за это можетъ достаться тебѣ не шутя!... Давай-ка мы сей-
часъ же поправимъ ошибку...

И, обмакнувъ въ чернила перо, Пушкинъ задумался на нѣсколько
минутъ и затѣмъ живо написалъ подъ фамиліей Кириѣнко-Волошинова
слѣдующее шутливое стихотвореніе:

Я, пѣвецъ молдавскихъ грацій,
Здѣсь, подъ сѣнію акацій
(Ихъ такъ много тутъ кругомъ),
Всѣхъ хочу завѣрить въ томъ,
Что пріятель мой Димитрій,
Человѣкъ хотя и хитрый,
Но не склонный на обманъ...
Нѣтъ, поэму про цыганъ
Онъ случайно подписалъ,

Какъ, зачѣмъ—и самъ не зналъ...
Да, не онъ создалъ поэму
Про туземную богему.
Онъ ее переписалъ,
Но отнюдь не сочинялъ.
Авторъ я—стиховъ кропатель
И большой его пріятель;
Посему, журить его
Мнѣ не значитъ ничего...

Подъ этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ подписалъ такъ:

„Нечинловный чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ не-
культурнаго, но зѣло полнаго гордости края Александръ Пушкинъ“.

Самая поэма, судя по отрывку въ 14 страницъ, приведенному
Е. Францовой *по памяти*, представляетъ собою скорѣе *пробу пера*,
первый набросокъ, къ которому Пушкинъ, такъ много посвящавшій вре-
мени на окончательную отдѣлку своихъ произведеній, никогда болѣе
почему-то не возвращался. Но въ *колыбельной пѣснѣ* Аргіры, даже въ
настоящемъ ея видѣ, мѣстами нельзя не узнать чуднаго поэтиче-
скаго, такъ сказать, рѣзца Александра Сергѣевича. Вотъ эта пѣсня:

Дѣтка милая, родная,
Твой отецъ ушелъ опять.
Остаюсь съ тобой одна я
Съ грустью мужа поджидать.
Спи же, дѣтка, баю, баю;
Не гляди, какъ я страдаю.
О мой Богъ, за что, жестокий,
Разлюбилъ совсѣмъ онъ насъ,
И дочурки черноокой
Онъ не любитъ чудныхъ глазъ?

Что намъ дѣлать?—Баю, баю,—
Ничего о томъ не знаю.
Раньше, помнишь, онъ старался
Насъ обѣихъ ублажать;
Какъ любилъ, ласкалъ и клялся
Никогда не покидать!...
Спи, мой ангелъ, баю, баю,
Спи, вѣдь тихо я качаю.
Было счастье, но какъ скоро
Все исчезло безъ слѣда;

Только горя и позора
 Слѣдъ останется всегда.
 Спи, Зоица, баю, баю,
 Спи, тебя я обожаю.
 Онъ съ пріятелями вѣчно
 Лишь проводить день и ночь,
 Забываетъ, безсердечный,
 И жену свою и дочь.
 Спи, дочурка, баю, баю,
 Ахъ, я всѣхъ ихъ презираю!
 Имъ играетъ онъ. Лишь тайно
 Слышу я его въ тѣ дни,
 Какъ узнать могу случайно,
 Гдѣ собираются они.

Спи, алмазъ мой, баю, баю;
 Зла ему я не желаю.
 Что-за пѣсни, что-за звуки
 Онъ изъ скрипки извлекалъ,
 Какъ меня, весь полонъ муки.
 На свиданье вызывалъ!
 Спи, голубка, баю, баю;
 Горе ждетъ тебя, я знаю.
 А теперь совсѣмъ не хочетъ
 Ни одной мнѣ пѣсни спѣть;
 Надо мной всегда хохочетъ,
 Не умѣетъ пожалѣть...
 Пусть смѣется!.. Баю, баю,
 Я люблю, не проклинаю!¹⁾

Поэма: „Бессарабскіе кочующіе цыгане“, послужившая *пропитимомъ* поэмы: „Цыгане“, по тщательномъ ея сличеніи съ этою послѣднею, ничего почти общаго съ нею не имѣетъ, какъ ничего почти общаго не имѣетъ преступленіе Урлана съ преступленіемъ *Алеко*. Въ то время какъ первая поэма является фотографическимъ воспроизведеніемъ въ стихахъ дѣйствительнаго происшествія, вторая представляетъ собою плодъ высокаго свободнаго творчества ²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію П. В. Анненкова, „высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-

¹⁾ Въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу, отъ 23 марта 1821 года Пушкинъ говоритъ: „...кончилъ я новую поэму *Кавказскій Пльинникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ея не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?“—Плодомъ этого „перевариванія воспоминаній“ и „набора новыхъ“ были слѣдующія поэмы, кромѣ „Бахчисарайскаго фонтана“ и „Цыганъ“: 1) „Вадимъ“, оставшаяся неоконченною, 2) „Бессарабскіе кочующіе цыгане“, 3) *сатирическая поэма*, планъ и наброски которой приводитъ П. В. Анненковъ въ V-й главѣ своей монографіи—„А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, и дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны, 4) печальной памяти *кощунственная поэма* и, наконецъ, 5) „Братья разбойники“, которую Пушкинъ сжегъ, и теперешній текстъ ея представляетъ собою только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у друга Пушкина Н. Н. Раевского.

²⁾ О происхожденіи первыхъ стиховъ „Цыганъ“ *М. Шонинъ*, внукъ Стамати (*этериста Статаки*, постельника, взявшаго на откупъ всѣ бессарабскія почты?), общаетъ слѣдующее сохранившееся въ Кишиневѣ преданіе. Одинъ разъ Пушкинъ отправился гулять за городъ, по направленію къ нынѣшнимъ садамъ *Рамандина* (Лихнякевича), Катаражки и др. Въ то время здѣсь не было домовъ, и весь скатъ былъ занятъ лѣсомъ. Здѣсь, на опушкѣ, расположились цыгане. Когда Пушкинъ подошелъ

философской темой". На „Цыганах“, правда, „мелькаютъ еще лучи байронической поэзіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальность замысла, возмужалость и зрѣлость таланта дотога бросались въ глаза современникамъ Пушкина, что они признали въ поэмѣ совершенно свободное, независимое созданіе, не смотря на нѣкоторые признаки его родства съ чужою мыслию“, ¹⁾ тѣмъ болѣе, что въ поэмѣ Пушкинъ неожиданно коснулся важнаго соціального вопроса, котораго, впрочемъ, далеко не исчерпалъ, такъ какъ подобный вопросъ въ области романтизма, собственно говоря, и не могъ даже быть обрабатываемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ своими „Цыганами“ прощался съ чисто-романтическимъ творчествомъ и круто перешелъ къ воспроизведенію живой дѣйствительности, къ самобытному творчеству въ народномъ духѣ.

Типы грузинъ.

къ нимъ, къ нему бросились нѣсколько взрослыхъ цыганъ и мальчишекъ съ цѣлью не то ограбить, не то выпросить себѣ чего-нибудь. Пушкинъ перепугался и быстро повернулъ назадъ къ городу.—„Пера и чернилъ!“ закричалъ онъ, вбѣгая въ домъ Стамати,—и тутъ же написалъ всѣмъ извѣстные первые стихи поэмы: „Цыгане шумною толпою по Бессарабіи кочуютъ“.... (В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 80).

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 239—240.

А. С. Пушкинъ

— на югъ Россіи.

XIV.

Прощаніе Пушкина
съ моремъ
(съ картины Айва-
зовскаго).

одведемъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ краткій итогъ тому, что далъ югъ Россіи Пушкину въ теченіе свыше 4-лѣтней жизни его здѣсь.

Пребываніе Александра Сергѣевича на югѣ Россіи познакомило его съ самыми разнообразными картинами природы и жизни. Суровая дикость Кавказа съ столь же суровымъ воинственнымъ бытомъ; поэтическая „очаровательная“ картина Крыма, его историческія, восходящія ко временамъ весьма глубокой древности, преданія; восточная нѣга его жителей; степная „пустынная“ природа Бессарабіи, съ яркою пестротой ея населенія, съ историческою громкою славою русскаго оружія, съ полными таинственности воспоминаніями о знаменитомъ римскомъ поэтѣ Овидіи, въ положеніи котораго Пушкинъ находилъ сходство съ собственнымъ своимъ положеніемъ; наконецъ, европейская, хотя и „прозаическая“, жизнь молодой Одессы: все это доставило обильнѣйшій матеріалъ для поэтической дѣятельности Пушкина, обогативъ его самыми разнообразными—часто очень сильными—впечатлѣніями, заняло его умъ, обогатило массою новыхъ свѣдѣній. Въ изображеніи кавказскихъ горцевъ, крымскихъ татаръ, бессарабскихъ цыганъ онъ постепенно и незамѣтно для себя учился, такъ сказать, примѣнять колоритъ мѣста и времени, который составляетъ важнѣйшую заслугу французскихъ и англійскихъ романтиковъ, и въ которомъ Пушкинъ почти не имѣетъ себѣ соперниковъ. Обвинять Пушкина въ томъ, что онъ нерѣдко находилъ поэзію въ дружеской пирушкѣ, или нерѣдко также поддавался

обаянію женской красоты—по меньшей мѣрѣ наивно. Пушкинъ въ это время переживалъ періодъ скептицизма и мучительныхъ сомнѣній во всемъ, а больше всего въ самомъ себѣ. Но такой періодъ есть необходимое испытаніе, чрезъ которое неизбѣжно проходить и въ которомъ какъ нельзя лучше очищается всякій выдающійся изъ ряда другихъ человѣкъ. Пушкинъ *долженъ* былъ пережить его—и пережилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *долженъ* былъ выйти изъ него побѣдителемъ—и дѣйствительно вышелъ. Не говоря уже обо всемъ прочемъ, обратимъ хотя бы вниманіе на легкомысленное отношеніе его къ религіи, печальнымъ памятникомъ котораго осталось нѣсколько непечатныхъ кошунственныхъ его произведеній. Насколько необдуманно-легкомысленнымъ былъ онъ въ годы жизни своей на югѣ Россіи, настолько въ послѣдствіи глубоко и искренно проникся высокими истинами вѣры и иначе не говорилъ о предметахъ ея, какъ съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія: Одинъ разъ Глинка засталъ Пушкина въ его квартирѣ съ Евангеліемъ въ рукахъ. „Вотъ единственная книга въ мірѣ: въ ней все есть“, восторженно сказалъ Пушкинъ.—„Увѣряютъ, что вы невѣрующій“, замѣтилъ на это Глинка. Пушкинъ расхохотался и сказалъ, пожимая плечами: „Значить они меня считаютъ совершеннымъ кретиномъ. ¹⁾ На вопросъ А. Тургенева: „Гдѣ ты искалъ Бога и гдѣ Его нашелъ?“ Пушкинъ отвѣчалъ: „Въ моей совѣсти, хотя я и приобрѣлъ репутацію неисправимаго скептика и маловѣра за то, что написалъ скверную эротическую поэму, навѣянную чтеніемъ Грессе, Пирона и Парни, который сводилъ съ ума до меня и дядю моего Василія, и Дмитріева, друга Вяземскаго, и даже *Батюшкова*, что совершенно не понятно... Ты хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога?—Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой и нашелъ *Пророка*, во имя котораго, кажется, можно бы и отпустить мнѣ мои грѣхи. Но мои добрые друзья и мои знаменитые критики, забывая о томъ, что я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о *глупостяхъ филополетствовавшего мальчишки*“²⁾).

Съ 30-хъ годовъ религіозное настроеніе сдѣлалось господствующимъ въ душѣ Пушкина и выразилось въ нѣсколькихъ его высокохудожественныхъ произведеніяхъ, хотя далеко не обнаружилось вполне. И настроеніе это не было слѣдствіемъ, такъ сказать, минутной вспышки чувства; напротивъ, оно является результатомъ глубокаго пониманія религіи, серьезнаго размышленія о ней и внимательнаго, вдумчиваго изученія христіанскихъ произведеній. Къ такому взгляду приводятъ насъ свидѣтельства друзей Пушкина, которые говорятъ, что въ по-

¹⁾ „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893 г., кн. 4, стр. 231.

²⁾ „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893 г., кн. 8, стр. 269—270.

слѣднее время поэтъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. Съ какимъ благоговѣніемъ Пушкинъ относился къ Евангелію, говорятъ его же собственныя слова. По поводу одного переводнаго сочиненія Пушкинъ говоритъ: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли и примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра, изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется *Евангеліемъ*—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!“ Черновыя тетради Пушкина наполнены выписками изъ Четій-Миней и Пролога. Въ 1835 г. онъ помогаетъ и со-вѣтомъ и дѣломъ своему лицейскому товарищу князю *Эрстову* въ составленіи „Словаря историческаго о святыхъ, прославляемыхъ въ Россійской Церкви“ и дѣлаетъ о немъ, по выходѣ въ свѣтъ, печатный отзывъ. Самъ составляетъ для народа сохранившееся въ подлинной рукописи житіе преп. игумена Саввы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3, преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святой обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожахъ, новаго чудотворца“ и т. п. А кто не знаетъ тѣхъ трогательныхъ христіанскихъ чувствованій, какими преисполнена была душа Пушкина на смертномъ одрѣ,—чувствованій, приводившихъ въ глубокое сердечное умиленіе всѣхъ окружавшихъ его въ эти знаменательныя минуты и исторгавшихъ изъ глазъ ихъ потоки слезъ?...

Простился Пушкинъ съ югомъ Россіи,—простился и съ своимъ бурнымъ, мрачнымъ прошлымъ; простился съ моремъ чуднымъ стихотвореніемъ: „Къ морю“,—простился и съ „властителемъ“ своихъ „думъ“ Байрономъ, чтобы „провозвѣщать“ съ этихъ поръ „любви и правды чистые глаголы“, „пробуждать“ сладкозвучной своей „лирой добрыхъ чувства“ въ людяхъ, доставлять имъ высочайшее наслажденіе „прелестью живой стиховъ“, „призывать милость къ падшимъ“, „глаголомъ жечь сердца людей“. Невольно припоминается при этомъ безхитростная, но мѣткая характеристика Пушкина, сдѣланная въ свое время *А. Туманскимъ*, сблизившимся съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Одессѣ:

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.

Не измѣнилъ онъ назначеню,
Главы предъ рокомъ не склонялъ,
И, вѣрный тайному влеченю,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой странническій вѣкъ,
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣнью славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеніи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

Т. О. Булашевъ.

Гурауль.

А. С. Пушкинъ

въ селѣ Михайловскомъ (1824—1826).

I.

ъ жизни и творчествѣ Пушкина пребываніе его въ селѣ Михайловскомъ съ августа 1824 г. по сентябрь 1826 г. имѣетъ особое значеніе и привлекаетъ вниманіе изслѣдователя. Это періодъ небольшой по времени, бѣдный внѣшними событіями, но богатый по внутреннему содержанію и очень важный для душевнаго развитія поэта. Всего 2 года прожилъ Пушкинъ въ уединеніи с. Михайловскаго—и въ немъ произошло то «возрожденіе», котораго онъ жаждалъ уже давно, о которомъ мечталъ въ водоворотѣ петербургской жизни и подъ знойнымъ небомъ юга. Нашъ поэтъ испыталъ переломъ въ душевной жизни; отшумѣли и замолкли грозы юности, періода бури и натиска;—наступаетъ пора самосознанія, спокойнаго и опредѣленнаго взгляда на цѣль жизни и литературной дѣятельности. Правда, спокойствіе это перѣдко нарушается, страсти вспыхиваютъ въ душѣ поэта, но въ общемъ его жизнь течетъ уже по одному руслу: у нея есть цѣль, есть содержаніе.

Литературная дѣятельность Пушкина въ селѣ Михайловскомъ стоитъ въ зависимости отъ переживаемаго поэтомъ душевнаго кризиса. Сначала поэтъ отражаетъ въ своемъ творчествѣ впечатлѣнія юга, но скоро его начинаютъ привлекать русская природа, русскій бытъ и родная старина. На граняхъ этого періода стоятъ такія противоположныя созданія, какъ «Цыганы» и «Борисъ Годуновъ». «Властитель думъ» на югѣ Россіи, бурный, разочарованный Байронъ уступаетъ мѣсто

спокойному Шекспиру, знатоку сердца человеческого. Какъ заключительный аккордъ въ душевной гармоніи звучать слова поэта:

«Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво».

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду отмѣтить характерныя черты пережитаго Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ душевнаго кризиса; опредѣлить особенность его міровоззрѣнія и прослѣдить, какъ все это отразилось въ литературной дѣятельности поэта.

Оставляя шумную одесскую жизнь и роскошную южную природу для уединенія въ сѣверной деревнѣ, Пушкинъ надѣялся найти отдыхъ и безъ озлобленія отнестся къ постигшей его немилости. Такимъ настроеніемъ проникнуто первое стихотвореніе, написанное въ селѣ Михайловскомъ:

Аквилонъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался,
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо вылетѣя тростникъ.

Въ этомъ художественномъ стихотвореніи поэтъ сплетаетъ образы природы, мысли о политическихъ событіяхъ и личные мотивы. Дубъ, какъ говорятъ нѣкоторые критики, изображаетъ Наполеона, котораго политическая гроза вырвала изъ Европы и унесла на островъ св. Елены. Тростникъ—самъ Пушкинъ. Въ одномъ изъ черновыхъ набросовъ Евгенія Онегина поэтъ замѣчаетъ о своемъ невольномъ переселеніи съ юга на сѣверъ:

...И отъ милыхъ южныхъ дамъ
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ.
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ.
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

О мысляхъ и чувствахъ, съ которыми онъ явился въ село Михайловское, Пушкинъ вспоминаетъ въ стихотвореніи «Опять на родинѣ», написанномъ значительно позже въ 1835 г.

...Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчались—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныныи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

Къ печальнымъ и горькимъ воспоминаньямъ о прошломъ присоединились невзгоды настоящаго, встрѣтившій поэта на родинѣ, въ кругу семьи. По донесенію псковской полиціи Пушкинъ прибылъ въ село Михайловское 9 августа 1824 года, а 31 октября онъ уже пишетъ къ Жуковскому письмо, живо и вѣрно рисующее отношеніе къ нему отца—«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я встрѣченъ всѣми какъ нельзя лучше, но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой, вос-

пользовавшись отсутствием свидетелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить! Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства: посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi».

Вслѣдъ за этимъ было отправлено письмо къ Адеркасу, искомому губернатору, въ которомъ поэтъ для спокойствія отца и своего собственнаго рѣшается просить Его Императорское Величество «да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей». Къ счастью, для Пушкина къ такимъ рѣшительнымъ средствамъ не пришлось прибѣгнуть. Отецъ подъ вліяніемъ Жуковского или по собственному побужденію уѣхалъ со всею семьею изъ Михайловскаго и отказался отъ надзора за сыномъ. Къ ноябрю 1824 г. Пушкинъ зажилъ одиноко съ няней Ариной Родионовной. «Буря, кажется, успокоилась» пишетъ онъ къ одному изъ пріятелей; «Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я нахожусь въ глухой деревнѣ,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни итальянской оперы, ни вась, друзья мои. Но зато нѣтъ ни саранчи, ¹⁾ ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, да и то вижу довольно рѣдко,—совершенный Онѣгинъ; цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала Татьяны; она—единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно».

Въ IV главѣ Евгенія Онѣгина Пушкинъ изображаетъ свой скромный образъ жизни въ селѣ Михайловскомъ. По утрамъ лѣтомъ онъ купался въ рѣкѣ Сороти, протекавшей у подошвы холма, на которомъ находился «смиранный домъ», гдѣ жилъ поэтъ съ нянею. Зимой бралъ холодную ванну. Носилъ простой деревенскій нарядъ. «Прогулки, чтенье, сонъ глубокій, лѣсная тѣнь, журчанье струй, уздѣ послушный конь ретивый, обѣдъ довольно прихотливый, бутылка свѣтлаго вина, уединенье, тишина» ²⁾—вотъ содержаніе жизни нашего поэта. Одна комната съ ширмами служила Пушкину спальней, столовой, рабочимъ кабинетомъ. На другой половинѣ дома находилась просторная комната, гдѣ жила няня Арина Родионовна, которая тутъ же

¹⁾ Намекъ на извѣстную командировку въ Одессѣ.

²⁾ Евгеній Онѣгинъ.

наблюдала за толпой крѣпостныхъ швей и ткачихъ, работавшихъ для господъ. Съ няней поэтъ короталъ длинные зимніе вечера, объ одномъ изъ которыхъ говорить въ знаменитомъ стихотвореніи «Зимній вечеръ». Слѣдуетъ замѣтить, что находящіеся здѣсь стихи: «Выпьемъ, добрая подружка бѣдной юности моей! Выпьемъ съ горя! Гдѣ же кружка? Сердцу будетъ веселѣй» — стихи, кажушіеся нѣкоторымъ нѣсколько странными, вполне вѣрны дѣйствительности. Старушка, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, любила выпить — и въ смиренномъ домикѣ никогда не переводилось вино. Пушкинъ очень заботился о своемъ столѣ, скрашивавшемъ отчасти его скучную жизнь. Любопытны въ этомъ отношеніи письма къ брату Льву, который былъ посредникомъ въ сношеніяхъ поэта съ Москвой и Петербургомъ. Они свидѣлствуютъ о потребностяхъ поэта. Почти въ каждомъ, какъ припѣвъ, повторяется просьба прислать такихъ-то и такихъ-то книгъ. «Это пища души». На ряду съ этимъ находимъ заказы на вина и разные продукты. Одно письмо даже стихами:

„Что же? Будетъ-ли вино?
Жду его давно.
Знаешь-ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!

Уединенная жизнь благотворно дѣйствовала на Пушкина. Она подходила къ его характеру, который къ тому времени уже успѣлъ опредѣлиться въ главныхъ своихъ чертахъ. Это не былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, о которыхъ говорятъ: «а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Никогда Пушкинъ не искалъ жизненныхъ бурь: они сами приходили, или, вѣрнѣе, были вызываемы его пылкимъ темпераментомъ. Покой и уединеніе всегда были желанны для него. Еще въ лицей въ стихотвореніи «Городокъ» Пушкинъ радуется уединенію:

„Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ“...

Тотъ же мотивъ слышится въ лицейскомъ посланіи къ Юдину:

„Не лучше-ли въ деревнѣ дальной
Или въ смиренномъ городкѣ
Вдали столицъ, заботъ и грома
Укрыться въ мирномъ уголкѣ?
.....
О, еслибы когда-нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадѣ уединенья
Ему вкусить не суждено“!

По выходѣ изъ лица онъ привѣтствовалъ прелести скромной деревенской жизни въ стихотвореніи «Уединеніе». Мы подчеркиваемъ стремленія Пушкина къ покою и уединенію, потому что видимъ въ этомъ важную черту его внутренняго міра. Душевная жизнь Пушкина отличалась раздвоеніемъ чувства и воли. Дѣятельность не охватывала поэта цѣликомъ. Житейскія волненія, битвы не удовлетворяли его. Онъ жаждалъ вдохновеній и молитвъ вдали отъ толпы. Пора покоя—ночь особенно привлекала его. Въ одномъ изъ стихотвореній ¹⁾ онъ признается, что по ночамъ давалъ себѣ отчетъ о прожитомъ днѣ, о всей прожитой жизни. Наиболѣе плодотворнымъ было творчество Пушкина въ деревнѣ въ уединеніи, куда онъ уѣзжалъ почти каждый годъ съ наступленіемъ осени. Все это подтверждаетъ ту мысль, что какъ ни скучно, какъ ни тяжело было Пушкину въ селѣ Михайловскомъ, уединенная жизнь соотвѣтствовала складу его души, укрѣпляла ее, помогла выработать міросозерцаніе въ главныхъ его чертахъ. А въ связи съ этимъ зрѣло и приносило драгоцѣнные плоды поэтическое творчество поэта. Кстати сказать, критика, которая позже доводила Пушкина до крайностей, заставляя его говорить въ знаменитомъ стихотвореніи: «Поэтъ и чернь»: «молчи, бессмысленный народъ», пока не нарушала его душевнаго равновѣсія.

Или... „Но я плоды своихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей“.
„тоской и риемами томимъ.
Бродя надъ озеромъ мопимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣню сладкозвучныхъ строкъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ“.

¹⁾ „Воспоминаніе“ (Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день...).

А. С. Пушкинъ

въ селѣ Михайловскомъ.
(1824—1826).

II.

Москливое настроеніе и скуку разгоняли у Пушкина не однѣ только прогулки и старая няня, но и близкіе сосѣди, и посѣщенія друзей и лицейскихъ товарищей.

«Что касается моихъ сосѣдей,—писалъ Пушкинъ въ началѣ своей ссылки,—на первыхъ порахъ я старался оттолкнуть ихъ отъ себя. Они оставили меня въ покоѣ. Я у нихъ словно Онѣгинъ». Пошлость провинціальной жизни дѣйствительно отталкивала Пушкина. Комическое изображеніе этой жизни мы находимъ въ разныхъ мѣстахъ Евгения Онѣгина и въ извѣстной шутиливой поэмѣ «Графъ Нулинъ». Только съ ближайшими сосѣдями Михайловскаго, семействомъ Прасковьи Александровны Осиповой, близко сошелся Пушкинъ. Много пріятныхъ часовъ провелъ онъ въ селѣ Тригорскомъ, въ 2—3 верстахъ отъ Михайловскаго на холмистомъ берегу рѣки Сороти. Прасковья Александровна Осипова высоко цѣнила Пушкина, и онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Съ своей стороны и Пушкинъ отвѣчалъ ей безграничной дружбой, посвящалъ ей стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить подлѣ Тригорскаго клочекъ земли и поселиться на немъ. Не одна хозяйка Тригорскаго была искренно привязана къ Пушкину. «Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ было расположено по мѣстѣ, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта—и много сердець билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на армакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ». ¹⁾

¹⁾ Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.

Кромѣ двухъ дочерей г-жи Осиповой, Анны и Евпраксіи Николаевны Вульфъ (отъ 1-аго брака), въ домѣ ея постоянно гостили молодыя кузины. Все это женское населеніе Тригорскаго увлекалось Пушкинымъ и вызывало увлеченія съ его стороны. Можно утверждать, основываясь на замѣчаніяхъ самого поэта, что семья Осиповой нашла себѣ поэтическое изображеніе въ Евгеніи Онѣгинѣ. Анна и Евпраксія Николаевны послужили прототипами Ольги и Татьяны. Въ ихъ характерѣ Пушкинъ наблюдалъ ту противоположность, которую отмѣтилъ въ двухъ своихъ знаменитыхъ женскихъ образахъ. Прямо изъ Кишинева Пушкинъ былъ перенесенъ въ дворянскій сельскій бытъ сѣверной губерніи. Усталый послѣ усидчивыхъ занятій у себя въ Михайловскомъ, являлся онъ въ Тригорское и оживлялъ деревенскій одноэтажный домъ, наполненный молодежью. Подымался шумъ, говоръ, смѣхъ, начинались интриги, борьба молодыхъ страстей—и нашъ поэтъ всему давалъ тонъ. Не обходилось здѣсь и безъ семейныхъ драмъ, ревности и невинныхъ катастрофъ. Особенно сильно увлекался Пушкинъ племянницей Осиповой, Анной Петровной Кернъ, бывшей замужемъ за важнымъ генераломъ. Увлеченіе это нашло себѣ выраженіе въ прекрасномъ стихотвореніи, которое съ музыкой Глинки въ видѣ романса облетѣло всю Россію и до сихъ поръ почти всякому извѣстно. Вотъ оно:

Къ А. П. Кернъ.

Я помню чудное мгновеніе:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной.
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Судя по этому стихотворенію, можно предположить, что увлеченіе Пушкина Анной Петровной Кернъ было важнымъ моментомъ его

тичной жизни. Мы боимся упрекнуть поэта въ неискренности чувства, которымъ проникнуто это стихотвореніе, но фактическія данныя объ отношеніяхъ Пушкина къ Кернъ и его переписка съ ней представляютъ дѣло въ иномъ совершенно свѣтѣ. Такъ въ письмѣ, посланномъ А. П. Кернъ въ августъ 1825 г., черезъ 2 мѣсяца послѣ стихотворенія «Я помню чудное мгновенье»... Пушкинъ пишетъ: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны—въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и утѣштесь, потому что отъ этого вы еще милѣе». Еще раньше Пушкинъ писалъ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ: «я каждую ночь гуляю въ саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблекшаго геліотропа. Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь: но клянусь вамъ что ничего этого нѣтъ». Въ другихъ письмахъ онъ даетъ предмету своего увлеченія очень нелестные эпитеты. Кромѣ того нужно помнить, что сердце Пушкина въ это время не было свободно. Оно таило глубокую любовь къ неизвѣстной особѣ, съ которой поэтъ встрѣтился на югѣ. Когда приходило письмо съ таинственными знаками на печати, Пушкинъ читалъ его запершись, а потомъ сжигалъ. Такія стихотворенія, какъ «Желаніе славы», «Сожженное письмо», свидѣлствуютъ, что чувство то было серьезнымъ. Послѣ всего этого мы иначе станемъ относиться къ стихотворенію «Я помню чудное мгновенье», но все-таки не имѣемъ права упрекнуть поэта въ художественной лжи. Во первыхъ Пушкинъ очень легко увлекался и даже болѣе серьезное чувство не долго занимало его. Такъ въ элегій «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», элегій, которая была написана въ Михайловскомъ по полученіи извѣстія о смерти г-жи Ризницъ, плѣнявшей поэта въ Одессѣ, онъ въ концѣ говоритъ: «Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей для бѣдной легковѣрной тѣни, для сладкой памяти невозвратимыхъ дней не нахожу ни слезъ, ни пени». Во вторыхъ на разбираемое стихотвореніе слѣдуетъ смотрѣть, имѣя въ виду особенность Пушкинской музы, а именно: наклонность къ идеализаціи, къ изображенію свѣтлыхъ сторонъ дѣйствительности. Предъ духовнымъ зрѣніемъ Пушкина носился идеальный образъ красоты—и его-то, а вовсе не прелести Анны Петровны Кернъ, онъ воспѣваетъ. Такого же рода поглощеніе, если можно такъ выразиться, земного образа идеальнымъ небеснымъ мы находимъ въ сонетѣ «Мадонна». Здѣсь сливается красота жены Пушкина съ идеальной красотой рафаэлевской Мадонны. Подобная поэтическая наклонность къ идеализаціи однимъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ изображена такъ:

„Только встрѣчу улыбку твою,
Или взоръ уловлю твой отраднѣй,—
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной“.¹⁾

Разборъ отношеній Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ прибавляетъ новую черту къ его характеру, вполне опредѣляющуюся во время Михайловскаго уединенія. Это была способность увлекаться образами, *гениемъ чистой красоты*, и идеализировать явленія внѣшняго міра. Когда и уединеніе не успокаивало душевныхъ тревогъ поэта онъ, какъ самъ сознавался позже, искалъ успокоенія въ гармоніи, чадъ вымысломъ слезами обливался.

А. П. Кернъ.

¹⁾ Фетъ. Вечерніе огни, стр. 86.

Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

III.

ромъ тригорскихъ сосѣдей, жизнь невольнаго изгнанника оживлялась прїѣздами друзей. Чувство дружбы было очень живо у Пушкина. Онъ легко сближался съ людьми, у которыхъ были общіе съ нимъ интересы. Но наиболѣе постоянныя и нѣжныя чувства питалъ онъ къ своимъ лицейскимъ друзьямъ. День открытія лицея, 19-го октября, и въ Михайловскомъ былъ для него праздникомъ. Онъ мысленно пировалъ съ друзьями, празднуя лицейскую годовщину, и наединѣ съ самимъ собою провозглашалъ тостъ за лицей. Трое изъ старыхъ товарищей, Дельвигъ, Пущинъ и Горчаковъ навѣстили Михайловскаго изгнанника. Въ полныхъ глубокаго чувства и высоко-художественныхъ строфахъ воспоминаетъ поэтъ о прїѣздѣ друзей.

„Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моею, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ;
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной,—
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.
И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ выюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ.
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!
Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодный,

Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.
 Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой:
 Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встрѣтились и братски обнялись.
 Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
 Подъ бурю glavой поникъ я томной
 И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ».

Пушкинъ пробылъ въ Михайловскомъ всего одинъ день, но отъ него мы знаемъ о жизни Пушкина тамъ чуть ли не болѣе, чѣмъ отъ кого-либо другого, такъ какъ въ своихъ запискахъ онъ подробно описываетъ это посѣщеніе опального поэта. Встрѣча была неожиданная для Пушкина и бурно радостна. «Пушкинъ вообще показался мнѣ, говорить Пушкинъ, нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожъ ту же веселость... Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ... Замѣтно было, что ему нѣсколько наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся... Онъ сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти 4 мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, вначалѣ очень для него несчастнымъ; что тутъ хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненій, съ чужой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно». Эти замѣтки Пушкина подтверждаютъ то заключеніе, которое высказано выше относительно наклонности поэта къ спокойной жизни.

Но иногда въ первый годъ мирный кровъ Михайловскаго ожиался веселой дружеской пирушкой. Поэта посѣщали: дерптскій студентъ Вульфъ, сынъ Осиповой отъ перваго брака, и молодой поэтъ Языковъ. Ихъ однажды приглашалъ къ себѣ Пушкинъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
 Пріѣзжай сюда зимой,
 Да, Языкова, поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой.
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета.
 ... Запируемъ—ужъ молчи!
 Чудо—жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта...“

Языковъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ рассказываетъ о Михайловскомъ, о Пушкинѣ и его нянѣ:

„Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ дружескихъ бесѣдъ.“
восклищаетъ онъ.

„Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!“

Въ сообществѣ съ этими молодыми собутыльниками Пушкинъ задумалъ даже планъ бѣгства изъ Михайловскаго за границу. Въ разговорѣ, о которомъ пріятели переписывались условными выраженіями, принялъ участіе и братъ поэта Левъ Сергѣевичъ. Думали устроить бѣгство черезъ Дерптъ. Пушкинъ сочинилъ себѣ опасную болѣзнь, аневризмъ, или расширеніе венъ, добылъ медицинское свидѣтельство и просилъ дозволить ему поѣхать для леченія въ Дерптъ. Но ему предложили лечиться въ Псковѣ, кромѣ того Жуковскій собирался пригласить къ Пушкину въ Михайловское дерптскаго профессора хирурга. Пришлось отказаться отъ аневризма, который, кстати сказать, не вязался съ полной движенія жизнью, какую велъ Пушкинъ. Итакъ, оба раза, въ Михайловскомъ такъ же, какъ и на югѣ, не пришлось Пушкину бѣжать изъ Россіи. Темница не выпускала узника, котораго, могучая, какъ орелъ, мысль—звала на волю. Но еще немного времени—и поэтъ примирится съ дѣйствительностью и полюбитъ родную страну. Серьезныя занятія, заботы о самообразованіи, поэтическое творчество будутъ его привлекать. Войдетъ въ силу та перемѣна въ характерѣ, которую уже подмѣтилъ Пущинъ. Въ «Вакхической пѣснѣ», относящейся къ этому времени и изображающей пирушку въ Михайловскомъ, мы находимъ соединеніе веселаго разгула въ дружескомъ кругу съ высокимъ служеніемъ разуму и музамъ. Нельзя не привести здѣсь этого возвышеннаго гимна: онъ еще разъ укажетъ на ту черту характера Пушкина, которую мы старались отгѣнить, именно—бурную жизнь, вызываемую горячимъ темпераментомъ, и стремленіе къ успокоенію, суету и служеніе величавой красотѣ и невозмутимой мудрости.

Вакхическая пѣсня.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!

Полнѣ стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари.
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце да скроется тьма!

Уголокъ г. Севастополя.

Арт. Медвѣдевъ въ роли Германа.

А. С. Пушкинъ

въ селѣ Михайловскомъ.

(1824—1826).

IV.

олнце безсмертное ума» давно привлекало Пушкина своими живительными лучами. Въ разгульный періодъ петербургской жизни, во время пребыванія на югѣ Россіи, онъ находитъ время для серьезнаго чтенія, заботится о самообразованіи. Наиболѣе удобнымъ временемъ для расширенія познаній было вынужденное пребываніе въ селѣ Михайловскомъ.

„Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеніи величаю
Слышите вамъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.“

Такъ писалъ Пушкинъ еще въ 1819 году, не предчувствуя, что черезъ 5 лѣтъ «отрадный гласъ оракуловъ вѣковъ», т. е. великихъ писателей, будетъ ему еще дороже.

Книгъ у Пушкина всегда было большое количество. Въ библиотекѣ своихъ сосѣдей въ селѣ Тригорскомъ онъ нашелъ большую коллекцію французскихъ писателей XVII и XVIII вв. и много русскихъ изданій XVIII вѣка. Кромѣ того онъ самъ не жалѣлъ денегъ для выписки новыхъ книгъ. Въ письмахъ къ брату Льву онъ постоянно называетъ интересующія его изданія и проситъ переслать ихъ въ Михайлов-

ское. Зная 4 иностранных языка, поэтъ разнообразить свое чтеніе и знакомится со всѣмъ выдающимся во всемірной литературѣ. Онъ постоянно дѣлилъ свое вниманіе между роднымъ русскимъ и иностраннымъ. Такъ было въ Михайловскомъ. Съ родной народной словесностью онъ знакомился по живой книгѣ, по сказкамъ няни своей. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Я вознаграждаю ими недостатки проклятаго моего воспитанія.» Недостатки эти были съ излишкомъ вознаграждены. Пушкинъ самъ записывалъ народныя пѣсни псковской губерніи. Для этого онъ не разъ переодѣвался въ народный костюмъ и бродилъ по базарамъ. Идеями народности онъ проникался и по литературнымъ также памятникамъ. Въ Михайловскомъ онъ читалъ Лѣтописи, Исторію Карамзина, произведенія писателей историческихъ и сатирическихъ XVIII вѣка. Драма «Борисъ Годуновъ» могла быть создана только послѣ долгаго и внимательнаго изученія русской старины. Стоитъ перечестъ два неоконченныхъ стихотворенія въ русскомъ народномъ духѣ—одно:

„Какъ весенней теплою порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго—
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать“.

Другое—монологъ пьянаго мужика:

„Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матрентъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ“.

вспомнить характеристику русской пѣсни, съ ея разгульемъ удалымъ и сердечною тоскою—и легко убѣдиться, что Пушкинъ сердцемъ чувствовалъ народную поэзію, проникался ея духомъ, но подражать ей онъ не брался. Художественное чутье не позволяло ему сочинять quasi народныхъ пѣсень, подобно Дмитріеву, Дельвигу и др. Народная поэзія глубже дѣйствовала на великаго поэта. Онъ къ ней не поддѣлывался, она сама собою проникала въ его произведенія.

Мы знаемъ многихъ иностранныхъ авторовъ, занимавшихъ поочередно умъ Пушкина въ разбираемый періодъ. Но можно подмѣтить, что онъ останавливался на произведеніяхъ историческихъ или особенно важныхъ въ исторіи литературы. Это слѣдуетъ имѣть въ виду для пониманія міровоззрѣнія поэта.

Еще на югѣ Пушкинъ заинтересовался судьбой и поэзіей французскаго лирическаго поэта Шенье. Понятно, что жизнь Шенье, бо-

ровшагося съ тираніей крайнихъ партій во время французской революціи и погибшаго на эшафотѣ, интересовала нашего поэта, который тоже считалъ себя борцомъ за свободу. Но помимо этого Пушкина привлекала антологическая поэзія Шенье, въ изящной формѣ разрабатывавшаго античные сюжеты. Намъ кажется, что подѣ влияніемъ Шенье у Пушкина явилось желаніе разрабатывать темы антологической поэзіи. Удачнымъ опытомъ такого рода поэзіи является стихотвореніе 1825 г.: «Покровъ, упитанный язвительною кровью.» Должно указать также на то, что въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ въ подлинникѣ читалъ произведенія классическихъ римскихъ писателей. Особенно привлекалъ его историкъ Тацитъ. Чтеніе этого «великаго,» по мнѣнію Пушкина, писателя онъ сопровождалъ замѣтками. Одно мѣсто изъ малоизвѣстнаго римскаго историка Аврелія Виктора вмѣстѣ съ живыми картинами римской жизни у Тацита навело Пушкина на мысль написать поэму «Египетскія ночи.» Подѣ впечатлѣніемъ Тацита же онъ задумалъ поэму, въ которой хотѣлъ изобразить столкновение христіанства съ языческимъ міромъ. Но и то-другое не было исполнено: первая поэма только начата, вторая не пошла далѣе черновыхъ набросковъ. Болѣе всѣхъ другихъ иностранныхъ писателей подѣйствовалъ на Пушкина Шекспиръ. Въ 1825 г. онъ пишетъ Раевскому:

— «но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія! Какъ ничтоженъ предъ нимъ Байронъ — трагикъ!» Прежде всего Пушкинъ, если судить по его письмамъ, остановился въ Шекспирѣ на ясности его психическаго анализа, на широкомъ развитіи характеровъ, благодаря чему герои его драмъ являются предъ нашимъ воображеніемъ живыми личностями. Это было увлеченіе чисто эстетическое: Шекспиръ нравился Пушкину. Но скоро онъ взглянулъ глубже на англійскаго драматурга и нашелъ въ немъ откликъ на тѣ идеи, которыя давно уже занимали его самого. Величіе и жизненность Шекспира основываются, какъ извѣстно, на томъ, что онъ сумѣлъ соединить свое истинно гениальное пониманіе души человѣческой съ образами народнаго творчества. Онъ принадлежалъ къ школѣ англійскихъ драматурговъ XVI вѣка, находившихся въ связи съ народомъ и передававшихъ въ своихъ пьесахъ народные повѣрья и рассказы, вмѣстѣ съ типами, которые тамъ же встрѣчаются. У Пушкина давно являлось стремленіе соединить два направленія, проникавшія русскую жизнь и литературу. Одно было разсудочное, усвоенное отъ Запада, другое родное самобытное. Въ лицѣ Шекспира Пушкинъ нашелъ воплощеніе своихъ полусознательныхъ, инстинктивныхъ стремленій. Неудивительно поэтому, что во время чтенія Шекспира онъ съ жаромъ начинаетъ изучать народный бытъ, старину и задумываетъ «Бориса Годунова». Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ понималъ міровоззрѣніе

Шекспира, потому что самъ уже давно стремился къ тому, что выражаетъ такъ правдиво и художественно англійскій поэтъ. Именно Пушкинъ самъ начинаетъ и друзей своихъ приглашаетъ смотрѣть на жизнь безъ суетвѣрія и пристрастія, а глазами Шекспира, т. е. взвѣшивая и оцѣнивая событія въ ихъ истинномъ видѣ (по поводу декабристовъ).

Для пониманія Пушкинскаго міровоззрѣнія нельзя не остановиться на одной еще сторонѣ его занятій въ селѣ Михайловскомъ. Именно, поэтъ начинаетъ чувствовать влеченіе къ религіозному чтенію. Сначала его заинтересовалъ Коранъ Магомета. Изучая его во французскомъ переводѣ, Пушкинъ перекладывалъ въ стихотворной формѣ нѣкоторыя нравившіяся ему мѣста. «Подражанія Корану» Бѣлинскій называлъ «блестящимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Пушкина и новымъ свидѣтельствомъ о его удивительной способности легко и свободно-переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни.»

Здѣсь мы находимъ могучіе антитезы, особенность восточной поэзіи, напримѣръ обращеніе Аллаха къ пророку:

„Люби спроть и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй!“

Его клятву:

Клянусь четой и не четой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой.

Могущество Творца въ природѣ изображено такими стихами:

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.
Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лентъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.
Творцу молитесь—онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ, въ знойный день
На небо насылаетъ тучи
Даётъ землѣ древесну сѣнь;
Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту
И да падетъ съ очей туманъ.

Вскорѣ Пушкинъ начинаетъ читать библію. Въ письмахъ къ брату онъ неоднократно проситъ прислать библію, которой не было ни въ

Михайловскомъ, ни въ Тригорскомъ. Въ подражаніе библіи въ Михайловскомъ написанъ отрывокъ изъ «Пѣсней» и знаменитое стихотвореніе «Пророкъ». Здѣсь въ пластическихъ библейскихъ образахъ мы находимъ картину духовнаго перерожденія человѣка. Смотрѣть ли на это стихотвореніе просто какъ на подражаніе отрывку изъ книги пророка Исаіи, или въ лицѣ «Пророка» видѣть поэта,—несомнѣнно оно имѣетъ біографическое значеніе. Глубокое чувство, задушевный лиризмъ проникаетъ его отъ начала до конца. Пушкинъ чувствовалъ, что въ немъ произошло духовное просвѣтленіе, перерожденіе. Оно заключалось въ томъ, что поэтъ нашелъ удовлетвореніе основнымъ своимъ душевнымъ потребностямъ и достигъ міросозерцанія, которое опредѣляло программу его жизни въ будущемъ. Для такой внутренней работы условія вышней жизни въ Михайловскомъ были особенно благопріятны.

Двѣ стихіи наблюдаются въ душѣ Пушкина. Одна—бурная, требующая дѣятельности, проявляющаяся на почвѣ горячаго темперамента. Другая—спокойная, стремящаяся къ примиренію съ жизнью, отвергающая суету. Въ періодъ жизни въ селѣ Михайловскомъ вторая стихія получила перевѣсъ. Эту двойственность характера Пушкина можно объяснять, какъ это дѣлаетъ Стоюнинъ и др., его африканскою кровью, но намъ кажется, что это особенность чисто русская. То удалъ, то аскетизмъ и спокойная монастырская жизнь—идеалы древнерусскаго человѣка. Не даромъ въ пѣсняхъ русскаго народа слышалось Пушкину «что-то родное—то разгульное удалое, то сердечная тоска». Это родное было и въ его душѣ. Въ Михайловскомъ отъ разгуляя удалаго, Пушкинъ путемъ сердечной тоски—старался перейти къ спокойному, объективному взгляду на жизнь. Разнообразное чтеніе, изученіе твореній Шекспира, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ родного быта и старины помогли поэту. Міровоззрѣніе, опредѣлившееся у Пушкина въ разбираемый періодъ, можетъ быть названо историческимъ. Это значитъ, что поэтъ старался прошлымъ провѣрять настоящее, пытался отыскать причины интересовавшихъ его явленій. Вообще, слѣдуя урокамъ Шекспира, онъ стремился къ безпристрастному объективному разрѣшенію волновавшихъ его вопросовъ. Такое отношеніе къ жизни, нужно замѣтить, отличало Пушкина только въ нормальномъ настроеніи духа. Съ каждымъ порывомъ страстей, которыхъ у него было много, оно исчезало въ ихъ вихрѣ, и поэтъ, не смотря на любовь къ покойному образу жизни, на болѣе или менѣе продолжительное время, терялъ самообладаніе. Эти увлеченія и случайные переходы въ крайность мѣшали современникамъ поэта и теперь отчасти мѣшаютъ біографамъ понять, какъ слѣдуетъ, его внутренний міръ.

А. С. Пушкинъ.

въ селѣ Михайловскомъ.

(1824—1826).

V.

Въ литературномъ отношеніи переломъ въ духовномъ мірѣ Пушкина выразился прежде всего въ освобожденіи отъ байронизма. Оставляя югъ, поэтъ былъ еще полонъ обаянія передъ личностью и поэзіей Байрона. Онъ называетъ его «властителемъ нашихъ думъ», «какъ море, могучимъ, глубокимъ и мрачнымъ», «какъ море, ничѣмъ не укротимымъ». Въ Михайловскомъ же въ октябрѣ 1824 г. онъ кончаетъ поэму «Цыганы», начатую въ духѣ Байрона, и въ лицѣ Алеко уже пытается развѣнчать мрачнаго, неукротимаго героя, такъ привлекавшаго его прежде. На югѣ предъ нимъ носился образъ

демона, олицетвореніе байроновскаго скептицизма: «его язвительныя рѣчи

вливали въ душу хладный ядъ.
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

Въ Михайловскомъ демонъ этотъ въ «Сценѣ изъ Фауста» является олицетвореніемъ рефлексіи, размысленія. Порождаемый имъ скептицизмъ заканчивается, вмѣсто байроническихъ порывовъ, скукой.

Въ письмахъ Пушкина этой поры еще болѣе выдѣляется новое отношеніе къ Байрону. «Тебѣ грустно, писалъ онъ князю Вяземскому, грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью». Извѣстно восклицаніе въ письмѣ къ Раевскому въ 1825 г. «но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ!—Этотъ Байронъ всего на всего постигшій только одинъ характеръ! И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственного характера: одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолю и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ». Очевидно байронизмъ Пушкина прошелъ. Новый литературный идеалъ носится предъ нимъ. Это—Шекспиръ съ его объективно-безпристрастнымъ изображеніемъ событій и характеровъ. Новый періодъ творчества вовсе не будетъ подражаніемъ Шекспиру. Напротивъ, Пушкинъ проникнется взглядами Шекспира на окружающую его жизнь, а матеріала для своихъ поэтическихъ созданій будетъ искать въ русской дѣйствительности.

Въ селѣ Михайловскомъ Пушкинымъ написаны любопытные отзывы о старыхъ и современныхъ русскихъ писателяхъ. Отзывы эти въ сжатой формѣ выражаютъ существенныя достоинства и недостатки писателей, которыхъ Пушкинъ читалъ въ то время. Вотъ что говоритъ онъ о Ломоносовѣ: «Если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ... Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія... Переложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія. Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучать стихотворный языкъ нашъ; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобы человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики».

Сужденіе Пушкина о Державинѣ выражено въ письмѣ къ барону Дельвигу: «По твоему отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ

выдержать и строфы. Чтò же въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей-Богу, его геній думаль по-татарски,—а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумить Европу. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ». Это одна изъ самыхъ лучшихъ оцѣнокъ поэзіи Державина. Въ Крыловѣ Пушкинъ цѣнитъ народность его басенъ.

Въ Михайловскомъ Пушкинъ прочелъ въ рукописи знаменитую комедію «Горе отъ ума», которую привезъ ему Пущинъ. Черезъ 2 недѣли онъ разсказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ по поводу этой комедіи въ письмѣ къ Бестужеву. Пушкинъ первый подмѣтилъ характерную черту и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ комедіи, а именно резонерство Чацкаго.—«Теперь вопросъ, пишетъ онъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными». Въ концѣ письма—предсказаніе, которое оправдалось впоследствии: «О стихахъ не говорю—половина должна войти въ пословицу». Въ добавленіе къ этимъ критическимъ отзывамъ Пушкина слѣдуетъ замѣтить, что о писателяхъ своего лагеря онъ судилъ не всегда безпристрастно. Такъ, онъ превозносилъ поэзію Дельвига и Баратынскаго, съ чѣмъ мы теперь далеко не соглашаемся. Но какъ бы то ни было, еще въ Михайловскомъ Пушкина стала занимать мысль о здоровой русской критикѣ.—«Именно критики у насъ не достаетъ», замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Бестужеву, на его жалобу, что у насъ нѣтъ литературы. Опредѣляя положеніе современной ему литературы, Пушкинъ приходитъ къ печальнымъ выводамъ. Прежде всего онъ жалуется на строгость цензуры. Два посланія къ цензору—довольно ѣдкая сатира. Цензуры Пушкинъ не отрицаетъ:

„Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Что, нужно Лондону, то рано для Москвы“.

Но бессмысленныя придирки цензоровъ, которые не пропускали, напримѣръ, словъ: «божественный, небесный»—возмущаютъ поэта. Онъ

указывает цензору на просвѣтительные идеалы «Наказа» Екатерины, первыхъ дней царствованія Александра. Когда же цензоръ въ извиненіе своей осторожности прибѣгаетъ къ житейскому оправданію: «жена, дѣти»—поэтъ говоритъ:

„Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! такъ если невозможно
Домой тебѣ убраться осторожно,
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго возьми себѣ секретаря“.

Кромѣ придирчивой цензуры развитію литературы мѣшали, по мнѣнію Пушкина, и другія обстоятельства. «Проза наша, жалуется поэтъ въ одномъ мѣстѣ, такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны». («О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова»). Въ той же статьѣ Пушкинъ заявляетъ: «Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни». Слова эти высказаны по личнымъ ощущеніямъ поэта. Они прозаическій комментарий къ поэтическому выраженію тѣхъ же мыслей въ стихотвореніи: «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». Это стихотвореніе предполагалось помѣстить, какъ предисловіе къ первой главѣ «Евгеній Онѣгинъ». Здѣсь Пушкинъ рисуетъ процессъ поэтическаго творчества и рѣшаетъ довольно щекотливый вопросъ о цѣли литературной дѣятельности. По его взгляду, процессъ творчества не въ волѣ поэта, онъ безсознателенъ:

„Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенія, не изъ платы,
И видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенія,
Гдѣ я на пиръ воображенія,
Бывало, музу призывалъ,
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизяснимою красой,
Вились, летали на до мной
Въ часы ночного вдохновенія.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье.
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ металъ“.

Мнѣ звуки дивные шепталъ.
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава,—
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлится не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ“.

Другія цѣли тоже не привлекаютъ поэта:

„Что слава? Шепотъ—ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?“

И не для утѣхи любимыхъ женщинъ работаетъ поэтъ. Чтожъ изберете вы? спрашиваетъ наконецъ книгопродавецъ. «Свободу», гордо отвѣчаетъ поэтъ. Но въ концѣ концовъ, выслушавъ убѣжденія книгопродавца, онъ соглашается «стишки рублями замѣнить», соглашается, что «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Таково было и убѣжденіе Пушкина. Творчество свободно—оно трудъ жизни. Какъ трудъ, оно имѣетъ одинаковыя права со всякимъ другимъ трудомъ. Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ.

А. С. Пушкинъ

Графъ Нулинъ.

въ селѣ Михайловскомъ

(1824—1826).

VI.

рупныхъ произведений написано было въ селѣ Михайловскомъ немного. Въ 1824 г. была окончена поэма «Цыганы», начатая на югѣ. Пошлость провинціальной жизни нашла себѣ отраженіе въ «Графѣ Нулинѣ». Написано было 5 главъ романа «Евгеній Онѣгинъ», начиная съ третьей главы и кончая седьмой. Создавая первую главу своего «Онѣгина», Пушкинъ и самъ не сознавалъ, что начиналось произведеніе, которому суждено будетъ сдѣлаться однимъ

изъ важнѣйшихъ его твореній. Поэтъ признавался, что

...далъ свободного романа
(Онъ) сквозь магическій кристаллъ
Еще не ясно различалъ“.

Только въ Михайловскомъ цѣль и планъ романа предстали предъ нимъ въ истинномъ свѣтѣ. Русская жизнь стала давать содержаніе творчеству Пушкина. Подъ ея влияніемъ оно создаетъ образы Татьяны, Ольги, Ленскаго, старой няни. Первоначально шутивая поэма въ духѣ Байрона преобразуется въ широко задуманную и художественно выполненную картину родной дѣйствительности. Въ Михайловскомъ

Пушкинъ сочинилъ балладу «Женихъ». Баллада эта представляет переработку сказки няни о приключеніяхъ купеческой дочери у разбойниковъ. Этотъ весьма распространенный въ поэзіи разныхъ народовъ сюжетъ Пушкинъ изложилъ стихомъ балладъ Жуковского. По словамъ Бѣлинскаго, «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ spryskivatъ живою водою своей творческой фантазіи матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ». Самымъ же главнымъ и вполне соотвѣтствующимъ новому направленію мыслей и творчества Пушкина созданіемъ этого періода является драма «Борисъ Годуновъ». Она заслуживаетъ того, чтобы на разборѣ ея дольше остановиться. Пушкинъ называлъ эту драму «любимымъ своимъ сочиненіемъ». Современные поэту читатели и критики такъ же, какъ и большинство нашей публики, иного мнѣнія. Одни, опираясь на авторитетъ Бѣлинскаго, просто порицаютъ драму, другіе преувеличенно порицаютъ ее, третьи къ ней равнодушны. Чувствуется что-то неладное въ отношеніяхъ къ любимому сочиненію Пушкина. Объяснить все это можно только познакомившись съ процессомъ созданія драмы, знаніе котораго поможетъ также найти истинную точку зрѣнія на это произведеніе.

Прежде всего слѣдуетъ поставить и разрѣшить вопросъ: «какія причины вызвали созданіе драмы и почему Пушкинъ заинтересовался Борисомъ Годуновымъ?» Отвѣтить на этотъ вопросъ можно, только зная тотъ переворотъ, который произошелъ въ душевной жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ. Пушкинъ, по словамъ Анненкова, говорилъ друзьямъ, что послѣ написанія «Цыганъ» ему самому открылась новая дорога, о которой онъ и не помышлялъ прежде. Толчкомъ, направившимъ творчество на эту новую дорогу, было отрѣшеніе отъ байронизма и изученіе драматическихъ произведеній Шекспира. Двѣ стороны шекспировскаго творчества: психологически вѣрное изображеніе характеровъ героевъ и умѣніе безпристрастно, объективно излагать событія—побудили русскаго поэта попытать свои силы на драматическомъ сюжетѣ. Такъ какъ Пушкинъ при чтеніи Шекспира въ это время останавливалъ свое вниманіе на его историческихъ драмахъ или драматическихъ хроникахъ, такъ какъ, кромѣ того, въ эту пору онъ интересовался вообще исторіей, то естественно, что сюжетъ драмы долженъ былъ быть историческимъ. Почему же именно Борисъ Годуновъ, а не другія лица русской исторіи дали ему сюжетъ драмы? По изслѣдованію Стоюнина можно насчитать до пяти причинъ этого обстоятельства. Во первыхъ, онъ еще въ дѣтствѣ слышалъ преданія о Годуновѣ, живя въ селѣ Захаровѣ, которое находилось рядомъ съ вотчиной Годуновыхъ. Во вторыхъ, къ эпохѣ Годунова относятся выдающіеся факты въ жизни предковъ Пушкина, а они, какъ извѣстно, всегда занимали поэта. Одинъ изъ Пушкиныхъ выведенъ въ разбирае-

мой драмѣ. Въ-третьихъ, въ эпоху Годунова происходили событія аналогичныя современнымъ, интересовавшимъ Пушкина а именно: падало древнее родовитое дворянство, занимали первыя мѣста лица случайныя, низкаго происхожденія, въ родѣ самого Бориса. О древней и новой аристократіи неоднократно разсуждалъ Пушкинъ и теперь, и позже. Въ четвертыхъ, характеры Годунова и Самозванца родственны самому поэту и другимъ героямъ его произведеній. Въ Борисѣ мы замѣчаемъ раздвоенность натуры, разладъ идеала и дѣйствительности, что было и въ душѣ Пушкина. Самозванецъ принадлежитъ къ типу скитальцевъ, какъ ихъ называетъ Достоевскій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ Алеко и въ Евгениіи Онѣгинѣ. Наконецъ, Пушкинъ въ это время читалъ послѣдніе томы Исторіи Государства Россійскаго, гдѣ именно говорится о Годуновѣ и междоусобицѣ. Это обстоятельство могло быть внѣшнимъ поводомъ къ избранію сюжета. Объ источникахъ драмы и обстоятельствахъ ея созданія самъ Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ черновыхъ набросковъ такъ: «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ-ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны». Одно мѣсто въ письмѣ къ Раевскому раскрываетъ предъ нами психологію творчества Пушкина въ «Борисѣ Годуновѣ». «Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Этотъ способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась—я могу творить»

Утлоуъ Кавказа.

А. С. Пушкинъ

въ селѣ Михайловскомъ

(1824—1826).

VII.

В о времена Пушкина различали два рода трагедіи: трагедію характеровъ и трагедію костюмовъ, какъ тогда выражались, или трагедію историческую. «Я выбралъ наиболѣе удачный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба», говоритъ Пушкинъ въ письмѣ къ Раевскому. Поэтому при разборѣ «Бориса Годунова» слѣдуетъ остановиться на этихъ двухъ сторонахъ драмы, посмотрѣть на ея отношеніе къ исторіи и на ея эстетическія достоинства, къ числу которыхъ относится и психологія дѣйствующихъ лицъ. Когда въ 1829 году драма

Изъ др. «Борисъ Годуновъ».

Пушкина была представлена въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, откуда она должна была перейти къ самому Государю Николаю I, о ней былъ данъ слѣдующій отзывъ: «въ пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго; это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тт. Исторіи Государства Россійскаго сочиненія Карамзина, передѣланные на разговоры. Характеры, происшествія—все основано на сочиненіи Карамзина; все оттуда позаимствовано. Автору комедіи при-

надлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сценѣ. Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною».

Такого же рода отзывы повторяли лица, къ голосу которыхъ публика прислушивается съ довѣріемъ. Извѣстный журналистъ, современникъ Пушкина, Полевой упрекаетъ поэта въ слѣпомъ слѣдованіи Карамзину, у котораго изображеніе эпохъ Бориса Годунова и самозванца онъ находитъ исторически невѣрнымъ.

«Прочтите, говоритъ онъ, посвященіе на первомъ мѣстѣ: «драгоцѣнной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина сей трудъ, гениемъ его вдохновенный, съ благодарностью посвящаетъ Александръ Пушкинъ». Отсюда мы уже знаемъ, что увидимъ карамзинскаго Годунова, этимъ словомъ рѣшена участь драмы».

На подобное же слѣдованіе Исторіи Карамзина указываетъ другой болѣе авторитетный критикъ Бѣлинскій и въ этомъ видитъ существенный недостатокъ драмы. Такъ-ли все это? Дѣйствительно-ли Пушкинъ слѣпо придерживался Карамзина? Если это правда, то драма его не оригинальное произведеніе, а болѣе или менѣе удачное переложеніе прозы въ стихи.

Новѣйшая критика въ лицѣ проф. Жданова, и недавно умершаго Поливанова доказала, что Пушкинъ былъ оригиналенъ и значительно отступилъ отъ Карамзина. По Карамзину Борисъ былъ призванъ на царство всѣмъ народомъ, восторгъ котораго историкъ описываетъ подробно. У Пушкина, который въ данномъ случаѣ кромѣ карамзинскаго изложенія, пользовался еще лѣтописями, дѣло обставлено иначе. Мольбы и восторгъ народа притворны. Въ сценѣ на дѣвичьемъ полѣ народъ воетъ, бабы нарочно бросаютъ дѣтей оземь, чтобы они кричали, нѣкоторые мажутъ глаза слюною. Въ 4-ой сценѣ Борисъ, призванный на царство, произноситъ рѣчь, въ которой мы сразу узнаемъ лицемѣра. Между тѣмъ какъ Бориса въ изображеніи Карамзина никакъ нельзя упрекнуть въ неискренности рѣчи, произнесенной при вѣнчаніи на царство.

Далѣе по Карамзину Марина Мнишекъ влюбляется въ Самозванца, у Пушкина наоборотъ, Самозванецъ до того увлекается прекрасною полячкой, что во время свиданія у фонтана выдаетъ себя. Наконецъ, нѣкоторыя сцены вставлены въ драму вопреки Карамзину, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ у князя Щербатова и у другихъ историковъ. «Все это сопоставленіе драмы Пушкина съ разсказомъ Карамзина позволяетъ утверждать, что въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой,—на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ. Несчастія карамзинскаго Бориса объясня-

ются его болѣзненной подозрительностію, вызвавшею общее недовольство. Несчастья пушкинскаго Бориса объясняются историческими условиями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, настроеніемъ боярства и народа: бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день» (проф. Ждановъ).

Если Карамзинъ не понялъ царствованія Годунова и причинъ появленія Самозванца, то этого нельзя сказать о Пушкинѣ. Его пониманіе историческихъ событій данной эпохи приближается къ пониманію современныхъ историковъ. Пушкинскій Годуновъ ведетъ драматическую борьбу не съ одной своей совѣстью, гибнетъ не только во имя нравственнаго закона. Его сломила боярская партія. Самозванецъ не просто Гришка Отрепьевъ, а олицетвореніе народнаго недовольства. За нимъ идетъ чернь и какъ за истиннымъ царемъ, и потому еще, что онъ обѣщалъ возстановить Юрьевъ день, отмѣненный Годуновымъ, закрѣпостившимъ крестьянъ. Современные историки болѣе или менѣе приближаются къ пушкинскому представленію личности Годунова и смысла событій его царствованія. Что касается Самозванца, то вопросъ о его личности остается открытымъ. Одни историки предполагаютъ наиболѣе достовѣрнымъ, что самозванецъ явился съ вѣдома бояръ, (Соловьевъ и Ключевскій) и мало по малу народъ повѣрилъ имъ. Другіе, что его привели на Русь казаки по образцу молдавскихъ самозванцевъ XVI вѣка (Костомаровъ). Карамзинъ утверждаетъ, что это былъ сознательный обманщикъ, другіе вмѣстѣ съ Соловьевымъ допускаютъ, что онъ вѣрилъ самъ въ свое царское происхожденіе. Пушкинъ считаетъ Самозванца бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ—въ этомъ онъ слѣдуетъ Карамзину. Но самое пониманіе личности Самозванца, его признаніе народомъ и успѣхъ—показываютъ, что поэтъ ближе къ современному представленію этихъ событій, чѣмъ Карамзинъ. Итакъ, въ заключеніе мы должны сказать, что Борисъ Годуновъ Пушкина не переложеніе въ драму страницъ Карамзина, а вполне самостоятельная и довольно вѣрная историческая картина.

Пушкинъ слѣдовалъ исторіи Карамзина, такъ какъ это былъ главный источникъ историческихъ свѣдѣній въ то время, но добытый такимъ образомъ матеріалъ онъ дополнялъ и измѣнялъ согласно съ лѣтописями и указаніями другихъ историковъ.

Угловъ Кавказа.

А. С. Пушкинъ

въ селѣ Михайловскомъ.

(1824—1826).

VIII.

Изъ др. „Борисъ Годуновъ“.

«Борисъ Годуновъ» Пушкина написанъ былъ не по непосредственному вдохновенію, а сопровождался тщательнымъ обдумываніемъ каждой сцены. «Трагедія моя подвигается, писалъ Пушкинъ Раевскому, и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я размышлялъ о трагедіи вообще».

Размышленія эти были вдвойнѣ необходимы. Съ одной стороны самъ поэтъ не былъ еще знакомъ съ техникой драматическаго сочиненія, такъ какъ до сихъ поръ не писалъ въ этомъ родѣ. Съ другой стороны—теорія драмы казалась ему еще мало изслѣдованной. Въ началѣ XIX столѣтія у драмы ложно-классической, унаслѣдованной отъ прошлаго вѣка, оспаривала право на

наслѣдство новая романтическая драма.

Пушкинъ, еще при самомъ вступленіи своемъ на литературное поприще примкнувшій къ романтикамъ, неоднократно высказывался противъ ложно-классической драмы. По свидѣтельству князя Вяземскаго ¹⁾); Пушкинъ осмѣивалъ трагедіи Озерова, кумира русскихъ

¹⁾ Ст. о жизни и сочиненіяхъ Озерова т. I стр. 55.

классиковъ. Въ замѣткахъ своихъ Пушкинъ указываетъ на односторонность въ изображеніи характеровъ у французскихъ трагиковъ и комиковъ. Онъ предпочитаетъ имъ Шекспира.

Драма ложно-классическая стремилась къ наибольшему правдоподобию. Она требовала трехъ единствъ: дѣйствія, мѣста и времени. Драма романтическая во имя того же правдоподобія всѣ эти единства отвергала. Идеаломъ романтической драмы считался Шекспиръ. Онъ то и былъ первымъ учителемъ Пушкина въ этомъ отношеніи. «Борисъ Годуновъ», какъ было сказано выше, былъ задуманъ подъ влияніемъ чтенія драматическихъ хроникъ Шекспира. Когда уже началась работа надъ задуманной трагедіей, Пушкинъ познакомился съ теоріей романтической драмы по книгѣ Шлегеля. Этотъ нѣмецкій поэтъ и ученый, одинъ изъ вожakovъ ново-романтической школы, переводчикъ Шекспира—въ 1809 году издалъ книгу: «Чтенія о драматическомъ искусствѣ и литературѣ». Въ апрѣлѣ 1825 г. Пушкинъ написалъ черезъ брата французскій переводъ этого сочиненія. Изученіе драматургіи Шлегеля окончательно убѣдило Пушкина въ недостаткахъ классической драмы и поддержало его въ намѣреніи сочинить драму романтическую, отвергающую законы единства мѣста, времени, и всѣхъ узъ ложно-классицизма. Интересно, что теорія Шлегеля и впечатлѣніе, произведенное на Пушкина трагедіями Шекспира,—вступили въ полное взаимодѣйствіе. Трагедія предстала Пушкину, согласно ученію Шлегеля, какъ «большая картина, въ которой изображены не только фигуры въ различныхъ положеніяхъ и разнообразныя группы фигуръ, но и вся обстановка лицъ, даже открывающіеся вдаль пейзажи; вся совокупность картины покрыта свѣтотѣнью. Такая картина есть часть вселенной, потому не можетъ быть такъ рѣзко ограничена, какъ напримѣръ группа скульптурная; но, конечно, живописецъ все-таки долженъ-же вставить свою картину въ раму, сосредоточить освѣщеніе на тѣхъ предметахъ, которые желаетъ выдвинуть, чтобы вниманіе зрителя не разбѣгалось и не искало ничего посторонняго внѣ картины».

«Борисъ Годуновъ» Пушкина именно и представляетъ такую историческую картину изъ русской жизни конца XVI вѣка. Сначала Пушкинъ называлъ своего «Бориса Годунова» трагедіей, но къ концу работы онъ даетъ въ рукописи архаическое названіе «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Заключается рукопись словами: «Конецъ комедіи въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ». Въ этомъ замѣтно тоже влияніе Шлегеля, который отказывается называть драмы англичанъ и испанцевъ трагедіями, а даетъ имъ общее названіе романтическихъ пьесъ. Въ виду этого намъ кажется болѣе удобнымъ называть «Бориса Годунова» не трагедіей, а исторической драмой или драматической хроникой. На

одной исторической драмѣ Пушкинъ даже не думалъ останавливаться. У него былъ замыселъ написать еще одну пьесу, гдѣ первымъ лицомъ былъ бы Василій Шуйскій, свергнувшій Самозванца.

Если смотрѣть на произведеніе Пушкина съ только что выясненной точки зрѣнія, то не покажется страннымъ утвержденіе нѣкоторыхъ критиковъ, что въ пьесѣ нѣтъ опредѣленнаго героя. Правда, самъ поэтъ заявляетъ, что онъ старался соединить трагедію характеровъ и трагедію историческую, т. е. разрабатывалъ психологію дѣйствующихъ лицъ, но историческая часть взяла перевѣсъ. Борисъ ведетъ трагическую борьбу съ совѣстью, Самозванецъ борется со своимъ чувствомъ къ Маринѣ. Бориса мы признаемъ за героя, видимъ въ его изображеніи вліяніе Ричарда III и Макбета Шекспира, которые тоже боролись съ совѣстью, запятнанной преступленіемъ, но все же чувствуемъ, что у автора была болѣе широкая цѣль. Герой въ общемъ фонѣ исторической картины какъ-то блѣденъ. Волна событій несетъ предъ нами и поглощаетъ насъ. Бояре, народъ, войско, поляки, монахи, царь, Самозванецъ—смѣняютъ другъ друга на сценѣ. Интересъ къ единичнымъ личностямъ слабѣетъ. Таково, какъ намъ кажется, впечатлѣніе, производимое «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина.

Не удивительно послѣ этого, что романтическая драма, любимое сочиненіе Пушкина по его собственному признанію, возбудила самыя противорѣчивыя сужденія въ читателяхъ и критикѣ. Съ ними мы отчасти знакомы уже. Главнымъ образомъ Пушкина упрекали въ слѣдомъ слѣдованіи Карамзину. Но на лицъ, близко стоявшихъ къ Пушкину, «Борисъ Годуновъ» произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе.

Во время пребыванія въ Москвѣ (по окончаніи ссылки въ Михайловскомъ) Пушкинъ читалъ «Бориса Годунова» у С. А. Соболевскаго, потомъ у Д. В. Веневитинова. При чтеніи трагедіи у Соболевскаго присутствовали, кромѣ хозяина: Чаадаевъ, Веневитиновъ, гр. Вельгорскій и И. В. Кирѣевскій. Чтеніе у Веневитинова происходило 12-го сентября при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ. Здѣсь были братья Веневитиновы, братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Разсказываютъ, что Мицкевичъ при этомъ воскликнулъ: *Tu Shakespeare eris, si fata sinant.* (Ты будешь Шекспиромъ, если дозволитъ судьба). Объ этомъ чтеніи Погодинъ оставилъ живое воспоминаніе. По его словамъ, невозможно передать дѣйствія, произведеннаго на всѣхъ присутствовавшихъ мастерскимъ чтеніемъ «Бориса Годунова». Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ великаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній;

съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ пріятнымъ голосомъ; въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно навязанномъ галстукѣ. Въмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы слышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, піитическую, увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспослетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной»—мы просто всѣ какъ будто обезпамятели. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ восклицаній... напримѣръ, при стихахъ самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...

Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ, намъ поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Димитрія Самозванца:» о палацѣ, который шутить съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекѣ съ Самозванцемъ—сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное это было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ dokonчили день, какъ улеглись спать. Да едвали кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.»

Нужно сравнить съ этимъ разсказомъ эпиграмму одного изъ читателей «Бориса Годунова!»

„И Пушкинъ намъ наскучилъ,
И Пушкинъ надоѣлъ
И стихъ его невзвученъ,
И геній охладѣлъ.

Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый годъ!“

Разница въ сужденіяхъ громадная.

Отзывы новѣйшей критики, если не такъ рѣзки, то все же довольно неопредѣленны.

При первомъ чтеніи драма Пушкина производитъ на большинство слабое впечатлѣніе. Познакомившись съ разборами—начинаемъ ее перечитывать и убѣждаемся, что ждали отъ нея чего-то большаго, чѣмъ-то, что нашли въ ней. Дѣло въ томъ, что мы рѣдко выбираемъ вѣрную точку зрѣнія на «Бориса Годунова». Обыкновенно, насъ интересуетъ самъ царь Борисъ. Съ этой стороны смотрѣть на драму Пушкина не слѣдуетъ. Достаточно смотрѣть на нее, какъ на драматическую хронику, историческую картину въ лицахъ, «часть вселенной», по выраженію Шлегеля,—и тогда только можно понять ея достоинства.

Сценическихъ эффектовъ въ ней нѣтъ, но есть нѣчто большее, есть правда, художественность образовъ. Кромѣ того, для оцѣнки драмы необходимы еще интересъ къ русской исторіи и нѣкоторое знаніе ея. Тогда только станетъ ясной идея «Бориса Годунова»—«безпристрастный судъ исторіи надъ отдѣльными лицами». Тогда только читатель испытаетъ эстетическое наслажденіе отъ всей драмы въ цѣломъ и отъ отдѣльныхъ частей ея.

Этими замѣчаніями мы и закончимъ разборъ драмы Пушкина «Борисъ Годуновъ». Психологическій анализъ характеровъ не входитъ въ нашу задачу. Интересующіеся могутъ найти его въ сочиненіи Незеленова «Пушкинъ въ его поэзіи» или въ третьемъ томѣ сочиненій Пушкина съ объясненіями, изданіе Льва Поливанова. Въ біографіи Пушкина «Борисъ Годуновъ» навсегда останется художественнымъ памятникомъ перелома въ его внутреннемъ мірѣ и начала новаго міровоззрѣнія, навѣяннаго Шекспиромъ и развившагося на почвѣ русской дѣйствительности при помощи изученія родного быта, исторіи и народной поэзіи.

В. С. Рыбинскій.

Видъ на Москву.

Гора Щенавика.

ОТНОШЕНІЕ ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА КЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ.

ъ настоящее время, когда во всѣхъ центрахъ и уголкахъ обширнаго нашего отечества чувствуется столѣтній юбилей рожденія нашего знаменитаго общерусскаго поэта А. С. Пушкина, мы считаемъ своевременнымъ припомнить читателямъ особенныя, болѣе интимныя отношенія нашего знаменитаго поэта къ украинской жизни и украинской литературѣ, возвышающія для насъ, жителей юга Россіи, значеніе и цѣну настоящаго торжества. Въ общихъ чертахъ, эти отношенія можно представить въ такомъ видѣ: 1) Пушкинъ, въ періодъ

бурной скитальческой своей жизни, не разъ имѣлъ пристанище на Украинѣ и получалъ отъ нея поэтическіе матеріалы для своихъ произведеній; 2) вслѣдствіе этого, онъ сдѣлался близкимъ, какъ бы роднымъ для Украины поэтомъ и образовалъ цѣлую школу своихъ послѣдователей въ украинской литературѣ. Обратимся къ частностямъ.

I.

Извѣстно, что Пушкинъ прожилъ на Югѣ Россіи,— Кавказѣ, Крыму и Бессарабіи, болѣе трехъ лѣтъ, именно съ мая 1820 года по іюнь 1823 года. Эти мѣста имѣли особенно важное значеніе для развитія его генія. Кавказъ и Крымъ воспитали въ немъ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; Кишиневъ, этотъ пограничный городъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, представлялъ пестрый и разнообразный міръ людскихъ отношеній и связей. Здѣсь по преимуществу познакомился онъ съ жизнью и пріобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, такъ необходимое для художника-писателя. На этихъ окраинахъ Россіи зародились всѣ важнѣйшія произведенія второго періода поэтической дѣятельности А. С., запечатлѣнные вліяніемъ на него Байрона. Но, кромѣ Кавказа, Крыма и Бессарабіи, въ воспитаніи пушкинскаго генія принимала въ эту пору участіе и Украина. Пушкинъ прожилъ нѣсколько времени въ Екатеринославѣ и отсюда вынесъ поэтическій образъ бѣгства двухъ скованныхъ разбойниковъ, представленный имъ въ поэмѣ «Братья-разбойники». По пути съ Кавказа на южный берегъ Крыма, онъ видѣлъ берега Кубани, любовался черноморскими казаками, этими выходцами изъ Запорожской Сѣчи, и воспѣлъ ихъ въ «Черкесской пѣснѣ» въ своей поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ». Въ Кишиневѣ, этой смѣси племенъ, нарѣчій, поколѣній, нашъ поэтъ встрѣтился и съ малороссами, а въ Бендерахъ бесѣдовалъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней Малороссіи со старикомъ Миколой Искрой, которому было тогда около 135 лѣтъ. Но, что всего интереснѣе для насъ, А. С. Пушкинъ имѣлъ въ это время близкія связи съ Кіевскою губерніей и съ городомъ Кіевомъ.

Въ Кіевѣ находилась главная квартира командира 4-го корпуса первой арміи Николая Николаевича Раевского, съ сыномъ котораго, Николаемъ, Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ селѣ Каменкѣ, чигиринскаго повѣта, жила мать старика Раевского, урожденная графиня

Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова. Въ эти-то два пункта Украины часто удалялся А. С. изъ Кишинева въ гости къ Раевскимъ и Давыдовымъ, какъ бы отдыхалъ здѣсь отъ напора сильныхъ впечатлѣній, только что полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ художественнаго творчества. Въ теченіи 3 лѣтъ своей Кишиневской жизни А. С. Пушкинъ каждый годъ навѣдывался въ Каменку и Кіевъ и здѣсь писалъ свои «бездѣлки Кіева и Каменки». Въ Каменкѣ написано стихотвореніе: «Я пережилъ свои желанія» и оконченъ «Кавказскій плѣнникъ». Въ Кіевѣ, въ Февралѣ 1821 года, написаны имъ стихи: «Земля и Море», «Муза» и «Желаніе». Всѣ почти эти произведенія имѣютъ отношеніе къ прошлой жизни поэта и частію выражаютъ временную усталость его послѣ тяжелой жизненной дороги («Я пережилъ свои желанія»), частію воспроизводятъ въ художественныхъ образахъ впечатлѣнія о Кавказѣ и Крымѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ, сводя въ Кіевѣ и Каменкѣ счеты съ прежнею жизнью, съ прежними впечатлѣніями, не могъ не получить здѣсь новыхъ впечатлѣній отъ окружавшей его украинской природы и жизни и не питать новыхъ поэтическихъ замысловъ. Его «ласковая муза» часто оживляла ему «путь нѣмой волшебствомъ тайнаго разсказа». А о Кіевѣ его муза могла ему пересказать многое изъ того, о чемъ мечталъ онъ еще раньше въ «Русланѣ и Людмилѣ», т. е. о первыхъ Кіевскихъ князьяхъ, и указать ему новые поэтическіе предметы и планы. Ко времени пребыванія Пушкина на югѣ Россіи и поѣздокъ его въ Кіевъ и Каменку относится его «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», написанная, если не въ Кіевѣ, то подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣснь написана въ 1822 году и довольно ясно указываетъ на нашу Щекавицу, гдѣ прежде искали могилу Олега. Пушкинъ, конечно, былъ на этой горѣ,—и въ его поэтическомъ воображеніи развернулась величественная картина тризны по умершемъ Олегѣ, совершенно наглядная для Кіевлянъ:

«Ковши круговые, запѣная, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега».

Непосредственное отношеніе къ Кіеву имѣетъ и баллада Пушкина «Гусаръ», воспроизводящая украинскія сказки о Кіевскихъ вѣдьмахъ и Лысой горѣ и испещренная специально-малорусскими выраженіями (горѣлка, галушки, чернобривый, Маруся, дурень и т. п.).

На югѣ Россіи зародилась у Пушкина и мысль написать поэму «Полтава», съ которой обыкновенно начинаютъ третій періодъ поэтической дѣятельности Пушкина, дѣятельности въ самобытномъ направленіи. Мысль поэмы навѣяна была «Мазепой» Байрона и явилась у Пушкина, по всей вѣроятности, еще въ Кишиневѣ. По крайней мѣрѣ, будучи еще въ Бендерахъ, такъ сказать — на самомъ мѣстѣ развязки полтавской драмы, нашъ поэтъ посѣтилъ бывшее Варницкое укрѣпленіе Карла XII, слушалъ рассказы старика Искры объ этомъ королѣ и особенно добивался съ Искры узнать что либо о Мазепѣ. Но, чего Пушкинъ не могъ добиться отъ Искры, то узналъ въ центрѣ самой Украины, въ Кіевѣ или Каменкѣ, недалеко отъ мѣста дѣйствія. Съ увеличеніемъ матеріала, планъ поэмы расширяется, захватываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII и представляетъ широкую картину напряженной жизни Малороссіи за это время. Мѣстами встрѣчаются вѣрныя изображенія украинской природы, необозримыхъ луговъ и широкихъ степей, синяго Днѣпра и тихой украинской ночи, и замѣтны даже слѣды мѣстнаго нарѣчія (сткло, хуторъ, катъ). Въ послѣдствіи времени къ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, вынесеннымъ поэтомъ изъ Украины, присоединились и печатные источники украинскаго происхожденія. Въ 1827 году М. А. Максимовичъ издалъ въ Москвѣ сборникъ «Малорусскихъ народныхъ пѣсень», которыя произвели благотворное вліяніе на

тогдашнюю русскую литературу и сдѣлали издателя однимъ изъ видныхъ дѣятелей Жуковско-Пушкинской и Гоголевской эпохи. Самъ М. А. Максимовичъ рассказывалъ, что, въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина, онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ: «а я обираю Ваши пѣсни»,—сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время Полтаву. «Полтава», говоритъ одинъ писатель, «одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетахъ и характерѣ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной, по теперешнимъ понятіямъ, блѣдности изображенія,—одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ. Нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти».

Будучи знакомъ съ украинскою природою и жизнью, А. С. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на украинскія повѣсти Гоголя, оцѣнилъ ихъ по достоинству, не смотря на мѣстный, этнографическій колоритъ ихъ, и нашелъ въ нихъ новую, живительную струю для себя. Вотъ, что писалъ Пушкинъ о «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». «Сейчасъ прочиталъ Вечера близъ Диканьки. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, базъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился.... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и пр. Пора, пора намъ осмѣять *les précieuses ridicules* ¹⁾ нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ,—и все это слогомъ камердинера-профессора Тредьяковскаго». Въ послѣдствіи времени Гоголь тѣсно сошелся съ Пушкинымъ и, по всей вѣроятности, много содѣйствовалъ обращенію Пушкина на національную дорогу.

¹⁾ «Смѣшныя жеманницы» — комедія Мольера.

Второго Ноября 1831 г. Гоголь писалъ Данилевскому слѣдующее: «все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы—Жуковский, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ подъ пера этихъ мужей. У Пушкина повѣсть, октавами писанная,—Кухарка (Домикъ въ Коломнѣ), въ которой вся Коломна и петербургская сторона и природа живая. Кромѣ того, сказки, русскія народныя сказки, не то что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія». Поворотъ этотъ въ направленіи Пушкина особенно обозначился ко времени знакомства его съ Гоголемъ. «Пушкину исполнилось 30 лѣтъ, говоритъ Адамъ Мицкевичъ, когда онъ бросилъ романы и журналы, вслушивался въ народныя былины, пѣсни, изучалъ отечественную исторію, пускалъ корни въ народную почву, сталъ обращать вниманіе на вопросы религіозные и общественные. Я ожидалъ, что Пушкинъ скоро явится въ полномъ могуществѣ своего дара. Всѣ, знавшіе его, дѣлили со мной эти надежды и желанія; выстрѣлъ уничтожилъ всѣ наши ожиданія; пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный ударъ всей мыслящей Россіи».

Въ утѣшеніе наше, Пушкинъ завѣщалъ намъ уже созрѣвшія, вылившіяся на бумагу свои произведенія. Они сдѣлались нашимъ народнымъ достояніемъ, произвели могущественное вліяніе на современное и послѣдующія поколѣнія и породили цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ явленій. Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи нашей литературы послѣдователей Пушкина, и обратимся къ болѣе близкой намъ по мѣсту группѣ украинскихъ писателей Пушкинской школы.

II.

Общее значеніе Пушкина въ украинской литературѣ г. Кулишъ выразилъ слѣдующими словами: «Больше всего,—говоритъ онъ,—полюбили мы изъ сосѣдней словесности Пушкина, и—нѣгдѣ правды дѣтъ—поупивались его поэзіей,

какъ будто тѣмъ старымъ медомъ, что называется *пьяное чѣло*. Онъ силою затащилъ насъ на роскошный банкетъ». Украинцы не только читали Пушкина и восторгались имъ, но и переводили его на свою рѣчь, подражали ему, примѣняли его мотивы къ изображенію своего быта и вдохновлялись имъ для созданія болѣе или менѣе оригинальныхъ поэтическихъ произведеній. Непосредственное вліяніе поэзіи Пушкина на украинскую литературу было самое продолжительное, въ теченіи почти 40 лѣтъ (съ 20-хъ до 60-хъ годовъ), и захватывало въ свой кругъ нѣсколько поколѣній, получившихъ образованіе въ самыхъ разнообразныхъ географическихъ пунктахъ русской земли: Петербургѣ, Нѣжинѣ, Харьковѣ.

Первыми по времени переводчиками Пушкина на малорусскій языкъ были нѣкто Б., помѣстившій въ «Вѣстникѣ Европы за 1830 годъ малорусскій переводъ «Шотландской пѣсни» Пушкина («Два вѣрона»), и г. Пигоцкій, который, подъ буквами А. Г. Ш., помѣстилъ въ «Украинскомъ Альманахѣ» на 1831 годъ отрывочный пересказъ «Полтавы» Пушкина.—За ними слѣдовалъ почитатель Пушкина, украинецъ Н. А. Маркевичъ. Съ 1827 года онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ Маркевича, содѣйствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса и познакомилъ его съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ и друг. Подъ вліяніемъ этого кружка Маркевичъ началъ свое литературное поприще. Въ 1832 году вышли его «Украинскія мелодіи», къ составленію которыхъ подало мысль, между прочимъ, стихотвореніе Пушкина «Утопленникъ». «Утопленникъ» Пушкина, «Дзяды» Мишкевича и др.,—говоритъ Маркевичъ,—мнѣ подали мысль описать преданья, обряды, обычаи, историческія происшествія, повѣрья, красоты видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ, приноравливая каждую изъ нихъ къ напѣву малороссійскихъ пѣсенъ. Здѣсь я не боялся быть подража-

телемъ. Я взялъ цѣлью описанія то, что никѣмъ еще не было описано; и если бы мнѣ сказали, что я подражаю кому нибудь изъ людей, названныхъ мною, я могъ бы отвѣчать: согласенъ, но столько, сколько они слѣдовали Овидію, описавшему предразсудки своихъ соотечественниковъ». Въ самихъ «Украинскихъ Мелодіяхъ», Н. А. Маркевича, встрѣчаются такія мелодіи, которыя, повидимому, написаны на темы стихотвореній Пушкина. Таковы его мелодіи «Примѣты по коню» и «Домовой», напоминающія собою соотвѣтствующія стихотворенія Пушкина—«Примѣты» и «Молитва Домовому». О послѣднемъ стихотвореніи Пушкина Маркевичъ даже прямо упоминаетъ въ примѣчаніи къ своей мелодіи «Домовой».

Впрочемъ, Маркевичъ писалъ свои «Украинскія Мелодіи» на русскомъ литературномъ языкѣ и содержаніе народныхъ украинскихъ преданій подвергалъ значительной передѣлкѣ, такъ что украинскій элементъ сохранился здѣсь въ весьма слабой степени. Поэтому книжечка Маркевича въ настоящее время почти забыта.

Ближе стоитъ къ украинской жизни группа нѣжинскихъ писателей Пушкинской школы. «Русская литература того времени,—говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ нѣжинской гимназій высшихъ наукъ,—была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгиныхъ можно было встрѣтить не только въ столицахъ, но даже у насъ въ гимназическомъ саду». Изъ этой гимназій вышли Гоголь, Гребенка и многіе др. Главнымъ совѣтникомъ и сильнымъ помощникомъ Гоголя въ исполненіи литературныхъ его предпріятій былъ Пушкинъ: «Мы знаемъ изъ переписки съ друзьями,—говоритъ Кулишъ, что первыя главы «Мертвыхъ Душъ» читаны были уже А. С. Пушкинымъ, а въ «Авторской Исповѣди»—говорится даже, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» даны были Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните

теперь,—говорить Кулишъ,—какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ», вмѣстѣ съ другими менѣе замѣчательными пьесами, и посмотримъ, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ».

Младшимъ товарищемъ Гоголя по Нѣжинскому лицію былъ Е. П. Гребенка. Онъ началъ заниматься литературой въ гимназіи или лицѣѣ. Большею частью первые опыты его были на малорусскомъ нарѣчій. Малорусскій переводъ «Полтавы» Пушкина, не совсѣмъ удачный (1831 г.), также относится ко времени студенчества, равно какъ и «Малороссійскія приказки», выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Въ 1836 г. онъ издалъ свой малорусскій переводъ «Полтавы» съ посвященіемъ Пушкину. Это посвященіе познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротою своею, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 г. два стихотворенія Гребенки; есть даже свѣдѣніе, что малороссійскія басни Гребенки такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно «Волкъ и огонь», онъ перевелъ на русскій языкъ. Впрочемъ, Гребенка скоро понялъ, что своими стихотвореніями ему трудно обратить на себя вниманіе въ то время, когда еще дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ, и рѣшился посвятить свою дѣятельность повѣсти и прозѣ, по примѣру Гоголя.

Изъ Нѣжина переходимъ въ Харьковъ, университетскій городъ, сосредоточившій въ себѣ много интеллигентныхъ

силъ. Въ основѣ образованія, которое получалось въ Харьковскомъ университетѣ, по словамъ его воспитанниковъ, лежалъ идеализмъ, объясняемый историческими и мѣстными причинами. Лучшие профессора этого университета, напр. И. И. Срезневскій, приправляли свои лекціи цитатами изъ Коляра, Пушкина, Мицкевича. А духъ университета проникалъ и въ другіе слои жизни харьковской. Вслѣдствіе этого, А. С. Пушкинъ пользовался въ Харьковѣ громаднымъ авторитетомъ. Многіе изъ Харьковскихъ украинскихъ писателей дѣлаютъ почти матеріальныя заимствованія изъ произведеній Пушкина, переводятъ ихъ и подражаютъ имъ и этимъ самымъ обнаруживаютъ свое глубокое, даже слѣпое уваженіе къ нашему знаменитому поэту. Харьковскій протоіерей С. Писаревскій (Стецько Шереперя) въ своей оперѣ «Купала на Ивана» 1840 года приводитъ цыганскую пѣсню «по малороссійски», составленную изъ цыганской пѣсни Пушкина:

Мы блукаемъ по полямъ
По лисамъ дрімучимъ и проч.

Самый цыганъ, выводимый въ этой пьесѣ, является не вѣроломнымъ конокрадомъ, какимъ представляетъ цыгана простой народъ, а человекомъ честнымъ и правдивымъ, и участвуетъ на крестьянской свадьбѣ въ качествѣ дружка. Съ такими же чертами выводится цыганъ и въ «Сорочинской ярмаркѣ» Гоголя; но въ обоихъ случаяхъ типъ цыгана, очевидно, созданъ подъ вліяніемъ поэмы Пушкина «Цыгане». Порфирій Кореницкій, изъ воспитанниковъ Харьковского коллегіума или семинаріи, пишетъ «Вечерниці, поэмѣ сатирицкѣ», на подобіе пародированной Энеиды И. П. Котляревскаго, но къ этой карикатурной поэмѣ онъ приставилъ нѣсколько строфъ, почти цѣликомъ заимствованныхъ изъ стихотвореній Пушкина «Зимній вечеръ» и «Утопленникъ».

Бывшій воспитанникъ Харьковского университета Л. Боровиковскій перевелъ на украинское нарѣчіе «Зимній вечеръ» (Пушкина), «Поэтъ» и «Пророкъ» и написалъ сти-

хотвореніе «Волохъ», въ которомъ выставляется свободная и безпечная жизнь цыганъ. М. Н. Петренко, тоже изъ воспитанниковъ Харьковскаго университета, во всѣхъ почти своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ подражаетъ то Козлову, одному изъ второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской школы, то Лермонтову. По образцу Козлова написано его стихотвореніе «Вечерній Дзвінъ».

М. М. Макаровскій, бывшій воспитанникъ Харьковскаго коллегіума, написалъ поэму «Наталя, або двѣ доли разомъ» и стихотворную повѣсть «Гарасько, або талантъ и въ неволи». Герой послѣдней повѣсти—Гарасько Знемога,—отправившись въ чужіе края искать счастья, терпитъ кораблекрушеніе, попадаетъ въ плѣнъ къ черкесу Баязету, снискиваетъ любовь сестры этого черкеса, дѣвицы Мериме, при помощи ея бѣжитъ изъ плѣна и женится на ней. Нельзя не замѣтить, что повѣсть «Гарасько» напоминаетъ своимъ содержаніемъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, отличаясь только тѣмъ, что въ повѣсти Макаровскаго нѣтъ того демоническаго жала, какимъ снабжены герои Пушкина, и что Гарасько не оставляетъ влюбленной въ него черкешенки, а бѣжитъ вмѣстѣ съ нею и женится на ней. Воспользовавшись сюжетомъ Пушкина, Макаровскій просто рисуетъ идеаль мѣшанскаго счастья съ разными препятствіями, возвышающими лишь цѣну этого счастья.

Наконецъ, поэзія Пушкина имѣла большое значеніе для позднѣйшихъ украинскихъ писателей, имѣвшихъ средоточнымъ своимъ пунктомъ нашу правобережную Украину. Мы разумѣемъ Кулиша, Шевченко и другихъ писателей. Мы уже приводили отзывъ Кулиша о значеніи Пушкина для Украины вообще, въ которомъ онъ говоритъ о личномъ своемъ увлеченіи поэзіей Пушкина. Даже самъ Шевченко, этотъ лучший пѣвецъ украинскій, въ своемъ поэтическомъ развитіи многимъ и очень многимъ обязанъ былъ А. С. Пушкину. Нужно замѣтить, что Шевченко обязанъ своими научными познаніями главнымъ образомъ Е. П. Гребенкѣ, страстному почитателю Пушкина. Гребенка помогъ

Шевченкѣ ознакомиться съ исторіей словесности, исторіей искусства и другими необходимыми знаніями. Онъ-то указалъ Шевченкѣ на знаменитыхъ нашихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова и познакомилъ его съ ихъ произведеніями. «Пушкина зналъ онъ наизусть, — говоритъ Кулишъ о Шевченкѣ, — даромъ что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѣхалъ». Изъ дневника самого Шевченка мы знаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія стихотворенія Лермонтова и называлъ его *великимъ*, а стихи его *очаровательными*. Въ своихъ произведеніяхъ Шевченко мѣстами буквально почти цитируетъ на память отдѣльные стихи этихъ поэтовъ, безъ перевода на украинскую рѣчь. Такъ напр., говоря о своей неволѣ, онъ выражается, что:

До стины не заговоришь ни про горе,
Ни про *младенческіе сны*.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о живой душѣ поэта, Т. Г. Шевченко выражается словами Лермонтова:

И мы читая оживаемъ
И *чуемъ Бога въ небесахъ*».

Въ самихъ даже украинскихъ стихахъ Шевченка критики видятъ прелесть Пушкинской ясности и близость къ языку великорусскому и именно Пушкинскому. «Всего удивительнѣе, — говоритъ Кулишъ, — и всего важнѣе въ стихахъ нашего поэта — это то, что онъ ближе нашихъ народныхъ пѣсенъ и ближе всего, что написано по-малороссійски, подходитъ къ языку великороссійскому, не переставая въ тоже время быть и носить чистый характеръ украинской рѣчи... Малороссіяне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смѣлому пересозданію въ нихъ своего языка и близости его формъ къ стиху Пушкина, не чувствуютъ однакожъ того непріятнаго разлада, какимъ поражаетъ ихъ у всякаго другого писателя заимствованіе словъ, оборотовъ

или конструкции изъ языка иноплеменнаго. Напротивъ, здѣсь чувствуется прелесть, въ которой не можешь дать себѣ отчета, но которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни въ одной славянской литературѣ. Какъ бы то ни было,—продолжаетъ Кулишъ,—но несомнѣнно то, что поэтъ нашъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ пѣснопѣній изъ духа и слова своего племени, другую руку простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣверно-русскаго. Подобно Пушкину и Лермонтову, Т. Г. Шевченко не разъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ о пророкѣ или вдохновенномъ поэтѣ и высказываетъ такія же мысли, какія мы видимъ въ стихотвореніяхъ «Пророкъ», «Поэтъ и Чернь» Пушкина и «Пророкъ» Лермонтова. А. С. Пушкинъ поставилъ своей задачей возбуждать добрыя чувства въ народѣ и милость къ падшимъ призывать. Тоже можно сказать и о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ. «Облегчить обремененнаго,—говоритъ одинъ изъ украинскихъ писателей, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства человѣка, пробудить его къ жизни, ему свойственной, самобытной,—вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни! Но это такія общечеловѣческія стремленія, думы и чувства, въ средѣ которыхъ трудно указать вліяніе одного поэта на другого,—Пушкина на Шевченка,—тѣмъ болѣе, что это вліяніе заслонялось у Шевченка украинскими наслоеніями.

Тѣмъ не менѣе, профессоръ Сумцовъ и нѣкоторые другіе изъ новѣйшихъ ученыхъ малороссовъ указываютъ нѣкоторые частные эпизоды въ поэзіи Шевченка, отразившіе на себѣ вліяніе параллельныхъ произведеній А. С. Пушкина. Такъ напр., поэма Шевченка «Варнакъ», по мнѣнію этихъ ученыхъ, носитъ на себѣ слѣды вліянія Пушкинской поэмы «Братья разбойники». Стихотвореніе Шевченка «У тыей Катерины» выражаетъ ту же самую мысль, какая заключена въ стихотвореніи Пушкина «Египетскія Ночи» или «Клеопатра», именно мысль о возможной или дѣйствительной расплатѣ жизни за мимолетное любовное упоеніе. И

въ стихотвореніи Пушкина «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда», и въ стихотвореніи Шевченка «Сонце заходитъ», одинаково выражается тихая поэтическая грусть о дорогой для нихъ по личнымъ воспоминаніямъ странѣ, о спускавшихся на землю сумеркахъ и о сладости ночныхъ свиданій. Мысли и даже отдѣльныя выраженія стихотвореній Пушкина «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» воспроизводится Шевченкомъ въ его «Посланіи славному П. І. Шафарыкови» и особенно въ недавно (въ 1897 г.) открытомъ его стихотвореніи «Славянамъ». У того и другого поэта сквозитъ сожалѣніе о *неравномъ* или *великомъ* *спорѣ* между славянами и высказывается мысль о необходимости слитія всѣхъ славянскихъ ручьевъ въ одномъ рускомъ морѣ, но съ тою разницею, что это единеніе славянъ Шевченко желаетъ утвердить на основахъ евангельскаго ученія, просвѣщенія, гуманности и равенства людей, а не на одномъ только могуществѣ и политической гегемоніи Россіи среди Славянъ.

Мы съ своей стороны прибавимъ, что сюжетъ Шевченковой поэмы «Наймычка» еще до Шевченка разработанъ былъ А. С. Пушкинымъ въ его романсѣ «Подъ вечеръ осенни ненастной», въ которомъ выводится на сцену несчастная покрывка-дѣвушка, трепетно пробирающаяся въ темную осеннюю ночь пустынными мѣстами, чтобы подкинуть своего невиннаго ребенка на порогъ чужого дома. Совершенно такъ же начинается свою поэму и Шевченко, но только ведетъ ее далѣе, рассказывая о судьбѣ подкинутаго ребенка и злополучной его матери, которая нанимается къ принявшимъ ея ребенка старикамъ въ работницы и лелѣетъ его до своей смерти, скрывая свои материнскія чувства и права. Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ замѣтить, что зависимость Шевченки отъ Пушкина въ послѣднемъ случаѣ могла состоять не столько въ самомъ житейскомъ сюжетѣ, равно извѣстномъ и на сѣверѣ и на югѣ Россіи, сколько въ выборѣ сюжета и идейномъ освѣщеніи его.

Къ позднѣйшимъ переводчикамъ Пушкина на малорусскій языкъ относятся: Гетьманецъ, передавшій по-малорусски «Утопленника» Пушкина въ галицкой «Правдѣ» за 1868 годъ, и Н. О. Квитка-Основьяненко, перелавшій Пушкина и Крылова на малорусскій языкъ.

Мы указали только тѣ слѣды вліянія поэзіи Пушкина на украинскую литературу, которые болѣе или менѣе замѣтны сами по себѣ, и опустили многихъ украинскихъ писателей, на которыхъ непосредственно не замѣтно этихъ слѣдовъ. Афанасьевъ-Чужбинскій, Забѣла, Писаревскій, Метлинскій, Корсунъ, Щоголевъ, Мартовицкій, Галка Іеремія и др. украинскіе писатели прежняго времени тоже принадлежали къ художественной школѣ Пушкина; но воздѣйствіе на нихъ Пушкина не всегда было непосредственнымъ и осложнялось другими вліяніями. Съ 40-хъ годовъ величавый образъ Пушкина сталъ заслоняться для украинцевъ болѣе и болѣе близкимъ для нихъ образомъ Шевченка. По этой же причинѣ и въ болѣе позднее время мы не видимъ яркихъ слѣдовъ прямого и непосредственнаго вліянія Пушкина на украинскую поэзію, за исключеніемъ развѣ плохихъ стиховъ Родыны (Мова зъ України. Кіевъ 1858 г.).

Но посредствующее или точнѣе совмѣстное съ другими поэтами воздѣйствіе Пушкина на нашу умственную и нравственную жизнь и нашу литературу продолжается и до настоящаго времени и долго еще будетъ продолжаться. А. С. Пушкинъ есть одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, котораго нельзя миновать при изученіи отечественной литературы. Изучая эту литературу, каждый изъ образованныхъ русскихъ людей, къ какому бы племени ни принадлежалъ, какъ бы самъ переживаетъ всю прошлую умственную и нравственную жизнь нашего отечества, извлекаетъ изъ нея питательные соки для себя и претворяетъ ихъ въ свою плоть и кровь. Конечно, при этомъ внутреннемъ процессѣ историко-литературнаго воспитанія, многія частныя, случайныя черты оригинала стираются, но остается самая сущность, эссенція, остаются идеалы, чувства и художе-

ственные формы. А поэзія А. С. Пушкина основана на вѣчныхъ идеалахъ и нестарѣющихъ чувствахъ, на началахъ гуманности и милосердія къ падшимъ; могучій стихъ Пушкина пластиченъ и звученъ и доселѣ имѣетъ для насъ неувядаемую прелесть. Поэтому и въ настоящее время А. С. Пушкинъ имѣетъ полное право сказать тѣ же самыя пророческія слова, какія сказалъ онъ нѣкогда о себѣ въ поэтическомъ озареніи:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Послѣ того уже, какъ настоящая статья была набрана, въ № 4056-мъ «Кіевскаго Слова» появилась замѣтка о приготавливаемомъ къ Пушкинскому торжеству сборникѣ произведеній Пушкина въ переводѣ на украинскій языкъ. Изъ старыхъ переводовъ здѣсь упомянуты опущенные нами «Вищий Олегъ» С. Руданскаго, въ «Спивомовкахъ» 1880 г., «Анчаръ» Олены Пчилки, 1882 г., и «Зимовый Вечеръ» М. Старицкаго 1883 г. Изъ переводовъ, еще не бывшихъ въ печати, предложено напечатать въ сборникѣ до 18-ти произведеній Пушкина. Эти послѣдніе переводы принадлежатъ М. П. Старицкому, г. Чернявскому, Кононенку, Яровому и Стешенку.

Н. У. Петровъ.

Лѣсная гора.

Композиторъ Глинка.

А. С Пушкинъ

И ЕГО МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОЛКОВАТЕЛИ.

Жакъ извѣстно, еще Бѣлинскій воздалъ должную дань удивленія превосходному стиху отца новой русской поэзій, когда сказалъ, что „Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельной игрою романтической рѣимы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ... ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристалъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и рѣимы, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія...“ (Сочиненіе Бѣлинскаго ч. 8-я стр. 361). Полагаемъ, что съ этимъ мѣткимъ опредѣленіемъ силы, красоты и изящной простоты стиха Пушкина согласится всякій, кто вчитывался въ созданія великаго поэта и иногда „обливался слезами надъ вымысломъ“ и его чуднымъ словеснымъ выраженіемъ; всякій, кто способенъ

судить о вещахъ безпристрастно, не сочтеть указаннаго взгляда Бѣлинскаго преувеличеніемъ, не назоветъ его простой шумихой отборныхъ словъ... Доказательствъ слишкомъ много: почти все, написанное Пушкинымъ. Мы только позволимъ себѣ напомнить читателямъ небольшой отрывочекъ изъ извѣстнаго стихотворенія „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“: онъ, по нашему мнѣнію, особенно подходитъ къ вышеприведенной характеристикѣ пушкинскаго стиха, и по своему очарованію, вполне оправдываетъ увлеченіе Бѣлинскаго... Вотъ это роскошное, можно сказать, благоухающее мѣсто:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной...

Трудно болѣе одухотворить природу, выразить болѣе обаятельно и живописно ея звуки, ея краски, ея немолчную, часто скрытую жизнь! И все это выразить сжато, безъ излишней болтовни, а именно въ мѣру, ровно столько, сколько это нужно для мысли!... Хотите видѣть примѣръ необычайной (да, необычайной!) *изобразительности*, доходящей почти до полной иллюзіи чувствъ,—возьмите послѣднія строфы чуднаго по своей нарядной простотѣ и крайней неприужденности стихотворенія „Осень“. Помните эти быстрые, не

смотря на ви́шнюю длину ихъ, летящiе, порывистые стихи, еле поспѣвающiе за быстротою мысли, за рисункомъ картины, которая молнiей промелькнетъ въ вашемъ воображенiи, какъ только начинаете читать ихъ? Вотъ они: (Поэтъ изображаетъ моментъ прилива вдохновенiя)...

Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучить и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ,
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый *рой гостей*,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
 И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И ризы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута—и стихи свободно потекутъ.
 Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной
 влагѣ;

Но, чу?... Матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ...

Таково-же и окончаніе стихотворенія „Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?“. Стихъ, сначала вялый, медлительный подстать томительной скукѣ, изображаемой въ содержаніи пьесы, скукѣ, ядъ которой поэтъ принужденъ „глотать медленно, по каплѣ, при чемъ теряетъ „всѣ права надъ римою, надъ моею прислужницею странной“, подъ конецъ, вмѣстѣ съ оживленіемъ разсказа, кажется, вихремъ несется впередъ, какъ-бы стремясь не отстать отъ молніеобразной быстроты мыслей... При чтеніи этихъ стиховъ въ слухъ вы неизбежно возьмете самый бѣшенный темпъ, если захотите прочесть ихъ согласно съ дѣйствительнымъ намѣреніемъ поэта и исполненіемъ его замысла:

Но если подь вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сплужу я въ уголкѣ,
Приѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья—старушка, двѣ дѣвицы,
(Двѣ бѣлокурныя, двѣ стройныя сестрицы!)
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!

Сначала косвенно внимательные взоры,
 Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
 А тамъ и дружный смѣхъ, и тѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
 И взоры томные, и вѣтренныя рычи,
 На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи...

Подобныхъ примѣровъ, такъ сказать, *послушанія* стиха замыслу поэта мы могли бы набрать очень много, если-бы пожелали плодить ихъ...; но размѣры статьи и нежеланіе удаляться отъ прямой ея задачи удерживаютъ насъ. Позволимъ себѣ указать еще только на 2—3 примѣра такого необыкновеннаго соотвѣтствія стиховъ мыслямъ. Читая стихотвореніе „Воспоминаніе“, отъ котораго невольно сжимается сердце въ груди и приливаютъ слезы къ очамъ, кто не сознается, что въ стихѣ чувствуется какая-то просто нечеловѣческая, мистическая сила, способная, кажется, растопить ледяное сердце? . . . . .

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенья.
 Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ:
 И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуясь и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы...

Хотите видѣть выраженіе необычайной нѣжности, голубиной привязанности, непреодолимой силы чувства—прочтите незабвенное стихотвореніе „Я васъ любилъ...“, оканчивающееся такимъ аккордомъ:

И васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ—дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

Если нуженъ примѣръ чрезвычайно художественнаго изображенія разбитой привязанности, равнодушія, произведеннаго безумной страстью, лишенною духовной основы и связи, возьмите точно изъ мрамора изваянное, стихотвореніе на смерть г-жи Ризничъ:

„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томила, увядала...
Увяла наконецъ, и, вѣрно, надо мной
Младая тѣнь уже летала.
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ.....

А такія кристаллическія вещицы, какъ „Въ альбомъ“ (Что въ имени тебѣ моемъ?), великолѣпный, исполненный достоинства „Отвѣтъ анониму“, наводящее на глубокія размышленія признаніе: „Изъ VI Пиндемонте“ (не дорого цѣню я громкія права), глубокоправдивый „Капризъ“ (Румяный критикъ мой), ѣдкія картинки: Когда за городомъ задумчивъ я брожу и Когда великое совершалось торжество; нѣжно мечтательный романсъ „Для береговъ отчизны дальней“, безотрадное „Сожженное письмо“?....

Каждое изъ этихъ тонкихъ и изящныхъ стихотвореній можетъ въ томъ либо другомъ отношеніи служить примѣромъ „послушанія“ стиховъ мыслямъ, а иное такъ и просится подъ струны арфы, подъ звуки чуднаго, чарующаго голоса, подъ рокотъ симфоніи... Неудивительно, что русскіе композиторы увлекались стихами Пушкина, испытывали свои силы въ музыкальномъ ихъ выраженіи, въ музыкальномъ истолкованіи его поэмъ и пѣсенъ...

И прежде всего великій Глинка: онъ одинъ только, этотъ царь музыки, создалъ произведенія, вполне достойныя

царя поэзіи; другіе, какъ Даргомыжскій, Чайковскій, Кюи, Антонъ и Николай Рубинштейны только временами возвышались до силы, изящества и простоты пушкинскихъ стиховъ, достигали болѣе или менѣе совершеннаго музыкальнаго выраженія пушкинскихъ образовъ и типовъ...

Не можетъ быть никакого сомнѣнія для всякаго безпристрастнаго и свѣдущаго цѣнителя, что созданное Глинкою музыкальное истолкованіе такихъ произведеній, какъ „Я помню чудное мгновеніе“, „Въ крови горитъ огонь желанья“, Грузинская пѣсня (Не пой, красавица, при мнѣ), „Ночной зефиръ“ и нѣк. друг. вполне достойно этихъ чудныхъ стихотвореній и совершенно соответствуетъ ихъ основному настроенію; слабѣе другіе романсы Глинки (ихъ всѣхъ, сколько знаемъ, десять) на слова Пушкина, какъ „Кубокъ янтарный“, „Я здѣсь, Инезилья“, „Я васъ люблю“, „Гдѣ наша роза“.

Но всѣ эти романсы, конечно, — бездѣлки сравнительно съ безсмертною музыкальною иллюстраціею того же Глинки къ поэмѣ „Русланъ и Людмила“, этою „галлереею музыкальныхъ чудесъ“, по удачному выраженію А. Н. Сѣрова. Дивныя страницы этой великолѣпной партитуры, вдохновленные игривымъ, нерѣдко изящнымъ и всегда искреннимъ и горячимъ стихомъ, сами по себѣ составляютъ лучшій музыкальный памятникъ, созданный величайшему русскому поэту величайшимъ русскимъ композиторомъ, его современникомъ. Особенно выдаются въ ней, по всеобщему признанію свѣдущихъ цѣнителей, полное какой-то мистической прелести, строго величественное вступленіе (Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой), превосходная по своей мелодической красотѣ арія Руслана (О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?), наконецъ, выразительная баллада Финна (Добро пожаловать, мой сынъ). Въ общемъ можно пожалѣть, что знакомство и сближеніе Пушкина и Глинки произошло слишкомъ поздно, именно незадолго до безвременной кончины поэта: проживи онъ дольше, и, вѣроятно, отъ могучаго союза двухъ геніевъ родное искусство обогатилось бы не однимъ еще шедевромъ...¹⁾

¹⁾ Объ отношеніи Пушкина къ музыкѣ и современнымъ ему композиторамъ, особенно русскимъ, см. фельетоны М. Иванова „Музыкальные наброски“ въ „Новомъ Времени“, начиная съ № 8271, 1899 года.

Нѣкоторые романсы Даргомыжскаго также достойны стиховъ Пушкина; таковы особенно: Я васъ любилъ, Что въ имени тебѣ моемъ, Не спрашивай, и особенно милое тріо „Буря мглою небо кроетъ“ (Сопрано, теноръ, басъ); слабѣе, на нашъ взглядъ, остальные пѣсни и романсы: Слеза (Вчера за чашей пуншевою), Ночной зефиръ, Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила, Въ крови горитъ огонь желанья, Ты рождена воспламенять, Когда бъ не смутное влеченье, Вертоградъ моей сестры (подражаніе пѣсни пѣсней).

Вообще Даргомыжскій болѣе другихъ композиторовъ пользовался для своихъ романсовъ стихотвореніями Пушкина, и намъ извѣстно 23 его романса на слова Пушкина.

Оперы Даргомыжскаго: Русалка, Каменный Гость и Торжество Вакха представляютъ собою неодинаковаго достоинства болѣе или менѣе удачныя попытки музыкальных иллюстрацій къ извѣстнымъ пьесамъ нашего поэта подъ тѣми-же названіями. Наиболѣе удачна, конечно, Русалка; не будучи свободна отъ неизбѣжнаго при данныхъ условіяхъ подражанія Глинкѣ, эта выразительная и мелодическая опера представляетъ прекрасный примѣръ тѣснаго соединенія словъ и пѣнія; они почти нераздѣльны—до того напѣвъ правдиво выражаетъ смыслъ словъ и всѣ оттѣнки настроенія. Особенно выдается въ этомъ отношеніи первое дѣйствіе, а въ немъ сцена разлуки князя и Наташи. Хорошъ и музыкальный юморъ въ начальномъ монологѣ мельника, человѣка недурнаго, но, что называется, „себѣ на умѣ“.

„Каменный гость“ отличается тѣмъ, что пьеса Пушкина почти цѣликомъ, безъ измѣненій, подверглась музыкальной обработкѣ, и даровитый композиторъ употребилъ всѣ усилія, чтобы музыка его, какъ можно ближе, подходила къ тексту и правдиво выражала всѣ изгибы и тонкости его; но относительно тѣхъ или другихъ общихъ музыкальных достоинствъ этой оперы еще не составилось опредѣленное общепринятое сужденіе; впрочемъ романсъ Лауры „Я здѣсь Инезилья“ безусловно удаченъ. ¹⁾

Принимался Даргомыжскій и за музыкальную обработку „Полтавы“, но, къ сожалѣнію, почему то изъ этого ничего

¹⁾ Объ оперѣ «Каменный гость» см. хорошую статью г. Лароша въ «Русск. Вѣстн.» 1887 г. I книга.

не вышло. Какъ слѣдъ этихъ попытокъ, остался мелодичный и выразительный дуэтъ Орлика и Кочубея. Отъ этого же композитора остались и три отрывка изъ неоконченной оперы „Рогдана“, изъ которыхъ одинъ: „Возстань, боязливый!“—изъ „Подражаній Корану“—очень выразителенъ.

Трагедія „Борисъ Годуновъ“ нашла правдивое и мѣстами довольно удачное въ отношеніи красоты выраженіе въ музыкѣ даровитаго, безвременно погибшаго композитора Мусоргскаго, тоже поставившаго себѣ задачею, подобно Даргомыжскому въ „Каменномъ Гостѣ“, сохранить пушкинскій текстъ по возможности безъ всякихъ измѣненій; отвѣтственный монологъ Годунова „Достигъ я высшей власти“ удался композитору въ той же мѣрѣ достаточно, какъ и рассказъ Пимена. Хороши также сцена у фонтана, корчма, смерть Бориса и сцена наряднаго возстанія, заканчивающая оперу. Изъ романсовъ Мусоргскаго на слова Пушкина намъ извѣстенъ только одинъ: „Стрекотунья бѣлобока“.

Не съ такой похвальной тщательностью относился къ пушкинскому тексту безвременно скончавшійся Чайковскій; сильное дарованіе котораго обѣщало еще много зрѣлыхъ и прекрасныхъ произведеній; это былъ талантъ, подобный вину: чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй... Онъ создалъ музыкальныя иллюстраціи къ „Евгенію Онѣгину“, „Пиковой дамѣ“ и „Полтавѣ“ (Мазепа). Первая опера, скромно названная лирическими сценами, не нуждается въ выясненіи ея достоинствъ: она слишкомъ любима и распространена на Руси, ея задушевные и красивые напѣвы стали уже такимъ же всеобщимъ достояніемъ, какъ стихи Пушкина, какъ мѣста изъ „Горя отъ ума“ Грибоѣдова или изъ басенъ Крылова; извѣстность ея зиждется не только на чудномъ пушкинскомъ текстѣ, но и на самобытныхъ музыкальныхъ достоинствахъ. Достаточно назвать въ высокой степени художественную высокоправдивую по настроенію и изящную по выраженію сцену „Письма Татьяны“, красивый сентиментальный дуэтъ сестеръ „Слышали-ль вы за рощей гласъ ночной пѣвца любви, пѣвца своей печали?“, отъ котораго дѣйствительно вѣетъ двадцатыми годами нашего вѣка, этой милою сѣдою стариною..., или трогательную, полную необычайнаго лиризма и нѣжности чувства, предсмертную арію Ленскаго „Куда, куда вы

удалились, весны моей златые дни?“, чтобы не имѣть больше надобности въ дальнѣйшихъ исчисленіяхъ и разъясненіяхъ. Музыкальное изображеніе самого Онѣгина менѣе удалось композитору, что и совершенно естественно по самой сути дѣла, такъ какъ этотъ сложный типъ не такъ легко поддается музыкальной иллюстраціи, какъ, на примѣръ, нѣжно чувствительный типъ идеалиста-мечтателя Ленскаго или Татьяны. Хорошенькая пѣсня женскаго хора „Дѣвицы красавицы“, въ несомнѣнный ущербъ себѣ, слишкомъ тѣсно сплетается съ пѣніемъ Онѣгина, обращеннымъ къ Татьянѣ... Наконецъ заразительнозахватывающая страсть заключительнаго въ оперѣ дуэта Онѣгина и Татьяны—прямо совершенство!

Музыка въ операхъ „Мазепа“ и „Пиковая дама“ того же П. И. Чайковскаго, по нашему мнѣнію, уступаетъ музыкѣ „Евгенія Онѣгина“, хотя и въ названныхъ пьесахъ есть много прекрасныхъ мѣстъ и весьма удачныхъ частностей.

Въ романахъ Чайковскій очень рѣдко почему то пользовался словами Пушкина, предпочитая брать для нихъ тексты изъ Апухтина, Плещеева, Ратгауза и нѣк. друг.; изъ пушкинскихъ его романсовъ стоитъ во всякомъ случаѣ отмѣтить „Соловей мой, соловейко, птичка малая лѣсная“,— пѣсня, взятая поэтомъ изъ собранія сербскихъ пѣсенъ В. Караджича (см. пѣсни западныхъ славянъ).

Къ поэмѣ „Кавказскій плѣнникъ“ и драматическому разсказу „Анджело“ музыку написалъ, въ видѣ оперъ, извѣстный современный музыкальный критикъ и композиторъ, онъ же и военный писатель, Ц. А. Кюи; изъ разныхъ музыкальных номеровъ первой оперы укажемъ особенно „Черкесскую пѣсню“. Этотъ же композиторъ создалъ подходящую музыку и къ сценамъ „Пиръ во время чумы“, гдѣ изъ пѣсенъ предсѣдателя и Мерн особенно удалась ему, на нашъ взглядъ, первая: „Когда могучая зима“...

Изъ романсовъ на пушкинскія слова, написанныхъ Ц. А. Кюи, укажемъ слѣдующіе: 1) Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила (на эти же слова, какъ было сказано выше, написалъ музыку и Даргомыжскій); 2) Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ, въ душѣ моей угасла не совсѣмъ; 3) Сожженное письмо: „Прощай, письмо любви!“; 4) Пушкинъ о Мицкевичѣ; 5) Пушкинъ о Жуковскомъ; 6) Разставаніе; 7)

Соловей; 8) Цвѣтокъ засохшій безуханный; 9) Послѣдніе цвѣты и 10) Только что на проталинахъ и др.

Другому современному даровитому композитору Н. А. Римскому-Корсакову принадлежитъ музыка къ оперѣ, составленной изъ сценъ, очень благодарныхъ для музыканта,— „Моцартъ и Сальери“.

„Изъ романсовъ на пушкинскія слова, написанныхъ этимъ композиторомъ, слѣдуетъ отмѣтить „Вакхическую пѣсню“ (Что смолкнулъ веселія гласъ?) и, особенно, чрезвычайно выразительную музыку къ прелестному, въ высокой степени художественному и граціозному „Отрывку“:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла,
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла,
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой! Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
Что не любитъ оно не можетъ!

Этотъ чудный „Отрывокъ“ въ счастливую минуту вспомнился композитору: дѣйствительно, онъ такъ и просится подъ музыку, и можно только удивляться, что наши музыканты не только что не брали его, такъ сказать, на перебой для музыкальнаго воспроизведенія, но, напротивъ, почти не обращали на него вниманія, намъ извѣстенъ на эти слова только еще романсъ Н. Брянскаго. Изъ остальныхъ романсовъ Р. Корсакова укажемъ особенно: Что въ имени тебѣ моемъ? Для береговъ отчизны дальней, Ночь, Заклинаніе, Ты и Вы; на первый изъ нихъ имѣется еще музыка г.г. Титова и С. Зарембы, а къ „Заклинанію“ написали музыку Юферовъ Полина Виардо (оч. удачный романсъ) и Ф. Блуменфельдъ.

Для „Цыганъ“ нашлись два музыкальныхъ изобразителя: покойный, безвременно угасшій даровитый композиторъ Г. Липинъ и современный нашъ музыкантъ, изъ молодыхъ, Рахманиновъ; опера этого послѣдняго „Алеко“, не будучи первостепеннымъ произведеніемъ, все же имѣетъ немало достоинствъ, заключаетъ въ себѣ во всякомъ случаѣ нѣсколько характер-

ныхъ, довольно удачныхъ мѣсть и вмѣстѣ послужила къ освѣженію и пополненію немногочисленнаго запаса русскихъ оригинальныхъ оперъ... Лишинъ же написалъ музыку и къ комической оперѣ на сюжетъ „Графа Нулина“. Впрочемъ, какъ эта его музыка, такъ и музыка къ „Цыганамъ“ намъ неизвѣстна, и потому о достоинствѣ ея судить мы не можемъ. Г. Аренскому принадлежатъ музыкальныя картины „Бахчисарайскій фонтанъ“. На тотъ-же сюжетъ написаны и еще двѣ оперы подъ одинаковымъ заглавіемъ „Бахчисарайскій фонтанъ“, именно гг. А. Ѳедоровымъ 1895 г. и А. Ильинскимъ, а поэмою „Полтава“ вдохновленъ былъ даровитый П. Сокальскій, написавшій еще въ 1859 г. оперу „Мазепа“, позже получившую названіе „Марія“; онъ же написалъ и кантату „Пиръ Петра Великаго“.

Кромѣ П. И. Чайковскаго, вдохновленъ былъ поэмою „Полтава“ и еще одинъ изъ нашихъ композиторовъ Фитингофъ—Шель, но его „Мазепа“—опера второстепенная и не представляетъ выдающихся достоинствъ. Раньше уже было сказано, что надъ музыкальнымъ воспроизведеніемъ „Полтавы“ работалъ и А. С. Даргомыжскій, оставившій, впрочемъ, вполнѣ обработанный одинъ лишь отрывокъ, дуэтъ Орлика и Кочубея. На сюжетъ повѣсти „Дубровскій“ написана опера Направника подъ тѣмъ же заглавіемъ, во многихъ мѣстахъ носящая на себѣ слѣды разныхъ оперныхъ вліяній, напр., Чайковскаго, даже въ разработкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ подробностей. Это отсутствіе самобытности и своеобразія и составляетъ слабую сторону названной оперы, въ общемъ все же довольно сценичной и мелодичной. Изъ 8 романсовъ Направника на слова Пушкина можно указать въ особенности слѣдующіе: Ночной зефиръ, Казакъ, Воевода, Для береговъ отчизны дальней.

Вотъ все болѣе крупное и замѣчательное, чѣмъ украсили русскіе композиторы великаго поэта, такъ вдохновляющаго ихъ своими темами, дававшаго имъ такіе превосходные сюжеты для музыкальныхъ произведеній. Вычислять всѣ болѣе мелкія произведенія—романсы и пѣсни,—написанныя на слова Пушкина другими, еще не упомянутыми нашими композиторами, нѣтъ особенной надобности, такъ какъ невозможно ручаться за полноту такого вычисленія, а безъ этого условія оно теряетъ всякій смыслъ и значеніе. Я при-

веду только болѣе красивые, на мой взглядъ, и распространенные романсы, о которыхъ дѣйствительно слѣдуетъ упомянуть. Таковы „Погасло дневное свѣтило“ муз. Геништа—очень благодарный для исполненія романсъ, любопытный тѣмъ, что его слушалъ самъ Пушкинъ въ Москвѣ на вечерахъ у извѣстной кн. Зинаиды Волконской; затѣмъ довольно мелодичный „Талисманъ“, „Я помню чудное мгновенье“ Титова—тоже едва ли не современные поэту романсы „Философъ ранній“ Бахметьева, „Подражанія Корану“ Арнольда, „Я позабылъ вашъ образъ милый“ Кашперова. Изъ болѣе новыхъ пѣсенъ и романсовъ можно указать красивую „Грузинскую пѣсню“ Помазанскаго, популярную „Ночь“ (Мой голосъ для тебя и ласковый, и томный) А. Рубинштейна и его же: „Признаніе“, „Пѣвецъ“, „Вакхич. пѣсню“ (Что смолкнулъ веселія гласъ), „Пью за здравіе Мери“ (всѣхъ романсовъ А. Рубинштейна на слова Пушкина—10), далѣе задумчивый романсъ Б. Шереметьева „Я васъ любилъ“, затѣмъ „Для береговъ отчизны дальной“—извѣстнаго А. П. Бородина, композитора оперы „Князь Игорь“; на эти же слова есть и другая музыка—Казбирюка и нѣк. друг.

Слова испанскаго романса „Ночной зефиръ“ пѣсни „Старый мужъ, грозный мужъ“ и „Вотъ зеркало мое“ положены на музыку, вѣроятно, по совѣту П. С. Тургенева, и извѣстной музыкантшей и пѣвицею Полиною Віардо.

При указанномъ вычисленіи вещи сравнительно слабы (напр. „Черная шаль“ муз. Верстовскаго) мною, повторяю, опущены; это послѣднее произведеніе любопытно, впрочемъ въ томъ отношеніи, что, бывъ написано еще въ 1823 г., оно вызвало въ „Вѣстникѣ Европы“ осужденіе извѣстнаго Каченовскаго за взятый композиторомъ текстъ и, сдѣлавшись извѣстнымъ Пушкину, послужило, кажется, поводомъ къ сближенію, а затѣмъ и къ дружбѣ его съ своимъ ровесникомъ Верстовскимъ, (род. 18 февр. 1799 г.), съ которымъ онъ былъ даже на ты; сближеніе это относится къ тому времени, когда этотъ композиторъ служилъ при московскомъ казенномъ театрѣ въ должности инспектора музыки и репертуара. Кантата „Черная шаль“ прежде часто исполнялась на московской сценѣ и въ свое время нравилась публикѣ.

Неособенно цѣнимъ мы и музыку къ „Памятнику“ г. Казаченка для хора смѣшаннаго и однороднаго, еще менѣе—такую же музыку, написанную для хора и оркестра г. Валакосомъ, учителемъ пѣнія въ Одесской 2 классической гимназіи; невысокаго также достоинства романсъ С. Зарембы на слова: „Что въ имени тебѣ моемъ?“ Тому же г. Казаченку принадлежитъ дуэтъ на слова легенды о Стенькѣ Разинѣ „Какъ на утренней зарѣ вдаль по Камѣ по рѣкѣ“, а г. Брянскій ссочинилъ музыку для хора смѣшаннаго и однороднаго къ „Пуншевой пѣснѣ“ (Силы четыре соединясь жизнь образуютъ, міръ создаютъ...) и къ „Шотландской пѣснѣ“ (Воронъ къ ворону летитъ).

Любопытно между прочимъ прослѣдить, какіе изъ мелкихъ пушкинскихъ текстовъ привлекали особенное вниманіе нашихъ музыкантовъ. Особенно посчастливилось, какъ мы видѣли выше, романсамъ: „Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ, въ душѣ моей утасла не совѣмъ; но пусть она васъ больше не тревожитъ: я не хочу печалить васъ ничѣмъ“ (Даргомыжскій, Щуровскій, Сомовъ, Варламовъ, Гурилевъ, Алябьевъ, Тутковскій, Толстой, Шель, Шефферъ, Кюи, Шереметьевъ и др. всего 21 композиторъ)! Испанскій романсъ „Ночной зефиръ струитъ эфиръ, шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ“ (Глинка, Даргомыжскій, Верстовскій, Никол. Рубинштейнъ, Направникъ, Фоссъ, Віардо), „Ты и Вы“ (15 композиторовъ!), „Грузинская пѣсня“ (Глинка, Никол. Гр. Рубинштейнъ, Помазанскій, Титовъ, Усатовъ), „Вакхическая пѣсня“ (Римскій-Корсаковъ, Чайковскій—для муж. хора и А. Рубинштейнъ), „Зимній вечеръ“ (Титовъ, Щуровскій, Даргомыжскій, Рубинштейнъ) „Для береговъ отчизны дальнои (А. Бородинъ, Римскій-Корсаковъ, Направникъ, Казбирюкъ, Христіановичъ). „Я помню чудное мгновеніе“ (Глинка, Мельчуновъ, Титовъ), „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“ (Даргомыжскій, Кюи) „Въ крови горитъ огонь желанья“ (Глинка, Віардо, Даргомыжскій), „Пѣвецъ“ (Слыхали-ль вы за роцей гласъ ночной?)—А. Рубинштейнъ, Верстовскій, Нечаевъ, Титовъ, Фаминцынъ, П. Чайковскій (вставной дуэтъ въ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ“) Христіановичъ и Соколовскій, „Черкесская пѣсня“—Вильбоа, Кюи, Шеффера, „Птичка Божія“—Варламова, Вильбоа, Титова, „Что въ имени тебѣ моемъ?“—Алябьева, Титова, Зарембы.

Нѣтъ сомнѣнія, что наши композиторы, изъ которыхъ рѣдкій не испытывалъ своихъ силъ въ музыкальномъ истолкованіи Пушкина, воспользовались до сихъ поръ далеко не всѣмъ пригоднымъ и благодарнымъ матеріаломъ изъ его сочиненій, и еще долго этотъ великій мастеръ слова будетъ, конечно, привлекать вниманіе музыкантовъ, которые могутъ найти у него обильную жатву. И Бахчисарайскій фонтанъ, и Братья разбойники, и Анчаръ, и Мадонна, и Ненастный день потухъ и Египетскія ночи (стихотворенія), и пѣсни западныхъ славянъ и мн. мн. другое такъ, кажется, и просится на музыку...

Остается только пожелать, чтобы дальнѣйшія попытки и начинанія композиторовъ въ дѣлѣ музыкальнаго истолкованія произведеній Пушкина были не менѣе удачны, чѣмъ бывшія до сихъ поръ, и чтобы они использовали для своихъ цѣлей все, что только можетъ быть пригодно въ полномъ собраніи его сочиненій. Вѣдь этотъ путь, вмѣстѣ съ иллюстраціями произведеній поэта помощью рисунковъ и картинъ, необходимъ для всесторонняго выясненія его значенія нашему обществу, нашему народу...; онъ будетъ небезполезенъ и для увѣковѣченія въ народахъ имени поэта, который о другомъ памятникѣ для себя и не мечталъ, кромѣ этой общеизвѣстности его произведеній среди всѣхъ этихъ „славянъ, финновъ, тунгусовъ, калмыковъ“. Музыкальный звукъ и картинка явятся въ этомъ случаѣ наилучшими могучими и вѣрными союзниками художественнаго слова!...

Изъ оп. „Евгеній Онегинъ“.

Изъ оп. „Русалка и Людмила“.

Въ заключеніе приведемъ возможно полный списокъ старинныхъ романсовъ, кромѣ вышеназванныхъ, на слова Пушкина (нѣкоторыя указанія заимствованы изъ вышеупомянутой статьи г. М. Иванова, другія изъ извѣстнаго библиографическаго указателя Межова „Puschkiniana“ Спб. 1886 г.).

І. Музыка Верстовскаго:

- 1) Старый мужъ, грозный мужъ (пѣсня Земфиры изъ „Цыганъ“).
- 2) Кто при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ? (изъ „Полтавы“)
- 3) Испанскій романсъ „Ночной зефиръ“ (Напечат. въ альманахѣ „Литературный Музеумъ“ Вл. Измайлова на 1827 г.
- 4) Слыхали ли вы? (Пѣвецъ) напечат. въ „Денницѣ“ М. Максимовича на 1831 г.

Романсы эти въ свое время производили впечатлѣніе и вызывали всеобщее одобреніе, какъ видно изъ отзывовъ. хотя бы С. Т. Аксакова.

ІІ. Музыка Титова:

- 5) Пѣвецъ.
- 6) Цыганы (Надъ лѣсистыми берегами).
- 7) Что въ имени тебѣ моемъ? (Въ альбомѣ).
- 8) Даруетъ небо человѣку.

- 9) Подъ вечеръ осенью ненастной.
- 10) Фонтанъ любви.
- 11) Я пережилъ свои желанья.
- 12) Ты видѣлъ дѣву на скалѣ.
- 13) Птичка Божія не знаетъ.
- 14) Не пой, красавица, при мнѣ (Грузинская пѣсня).
- 15) Къ Морфею.
- 16) Къ морю.

III. Музыка Геништа:

- 17) Черная шаль.

IV. Музыка Алябьева:

Г. Ивановъ въ своей статьѣ (Новое Время 1899 г. 15 марта № 8278) говоритъ, что Алябевъ, выступившій на композиторское поприще около 1815—20 г. „тоже положилъ на музыку множество текстовъ Пушкина“, но самыхъ этихъ текстовъ не приводитъ (ихъ, впрочемъ, можно найти въ „Ruschkiniada“ Межова). Намъ лично пришлось познакомиться только съ двумя изъ его романсовъ на слова Пушкина и оцѣнить ихъ достоинства: Что въ имени тебѣ моемъ? и Я васъ любилъ... Г. Ивановъ сообщаетъ также объ оперѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“ Алябьева, но о ней ни онъ, ни мы не знаемъ больше ничего...

V. Музыка Варламова:

- 1) Пью за здравіе Мери.
- 2) Птичка Божія.
- 3) Я васъ любилъ.

VI. Музыка Гурилева:

- 1) Я васъ любилъ.
- 2) Ты и Вы.
- 3) Къ фонтану бахчисарайскому.

Есть еще романсы Буляхова, Донаурова, Яковлева, Всеволожскаго и др.

Замѣтимъ еще, что капельмейстеръ при петербургскихъ театрахъ въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Л. Мауреръ положилъ на музыку Черкесскую пѣсню изъ „Кавказскаго плѣнника“, но не въ русскомъ подлинникѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ. Это Tscherkessenlied, помѣщенная въ кон-

цѣ нѣмецкаго перевода поэмы „Кавказскій плѣнникъ“, сдѣлан-
наго нѣкимъ статскимъ совѣтникомъ Ольдекопомъ и издан-
наго въ Петербургѣ въ 1823 г. безъ согласія Пушкина, что
вызвало даже его гнѣвъ и жалобы. (См. письмо къ А. Бен-
кендорфу 1827 г.).

Извѣстный въ двадцатыхъ годахъ Катарина Кавось на-
писалъ музыку къ „Бахчисарайскому фонтану“, взятому кн.
А. Шаховскимъ въ качествѣ третьей части его трилогіи въ
5 дѣйствіяхъ „Керимъ-Гирей, Крымскій ханъ“, поставлен-
ной на сцену въ 1825 г. Балетмейстеръ Дидло, очень пе-
кусный въ своемъ дѣлѣ, поставилъ балетъ „Кавказскій плѣн-
никъ“, очень хвалимый Пушкинымъ (см. Евг. Онѣгинъ) съ
музыкою того же Кавоса, а А. Глушковскій—балетъ „Рус-
ланъ и Людмила“ съ Истоминою въ роли Людмилы. Въ
„Кавк. плѣн.“ Истоминна исполнила роль черкешенки.

Д о п о л н е н і е.

Уже послѣ того, какъ была написана эта статья, мы
получили изданный „Къ Пушкинскому юбилею каталогъ
всѣхъ музыкальныхъ произведеній на слова А. С. Пушкина“
сост. А. Адельгеймъ. Кіевъ 1899 г. Свѣрѣя написанное нами
съ содержаніемъ каталога, мы пришли къ убѣжденію, что
ничто изъ болѣе важнаго нами не опущено, и упомянуто
все, о чемъ слѣдовало упомянуть, что заслуживало этого.
Пропущенныя нами мелочи, вводить которыя въ изложеніе
вовсе и не имѣлось въ виду, читатель легко найдетъ въ ука-
занномъ каталогѣ, вообще, кажется намъ, составленномъ съ
достаточною полнотою. По крайней мѣрѣ, мы замѣтили срав-
нительно немного пропусковъ... Изъ таковыхъ можно ука-
зать, напримѣръ, „Вакхическую пѣсню“ Римскаго-Корсакова,
„Узникъ“ (Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой; съ нѣмец-
кимъ переводомъ, изд. Музыкальн. магазина А. Миллера въ
Москвѣ), „Ночной зефиръ“ Верстовскаго, (напечат. въ „Лите-
ратурн. Музеумѣ“ Измайлова, 1827 г.), „Пѣвецъ“ его же (на-
печат. въ „Денницѣ“ Максимовича). Между операми пропу-
щена „Алеко“ Рахманинова (Цыганы) „Бахчисарайскій фон-
танъ“ и „Кавказскій плѣнникъ“ Алябьева, „Цыганы“ Вьельгор-
скаго (не окончена, издано нѣсколько №№).

Въ систематическомъ каталогѣ романсовъ и пѣсенъ на слова Пушкина, изданномъ Бесселемъ, насчитано 133 стихотворенія, послужившія матеріаломъ для музыкальнаго ихъ воспроизведенія въ видѣ одноголосныхъ романсовъ, дуэтовъ, тріо, хоровъ. (Устарѣвшія и вышедшія уже изъ употребленія вещи въ каталогъ не внесены).

Здѣсь названо все существенное и важное, но, въ виду вышеуказаннаго, каталогъ признать полнымъ нельзя (есть пропуски даже и сравнительно новыхъ вещей, напр. комическаго романа Даргомыжскаго „Возвратился ночью мельникъ“. См. „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“. Срв. вышеуказан. статьи М. Иванова).

А. Степовихъ.

Красавица цыганка.

УШКИНЪ

У СЛАВЯНЪ.

(Библиографическая справка).

О славянскихъ переводахъ произведеній Пушкина готовится, судя по сообщеніямъ повременной печати, особый трудъ извѣстнаго слависта академика В. Ягича, и можно надѣяться, что появленіе въ свѣтъ этого труда, столь любопытнаго и по предмету изслѣдованія и по знаменитому имени ученаго автора, не замедлитъ...

Въ виду этого мы задались самой скромной цѣлью: дать краткую замѣтку, въ ожиданіи выхода въ свѣтъ вышеупомянутаго изслѣдованія, что можетъ по обстоятельствамъ и замедлиться, — замѣтку, изъ которой читатели узнали бы въ общихъ чертахъ, что сдѣлано у западныхъ и южныхъ славянъ для ознакомленія тамошнихъ читателей съ произведеніями нашего великаго поэта, составляющаго, безъ сомнѣнія, красу и гордость всего славянскаго міра. При этомъ считаю нужнымъ предварить читателей, что о чешскихъ переводахъ изъ Пушкина, сдѣланныхъ Челяковскимъ (1833 г.), Е. Красногорской, Бендлемъ (2 т. 1859 — 1860) и др.

говорить не буду, такъ какъ этому вопросу посвящена уже недавно вышедшая въ свѣтъ работа Г. Францева «Пушкинъ въ чешской литературѣ». 19 стр. Спб. 1898 г. (Оттискъ изъ 46 тома «Сборника Отдѣленія Рус. яз. и Словесн.», Имп. акад. наукъ); скажу лишь, что почти всѣ важнѣйшія произведенія нашего поэта уже переведены на чешскій языкъ, тѣмъ не менѣ труда чешскимъ переводчикамъ еще предстоитъ достаточно; лучшими переводами считаются новѣйшіе (В. Юнга, Е. Красногорской въ «Сборникѣ мировой поэзіи» (*Sbornik světové poesie*) Чешской академіи наукъ). Переводы изъ Пушкина оказали на чешскую литературу довольно осязательное вліяніе, выразившееся, напримѣръ, въ болѣе или менѣ удачныхъ подражаніяхъ нашему поэту; такъ извѣстный стихотворный романъ Г. Пфлегра-Моравскаго *Rap Vyšinsky* 1858 г.—конечно, въ значительной мѣрѣ навѣянъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», послужившимъ ему въ качествѣ образца. (Сравненіе 2 переводовъ «Евгенія Онѣгина» Бендля и Юнга см. въ журн. *Čas.* 1892 г. 774 стр. См. также «*Osvěta*» 1887 г.). Нѣкоторыя произведенія Пушкина появились даже въ нѣсколькихъ переводахъ, напримѣръ, «Капитанская дочка»,—4 перевода: К. Стефана 1847 г., Ст. Берана-Либштатскаго 1888 г., А. Пацака 1888 г. и Милоша Тына 1889 г., Дубровскій—3 перевода, Бахчисарайскій фонтанъ—2 перевода: Бендля (о немъ см. отзывъ Срезневскаго въ Извѣстіяхъ И. Акад. Наукъ по Отдѣленію Рус. Яз. и Слав. 1860 г. т. IX 108—110 стр.) и Е. Красногорской. Не переведены совсѣмъ, сколько знаемъ, Каменный гость, Скупой рыцарь и нѣк. друг.

Польская литература сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ еще полного перевода сочиненій Пушкина; но она уже усвоила себѣ романъ «Евгеній Онѣгинъ», переведенный г. Сикорскимъ въ 1847 г. и изъ поэмъ—Кавказскій Пленникъ (перев. неизвѣстнаго лица 1828 г.), Бахчисарайскій Фонтанъ—переводъ Рогальскаго 1826 г., *N. Z.* 1828 г., Адольфа В. 1834 г. и Дашковскаго 1845 г.; «Цыганы» переведены г. Дашковскимъ 1845 г., Добржанскимъ 1881 г.

и Янишевскимъ; «Полтава» переведена еще въ 1834 г. г. Юцевичемъ.

Изъ драмъ мнѣ извѣстенъ переводъ «Каменнаго Гостя», сдѣланный г. Шимановскимъ въ 1843 г.

Такимъ образомъ полякамъ предстоитъ еще много труда по части усвоенія ихъ литературѣ произведеній нашего великаго поэта...

По слухамъ, къ юбилею Пушкина появится впрочемъ изданіе полнаго польскаго перевода его произведеній...

Переводческая дѣятельность болгаръ въ отношеніи Пушкина незначительна, что объясняется, конечно, почти полною возможностью для болгаръ читать этого поэта, какъ и вообще русскія книги, въ подлинникѣ; отсюда значительное сбереженіе дѣятельности литературныхъ силъ и направленіе ихъ на другое. Мнѣ извѣстны переводы слѣдующихъ произведеній: Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ—довольно сносный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и близкій къ подлиннику неизвѣстно кѣмъ сдѣланный стихотворный переводъ—и «Русалка»—такого же почти качества прозаическій переводъ г. Величкова со стихотворными вставками 1873 г. (Цариградъ въ печатница—та на Карапетровъ и друж.). Для образца этихъ переводовъ приводимъ слѣдующіе два отрывка, о достоинствѣ которыхъ сами читатели легко могутъ составить свое сужденіе:

- 1) По камъченца, по златенъ пѣськъ
Тихо тече бистра рѣчица;
Въ бистра рѣка плавать двѣ ми риби,
Двѣ ми риби, двѣ малки рибички.
А знаешъ ли ты, риба сестрице,
Каква жална с' случка случила?
Красна дѣвица се с ноши у нас удави
И любовника си люто прокълна. (Русалка).

Для удобства сравненія приводимъ это мѣсто и въ подлинникѣ:

По камушкамъ, по жолтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.

А слыхала ль ты, рыбка сестрица,
 Про вѣсти то наши про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ красная дѣвица утопилась,
 Утопая, милого друга проклинала?
 2) Едно време живѣлъ вѣкой дѣдо,
 Живѣлъ дѣдо съ своя стара баба.
 Край море-то, по край Черно море.
 Тѣ живѣли въ сламеница изба,
 И живѣли трийсетъ и три годинъ.
 Ловилъ дѣдо съ кърпенъ (ветхій, чиненый) неводъ риба,
 А та баба прѣла, шила, прала.
 Веднажъ (однажды) дѣдо неводъ въ море ввѣрля;
 Сбира неводъ—въ него само тиня.
 Вторъ пѣтъ дѣдо неводъ въ море ввѣрля;
 Сбира неводъ—само трѣва морска.
 Трети пѣтъ си дѣдо неводъ ввѣрля;
 Сбира неводъ—въ него чудна риба,
 Не голѣма (небольшая)—дивно чудо рыбка,
 Златоперка, съ позлатени луспи. (шелуха) (начало сказки о
 рыбацѣ и рыбкѣ) т. е.

Жилъ старикъ со своею старухой
 У самого синяго моря.
 Они жили въ ветхой землянкѣ
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.
 Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
 Старуха пряла свою пряжу.
 Разъ онъ въ море закинулъ неводъ—
 Пришелъ неводъ съ одной тиной;
 Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ—
 Пришелъ неводъ съ травой морскою;
 Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ—
 Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
 Съ непростою рыбкой, золотою.

Какъ видитъ читатель, переводы эти не особенно точны, а второй—даже и распространѣе подлинника (15 строкъ вм. 13; безъ особенной надобности повторены первая и послѣдняя строки подлинника). Такъ противъ точности грѣшатъ такія, наримѣръ, выраженія, какъ «соломенная изба» (сламеница изба) вм. ветхая землянка, «какой печальный случай случился» (каква жалка се случка случила)

вм. «про вѣсти, про наши, про рѣчныя», что, по нашему мнѣнію, сильно вредить и художественности и всему характеру поэтическаго изображенія... Затѣмъ слово «рыбки», замѣненное въ подлинникѣ словомъ «плотички», повторено въ переводѣ и т. д. Впрочемъ удивляться тутъ нечему: мы увидимъ ниже, что даже очень хорошіе вообще переводчики, какъ напримѣръ, сербскій поэтъ Змай Іовановичъ, не всегда удачно справлялись съ твореніями Пушкина, затруднительными вообще для перевода вслѣдствіе поразительной ихъ сжатости. Нашъ поэтъ умѣлъ пускать въ ходъ только то, что прямо относилось къ дѣлу и чрезвычайно удачно избѣгалъ такъ называемой словесной «воды», всего того, что служить не къ обогащенію мысли какими нибудь новыми данными, а лишь къ ненужнымъ ея повтореніямъ на разные лады...

Этимъ необычайнымъ искусствомъ Пушкина писать сжато, избѣгая излишней расплывчатости и ненужныхъ подробностей, прямо, безъ излишнихъ околичностей браться за предметъ, поражался, какъ извѣстно, даже Л. Н. Толстой, совѣтовавшій, напримѣръ, начинать романы и повѣсти такъ, какъ начать у Пушкина одинъ отрывокъ изъ «Египетскихъ ночей:» «Гости съѣзжались на дачу...» Отъ такого начала онъ пришелъ прямо въ восхищеніе. «Вотъ какъ слѣдуетъ начинать писать! сказалъ онъ: это сразу вводитъ читателя въ интересъ». Какъ извѣстно, и самъ нашъ знаменитый романистъ слѣдовалъ примѣру Пушкина, и въ такомъ духѣ, напримѣръ сдѣлано начало «Анны Карениной».

(См. книгу г. Сергѣенка «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой» 72 стр.).

Указаннымъ свойствомъ поэтическаго дарованія Пушкина обладали очень немногіе изъ великихъ поэтовъ всего человѣчества, и эта особенность творца нашей новой поэзіи чрезвычайно затрудняетъ переводчикамъ достойную подлинника передачу его твореній на другіе языки.

У хорватовъ имѣется удачный переводъ «Евгенія Онѣгина» сдѣланный въ 1881 г. Тернскимъ (Evgenij Onjegin.

Загребъ XXXII 176 стр.) и болѣе ранній—1860 г., сдѣланный Димитровичемъ, который перевелъ тогда же и поэмы: «Полтаву» и «Русланъ и Людмила». Сербскій переводъ «Капитанской дочки» сдѣланъ еще въ 1849 г.

Одинъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ Змай Юванъ Ювановичъ тоже испытывалъ свои силы въ переводахъ изъ Пушкина. Мнѣ извѣстны его переводы стихотвореній Шотландская пѣсня (Воронъ къ ворону летитъ) и Черная шаль, и начальнаго отрывка изъ «Полтавы» (1-я половина первой пѣсни). Поэтъ Митя Поповичъ перевелъ «Испанскій романсъ» (ночной зефиръ струитъ эфиръ). Исторія Пугачевского бунта имѣется въ переводѣ Милутина.

Для образца сербскихъ переводовъ я приведу изъ Ювановича начало его перевода «Полтавы»:

Кочубей ти много вреди
Јер је богатъ па на гласу:
Ниве су му недогледѣ,
Грдне паше и поляне,
Где ергеле (табуны) небројане
У слободи пасу.
Уз Полтаву, колика је
Његове су кутје, стаје,
Има крзна, сребра, рува,
Има пуно скупа блага,
Не треба га ни да чува,
Не броји га и не зна га.
Кочубеју ни је дика
Богаштина сваколика
Ни ти върти (сады), ни те ниве,
Ни ергеле дугогриве,
Ни ти златни кримски дари,
Друго има јунак стари:
Младу чѣрку, цвѣт у роси,
Њоме с'дичи и поноси.

Богатъ и славенъ Кочубей

Его луга необозримы
Тамъ табуны его коней
Насутся вольны, не хранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами
И много у него добра
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.

Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ—данью крымск. арзъ,
Не родовыми хуторами—

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И здѣсь, какъ замѣтитъ, конечно, читатель, недостатокъ приведеннаго перевода заключается главнымъ образомъ въ его большей распространенности, такъ сказать,

болтливости, сравнительно съ чрезвычайно сжатымъ изложениемъ подлинника—обычнымъ достоинствомъ произведений Пушкина: на 15 строкъ подлинника приходится 20 строкъ перевода. Правда полное соотвѣтствіе перевода подлиннику даже въ отношеніи количества стиховъ—дѣло чрезвычайно трудное и иногда даже недостижимое; но все же переводчику необходимо не слишкомъ ужъ вдаваться въ излишнія повторенія и стараться по возможности придерживаться подлинника и въ отношеніи количества стиховъ...

Важнѣе, конечно, другая сторона дѣла—насколько переводчикъ сумѣлъ передать самый духъ подлинника, перевоплотить, такъ сказать, чуждое произведение со всѣми его своеобразными особенностями содержанія, слога, способа поэтическихъ изображеній и т. п. Въ этомъ отношеніи насъ болѣе удовлетворилъ Іовановичевъ переводъ не „Полтавы“, а „Шотландской пѣсни“,—переводъ, удавшійся по эту даже и въ отношеніи количества стиховъ, а равно и размѣра, однороднаго съ подлинникомъ, именно четырехстопнаго хорea съ римами сосѣдними, а не перескакивающими черезъ стихъ. Переводъ „Полтавы“, грѣшитъ, какъ замѣтили читатели, и относительно размѣра: четырехстопный ямбъ подлинника обратился въ четырехстопный хорей! Правда, сербамъ, по условіямъ акцентуаціи ихъ языка, удобнѣе и, такъ сказать, свойственнѣе эта послѣдняя стопа; но все же они нерѣдко пользуются и ямбомъ, что можно видѣть хотя бы у того же Іовановича въ стихотвореніи, на примѣръ, «Андъво србски:»

Та што не види свако,
Што можда само ја
Ох, како тужна суза, (слеза)
Та чиста суза сја!
На лицу свети боли,
Србски је анд'о то...

и т. д.

Считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ Іовановичевъ переводъ «Шотландской пѣсни», чтобы читатель могъ лучше судить о его достоинствѣ.

Мъртав гладан гавран лети
Не мож' выше глад поднети (перенести),

Вет' (но) умоли друга свога:
Казуј хране (пищу), тако т' Бога.
Знам ја хране, друг му вели,
Колико ти сѣрдце жели:
Под планином, кървав, бледан
Мъртав лежи конѣик један.
Ко га стиже, ко га смаче (кто убиъ его)
Нъегов сиви соко (лъ) значе (узнаетъ)

Значе нъегов вранац вити
И люба му, може бити.
Соко тужан пао нице,
Вранац тужи код убице,
Люба чека любленого,
Ал' не војна, вечь другога.

Воронъ къ ворону летитъ
Воронъ ворону кричить:

Воронъ, гдѣ-бъ намъ пообѣдать
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракистой
Богатырь лежитъ убитый.
Кѣмъ убитъ и отчего,

Знаетъ соколъ лишь его

Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Соколъ въ рощу улѣтълъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милаго,
Не убитого, живаго!

Трудно, намъ кажется, перевести ближе къ подлиннику и вообще удачнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ сербскій переводчикъ, не только сберегшій внѣшнюю близость и точность, но и, что всего важнѣе, постигшій, повторяю, самый духъ подлинника, его колоритъ, краски... Вотъ почему невольно приходится пожалѣть, что Іовановичъ такъ мало удѣлилъ вниманія Пушкину, гораздо, несравненно меньше, во всякомъ случаѣ, чѣмъ мадѣярскимъ поэтамъ: у этого сербскаго стихотворца есть всѣ данныя для болѣе или менѣе удачнаго усвоенія сербской литературѣ твореній величайшаго изъ славянскихъ геніевъ-художниковъ слова!

Изъ серболужицкихъ переводовъ я знаю только «Złota ryba» (Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ); онъ сдѣланъ г. М. Б. и помѣщенъ въ ежемѣсячникѣ «Lužica» за 1896 г. №№ 11 и 12. Приводимъ для сравненія окончаніе сказки:

Smiluj somi mocna ryba!
Što bych činiť z blaznej babu?

Смилуйся, государыня рыба!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?

Kralowna być dlěje njecha,
 Ale morská knjeni mocna!...
 Z wopušku sej ryba zehra—
 Spluny do hlubokoh morja—
 Dołgo rybak, dołgo čaka
 Wotmołwy sej njedočaka
 Wróci so zas k swojej žonje...
 Hlej, tu přéd nim khězka nizka,
 Na prozy tam stara sedži,
 Pódlá—rozsušene mjedki.

Ужъ не хочетъ быть она царицей,
 Хочетъ быть владычицей морскою...
 Ничего не сказала рыбка,
 Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
 И ушла въ глубокое море.
 Долго у моря ждалъ онъ отвѣта;
 Недождася, къ старухѣ воротился;
 Глядь, опять передъ нимъ землянка,
 На порогѣ сидитъ его старуха,
 А передъ нею разбитое корыто.

Указанный серболужицкій переводъ, по тщательномъ сравненіи съ подлинникомъ, мы нашли довольно удачнымъ не только по общему сохраненію духа и колорита пушкинской сказки, но даже и въ отношеніи стихотворнаго размѣра и количества стиховъ, что, конечно дѣлаетъ честь скромному переводчику, скрывшему свое имя подъ начальными буквами ¹⁾).

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ въ сущности недостаточно извѣстенъ нашимъ соплеменникамъ Пушкинъ, если даже предположить, что въ нашемъ изложеніи сдѣлано немало пропусковъ. Не переведено, во всякомъ случаѣ, еще очень много важнаго и характеристичнаго для поэта, и нужно пожелать поболѣе гостепріимства его произведеніямъ у западныхъ и южныхъ славянъ. Дай же Богъ, чтобы столѣтній юбилей великаго поэта послужилъ къ возбужденію у нихъ интереса къ нему и подалъ поводъ къ появленію болѣе или менѣе полныхъ переводовъ его твореній на всѣ славянскія нарѣчія. Тогда, наконецъ, исполнится и то предсказаніе поэта, въ силу котораго его «назоветъ всякъ сущій въ ней языкъ: и гордый внукъ славянъ, и финнъ и нынѣ дикій тунгусъ и другъ степей калмыкъ». Это будетъ, дѣйствительно, наиболѣе прочный и плодотворный ему памятникъ!

¹⁾ Этотъ же М. Б. недурно переводилъ и изъ другихъ русскихъ поэтовъ. Между прочимъ въ той-же „Лужицѣ“ находимъ въ №№ 1—2 за 1897 г. удачный переводъ стихотворенія Шевченка „Тополя“ (Topol) съ полнымъ сохраненіемъ размѣра:

Po dubrawie wêtr wêje
 Po polu so hori и т. д.

1-е Приложение:

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь въ русскомъ переводѣ слѣдующее стихотвореніе извѣстнаго словацкаго поэта Браксаториса (Сладковича), прекрасно характеризующее ту глубину и силу чувству, какую способны были внушить нашимъ братьямъ—славянамъ творенія вѣщаго русскаго пѣвца (переводъ сдѣланъ Н. Бергомъ и напечатанъ въ книгѣ Гербеля «Поэзія славянъ» Спб. 1871 г.):

Пѣвецъ полуночи! Ты братъ души моей,
О геній, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
Зачѣмъ такъ рано взять могилой?
Пѣвецъ полуночи! Люблю твой вѣщій гласъ,
Гарема игры и забавы,
Люблю пылающій войною твой Кавказъ,
Люблю я громъ твоей Полтавы.
Люблю черкешенку прелестную твою;
Мнѣ милъ и сумрачный Евгенийъ,
И грустный Ленскій твой: надъ нимъ я слезы лью.
Во всемъ, во всемъ ты—дивный геній!
Угасъ—и сколько слезъ повсюду пролилось!
Печальное настало время...
Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
Наславъ на чеховъ вражье племя?...

2-е Приложение:

Списокъ переводовъ изъ Пушкина на разныя славянскія нарѣчія:

1826, Бахчисарайскій фонтанъ Вильно 1826 120. Изд. Завадскаго. Польскій переводъ А. В. Рогальскаго; отзывъ въ „Московскихъ Вѣдом.“ 1826 г. № 36.

1828, Бахчисарайскій фонтанъ и Братья разбойники. Польскій переводъ Н. І. З. Варшава.

— Кавказскій плѣнникъ. Польскій перев. безъ обозначенія имени переводчика. Варшава.

1830. Два ворона. Малорус. переводъ въ „Вѣстникъ Европы“ ч. 170 № 3.

1831 Полтава. Малорос. переводъ Е. Гребенки въ Московск. телеграфѣ ч. 41 № 17. Изданъ и отдѣльно въ 1836 г. (вольный переводъ) посвящен. Пушкину.

1831 Полтава, Отрывочный малорусскій пересказъ А. Г. Ш. (Пигоцкаго) въ «Украинскомъ альманахѣ».

1834. Бахчисарайскій фонтанъ. Польск. переводъ Адольфа В. Варшава.

— Полтава. Польск. перев. Адама Юпевича. Вильно.

1841 Зимній вечеръ. Малорос. переводъ Боровиковскаго въ «Ластовкѣ», сборн. Гребенки.

1845. Цыганы, Братья разбойники, Бахчисарайскій фонтанъ и черкесская пѣсня изъ Кавказскаго плѣнника. Польск. переводъ Е. Дашковскаго. Петербургъ (см. *Niezarominajki Ukrainza*).

1847. Евгенийъ Онѣгинъ, польск. перев. Адама Сикорскаго. Вильна.

— Капитанская дочка, чешскій переводъ К. Стефана Прага.

1849. Капетанова чѣрка, Од. А. Пушкина. Бѣлградъ 1849 года.

1854. Бахчисарайскій фонтанъ, чешскій переводъ В. Бендля. Прага.

Отзывъ о переводѣ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина на чешскій языкъ см. въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщ. 1854 г. ч. 84, 61—64 стр.

1859. Русланъ и Людмила. Хорватск. перев. Спир. Димитровича. Загребъ.

— Чешскій переводъ В. Бендля, посвящен. Палацкому (Бахчисарайск. фонтанъ, Братья разбойники, Цыганы, Кавказскій плѣнникъ, графъ Нулинъ, Полтава, Борисъ Годуновъ, Евгенийъ Онѣгинъ). Писекъ.

1860. Хорватскій перев. Спирид. Димитровича (278 и 277 стр. Полтава, Братья разбойники, Цыганы) Загребъ.

1861. Словацкій переводъ нѣкоторыхъ вещей Пушкина, сдѣлан. Андр. Сладковичемъ.

1863. Кавказскій плѣнникъ. Сербскій перев. (кавказск. роб.) Бѣлградъ.

1864. Дубровскій. Сербскій переводъ Милутина Стакича, соборн. діакона. Бѣлградъ.

1867. Полтава. Сербск. перев. въ «Матицѣ» Нов. Садъ;
— Черная Шаль „ „ въ «Вилѣ» Бѣлградъ.

1868. Утопленникъ. Червонорусскій переводъ Гетманца въ «Правдѣ» Львовъ.

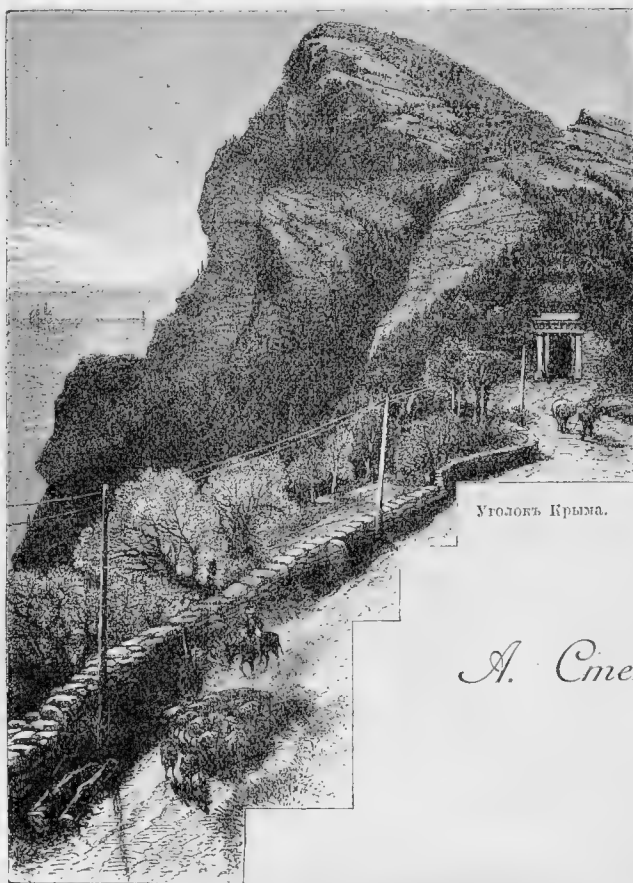
— Зимній вечеръ. Червонорусскій перев. въ «Правдѣ» Львовъ.

1871. Братья разбойники. Польскій переводъ Богумила Асписа. Варшава.

— Капитанская дочка. Польск. переводъ неизвѣстнаго.¹ Варшава.

1875. Капитанская дочка (капитанъ дщеря). Болгарскій переводъ. Бухарестъ.

— Цыганы. Польскій переводъ Л. Янишевскаго. Варшава (безъ обозначенія года).

Утолокъ Крыма.

А. Степовичъ.

Религиозный элементъ въ произведеніяхъ

А. С. Пушкина.

Въ было время, когда великаго нашего поэта А. С. Пушкина упрекали въ безбожїи, и въ поэзіи его, разсматриваемой съ религіозной точки зрѣнія, находили выраженіе только легкомыслія поэта. Странно какъ-то слышать такой сильный упрекъ тому, котораго на Русіи признали,—по почину его же друга—поэта христіанина В. Л. Жуковскаго,—національнымъ поэтомъ, т. е. пѣвцомъ и выразителемъ чувствъ и мыслей народа Русскаго, издавна прославившагося своею преданностію Православной вѣрѣ и Церкви. Вполнѣ справедливо замѣтилъ академикъ Я. К. Гротъ, что упрекать въ безбожїи Пушкина могутъ только тѣ, кто основательно не изучилъ его произведеній¹⁾. Правда, произведенія поэта даютъ намъ полное право сказать, что лишь къ концу своей жизни Пушкинъ окрѣпъ въ христіанскомъ религіозномъ чувствѣ; но изъ его же произведеній мы видимъ, что и въ болѣе ранніе годы его великомощная душа не чужда была религіи, понимаемой въ смыслѣ душевнаго стремленія къ Богу. Что онъ по временамъ, особенно въ юности, легкомысленно выражался о Православной вѣрѣ, заблуждался въ ней—это его грѣхи, которые да проститъ ему Господь! Но легкомысліе юности онъ самъ созналъ и оплакалъ; временный скептицизмъ

¹⁾ Вѣнокъ на памятникъ А. С. Пушкина. С. Петербургъ 1880 г. стр. 233.

страхнулъ съ своей души. Намъ же, въ руководство къ правильному сужденію о его религіозности, слѣдуетъ принять его же слѣдующія строки: „Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ это хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставить на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственного бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одними своими странностями.... Скептицизмъ въ душѣ можетъ быть только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“. ¹⁾ Имѣя въ виду эти слова А. С. Пушкина и основываясь на его произведеніяхъ, болѣе компетентные судьи такъ характеризуютъ религіозныя воззрѣнія его; „величайшій нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ—былъ любимый сынъ Отца Небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблуждающійся, а въ тяжелой смерти—сынъ кающійся; онъ родился христіаниномъ, жилъ полухристіаниномъ и полужычникомъ, а умеръ христіаниномъ, примиреннымъ со Христомъ и Церковію“. ²⁾

Въ настоящее время почти во всѣхъ біографіяхъ А. С. Пушкина можно находить упоминаніе о религіозныхъ воззрѣніяхъ его въ разные періоды жизни,—указаны въ нихъ и нѣкоторые стихотворенія его религіознаго содержанія. Но высказанныя вскользь замѣчанія этого рода не даютъ цѣльнаго представленія о религіозныхъ убѣжденіяхъ нашего поэта. Въ виду этого мы и намѣрены въ болѣе или менѣе хронологическомъ порядкѣ отмѣтить религіозный элементъ въ произведеніяхъ Пушкина, чтобы по одному очерку можно было видѣть, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался онъ при жизни. Очерку даемъ заглавіе—„религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“, хотя будемъ говорить и о религіозныхъ воззрѣніяхъ поэта. Если бы мы озаглавили

¹⁾ А. Пушкинъ. Анекдотъ о Байронѣ.

²⁾ Рѣчь Архіепископа Одесскаго Никанора при поминаненіи А. С. Пушкина, по истеченіи 50-я лѣтія со дня его кончины. Поученія. Одесса 1890 г. т. I стр. 253.

свою работу такъ: „религіозный элементъ въ произведеніяхъ и личные религіозныя воззрѣнія Пушкина“, то, для выполненія второй половины темы, потребовался бы болѣйшій трудъ, чѣмъ какой мы можемъ удѣлить, да и работу пришлось бы расширить подробнымъ указаніемъ всѣхъ условій, при которыхъ въ душѣ поэта составилось такое или иное религіозное міровоззрѣніе. Если мы, изслѣдуя произведенія Пушкина, отмѣченныя характеромъ религіозности, касаемся личности поэта, то по той простой причинѣ, что признаемъ за произведеніями Пушкина не одно высоко-художественное значеніе, но и біографическое, т. е. что въ нихъ Пушкинъ выражаетъ свои дѣйствительныя помыслы, надежды, стремленія и идеалы.

I.

Изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина мы отмѣчаемъ три: „Сонъ“, „Боже Царя храни“ (оба относятся къ 1816 г.) и „Безвѣріе“, прочитанное поэтомъ 9 Іюня 1817 г. на выпускномъ публичномъ экзаменѣ въ Царскосельскомъ лицѣѣ.

Въ стих. „Сонъ“ читаемъ слѣдующіе строки, вѣющіе теплотою религіознаго чувства, согрѣтаго въ сердцѣ поэта въ дѣтскіе годы:

«—Дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье!
«Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
«О прелести таинственныхъ ночей.
«Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
«Она, духовъ молитвой уклоня,
«Съ усердіемъ перекреститъ меня,
«И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ.
. . . . .
«Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
«Чуть освѣщаль глубокія морщины....

Какъ глубоко напечатлѣлся въ душѣ поэта два дѣтскихъ религіозныхъ воспоминанія,—одно, связанное съ личностію доброй няни, какъ она съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ укладывала его въ постель, и другое о простой лампадкѣ предъ иконой! Няня Пушкина, кажется, была

единственнымъ религіознымъ воспитателемъ его. Повидимому, ни отецъ, о которомъ Пушкинъ вообще отзывался малопочтительно, ни мать, о которой онъ не упоминаетъ, не заботились о религіозномъ воспитаніи своего сына, предоставивши это трудное дѣло доброй нянѣ. У послѣдней, въ годы первоначальнаго обученія Пушкина, явился хорошій помощникъ, способствовавшій развитію ума Пушкина въ познаніи христіанской вѣры, — это священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, котораго біографъ поэта г. Анненковъ называетъ „самымъ дѣльнымъ наставникомъ отрока Пушкина“. ¹⁾ Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину (отъ 25 авг. 1823 г.) поэтъ сознается, что онъ „знаетъ Законъ Божій“. Это и все, что въ дѣтскіе годы религіозно настроивало А. С. Пушкина; а прочее могло только развращать и губить его юную душу. Одиннадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, зная наизусть всю современную французскую литературу, со всѣми вольнодумными матеріалистическими и соблазнительными произведеніями, которыми было такъ богато 18-е столѣтіе. Лицейсты, вслѣдствіе своей незрѣлости и легкаго взгляда на жизнь, съ особеннымъ удовольствіемъ читали сатирическіе, эротическіе и вакхическіе бездѣлки. И юный лицеистъ Пушкинъ, геній котораго уже началъ сказываться, значительную часть лицейскаго досуга отдавалъ такого рода произведеніямъ. Начальникъ лицея Энгельгардтъ, знавшій циничные стихи, злыя эпиграммы и молодецескія похощенія Пушкина, отзывался о немъ, какъ объ юношѣ, у котораго „сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи“. Впослѣдствіи г. Энгельгардтъ перемѣнилъ такое мнѣніе на лучшее. Да оно и понятно. Изъ приведеннаго стихотворенія видно, что онъ любилъ свою няню. Теплою любви дышетъ и другое стихотвореніе:—

«Боже Царя храни!
«Славному долги дни
«Дай на земли....

Въ сердцѣ, о которомъ говорилось, что въ немъ нѣтъ любви, однако нашлись: „гласы умиленія и благодаренія

¹⁾ Матеріалы къ біографіи. С. Петербургъ 1873 г. стр. 12.

„Богу за Царя“. Въ пору юношескихъ проказъ выплываетъ воспоминаніе о простой глиняной лампадкѣ, мерцающей слабымъ свѣтомъ надъ иконой въ дѣтской; и этой лампадкѣ, по выраженію г. Сумцова, суждено было сдѣлаться „путеводной звѣздой Пушкина“, ¹⁾ въ смыслѣ сохраненія и развитія въ немъ религіознаго чувства.

Чтобы не повторяться, допускаемъ небольшое отступленіе отъ намѣченного хронологическаго изученія произведеній Пушкина.

Глубоко врѣзавшійся въ душу геніальнаго ребенка свѣтъ лампы предъ иконой сохранился въ душѣ поэта на всю жизнь, и онъ нерѣдко упоминаетъ о лампадѣ. Напримѣръ, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ (1822 г.) уединенная спальня плѣнницей Маріи обрисована такъ:

«Тамъ день и ночь горитъ лампада
«Предъ Ликомъ Дѣвы Пресвятой—
«Души тоскующей—отрада.

Въ стихотвореніи „Андрей Шенье“ (1825 г.), въ казематѣ заключеннаго въ тюрьму поэта, предъ казнью его,—

«Лампады тихій свѣтъ
«Блѣднѣлъ предъ утренней зарей...

Пименъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ (1825 г.) пишетъ свою лѣтопись предъ догорающей лампадой. А въ „Подражаніяхъ Корану“ (1824 г.) имѣются цѣлыхъ два стихотворенія, порожденныхъ свѣтомъ лампы (VII):

«Встань, боязливый,
«Въ пещерѣ твоей,
«Святая лампада
«До утра горитъ.
«Сердечной молитвой,
«Пророкъ, удали

«Печальныя мысли,
«Лукавыя сны!
«До утра молитву
«Смиренно твори;
«Небесную книгу
«До утра читай!

„Ночныя и утреннія молитвы, замѣчаетъ г. Поливановъ, ²⁾ неоднократно предписываются въ Коранѣ. Предста-

¹⁾ Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. II, стр. 71.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Москва 1887 г. т. II, стр. 140.

вить же въ картинѣ это удаленіе пророка для чтенія Корана и для молитвы въ пещерѣ, при свѣтѣ лампы,—уже собственный замыселъ поэта“, свидѣтельствующій о жизненности религіозныхъ впечатлѣній дѣтства.

Третье лицейское стихотвореніе Пушкина „Безвѣріе“ слѣдуетъ признать истинно—назидательнымъ по глубоко—правдивому изображенію душевныхъ мукъ „отпаднаго вѣры сына“. Умъ этого несчастнаго ищетъ Божества, а сердце пусто. Вотъ онъ на кладбищѣ ищетъ вѣры сердца.---

«Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ,
«Гдѣ Делии его таится пепелъ милый...
«Къ кресту прикинулъ онъ безчувственной главой;
«Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья
«Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья,
«Дрожить!...

Но и тутъ его сердце глухо для вѣры; въ немъ кипитъ лишь страсть, да копошится уныніе.

«Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
«Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей;
«При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
«При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
«Тревожится его безвѣрное мученье.
«Онъ Бога тайнаго нигдѣ не зреть,
«Съ померкшею душой святынь предстоить;
«Холодный ко всему и чуждый умиленью,
«Съ досадой тихому внимаешь онъ моленью.

Не смѣемъ утверждать, что все здѣсь изображенныя тяжелыя состоянія „безвѣрнаго мученья“ въ разсматриваемое время переживалъ самъ Пушкинъ. Лица его, въ два послѣдніе года пребыванія въ лицѣѣ, начала звучать меланхолически; очевидно, лицейская жизнь надломила его добрыя дѣтскія чувства и въ числѣ ихъ религіозное. Выходя изъ лица, поэтъ сознаетъ, что уноситъ съ собой одну религіозную пытливость ума и сердце, кипящее страстями, уносящими его далеко—далеко отъ центра истинной жизни въ Богѣ во власть темныхъ силъ.

II.

Юношей 19-ти лѣтъ явился А. С. Пушкинъ въ шумномъ столичномъ обществѣ. Съ неутомимой жаждой своей живой и страстной натуры набросился онъ на всѣ удовольствія общества. Его жизнь и въ столицѣ и потомъ въ первые годы пребыванія на югѣ Россіи была временемъ торжества Киприды и Вакха („Вакхическая пѣснь“). Его умъ закружился отъ вихря либеральнаго духа, проносившагося тогда надъ русскою жизнью. Конечно, этотъ либеральный духъ волновалъ и пѣнилъ только поверхность русской жизни, но именно въ ней-то и плавалъ Пушкинъ. И была-ли какаянибудь возможность для его чуткой и отзывчивой на все, какъ доброе, такъ и дурное, натуры, не увлечься этимъ вихремъ, и не повторить его отголосковъ въ своей поэзіи?! Произведенія нашего поэта, созданныя въ Александровскую эпоху, дѣйствительно являются отголоскомъ этихъ вѣяній. Разсматриваемыя со стороны религіознаго элемента произведенія этой эпохи носятъ на себѣ характеръ двойственности,—то въ нихъ отражается легкомысленное и даже кощунственное отношеніе къ христіанской вѣрѣ, то наоборотъ сознаніе величія христіанскаго просвѣщенія,—то приближеніе къ Богооткровенной истинѣ, а то и стремленіе замѣнить религію разумомъ. Въ 1821 году Пушкинымъ написано легкомысленное стихотвореніе—„Еврейскѣ“, въ которомъ онъ выражаетъ готовность за поцѣлуй Ревекки оставить законъ Богочеловѣка и приступить къ вѣрѣ Моисея. Въ началѣ Апрѣля того же года онъ изъ Кишинева писалъ В. Л. Давыдову:

«Я сталъ уменъ, и лицемѣрю;
 «Пошусь, молюсь и твердо вѣрю,
 «Что Богъ проститъ мои грѣхи,
 «Какъ Государь—мои стихи.
 «Говѣтъ Инзовъ, и наемни
 «Я промѣнялъ Вольтера бредни
 «И лиру,—грѣшный даръ судьбы,
 «На часословъ и на обѣдни,
 «Да на сушеные грибы.

Далѣе въ томъ же письмѣ—страшное кощунство надъ таинствомъ Евхаристіи. Эти созданія Пушкинской лиры чи-

таются съ отвращеніемъ. За то съ пріятнымъ чувствомъ читаемъ слѣдующее историческое замѣчаніе.»—Екатерина явно гнала духовенство,.. угождая духу времени. Но, лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“.

„Въ Россіи вліяніе духовенства было благотворно..... Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ“. (Истор. замѣчанія 2 Августа 1822 г. Кишиневъ).

Изъ этого наброска мыслей видно, что Пушкина занималъ вопросъ о значеніи церкви для русскаго просвѣщенія и объ отношеніи Православія къ русской народности. Эти его взгляды показываютъ спокойное и вдумчивое рѣшеніе намѣченнаго вопроса и сознаніе имъ величія Православнаго вѣроисповѣданія.

Теперь, если сопоставить сознаваемое Пушкинымъ величіе Православія съ вышеприведенными легкомысленными и кощунственными выраженіями его именно о Православной вѣрѣ, получится странная двойственность христіанскихъ воззрѣній его. Очевидно, такая двойственность въ отношеніи къ Православію и закралась въ душу поэта въ разсматриваемое время. На почвѣ этой двойственности въ немъ зародилось сомнѣніе—или скептицизмъ, представленный имъ въ поэтическомъ образѣ „Демона“. Образъ „Демона“ сложился въ фантазіи Пушкина въ 1823 г. въ такихъ чертахъ:

«Его улыбка, чудный взглядъ,

«Его язвительныя рѣчи

«Вливали въ душу хладный ядъ.

«Неистошимой клеветой

«Онъ Провидѣнье искушалъ....

. . . . .

«И ничего во всей природѣ

«Благословить онъ не хотѣлъ..

Итакъ повальное отрицаніе всего святого—вотъ тотъ демонъ, который искушалъ Пушкина. О томъ, какъ поэтъ отнесся къ этому искушенію, узнаемъ изъ набросковъ къ XLV строфѣ I гл. и „Евгенія Онѣгина.“

«Мнѣ было грустно, тяжело, больно,

«Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,

«Онъ сочеталъ меня невольно

«Своей таинственной судьбѣ;

«Я сталъ взирать его очами,

«Съ его печальными рѣчами

«Мои слова звучали въ ладъ. ¹⁾

На долго-ли Пушкинъ подпалъ вліянію этого „демона“, и какой результатъ въ отношеніи къ его религіознымъ воззрѣніямъ произошелъ отъ духа сомнѣнія и отрицанія,—передаютъ письма поэта. Въ Мартѣ 1824 г. изъ Одессы Пушкинъ пишетъ „неизвѣстному лицу въ Москвѣ“:—„Читая Библію Святой Духъ иногда мнѣ не по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира.... Беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ (Гунчисонъ), единственный умный аеей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, что бы доказать qu'il ne peut exister d' être intelligent créateur et régulateur (что нѣтъ разумнаго Творца и Промыслителя), мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная“... Эти самыя слова и послужили поводомъ къ весьма тяжкому обвиненію Пушкина въ безбожіи, о чемъ упомянуто въ началѣ нашего очерка. „Но, взглядываясь внимательно въ отношенія Пушкина къ учителю атеизма Гунчисону, который, замѣтимъ въ скобкахъ, пять лѣтъ спустя былъ уже

¹⁾ Л. Поливановъ. Сочиненія Пушкина, т. I. стр. 144.

ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви въ Лондонѣ, мы, говоритъ профессоръ В. В. Никольскій, ¹⁾ не можемъ думать, чтобы онъ произвелъ на Пушкина серьезное вліяніе. Въ письмѣ къ Казначееву, правителю канцеляріи графа Воронцова, письмѣ оффиціальномъ, но въ тоже время крайне откровенномъ и рѣзкомъ, Пушкинъ прямо называетъ своего учителя „прощальгой“ (galopin), а его уроки, пошлой болтовней. Вѣрнѣе всего эти отношенія можно опредѣлить пушкинскими же стихами („къ вельможѣ“) къ князю Юсупову:

«И скромно ты внималъ,
«За чашей медленной, аею или деисту,
«Какъ любопытный скиѣъ аѣинскому софисту»....

Своему другу—В. Л. Жуковскому, въ письмѣ отъ 6 Марта 1826 г., Пушкинъ признается: „Его Величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось *сужденіе объ аѣеизмѣ, сужденіе лежкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.*“ Идеальная натура поэта стряхнула гнетъ скептицизма, временнаго настроенія его своенравнаго ума, ищущаго свѣта Божественной истины изъ устъ людей, одержимыхъ недугомъ мракобѣсія. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма“ не можетъ „объять Его“ (Іоан. 1, 5—6). Этотъ Божественный Свѣтъ предсталъ предъ очами нашего временнаго скептика—поэта, начавшаго, въ настроеніи исканія истины, читать Библию. Взявшись за Библию—Пушкинъ въ началѣ чтенію ея предпочиталъ Гете и Шекспира. Впрочемъ сразу и невозможно было ожидать благоговѣнія предъ Библіей со стороны Пушкина. Ужъ слишкомъ далеко ушелъ онъ отъ Божественнаго Свѣта! Много мрачныхъ заблужденій накопилось въ его душѣ, и не легко было ему подняться на высоту чистѣйшей истины! И его истинное религіозное оживленіе происходитъ медленно, но за то прочно; внѣшнимъ образомъ начало этого оживленія совпадаетъ съ временемъ пребыванія Пушкина въ с. Михайловскомъ Псковской губерніи, съ конца—1824 года.

¹⁾ Идеалы Пушкина. Христ. Чит. 1882. т. I. стр. 501.

III.

Изучая произведенія А. С. Пушкина, написанныя имъ со времени возвращенія въ село Михайловское, религіозный элементъ мы отмѣтили въ слѣдующихъ произведеніяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ:

1824 г.—„Подражанія Корану“ (стих.)

1825 г.—„Подражаніе кн. Пѣснь Пѣсней“ (стих.)

„ г.—Изъ драмы „Борисъ Годуновъ“ сцена 5 („Келья въ Чудовомъ монастырѣ“) и сцена 9 („Домъ Шуйскаго“).

1826 г.—„Пророкъ“ (стих.)

1827 г.—„Ангель“ (стих.)

1828 г.—„Воспоминаніе“ (стих.)

„ г.—„Предчувствіе“ (стих.)

26 Мая 1828 г. „Даръ случайный“ (стих.)

„ „ „ „ Пѣснь 2-я изъ „Полтавы“ (поэма)

1829 г.—„Монастырь на Казбекѣ“ (стих.)

„ г.—„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ (стансы)

„ г.—„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“ (стих.)

„ г.—„Галубъ“ (поэма)

„ г.—„Путешествіе въ Арзрумъ (Эрзерумъ), глава первая“;

1830 г.—„Стансы“ (стих. отвѣтъ митрополиту Филарету),

„ г.—„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (стих.);

„ г.—„Мадонна“ (стих.);

1832 г.—„Юднѣ“ (стих.);

1834 г.—„Странникъ“ (стих.);

„ г.—„Къ Н“ (стих.);

1835 г.—„Туча“ (стих.);

1836 г.—„Подражаніе итальянскому“ (стих.);

„ г.—„Къ Распятію“ (стих.);

„ г.—„Замѣтка на „словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Русской церкви“ Князя Эристова;

„ г.—„Молитва“ (стих.);

„ г.—„Замѣтка на сочиненіе Сильвіо Пеллико—„объ обязанностяхъ человѣка“;

„ г.—„О сочиненіяхъ Архіепископа Георгія Конисскаго“.

Въ параллель къ этимъ укажемъ на письма Пушкина,—какъ то:

- 1, три письма къ брату—Льву С. Пушкину (с. Михайловское—въ полов. Ноября 1824 г., 4 Дек. 1824 г. и Янв. 1825 г.);
- 2, два письма къ Л. С. Пушкину и одно къ П. Л. Вяземскому (Село Михайл.—7 Апр. 1825 г.);
- 3, три письма В. Л. Жуковскому (с. Михайл. 17 Августа 1825 г., Янв. 1826 г. и 6 Марта 1826 г.);
- 4, письмо П. А. Плетневу (Москва, 7 Янв. 1831 г.);
- 5, П. Я. Чаадаеву (Царское село 6 Июня 1831 г.);
- 6, Къ Н. Н. Гончаровой (С. Пет. 17 Апр. 1834 г.), и другіе.

Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ выраженій этихъ писемъ съ вышеперечисленными произведеніями, религіозныя воззрѣнія нашего поэта за періодъ его жизни отъ конца 1824 г. по 1836 г. представляются намъ такими. Въ періодъ уединенной жизни въ с. Михайловскомъ, послѣ прежнихъ, бурно-проведенныхъ дней, его религіозная мысль сильно начала работать. Но въ началѣ устойчивости, опредѣленности въ религіозныхъ воззрѣніяхъ его нѣтъ; и только въ послѣдніе годы жизни въ душѣ его крѣпнеть христіанское религіозное настроеніе. На первыхъ порахъ пребыванія въ Михайловскомъ А. С. Пушкинъ съ цѣлію найти вѣчную—Божественную истину, для успокоенія мятущагося духа, одновременно усиленно занялся и чтеніемъ Библіи и магометанскаго Корана. „Библію, Библію! и французскую непременно“, проситъ онъ брата въ одномъ письмѣ,—въ другомъ опять повторяетъ ту же просьбу и замѣчаетъ: „Библія для христіанина—тоже, что исторія для народа. „Слѣпой священникъ перевелъ Сираха, издаетъ по подпискѣ,—подпишись на нѣсколько экземпляровъ“—вотъ и еще просьба брату же. Въ этомъ письмѣ имѣется въ виду прекрасное переложеніе книги Іисуса сына Сираха, составленное въ 1825 г. іереемъ—слѣпцомъ, Гавріиломъ Абрамовичемъ Пакатскимъ. Читая Коранъ, Пушкинъ составляетъ девять художественныхъ по изложенію отрывковъ въ подражаніе Корану. Присматриваясь ближе къ „Подражаніямъ Корану“, находимъ въ нихъ мысли и сентенціи не чисто—магометанскія, а и не чуждыя христіански-библейскаго ученія, какъ напримѣръ:—о ничтожествѣ человѣка передъ Богомъ и о всеобщей отвѣтственности на Страшномъ Судѣ (III отр.);—о всемогуществѣ Божіемъ, проявленномъ въ созданіи и управ-

леніи вселенной (IV—); о щедрости въ милостынѣ (VIII—). А VII отрывокъ изъ „Подражаній Корану“, какъ мы уже видѣли, представляетъ художественное изложеніе не предписаній Корана, а собственнаго замысла поэта—изобразить пророка читающимъ священную книгу при свѣтѣ лампы. Не ясное—ли это доказательство того, что Библія въ его мысляхъ постепенно беретъ перевѣсъ надъ первоисточниками религій нехристіанскихъ,—и что христіанскія правила благочестивой жизни годъ отъ году становятся ближе къ его сердцу!! Въ подражаніе Корану Пушкинъ написалъ въ 1824 г. одно только переложеніе, а съ 1825 г. начинается цѣлый рядъ его стихотвореній, на которыхъ такъ или иначе сказывается вліяніе Библии. Первымъ изъ таковыхъ было стихотвореніе—„изъ подражанія Пѣсни Пѣсней“.—

«Вертоградъ мой сестры
«Вертоградъ уединенный;
«Чистый ключъ у ней съ горы
«Не бѣжитъ запечатлѣнный.
—«У меня плоды блестятъ
«Наливные, золотые
«У меня бѣгутъ, шумятъ
«Воды чистыя, живыя.
«Нардъ, алой и киннамонъ
«Благовоніемъ богаты:
«Лишь повѣетъ аквилонъ
«И закапятъ ароматы».

Въ Библейской книгѣ—„Пѣснь Пѣсней“ это мѣсто читается такъ: „Вертоградъ заключенъ—сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ. Лѣторасли твои—садъ шипковъ (гранатовъ) съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами, нардъ и шафранъ, тростъ (сахарная) и киннамонъ (корица) со всѣми древами ливанскими, смирна и алой со всѣми первыми мѣрами (мѣры и алой со всѣми лучшими ароматами). Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана. Востани Сѣвере (удались сѣверный вѣтеръ) и гряди юже (вѣтеръ съ юга), и повѣй въ вертоградъ моемъ, и да потекутъ ароматы моя“ (гл. IV, ст. 12—16). Первые четыре Пушкинскихъ стиха—слова жениха,

а восемь—слова невѣсты. На первый разъ для переложенія поэтъ изъ Библии выбираетъ такое мѣсто, которое ему, какъ художнику слова, болѣе всего пришлось къ личному эстетическому чувству. Вѣроятно, духовный смыслъ книги Пѣснь Пѣсней ему былъ еще чуждъ. Но уже второй опытъ переложенія Пушкинымъ Библейскаго мѣста отражаетъ на себѣ сильное вліяніе Библии не на одно художественное чувство поэта, а и на его мысль. Имѣемъ въ виду стихотвореніе 1826 г.—„Пророкъ“.

«Духовной жаждою томимъ
«Въ пустынь мрачной я влачилъ,
«И шестокрылый серафимъ
«На перепутьи мнѣ явился;
«Перстами легкими, какъ сонъ,
«Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
«Отверзлись вѣщія зѣницы
«Какъ у испуганной орлицы.
«Моихъ ушей коснулся онъ,
«И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ;
«И внялъ я неба содраганье,
«И горній Ангеловъ полетъ,
«И гадъ морскихъ подводный ходъ,
«И дольнѣй лозы прозябанье.
«И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
«И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
«И празднословный и лукавый,
«И жало мудрыя змѣи
«Въ уста замершія мои
«Вложилъ десницею кровавой.
«И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
«И сердце трепетное вынулъ,
«И угля, пылающій огнемъ,
«Во грудь отверстую водвинулъ.
«Какъ трѣпъ въ пустынь я лежалъ,
«И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
«Исполнись волею Моей,
«И, обходя моря и земли,
«Глаголомъ жги сердца людей!»

Любопытное сообщеніе о происхожденіи этого стихотворенія рассказываетъ А. О. Смирнова въ своихъ „Запискахъ“ ¹⁾. Во время одного визита госпожѣ Смирновой А. С. Пушкинъ признавался: „Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Ариѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите-ли, чтобъ я сдѣлалъ вамъ одно признаніе“?

„На счетъ чего?“

„Моего Пророка“.

„Говорите, я не буду нескромной“.

„Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великому; гораздо раньше я уже служилъ панихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечиталъ его „Мазепу“... На другой день я былъ въ монастырѣ; служба попросилъ меня подождать въ кельѣ, на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу—это былъ *Иезекииль*. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ Пророкѣ. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ это стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго „Мазепы“ заставилъ меня поѣхать служить панихиду по Петрѣ Великому? Я часто это дѣлалъ, а въ этотъ день я также молился и за Байрона. Иезекииля я читалъ и раньше; но въ этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно—прекраснымъ, я думаю, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ съ Священнымъ Писаніемъ: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ: я открываю книгу на удачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе, какъ всякую другую книгу“.... Достоверно ли это сообщеніе? Изъ писемъ Пушкина брату и князю П. Л. Вяземскому (Михай-

¹⁾ Записки А. О. Смирновой. С. Петербургъ 1895 г. часть 1, стр. 266—267.

ловское 7 Апр. 1825 г.) известно, что онъ дѣйствительно наканунѣ дня поминовенія смерти Байрона съ вечера заказалъ заупокойную обѣдню по немъ. Если принять во вниманіе склонность Пушкина къ мистицизму,¹⁾ то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ сообщеніи „Записокъ“ г. Смирновой, будто Пушкинъ незадолго до своего отъѣзда въ Москву просилъ въ Свято-Горскомъ монастырѣ отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ и Байронѣ и именно по тому побужденію, „что мертвые могутъ внушать мысли живымъ“.²⁾ Но въ „Запискахъ“, въ обозначеніи источника „Пророка“, сдѣлана, вѣроятно, самой Смирновой ошибка: дважды названъ пророкъ Іезекииль вмѣсто пророка Исаи. Въ VI гл. книги пророка Исаи находится слѣдующій рассказъ св. Пророка о своемъ призваніи къ пророческому служенію: „И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдѣща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнѣ домъ Славы Его. И серафими стояху окрестъ Его, шесть крилѣ единому, и шесть крилѣ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу, и глаголаху: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ: исполнѣ вся земля Славы Его. И взяся надъ дверіе отъ гласа, имже воіяху, и домъ наполнися дыма. И рекохъ: о, окаянный азъ, яко умлихся; яко человекъ съи, и нечисты устнѣ пмыи, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу; и царя Господа Саваоѣ видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ рцѣ своей имаше угль горящъ, его же клещами взявъ отъ алтаря. И прикоснуся устамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устамъ твоимъ, и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю и кто пойдетъ къ людямъ? и рекохъ: се азъ есмь: послѣ ми. И рече: иди и рцы людямъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете; и видяще узрите, и не увидите: одебелѣ бо сердце людей сихъ“ (1—10 ст.).

¹⁾ „Я былъ масонъ въ Кишневской ложѣ“, пишетъ поэтъ В. Л. Жуковскому (Михайловское, Январь 1826 г.).

²⁾ Подобное объясненіе этого поступка Пушкина находится и въ рѣчи Высокопреосвященнаго Никанора: „молитва за умершихъ въ воспоминаніи вяжетъ живыхъ съ умершими“. См. цитированную рѣчь въ „Почуеніяхъ“—стр. 241.

Вотъ этотъ отрывокъ изъ Библии и лежитъ въ основаніи Пушкинскаго стихотворенія „Пророкъ“. Какъ же смотрѣть на это стихотвореніе съ религіозной точки зрѣнія? Сравнивая „Пророка“ съ VI гл. книги Пророка Исаи, въ стихотвореніи мы находимъ измѣненіе Библейскаго разсказа. Во первыхъ, Пушкинъ удаляетъ своего „пророка“ въ пустыню для полученія откровенія,—этого въ Библии нѣтъ; во вторыхъ, Библейскому Пророку Серафимъ очищаетъ горячимъ углемъ только уста, а Пушкинскому—глаза, уши, уста и языкъ, а трепетное сердце замѣняетъ углемъ, который пылаетъ огнемъ. Не ввелъ Пушкинъ въ свое стихотвореніе и видѣнія Пророкомъ Исаею Господа Саваога. Съ строго религіозной точки зрѣнія нельзя допускать въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ которыя вводятся Библейскія повѣствованія, подобныхъ измѣненій того, что въ Библейскихъ книгахъ составляетъ элементъ сверхъестественный, какъ указанное видѣніе пророка Исаи. Предположимъ, что Пушкинъ, измѣняя и сокращая Библейскій разсказъ, въ стихотвореніи „Пророкъ“ желалъ представить общій типъ, безъ всякой примѣси индивидуальности, но кого? Ветхозавѣтнаго пророка? Говоря по правдѣ, ему не удалось нарисовать этотъ типъ истинными красками. О ветхозавѣтныхъ Пророкахъ мы даже изъ „Начатокъ христіанскаго ученія“ знаемъ, что всѣ они до призванія были людьми благочестивыми, а, исполнившись Духа Святаго, они становились не только вѣстниками воли Божіей, но и предсказателями будущаго, и за послѣднее получили названіе Пророковъ. Они обличали идолопоклонство и людскіе пороки, предсказывали за нихъ наказанія Божіи, а благочестивыхъ людей укрѣпляли и утѣшали надеждою на благодать Божію и спасеніе. У Пушкина же пророкъ до призванія—имѣетъ языкъ празднословный и лукавый, а послѣ призванія лишь вдохновленный вѣстникъ воли Божіей. Слѣдовательно, поэтическій образъ пророка, составленный Пушкинымъ, далеко не соответствуетъ типу ветхозавѣтнаго Пророка. Говорятъ, что Пророкъ Пушкина—образъ поэта и, можетъ быть, самого Пушкина.¹⁾ Дай-бы Богъ, чтобы

¹⁾ См. „Отюды объ А. С. Пушкинѣ“ Н. Сумцова. Варшава 1893 г. вып. I, стр. 1—16, —76—80; вып. III, 1895 г. стр. 80—82.

это было такъ, т. е. чтобы на Руси поэтъ былъ вѣстникомъ воли Божіей, „глаголомъ жгущій страстныя человѣческія сердца“. Но много-ли такихъ идеальныхъ поэтовъ знаетъ наша литература?!... И о самомъ Пушкинѣ не дерзаемъ сказать, что онъ былъ вѣстникомъ воли Божіей. Вообще же говоря, „Пророкъ“ Пушкина—это прекрасное стихотвореніе, намъ думается, было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, еслибы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ Библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его. Тогда получился-бы истинный образъ Пророка, изображенный такими неподобными поэтическими красками, какими такъ величественно и умѣло владѣлъ нашъ великій поэтъ. Ну,—да это наше желаніе, которое мы высказываемъ, не критикуя талантъ и мысли Пушкина, а только примѣняя къ его „Пророку“ религіозную точку зрѣнія.

Библейскіе образцы предстоятъ въ сознаніи А. С. Пушкина и при созданіи имъ стихотвореній: „Юдиѣ“, „къ Н“, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „Къ Распятію“, „Мадонна“, и „Подражаніе Итальянскому“. Въ первыхъ двухъ—образы ветхозавѣтные, а въ остальныхъ—новозавѣтные.

„Юдиѣ“—это только начало поэтического переложенія библейской книги того же названія. Героизмъ іудейской женщины Іудиен, спасшей свой родной городъ Ветилу, —является весьма благодарнымъ сюжетомъ всевозможнаго рода художественныхъ картинъ. Пушкинское стихотвореніе рисуетъ то состояніе ужаса (кн. Іудиѣ, гл. IV), въ какомъ находились израильтяне—жители Ветилуи, окруженные многочисленнымъ Ассирійскимъ войскомъ, предводительствуемымъ знаменитымъ полководцемъ Олоферномъ.

Стихотвореніе—„къ Н“ Гоголь въ письмѣ Жуковскому называетъ одой Императору Николаю, и о происхожденіи этого стихотворенія сообщаетъ слѣдующее: „Былъ вечеръ въ Анничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но Государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Іліаду и увлекся нечувстви-

тельно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принесъ на лицѣ своемъ слѣды пныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ противоположностей скользнуло незамѣтнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе“. Плодомъ этого впечатлѣнія и была ода, скромно озаглавленная—„къ Н“:

«Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
«Тебя мы долго ожидали:
«И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ.
«И вынесъ намъ свои скрижали.
«И чтожъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
«Въ безумствѣ суетнаго пира,
«Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
«Отъ насъ созданнаго кумира.
«Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
«Въ порывѣ гнѣва и печали
«Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣтей.
«Разбивъ листы своей скрижали....
«Нѣтъ ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты,
«Скрываться въ тѣнь долины малой,
«Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
«Журчанью пчелъ надъ розой алой».

Умѣстенъ ли въ этойъ величественной одѣ образъ Моисея, спускающагося съ горы съ скрижалями къ ппругимъ подъ горой около пдола израильтянамъ? Христіанскому религіозному чувству не противорѣчить допущеніе въ словесныхъ произведеніяхъ сравнительнаго примѣненія къ людямъ нынѣшняго вѣка личнаго характера и человѣческихъ дѣйствій ветхозавѣтныхъ Пророковъ. Поэтому, говоря вообще, пздѣсь нельзя совершенно отрицать умѣстности разсматриваемаго библейскаго образа. Но одно слово въ стихотвореніи невольно вызываетъ вопросъ, а именно, что разумѣетъ поэтъ подъ „скрижалями?“ Зная поводъ къ составленію стихотворенія „къ Н“, невольно приходитъ такая мысль:—не разумѣли Пушкинъ подъ „скрижалями“ того замѣтнаго настроенія духа Императора Николая, съ какимъ Государь вышелъ на балъ послѣ серьезнаго чтенія Иліады? Мысль эта находитъ подтвержденіе въ письмѣ Пушкина къ Чаадаеву (изъ Ц. Села

6 Юня 1831 г.). „Не вижу я, пишетъ онъ здѣсь, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не встрѣчается въ Библии?“—Эти строки письма показываютъ, какъ въ мысляхъ поэта Иліада тѣсно сближалась съ Библіей. Цитируемое письмо писано за три года до составленія оды Императору Николаю, но, очевидно, поэтъ остался при своемъ взглядѣ на тѣсное соотношеніе Иліады и Библии—и въ то время, когда писалъ названную оду. Стоя на такой неправильной точкѣ зрѣнія нашъ поэтъ неправильно и допустилъ отождествленіе хорошаго настроенія духа, рождающагося отъ чтенія Иліады, съ такимъ-же настроеніемъ, происходящимъ отъ чтенія Библии.

Стихотвореніе—„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“—начинается такими элегическими строками:

«Воспоминаньями смущенный,
«Исполненъ сладкою тоской,
«Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
    «Вхожу съ поникшею главой!
«Такъ отрокъ Библии—безумный расточитель—
«До капли истощивъ раскаянья фіаль,
«Увидѣлъ, наконецъ, родимую обитель,
«Главой поникъ и зарыдалъ.

Отрокъ Библии—это блудный сынъ Евангельской притчи. Не постѣснялся Пушкинъ назвать себя блуднымъ сыномъ, когда, послѣ 12-лѣтней разлуки съ дорогимъ ему Царскимъ Селомъ, вновь увидѣлъ всю обстановку своей юности, и эта обстановка навѣяла на него грустную мысль о нехорошо прожитой жизни, а мысль напла себѣ выраженіе въ образѣ Евангельскаго блуднаго сына.

Въ стихотвореніи—„къ Распятію“ яркими чертами выступаютъ передъ читателемъ величественные Голгоескіе образы, предстоящіе и поэту.

«Когда великое свершалось торжество
«И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
«Тогда по сторонамъ животворяща древа,
«Марія—грѣшница и Пресвятая Дѣва

«Стояли двѣ жены,
 «Въ неизмѣримую печаль погружены.
 «Но у подножія теперь креста честнаго.
 «Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
 «Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
 «Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
 «Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
 «Или распятіе казенная поклажа,
 «И вы боитесь воровъ или мышей?
 «Иль мните важности придать Царю Царей?
 «Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
 «Владыку, терніемъ вѣнчаннымъ колючимъ,
 «Христа, предавшаго послушно плоть свою
 «Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
 «Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
 «Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
 «И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ
 «Пускать не велѣно сюда простой народъ?

„Комментарій къ этому стихотворенію дается такой. На выставкѣ картинъ Пушкинъ остановился предъ картиной Брюлова—„Распятіе“, около которой стояли два часовыхъ, и возмущился неумѣстностью стражи предъ дорогимъ его сердцу изображеніемъ. Возмущился онъ не потому, чтобы видѣлъ въ приставленіи часовыхъ униженіе искусства; наоборотъ искусство выигрывало, такъ какъ часовые не давали столпиться зрителямъ около художественной картины, и такимъ образомъ свѣтовые эффе́кты ея не скрадывались. По содержанію стихотворенія видно, что поэтъ не просто любитъ картиной, которая, скажемъ со словъ г. Смирновой, ему не нравилась, какъ художественное произведеніе; а видитъ въ ней близкое сердцу изображеніе Царя Царей, Владыки, предавшаго себя для искупленія всего рода человѣческаго казни крестной. Основаніемъ для возмущенія тутъ, слѣдовательно, является глубоко-религіозное чувство благоговѣнія къ Евангелію. Такое объясненіе, осмѣливаемся утверждать, не натяжка. Вспомнимъ, что стихотвореніе—„къ Распятію“ написано Пушкинымъ въ 1836 г., когда религіозное настроеніе въ душѣ его было преобладающимъ. А ближайшій и умнѣйшій другъ Пушкина—князь Вяземскій свидѣтельствуешь, что тогда поэтъ „читалъ и любилъ читать

Евангеліе“. Въ замѣткѣ на соч.—„Объ обязанностяхъ человѣка“ Сил. Пеллико Пушкинъ пишетъ: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое уже не было бы пословицею у народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; книга эта называется Евангеліемъ,—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея Божественное красно-рѣчіе“. Приведемъ здѣсь и еще мысли А. С. Пушкина объ Евангеліи, записанныя г. Смирновой послѣ одной бесѣды поэта въ ея домѣ, гдѣ былъ и князь Вяземскій. Пушкинъ на просьбу указать тѣ факты Евангелія, которые особенно его поразили, отвѣчалъ; „прежде всего Благовѣщеніе (послѣ чрезвычайно подробной родословной) и отвѣтъ Богородицы— „Се раба Господня“.... Уже въ этомъ согласіи, Она исповѣдуетъ Его (т. е. Христа); Ея родственница Елизавета тоже исповѣдуетъ Его, и Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ: „Величитъ душа моя Господа“. Все это величаніе—самая возвышенная рѣчь, которая когда-либо выливалась изъ души человѣческой. Затѣмъ приходятъ поклониться Ему волхвы, потому что если пастухи тутъ и были, они еще „не проникли въ Тайну“, они видятъ, но не знаютъ. Во храмѣ Его исповѣдуютъ Симеонъ и Анна. Всѣ тѣ, которые исповѣдывали Христа рождающагося, были люди образованные, которые размышляли надъ пророчествами и жили въ храмѣ. Св. Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, исповѣдуетъ Его словами: „Се Агнецъ Божій“. Что особенно демократическаго въ этихъ фактахъ и въ этихъ людяхъ, мужчинахъ и женщинахъ? Что Іосифъ былъ плотникомъ? Но онъ изъ рода Давидова, какъ Марія и родственница ея Елизавета. Генеалогія, я полагаю, что-нибудь да доказываетъ. Апостолы, которые за Нимъ послѣдовали, простолюдины, но не доказано, чтобы всѣ они были низкаго происхожденія. Упоминается лишь о Петрѣ и Андрѣ, ихъ называютъ: „Галилейскіе рыбаки“; о происхожденіи прочихъ не говорится ничего. Іуда Его предалъ, Тома долженъ

былъ осязать, чтобы видѣть, Филиппъ Его не понялъ, Петръ отъ Него отрекся, тотъ самый Петръ, который прославилъ Его ранѣе прочихъ, назвавъ Его „Сыномъ Бога Живаго“. И тотчасъ Иисусъ Христосъ сказалъ ему, что только потому, что Отецъ, Духъ Святый вдохновилъ его, Онъ говоритъ устами Петра, а отнюдь не потому, что Симеонъ, сынъ Ионинъ, былъ рыбакомъ Галилейскій. Иисусъ отрываетъ его и Андрея отъ промысла, чтобы сдѣлать ихъ „ловцами человековъ“; изъ Петра же Онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее: главу священства церкви. Онъ облачаетъ его властію. Петръ—избранный изъ двѣнадцати. Одинъ Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до Голгофы, такъ какъ Онъ любилъ Его превыше всего. А Іоаннъ, который писалъ по-гречески, великій прозорливецъ Патмосскій, не былъ невѣжественнымъ простолудиномъ, равно какъ и апостолъ Павелъ, апостолъ Лука и прочіе Евангелисты. Апостолъ любви,—св. Іоаннъ, долженъ былъ, преимущественно предъ другими, воплощать въ себѣ типъ Пророка, такъ какъ любовь есть „Свѣточъ души“. Петръ былъ вдохновенъ ранѣе другихъ, несмотря на свои сомнѣнія, на свои паденія, онъ олицетворяетъ собою человечество и милосердіе Божіе, коль скоро душа откроетъ Богу доступъ къ ней. Привыкли какъ-то называть ихъ Галилейскими рыбаками, но что знаемъ мы объ ихъ происхожденіи? Если не считать Петра и Андрея, ровно ничего. Коль скоро они получили даръ Св. Духа, они проповѣдуютъ, обращаютъ въ Христіанство, и, если мы вѣримъ, это должно имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствія ихъ становятся сверхъестественными, за исключеніемъ Петра, въ одномъ только случаѣ, лишь по сошествіи Св. Духа.

И Иисусъ Христосъ тотчасъ же указалъ на непосредственное внушеніе, ниспосланное Петру; Онъ не сказалъ ему, что внушеніе это связано съ его званіемъ бѣднаго рыбака. Эти факты, по моему мнѣнію, достаточно знаменательны; они мнѣ доказываютъ, что Галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ Тарсанинъ—одинъ изъ аристократовъ синагоги, Іоаннъ—сынъ священника Захаріи и Евангелистъ Іоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, могутъ въ равной мѣрѣ быть призваны, избраны, безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію; но это мнѣ

не доказываетъ. чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ, и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Иисусъ работалъ, какъ и Іосифъ (который изъ рода Давидова), всю жизнь и съ цѣлію *поднять* человѣчество, Его стругъ *облагородилъ* трудъ и бѣдность, но и только. На трудъ тогда смотрѣли, какъ на нѣчто унижительное, работникомъ былъ рабъ, надо было поднять его, *возвратить ему его достоинство*. Вотъ на мой взглядъ значеніе струга Христова. Я не силенъ въ Богословіи, я могу ошибаться, я просто дѣлюсь съ вами моими мыслями. Бѣдность также должна быть выведена изъ своего уничиженія, до нашихъ дней ее унижаетъ общество, которое, однако, почитаетъ себя христіанскимъ“.

„И ты изъ этого заключаешь?... спросилъ кн. Вяземскій,

„Что демократія тутъ не причемъ“, отвѣчалъ Пушкинъ. Главнѣйшій фактъ появленіе волхвовъ, царей, мудрецовъ, которые приходятъ поклониться Ему и принести Ему дары. А при концѣ два богатыхъ человѣка, два аристократа того времени, Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ покупаютъ гробъ и хоронятъ Его. Итакъ не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатыхъ или бѣдныхъ, какъ не должно говорить, что онъ одобрялъ Тиверія, когда приказывалъ воздавать Кесарево-Кесареви. Надо видѣть въ Немъ Спасителя всѣхъ человѣковъ, ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ-бы Искупителемъ, Богочеловѣкомъ“¹⁾.

Чтобы понять эти мысли Пушкина объ Евангеліи, необходимо имѣть въ виду, что въ то время въ обществѣ образованныхъ людей было два взгляда на Евангеліе: одни хотѣли видѣть въ немъ ученіе для избранныхъ (аристократизмъ), другіе—ученіе, преподанное лишь простому народу (демократизмъ), и, соотвѣтственно этому, Евангельскаго Иисуса Христа переряживали и въ яковинца и въ демагога. Пушкинъ, какъ и должно, не признаетъ правильнымъ ни тотъ ни другой взглядъ на Евангеліе. По Евангелію онъ вѣруетъ во Христа Богочеловѣка, Спасителя и Искупителя всего рода

¹⁾ „Записки А. О. Смирновой“. ч. I, стр. 263—265.

Адамова. Съ такой вѣрой онъ и предсталъ предъ картиной Брюлова—„Распятіе“. Но охрана картины часовыми дѣлала эту картину доступной для созерцанія избранныхъ, а не всѣхъ, какъ бы этого желалъ поэтъ. Этотъ, такъ сказать, аристократизмъ и возмутилъ его душу. Но, если правъ Пушкинъ въ своемъ возмущеніи отъ неумѣстности часовыхъ около священнаго для всѣхъ христіанъ изображенія „Распятія Христова“, то въ правѣ и мы возмутиться неумѣстностью сравненія, допущеннаго имъ въ стихотвореніи „Мадонна“ (1830 г.), которое мы ставимъ въ параллель съ стих. „къ Распятію“.

«Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
«Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель
Внимая важному сужденію знатоковъ.

* *

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ
Одной картины я желалъ быть вѣчный—зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—

* *

Одна съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

* *

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

2-я и 3-я строфы этого стихотворенія дышатъ чувствомъ благоговѣнія предъ иконой Божіей Матери. Но это небесное, къ сожалѣнію, является символомъ земного, символомъ семейнаго счастья, проистекающаго отъ присутствія въ семейномъ домѣ жены—матери, преисполненной красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости. Подобное смѣшеніе и отождествленіе небеснаго съ земнымъ и есть то, что, при чтеніи стих. „Мадонна“, непріятно волнуетъ наше религіозное чувство.

Нѣкоторыя черты Евангелія, отражаются и въ стихотвореніи „Подражаніе Итальянскому“—

„Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
 „Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
 „Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смердной,
 „И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной..
 „Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
 „Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
 „И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
 „И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
 „Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста
 „Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

Первая и послѣдняя строки этого стихотворенія болѣе полно выражены въ 5 ст. 27 гл. Евангелія отъ Маттея, 18 ст. 1 гл. Дѣяній Апостол. и въ 47—50 ст. 26 гл. Евангелія отъ Маттея. Все остальное содержаніе „Подражанія“ близко подходитъ къ народнымъ вѣрованіямъ о сатанѣ, бѣсахъ и Іудѣ—предателѣ.

Указавши въ какихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина, написанныхъ въ Николаевскую эпоху (отъ 1824 г.), находится элементъ Библейскій и Евангельскій прослѣдимъ въ другихъ, —относящихся къ тому же періоду, элементъ церковно-христіанскій. Въ этомъ отдѣлѣ очерка предполагаемъ въ подлежащихъ разсмотрѣнію произведеніяхъ нашего поэта отмѣчать все то, за исключеніемъ Библии, что имѣетъ косвенное или прямое отношеніе къ христіанскому міровоззрѣнію вообще и къ Православному въ частности. Прежде всего ознакомимся съ тѣми изъ его произведеній, —которыя являются отголоскомъ пережитыхъ религіозныхъ воззрѣній и тревоженій его совѣсти. Въ началѣ обращаемъ вниманіе на стихотвореніе — „Ангелъ,“ (1827 г.)

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
 Главой поникшею сіялъ,
 А демонъ мрачный и мятежный
 Надъ адской бездною леталъ,
 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ,
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
И ты недаромъ мнѣ сіялъ.
Но все я въ мірѣ ненавиждѣлъ,
Но все я въ мірѣ презиралъ.

Въ „Ангелѣ“ художественно изображено, по словамъ г. Полевого, „глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба и презрѣніе ко всему не небесному.“ По отношенію къ самому Пушкину это стихотвореніе обнаруживаетъ совершающійся въ его душѣ поворотъ отъ сомнѣнія и отрицанія въ сторону христіанскихъ мыслей. Но это торжество свѣтлаго духа надъ мрачнымъ въ немъ не было окончательнымъ. Сомнѣніе въ его душѣ было поколеблено; но не смыта накипь душевная. Расчетъ съ этимъ начала производить совѣсть. Совѣсть еще въ 1824 г. осудила въ поэтѣ „самолюбивыя мечты,—утѣхи юности безумной.“

„Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила?
Мои летучія мечты.

(Изъ стих. „разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“).

Теперь же (въ 1828 г.), послѣ признанія Пушкина въ своемъ душевномъ просвѣтленіи отъ мрака сомнѣнія, совѣсть угрызаетъ его за пусто-проведенную жизнь.

„Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,

Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды.
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимая обиды.—(*«Воспоминаніе»*).

Томимый мрачнымъ предчувствіемъ Пушкинъ спрашиваетъ самого себя:

„Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу-ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду.
Можетъ быть, еще спасенный
Снова пристань я найду“ (*„Предчувствіе“*).

Но это равнодушіе было въ Пушкинѣ состояніемъ духа вымученнымъ. Душа, охваченная пессимистическимъ предчувствіемъ, не находила тихой пристани. Въ такомъ настроеніи духа сложилось стихотвореніе 26 мая 1828 г.

„Даръ напрасный, даръ случайный
Жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передъ мною
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Глубоко вѣрующій въ Бога, Премудраго Творца человека и вселенной, не сталъ бы задаваться подобными вопросами. Для него жизнь, какъ по объективной сторонѣ, такъ и по субъективной не представляется загадкой безсмысленнаго существованія. Но въ томъ-то и бѣда, что у писавшаго стихотвореніе „Даръ напрасный“ въ данный моментъ было

„сердце пусто, праздненъ умъ.“ На непонятые Пушкинымъ вопросы о смыслѣ и цѣли жизни отвѣтилъ Московскій Митрополитъ Филаретъ слѣдующимъ прекраснымъ стихотвореніемъ, въ стилѣ „Дара:“

„Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ.—
И созиждется тобою
Сердце чисто, свѣтель умъ.

И скоро вспомнилъ Пушкинъ о Богѣ. Спустя годъ послѣ стихотворенія—„Даръ напрасный“—онъ былъ на Кавказѣ, и здѣсь, любуясь видомъ монастыря на Казбекѣ, душой устремился „въ сосѣдство Бога,“ въ келью нагорнаго монастыря, который, подобно ковчегу, могъ сохранить его отъ низкихъ тревогъ и заботъ жизни.

«Далекій, возжелѣнный берегъ!
Туда-бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!
(стих. „Монастырь на Казбекѣ“).

На живой же откликъ святителя Московскаго Филарета онъ отвѣтилъ въ 1830 г. благодарственными „Стансами,“ въ которыхъ между прочимъ читаемъ;

И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей...
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла страхъ земныхъ суетъ.
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

На сколько былъ искренно-правдивъ Пушкинъ въ этихъ „стансахъ“, провѣримъ двумя его элегическими стихотвореніями. Въ 1829 г., когда душа его еще не успокоилась отъ тяжелаго пессимистическаго настроенія, онъ пишетъ:

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ли въ многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Какимъ же? мечтамъ о смерти. Мысль о смерти всюду неотступно преслѣдуетъ поэта:

«День каждый, каждую минуту;
«Привыкъ я думой провождать,
«Грядущей смерти годовщину
«Межъ нихъ стараясь угадать.

. . . . .
«И хоть безчувственному тѣлу
«Равно повсюду истлѣвать,
«Но ближе къ милому предѣлу
«Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

Тутъ еще не слышится вѣры А. С. Пушкина въ загробную жизнь, а только одинъ страхъ предъ смертію, пугающей его посмертнымъ уничтоженіемъ. Но „этотъ страхъ земныхъ суетъ“—отвергла его душа въ 1830 г. Воспоминанія о прошлой жизни тогда его не только не покинули, наоборотъ подъ старость сдѣлались постоянными:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.

Онъ сознаетъ: «Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе

Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!

Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать.

Сохранилось слѣдующее предсмертное стихотвореніе Пушкина, изданное въ 1881 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ (стр. 173.—„Бумаги А. С. Пушкина“.)

Чудной сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой прело мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой,
И меня благословлялъ.

* * *

Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь Царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

* * *

Ужъ готовить ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ....
Отрѣшись воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

* * *

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и невѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

* * *

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля
Не моя.... Кто тамъ идетъ?

Изъ послѣднихъ 5 строкъ этого стихотворенія видно, что подъ конецъ жизни Пушкинъ увѣровалъ и въ страшный судъ и въ загробную жизнь. Ожидая себѣ возмездія отъ Творца, онъ теперь спокойно подчиняетъ свою волю волѣ Судіи—Бога. Его многмятежная душа, смущаемая неистинными религіозными мыслями, тревожимая голосомъ укоряющей совѣсти, дѣйствительно, въ послѣдніе годы его жизни успокоилась, о чемъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ и въ стихотвореніи „Туча“ (13 Апр. 1835 г.).

«Послѣдняя туча разсѣянной бури!

.....
Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала...
.....

Довольно сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась...

Переходимъ, наконецъ, къ изученію тѣхъ мыслей и чувствъ, выраженныхъ А. С. Пушкинымъ въ произведеніяхъ Николаевской эпохи, которыя являются прямыми отвѣтами на разные вопросы о Христіанствѣ вообще и о Православіи въ частности.

Въ Христіанствѣ вообще Пушкинъ признавалъ великую силу, перерождающую въ религіозно-нравственномъ отношеніи жизнь общественную и семейную. Въ первой главѣ „Путешествія въ Арзрумъ“ (1829—1835 г.) находимъ слѣдующее разсужденіе его о мѣрахъ сближенія черкесовъ съ Россіей. „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донинѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донинѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ Христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азии и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть.... Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человекъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противъ русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.“ Эти же мысли, занимавшія Пушкина во время путешествія по Кавказу въ 1829 г. выражены имъ и въ поэмѣ „Галубъ.“ Вотъ краткѣ содержаніе поэмы. Чеченецъ Галубъ торжественно

погрѣбаетъ своего сына, убитого рукой завистника. Послѣ похоронъ неожиданно появляется старикъ (черкесъ-христіанинъ), которому Галубъ, за тринадцать лѣтъ предъ снмъ, когда старикъ зашелъ въ аулъ, отдалъ на воспитаніе младенца. Воспитатель находитъ теперь своевременнымъ возвратить ему воспитаннаго имъ юношу, который долженъ замѣнить Галубу убитого сына. Но Тазитъ (такъ звали юношу), воспитанный христіаниномъ, не можетъ сродниться съ средой, строй жизни которой находится въ полной противоположности съ христіанствомъ. Старый горецъ-магометанинъ глубоко сознаетъ, что Тазитъ не оправдываетъ его надеждъ. Три подвига христіанскаго милосердія, совершенные юношей, были тремя ударами въ сердце Галуба, требовавшее мести. Сначала онъ гнѣвался, потомъ скорбѣлъ и, наконецъ, прогналъ Тазита съ глазъ долой. Спустя немного Тазитъ появляется на обычныхъ играхъ чеченцевъ; но онъ не принимаетъ въ нихъ никакого участія. Сердце его горитъ любовью къ одной изъ дѣвушекъ, бывшей на играхъ; чеченка вполне сочувствуетъ ему. Сватовствомъ оканчивается поэма. По дошедшему плану поэмы видно, что А. С. Пушкинъ намѣренъ былъ написать продолженіе ея въ слѣдующихъ главахъ: отказъ, миссіонеръ, война, сраженіе, смерть и эпилוגъ. Но и въ той части поэмы, какую ему довелось написать, ясно выступаетъ его замыселъ. Въ поэмѣ „Галубъ“ онъ задумалъ противопоставить идеалы первобытной жизни горцевъ идеаламъ христіанскимъ и изобразить столкновеніе этихъ идеаловъ въ семьѣ, между семейными членами той и другой среды.

Какія столкновенія могутъ происходить въ семьѣ между членами ея—христіанами и нехристіанами, это изображено въ стихотвореніи „Странникъ.“ Странникъ—поэтический типъ христіанина—мистика, который не можетъ примириться съ пустой жизнью семьи и съ исключительно мірскими идеалами родныхъ. Онъ ищетъ: „скорѣе узрѣть спасенія путь и тѣсныя врата“ въ Царство Небесное. Во 2 томѣ сочиненій А. С. Пушкина, изданный Л. Поливановымъ, стр. 340—343, дается обстоятельное изслѣдованіе этого стихотворенія. Тамъ указано, что это стихотвореніе есть передѣлка начала I главы изъ книги: „Путешествіе пилигрима въ небесную страну

и Духовная война," аллегорического рассказа Джона Буньяна (1628—1688 г.). Приведенъ и близкій переводъ соответствующаго „Страннику“ мѣста. Г. Анненковъ находитъ „сильное сходство“ „Странника“ съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ Пролога, выписаннымъ самимъ Пушкинымъ.—„Вложи (дѣволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помыслъ: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еще воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его приводяще. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущае его, яко уже изнеможи ему тѣломъ и еле живу быти. Ово-бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше, яко скудель, крѣпость его ¹⁾, и плоть его бѣ, яко трость вѣтромъ колеблема.“

Намъ же думается, что въ основу стих. „Странникъ“ положены слѣдующія изреченія Евангелія: „Нѣкто сказалъ Ему (Иисусу Христу): Господи! неужели мало спасающихся? Онъ же сказалъ имъ: подвижайтесь войти сквозь тѣсныя врата; ибо сказано вамъ, многіе пощутъ войти и не возмогутъ“ (Лук. 13 гл. 23—24 ст.) „Ибо я пришелъ раздѣлить чело-вѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги чело-вѣку—домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня.“ (Мате. 10 гл., 35—37 ст.) При чтеніи этихъ Евангельскихъ изреченій и поэтической передѣлки ихъ въ аллегорическомъ разказѣ Джона Буньяна у Пушкина могъ родиться вопросъ: ужели съ послѣдованіемъ Христу не совместиа любовь родственная? Сказаніе Пролога есть часть отвѣта на этотъ вопросъ. Да,—христіанство раздѣляетъ даже такихъ близкихъ между собою, какъ отецъ и сынъ, мать и дочь,

¹⁾ „Матеріалы для біографіи, А. С. Пушкина. 1873 г., стр. 379.

если одинъ совершенно проникся ученіемъ Евангелія, а другой очень далекъ отъ него. „Странникъ“ Пушкина и есть именно такое стихотвореніе, въ которомъ поэтически изображены семейныя отношенія.

Что же Православнаго есть въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина?

Кому неизвѣстно изъ поэмы „Полтава“ то мѣсто 2-й пѣсни, въ которомъ поэтъ словами глубокаго драматизма изображаетъ ожиданіе Кочубеемъ въ тюрьмѣ предъ казнію духовника?!...

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель,
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и Тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей....

Кто также не знаетъ изъ драмы „Борисъ Годуновъ“ художественнаго описанія кельи въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ Пименъ ночью передъ лампадою пишетъ:

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному....

А сколько молитвенно-патріотическаго чувства къ Православному Русскому Государю находится въ слѣдующемъ мѣстѣ той-же драмы:

„Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внимли:

Помолимся о нашемъ Государѣ
 Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
 Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
 Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
 И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
 Подай ему побѣду на враги,
 Да славится онъ отъ моря до моря,
 Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
 Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
 Весь міръ земной;—а къ намъ, своимъ рабомъ,
 Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
 И милостивъ, и долготерпѣливъ;
 Да мудрости его неистощимой
 Проистекутъ источники на насъ
 Мы молимся Тебѣ, Царю Небесъ!...

Сцена 9-я изъ Бор. Годунова.

Здѣсь первая и нѣкоторыя другія строки—переложеніе православныхъ молитвъ. Но есть у Пушкина общезвѣстное стихотвореніе „Молитва“ (1836 г., представляющее переложеніе первой половины православной покаянной молитвы Ефрема Сирина—„Господи, Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія любоначалія и празднословія не даждь ми; духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу твоему.“ Вотъ это стихотвореніе:

„Отцы, пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
 Сложили множество Божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста,
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой.
 „Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей.
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенія,
 Да братъ твой отъ меня не приметъ осужденія;
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Въ связи съ этимъ чуднымъ переложениемъ молитвы Ефрема Сирина ставимъ слѣдующее неизданное стихотвореніе Пушкина—переложеніе „Молитвы Господней.“¹⁾

»Я слышалъ въ келіи простой
Старикъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
„Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами,
Какъ въ небесахъ такъ и на земли!
Насущной хлѣбъ намъ ниспосли
Твоею щедрою рукою!
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою.
Прости, Отецъ, своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенье,
И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ....

Передъ крестомъ
Такъ онъ молился. Свѣтъ лампы
Мерцалъ чуть-чуть издалика...
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

Г-нъ *И. Сумцовъ* въ своихъ „этюдахъ объ А. С. Пушкинѣ“ относительно принадлежности Пушкину переложения молитвы „Отче нашъ“, говоритъ вотъ что: „Молитва эта входила въ заграничныя изданія Пушкина, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительная. *Г. С. Чириковъ* впервые напечаталъ ее въ 1 кн. Русск. архив. 1881 г. и предположительно также отнесъ Пушкину.

Г. Ефремовъ въ собраніи сочиненій Пушкина¹⁾ 1881 г., т. V, стр. 540, категорически заявилъ, что эта „Молитва“ не принадлежитъ Пушкину: „не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ, и засоряетъ (ею) изданіе едва-ли кто рѣшится, тѣмъ болѣе, что „Молитва“ совсѣмъ напоминаетъ Федора Глинку.

¹⁾ Напечатано въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1881 г.

²⁾ Выпускъ II, стр. 74—75.

„Молитву“ эту съ тѣхъ поръ забыли, и въ новѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, — Павленкова, Поливанова, Литературнаго фонда, — ея нѣтъ. На мой взглядъ (вполнѣ принимаемъ этотъ взглядъ.) „Молитва“ эта безусловно Пушкинское стихотвореніе, и вмѣсто предполагаемаго *засоренія* внесеніе ея въ собраніе сочиненій Пушкина дастъ имъ новое немаловажное украшеніе. Эта „Молитва“, вѣроятно, написана одновременно съ переложеніемъ молитвы Ефрема Сирина. Въ обѣихъ молитвахъ обнаруживаются сходные приемы поэтическаго творчества: обѣ имѣютъ въ началѣ нѣчто въ родѣ вступленія, обѣ одинаково гармонируютъ съ настроеніемъ Пушкина. Переложеніе „Отче нашъ“ воспроизводитъ излюбленный Пушкинымъ мотивъ о ночной лампадѣ и стоитъ близко къ „Подражаніямъ Корану.“

Остается еще немного сказать объ отмѣченныхъ трехъ критическихъ замѣткахъ Пушкина, 1, — о сочиненіи Сильвіо Пеллико — „объ обязанностяхъ человѣка“, 2, — „о сочиненіяхъ Георгія Конисскаго“ и 3, — о „Словарѣ святыхъ, прославленный въ Россійской перкви“ кн. Эристова. Автора книги „объ обязанностяхъ человѣка“ Пушкинъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ „избранныхъ“, которые въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго Учителя.“ Сочиненіе Сильвіо Пеллико, — „Обязанности человѣка“ издано въ переводѣ Э. М. Зиновьевой (С.-Петербургъ, 1892 г.). Въ брошюрѣ русской — тридцать двѣ небольшихъ главы религіозно-нравственнаго содержанія, какъ напримѣръ: значеніе долга, любовь къ истинѣ, религія, уваженіе къ человѣческому достоинству и др. въ этомъ родѣ. Книжка читается легко, — возбуждаетъ интересъ къ вопросамъ жизни и счастья, и даетъ разрѣшеніе ихъ въ чувствѣ довольства и надежды.

Предъ личностію, сочиненіями и трудами святителя Бѣлорусскаго Георгія Конисскаго — Пушкинъ преклоняется. Съ чувствомъ признательности замѣчаетъ, что издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. А самый „Словарь“ кн. Эристова находитъ книгой, имѣющей общую занимательность. „Есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того угодника, чье имя носятъ отъ купели до мо-

гилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не позволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не удивиться крайнему ихъ не любопытству. "Какой поучительный урокъ и нашему времени?!..."

Заканчивая очеркъ, сознаемся, что онъ вышелъ блѣднымъ по изложенію и мало-развитымъ по содержанію. Написанное скорѣе матеріалъ для статьи—„религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“, чѣмъ самая работа такого названія. Впрочемъ, въ итогѣ остаются: отголоски религіозныхъ впечатлѣній дѣтства А. С. Пушкина, плоды его религіозныхъ колебаній въ юности и въ первую пору мужества, элементъ Библейскій и Евангельскій въ его произведеніяхъ второй поры мужества, и, наконецъ, разныя мысли и чувства Пушкина по разнаго рода вопросамъ и обще-христіанскимъ и православнымъ,—мысли и чувства, свидѣтельствующія о его постепенномъ укрѣпленіи себя въ Православно-религіозномъ чувствѣ. Нашъ трудъ есть выполненіе мысли самого Пушкина о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ: „истина тамъ и берется, гдѣ попадается.“

Священникъ

Г. Троицкій.

Съ гравюры Н. Угрина.

А. С. Пушкинъ.

КАКЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Жизнь А. С. Пушкина въ послѣднее время пронеслось по всей Руси великой, и, можетъ быть, близко уже то время, когда, по желанію поэта, назоветъ его

Всякъ сушій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

(Памятникъ).

Уже во время открытія памятника поэту въ Москвѣ, 6 іюня 1880 г., во время самого празднества и по случаю торжества весьма много было высказано въ восторженныхъ и жгучихъ рѣчахъ, и въ современной литературѣ какъ газетной, такъ и журнальной, о Пушкинѣ, о его времени, объ отношеніи поэта къ нашему времени и проч. и проч.

Открытіе памятника Пушкину ясно показало, какое громадное значеніе имѣють подобныя событія для поднятія и возбужденія народнаго сознанія: въ это время подводятся итоги прошлому, оцѣнивается вѣрнѣе его достоинство и значеніе, глубже понимается настоящее и получается запасъ энергіи для дѣятельности въ будущемъ; кромѣ того, и для послѣдующихъ поколѣній въ памятникахъ воспоминаніе живетъ: они служатъ живою исторіею прошлаго.

Если вспомнить все, что говорилось въ нашей литературѣ въ 60-хъ годахъ и въ послѣднее время о Пушкинѣ, приходишь невольно къ той мысли, что ни о комъ не высказывается столько разнорѣчивыхъ мнѣній и сужденій, какъ о дѣятеляхъ мысли, о поэтахъ: каждый цѣнитель, соотвѣтственно своему направленію и тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ желалъ видѣть осуществившимися въ жизни,—судилъ о поэтѣ такъ или иначе.

Впрочемъ, въ отношеніяхъ къ Пушкину, какъ геніальному поэту, еще современники единодушно выразили свое сожалѣніе, что этотъ чловѣкъ сошелъ въ могилу, не обнаруживши всей силы своего таланта; уваженіе къ поэту въ это время было такъ велико, что одинъ изъ современныхъ писателей называлъ убійцу поэта царевубійцею:

Изъ чьей руки свинець смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіаль
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ, или виновенъ онъ,
Предъ нашей правдою земною
На вѣкъ онъ вышею рукою
Въ царевубійцы заклеименъ.   Тютчевъ.

И въ послѣднее время, какъ и при открытіи памятника Пушкину, цѣнители поэта отнеслись и относятся къ нему не съ меньшимъ сочувствіемъ: они видятъ въ немъ не только геніальнаго поэта, историческаго дѣятеля, который не могъ стоять внѣ философскихъ стремленій своего времени, но открыли въ его типахъ живую связь направленія прошлаго съ настоящимъ, видятъ въ немъ восторженнаго, убѣжденнаго глашатая гуманныхъ началъ, „пророка“, вѣщающаго намъ изъ своего „жестокаго вѣка“ „чувства добрыя“, „милость къ падшимъ“, генія, создаващаго русскій литературный языкъ.

Думаемъ, что говорить о поэтѣ, который въ своей дѣятельности является, съ одной стороны, юношей съ идеальными стремленіями ко всему благородному, а съ другой—такимъ писателемъ, душа котораго рвалась только къ тому, къ чему чувствовала непреодолимое стремленіе,—говорить о такомъ поэтѣ—всегда пора, и въ особенности теперь, когда вся Русь чествуетъ память великаго поэта.

Мы остановимся на Пушкинѣ, какъ на литературномъ дѣятелѣ извѣстнаго времени.

I.

А. С. Пушкинъ является первымъ художникомъ-поэтомъ, который создаетъ прекрасное въ словѣ чловѣческомъ исключительно подъ вліяніемъ идей, его одушевляющихъ, а не подъ давленіемъ внѣшнихъ

побуждений, какъ это было до него. Какъ поэтъ—писатель, Пушкинъ вознесся главою непокорной выше *Александрійскаго столпа*.

Время, когда Пушкинъ выступилъ на литературное поприще, у насъ было временемъ борьбы отжившаго на Западѣ Европы ложно-классицизма съ ново-романтизмомъ. Величавая ложно-классическая литература находилась въ подчиненномъ отношеніи при дворѣ и у вельможъ. Удовлетворяя требованіямъ придворнаго вкуса въ изображеніи и представленіи картинъ и въ исключительномъ выборѣ предметовъ величавыхъ,—ложно-классическая литература чужда была интересовъ народныхъ; поэты, воспѣвая въ одахъ своихъ милостивцевъ, ставили поэтическое творчество въ зависимость отъ каприза мецената за его щедрые дары или за обезпечивавшее поэта содержаніе. Такимъ образомъ, поэтическая литература представляла собой явленіе въ высшей степени безотрадное: она служила лицамъ, а не дѣлу, была ремесломъ, а не искусствомъ, не было въ ней ни красоты, ни истины ¹⁾. До Пушкина у насъ были російскіе Пиндары, Гомеры, Корнеліи, Расины, но не было самостоятельнаго русскаго поэта: были поэты восторга, минутныхъ увлеченій, но не было поэта, творящаго подъ вліяніемъ вдохновенія.

Просвѣтительныя западно-европейскія идеи XVIII столѣт. о гуманизмѣ, о значеніи поэта и мыслителя вообще проникли и къ намъ, и выразились новыми требованіями въ содержаніи поэзіи, въ ея направленіи и въ представленіи предмета. Еще Карамзинъ возвысилъ значеніе писателя: онъ смотрѣлъ на его литературную дѣятельность, какъ на гражданскій подвигъ, и требовалъ отъ него всѣхъ лучшихъ личныхъ качествъ. Пушкинъ, не отступая въ этомъ отношеніи отъ Карамзина, смотрѣлъ на поэта, какъ на личность, вполне независимую отъ требованій всякихъ теорій своего времени. Рабское положеніе поэта и низведеніе его искусства до простаго ремесла вызываетъ у Пушкина, подъ вліяніемъ Шекспира, Байрона и арзамасскаго кружка, гордый взглядъ на поэта, какъ на жреца чистаго искусства, который внѣ искусства не знаетъ никакихъ предвзятыхъ задачъ, ни политическихъ, ни соціальныхъ.

Вдохновленный высокимъ призваніемъ поэта, воодушевленный просвѣтительными идеями на пользу ближнимъ, поэтъ смѣло готовъ идти въ народъ съ своею проповѣдью, какъ посланникъ небесъ, который никогда не склонитъ своей гордой головы предъ народнымъ кумиромъ:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ.
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,

¹⁾ Анненковъ. Матеріалы стр. 460.

Онъ (поэтъ) угождаетъ праздно!

. . . . . Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный:
Ты самъ свой высшій судъ.

Водрузивъ такъ высоко литературное знамя, поэтъ требуетъ, чтобы независимость писателя опиралась на независимости личности человѣка. Это благородное стремленіе и положеніе поэтъ цѣнитъ такъ высоко, что считаетъ для себя самымъ глубокимъ оскорбленіемъ всякое покровительство, протекцію: полная независимость, по сознанію поэта, можетъ быть достигнута съ помощію мужества и постоянныхъ усилій ¹⁾. Вотъ почему поэтъ является врагомъ хвалебныхъ одъ сильнымъ міра, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба:

На лиръ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силъ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моею.

Выработавъ себѣ такое сознаніе о независимости свободного творчества, о чемъ въ предшествующихъ періодахъ нашей литературы никто изъ поэтовъ не говорилъ, Пушкинъ не обращаетъ никакого вниманія на сужденія о его направленіи въ поэзіи и на сужденія о тѣхъ произведеніяхъ, которыя явились, какъ плодъ вдохновенія, т. е., какъ результатъ сильного впечатлѣнія отъ дѣйствительности, мысли о ней и труда:

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Поэту.

Не чисто въ нихъ (у людей непосвященныхъ)
воображеніе,

И признакъ Бога—вдохновеніе
Для нихъ и чуждо и смѣшно.

Книгопр. и поэтъ.

Такое отношеніе къ своей поэтической дѣятельности способно было освободить личность поэта отъ всякаго сторонняго давленія и

---

¹⁾ Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.

поставить его на недосигаемую высоту. Его не трогают ни восторги, ни негодованія толпы, поэтъ не требуетъ награды за подвигъ благородный: онъ въ немъ самомъ:

Ты царь: живи одинъ . . .
Твой трудъ—
Тебѣ награда—имъ ты дышешь.

Поэтъ знаетъ, что въ своихъ произведеніяхъ онъ является выразителемъ тѣхъ идей, которыми должно руководиться общество; а эти то идеи и воодушевляють поэта, даютъ паеость его твореніямъ и истину въ представленіяхъ дѣйствительности. Только съ такимъ независимымъ направленіемъ творенія поэта могутъ имѣть чарующее вліяніе на читателей—всецѣло овладѣвать ихъ душою и покорять ихъ себѣ: что сказано отъ сердца, это только и можетъ быть принято имъ. И въ настоящее время мы ставимъ необходимымъ условіемъ для поэта—вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, безъ подчиненія идеи пьесы стороннимъ цѣлямъ и тенденціозности.

II.

Такой взглядъ на поэта и его произведенія Пушкинъ высказалъ подъ вліяніемъ отношенія къ нему современной критики. Мы не станемъ говорить о тѣхъ цѣнителяхъ, которые, вслѣдствіе косности своихъ понятій, видѣли въ поэтѣ нарушителя общественныхъ основъ. За то, что онъ выражается правдивымъ языкомъ:

И русской глупости не хочетъ бить челомъ,—
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

Были другіе цѣнители, которые не отнеслись сочувственно къ поэту за его отношенія къ дѣйствительности: они видѣли въ немъ художника, который своею звучною пѣснью не ведетъ современниковъ ни къ какой цѣли:

Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ и бесплодна.

Первыя произведенія Пушкина вызвали самый неумѣренный восторгъ, хотя они были слабыми пьесами въ художественномъ отношеніи: въ нихъ видна была личность поэта, воодушевленная субъективнымъ отношеніемъ къ современности. Но чѣмъ совершеннѣе поэтъ становился далѣе, какъ художникъ, чѣмъ болѣе скрывается и исче-

заетъ его личность за чуднымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній, тѣмъ болѣе охладѣваетъ восторгъ современниковъ къ его произведеніямъ ¹⁾. Пушкинъ не можетъ понять отношеній къ нему современной критики съ седьмой главы Евгенія Онѣгина: ему кажутся странными выраженія, что вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. На это поэтъ отвѣчаетъ, что и науки, и философія, и гражданственность могутъ совершенствоваться и измѣняться; но поэзія остается на одномъ мѣстѣ; цѣль ея одна, средства тѣ же. Для него поэзія сама въ себѣ цѣль, а между тѣмъ въ его время отъ поэзіи, какъ и отъ науки, требуются связи съ жизнію: если это разъ сознано, если признано, что работа мысли не можетъ быть сама для себя цѣлью, то и поэтическая дѣятельность, не вытекающая изъ состоянія жизненнаго, безповоротно должна быть признана безцѣльною. Пушкинъ въ это время замыкалъ собою историческую фазу развитія литературной эпохи, и затѣмъ наступала эпоха политическая. Пушкинъ въ своемъ направленіи является поэтомъ чистаго искусства, т. е. онъ говоритъ о томъ въ своихъ произведеніяхъ, къ чему влечетъ его артистическая натура, чего требовалъ духъ художника въ моментъ впечатлѣнія и мысли о предметѣ:

Я время то воспоминалъ,
Когда надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.

. . . . .
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.

. . . . .
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Разговоръ книгопр. съ поэтомъ.

Выходя изъ понятія о поэзіи, какъ о независимомъ творествѣ, поэтъ отводитъ для содержанія своихъ произведеній только положительно прекрасное:

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Чернь.

¹⁾ Бѣлинскій. VIII томъ.

Но тотъ же поэтъ вполне сочувственно относился и къ произведеніямъ Гоголя, котораго онъ руководилъ и давалъ ему идеи и сюжеты для его гениальныхъ произведеній. Когда появились въ свѣтъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, Пушкинъ пишетъ слѣдующее къ издателямъ Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду: „Бога ради, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч“. Такое отношеніе къ произведеніямъ Гоголя вытекало изъ воззрѣній поэта на задачи литературы, на свободу поэтического творчества.

Признавая за поэтомъ извѣстное направленіе, какъ явленіе необходимо-вытекающее изъ свободы его поэтического творчества и таланта, Пушкинъ естественно не могъ понять требованій современной ему критики.

Разсматривая Пушкина съ такой точки зрѣнія, мы должны сказать: если правы были современные критики Пушкина, то не менѣе былъ правъ и поэтъ, отстаивавшій свое направленіе иногда очень рѣзко.

Источникъ направленія поэзіи Пушкина, какъ чистаго искусства,—поэзіи, которая сама для себя была цѣлю, но содержаніе которой обуславливалось впечатлѣніями отъ дѣйствительности,—заключается въ личности поэта. Всякая личность поэта съ рѣзко отпечатлѣнными особенностями своей натуры, явленіе до того необходимое, что разсматривать направленіе такого поэта, не изучая его твореній по отношенію къ его духу и духу времени—невозможно: иначе мы можемъ очутиться въ положеніи критики, современной Пушкину, которая, требуя отрицательнаго отношенія поэта къ жизни, не могла оцѣнить художественныхъ совершенствъ даже въ послѣднемъ лучшемъ произведеніи творчества Пушкина: въ „Борисѣ Годуновѣ“. Нужно прежде уловить тайну личности поэта, и тогда судъ нашъ будетъ безотносительнымъ, безъ предзанятыхъ идей. При обсужденіи Шекспира, Гете, Шиллера, мы руководствуемся не однимъ критеріумомъ, потому что каждый изъ нихъ отличается своею тайной въ поэтическихъ созданіяхъ. Мы требуемъ одного только отъ поэта, чтобы онъ былъ вѣренъ не направленію нашихъ желаній, а своему собственному, не противорѣчилъ бы своей натурѣ, и въ этомъ будетъ состоять послѣдовательность его направленія, опредѣленность его личности. Вотъ почему Пушкинъ не измѣнилъ своему направленію и въ послѣднихъ своихъ созданіяхъ: онъ и здѣсь былъ самимъ собою, *этическимъ созерцателемъ дѣйствительности*, и никакъ не могъ выйти изъ круга направленія своей личности, хотя ясно сознавалъ требованія противной стороны: еслибы поэтъ измѣнилъ своему направленію, онъ не могъ бы быть искреннимъ, истиннымъ поэтомъ, выразившимъ правду въ искусствѣ, *не былъ бы нашимъ Пушкинымъ и нашею національною гордостью*. Замѣчательный критикъ

Пушкина, Бѣлинскій, говоритъ, что Пушкинъ, по несчастію, явился въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ чего выигрывало искусство, и мало приобрѣтало общество ¹⁾. Намъ кажется, что личности, подобныя Пушкину, являются, какъ необходимое требованіе времени и развитія извѣстнаго общества. Пушкинъ, какъ поэтъ, сынъ своего вѣка, воспитатель цѣлаго поколѣнія поэтовъ послѣдующаго направленія нашей поэзіи.

Эстетическое развитіе русскаго общества въ періодъ Пушкина было таково, что оно нуждалось въ представленіи лучшихъ идеаловъ жизни, въ воспроизведеніи прекраснаго изъ природы и жизни человѣческой въ такомъ видѣ, чтобы все это способно было приковать къ себѣ вниманіе читателя, вызвать въ немъ чувство недовольства самимъ собою и потребность къ облагороженію себя. Иногда намъ нужно бываетъ не то, чтобы вызвать въ насъ сознаніе нашихъ слабыхъ сторонъ: онѣ и безъ того могутъ быть намъ ясны; но необходимо воздѣйствіе на нашу душу прекраснаго, будетъ ли это музыкальная пѣса, картина, или художественное созданіе слова человѣческаго, лишь бы оно возвысило насъ надъ окружающею обыденностью и пошлостью жизни, и настроило бы нашу душу такъ, чтобы она способна была воспринять все лучшее и чуждаться всего безобразнаго.

Поэзія чистаго искусства Пушкина заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, чтобы развить эстетическое чувство и подѣйствовать ощутительно благотворно на подъемъ нравственнаго чувства. Подобное дѣйствіе на душу необходимо бываетъ тогда, когда слабая натура способна проявлять себя лучшею только подъ вліяніемъ высокаго, идеальнаго. Если послѣдующіе поэты достигли положительныхъ результатовъ, выводя на сцену всю страшную, потрясающую душу тину мелочей, опутывавшихъ нашу жизнь,—подобныхъ же результатовъ достигаетъ и художникъ, воспроизводящій чистую красоту.

III.

Художественнымъ направленіемъ своего творчества, какъ чистаго искусства, Пушкинъ раскрылъ и разъяснилъ тайну, что *жизнь есть поэзія*. До Пушкина представленіе дѣйствительности прошло нѣсколько фазъ развитія: или поэтъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, представленіе предмета и выраженіе мысли по готовымъ формамъ теоріи ложноклассической, или поэтической образъ служилъ только выраженіемъ гуманныхъ идей; при этомъ имѣло значеніе не соотвѣтствіе дѣйствительности поэтическаго образа, а то человѣческое чувство, которое должно было подѣйствовать на сердце другого и растрогать его: таково было напри-

¹⁾ Бѣлинскій. VIII т., стр. 450.

вление сентиментальной поэзіи. Кромѣ того, въ поэтическихъ произведеніяхъ дѣйствительность окрашивалась мрачнымъ колоритомъ подѣ влияніемъ такого же взгляда на жизнь и на счастье человѣка: такою является наша поэтическая литература въ своеобразномъ романтизмѣ Жуковского. Современники этихъ направленій затруднились бы дать точное понятіе о поэзіи. Пушкинъ въ собственномъ смыслѣ сблизилъ поэзію съ дѣйствительностію, и съ этого времени мы можемъ говорить о поэзіи, какъ о словесномъ искусствѣ, воспроизводящемъ дѣйствительность въ изящныхъ образахъ, соотвѣтственно идеѣ.

Душѣ Пушкина въ высшей степени присуще было то чувство прекраснаго, которое всякій чувствуетъ въ природѣ, въ жизни, но при этомъ не достаетъ у насъ только словъ, красокъ для выраженія этого чувства. Поэтъ умѣлъ уловить и представить эту улыбку жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій переливами быстро смѣняющихся ощущеній. Читая Пушкина, вы замѣчаете, какъ ото всей природы, имъ изображаемой, вѣетъ тою полнотою жизни, которая даетъ вамъ знать, что отъ этого именно умѣнія подмѣтить проявленія жизни, уловить ее въ разнообразіи—зависитъ ваша любовь къ природѣ, и въ этомъ ея ласкающая красота, а не въ одной только правильности очертанія ея формъ. Поэзія жизни выражается въ ея вѣчномъ движеніи, въ шумѣ лѣса, въ трепетѣ листа, въ волнующейся нивѣ, въ говорѣ ручья, въ тѣхъ живыхъ голосахъ, которые слышатся повсюду то однообразные и грустные, то веселые, сливающимся въ одинъ хоръ.

По религіозному созерцанію грековъ, богиня красоты обладала таинственнымъ поясомъ, въ которомъ заключались всѣ чары и обаянія даже для боговъ; о Гомерѣ греки говорили, что онъ похитилъ этотъ поясъ Афродиты. Пушкинъ о себѣ говорилъ, что муза воспитывала и лелѣяла его поэтической талантъ съ младенческихъ лѣтъ: она учила его, наполняя сердце его святымъ очарованіемъ:

Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной . . .
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ
дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
Муза.

Вручивъ ему семиствольную цѣвницу, муза внимала ему съ улыбкой, и поэтъ созерцаетъ природу и жизнь человѣческую исключительно подѣ поэтическимъ угломъ зрѣнія; у него является неутомимая жажда ко всему прекрасному:

Какой-то демонъ обладалъ
Моими грезами, досугомъ:

За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава.

Разговоръ книгопрод. съ поэтомъ.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучить, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рѣмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Осень.

И на все откликается его чуткій голосъ, словно эхо:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ,
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури, и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ.—Эхо.

Способный подмѣчать очарованіе поэзіи въ природѣ вообще и въ жизни человѣческой, Пушкинъ первый нашъ поэтъ, который не затрудняется въ выборѣ предметовъ для поэзіи. Въ извѣстномъ произведеніи Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“ встрѣчается множество вполне законченныхъ картинъ и картинокъ самаго разнообразнаго свойства: здѣсь чарующая весна, и благодатное лѣто, и унылая, блѣдная и трепетная осень, и волшебница зима, блистающая капризами удивительной роскоши; здѣсь и столица, и деревня, и жизнь петербургскаго денди и захолустныхъ помѣщиковъ, толкующихъ о сѣнокошѣ, и неза-тѣйливыя игры поселянъ, и проч. Ну, что скучнѣе осени, говоримъ мы обыкновенно, а между тѣмъ Пушкину осень нравится больше другихъ временъ года, и когда онъ указываетъ ея красу, вамъ хотѣлось бы долго, долго слушать эту чарующую музыку:

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно,
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,

Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной
 Къ себѣ влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
 Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной:
 Въ ней много добраго . . .
 Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.
 Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она.
 Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва:
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна.
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
 Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
 Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ . . .
 Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мнѣ твоя прощальная краса,
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы.
 И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Что для прежнихъ поэтовъ было низко, тривіально, для Пушкина—поэзія. Вотъ, напримѣръ, картина изъ самой обыкновенной жизни, но у Пушкина она прекрасна по своей группировкѣ предметовъ:

Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи,
 Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ—
 Раздолье утокъ молодыхъ:
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака.

А припомните изображеніе характеровъ и обстановки дѣйствія въ общеизвѣстныхъ стихотвореніяхъ „Бѣсы“ и „Утопленникъ“! Вся прелесть этой поэзіи состоитъ въ простотѣ изображенія картинъ, совершенно естественныхъ, схваченныхъ цѣликомъ изъ дѣйствительности.

Пушкинъ, какъ истинный поэтъ художникъ, всегда изображаетъ дѣйствительность такъ, что читатель находитъ въ ней давно знакомое ему, что-то собственное, что онъ самъ чувствовалъ, или только смутно и неопредѣленно предощущалъ, о чемъ самъ думалъ, но чему не могъ дать яснаго образа. Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ проще его созданье, такъ что читатель только удивляется, какъ ему самому не вошло въ голову создать что нибудь подобное; вѣдь это такъ просто, легко!...

Пушкинъ при такомъ поэтическомъ воспроизведеніи дѣйствительности является поэтомъ реально-художественнымъ. Въ каждомъ стихотвореніи Пушкина чувство, лежащее въ его основаніи, охватываетъ нашу душу не только потому, что оно изящно, граціозно и просто; но и потому, что въ этомъ представленіи поэта мы находимъ то, что сами чувствовали. Мы слишкомъ далеко зашли бы, еслибъ стали иллюстрировать мысль, что поэзія Пушкина вѣрна дѣйствительности въ изображеніи картинъ природы и характеровъ людей, и на сколько великъ былъ въ этомъ отношеніи художническій тактъ Пушкина. Но мы не можемъ не напомнить здѣсь о поэмѣ „Русалка“, гдѣ сѣдая русская старина представлена во всей ея истинности,—Каменнаго гостя, гдѣ все напоминаетъ вамъ Испанію,—Египетскихъ ночей, гдѣ вы невольно переноситесь въ древній міръ востока. „Есть“, скажемъ словами восторженнаго цѣнителя нашего поэта,—„есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читающему его творенія можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрочно-идеальнаго; она вся проникнута насковозъ дѣйствительностью; она не кладетъ на лице жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но оно всегда проникнуто землей. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью при первомъ столкновеніи съ нею и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу“. „Прійдетъ время, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“¹⁾.

IV.

Реально-художественное направленіе поэзіи Пушкина дало извѣстный характеръ и его дѣятельности по отношенію къ общественнымъ вопросамъ современной жизни. Способный подмѣтить вездѣ и во всемъ гармонію и симметрію, поэтъ не можетъ спокойно отнестись ко всякому противорѣчію нравственныхъ требованій съ дѣйствительностью. Касается ли Пушкинъ предметовъ родной страны, говоритъ ли онъ вообще о человѣкѣ, изображаетъ ли современное молодое поколѣніе,—вездѣ онъ является поэтомъ не только дѣйствительности, но и

¹⁾ Бѣлинскій. т. VIII стр. 396 и 705.

такимъ, который ставитъ въ поэтическомъ произведеніи извѣстный вопросъ потому, что явленія окружающей жизни вызывали его на размышленія о такихъ или другихъ вопросахъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, гнался за жизнію, воскрешалъ въ ней каждый мигъ и на каждый призывный звукъ ея отвѣчалъ отзывною пѣснью. Въ пьесахъ лирическихъ и небольшого объема поэтическихъ произведеніяхъ поэтъ касается вопросовъ умственного и нравственного развитія чловѣка, чтобы разяснить различныя явленія, вытекающія изъ неправильнаго или односторонняго направленія. Вниманіе поэта, какъ друга чловѣчества, занимаетъ въ это время вопросъ о невѣжествѣ сельской толпы и желаніе свободы народу отъ печальнаго крѣпостнаго рабства:

Мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ чловѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
.....
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя.
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Поэтъ задумывается надъ вопросами о характерѣ общественной дѣятельности и показываетъ ея различіе, когда чловѣкъ всецѣло отдается интересамъ общества, или когда онъ служитъ ему только въ силу того, что на него возложены обязанности,—или когда въ своемъ служеніи чловѣкъ отдается исключительно только личнымъ интересамъ (Полтава); рѣшаетъ вопросъ о значеніи нравственнаго закона въ жизни общественной и государственной и усматриваетъ въ этомъ требованіе высшаго порядка (Борисъ Годуновъ); въ произведеніи „Капитанская дочка“, коснувшись семейной и общественной жизни вѣка Екатерины II, Пушкинъ раскрываетъ вопросъ о важномъ значеніи наслѣдственныхъ духовныхъ силъ даже при отсутствіи систематическаго образованія. Въ драматическихъ сценахъ „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“ поэтъ представляетъ съ глубокимъ знаніемъ чловѣческой природы обнаруженіе различныхъ страстей въ натурѣ сильной, опредѣляющей себя въ дѣятельности, и въ натурѣ мелкой, эгоистичной. Что касается современной жизни русскаго интеллигентнаго общества,—поэтъ представляетъ намъ полную картину этой жизни въ различныхъ произведеніяхъ, съ указаніемъ причинъ грустныхъ явленій этой современности. Въ „Цыганахъ“ мы видимъ чловѣка съ жаждою свободы. Научныя знанія пробудили въ немъ недовольство жизнію: мелочныя предписанія свѣтскаго общества, регламентации въ отношеніяхъ другъ къ другу—не по душѣ Алѣко; онъ ищетъ счастья въ полной свободѣ жизни

и находить его въ средѣ народа, гдѣ человѣкъ свободенъ такъ, какъ и природа его окружающая. Но что же оказалось? Безъ правильнаго образованія, съ развитыми животными инстинктами онъ проявилъ себя здѣсь грубымъ эгоистомъ, врагомъ свободы и независимой личности. Алеко могъ быть терпимъ только въ своемъ обществѣ, гдѣ равноправіе его членовъ силою страха сдерживало бы его въ страстныхъ порывахъ.

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, гдѣ нарисована широкая картина жизни отцовъ и дѣтей, Пушкинъ выражаетъ такія идеи: крѣпостное право, обезпечивающее рабовладѣльцевъ, убиваетъ въ нихъ всякую самодѣятельность и внушаетъ имъ отвращеніе къ труду: они ищутъ только удовольствій. Узкій взглядъ на жизнь поставилъ и воспитаніе дѣтей въ зависимости отъ моды и требованій извѣстнаго кружка. Вслѣдствіе мелочности и суетности интересовъ этого общества, и для дѣтей составляетъ главный вопросъ жизни рано пробудившееся стремленіе къ удовлетворенію инстинктовъ и низшихъ желаній. Пресыщеніе смѣняется скукой и апатіей; но запросы другого порядка вещей, призывъ къ трудовой жизни на пользу другихъ, пробуждаетъ энергію къ дѣятельности въ тѣхъ натурахъ, на которыя подѣйствовала современная наука, хлынувшая широкою волною съ запада Европы; впрочемъ, все это было только вспышкой, потому что оказывалось полное отсутствіе силы воли тамъ, гдѣ нуженъ былъ упорный трудъ, выработка знаній и борьба съ препятствіями. Этимъ людямъ мелкихъ удачъ, эгоистамъ, все оцѣнивавшимъ съ точки зрѣнія личныхъ удовольствій и интересовъ,—нужны были крупныя затрудненія, нужно было этихъ людей лицомъ къ лицу поставить съ неумолимой нуждой, которая бываетъ лучшимъ источникомъ силы и добродѣтели. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкинъ указалъ на то, что въ послѣдствіи времени ярче обнаружилось, подъ вліяніемъ сложности явленій жизни, въ Бельтовѣ, Рудинѣ и Обломовѣ.

Такимъ образомъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ былъ по-этомъ мыслителемъ, выразившимъ критическій взглядъ на современное состояніе русскаго общества. „Современная критика“ говоритъ кн. Вяземскій, „находила въ романтическихъ произведеніяхъ Пушкина отраженіе той дѣйствительности современной европейской жизни, которую переживала и часть русскаго общества. Преизбытокъ силы жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовлетворяться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ называемаго благоразумія; необходимыя при подобной распрѣ: волненія безъ цѣли, дѣятельность, пожирающая, неприкладываемая съ существенному; надежды, никогда не достижимыя и вѣчно возникающія, съ новымъ стремленіемъ должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ неистребимый зародышъ скуки, приторности, пре-

сыщенія, которыя знаменуютъ Child Harold'a, Кавказскаго плѣнника и другихъ“.

Захватываетъ нашъ поэтъ и другіе вопросы. Въ его произведеніяхъ вы находитесь подъ обаяніемъ разнообразія содержанія даже по поводу одного и того же предмета, а также разнообразія взглядовъ. Читая лирическія произведенія Пушкина, вы чувствуете себя такъ же, какъ въ европейскомъ городѣ, гдѣ каждая постройка привлекаетъ ваше вниманіе не только чистотою отдѣлки, но и своеобразнымъ замысломъ художника.

Очень многіе изъ вопросовъ, указанныхъ нами и затронутыхъ Пушкинымъ по отношенію къ общественной, умственной и нравственной жизни, были для своего времени вопросами новыми, въ первый разъ поднятыми нашей поэзіей. Пушкинъ постановкою общихъ вопросовъ въ поэтическихъ образахъ какъ бы желалъ, чтобы современное ему общество разрабатывало эти руководящіе принципы, а затѣмъ уже, когда они достигнутъ ясности въ сознаніи, примѣнить бы ихъ къ дѣйствительной жизни. Насколько поэтическая дѣятельность Пушкина будила современное ему молодое поколѣніе и вызывала къ лучшей дѣйствительности настоящихъ нашихъ учителей: И. С. Тургенева. И. А. Гончарова, Д. Б. Григоровича, А. Н. Островскаго. Э. М. Достоевскаго и другихъ, послушаемъ, что говоритъ одинъ изъ нихъ старѣйшій. Иванъ Александровичъ Гончаровъ въ своемъ письмѣ по поводу приглашенія принять участіе въ Пушкинскомъ праздникѣ въ Петербургѣ.

„Я по лѣтамъ своимъ старше всѣхъ современныхъ писателей, принадлежу къ лучшей порѣ процвѣтанія пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество, особенно на молодая поколѣнія. Старики еще ворчали и косились на него; тогда какъ мы всѣ падали на колѣни передъ нимъ. Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ, былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ (15—16 лѣтъ юношамъ) приходилось питаться Державинымъ, Дмитріевымъ, Озеровымъ, даже Херасковымъ... И вдругъ Пушкинъ! Я узналъ его съ Онѣгина, который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами. Боже мой! какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ—и какія правды—и поэзіи, и вообще жизни, при томъ современной, понятной, хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной натуры!“ И самъ Пушкинъ говоритъ о себѣ, что онъ своими произведеніями воспиталъ молодое поколѣніе писателей и русское общественное мнѣніе: „Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I) я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе

вліянія, чѣмъ министерство (Народнаго Просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ¹⁾.

V.

Чтобы произведенія поэта могли имѣть обаятельное вліяніе на современниковъ, нужно, чтобы въ нихъ не только было соотвѣтствующее содержаніе и надлежащее представленіе предмета, но и языкъ долженъ отличаться простотою, общедоступностью и жизненностію. До Пушкина было стремленіе къ созданію литератураго языка то по теоріи, то по чутью художественной натуры: но ни тотъ, ни другой путь не привелъ къ желанной цѣли. Ломоносовъ стоялъ на ложной дорогѣ образованія литературнаго языка, положивъ въ основу его языкъ славянскій; Державинъ риторическою фразою и полнымъ отсутствіемъ вкуса лишилъ поэтическій языкъ простоты; Карамзинъ требовалъ писать такъ, какъ говорятъ образованные люди, и стараться говорить, какъ пишутъ образцовые писатели. И хотя Карамзинъ писалъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства, но его рѣчь все таки тяжела и отзывается книжнымъ характеромъ вслѣдствіе симметричности ея построенія. Пушкинъ, скажемъ смѣло, открылъ намъ литературный языкъ, и дотолѣ всѣмъ намъ извѣстный, по указанію Карамзина; Пушкинъ сблизилъ литературную рѣчь съ разговорною до того, что въ настоящее время обыкновенное явленіе—поэтическая стихія въ разговорной рѣчи человѣка образованнаго, и обыкновенная рѣчь въ поэтическомъ произведеніи. Построеніе рѣчи у Пушкина до того просто, что стихъ его читается, какъ обыкновенная проза: такъ и видишь, что стихъ давался поэту легко. У него, по его словамъ:

Перо по книжкѣ бродило
Безъ всякаго труда.
Въ размѣры стройные сплетались
Его послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.

Нужно ли приводить доказательства для подтвержденія высказанной нами мысли о языкѣ Пушкина? Кто не знакомъ съ этою гармоніею, музыкою рѣчи Пушкина, по крайней мѣрѣ, въ его стихахъ?!. Это живое и бойкое слово поэта нашло себѣ путь и къ русской жизни. Мы видимъ, что фантазія Пушкина еще въ ранніе годы искала для своего творчества исторической почвы (Русланъ и Людмила), стремясь связать свои поэтическіе вымыслы съ старыми сказаніями и преданіями, гдѣ отразились разные моменты исторической жизни нашего народа. Это былъ путь, которымъ Пушкинъ ввелъ въ нашу поэзію народность,

¹⁾ Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 108.

чего не доставало ей съ тѣхъ поръ, какъ мы стали пользоваться плодами европейской цивилизаціи, и что забывалось часто послѣ Пушкина. Тѣ историческіе моменты, которые избраны были предшествовавшими Пушкину писателями для поэтическихъ произведеній,—эти моменты представляемы были въ подражаніе памятникамъ другихъ литературъ, и дѣйствительность искажалась. Такимъ образомъ Пушкинъ далъ намъ знать, что народность, кромѣ языка, состоитъ въ вѣрномъ воспроизведеніи жизни народа со всѣми его понятіями, вѣрованіями и завѣтными стремленіями.

Разсматривая Пушкина, какъ литературнаго дѣятеля, въ народности его направленія, мы не можемъ при этомъ не сказать словами Гоголя, который глубоко уважалъ Пушкина, какъ наставника въ созданіи своихъ поэтическихъ произведеній:

„При имени Пушкина“, говоритъ Гоголь: „тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ быть названъ національнымъ: это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла“.

Говоря о Пушкинѣ, какимъ онъ проявилъ себя, какъ литературный дѣятель, мы желали направить свою мысль къ тому, что при сужденіи о Пушкинѣ необходимо, во-первыхъ, отвѣчаться отъ предвзятыхъ на него взглядовъ; во-вторыхъ, отъ тѣхъ проявленій въ его литературной дѣятельности, что случайно было навѣяно на него направленіемъ поэтовъ, которымъ онъ подчинился въ періодъ увлеченій и подражательности, но отъ чего онъ самъ отказался, увлекшись гениальнымъ Шекспиромъ. Вотъ почему мы, говоря о дѣятельности Пушкина, о его направленіи, даже не упомянули о тѣхъ противорѣчіяхъ, на что всегда указываютъ его критики, ни о вліяніи Байрона: мы говорили о Пушкинѣ, какъ о самостоятельномъ русскомъ поэтѣ, на которомъ, какъ на человѣкѣ цивилизаціи извѣстной эпохи, не могли не отразиться западноевропейскія идеи тѣмъ болѣе, что Пушкинъ очень много употребилъ труда для своего саморазвитія и умственнаго усовершенствованія.¹⁾

Пушкинъ тогда только создавалъ извѣстный типъ, когда проникался особенностями его натуры, когда душа извѣстнаго человѣка становилась вполне ему понятною. Мы не можемъ сказать, чтобы его

¹⁾ Вѣстникъ Европы, августъ, 1880 г., рѣчь г. Тихонравова.

герои были воспроизведеніемъ героевъ байроновскихъ: первые его герои представляютъ собою извѣстное общественное томленіе, вызванное продолжительнымъ застоємъ послѣ сильнаго возбужденія умственнаго и нравственнаго въ 1812 году. Пушкинъ не могъ увлекаться Байрономъ до ослѣпленія потому, что онъ обсуживаетъ Байрона хладнокровно: онъ видѣлъ въ немъ пламеннаго демона въ созданіи только Гяура и Чайльдъ-Гарольда. Да и о послѣднемъ произведеніи Пушкинъ говорилъ: „Послѣ четверт. пѣсни Чайльдъ-Гарольда, Байрона мы не слышали, а писалъ какой-то другой поэтъ, съ высокимъ человѣческимъ талантомъ“. „Въ Байронѣ, говоритъ Пушкинъ, не было постепенности: онъ вдругъ созрѣлъ, возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвращались“.

Вооружившись такими данными о Пушкинѣ, мы можемъ правильно судить о характерѣ его поэтической дѣятельности, въ которой отражается духъ его личности; тогда только въ нашемъ поэтѣ мы увидимъ геніальнаго самостоятельнаго русскаго поэта, котораго заслуги, указанные нами, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Пушкинъ своею литературною дѣятельностію показалъ, что поэтъ долженъ быть свободною независимою личностію, какъ передовой общественный дѣятель, выражающій общественное мнѣніе.

2) Пушкинъ внесъ въ русскую литературу новое направленіе чистаго искусства, потребность котораго вытекала изъ направленія нашего общества: такая поэзія способствуетъ развитію эстетическаго и нравственнаго чувства.

3) Пушкинъ показалъ, что жизнь есть поэзія и поэзія есть та-же жизнь. Съ Пушкина у насъ начинается реально-художественное направленіе въ искусствѣ; вслѣдствіе такого направленія его поэзіи, „никто“, по словамъ Бѣлинскаго, „рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ“.

4) Пушкинъ, какъ общественный дѣятель, какъ поэтъ мыслитель, имѣлъ значеніе для своего времени въ подъемѣ общественнаго сознанія, а въ рѣшеніи многихъ вопросовъ умственной, нравственной и общественной жизни онъ имѣетъ значеніе общечеловѣческое, какъ поэтъ классическій.

5) Наконецъ, Пушкинъ открылъ намъ все богатство нашего роднаго языка какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи; съ этой точки зрѣнія онъ болѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ—національный русскій поэтъ, какъ Крыловъ поэтъ народный; содержаніемъ же своей поэзіи изъ жизни русской Пушкинъ показалъ, въ чемъ состоитъ народность направленія въ литературѣ.

Д. Саницкий.

Пушкинская плеяда.

1.

„За стаю орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустился къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа“.

акъ изображаетъ А. Майковъ въ посланіи къ П. А. Плетневу поэтовъ первой четверти настоящаго столѣтія. Хотя поэтический образъ, избранный Майковымъ, нѣсколько неудаченъ, такъ какъ лебеди не относятся къ числу пѣвчихъ птицъ и, согласно легендѣ, поютъ свою лебединую пѣснь только предъ смертью, однако, вышеприведенныя строки посланія къ Плетневу напоминаютъ намъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи русской литературы. Воздемъ „стаи лебедей“ былъ А. С. Пушкинъ. Вокругъ него, какъ звѣзды первой величины, группировалась плеяда второстепенныхъ поэтовъ, связанныхъ со своимъ главою узами дружбы и общностью поэтическихъ вдохновеній. Выраженіе „пушкинская плеяда“ не слѣдуетъ смѣшивать съ „пушкинской школой“. Послѣднее понятіе гораздо шире и не только заключаетъ въ себѣ „пушкинскую плеяду“, но даже захватываетъ многихъ новѣйшихъ писателей. Пушкинская школа не ограничивается рядомъ новыхъ, такъ называемыхъ поэтовъ „чистаго искусства“, Майковымъ, Фетомъ, Полонскимъ и другими. Вспомнимъ, что Тургеневъ называлъ Пушкина своимъ учителемъ и завѣщалъ похоронить себя у его ногъ. Вспомнимъ признаніе Гончарова въ статьѣ „Лучше поздно,

чѣмъ никогда": "...Отъ Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа Пушкино-Гоголевская продолжается доселѣ, и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ за-вѣщанный ими матеріалъ. ....Пушкинъ, говорю, былъ нашъ учитель—и я воспитался, такъ сказать, его поэзіею. Гоголь на меня вліялъ гораздо позже и меньше; я уже писалъ самъ, когда Гоголь еще не закончилъ своего поприща. Самъ Гоголь, объективностью своихъ образовъ, конечно, обязанъ Пушкину же".

Пушкинъ стоитъ на грани, раздѣляющей русскую литературу на двѣ несходныя половины. До Пушкина она была, за немногими, замѣтными для современнаго историка, исключеніями, подражательной и не играла выдающейся роли въ культурномъ развитіи русскаго народа. Можно отмѣтить только попытки придать ей эту роль въ сатирическомъ направленіи Екатерининской Эпохи. Съ Пушкина литература становится національной, является самобытнымъ выраженіемъ мыслей и чувствъ общества и могучей культурной силой. Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса о пушкинской школѣ въ русской литературѣ, мы попытаемся въ предлагаемомъ очеркѣ напомнить о друзьяхъ и сотрудникахъ великаго поэта, смотрѣвшихъ на него еще при жизни, какъ на своего учителя. Въ 1847 году, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Пушкина, князь Вяземскій писалъ ¹⁾: „Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе. Ими олицетворяется послѣдній періодъ поэзіи нашей; ими, по крайней мѣрѣ до нынѣ, замыкается постепенное развитіе ея, означенное первоначально именами: Ломоносова, Петрова, Державина, послѣ—Карамзина и Дмитріева, позднѣе Жуковского, Батюшкова. Въ сихъ именахъ сосредоточивается отличительное выраженіе поэзіи русской; это ея краеугольныя, заглавныя, родоначальныя имена. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе. Нельзя сравнивать одно съ другимъ ни по степени дарованія, ни по сочувствію и одушевленію, которымъ общество отзывалось на голосъ каждаго. Отблески славы, которые отсвѣчиваются на каждомъ изъ нихъ, имѣютъ также свою отличительную игру и яркость. Многія другія дарованія проявлялись съ успѣхомъ на поприщѣ поэзіи и запечатлѣли на немъ слѣды, драгоцѣнныя для памяти народной; многія и нынѣ пробуждаютъ благодарное вниманіе наше, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ насъ, которые въ нашъ положительный вѣкъ вѣрятъ еще въ баснословную Музу и не охладѣли въ служеніи ея; но, повторяемъ, внѣ именъ, исчисленныхъ нами, нѣтъ именъ, олицетворяющихъ, характеризующихъ эпоху“. Такъ

¹⁾ Статя „Языковъ и Гоголь“. Сочиненія князя Вяземскаго т. II стр. 304.

думалъ писатель, связанный съ Пушкинымъ узами дружбы и хотя начавшій писать раньше великаго поэта, но впоследствии примкнувшій къ возбужденному имъ новому художественному и національному течению русской поэзіи. Очевидно, что кн. Вяземскій не имѣлъ того представленія о пушкинской школѣ, которое начинаетъ господствовать теперь.

По его словамъ, въ другой статьѣ того же года: „литература наша обрекла себя на десятилѣтній трауръ по кончинѣ Пушкина. Вдова вся сосредоточилась и сама погребла себя въ утратѣ и скорби своей. Домъ ея затихъ и почти опустѣлъ. Новыхъ гостей не видать въ немъ. Изрѣдка посѣщаютъ его одни старые пріятели дома и т. д.“. Очевидно, что оставленная Пушкинымъ литературная школа ограничивалась для кн. Вяземскаго перечисленными выше именами Дельвига, Баратынскаго и Языкова. Болѣе широкое значеніе Пушкинской школы было выдвинуто уже послѣ Бѣлинскаго критическими статьями Аполлона Григорьева и такими авторитетами, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Достоевскій.

Тѣхъ писателей, о которыхъ говоритъ князь Вяземскій, удобнѣе всего называть пушкинской плеядой. Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій—этими именами обыкновенно и ограничивается наше представленіе о плеядѣ. Дѣйствительно, они были ближайшими и наиболѣе талантливыми послѣдователями Пушкина. Но нельзя умолчать и о другихъ болѣе мелкихъ звѣздочкахъ изъ созвѣздія поэтовъ, окружавшихъ Пушкина. Веневитиновъ, Хомяковъ, Ѳедоръ Туманскій, Василій Туманскій, Вердеревскій, Илличевскій, Подолинскій, Деларю, Тепляковъ, баронъ Розенъ, Рылѣевъ—все это болѣе или менѣе талантливые послѣдователи Пушкина. Кромѣ того, нѣкоторые поэты, начавшіе писать раньше Пушкина, перешли на проложенный имъ путь. Изъ нихъ мы упоминали уже о кн. Вяземскомъ, къ нему слѣдуетъ присоединить Ѳ. Глинку, Козлова и Д. Давыдова. Нашъ очеркъ о пушкинской плеядѣ мы ограничимъ характеристикой жизни и литературной дѣятельности только трехъ ближайшихъ къ Пушкину членовъ плеяды—Дельвига, Языкова и Баратынскаго. Къ этому насъ побуждаютъ слѣдующія соображенія. Во первыхъ, указанные поэты и до сихъ поръ сохранились въ нашей памяти и возбуждаютъ нѣкоторый интересъ. Во вторыхъ, ихъ жизнь тѣсно связана съ жизнью Пушкина и потому имѣетъ значеніе для освѣщенія многихъ фактовъ біографіи великаго поэта. Относительно же другихъ третьестепенныхъ поэтовъ плеяды мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями. Любопытныя свѣдѣнія о многихъ изъ нихъ можно найти въ прекрасной статьѣ Пыпина въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1895 г. (Пушкинъ. Исто-

рическое его значеніе.—Его сверстники). Начнемъ съ барона Дельвига, лицейскаго товарища и одного изъ наиболѣ любимыхъ друзей Пушкина.

2.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ былъ на годъ старше Пушкина. Онъ родился 6-го августа 1798 г. въ Москвѣ. Со стороны отца онъ былъ потомкомъ древняго дворянскаго рода изъ Вестфалии, въ XVI вѣкѣ переселившася въ Лифляндію. Въ посланіи къ Дельвигу „Черепъ“ Пушкинъ въ шутливомъ тонѣ изображаетъ предполагаемыхъ предковъ своего друга, лифляндскихъ бароновъ. Мать Дельвига, урожденная Красильникова, происходила изъ стариннаго русскаго дворянства. Уже отецъ Дельвига совершенно обрусѣлъ, такъ что нашъ поэтъ въ дѣтствѣ не зналъ нѣмецкаго языка и былъ воспитанъ матерью въ русскомъ законѣ. 12 августа 1811 года Дельвигъ держалъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ пріемный экзаменъ въ Царскосельскій лицей. Въ лицей Дельвигъ, подобно Пушкину, съ которымъ онъ успѣлъ скоро подружиться, не отличался успѣхами въ наукахъ. Спокойный апатичный характеръ и необычайная лѣнь постоянно служили предметомъ насмѣшекъ среди товарищей. Пушкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Дельвигѣ такъ говоритъ о немъ: „Память у него была тупа; понятія лѣнны. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія“. Одной только литературой Дельвигъ занимался усердно и безъ всякаго принужденія. „Любовь къ поэзіи, продолжаетъ Пушкинъ,—пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ, съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ (Кюхельбекеромъ). Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго“. Дельвигъ принималъ живое участіе во всѣхъ литературныхъ затѣяхъ лицейстовъ. Онъ помѣщалъ свои сочиненія въ лицейскихъ журналахъ и первымъ изъ лицейскихъ писателей попалъ въ настоящій журналъ. Въ 1814 году въ „Вѣстникѣ Европы“ (изд. Вл. Вас. Измайловымъ) напечатана была его патріотическая ода „На взятіе Парижа“, подписанная псевдонимомъ „Русскій“. Съ этихъ поръ стихотворенія Дельвига появляются во многихъ журналахъ того времени. Въ первыхъ произведеніяхъ Дельвига замѣчается вліяніе тѣхъ же писателей, которые оказывали воздѣйствіе на Пушкина. Дельвигъ восторгается Державинымъ—„Пиндара, Флакка побѣдителемъ, небесныхъ пѣсень похитителемъ“, Жуковскимъ, читаетъ Батюшкова, французскихъ эротическихъ поэтовъ Парни, Грекура и др. Товарищи высоко ставили

поэтическія произведенія Дельвига. Извѣстенъ довольно пристрастный отзывъ Пушкина: „Оды къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ писаны имъ на пятнадцатомъ году. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ“. По окончаніи лица Дельвигъ поступилъ на службу въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, затѣмъ опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ, наконецъ нашелъ себѣ наиболѣе подходящую службу въ Императорской публичной библіотекѣ. Дельвигъ былъ помощникомъ библіотекаря русскаго отдѣла И. А. Крылова. Знаменитый баснописецъ и нашъ поэтъ не уступали одинъ другому въ лѣни и безпечности. Впрочемъ, до недоразумѣній и ссоръ у нихъ дѣло не доходило: они кое-какъ несли общее бремя. На службѣ въ публичной библіотекѣ Дельвигъ закончилъ, такъ сказать, свое литературное образованіе. Кромѣ Крылова, сослуживцемъ Дельвига былъ Гнѣдичъ, видѣвшій въ Дельвигѣ одного изъ своихъ послѣдователей въ примѣненіи гекзаметра къ русской стихотворной рѣчи. Живя въ Петербургѣ, Дельвигъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ тогдашнимъ писателямъ: Жуковскому, Карамзину, Плетневу, Баратынскому, Языкову и др. Въ 1825 году Дельвигъ неизвѣстно по какой причинѣ уволился изъ библіотеки и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Эту послѣднюю должность онъ занималъ до самой смерти. Вообще, служебное поприще Дельвига нельзя назвать блестящимъ. Онъ болѣе числился, чѣмъ служилъ. Сослуживцы отзывались о немъ, какъ о чиновникѣ въ высшей степени безпечномъ. Добродушіе и лѣность красною нитью проходятъ чрезъ всю жизнь Дельвига. Онъ любилъ и въ поэзіи, и въ жизни рисоваться своею безпечностью и лѣнью. Подобная рисовка, впрочемъ, была тогда въ модѣ и представляла собою слабый отблескъ той житейской безпечности и погруженія въ область субъективныхъ ощущеній, которыя проповѣдывали нѣмецкіе романтики. Пушкинъ, Батюшковъ, Вяземскій, Давыдовъ наперерывъ старались заявлять о своей лѣни. Князь Вяземскій въ одномъ изъ своихъ посланій прямо замѣчаетъ:

„Въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лѣнь не порокъ, но добродѣтель“.

Свой идеалъ жизни Дельвигъ выразилъ въ поэтической формѣ въ стихотвореніи „Тихая жизнь“:

„Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется.

.....
Умру, и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? Я блаженъ; я живши могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастье въ Лилетѣ“.

„Въ этомъ,—по словамъ Гаевского, подробно изучавшаго жизнь и литературную дѣятельность Дельвига, ¹⁾—идеалъ жизни, идеалъ невысокомъ и потому достигнутомъ,—Дельвигъ выразилъ свои воззрѣнія на жизнь, которымъ не измѣнялъ никогда, свои требованія отъ жизни, свой отличительный характеръ“. Лѣтъ Дельвига выражалась также въ томъ, что онъ не любилъ писать; о немъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ составилось мнѣніе, что онъ былъ поэтомъ болѣе въ душѣ, чѣмъ на бумагѣ. По словамъ Пушкина: „Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе замыслы и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ они были написаны, но когда, наконецъ, онъ ихъ читалъ, облеченные въ звучные гексаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ русская его идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса“.

„Въ жизни Дельвига, бѣдной и происшествіями, и внутренней дѣятельностью, не ознаменованной ни трудомъ, ни плодотворнымъ вдохновеніемъ, выдается только одна яркая черта—дружба съ великимъ поэтомъ. Не смотря на нѣкоторую степень самостоятельности, едва замѣтной возлѣ гениальной натуры Пушкина, Дельвигъ прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенія, и своею неожиданною извѣстностью. Немеркнущая слава Пушкина, сохранившая много темныхъ именъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвига неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія, и оно долго будетъ повторяться на лучшихъ страницахъ будущей исторіи нашей литературы“. ²⁾

Въ этихъ словахъ Гаевского заключается, по нашему мнѣнію, вполне вѣрная оцѣнка литературной дѣятельности Дельвига. Своею извѣстностью и той выдающейся ролью, которую онъ игралъ въ средѣ писателей своего времени, Дельвигъ обязанъ главнымъ образомъ близкой дружбѣ съ Пушкинымъ. Мы постараемся по возможности подробно прослѣдить отношенія Дельвига къ Пушкину, имѣя въ виду, что все, касающееся нашего великаго поэта, заслуживаетъ особаго вниманія.

Изъ всѣхъ лицейскихъ товарищей Пушкинъ наиболѣе близко сошелся съ Дельвигомъ. Живой, пылкій въ чувствахъ и мысляхъ и задорный въ обращеніи, юноша-поэтъ, получившій отъ товарищей прозвание француза, нашелъ въ совершенно противоположномъ по харак-

¹⁾ Статьи въ „Современникѣ“ 1853 и 1854 г.г.

²⁾ Современникъ 1854 г. № 9 стр. 42. Отдѣлъ критики.

теру Дельвигъ друга, раздѣлявшаго его поэтическое вдохновеніе. „Я зналъ его въ лицѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣннаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковского. Съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ“— пишетъ Пушкинъ о Дельвигѣ въ письмѣ къ Плетневу 31 января 1831 года.

Въ лицѣ Дельвигъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ принялся изучать нѣмецкій языкъ, но Пушкинъ вскорѣ оставилъ эти занятія, такъ какъ не чувствовалъ симпатіи къ нѣмецкому языку:

„Разбиралъ я нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго“,

сознается онъ въ отрывкѣ „Бова“. О лицейскихъ стихотворныхъ опытахъ Дельвига Пушкинъ далъ въ послѣдствіи самый лестный отзывъ. Свои собственныя стихотворенія Пушкинъ одно время считалъ ниже Дельвига;

„Когда-бъ подобны были
Моимъ твои стихи,
То скоро-бъ всѣ забыли,
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходитъ на Парнасъ,
Покою поклонился
И пишетъ въ добрый часъ“

(Лицейское посланіе Дельвигу).

Дельвигъ съ своей стороны восторгался лицейскими стихотвореніями Пушкина.

„Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпѣ торжествующій!“

воскликаетъ нашъ поэтъ въ посланіи къ Пушкину. Дельвигъ смотрѣлъ на Пушкина, какъ на достойнаго преемника Державину. Въ лицейской одѣ на смерть Державина (1816 г.) онъ съ такими словами обращается къ Пушкину:

„Кто-жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто? Пушкинъ.
Кто пламенный, избранный Зевсомъ еще въ колыбели счастливецъ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ?
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камени!
Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!“

Такъ превозносили другъ друга молодые поэты, но время показало, кто изъ нихъ правъ.

По окончаніи лица Дельвигъ уѣхалъ въ Малороссію къ отцу, а Пушкинъ остался въ Петербургѣ. Друзья переписывались рѣдко, — и это вызвало со стороны Дельвига посланіе „А. С. Пушкину“:

„А я ужель забыть тобою,
Мой братъ по Музѣ, мой Орестъ?“

Съ пріѣздомъ Дельвига въ Петербургъ друзья видались ежедневно и вели веселую беззаботную жизнь. Вскорѣ Пушкинъ принужденъ былъ уѣхать на югъ.

„Дельвигъ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня“,... жалуется Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву изъ Кишинева 13 іюня 1823 года.

Интересно слѣдующее письмо Пушкина:

„Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но, признаюсь, баронъ, я грѣшенъ;
Стихамъ я больше былъ бы радъ“.

„Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки? Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года,—напиши своего „Монаха“. Поэзія мрачная, богатырская сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка, не убивай вдохновеннаго поэта“. Немного раньше въ письмѣ къ брату Льву 30 января Пушкинъ писалъ: „Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка,—единственной вещи, которой у тебя недоставало: en avant marche!“ Впослѣдствіи Пушкинъ измѣнилъ свое мнѣніе, вызванное, по всей вѣроятности, его собственнымъ увлеченіемъ Байрономъ, и видѣлъ, что „удѣлъ“ его друга составляетъ не мрачная, байроническая поэзія, а идиллическая. Въ одномъ изъ писемъ Пушкинъ проситъ Дельвига позаботиться о его братѣ Львѣ: „Другъ мой — пишетъ онъ — есть у меня до тебя просьба: узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь“. Это показываетъ, что Дельвигъ до такой степени былъ близокъ Пушкину, что этотъ посвящалъ его даже въ свои семейныя дѣла. Осенью 1824 года Пушкинъ переѣхалъ въ село Михайловское. Въ сентябрѣ Дельвигъ посылаетъ ему интересное письмо, начало котораго мы приведемъ, какъ выраженіе мнѣнія о нашемъ великомъ поэтѣ его друзей и части общества, интересовавшейся вопросами литературы: „Великій Пушкинъ, маленькое дитя! Иди, какъ шель, то есть, дѣлай, что хочешь; но не сердись на мѣры людей и безъ того напуганныхъ. Общее мнѣніе для тебя существуетъ и мститъ хорошо.“

Я не видѣлъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели-бъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ,—бьюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была бы толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ сердцами нашими, какъ ты. Чего тебѣ недостаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ. Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради! Употреби получше время твоего изгнанія. Продавъ второе изданіе твоихъ сочиненій, пришлю тебѣ и денегъ, и, ежели хочешь, книгъ“.

Въ одномъ изъ писемъ изъ Михайловскаго (декабрь 1824 г.) Пушкинъ по поводу книги Муравьева—Апостола „Путешествіе по Тавридѣ“ передаетъ Дельвигу впечатлѣнія своего путешествія по Крыму. Весною 1825 года Дельвигъ собирался заѣхать къ Пушкину въ Михайловское, по дорогѣ изъ Витебска, куда онъ ѣздилъ на свиданіе съ родными. Въ Витебскѣ Дельвигъ заболѣлъ горячкою, и Пушкинъ, не получая отъ него извѣстій и съ нетерпѣніемъ ожидая его пріѣзда, послалъ въ Витебскъ оригинальное письмо: большой листъ бумаги со слѣдующими только словами: „Дельвигъ, живъ ли ты?“

Наконецъ, Дельвигъ выздоровѣлъ, и друзья свидѣлись. Въ лицейской годовщинѣ 19 октября 1825 года мы находимъ слѣдующія строки, посвященныя Дельвигу:

„Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурю главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣшунъ парнаскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.
Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши“.

„Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду“, пишетъ Пушкинъ брату Льву 22 апрѣля, „онъ очень милъ. Наши барышни всѣ въ него влюбились, а онъ равнодушенъ, какъ колода; любитъ лежать въ постелѣ, восхищаясь чигиринскимъ старостою“ (изъ поэмы Рылѣева „Наливайко“). Друзья вмѣстѣ проводили вечера въ Тригорскомъ у П. А. Осиповой.

Въ концѣ 1827 года Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ и почти ежедневно бывалъ у Дельвига. Это было время особаго оживленія лите-

ратуры. На одномъ изъ литературныхъ вечеровъ у Дельвига Пушкинъ читалъ „Бориса Годунова“. Баронъ Розень сообщалъ Гаевскому, что известная сцена въ „Борисѣ“ между Дмитріемъ и злымъ чернецомъ исключена по совѣту Дельвига. Надо замѣтить, что Дельвигъ чтилъ въ своемъ другѣ геніальнаго поэта и былъ очень остороженъ въ обращеніи съ его стихами. Такъ, по сообщенію Гаевского, онъ не хотѣлъ сдѣлать даже незначительной поправки въ стихотвореніи Пушкина „Загадка“ („Кто на снѣгахъ возрастилъ Теокрытовы нѣжныя розы“) безъ вѣдома поэта. Дельвигъ часто бывалъ посредникомъ Пушкина въ его сношеніяхъ съ издателями. Ни одной книжки „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, ни одного номера „Литературной газеты“ не обходилось безъ участія Пушкина.

„Посылаю тебѣ, баронъ“,—пишетъ Пушкинъ въ письмѣ изъ Болдина 4 ноября 1830 года, —„вассальную мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится въ ноябрѣ, въ самую пору „Цвѣтовъ“. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна и что, коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, то въ замкѣ твоємъ—„Литературной газетѣ“ пѣсни трубадуровъ не умолкнуть круглый годъ“.

Дельвигъ- вмѣстѣ съ Пушкинымъ являлся центромъ, около котораго группировались писатели новаго романтическаго направленія. Соединялъ онъ ихъ вокругъ себя не силою поэтическаго таланта, а своею личностью, своимъ изящнымъ вкусомъ и критическимъ чутьемъ.

Значеніе Дельвига еще болѣе увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ обратился къ издательской и журнальной дѣятельности. Главная же причина такого вліянія Дельвига, независимо отъ его личныхъ качествъ, заключалась въ его тѣсной дружбѣ съ Пушкинымъ, къ сужденіямъ котораго съ особымъ уваженіемъ относились молодые писатели-романтики. Пушкинъ присылалъ свои стихотворенія Дельвигу, прежде чѣмъ напечатать ихъ; тоже дѣлали Баратынскій, а иногда и Жуковский. Имъ подражали многіе мелкіе писатели, которые дѣйствительно нуждались въ совѣтахъ Дельвига.

О своихъ отношеніяхъ къ Пушкину и Баратынскому Дельвигъ говоритъ въ прекрасномъ своемъ сонетѣ Н. М. Языкову:

„Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ парнаскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ)
Плететь Амуръ съ Каменной сладкогласной.
Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ.
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Какою то любовью пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца „Пировъ“ я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье“.

Дружбу съ Пушкинымъ Дельвигу часто ставили въ упрекъ тогдашніе журналисты.

Въ одномъ изъ альманаховъ кружокъ Дельвига былъ названъ „обществомъ друзей взаимнаго прославленія“. Среди насмѣшекъ слышался упрекъ, что будто бы „литературная слава знаменитаго поэта нашего барона Дельвига непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ Пушкинымъ и Баратынскимъ и что одна половина стихотвореній его (исключая гекзаметровъ) принадлежитъ Пушкину, а другая Баратынскому“. Критика эта вызвала слѣдующій отвѣтъ Дельвига: „По природѣ и по образу мыслей моихъ я всегда былъ и буду равнодушенъ къ похваламъ и брани журнальныхъ аристарховъ нашихъ: никогда не сердился на ихъ замѣчанія, даже радовался, доставляя имъ случай написать одну или двѣ лишнія странички. Но, прочитавъ въ № 19 „Галатеи“, критику на мои стихотворенія, почелъ обязанностью замѣтить сочинителю ея всю неприличность его нападокъ на нравственное чувство уваженія, которое я со всѣми благомыслящими соотечественниками питаю къ Пушкину, Баратынскому и Плетневу... Съ благородною гордостью радуюсь, что могу безъ лести хвалить друзей моихъ“.

Въ послѣдній разъ Пушкинъ видѣлся съ Дельвигомъ въ августѣ 1830 года предъ отъѣздомъ въ Болдино. Вотъ какъ самъ Пушкинъ рассказываетъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи: „Я ѣхалъ съ В. изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа поутру мы вышли изъ города. В. долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ. Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ 8-мъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ; Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ, говорливъ. Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать... Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическія мечты, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели они были написаны“.—Неожиданная смерть Дельвига поразила и глубоко опечалила Пушкина. „Что скажу тебѣ, мой милый!“—пишетъ онъ Плетневу 21 января 1831 года.—„Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздила къ Салты-

кову (тесть Дельвига) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы почти осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Нащекинымъ, который сильно пораженъ его смертью — говорили о немъ, называли его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласились: покойникъ — Дельвигъ — быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы“. „Бѣдный Дельвигъ!“ — пишетъ немного спустя — „помянемъ его“ „Сѣверными Цвѣтами“. Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли?... Я хорошо знаю его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами“. „Память Дельвига единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія“, пишетъ онъ въ письмѣ къ тому же Плетневу, а въ день лицейской годовщины 19 октября 1831 года, съ грустью вспоминая объ умершихъ товарищахъ, посвящаетъ Дельвигу слѣдующія строки:

„И мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда въ толпу тѣней родныхъ
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній“.

Мы видѣли, чѣмъ былъ обязанъ Дельвигъ Пушкину — теперь является вопросъ, какое вліяніе въ свою очередь оказалъ Дельвигъ на поэзію Пушкина, въ жизни котораго онъ много значилъ, будучи по собственному признанію Пушкина „ближе всѣхъ на свѣтѣ“. Безъ сомнѣнія вліяніе это было, но незначительное и косвенное. Конечно не Дельвигъ, а гениальные поэты, въ родѣ Байрона и Шекспира, могли оказать вліяніе на направленіе поэзіи Пушкина, но сюжеты отдѣльных стихотвореній могли быть навѣяны Дельвигомъ. Такъ г. Валер. Майковъ, издавшій сочиненія Дельвига, указываетъ на сонетъ Пушкина „Поэту“, стихи котораго:

„Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“,

сравниваетъ съ началомъ сонета Дельвига Н. М. Языкову:

„Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ парнаскимъ высотамъ“.

Извѣстную долю вліянія Дельвига можно также видѣть въ стихотвореніяхъ Пушкина на антологическія и народныя темы. Но, повторяемъ, это было вліяніе косвенное и внѣшнее. Всѣ стихотворенія Пушкина по формѣ и содержанію стоятъ неизмѣримо выше стихотвореній Дельвига такъ что о непосредственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи.

Послѣ подробнаго разсказа о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и Дельвига намъ остается сказать о литературной дѣятельности послѣдняго и объ ея значеніи.

Въ началѣ 1823 года Дельвигъ сталъ издавать альманахъ „Сѣверные Цвѣты“. Изданіе литературныхъ сборниковъ или альманаховъ было моднымъ явленіемъ въ русской литературѣ первой половины настоящаго столѣтія. Дельвигъ называлъ ихъ „годовыми выставками литературныхъ произведеній“. Наши альманахи явились подражаніемъ подобнымъ изданіямъ въ Германіи и Франціи, гдѣ они первоначально издавались вмѣстѣ съ календарями. Первымъ русскимъ альманахомъ обыкновенно считаютъ сборникъ Карамзина „Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній“, (1796 г.). Сначала Дельвигъ принималъ участіе въ альманахѣ Бестужева-Рюмина „Полярная Звѣзда“, а затѣмъ, при посредствѣ книгопродавца Сленина, началъ издавать свой альманахъ. Въ первой книжкѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ приняли участіе всѣ современныя литературныя знаменитости. Пушкинъ напечаталъ здѣсь: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, „Демонъ“, „Отрывки изъ Евгенія Онѣгина“, „Прозерпину“. Крыловъ далъ 5 басенъ, Жуковскій и Баратынскій нѣсколько стихотвореній. Самъ Дельвигъ помѣстилъ здѣсь 3 русскихъ пѣсни: „На яву и въ сладкомъ снѣ“, „Скучно, дѣвушки, весною жить одной“, „Пѣла, пѣла пташечка“, романсъ: „Друзья, друзья! Я Несторъ между вами“ и идиллію „Купальщицы“. Близость къ Пушкину, Жуковскому, Баратынскому и другимъ извѣстнымъ писателямъ давали Дельвигу возможность наполнять свой альманахъ и въ слѣдующіе годы лучшими произведеніями. Альманахъ Дельвига являлся періодическимъ изданіемъ кружка молодыхъ романтическихъ писателей, ихъ органомъ. Пушкинъ особенно симпатизировалъ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“. „Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣтить на письма Дельвига?—пишетъ онъ князю Вяземскому въ апрѣлѣ 1825 года.—Онъ человекъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, и не чета вашей литературной санктъ-петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его „Цвѣты“ на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся“.

Не менѣе благосклонно отнеслись къ альманаху и другіе писатели. Кн. Вяземскій говорилъ, что „Сѣверные Цвѣты“ могутъ выдержать соперничество съ лучшими альманахами европейскими. Марлинскій писалъ, что „Сѣверные Цвѣты“ блещутъ всею яркостью красокъ поэтической радуги; Полевой утверждалъ, что это неподдѣльные цвѣты, которые не боятся никакого критическаго дождя; Плетневъ сравнивалъ ихъ съ выставками въ Академіи Художествъ.

Вскорѣ Дельвигъ выступилъ на болѣе широкое поприще. Не оставляя альманаха, онъ сталъ издателемъ „Литературной газеты“ и представителемъ критическихъ воззрѣній Пушкина и другихъ писателей, группировавшихся около этого послѣдняго. Какъ издатель „Литературной газеты“, Дельвигъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской критики и журналистики. Критика въ журналахъ 20-хъ годовъ, еще сравнительно недавно возникшая, находилась, такъ сказать, въ хаотическомъ состояніи. Определенныхъ критическихъ пріемовъ въ ней не установилось; вмѣсто нихъ господствовали личные нападки. Пушкинъ прекрасно сознавалъ недостатки тогдашней журнальной критики и нерѣдко страдалъ отъ ея мелочныхъ и придирчивыхъ разборовъ. У него неоднократно являлась мысль основать серьезный литературный органъ, „возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики“. Потому то великій поэтъ выражалъ искреннее сочувствіе „Московскому Телеграфу“ Полевого, пока въ немъ критика воздерживалась отъ нападокъ на личности. Затѣмъ симпатіи Пушкина перешли къ „Московскому Вѣстнику“, издаваемому Погодинымъ при участіи кружка писателей, изучавшихъ нѣмецкую философію и желавшихъ познакомить русскую публику съ нѣмецкими эстетическими теоріями. Журналъ этотъ держался теоріи искусства ради искусства, къ которой былъ склоненъ и Пушкинъ. „Литературная газета“ явилась продолженіемъ „Московского Вѣстника“. О нѣмецкой философіи въ ней не было рѣчи; но возникновеніе ея, совпавшее съ прекращеніемъ „Московского Вѣстника“, объясняется потребностью въ новомъ литературномъ органѣ для Пушкина и его послѣдователей. „Литературную Газету“ Дельвигъ сталъ издавать по просьбѣ своихъ друзей, главнымъ образомъ, Пушкина и кн. Вяземскаго.

Въ „Газетѣ“ принимали участіе почти всѣ сотрудники „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Новый органъ пушкинскаго кружка отказывался отъ „критической перебранки“ и объявлялъ, что будутъ принимаемы „критики, имѣющія въ виду не личныя привязки, а пользу какой-либо науки и искусства“. На самомъ же дѣлѣ „Литературной газетѣ“ не удалось избѣжать „критической перебранки“. Съ первыхъ же номеровъ пришлось защищаться и, въ свою очередь, дѣлать нападенія на журнальных критиковъ, особенно на издателя „Сѣверной Пчелы“ Ѳ. Булга-

рина. Полемика съ литературными врагами принесла много неприятностей Дельвигу и, можно сказать, сократила его жизнь. Въ 23-мъ № „Литературной газеты“ за 1830 годъ появилась статья безъ подписи „Объясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ литературныхъ“, принадлежащая лицу, близкому къ редакціи, но во всякомъ случаѣ не Дельвигу и не Пушкину. Въ этой, довольно слабой, статьѣ авторъ сравниваетъ въ пылу полемики нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII столѣтія, „эпиграммы которыхъ приготовили крики: les aristocrates à la lanterne (т. е. французскую революцію). Само собою разумѣется, что журналисты обидѣлись и, въ свою очередь, назвали издателей и сотрудниковъ „Литературной газеты“ аристократами „въ ироническомъ смыслѣ“. Возгорѣлась полемика, тѣмъ болѣе ожесточенная, что въ ней были задѣты личности (Пушкинъ, какъ извѣстно, очень дорожилъ своимъ древнимъ дворянствомъ). Дѣло дошло до того, что Дельвигъ вызвалъ Булгарина на дуэль, отъ которой этотъ послѣдній отказался, заявивъ, что „на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови (онъ былъ офицеромъ въ отставкѣ), чѣмъ его противникъ чернилъ“. Все это такъ потрясло Дельвига, что онъ впалъ въ апатію и пересталъ заботиться о своемъ изданіи. „Литературная Газета“ стала запаздывать, статьи ея уже лишены были прежняго интереса и потому число подписчиковъ на слѣдующій годъ значительно убавилось. Вскорѣ по доносу Булгарина Дельвигу былъ сдѣланъ въ III Отдѣленіи выговоръ за напечатаніе стихотворенія французскаго поэта Делавиня по поводу іюльской революціи. Вызванное этимъ доносомъ объясненіе съ графомъ Бенкендорфомъ окончательно надорвало Дельвига. Къ духовному потрясенію присоединилась простуда, Дельвигъ серьезно заболѣлъ и скончался 14 января 1831 года.

Просуществовавъ всего лишь полтора года, „Литературная газета“ фактически успѣла сдѣлать мало, но уже одно ея стремленіе (не осуществившееся, какъ мы видѣли), стать „внѣ критической перебранки“ имѣло благотворное вліяніе на общество и послѣдующую критику. Это былъ первый нашъ журналъ съ яснымъ и опредѣленнымъ критическимъ направленіемъ, котораго недоставало всѣмъ предшествовавшимъ журналамъ, не исключая даже и „Московского Вѣстника“.

Продолженіемъ „Литературной газеты“ явился „Современникъ“ Пушкина, издававшійся при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и державшійся того же направленія въ критикѣ.

По общему признанію, Дельвигъ принадлежитъ къ второстепеннымъ поэтамъ. Бѣлинскій произнесъ надъ нимъ слѣдующій рѣшительный приговоръ. „Дельвигъ.... Но Дельвигу Языковъ написалъ прелестную поэтическую панихиду, но Дельвига Пушкинъ почитаетъ человекомъ съ необыкновенными дарованіями, куда же мнѣ спорить съ

такими авторитетами? Дельвига почитали нѣкогда огречившимся нѣмцемъ: правда ли это? De mortuis aut bene, aut nihil, и потому я не хочу обнаруживать собственнаго мнѣнія о семь поэтѣ. Вотъ, что нѣкогда было напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ о его стихотвореніяхъ: „ихъ можно прочитатъ съ легкимъ удовольствіемъ, но не болѣе. Такихъ поэтовъ много было въ прошлое десятилѣтіе“. Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій заявляетъ: „имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга Пушкина“...

Такое же мнѣніе относительно стихотвореній Дельвига высказывала и та часть современной ему журналистики, которая стояла въ сторонѣ отъ пушкинскаго кружка.

Нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи стараются найти оправданіе, очевидно, пристрастнымъ отзывамъ о Дельвигѣ Пушкина и его друзей въ особенномъ складѣ творчества нашего поэта. Дельвигъ, говорятъ они, былъ болѣе поэтъ въ душѣ, чѣмъ на бумагѣ, и не обладалъ способностью живо воспроизводить свои созданія. „Отъ него, по словамъ Анненкова, чрезвычайно много ожидали и, какъ кажется, особенно за способность развивать планы новыхъ произведеній и, вообще, придумывать содержаніе поэмъ“.

Строгость идеи, глубина чувства, значеніе лицъ и происшествій въ его неосуществленныхъ фантазіяхъ были таковы, что разъ В. А. Жуковскій, при разсказѣ объ одной изъ замышляемыхъ имъ поэмъ, сказалъ, обнимая будущаго ея творца: „Берегите это сокровище въ себѣ до дня его рожденія“,—но день рожденія не наступилъ. Какъ бы то ни было, но съ мнѣніемъ Бѣлинскаго, довольно рѣзкимъ и неблагоприятнымъ для нашего поэта, нельзя не согласиться въ общемъ, хотя въ частностяхъ можно указать и на положительныя заслуги Дельвига, какъ поэта, особенно на его русскія пѣсни, еще и теперь пользующіяся извѣстностью. Поэзія Дельвига является въ своей сущности народно-идиллической и подражательной. Съ одной стороны, онъ подражалъ древнимъ въ идилліяхъ и антологическихъ стихотвореніяхъ, а съ другой—народнымъ пѣснямъ. Пушкинъ и его друзья приходили въ восторгъ отъ идиллій Дельвига. Пушкинъ даетъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19 столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть, болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ“. Напротивъ, критики, стоявшіе внѣ пушкинскаго кружка, указывали на то, что Дельвигъ вовсе не угадалъ греческой поэзіи, что его муза прикрывается вмѣсто классическихъ одеждъ „душегрѣй-

кой новѣйшаго уныніа“, какъ остроумно выразился И. В. Кирѣевскій. Дѣйствительно, приходится сознаться, что Пушкинъ слишкомъ преувеличивалъ достоинство идиллій своего друга. Внимательный читатель увидить, что въ нихъ, не говоря уже объ указанномъ Кирѣевскимъ меланхолическомъ тонѣ, слишкомъ много искусственнаго для того, чтобы ихъ можно было назвать безукоризненными подражаніями древнимъ. Пастухи и пастушки Дельвига немногимъ отличаются отъ героевъ ложно-классическихъ идиллій. Только лишь въ превосходной и одиноко стоящей русской идилліи „Отставной солдатъ“ довольно вѣрно схвачены черты народнаго міросозерцанія и обычаевъ. Изящность языка и гексаметровъ въ идилліяхъ Дельвига способствуютъ тому, что онѣ читаются легко и съ удовольствіемъ.

Таковы же внѣшнія достоинства сонетовъ Дельвига, для которыхъ онъ, по выраженію Пушкина, „забывалъ гексаметра священные напѣвы“. Романсы Дельвига за легкость стиха и теплоту чувства пользовались въ свое время большою популярностью. Многіе изъ нихъ переложены на музыку извѣстными композиторами—Глинкою, Даргомыжскимъ и др. Особый интересъ представляютъ подражанія Дельвига народнымъ пѣснямъ. Интересъ къ народному языку и поэзіи сталъ появляться у Дельвига еще въ лицѣ. Такъ, онъ приходилъ въ восторгъ отъ простой русской рѣчи и письменнаго слога няни Пушкина. Собирали-ли Дельвигъ самъ народныя пѣсни, врядъ ли можно сказать утвердительно. По словамъ Сахарова, Пушкинъ, собиравшій народныя пѣсни Псковской губерніи, передалъ свое собраніе Дельвигу. Отъ него они снова вернулись къ Пушкину и были переданы имъ П. В. Кирѣевскому. Кромѣ того, Дельвигъ могъ изучать пѣсни по многочисленнымъ сборникамъ, вышедшимъ до него и выходившимъ при его жизни. Какъ бы то ни было, но Дельвига считали въ свое время однимъ изъ знатоковъ народной поэзіи. Сравненіе пѣсенъ Дельвига съ народными показываетъ, что онъ стремился воспроизвести формальную сторону, языкъ, эпитеты и символы народной пѣсни, что ему и удалось.

Что же касается внутренней стороны пѣсенъ Дельвига, ихъ содержанія, то они почти совершенно расходятся съ народными пѣснями. Дельвигу не удалось воспроизвести народнаго міросозерцанія. Какъ въ идилліяхъ, такъ и въ пѣсняхъ замѣчается большая доза сентиментальности и романтической меланхоліи. И на свои подражанія народнымъ пѣснямъ Дельвигъ, употребляя выраженіе Кирѣевского, „набросилъ душегрѣйку новѣйшаго уныніа“. По словамъ Бѣлинскаго: „русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепіано и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Дѣйствительно, они пользовались въ музыкальномъ отношеніи большою популярностью. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. „Соловей“ музыка Глинки) еще и теперь охотно поются и слушаются.

Изъ числа поэтовъ плеяды Баратынскій наименѣе забытъ. Даже Бѣлинскій, отзывавшійся о немъ не очень лестно, говоритъ: „изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому“. Недавно въ 1894 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Баратынскаго. По этому поводу появились новыя изданія его сочиненій, статьи посвященныя ему, и видно было стремленіе оживить въ памяти образъ самого поэта и дать критическую оцѣнку его поэзіи. Ничего подобнаго не вызвали 100 лѣтняя годовщина рожденія Дельвига и пятидесятилѣтіе со дня смерти Языкова. Очевидно поэзія Баратынскаго хранить въ себѣ кое-что живучее, сближающее ее съ современностью. Еще до столѣтней годовщины рожденія С. А. Андреевскій въ своихъ „литературныхъ чтеніяхъ“ посвящаетъ ей цѣлую статью, представляющую, если можно такъ выразиться, защитительную рѣчь за Баратынскаго противъ критики Бѣлинскаго. „Что въ настоящее время осталось отъ поэзіи Баратынскаго въ нашей памяти?“—спрашиваетъ г. Андреевскій—„Стихотвореніе „На смерть Гете“, далеко не лучшее, страдающее тѣми преувеличеніями, какія почти всегда встрѣчаются въ пьесахъ на торжественный случай; стихотвореніе „Финляндія“, написанное поэтомъ на двадцатомъ году; „Гдѣ сладкій шопоть моихъ лѣсовъ?“—слащавая вещица въ стилѣ Жуковского, и наконецъ романсъ: „Не искушай меня безъ нужды“, о которомъ едва ли многіе знаютъ, что онъ принадлежитъ Баратынскому.—Вотъ и все. Въ такомъ забвеніи Баратынскаго виноваты: во-первыхъ, глубина его поэзіи, во-вторыхъ, Бѣлинскій съ своимъ ложно-прогрессивнымъ разборомъ его произведеній и, въ третьихъ, хрестоматіи—эти истинныя губительницы поэтовъ негромкихъ, но содержательныхъ“. Приведя затѣмъ отзывъ Пушкина о поэзіи Баратынскаго, г. Андреевскій заявляетъ: „Не оцѣненная современниками, осужденная по ложнымъ основаніямъ Бѣлинскимъ и, наконецъ, ошипанная хрестоматіями, поэзія Баратынскаго требуетъ реставраціи“. Насколько убѣдительны доводы г. Андреевскаго и удалась ли реставрація Баратынскаго увидимъ ниже. Теперь же напомнимъ въ немногихъ словахъ біографію поэта и опредѣлимъ его отношенія къ Пушкину.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился въ 1800 году. Его отецъ былъ генераль-адъютантомъ, мать до замужества фрейлиной. Такимъ образомъ будущій поэтъ принадлежалъ къ высшему классу общества и былъ предназначенъ къ аристократической карьерѣ. Первоначальное воспитаніе было дано ему подъ руководствомъ дядьки итальянца Жьячинто Боргезе. Разказы итальянца о природѣ, памятникахъ и преданіяхъ Италіи оставили неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной душѣ

поэта. Въ его стихотвореніяхъ неоднократно встрѣчаются мечты о небѣ Италіи, небѣ Торквата, о прахѣ поэтическомъ древняго Рима. Въ вѣчный городъ рвется душа его, „нетерпѣньемъ объята“. Мечты эти впоследствии осуществились. Родители отдали Баратынскаго въ Пажескій корпусъ. Поэтъ попалъ въ кружокъ испорченныхъ товарищей и замѣченъ былъ въ шалости, приведшей къ печальнымъ послѣдствіямъ. Черезъ три года его исключили изъ корпуса „съ запрещеніемъ поступать въ какую либо службу, кромѣ военной: и то не иначе, какъ рядовымъ“. Такой печальный поворотъ судьбы отразился на всей дальнѣйшей жизни Баратынскаго. Помимо внѣшнихъ обстоятельствъ онъ развилъ въ душѣ его пессимистическое настроеніе, постоянно проникающее его поэзію. Проживъ нѣкоторое время у горячо любившей его матери въ родовомъ Тамбовскомъ имѣніи, Баратынскій поступилъ рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, находившійся въ Петербургѣ. Юноша солдатъ, уже начавшій испытывать свои силы на поэтическомъ поприщѣ, довольно близко сошелся съ лицейскимъ кружкомъ Пушкина, а чрезъ него съ Жуковскимъ и Плетневымъ. Съ Дельвигомъ онъ нѣкоторое время жилъ на одной квартирѣ. Въ стихотвореніи „Дельвигу“ (1823 г.) Баратынскій съ глубокимъ чувствомъ благодарности вспоминаетъ о дружбѣ Дельвига, который „ввелъ его въ семейство добрыхъ Музъ“. Дельвигъ впоследствии имѣлъ право гордо заявить:

„Пѣвца „Пировъ“ я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденіе“.

Вскорѣ Баратынскій вмѣстѣ со своимъ полкомъ выступилъ въ походъ въ Финляндію. Суровая природа этой страны произвела сильное впечатлѣніе на поэта. Онъ изображаетъ ее въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ и въ лучшей своей поэмѣ „Эдда“. Послѣ тяжелой службы въ Финляндіи Баратынскій въ 1825 году былъ произведенъ въ офицеры и вышелъ въ отставку. Переѣхавъ въ Москву, онъ женился и велъ тихую и скромную жизнь, посвящая ее литературнымъ занятіямъ и поддерживая сношенія съ друзьями. Стихотворенія и поэмы Баратынскаго выходили при его жизни двумя изданіями. Въ 1842 году онъ собралъ все, что было имъ написано послѣ 1835 года, когда вышелъ второй сборникъ его произведеній, и издалъ подъ заглавіемъ „Сумерки“. Незадолго до смерти онъ предпринялъ путешествіе за границу, посѣтилъ Германію, Францію и Италію. Весною 1844 года Баратынскій пріѣхалъ въ Неаполь и здѣсь въ концѣ іюня скоростижно скончался. Тѣло его было перевезено въ Россію и погребено на Александро-Невскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Мы уже говорили о близкихъ отношеніяхъ Баратынскаго къ Дельвигу. Съ Пушкинымъ у Баратынскаго особой близости не было, но

дружественныя отношенія никогда не прерывались, хотя подробно судить о нихъ мы не имѣемъ данныхъ, такъ какъ переписка ихъ дошла до насъ въ очень скудномъ количествѣ. Писемъ Пушкина къ Баратынскому совсѣмъ нѣтъ, а отъ Баратынскаго къ Пушкину сохранилось всего три письма. Изъ этихъ писемъ мы видимъ, что поэты были между собою „на ты“ и что Баратынскій очень цѣнилъ произведенія Пушкина и благодарилъ его за лестные отзывы о своихъ стихотвореніяхъ. Въ перепискѣ своей съ другими лицами Пушкинъ постоянно хвалитъ Баратынскаго. Въ „Кишиневскомъ Дневникѣ“ 1821 г. Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку: „Баратынскій—прелестъ“. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, (Кишиневъ, 2 января 1822 г.) онъ восклицаетъ: „Но каковъ Баратынскій! Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагаль до сихъ поръ. Въѣдъ 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенія нѣтъ“. Черезъ 2 года въ письмахъ къ Бестужеву Пушкинъ два рыва повторяетъ восклицаніе: „Баратынскій—прелестъ, чудо!“ Въ „Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ, замѣчаній (1825—1827 гг.)“ мы находимъ такой приговоръ: „Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ“. Ко всему этому нужно прибавить сравнительно большую статью о Баратынскомъ въ 1831 году. Здѣсь Пушкинъ старается опредѣлить причины неуспѣха поэзіи Баратынскаго въ обществѣ и журналахъ. „Изъ нашихъ поэтовъ, говоритъ онъ, Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался благосклонностью журналовъ—оттого-ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exgération) модной поэзіи“, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной.... Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслить.... Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненныя колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды (Батюшкова)“. Мы видѣли выше, что отзывы Пушкина о литературномъ значеніи своего друга Дельвига были пристрастны. Не тоже ли нужно сказать и о сужденіяхъ великаго поэта относительно Баратынскаго? Въ извѣстномъ смыслѣ они имѣютъ цѣнность и справедливы. Дѣйствительно, въ сравненіи съ Дельвигомъ Баратынскій выше и поэзія его характерна для своего времени. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ мѣтко опредѣляетъ Баратынскаго, назвавши его нашимъ Гамлетомъ. Онъ отмѣчаетъ оригинальность его мысли, разочарованіе, прекрасныя картины природы въ „Эддѣ“. Баратынскій несомнѣнно выда-

вался среди современных Пушкину поэтов этими особенностями своего творчества. Но оценка его поэзии при более широкой точке зрения в сравнении с поэзией самого Пушкина, запросами и идеалами его времени и последующими стремлениями мысли—покажет, что Баратынский при всей его оригинальности не выступает из предельной Пушкинской плеяды и принадлежит к числу второстепенных поэтов.

Постараемся отметить особенности творчества Баратынского. Во первых, нашего поэта никак нельзя упрекнуть в подражательности. Его стихотворения дышат оригинальностью мысли и чувства. Среди них встречаем следующий совет знаменитому польскому поэту.

„Не подражай: своеобразенъ гений
И собственнымъ величьемъ великъ;
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творить себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный!
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!“.

У Баратынского среди стихотворений и поэмы очень немного переводов и подражаний.

Просматривая стихотворения его, мы подметили слѣды влияния Пушкина. Влияние это сказывается в томъ, что Баратынский иногда употребляетъ выраженія, созданныя Пушкинымъ, или подобныя имъ. Такъ осень онъ называетъ „вечеромъ года“ очевидно подъ впечатлѣніемъ „утра года“ весны у Пушкина. Въ стихотвореніи „Буря“ мы находимъ стихи:

Когда придетъ желанное мгновенье,
Когда волнамъ твоимъ я вѣрюсь океанъ.

Это отзвукъ извѣстой элегии Пушкина „Къ морю“. Въ другомъ мѣстѣ пушкинское выраженіе: „оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ“ у Баратынского является въ формѣ „вопрошаю я преданія вѣковъ“. Наконецъ укажемъ стихотвореніе „Прогоня жизни“, имѣющее много общаго съ „Телѣгой жизни“ Пушкина. Не забудемъ, что все это влияние внѣшнее касающееся языка. Одна только оригинальная черта неприятно поражаетъ современнаго читателя. Языкъ Баратынского при всей его образности и сжатости, отличается обиліемъ архаизмовъ и своеобразныхъ выраженій рѣзущихъ наше ухо. Напримѣръ: очесь, древень, омовень, ластюсь, упоеваетъ, таинственный, вѣтра, согласье прямъ (спорамъ) его лія и т. п. Баратынский былъ правъ говоря:

Не ослѣпленъ я Музою моею:
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Приманивать изысканнымъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица не общимъ выраженіемъ,—
 Ея рѣчей спокойной простотой;
 И онъ, скорѣй, чѣмъ ѣдимъ осужденіемъ,
 Ее почититъ небрежной похвалой.

Вторая особенность, придававшая поэзіи Баратынскаго „не общее выраженіе“—это ея элегическій и философскій характеръ. Элегическіе мотивы не вызывались какими нибудь случайными обстоятельствами жизни, а зависѣли отъ постояннаго настроенія поэта. Выше мы указали, что Пушкинъ называлъ Баратынскаго Гамлетомъ. Только названіе это слѣдуетъ примѣнять къ Баратынскому съ нѣкоторой поправкой. По словамъ профессора Стороженко: ¹⁾ „Разница между англійскимъ Гамлетомъ и его русскимъ соименникомъ состоитъ въ томъ, что у Гамлета рефлексія и анализъ преобладаютъ надъ активной силой, парализуютъ его волю, мѣшаютъ ему придти къ какому нибудь твердому рѣшенію, а у Баратынскаго рефлексія и анализъ отравляютъ своимъ прикосновеніемъ сладкое чувство бытія, мѣшаютъ ему отдаться своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, жить какъ живутъ другіе“. Сильное чувство и пытливый умъ вѣчно враждовали въ поэтѣ и мѣшали его счастью.

„Пока человѣкъ естества не пыталъ
 Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
 Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
 Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
 Покуда природу любилъ онъ, она
 Любовью ему отвѣчала:
 О немъ дружелюбной заботы полна,
 Языкъ для него обрѣтала.
 . . . . .
 Но чувства презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму.
 Вдался въ суету изысканій,
 И сердце природы закрылось ему.
 И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Обращаясь къ истинѣ поэтъ говорить:

„въ твоей наукѣ строгон
 Я счастья не найду.

¹⁾ Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 г., стр. 266, ст. „Поэтъ-мыслитель“.

Въ стихотвореніи „Послѣдній поэтъ“ изображается пагубное дѣйствіе науки на поэзію.

„Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часть отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Послѣдній поэтъ

Воспѣваетъ простодушной,
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣня,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!“

Противъ такого міровоззрѣнія Баратынскаго выступилъ со своей сокрушительной критикой Бѣлинскій. Онъ доказывалъ, что нападки на науку, иссушающую ключъ поэзіи, не справедливы. По мнѣнію Бѣлинскаго, наука должна играть въ общественной жизни главную роль, упрочивать побѣду челоѣка надъ своими древними врагами — матеріею, пространствомъ и временемъ. Сочувствіе той порѣ, когда челоѣкъ руководствовался суевѣрными взглядами на природу, въ наше время странно. Г. Андреевскій, опровергая придирки, по его мнѣнію, Бѣлинскаго старается оправдать Баратынскаго. „Конечно, Баратынскій не могъ не цѣнить завоеваній культуры. Онъ указывалъ только на фактъ безспорный, на фактъ, единогласно признаваемый челоѣчествомъ, что знаніе имѣетъ и свою тѣневую сторону, что оно, обогащая нашъ умъ, отнимаетъ часть прелести у окружающихъ предметовъ, что наука сушитъ, что все раскрытое перестаетъ быть привлекательнымъ“. Хотя эти замѣчанія вѣрны, но все таки Бѣлинскій былъ правъ, возставая противъ міровоззрѣнія Баратынскаго, даже доказывая пользу наукъ, изобрѣтеній желѣзныхъ дорогъ и т. п. Баратынскій не въ одномъ стихотвореніи и не случайно говоритъ о пагубномъ вліяніи науки на поэзію, это его глубокое убѣжденіе. Съ такимъ убѣжденіемъ критикъ имѣетъ право вступать въ борьбу. Мы замѣтили уже, что поэзія Баратынскаго имѣетъ философскій характеръ. Дѣйствительно его элегіи постоянно заключаютъ разсужденія о загадкахъ и задачахъ бытія. Къ сожалѣнію нужно сознаться, что философія Баратынскаго доморощен-

ная и дальше жалобъ на пагубное дѣйствіе науки, истины и призывовъ къ вѣрѣ „въ смиреніи сердца“—не идетъ.

Въ письмѣ къ А. С. Пушкину въ 1826 году мы находимъ слѣдующія признанія: „Намъ очень нужна философія.. Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю нѣмецкихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философски.—Впрочемъ, какое о томъ дѣло—особливо тебѣ,—Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову“.

Недостатокъ образованія и начитанности въ научныхъ и философскихъ вопросахъ отзывается въ размышленіяхъ Баратынскаго. Незнаніе нѣмецкаго языка и другія вѣроятно причины помѣшали ему примкнуть къ кружку московскихъ философовъ. Общеніе съ нимъ укрѣпило бы его міровоззрѣніе и дало новый толчекъ творчеству. Философская среда, какъ извѣстно, благотворно подѣйствовала на развитие Бѣлинскаго и даже нашла откликъ въ думахъ поэта самоучки Кольцова. При данныхъ же обстоятельствахъ размышленія поэта часто заканчиваются глубокимъ пессимизмомъ. Таково обращеніе къ смерти:

„О дочь верховнаго ээира,
О свѣтозарная краса!
Въ рукахъ твоихъ олива мира,
А не губящая коса!
Дружится праведной тобой
Людей недружная судьба.
Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей!“

Недовольство жизнью, жалобы на рефлексію, убивающую сѣмена наслажденій и счастье, пессимизмъ—все это сближаетъ Баратынскаго съ нашимъ временемъ. Въ началѣ вѣка онъ былъ одинокимъ явленіемъ въ жизнерадостной средѣ русскихъ поэтовъ, къ концу вѣка онъ находитъ поклонниковъ и оживаетъ въ нашей памяти. „Баратынскій, говоритъ г. Андреевскій, долженъ быть признанъ отцомъ современнаго пессимизма въ русской поэзіи, хотя дѣти его ничему у него не учились, потому что едва ли заглядывали въ его книгу“. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее пророческое стихотвореніе нашего поэта:

„Мой даръ убогъ, и' голосъ мой не громокъ,
 Но я живу, и на землѣ моей
 Кому нибудь любезно бытіе.
 Его найдетъ далекій мой потомокъ
 Въ моихъ стихахъ. Какъ знать? Душа моя
 Окажется съ душой его въ сношеньи,
 И какъ нашель я друга въ поколѣньи,
Читателя найду въ потомствѣ я.

4.

„Смертью Языкова русская поэзія понесла чувствительный и незабвенный уронъ. Въ немъ угасла послѣдняя звѣзда Пушкинскаго созвѣздія, съ нимъ навсегда умолкли послѣдніе отголоски Пушкинской лиры“. Такъ писалъ въ 1847 году въ извѣстной уже намъ статьѣ князь Вяземскій. Наравнѣ съ Баратынскимъ и Дельвигомъ Языковъ былъ выдающимся представителемъ Пушкинской плеяды. Въ свое время его поэзія пользовалась большою популярностью. Не забыта она и теперь: ни одна хрестоматія не обходится безъ стихотвореній Языкова: „Пловецъ“ (Нелюдимо наше море...), „Землетрясеніе“, „Пророкъ“, „Чудское озеро“ и др. Николай Михайловичъ Языковъ, потомокъ древняго боярскаго рода, родился въ 1803 году въ Симбирскѣ. Двѣнадцатилѣтняго мальчика привезли въ Петербургъ и опредѣлили въ горный корпусъ, гдѣ уже воспитывались его братья. У будущаго поэта, одареннаго живымъ и увлекающимъ характеромъ, было менѣе всего склонности къ сухимъ математическимъ и естественнымъ наукамъ. Кое какъ окончивши курсъ, Языковъ попытался было продолжать образованіе въ инженерномъ институтѣ, но безуспѣшно. Уже въ корпусѣ онъ сталъ писать стихи и сошелся съ литераторами. На начинающаго поэта обратилъ свое вниманіе извѣстный писатель и другъ Жуковскаго Воейковъ. Въ 1823 году Языковъ съ рекомендательными письмами Воейкова отправился въ Дерптъ слушать лекціи въ университетѣ. Здѣсь развился и получилъ опредѣленный характеръ талантъ молодого поэта. Дышашія вдохновеніемъ и поражающія силою и образностью языка, студенческія пѣсни Языкова, воспѣвавшаго пиры и любовь, стали появляться въ печати и независимо отъ нея распространяться въ кругу молодежи. Ученіе было почти забыто. Поэтъ проводилъ время въ веселомъ кругу товарищей, настоящихъ нѣмецкихъ буршей. Импровизированные вакхическіе стихи Языкова распѣвались его собутыльниками. Нѣкоторые изъ нихъ, можно сказать облетѣли всю Россію. Талантъ Языкова высоко оцѣнили Пушкинъ и Жуковскій и много ждали отъ начинающаго поэта. Будучи студентомъ Дерптскаго университета, Языковъ близко познакомился съ Пушкинымъ. Проводя лѣто въ Тригорскомъ имѣніи своего товарища

Вульфа, онъ часто посѣщалъ великаго поэта, жившаго тогда въ селѣ Михайловскомъ. О времени, проведенномъ съ Пушкинымъ, Языковъ вспоминалъ, какъ о лучшемъ въ своей жизни.

„Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?

.....
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы,
Неслися наши вечера.

говорить Языковъ въ стихотвореніи „Тригорское“. Поэты обмѣнялись нѣсколькими веселыми посланіями. До конца жизни Пушкинъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Языковымъ. Оцѣнки поэзіи Языкова мы не находимъ у Пушкина. Ея особенности опредѣлились уже послѣ смерти великаго поэта. Нѣсколько стихотвореній Языкова посвящены нянѣ Пушкина „свѣтъ-Родионовнѣ“, которая угощала юныхъ поэтовъ и любила слушать ихъ вдохновенныя бесѣды. Узнавъ о ея смерти, поэтъ съ грустью замѣчаетъ:

„Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ,
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ,
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней“.

Среди пировъ и разгула пролетѣла веселая юность Языкова. Онъ оставилъ до окончанія курса и безъ диплома университетъ и поселился въ Москвѣ, гдѣ поступилъ на службу въ Межевую канцелярію. Черезъ два года онъ уволился по прошенію съ чиномъ коллежскаго регистратора, не чувствуя никакой склонности къ канцелярскимъ занятіямъ и желая всецѣло предаться литературной дѣятельности. Но не суждено было Языкову спокойно работать, предаваясь „милой страсти“ къ литературѣ въ спокойномъ уединеніи. Молодость, проведенная въ разгулѣ, среди пировъ, не могла не оказать вліянія на здоровье поэта. Расшатанный организмъ его постигла тяжелая болѣзнь, отъ которой онъ тщетно искалъ исцѣленія дома и за границей. Во время скитаній по минеральнымъ водамъ и въ Москвѣ въ минуты облегченія онъ не оставлялъ поэтическаго творчества. Но теперь, сообразно съ тяжелыми физическими страданіями, оно принимаетъ новый характеръ.

Поэтъ ищетъ утѣшенія въ религіи, и удалые вакхическіе мотивы смѣняются религіозными. Читая Библію и русскую исторію, Языковъ вдохновляется библейскими и патріотическими сюжетами.

Къ этому времени относятся переложенія псалмовъ и стихотвореніе „Землетрясеніе“, гдѣ опредѣляется высокое назначеніе поэта, какъ пророка, посредника между людьми и Божествомъ, приносящаго современному человѣчеству

„Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены“.

Этотъ поворотъ, говорятъ, въ поэзіи Языкова къ религіозному гимну особенно высоко ставилъ Гоголь, съ которымъ нашъ поэтъ встрѣтился и познакомился въ Римѣ. Къ концу 1846 года болѣзнь осложнилась и Языковъ скончался въ Москвѣ 26-го декабря.

Душевный складъ и обстоятельства жизни несомнѣнно наложили свой отпечатокъ на поэтическое творчество Языкова. Онъ поэтъ романтикъ по преимуществу. Романтизмъ Языкова мы понимаемъ не въ смыслѣ романтизма Жуковскаго, вводившаго въ русскую литературу фантастическія баллады и оплакивавшаго горе и утраты земного бытія, а въ смыслѣ позднѣйшаго романтизма Пушкина, называемаго иногда новороманизмомъ. Языковъ въ своихъ стихахъ выражаетъ стремленіе вырваться изъ сковывающихъ свободный полетъ поэзіи условій жизни. Цѣною борьбы онъ готовъ заслужить себѣ свободу и овладѣть идеаломъ. Такое стремленіе звучитъ, какъ основной тонъ, и въ раннихъ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ и въ позднѣйшихъ религіозныхъ. Для примѣра можно указать одно изъ юношескихъ стихотвореній, прекрасно характеризующее основной мотивъ поэзіи Языкова.

Молитва.

Молю святое Провѣденье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени.
Пусть, неизмѣненъ жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валь бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Какъ родственныя романтическому направленію поэзіи, особенно удачны у Языкова стихотворенія, посвященныя описанію моря и борьбы человѣка съ нимъ. И до сихъ поръ нравится его „Пловецъ“ (Нелюдимо наше море)... Картины моря во время бури въ часы спокойствія принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ Языкова и вмѣстѣ съ тѣмъ русской литературы. Языковъ, если можно такъ выразиться, превосход-

ный поэтъ маринистъ, и къ нему вполне могутъ быть приложены слова Пушкина, обращенныя къ Байрону:—„онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!“ Высокій подъемъ вдохновенія обнаруживаетъ Языковъ въ стихотвореніяхъ на религіозныя темы. Но и здѣсь онъ остается романтикомъ. Не раскаянье, не молитву души, истомленной горемъ и обращающейся къ Божеству за утѣшеніемъ и помощью, а все ту же борьбу съ міромъ изображаетъ онъ въ религіозныхъ гимнахъ. Его идеалъ—поэтъ, чистый духомъ и тѣломъ, безпристрастный судья человѣческихъ заблужденій, благодаря дару вдохновенія, стоящій ближе всѣхъ къ Божеству. Его завѣтъ поэту—пророку:

„Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнью торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!“

Еще одинъ мотивъ слѣдуетъ указать въ поэзіи Языкова: это стихотворенія народно-патріотическія, стоящія въ связи со славяно-фильскими воззрѣніями поэта къ концу своей жизни. Но они отличаются уже меньшими достоинствами и не представляютъ самостоятельности. Въ нихъ Языковъ перекладываетъ въ стихи лѣтописныя сказанія, а иногда даже подражаетъ Пушкину. Современная Языкову критика относилась къ нему различно. Одни обращали вниманіе на положительныя стороны его таланта и справедливо видѣли въ немъ выдающагося поэта пушкинской школы. Другіе порицали его за анакреонтическія стихотворенія разгульнаго характера. Наиболѣе вѣрной слѣдуетъ считать оцѣнку Вѣлинскаго. По его словамъ „имя Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикой: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русской литературы. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ, и его смѣлость была заслугою“. Языковъ, наряду съ другими поэтами пушкинской школы, способствовалъ освобожденію русской литературы отъ ложноклассицизма, долгую и упорную борьбу съ которымъ вели новоромантики во главѣ съ Пушкинымъ. Внѣшность поэзіи Языкова, ея стихъ, образы и выраженія отличаются оригинальностью и силою. „И недаромъ—говорить Гоголь—пришлось ему имя Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ

арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы-ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключить такъ, что остановишься пораженный“.

5.

Въ творествѣ охарактеризованныхъ выше поэтовъ пушкинской плеяды мы замѣчаемъ очень любопытное явленіе. Каждый изъ нихъ отдавалъ предпочтеніе какому нибудь одному изъ видовъ поэзіи, нашедшихъ себѣ выраженіе въ многостороннемъ творествѣ Пушкина. Такъ Языковъ разрабатывалъ преимущественно сюжеты романтическіе, Баратынскій—элегическіе, а Дельвигъ—народно-идиллическіе. Другіе болѣе мелкіе поэты плеяды тоже могутъ быть подведены подъ указанныя рубрики. Патріотическія—романтическія думы Рылѣева приближаютъ его къ Языкову, князь Вяземскій и Плетневъ по своимъ стихотвореніямъ, также какъ и по критическимъ наклонностямъ примыкаютъ къ Дельвигу, Веневитиновъ, преждевременно скончавшійся юноша—поэтъ, любимецъ Пушкина, по любви къ философскимъ размышленіямъ и элегическимъ мотивамъ нѣсколько подходитъ къ Баратынскому. Почти всѣ поэты плеяды такъ или иначе близко стояли къ Пушкину не только въ поэзіи, но и въ жизни. Связь между ними поддерживалась и личнымъ общеніемъ и перепиской. вмѣстѣ съ Пушкинымъ плеяда своей литературной дѣятельностью наносила сокрушительные удары отживавшему свой вѣкъ классицизму и распространяла новые романтическіе мотивы поэзіи. Въ этомъ главная заслуга поэтовъ плеяды для русской литературы. Носители идеаловъ пушкинской поэзіи, они оставались имъ вѣрными до конца дней своихъ. Самостоятельности въ творествѣ они большей частью лишены. Продолжать движеніе, сообщенное литературѣ Пушкинымъ, не имъ было суждено. Они исключительно жили завѣтами пушкинской эпохи и потому въ новомъ поколѣніи были либо забыты, либо, подобно Баратынскому, осуждены критикой. „Они, по словамъ г. Пыпина, могли хранить пушкинское преданіе, но лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сами его принимали: предоставленные сами себѣ, они (за рѣдкими исключеніями) не въ состояніи были понять того литературнаго движенія, которое наступило уже вскорѣ по смерти Пушкина, въ сороковыхъ годахъ“.

В. С. Губинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стр.
Предисловіе	V.
<i>А. М. Лобода.</i>	
У колыбели Пушкина	1.
<i>П. Кудрявцевъ.</i>	
А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературнаго развитія . . .	31.
Глава I. Пушкинъ въ родной семьѣ	35.
" II " въ лицѣ	43.
" III " въ Петербургѣ	56.
" IV " на югѣ Россіи	67.
" V " въ Михайловскомъ	99.
" VI Отъ Москвы до Болдина	130.
" VII Снова въ Петербургѣ	150.
Стихотвореніе А. Б. Гуревича	163.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

<i>Г. О. Булашѣвъ.</i>	
А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи	1.
<i>В. С. Рыбинскій.</i>	
А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ	118.
<i>Н. И. Петровъ.</i>	
Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи	153.
<i>А. Степовичъ.</i>	
I. А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи	169.
II. А. С. Пушкинъ у славянъ	187.
<i>Священникъ I. Троицкій.</i>	
Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина	199.
<i>Д. Симичскій.</i>	
А. С. Пушкинъ какъ литературный дѣятель	238.
<i>В. С. Рыбинскій.</i>	
Пушкинская плеяда	256.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Заглавная страница	I.
Портретъ Пушкина по рис. худ. Лебедева	III.
" " " " " Брюллова	IV.
Заставка—Пушкинъ—Гутенбергъ	V.
Заставка—Эмблема совр. мира	VIII.
Портреты: Императрицы Екатерины II, Ломоносова и памят. Импер. Петра I. . .	1.
Портретъ Вольтера	10.
Портреты: Карамзина, Сумарокова и Новикова	11.
Норвежскія ладьи	20.
Портреты: Крылова и Ф.-Визина	21.

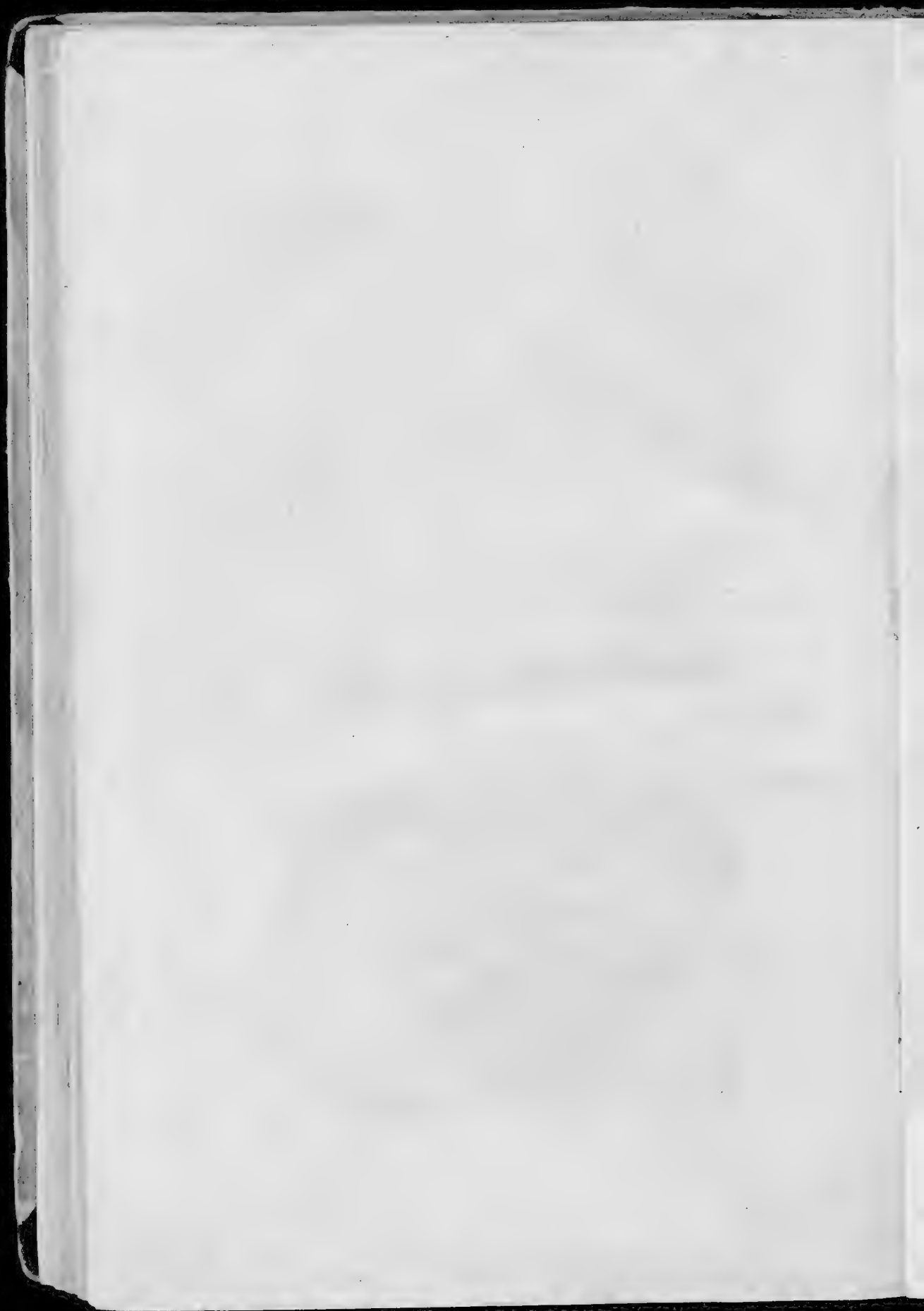
	Стр.
Ф.-Визинъ у Императрицы Екатерины II	30.
Заставка —портретъ Пушкина	31.
Портретъ Анненкова	31.
Портретъ Поливанова	34.
Портретъ Пушкина и его родителей	35.
Домъ, гдѣ родился Пушкинъ	42.
Царско-Сельскій лицей	43.
Пушкинъ—лицейскъ	43.
Уголокъ лицейскаго сада	55.
Пушкинъ и Онѣгинъ	56.
Пушкинъ съ картин. худ. Крамского	66.
Портретъ Байрона	67.
Уголокъ Крыма	98.
Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ	99.
Дорога въ село Михайловское	129.
Пушкинъ съ карт. худ. Кипринскаго	130.
Пушкинъ встрѣчаетъ прахъ Грибоѣдова	149.
Дуэль Пушкина съ Дантесомъ	150.
Н. Н. Пушкина	150.
Могила Пушкина	162.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Заставка—Эльбрусъ и видъ Крыма	1.
Татарка	1.
Городъ Екатеринославъ	4.
Городъ Мухетъ	7.
Гротъ Лермонтова	8.
Гора Эльбрусъ	11.
У чернаго моря	12.
У чернаго моря	20.
Городъ Кишиневъ	21.
Городъ Кишиневъ	36.
Домъ Инзова	37.
Городъ Кишиневъ	40.
Окрестности Кисловодска	41.
Окрестности Кисловодска	47.
Городъ Измаилъ прежде	48.
Городъ Измаилъ теперь	61.
Типъ цыганки	62.
Красавица молдаванка	70.
Рѣка Терекъ	71.
Дарьяльское ущелье	76.
Вахчисарайскій фонтанъ	77.
Окрестности Пятигорска	87.
Виды г. Одессы	88.
Городъ Одесса	98.
У цыганскаго шатра	99.
Типы грузинъ	113.
Прощаніе Пушкина съ моремъ	114.
Гурзуфъ	117.

	Стр.
Село Михайловское	118.
Пушкинъ и няня	123.
Пейзажъ худ. Ярова	124.
Портретъ А. П. Кернъ худ. Ярова	127.
Пушинъ въ Михайловскомъ	128.
Уголокъ города Севастополя	131.
Артистъ Медвѣдевъ въ роли Германа	132.
Сцена изъ поэмы „Цыганы“	137.
Портретъ Шекспира	141.
Сцена изъ поэмы „граф. Нулинъ“	142.
Уголокъ Кавказа	144.
Сцена изъ др. „Борисъ Годуновъ“	145.
Уголокъ Кавказа	147.
Сцена изъ др. „Борисъ Годуновъ“	148.
Городъ Валоклава	152.
Гора Щекавица	153.
Кн. Олегъ и кудесникъ	153.
Лысая гора	168.
Композиторъ Глинка	169.
Сцена изъ оп. „Евгеній Онѣгинъ“	182.
Сцена изъ оп. „Русланъ и Людмила“	183.
Сцена изъ оп. „Фаустъ“	186.
Красавица цыганка	187.
Уголокъ Крыма	198.
Святогорскій монастырь	199.
Заставка	237.
Портретъ А. С. Пушкина грав. И. Уткинъ	238.
Портреты: Дельвига, Баратынскаго и Языкова	256.
Пушкинъ въ гробу	287.

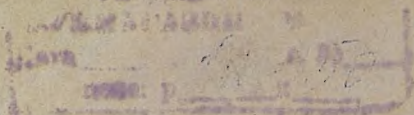

230=00

220.000

345231/880

издательство Фаб. Л. Маршала

Цена 1 руб. 50 коп.